

9444

ЪТОПИСЬ

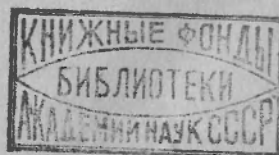

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛЬ

16424

ДЕКАБРЬ

1915 г.

33356

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
I. И. БУНИНЪ. Стихотворенія: Слово. Поэту. Шестикрылый	1
II. М. ГОРЬКІЙ. Воспоминанія. Очерки	4
III. И. ВОЛЬНОВЪ. Круги жизни. Повѣсть.	26
IV. А. ЗАМИРАЛОВЪ, Кира. Разсказъ.	54
V. М. ГЕРАСИМОВЪ. Стихотворенія: Ночной бой. Аргона. Шампань. Весна.	65
VI. МАРТИНЕСЪ СЪЕРРА. Приключеніе. Пер. К. Жихаревой.	70
VII. ПЬЕРЪ МИЛЛЬ. Въ одинъ прекрасный вечеръ. Воръ. Обыкновенная исторія. Ежегодникъ. Переводъ О. Сидерской.	95
VIII. ГЕНРИХЪ ГЕЙНЕ. Послѣсловіе къ „Романцero“. Пер. Натана Венгрова.	110
IX. ЮГАННЕСЪ ЛИННАНКОСКИ. Человѣкъ древняго Рима. Пер. Г. Тюнни.	116
X. ЭЙНО ЛЕЙНО. Илерми. Баллада. Пер. Г. Тюнни.	120
XI. М. ГОРЬКІЙ. Двѣ души.	123
XII. В. БАЗАРОВЪ. Единство культуры и национализмъ.	135
XIII. А. ПИНКЕВИЧЪ. Писаревъ и естествознаніе. (къ 75-лѣтію со дня рожденія).	151
XIV. Г. ЗЕЗЕМАНЪ. Война и наша валюта.	166
XV. В. ПЛУТАЛОВЪ. Дорожный разговоръ.	183
XVI. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢШЕ. В. ВОЛГИНЪ. Балканскія дѣла. — А. ЛОЗОВСКІЙ. Литература о будущемъ мирѣ. (Письмо изъ Франціи.) — М. ПАВЛОВИЧЪ. Румынія въ международномъ конфликтѣ. — В. КЕРЖЕНЦЕВЪ. Англійскія настроенія	197
XVII. ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО. А. ХИРЬЯКОВЪ. Въ лабораторіи Л. Н. Толстого. — АРС. АВРАМОВЪ. Скрябинъ. — А. ЛЕВИНСОНЪ. Судьба картины	249

XVIII.	ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. НЕСТОРЪ. Прогрессивный блокъ и бюрократія. — Б. БОГДАНОВЪ. Кооперация и продовольственный кризисъ. — М. ПЕТРОВЪ. Къ современному муниципальному кризису. — А. НИКИТСКІЙ. Бюджетъ 1916 года и наши финансы. — П. ШАСКОЛЬСКІЙ. Евреи въ высшей школѣ.	274
XIX.	Нужны ли убѣжденія (Письмо въ редакцію).	323
XX.	А. М. ХИРЬЯКОВЪ. Къ исторіи великаго сердца.	329
XXI.	Л. Н. ТОЛСТОЙ. Дневникъ. (Въ извлеченіяхъ).	332
XXII.	БИБЛЮГРАФІЯ. А. ЛЕВИНСОНЪ. Утраты и труды французской литературы. — А. ПИНКЕВИЧЪ. Дѣтская литература въ 1915 году. — Н. ВЕНГРОВЪ. В. В. Маяковскій. „Облако въ штанахъ“. — Л. ЩЕГЛОВА. И. В. Шмелевъ. „Карусель“. — МИХ. ЛЕВИДОВЪ. Л. Добронравовъ. „Горкій цвѣтъ“. — МИХ. ЛЕВИДОВЪ. Г. Гребеншиковъ. „Въ просторахъ Сибири“. — ВЯЧ. ПОЛОНСКІЙ. Андрей Соболевъ. „Пыль“. — С. АС-ОВЪ. Нагродская. „Злые духи“. — МИХ. ЛЕВИДОВЪ. „Жатва“. Книга 6—7. — С. АС-ОВЪ. „Петроградскіе вечера“. Книга 4-ая. — С. АСТРОВЪ. В. Евгеньевъ. „Н. А. Некрасовъ“. — П. БЕРЕЗИНЪ. Роменъ-Роланъ. „Жизнь Толстого“. — В. Б. М. Н. Покровскій. „Очеркъ исторіи русской культуры“. — В. БАЗАРОВЪ. А. Нѣмовъ. „Идея славянскаго возрожденія“. — А. РЯБИНИНЪ. Ш. Деппере. „Превращеніе животнаго міра“. — VARTHO. Артуръ Шустеръ. „Прогрессъ физики“. — Н. С. Проф. Н. Н. Шапошниковъ. „Протекціонизмъ и свобода торговли“. — Н. С. Об-во имени А. И. Чупрова для разр. общ. наукъ. „Труды комиссіи о дороговизнѣ“.	376
XXIII.	КНИГИ, ПОСТУПИВШИЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ	406
XXIV.	ОБЪЯВЛЕНІЯ	410

Статьи: М. ЛУРЬЕ. Настроенія на Западѣ. — Н. СУХАНОВА. Война и наши настроенія. — Г. ХАЙДМАНА. Кромвелизмъ безъ Кромвеля. — Н. СЕРГІЕВА. Дѣла церковныя — не могли быть помѣщены въ номеръ по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ.

СЛОВО.

*Молчатъ гробницы, муміи и кости, —
Лишь Слову жизнь дана:
Изъ древней тьмы, на міровомъ погостъ,
Звучатъ лишь Письмена.*

*И нѣтъ у насъ иного достоянья!
Умѣйте же беречь,
Хоть въ мѣру силъ, въ дни злобы и страданья
Нашъ даръ безсмертный — рѣчь.*

Ив. Бунинъ.

ПОЭТУ.

*Въ глубокихъ колодцахъ вода холодна,
И чѣмъ холоднѣе, тѣмъ чище она.
Пастухъ нерадивый напьется изъ лужи
И въ лужь напоитъ отару свою,
Но добрый опуститъ въ колодець бадью,
Веревку къ веревкѣ привяжетъ потуже.*

*Безцѣнный алмазь, оброненный въ ночи,
Рабъ ищетъ при свѣтѣ грошовой свѣчи,
Но зорко онъ смотритъ по пыльнымъ дорогамъ,
Онъ ковшикомъ держитъ сухую ладонь,
Отъ вѣтра и тьмы ограждая огонь,
И знай: онъ съ алмазомъ вернется къ чертогамъ!*

Ив. Бунинъ.

ШЕСТИКРЫЛЫЙ.

Мозаика въ соборъ.

*Альль Ты въ заревахъ Батяя —
И потемнѣль Твой жуткій взоръ.
Ты крылья рыже-золотыя
Въ священномъ трепетъ простеръ.*

*Узрѣль Ты Грознаго юрода
Монашескій истертый шлыкъ —
И навсегда въ изгибъ свода
Застыль Твой большеглазый ликъ.*

Ив. Бунинъ

ВОСПОМИНАНІЯ.

I.

Свѣтло-сѣрое съ голубымъ.

Сухой, холодный день осени. По двору тоскливо мечется пыльный, вѣтеръ, летаютъ крупныя перья, прыгаетъ комъ бѣлой бумаги; воздухъ наполненъ шорохомъ и свистомъ, а подь окномъ моей комнаты торчитъ нищія и равнодушно тянетъ:

— Господи, Исусе Христе, Сына Божію, поми-илуй насъ...

Лицо у него заржавѣло, стерто, съѣдено язвой, голый черепъ въ грязныхъ струпьяхъ; онъ очень подь стать и грязному двору, и больному дню.

Вѣтеръ треплетъ его лохмотья, вздуваетъ пазуху, бьетъ его пылью по ржавой щекѣ, по уху. Нищія мотааетъ головою и гнусаво выводитъ, съ упорствомъ шарманки, унылый мотивъ:

— Благодѣтели и кормилицы, милостынку, Христа ради, подайте...

— Пошелъ къ чорту! — кричитъ изъ окна моя сосѣдка, дѣвица веселой жизни, маленькая, съ подведенными глазами и румянцемъ отъ ушей до зубовъ.

Нищія что-то урчитъ, вѣтеръ относитъ его слова, но я слышу мѣдный звонъ большой монеты, упавшей на камень двора, и сердитый голосъ дѣвицы:

— На, подавись, подлець!..

Странно, — въ голосѣ ея звучитъ обида, хотя обижаетъ сама она. Я живу рядомъ съ нею третьи сутки и уже дважды слышалъ, какъ эта веселая дѣвушка днемъ поетъ трогательныя пѣсни, а по ночамъ плачетъ скучными, пьяными слезами.

Сегодня она пришла домой на разсвѣтъ и тотчасъ разбудила меня возней, хриплыми рыданіями.

— Эй, сударыня! — крикнулъ я въ щель переборки между нею и мной. — Вы мнѣ мѣшаете спать...

Помолчавъ съ минуту, она снова стала всхлипать и тру-

бить носомъ, толкая въ переборку локтями и пятками, а потомъ начала ругать меня, тщательно выбирая самыя неудобныя слова.

— За что? — спросилъ я.

Она убѣжденно отвѣтила:

— Вы всѣ — собаки!

Но, удовлетворивъ себя этимъ, позвала меня:

— Иди ко мнѣ!

Я не успѣлъ поблагодарить ее за любезность, ибо она тотчасъ же добавила:

— Нѣтъ, не ходи, не надо, а то поутру Мишка придетъ, такъ онъ и тебѣ, и мнѣ...

— Это кто — Мишка?

— Мой кредитный. Тоже сыщикъ.

— А почему тоже?

— Да ты — кто?

— Газетчикъ, писатель...

— Письмоводитель? Тоже, поди-ка, изъ полиціи...

Послѣ этого она уснула, а утромъ, проснувшись, долго вздыхала, потомъ безуспѣшно училась свистать, что-то грызла — сахаръ или сухарь, — наконецъ постучала въ стѣну:

— Сосѣдь!

— Доброе утро...

— Чего-о?

— Съ добрымъ утромъ, говорю...

Она фыркнула:

— Скажите, пожалуйста, какой вѣжливый!.. У васъ нѣтъ... ваксы?

— Нѣтъ.

— Ну, не надо... Ахъ, Господи!

— Что вы?

— Скучно. Васъ какъ зовутъ?

— Іегудилъ.

— Вы развѣ жидъ?

— Нѣтъ, русскій...

— Ну, значитъ, врите...

Поговоривъ въ этомъ тонѣ еще нѣсколько минутъ, она снова захрапѣла, точно ее схватили за горло, и проснулась уже незадолго до появленія нищаго... Проснулась и, вскочивъ съ постели, запѣла весельемъ голосомъ:

„Самара, ты — городъ богатый,

А я, между тѣмъ, сирота.

Самара, тобою, проклятой,

Разбита о счастье мечта...“

Было интересно: почему она, подавъ милостыню, обругала нищаго? Я спросилъ ее объ этомъ сквозь переборку, — она отвѣтила, подумавъ:

— Захотѣла, вотъ и обругала! А что еще?

Вѣтеръ за окномъ бѣсится все яростнѣе, катаетъ по двору соломенный чехоль съ бутылки, перебрасываетъ по камнямъ нитяный носокъ, гоняетъ почтовый конвертъ, солить пылью стѣкла окна. Надъ окномъ, на карнизѣ уныло воркуетъ голубь; раздражая, трещитъ какая-то щепочка; кажется, что сердце умираетъ подъ мелкой, холодной пылью.

Стѣна противъ окошка скупю оштукатурена грязноватой известью; кое-гдѣ известь отвалилась, обнаживъ красный кирпичъ. Небо надъ крышей тоже небрежно оштукатурено сѣроватыми облаками, между ними — глубокия синія ямы, и оттуда льется въ душу тоска.

— Сосѣдъ, — кричатъ изъ-за переборки, — идите чай пить!

— Благодарю васъ, иду...

Комната — меньше моей, и хозяйка ея — наполовину меньше меня. Но она — бойчѣе гостя, смотреть на него смѣло; глаза у нея, дѣйствительно, веселые, голубенькіе, а рожица, съ которой она чисто смыла румяна и прочія краски, — миленькая, чистая, только очень ужъ блѣдная.

— Какой у васъ смѣшной носъ! — говоритъ она, присматриваясь ко мнѣ.

Молчу, улыбаясь, и не нахожу отвѣта, потому догадываюсь: сама она — курносая и, должно быть, завидуетъ мнѣ.

Одѣта она ослѣпительно: на ней красная кофточка, зеленый галстукъ съ рыжими подковами, юбка цвѣта бордо; это великолѣпіе увѣнчано серебрянымъ кавказскимъ поясомъ, а надъ ушами, на гладкихъ волосахъ — бантики оранжеваго цвѣта.

— Садитесь, пожалуйста, — говоритъ она солидно. — Въ накладку пьете или въ прикуску?

— Все равно.

Она поучительно замѣчаетъ:

— Кабы было все равно, такъ бы люди не женились!

Въ окна стучитъ пыль.

Бесѣдуемъ.

— Вы — сердитая?

— Я-то? Какъ придется. А что?

— Да вотъ... нищій... Интересно знать: за какую вину вы его обругали? Милостыню подали, а обругали...

Ея полудѣтское, простенькое лицо искажается сердитой,

брезгливой гримасой; дѣвушка смотритъ на меня въ упоръ, — брови ея дрожать, и она говоритъ звенящимъ голосомъ:

— Его бы надо кирпичомъ по башкѣ, — вотъ какъ!

— За что?

— За то!

— А все-таки?

Стукнувъ рукою по столу, она сердито говоритъ:

— Не приставайте! Это даже невѣжливо — прийти въ гости и приставать! Я васъ вовсе не знаю, а вы спрашиваете — про что не надо...

Съ минуту она молчитъ, а я очень смущенъ и желалъ бы уйти изъ этого чулана, но хозяйка его, замѣтивъ мое смущение, примирительно улыбается:

— Ага, испугался... Нѣтъ, ей-Богу же... Спрашиваете вы, а это вовсе и не интересно мнѣ. Я его видѣть не могу, жулика! Онъ вѣдь тотъ самый подлець, который сосваталъ меня одному тутъ судьѣ... Мнѣ тогда еще пятнадцати не было... безъ четырехъ мѣсяцевъ пятнадцать лѣтъ, а онъ ужъ... Развѣ это хорошо? А еще товарищъ папашинъ, вмѣстѣ лакеями служили, въ одной гостиницѣ. Хорошо, что папаша померъ, ничего не зная, а то бы убилъ онъ меня. Мамаша бѣлье стирала на гостиницу, а я носила... Ну, конечно, — дѣвчонка! Пригласили меня въ номеръ, напоили, — ничего не помню! Проснулась — Господи! — какъ раздавленная! Все этотъ виноватъ: онъ устраивалъ... «Двадцать пять рублѣй, — говоритъ, — дадутъ тебѣ, жить весело будешь». Видѣть не могу его, — честное слово! А онъ — хоть бы что! Ходитъ ко мнѣ, проситъ: будто хорошо сдѣлалъ, а я должна всегда его благодарить. Удивительно даже — какое безстыдство въ человѣкѣ! Раньше, когда я у судьи на содержаніи жила, такъ этотъ ко мнѣ каждый день почти шлялся: то рубль дай ему, то полтинникъ. Въ карты играетъ, жулябія несчастная, даже въ тюрьму сажали за карты, въ тюрьмѣ онъ и захворалъ, подлый. Я, бывало, говорю ему: «Ахъ, ты, безстыдный злодѣй, что ты ко мнѣ ходишь? Вѣдь это черезъ тебя я несчастна и даже совсѣмъ погибшая!» А онъ — ничего! «Полно-ка, — говоритъ, — Таня, не сердись, мало ли, кто въ чемъ виноватъ, — всѣхъ не накажешь!» Подумаю я, а вѣдь и вѣрно: развѣ всѣхъ накажешь, которые виноваты? Ну, и завью горе веревочкой...

Виновато улыбаясь, она смотритъ въ лицо мнѣ; потомъ какъ-то вдругъ изъ ея свѣтлыхъ глазъ выкатываются частыя, мелкія слезинки, и, продолжая улыбаться, она говоритъ сконфуженно:

— Вотъ видите! Вогнали меня въ слезы... Давайте лучше о другомъ о чемъ-нибудь поговоримъ...

Бесѣдуемъ о другомъ. Свистить вѣтеръ, бросая въ стѣкла окна пыль. Спрятавъ руки въ карманы, сжимая кулаки, я думаю:

— Всѣхъ не накажешь, чортъ васъ возьми! Ловко устроено — не накажешь...

А дѣвушка мечтательно говорить:

— Красный цвѣтъ не къ лицу мнѣ, я знаю, а вотъ свѣтло-сѣрый или бы голубенькій...

II.

Книга.

Въ паркѣ, у стѣны маленькой старой дачи, среди сора, выметеннаго изъ комнатъ, я увидѣлъ растрепанную книгу; видимо, она лежала тутъ давно, подъ дождями осени, подъ снѣгомъ зимы, прикрытая рыжей хвоей и жухлымъ прошлогоднимъ листомъ. Теперь, когда весеннее солнце высушило ея страницы, склеенныя грязью, уже нельзя было прочитатъ, о чемъ говорятъ поблекшя линии буквъ.

Я пошевелилъ ее носкомъ сапога и пошелъ дальше, думая о томъ, что, можетъ быть, это — хорошая, сердечно написанная книга, и не мало людей, читая ее, волновались, спорили, учились думать; можетъ быть, кого-то она оплодотворила новой мыслью и многихъ, въ холодные часы одиночества, согрѣла своимъ тепломъ.

Мнѣ вспомнилось, какимъ добрымъ другомъ была для меня книга во дни отрочества и юности, и особенно ярко встала въ памяти жизнь на маленькой желѣзнодорожной станціи между Волгой и Дономъ.

Станція стояла въ степи, скудно покрытой сѣрыми былинками, въ пустотѣ и тишинѣ, нарушаемой зимою унылымъ пѣніемъ снѣжныхъ вьюгъ. Лѣтомъ на станціи ныли комары, въ рыжей степи насмѣшливо и тихо свистѣли суслики, въ небѣ, мутномъ отъ зноя, молча кружились коршуны и бѣлые луны.

Бывало, смотришь съ перрона въ степь: надъ пустою землей, въ свинцовой дали струится марево, на бугоркахъ, около своихъ норъ, стоятъ суслики, приложивъ къ остренькимъ мордочкамъ ловкія переднія лапки, точно молятся. А больше никого нѣтъ, — дышишь пустотою, и сердце жалобно сжимается отъ скуки.

Лишь изрѣдка мохнатые чабаны, похожіе на святыхъ отшель-

никовъ съ картинъ, проведутъ съ юга на сѣверъ отару овецъ, и въ тишинѣ степной взвиваются ихъ странные крики:

— Р-ря-о! Р-ря-у...

Подуетъ вѣтеръ, осыплетъ станцію мелкимъ горячимъ пескомъ, принесетъ печальное клохтанье дрофы, свистъ грызуновъ, — и снова тихо, и жизнь кажется безконечнымъ сномъ.

Гдѣ-то, въ степныхъ балкахъ прятались казачьи хутора; позади станци, верстъ за пять, къ Волгѣ, прикурнула на неплодной землѣ деревня — Пески; оттуда къ намъ зимою приходили бойкія дѣвицы очищать отъ снѣга станціонные пути, а по ночамъ на станцію являлись ихъ братья и отцы воровать щиты на топливо и товаръ изъ вагоновъ.

Особенно тяжело жилось въ жаркія лѣтнія ночи: въ тѣсныхъ комнатахъ — нечѣмъ дышать, духота и комары не позволяютъ уснуть; все население станци вылѣзало на перронъ и неприкаянно шлялось повсюду, заводя отъ скуки ссоры, раздражая дежурныхъ воющими зѣвками, жалобами на бессонницу и нездоровье, нелѣпыми вопросами. По двору, точно лунатики, ходятъ женщины въ бѣлыхъ одеждахъ, босыя, съ растрепанными волосами; курится костеръ, прикрытый сырмъ тальникомъ; въ безвѣтренныя ночи дымъ костра встаетъ къ небу сѣрымъ столбомъ, не отгоняя комаровъ, — они рождаются въ мертвыхъ заводяхъ Волги и тучами летятъ сюда, въ сухую степь, на муку людямъ и на свою гибель.

Въ глухой тишинѣ, далеко гдѣ-то и точно подъ землю, рождается тяжелый шорохъ, растеть, окутываетъ станцію желѣзнымъ гуломъ; поютъ рельсы, трясутся лампы; кто-нибудь дремотно говорить:

— Тринадцатый идетъ...

На краю степи, въ черную кожу тьмы вонзился красный лучъ, ранилъ ночь, и по землѣ растекается влажное пятно свѣта, напоминая кровь. Медленно приближаясь, лучъ двоится, и вотъ онъ сталъ похожъ на чьи-то желтые жуткіе глаза, они дрожатъ въ гнѣвномъ возбужденіи, — къ тремъ домикамъ станци ползетъ изъ глубины ночи нѣкое злое чудовище, угрожая гибелью. Знаешь, что это — товарный поѣздъ, но хочется представить себѣ другое, хотя бы страшное, но другое.

Пассажирскіе поѣзда, пробѣгая мимо станци, только усиливаютъ впечатлѣніе неподвижности жизни, углубляютъ сознание отчужденности отъ нея. Остановится поѣздъ на минуту, — изъ оконъ вагоновъ, какъ портреты изъ рамъ, смотрятъ на тебя какіе-то люди; вспыхиваютъ, точно искры въ темнотѣ, загадочные

глаза женщинъ, трогая сердце теплыми лучами мимолетныхъ улыбокъ.

Сердитый свистокъ — и въ облакъ пара поѣздъ скользитъ дальше, лица людей въ окнахъ вагоновъ странно искажаются, вытягиваясь въ бокъ, всѣ въ одну сторону.

Къ этому мельканію жизни быстро привыкаешь; мимо тебя ежедневно проѣзжаютъ одни и тѣ же машинисты, кочегары, кондуктора; кажется, что и люди всегда одни и тѣ же, — они стали неразличимы, точно комары.

На станции служило одиннадцать человекъ, четверо семейныхъ. Всѣ жили точно подъ стекляннымъ колпакомъ, о каждомъ было извѣстно все, чего не нужно знать о человекѣ, и каждый зналъ обо всѣхъ остальныхъ все, что хотѣлъ и не хотѣлъ знать. Всѣ ходили другъ передъ другомъ словно голые; человекъ при первомъ удобномъ случаѣ публично выворачивался наизнанку, понуждаемый скукой къ нечистоплотнымъ откровенностямъ и покаяніямъ.

Играли въ карты, страшно пили водку, порою, обезумѣвъ отъ пьянства и тоски, поражали другъ друга дикими выходками.

Однажды вечеромъ сторожъ Крамаренко, молодой, красивый мужикъ, подошелъ подъ окно квартиры смазчика Егоршина, лысенькаго и богомольнаго старика, женатаго на сиротѣ-казачкѣ, женщинѣ большой и молчаливой, — подошелъ, раздѣлся донага и сталъ орать въ окно:

— Егоршинъ, выходи, собака! Выходи, раздѣвайся, пусть жена твоя видитъ: который лучше!

Казачка, стиравшая бѣлье, выплеснула на грудь ему ковшъ кипятку; онъ завылъ и убѣжалъ въ степь, а Егоршинъ началъ бить жену гаечнымъ ключомъ. Люди отняли женщину, хотѣли отправить ее въ городъ, въ больницу, но казачка отказалась.

— Не надо, сама виновата, зачѣмъ ласково смотрѣла на него, — говорила она, лежа на дворѣ, обмотанная кровавыми тряпками, широко открывъ синіе глаза и облизывая губы маленькимъ языкомъ.

И дважды спросила тихонько:

— Больно я его обварила?

— Ой, безстыжая, — шептались женщины и дѣвицы.

Егоршинъ заперся въ квартирѣ и молился, стоя на колѣняхъ въ лужѣ мыльной воды. Люди смотрѣли на него въ окно и ругали старика.

Утромъ, на другой день, Крамаренко взялъ расчетъ и пѣш-

комъ ушелъ со станци куда-то къ Дону; шель онъ вдоль лини дороги странно-прямо, высоко поднявъ голову, какъ солдатъ на парадѣ.

А черезъ нѣсколько дней и Егоршинъ перевелся на другую станцію.

— Это, братъ, не поможетъ тебѣ, — сказалъ ему Колтуновъ, помощникъ начальника станци, прощаясь съ нимъ. — Тебѣ въ землю надобно переводиться; отъ горя никуда, кромѣ какъ въ землю!..

* * *

Это былъ странный человекъ, — Петръ Ипнатьевичъ Колтуновъ. Всегда полупьяненькій, болливый, онъ, должно быть, имѣлъ какія-то свои догадки о жизни, но выражалъ ихъ неясно, и даже казалось, что онъ не хочетъ быть понятымъ.

Сухоньки, тощи, онъ постоянно встряхивалъ вихрастой, рыжей головой и, прикрывая сѣрые глаза золотистыми рѣсницами, опрашивалъ насъ — меня, вѣсовщика станци, и товарища моего, телеграфиста Юдина, горбатаго и злого:

— Какому Богу служите, ребята, а? Потѣха!

Или вопрошалъ самъ себя:

— Развѣ я для того родился, чтобы меня комары ѣли?

Мы, я и телеграфистъ, часто и горячо говорили о будущемъ, онъ смѣялся надъ нами:

— Потѣха! Вы спросите меня: что будетъ черезъ десять лѣтъ, въ сей день и часъ? Я вамъ вѣрно скажу: то же самое! А черезъ двадцать пять? И тогда — то же самое...

Когда я съ Юдинымъ начали читать Спенсера, онъ, послушавъ, спросилъ:

— Англичанинъ?

— Да.

— Ну, значить, вретъ! Англичанинъ правду никогда не скажетъ.

И не сталъ слушать Спенсера.

Иногда Колтунова одолѣвали припадки нелѣпаго упрямства: онъ крутилъ пальцами обгрызанные усы и тоненькимъ, нервнымъ голосомъ настойчиво старался убѣдить насъ, что «Панъ Твардовскій» написанъ лучше «Фауста», а Тургеневъ барышничалъ лошадыми. Или кричалъ, высоко взмахивая правой рукою:

— Всѣ наши писатели — не русскіе: Пушкинъ — сынъ араба, Жуковский — турчанки, Лермонтовъ — англичанинъ! А которые русскіе, такъ они всѣ — незаконнорожденные...

Онъ былъ сынъ священника изъ Тургайской области, учился въ Тамбовской семинари.

— Выучился водку пить, — пошелъ въ университетъ, въ Казань, — рассказывалъ онъ, и его сѣрые глаза уныло зеленѣли. — Въ нетрезвомъ состояннн души надѣлъ профессорову шубу, шапку и пропилъ снѳ арматуру. Потѣха! Ну, мнѣ предложили освободить университетъ. Ушелъ, лѣтъ пять присматривался къ разнымъ дѣламъ и незамѣтно очутился женатъ. Съ того времени — стопъ машина!

Жена ушла отъ него; онъ жилъ съ дочерью, шестилѣтней рыженькой дѣвочкой, спокойной и серьезной, какъ взрослый человекъ. Ея блѣдное неподвижное личико славно пряталось въ золотѣ кудрей, темные глазки смотрѣли на все сосредоточенно, улыбалась она рѣдко. Все население станци любило ее какою-то особенной любовью, боязливой и осторожной; мужчины при ней тише ругались, женщины ставили ее въ примѣръ своимъ дѣтямъ.

— Смотри, вонъ какая Вѣрочка смирененькая да аккуратная . . .

Отецъ звалъ дочь по имени и отчеству — «Вѣра Петровна»; онъ относился къ ней непонятно, — съ любопытствомъ и; какъ будто, съ боязнью, за которою скрывалась враждебность.

По тѣснымъ путямъ станци маневрируетъ локомотивъ, входитъ поѣздъ съ Дона или Волги, а Вѣра Петровна, въ бѣломъ платочкѣ на золотыхъ кудряхъ, не спѣша идетъ черезъ рельсы; между локомотивами мелькаютъ ея тонкія ножки въ красныхъ нитяныхъ чулкахъ. Она идетъ въ скупую степь собирать бѣдные цвѣты, бѣгать за сусликами съ таловымъ прутомъ въ рукѣ.

Отецъ слѣдитъ за нею изъ окна станци или съ перрона и кусаетъ усы, прикрывъ золотыми рѣсницами воспаленные глаза.

— Запретить бы ей ходить по путямъ, — говорятъ ему.

Но онъ равнодушно отвѣчаетъ:

— Ничего, она — осторожная . . .

Смотришь, бывало, какъ она одиноко расхаживаетъ по пустой землѣ, за версту отъ станци, кланяясь рѣдкимъ цвѣтамъ и травамъ, и все больше не нравятся ея отецъ, станция, люди, — вся эта скучная, полусонная жизнь.

Не разъ по ночамъ она прибѣгала ко мнѣ, окутанная съ головы до ногъ большой, сѣрой шалью, похожая на летучую мышъ, и говорила торопливо, но спокойно:

— Иди, отецъ опять назюзюкался до смерти!

Схвативъ ее на руки, я бѣжалъ на квартиру Колтунова.

Онъ валялся на полу синій, со вздувшимся лицомъ, вытаращенными глазами, похожий на уопленника. Нѣсколько капель наша-

тырнаго спирта съ водою, влитыя ему въ горло, оживляла его, онъ мычалъ, а дѣвочка убиственно-спокойно спрашивала:

— Еще не до смерти?

И сядя на полъ, у головы отца, гладила его рукою по шершавой щекѣ, приговаривая:

— Ахъ, какая пьяница несчастная!..

Юдинъ, любившій дѣвочку больше, чѣмъ другіе, мечталъ:

— Если бы у меня была мать, или какая-нибудь дуреха согласилась бы выйти замужъ за горбатаго, я бы выпросилъ Вѣрочку себѣ. Зачѣмъ она Колтунову?

Онъ былъ золь, дерзокъ, склоненъ къ пессимизму, но гдѣ-то въ глубинѣ его души теплились тоска о лучшей жизни и нѣжное состраданіе къ людямъ.

— Какъ жалко всѣхъ! — вздыхалъ онъ иногда, ночью, во время дежурства, когда мы, прочитавъ какую-нибудь книгу, говорили о ней. — Какъ жалко людей!..

Это чувство онъ бесплодно тратилъ на уходъ за пьяными и больными, на примиреніе семейныхъ ссоръ и на убѣдительныя письма товарищамъ своимъ, телеграфистамъ линіи. Одному онъ совѣтовалъ жениться, другому — играть на скрипкѣ, третьяго уговаривалъ идти въ колонию толстовцевъ.

Когда я немножко смѣялся надъ нимъ за это, онъ рѣзко возражалъ:

— А что дѣлать? Что можно дѣлать въ этой рыбьей жизни?!

* * *

Мы оба были страстными любителями чтенія, мы читали книги съ ненасытною жадностью, день и ночь, въ свободные часы. Книги были для насъ просвѣтами въ міръ дѣйственной жизни изъ міра мертвой пустоты.

Но очень быстро мы проглотили всѣ книги, какія нашлись на шести станціяхъ между Волгой и Дономъ, и вотъ наступила для насъ полоса духовнаго голода, — муки его знакомы только тѣмъ, кто жилъ въ пустотахъ нашей страны, задыхался въ густой сукѣ ея равнинъ. Нечѣмъ жить — это, кажется, самое жуткое ощущение, испытанное мною.

Долго маялись мы въ поискахъ хорошихъ книгъ, но не находили ничего, кромѣ романовъ Окрейдца, старой «Нивы» и тому подобной нищеты.

Колтуновъ издѣвался надъ нами:

— Что, ребята, издыхаете? Потѣха!

И однажды, сжалившись, предложилъ:

— У меня въ Калачѣ знакомый есть, онъ выписываетъ журналъ. Хотите — попрошу?

Мы стали умолять его; онъ, посмѣявшись, согласился, и черезъ нѣсколько дней кондукторъ пассажирскаго поѣзда вручилъ Колтунову пакетъ и письмо.

— Вотъ онъ, журналъ! — сказала Колтуновъ, побѣдоносно взмахнувъ пакетомъ, но, прочитавъ письмо, закусилъ усы, оглянулся и, сунувъ пакетъ подъ мышку, плотно прижалъ его локтемъ.

— Ну, давай сюда, — попросилъ Юдинъ, радостно улыбаясь большимъ ртомъ.

Колтуновъ приюднялъ плечи и тономъ начальника заявилъ:

— Успѣешь, не лѣзь!

Юдинъ удивился, отступилъ на шагъ; они были друзьями, и Колтуновъ никогда не говорилъ такъ грубо.

— Я схлопоталъ, — мнѣ и читать первому, а вы — послѣ! — лобавилъ Колтуновъ сухо и сердито.

Это и меня обидѣло: раньше читали вслухъ, всѣ вмѣстѣ, или читалъ тотъ, у кого было свободное время. Книгу держали всегда на виду, въ телеграфной.

— Ты что форсишь? — спросилъ Юдинъ, а Колтуновъ отвѣтилъ еще болѣе сердито:

— Отстань! Я хочу читать для отдыха души, а не для спора да вздора. Читать надо молча, а вы разсуждаете: отчего такъ, зачѣмъ не этакъ! Надоѣло мнѣ это! Я хочу одинъ читать, — и убирайтесь къ чорту!

Онъ заперъ книгу въ ящикъ своего стола и до конца дежурства не разговаривалъ съ нами, гнѣвно озираясь, словно испуганный чѣмъ-то. Когда онъ, кончивъ дежурство, уходилъ къ себѣ, Юдинъ сказалъ ему:

— Ляжешь спать, положи книгу на видномъ мѣстѣ, я зайду, возьму ее . . .

Онъ не отвѣтилъ, только усмѣхнулся.

Около полуночи Юдинъ предложилъ мнѣ:

— Пойди-ка, возьми книжку, онъ, навѣрное, дрыхнетъ уже.

Днемъ часа полтора непрерывно хлесталъ землю обильный дождь, затѣмъ снова на вымытомъ небѣ явилось знойное солнце, щедро согрѣло землю, — теперь въ степи было темно и душно, какъ въ банѣ. Среди черныхъ тучъ, въ глубокихъ синихъ ямахъ тускло свѣтились золотыя звѣзды, — въ эту ночь всѣ онѣ казались угасающими. Предо мною, какъ бы указывая путь, прыгала лягушка; вдали гудѣлъ поѣздъ; съ водокачки доносилась тихая пѣсня коче-

гара-еврея, косоглазого человѣка, съ печальной улыбкой на красныхъ губахъ, — кажется, ничто не могло стереть эту улыбку съ его остраго смутлаго лица. Изъ окна квартиры Колтунова изливался желтый свѣтъ, падалъ на землю, показывалъ въ темнотѣ штабель шпаль и тонкій стволъ тополя. Сквозь кисею, натянутую въ рамѣ окна, я видѣлъ Колтунова: онъ сидѣлъ за столомъ въ ночномъ бѣльѣ, облокотясь, согнувшись, запустивъ пальцы въ рыжіе волюсы. Его острый небритый подбородокъ судорожно вздрагивалъ, и на книгу, лежавшую между локтями, капали слезы, — при свѣтѣ лампы было хорошо видно, какъ онѣ падали одна за другою, — мнѣ казалось, что я слышу мокрые удары о бумагу. Не хорошо видѣть человѣка, когда онъ плачетъ...

Кромѣ лампы, на столѣ стояла едва початая бутылка водки и тарелка съ кускомъ соленого арбуза. Въ плетеномъ креслѣ спала дѣвочка, свернувшись калачикомъ; лицо ея было сплошь закрыто кудрями, виденъ только ротъ, удивленно открытый. Глубже въ комнатѣ было такъ же темно, какъ въ степи, а освѣщенное пространство напоминало пещеру въ черной горѣ.

Колтуновъ выпрямился, посмотрѣлъ въ окно. Его незначительное лицо, обтаявъ въ слезахъ, казалось еще меньше и незначительнѣе. Вотъ онъ поднялъ книгу надъ лампой и сталъ сушить слезы; посушивъ и потрогавъ пальцемъ страницу, снова качаетъ книгу надъ огнемъ, а изъ глазъ его все катятся слезы, застревая въ усахъ.

Я ушелъ встрѣчать поѣздъ и, встрѣтивъ, сказалъ Юдину:

— Не спать, все еще читаетъ...

— Скотина! — ворчалъ телеграфистъ, выстукивая отправленіе. — Пріятель! Всѣ мы пріатели до перваго вкуснаго куска. Издѣвается...

Передъ разсвѣтомъ я снова стоялъ подъ окномъ, неприязненно разглядывая сквозь кисею маленькаго рыжаго человѣчка. Онъ, должно быть, спалъ: голова опустилась на грудь, руки безсильно лежали на колѣняхъ. Лампа погашена, но горитъ свѣча въ мѣдномъ подсвѣчникѣ, золотое копье огня двукратно отражается въ стеклѣ бутылки, — водки не убавилось. Комната еще темнѣе, чѣмъ была прежде, дѣвочки нѣтъ въ креслѣ, а закрытая книга лежитъ на углу стола, близко къ подоконнику.

Я тихонько прорвалъ кисею, просунулъ руку въ дыру. Колтуновъ вскочилъ на ноги, схватилъ подсвѣчникъ, размахнулся и заоралъ дикимъ голосомъ:

— Прочь! Убью!

Свѣча погасла, но я все-таки видѣлъ незнакомое искаженное лицо, тотчасъ утонувшее во мракѣ.

Черезъ минуту онъ спокойно и грубо спросилъ:

— Это кто?

— Я. За книгой.

— Не дамъ...

Я постоялъ подъ окномъ еще нѣсколько минутъ, глядя въ степь, на востокъ. Тамъ, за тучами, всходило солнце; на желтомъ пятнѣ зари маячилъ маленькій черный всадникъ; по землѣ за нимъ сѣрымъ облакомъ ползла отара овецъ.

Все это — знакомо, все это было. Какъ хорошо смотрѣть въ книгу и видѣть передъ собою другую жизнь!..

Дня четыре Колтуновъ дразнилъ насъ книгой: принесеть ее на станцію и читаетъ одинъ, а когда мы попросимъ — издѣвается:

— Встаньте на колѣни — дамъ!

Юдинъ увѣщавалъ его:

— Дуракъ, вспомни, сколько мы давали тебѣ книгъ!

— Ну, такъ что?

— Ты читалъ же съ нами?

— Вставай на колѣни!

Онъ былъ противенъ и жалокъ, онъ самъ, видимо, чувствовалъ это и, наперекоръ себѣ, все болѣе упрямо дразнилъ насъ. Читаетъ и время отъ времени издаетъ разныя восклицанія.

— Ого! Потѣха! Вотъ какъ!

Эти словечки еще болѣе распаляли наше любопытство, нашу жажду познакомиться съ книгой. Мы такъ не влюбились въ него, что даже на дѣвочку перенесли чувство, вызванное ею отцомъ. И когда она, любимая, подбѣгала къ намъ, мы холодно отстраняли ее, надѣясь хоть этимъ досадить ей отцу.

Я до сего дня помню, съ какимъ недоумѣніемъ смотрѣли на меня и Юдина темные глазки дѣвочки, какъ вздрагивалъ въ улыбка огорченія ея алый ротъ, похожій на цвѣтокъ.

И Колтуновъ видѣлъ это. Но онъ только усмѣхался и дергалъ себя за усы нервнымъ движеніемъ руки.

— Хочется почитать, мальчишки? — спрашивалъ онъ, пряча книгу въ столъ. — А я не дамъ...

— Ударю я его, — грозилъ Юдинъ, задыхаясь и блѣднѣя. — Вотъ что: книгу эту не брать у него, хоть и дасть, — не брать! Ладно?

Я соглашался:

— Ладно.

— Даешь слово?

— Даю.

Смѣшно вспомнить объ этомъ теперь, но въ тѣ дни я искренно страдалъ и боялся чего-то, потому что въ груди порою вскипала такая ненависть къ человѣку, что отъ нея кружилась голова, и передъ глазами мелькали красныя пятна.

Вся станція видѣла, что мы, трое друзей, поссорились; всѣ слышали, какъ Колтуновъ издѣвался надъ нами, всѣ чего-то ждали отъ насъ и что-то внушали намъ безмолвно, пытливыми взглядами, усмѣшками.

Кончилось это очень просто: утромъ Колтуновъ пришелъ на дежурство, бросилъ журналъ Юдину и сказалъ:

— На, читай...

Телеграфистъ схватилъ книгу на лету и тотчасъ молча воткнулъ большой носъ въ оглавление.

Ночью я читалъ вслухъ Юдину незначительный рассказъ о томъ, какъ хорошая женщина ушла отъ дурного мужа на работу для общества, для міра, — читалъ и думалъ:

— Надъ этимъ, что ли, плакалъ Колтуновъ?

Вдругъ онъ ввалился въ дверь и заоралъ, цѣпляясь руками за косяки:

— Н-не смѣть читать!

Ноги у него подгибались, онъ былъ безобразно пьянъ и дико тарачилъ красные, мокрые глаза.

— Н-не смѣть... Никто не понимаетъ ничего... и тѣ, кто пишутъ, и всѣ...

Опустился на полъ, протягивая намъ руки и вскрикивая:

— Молчать!.. Не читать!..

А въ двери, за его спиною, стояла маленькая дѣвочка, Вѣра Петровна, въ разстегнутомъ платицѣ, сползавшемъ съ плечъ, босая и встрепанная, — ея рыжіе кудри поднимались вверхъ, какъ пламя, — стояла и тусклымъ голосомъ спрашивала:

— Зачѣмъ вы его обидѣли?

III.

Какъ сложили пѣсню.

Вотъ какъ двѣ женщины сложили пѣсню, подъ грустный звонъ колоколовъ монастыря, лѣтнимъ днемъ. Это было въ тихой улицѣ Арзамаса, предъ вечерней, на лавочкѣ у воротъ дома, въ которомъ я жилъ. Городъ дремалъ въ жаркой тишинѣ июньскихъ будней. Я, сидя у окна съ книгой въ рукахъ, слушалъ, какъ моя ку-

харка, дородная рябая Устинья, тихонько бесѣдуетъ съ горничной моего шабра, земскаго начальника.

— А еще чего пишутъ? — выпрашиваетъ она мужскимъ, но очень гибкимъ голосомъ.

— Да ничего еще-то, — задумчиво и тихонько отвѣчаетъ горничная, худенькая дѣвица, съ темнымъ лицомъ и маленькими испуганно-неподвижными глазами.

— Значить, — получи поклоны да пришли деньжонокъ, — такъ ли?

— Вотъ . . .

— А кто какъ живетъ, — сама догадайся . . . эхе-хе . . .

Въ прудѣ, за садомъ нашей улицы, квакають лягушки странно-стекляннымъ звукомъ; назойливо плещется въ жаркой тишинѣ звонъ колоколовъ; гдѣ-то на задворкахъ всхрапываетъ пила, а кажется, что это храпитъ, уснувъ и задыхаясь зноемъ, старый домъ сосѣда.

— Родные, — грустно и сердито говоритъ Устинья, — а отойди отъ нихъ на три версты — и нѣтъ тебя, и отломилась, какъ суцокъ! Я тоже, когда первый годъ въ городѣ жила, неутѣшно тосковала. Будто не вся живешь, не вся вмѣстѣ, а половина души въ деревнѣ осталась, и все думается день-ночь: какъ тамъ, что тамъ? . . .

Ея слова славно вторятъ звону колоколовъ, какъ будто она нарочно говоритъ въ тонъ имъ. Горничная, держась за острия свои колѣни, покачиваетъ головою въ бѣломъ платкѣ и, закусивъ губы, печально прислушивается къ чему-то. Густой голосъ Устиньи звучитъ насмѣшливо и сердито, звучитъ мягко и печально.

— Бывало-то, гложнешь, слѣпнешь въ злой тоскѣ по своей-то сторонѣ; а у меня и нѣтъ никого тамъ: батюшка въ пожарѣ сгорѣлъ пьяный, дядя — холерой померъ, были братья, — одинъ въ солдатахъ остался, ундеромъ сдѣлалъ, другой — каменщикъ, въ Бойгородѣ живетъ. Всѣхъ будто половодьемъ смыло съ земли . . .

Склоняясь къ западу, въ мутномъ небѣ виситъ на золотыхъ лучахъ красноватое солнце. Тихій голосъ женщины, мѣдный плескъ колоколовъ и стеклянное кваканье лягушекъ — всѣ звуки, которыми живъ городъ въ эти минуты. Звуки плывутъ низко надъ землею, точно ласточки передъ дождемъ. Надъ ними, вокругъ ихъ, — тишина, поглощающая все, какъ смерть.

Рождается нелѣпное сравненіе: точно городъ посаженъ въ большую бутылку, лежащую на боку, заткнутую огненной пробкой, и кто-то лѣниво, тихонько бьетъ извнѣ по ея нагрѣтому стеклу.

Вдругъ Устинья говоритъ бойко, но дѣловито:

— Ну-ко-сь, Машутка, подсказывай...

— Чего это?

— Пѣсню сложимъ...

И, шумно вздохнувъ, Устинья скороговоркой запѣваетъ:

— Эхъ, да бѣлымъ днемъ, при ясномъ солнышкѣ,
Свѣтлой ноченькой, при мѣсяцѣ...

Нерѣшительно нащупывая мелодію, горничная робко, вполголоса поетъ:

— Безпокойно мнѣ, дѣвицѣ молодой...

А Устинья увѣренно и очень трогательно доводитъ мелодію до конца:

— Все тоскою сердце мается...

Кончила и тотчасъ заговорила весело, немножко хвастливо:

— Вотъ она и началась, пѣсня! Я-те, милая, научу пѣсни складывать, какъ нитку сучить... Ну-ко...

Помолчавъ, точно прислушавшись къ заунывнымъ стонамъ лягушекъ, лѣнивому звону колоколовъ, она снова ловко заиграла словами и звуками:

— Ой, да не зимою вьюги лютя,
Ни весной ручьи веселье...

Горничная, плотно придвинувшись къ ней, положивъ бѣлую голову на круглое плечо ея, закрыла глаза и уже смѣлѣе, тонкимъ вздрагивающимъ голоскомъ продолжаетъ:

— Не доносятъ со родной стороны
Сердцу вѣсточку утѣшную...

— Такъ-то вотъ! — сказала Устинья, хлопнувъ себя ладонью по колѣну. — А была я моложе, — того лучше пѣсни складывала! Бывало, подруги пристають: «Устюша, научи пѣсенкѣ!» — эхъ, и зальюсь же я!.. Ну, какъ дальше-то будетъ?

— Я не знаю, — сказала горничная, открывъ глаза, улыбаясь.

Я смотрю на нихъ сквозь цвѣты въ окнѣ; пѣвицы меня не замѣчаютъ, а мнѣ хорошо видно глубоко изрытую оспой, шершавую щеку Устиньи, ея маленькое ухо, не закрытое желтымъ платкомъ, сѣрый, бойкій глазъ, носъ прямой, точно у сороки, и тупой подбородокъ мужчины. Это баба хитрая, болтливая; она очень любитъ выпить и послушать чтеніе святыхъ житій. Сплетница она на всю улицу, и больше того: кажется, всѣ тайны города въ кар-

манѣ у нея. Рядомъ съ нею, крѣпкой и сытой, костлявая, угловатая горничная-подростокъ. Да и ротъ у горничной дѣтскій; маленькія, пухлыя губы надуты, точно она обижена, боится, что сейчасъ еще больше обидятъ, и вотъ-вотъ заплачетъ.

Надъ мостовой мелькаютъ ласточки, почти касаясь земли изогнутыми крыльями: значить, мошкара опустилась низко, — это признакъ, что къ ночи соберется дождь. На заборѣ, противъ моего окна, сидитъ ворона неподвижно, точно изъ дерева вырѣзана, и черными глазами слѣдитъ за мельканіемъ ласточекъ. Звонить перестали, а стоны лягушекъ еще звучнѣй, и тишина гуще, жарче.

— Жаворонокъ надъ полями псегь,
Васильки-цвѣты въ поляхъ зацвѣли, —

— задумчиво поетъ Устинья, сложивъ руки на груди, глядя въ небо, а горничная вторитъ складно и смѣло:

— Поглядѣть бы на родныя-то поля!

И Устинья, умѣло поддерживая высокіи, качающійся голосъ, стелетъ бархатомъ душевныя слова:

— Погулять бы съ милымъ другомъ по лѣсамъ!..

Кончивъ пѣть, онѣ длительно молчатъ, тѣсно прижавшись другъ ко другу; потомъ женщина говоритъ не громко, задумчиво:

— Али плохо сложили пѣсню? Вовсе хорошо вѣдь...

— Гляди-ко, — тихо остановила ее горничная.

Онѣ смотрятъ въ правую сторону, наискось отъ себя: тамъ, щедро облитый солнцемъ, важно шагаетъ большой священникъ въ лиловой рясѣ, мѣрно переставляя длинный посохъ; блеститъ серебряный набалдашникъ, сверкаетъ золоченый крестъ на широкой груди.

Ворона покосилась на него черной бусиной глаза и, лѣнливо взмахнувъ тяжелыми крыльями, взлетѣла на сучокъ рябины, а отъ туда сѣрымъ комомъ упала въ садъ.

Женщины встали, молча, въ поясъ, поклонились священнику. Онъ не замѣтилъ ихъ. Не садясь, онѣ проводили его глазами, пока онъ не свернулъ въ переулокъ.

— Охо-хо, дѣвушка, — сказала Устинья, поправляя платокъ на головѣ, — была бы я помоложе, да съ другой рожей...

Кто-то крикнулъ сердито, соннымъ голосомъ:

— Марья!.. Машка!..

— Ой, зовутъ...

Горничная пугливо убѣжала, а Устинья, снова усѣвшись на лавку, задумалась, разглаживая на колѣняхъ пестрый ситець платья.

Стонуть лягушки. Душный воздухъ неподвиженъ, какъ вода лѣснаго озера. Цвѣтисто догораетъ день. На поляхъ, за отравленной рѣкой Тѣшей сердитый гуль, — дальни громъ рычить медвѣдемъ.

IV.

Птичій грѣхъ.

Осенняя паморха повисла надъ землею, закрывъ дали. Земля сжалась въ небольшой, мокрый кругъ; отовсюду на него давила плотная, мутно-стеклянная мгла, и кругъ земной становился все меньше, словно таялъ, какъ уже растаяло въ сѣрую сырость небо, еще вчера голубое. Въ центрѣ земли — три желтыя шишки, три новенькихъ избы, — очевидно, выселки изъ какой-то деревни, невидимой во мглѣ.

Я направляюсь къ нимъ по разбухшему суглинку исковерканной дороги. Меня сопровождаютъ невеселымъ бульканьемъ осенніе ручьи, они текутъ по глубокимъ колеямъ тоже на выселки; а въ ямахъ межколесицы стоятъ лужи свинцовой воды, украшенныя пузырями. Иду точно дномъ рѣки, въ какой-то особенно и неприятно-жидкой, липкой водѣ; по сторонамъ дороги мерещатся кусгы, печально повисли сѣдые прутья; на всемъ, что видитъ глазъ, — холодный налѣтъ ртути. Грязь сосетъ мои ноги, заглатывая ихъ по щиколотки; она жалобно чмокаетъ, когда я отнимаю у нея ступни одну за другою, и снова жадно хватается ихъ толстыми губами. Холодно на землѣ, холодно и грязно; въ душѣ тоже — холодное безразличіе; все равно — куда идти — въ морѣ этой неподвижной мглы, подъ ослѣпшимъ небомъ.

Выселки строились съ расчетомъ образовать когда-то улицу: двѣ избы стоятъ рядомъ, связаны крытымъ соломою дворомъ, третья — побольше — напротивъ нихъ. Между домами большая лужа, въ ней плаваетъ щепка и деревянное ведро съ выбитымъ дномъ, а на краю ея, у воротъ и подъ окнами одинокаго дома, мнутъ грязь десятка полтора мужиковъ, бабъ и, конечно, ребятишекъ. Это странно: непогода, будни, — чего же ради мокнуть жители и почему они говорятъ такъ необычно тихо? Покойникъ въ домѣ? Мужика смерть не удивляетъ... Ворота дома открыты настежь, посреди двора стоитъ телѣга, подъ задними колесами ея валяется куча тряпья; гдѣ-то обиженно хрюкаетъ свинья, лошадь жуеетъ сѣно,

слышенъ вкусный хрусть. Крѣпко пахнетъ навозомъ и еще чѣмъ-то, напоминающимъ жирный запахъ бойни.

Здоровуюсь съ людьми, снявъ мокрый картузь. Они смотрятъ на меня молча, неприязненно, безъ обычнаго въ деревнѣ интереса къ дальнему страннику.

— Что это вы собрались?

Большой чернородый мужикъ, надвигаясь на меня грудью и животомъ, сурово спрашиваетъ:

— А тебѣ чего надо? Откуда таковъ?

Онъ не въ духѣ, но не настолько, чтобы драться; онъ, видимо, еще настраиваетъ себя на боевой ладъ.

— Паспортъ, — требуетъ онъ, протянувъ руку, похожую на вилы о пяти зубьяхъ.

Но когда я ему подаль паспортъ, онъ сказалъ, ткнувъ рукою въ лужу:

— Ступай себѣ...

Изъ-за его широкой спины вывернулся старичокъ съ лицомъ колдуна и секретно, вполголоса, заговорилъ, пришепетывая, быстро шлепая темными губами:

— Ты, милъ человѣкъ, валя, иди дальше съ Богомъ! Тутъ тебѣ, промежду насъ, — не рука, прямо скажу, — ты иди-ко-сь!

Я пошелъ, но онъ, поймавъ меня за котомку, потянулъ къ себѣ, продолжая выбрасывать изо рта мятыя слова.

— Тутъ у насъ исторія сдѣлана...

Черный мужикъ сердито окрикнулъ его:

— Дядя Иванъ!

— Ась?

— Придержи языкъ-оть! Что, ей-Богу!..

— Да вѣдь, все едино, дойдетъ до деревни, — тамъ узнаеть, скажутъ...

Кто-то повторилъ эхомъ:

— Скажутъ...

— Али такую исторію можно прикрыть?! — радостно воскликнулъ дядя Иванъ. — Вѣдь, кабы что другое, а то — отецъ...

— Отецъ,— снова равнодушно повторило эхо.— Отецъ, вы...

— А какъ же родители! — убѣжденно молвилъ дядя Иванъ и, сдвинувъ шапку на ухо, спросилъ меня:

— Ты — какъ, — грамотенъ? Чу, Никола, грамотный онъ...

Чернородый поглядѣлъ на меня, на него и сказалъ съ досадою:

— Да ну его ко псамъ и съ тобой вмѣстѣ! Эка суета...

Старикъ, вздохнувъ, безпомощно махнулъ рукою, все придер-

живая меня. Мужики молчали, вращая въ грязь; бабы, заглядывая во дворъ и въ окна, шептались о чемъ-то; я слышалъ отдѣльныя слова:

— Сидить?

— Сидить, не шелохнется...

— А она?

— Да она въ сѣняхъ, не видно ее...

— Да-а...

Старикъ, подмигнувъ мнѣ добрымъ, свѣтлымъ глазомъ, отвелъ меня за уголь избы, оглянулся, поправилъ шапку и дѣловито заговорилъ, поблескивая глазами, морщась:

— Тутъ, видишь ты, сынъ отца топоромъ укокалъ, да и жену повредилъ; баба-то еще жива, а старичокъ, тезка мнѣ — Иванъ Матвѣевъ, — онъ сразу кончился, упокой Господи...

— Снохачъ? — спросилъ я.

— Вотъ, это самое, за сноху потерпѣлъ убивенную смерть отъ руки сына. Черезъ бабу, да... Видаль, — за телѣгой лежитъ, у заднихъ-то колесъ?

— Нѣтъ...

— А ты поди, взгляни, — воодушевленно и даже съ укоромъ посовѣтовалъ дядя Иванъ, дергая меня за рукавъ. — Кто не пустить? Ты — со мной, я тутъ въ родѣ за старосту, меня слушаютъ, какъ же!

Онъ усмѣхнулся, снова подмигнуть, а, ведя меня сквозь народъ, поучительно сказалъ:

— Грѣхи учатъ...

Остановясь у телѣги, онъ снялъ шапку и приподнялъ рваный армякъ съ земли у колесъ: подъ армякомъ распластался такой же, какъ самъ дядя Иванъ, небольшой, милый и сухонькій старичокъ. Лежалъ онъ, словно споткнувшись на бѣгу, подогнувъ правую ногу подъ животъ, вытянувъ лѣвую и неестественно упираясь плечомъ въ землю. Одна рука заброшена на поясницу, другая — смята подъ бокомъ; жилистая шея перекрутилась, правая щека утонула въ навозѣ. Голова его была разрублена отъ уха до уха, — изъ трещины грибомъ вылѣзъ сѣро-красный мозгъ, отвалившійся лобъ закрылъ ему глаза. Ротъ, полный мелкихъ зубовъ, былъ искривленъ и широко разинутъ, — казалось, что старикъ этотъ, крѣпко зажмурясь отъ страха, кричитъ въ землю крикомъ, не слышнымъ никому, кромѣ ея.

— Вотъ какая исторія сдѣлана, — поучительно сказала живой старичокъ и, надѣвъ шапку, предложилъ:

— Айда въ избу!..

На полу сѣней, въ полосѣ свѣта изъ открытой въ избу двери, лежала на спинѣ, въ лужѣ застывшей и лоснившейся крови, молодуха, глядя въ потолокъ круглыми глазами, закусивъ толстую нижнюю губу, болѣзненно приподнявъ верхнюю. Изъ-подъ разорваннаго подола ея рубахи высывались грязныя ноги, и на обѣихъ оттопыренные большіе пальцы тихонько, равномерно шевелились. Это было страшно видѣть, но еще страшнѣе была тишина въ избѣ и согнутая этой тишиной фигура мужика, сидѣвшаго на лавкѣ у стола со связанными за спиною руками, затылкомъ къ маленькимъ окнамъ, лицомъ въ сѣни.

Онъ сидѣлъ, наклонясь впередъ, высунувъ голову точно подъ топоръ; на его темномъ лицѣ по-волчьи блестя большіе глаза; встрепанные, рыжеватые волосы головы и бороды тоже блестя на стеклѣ окна, гудѣвшемъ подъ ударами большой черной мухи.

— Вотъ это и есть самый мастеръ, — громко и негодующе сказалъ старикъ, кивнувъ головою въ дверь избы.

Я оцѣпенѣлъ, ожидая, что мужикъ вырветъ руки изъ-за спины, бросится на полъ и на четверенькахъ побѣжитъ въ сѣни, во дворъ и дальше, въ поля, прикрытыя сѣрой паморхой.

— Нарошно посадили его эдакъ-то: пускай глядитъ, чего надѣлалъ, — объяснилъ мнѣ старикъ, и тогда я увидалъ, что мужика почти сплошь по всему тѣлу опутали вожжами и веревками, прикрутивъ его къ столу и скамьѣ.

Услыхавъ послѣднія слова старика, онъ покачнулся, тряхнулъ спутанными волосами, — все вокругъ его заскрипѣло, заскрежетало.

— Работничекъ былъ — золото, а вотъ она, дерзость руки, къ чему привела...

Женщина у нашихъ ногъ простонала коротенько и сказала медленно, страшно громко:

— Дѣдушка Иванъ, уди-и... уйдитя, Христа ради... Ты жа добрый...

— Ага-а, — протянулъ дѣдушка Иванъ сердито и печально, — надѣлала дѣловъ, а теперъ стонешь!..

Махнувъ рукою, онъ пошелъ изъ сѣней, натягивая шапку на серебряную голову и говоря:

— Бабеночку жаль! Внучатная мнѣ, брата моего увнука. Жаль, хороша въ дѣвкахъ ходила...

Вышли за ворота, гдѣ попрежнему мялъ грязь, должно быть, весь народъ выселковъ.

— Ну, что? Какъ? — стали спрашивать бабы, толкая старика.

Онъ успокоительно отвѣтилъ имъ:

— Сидить, звѣрь ожесточенная, сидить...

Предо мною, въ густомъ, влажномъ воздухѣ, кто-то невидимый несъ трупъ старика. Я смотрѣлъ на разрубленную голову, на сѣро-красный гребень мозга, дряблый языкъ, лежавшій на нижнихъ зубахъ, и загнутые вверхъ, ко рту, жесткіе волосы бороды. Дождь сыпался пуще, настойчивѣе, земля стала еще меньше и грязнѣй. По жести чайника за моей спиною дробно барабанятъ капли, точно острые гвоздики сыплются на жечь. На крышѣ овина галдятъ галки, слышна трескотня сороки.

Дядя Иванъ, шагая рядомъ со мною, повѣствуетъ спокойнымъ голосомъ многоопытнаго мудреца:

— Въ нашихъ мѣстяхъ это зовется — птичій грѣхъ, когда свекоръ со снохой соймется, али отецъ съ дочерью... Какъ птица, значить, небесная, ни родства, ни свойства не признаетъ она, вотъ и говорятъ: птичій грѣхъ... Да...

Въ стеклянномъ сумракѣ, какъ двѣ звѣзды, улыбаются мнѣ дѣтскіе глаза, такіе свѣтлые, полные кротости.

— Ни въ чемъ нонѣ старикамъ не уважаютъ! А бывало!.. Чу, колокольчикъ, — стало, ѣдутъ! Ну, прощевай, милъ человекъ!

Иду въ мокромъ шорохѣ дождя, и снова грязь сосетъ мои босяя ноги. Сердце тоже жадно и больно сосутъ чьи-то холодныя, толстыя губы...

М. Горькій.

КРУГИ ЖИЗНИ.

„Мигонька, тоненькія ножки, чортъ блудливый, но незлобивый“.

Изъ разсказовъ нищаго, по имени „Благодать“.

Кругъ первый.

Быль мартъ. Въ молочномъ туманѣ, какъ привидѣнія, ко мнѣ протягивали осклизлыя лапы голая деревья. Шуршаль снѣгъ. Усы, пальто и вѣлки мои повлажнѣли. Пять дней, какъ я брелъ въ этомъ туманѣ, будто съ сѣткою на лицѣ. Хотѣлъ ѣсть, искалъ работы. Въ карманѣ лежало рекомендательное письмо въ Москву, на машиностроительный заводъ, но я шель на югъ, сквозь Черниговщину: у русскихъ окольные пути — не диво. Мнѣ 28 лѣтъ, я только что кончилъ военную службу, два мѣсяца сидѣлъ у брата на хлѣбахъ, придумывая, куда бы «смыться» на весну, и, ничего не придумавъ, шель на авось, вѣруя, что здоровье да крѣпкія руки вездѣ выручатъ. Шель съ двумя цѣлковыми за пазухой, бѣльевымъ мѣшочкомъ за плечами и кашей въ головѣ: тамъ мирно уживались Толстой, «Черная магія», «Гуакъ», Евангеліе, Ницше, «Цвѣты христіанскаго краснорѣчія», изданные по благословенію Святѣйшаго Синода, — я всему вѣрилъ, и все мнѣ казалось истиной.

Шель медленно, надерганныя ноги болѣли. Безшумно пушистыми шапками на дорогу падалъ снѣгъ съ хвои. Въ сторонѣ гудѣли рельсы. Цѣлый день этотъ гулъ соблазнялъ и звалъ къ себѣ: сѣсть бы въ поѣздъ и посвистывать безъ горя до самаго Кіева! Но жаль было денегъ, я крѣпился.

Къ вечеру ноги отказались служить; я подбадривалъ ихъ, стыдилъ, а самъ, съ радостью, замѣчалъ, что у лѣвой отстаеетъ подметка. До Кіева оставалось еще верстъ полтора. Если я всю дорогу пройду пѣшкомъ, — разсуждалъ я, — придется переменить подметки: цѣлковый; а если я сяду въ товарный и заплачу кондуктору полтину: полтину выигрываю! Я повернулъ къ по-

лотну, дождался поѣзда, и кондукторъ усадилъ меня въ пустой товарный вагонъ.

Наступила ночь. Ѣхать было плохо, проклялъ и себя, и дорогу. На станцияхъ поѣздъ долго стоялъ въ тупикахъ, въ это время нельзя было ни слѣзть, ни кашлянуть. Вспотѣвшее бѣлье медленно и неприятно охлаждалось. Всю ночь, какъ волкъ, щелкалъ зубами и злился. Наконецъ осторожно постучался кондукторъ, говоря:

— Паренекъ, уснулъ? Къ Кіеву подъѣзжаемъ, два пролета.

— Выпусти, пожалуйста, — взмолился я, — лучше пѣшкомъ дойду!

Вылѣзъ изъ вагона и сразу очутился будто въ новой землѣ. Выходило солнышко. Туманъ исчезъ. Утро было тихое, ясное; на зарѣ слегка морозило. Прямо отъ станціи тянулось широкое, ровное шоссе. Вскинувъ на плечи суму, я бодро зашагалъ по боровку. Впереди меня, сзади, по бокамъ, несмотря на мартъ, шли толпы богомольцевъ, рабочіе, странники, деревенскія старухи. Пытался заговаривать съ ними, богомольцы отвѣчали односложно. Видно было, — имъ не до праздныхъ рѣчей.

Чѣмъ ближе къ городу, тѣмъ дорога становилась пріятнѣе. Снѣгъ почти стаялъ. Звенѣли жаворонки. Въ сотняхъ лужицъ и лужъ переливалось солнце. Парило. Деревья пьяно качались отъ соковъ. Да и мы были во хмѣлю: пошагаешь немного, остановишься и невольно захохочешь надъ какимъ-нибудь богатыремъ-дубомъ, который, забывъ свою силу и царственность, какъ и тощая хворостинка, что фядомъ съ нимъ, крѣпко впился могучими когтищами въ грудь земли, мнетъ ее, захлебываясь сокомъ, только рыжая макушка качается. Набѣжить теплый вѣтеръ, пощекочетъ ему лысину, — старикъ лишь досадливо отмахнется: не замай, занятъ!..

На песчаной равнинѣ, поросшей лознякомъ, тамъ и тутъ замелькали постройки. Встрѣтились юнецъ съ дивчиной въ допотопной таратайкѣ. Лошадь мухорчатая, съ шишками на колѣняхъ, поводъ пеньковый, а они оба розовые, залитые солнцемъ.

— Эй, молодець, — спросилъ я, приподнимая шапку, — это что за деревня?

— Слобода Воскресенская, — радостно отвѣтилъ онъ.

— Вы въ слободу Воскресенскую? Счастливыи путь! — подхватила дивчина.

— А вамъ — счастливой жизни! — сказалъ я.

Звонко смѣясь, они поѣхали дальше и черезъ каждые десять шаговъ оборачивались, привѣтно махая руками.

— Счастливый путь! Счастливый путь!..

Въ слободѣ мнѣ надо было найти товарища по службѣ Алексѣя Батальщикова. Товарищъ встрѣтилъ радушно, у него хорошенькій крестьянскій домикъ, здоровая, веселая жена, ребенокъ. Я позавидоваль, разгрустился.

— Ничего, братъ, время не потеряю, — утѣшалъ онъ.

А я не могъ забыть счастливаго смѣха юнца и дѣвушки.

Переночевавъ, отправился въ городъ. Еще погожѣе выдался день. Днѣпръ былъ въ полномъ разливѣ. Я заглядѣлся на него и цѣлый день, какъ во снѣ, просидѣлъ на берегу.

Слѣдующи день ходилъ по Киеву, ища работу. Требовались слесаря, чертежники, портные, штукатуры; я не зналъ ремесла, на хорошую должность пристроиться не могъ, а быть чернорабочимъ показалось стыднымъ: бывший гусарь и вдругъ горбачить съ мужиками за полтину въ день!.. Такъ ходилъ нѣсколько бесплодныхъ дней. Какой-то старикъ надоумилъ толкнуться въ полицію. Я подошелъ къ городовому, сталъ разспрашивать: нельзя ли поступить на должность? Онъ сказалъ, что можно, только мѣсяць или полтора придется служить безъ жалованья.

— А какъ же съ харчами? — спросилъ я.

— Харчиться отъ себя, въ полициі такое заведеніе. Да ты поѣзжай въ Екатеринославъ: тамъ въ разъ мѣсто будетъ.

— Такъ ли?

— Дай Богъ умереть, такъ! Садись на пароходъ и поѣзжай. У меня же тамъ беремя родныхъ и всѣ на должности!

Шумѣли пароходныя колеса; быстро, волна за волною, катились величественныя воды Днѣпра. Всплески волнъ, теплый, чистый воздухъ, пѣніе жаворонковъ, ласковое солнце, живописныя, въ сини, берега успокоили и умиротворили душу. Жизнь стала представляться краше, заманчивѣе. Казалось: гдѣ-то тамъ, далеко, за этой синью, еще не изжитъ, не извѣданъ новый край, къ нему несетъ меня буйноводный, свѣтлый Днѣпръ. Хотѣлось пѣть пѣсни.

Съ обѣда подулъ сильный западный вѣтеръ. По небу поползли сизыя тучи. Днѣпръ наморщился. Съ вѣтромъ улетѣло и мое доброе настроеніе. Раздражали сосѣди, четыре толстыхъ торговца съ красными лицами. Почти отъ самаго Киева они безпрерывно ѣли и пили. А напротивъ ихъ сидѣлъ человекъ, лѣтъ тридцати, одѣтый въ деревенскій суконный сѣрякъ и рваную шапку. Было тяжело слѣдить за нимъ: онъ былъ голоденъ и такъ жадно глядѣлъ, какъ ѣдятъ торгашаи.

Эхъ, грустно...

Ночь была сырая, вѣтреная. Спали на палубѣ. Въ предутреннихъ сумеркахъ видѣлъ Кременчугъ: песчаный берегъ, хламъ на пристани, бочки съ дегтемъ и сельдями, ящики табаку, мочало, лѣсъ; угрюмые, сѣрые, какъ спросонокъ противавшіе глаза домики; суетившихся евреевъ...

Къ вечеру пріѣхали въ Екатеринославъ. Ночевать пошелъ на станцію. Было много народа. Осмотрѣвшись, намѣтилъ группу рабочихъ, спрашивалъ ихъ. Всѣ были голодны и злы, на вопросы отвѣчали срывно. Къ полночи прошли поѣзда, рабочіе схлынули, можно было лечь на лавку и вытянуть затекшія ноги. Проснулся рано утромъ. Ощупалъ паспортъ и рекомендательное письмо. Около меня, за столомъ и подъ столомъ, на загаженномъ полу, лежало человѣкъ двадцать. Среди нихъ выдѣлялся старикъ исполинскаго роста, съ широкой сѣдой бородой и сѣдыми длинными волосами... Сѣрые, маленькіе глаза его то безпокойно скользили по окружающимъ предметамъ, то застывали на одной точкѣ; тогда онъ словно цѣпенѣлъ. Ноздря мясистаго всѣхъ цвѣтовъ радуги носа была проколота. Неуклюже ползая на четверенькахъ между спящими, старикъ шарилъ у нихъ по карманамъ. А иногда выпрямлялся и гордо шагальъ взадъ, впередъ, ворча:

— Что такое жизнь человѣчья? Жизнь человѣчья — покушалъ и сытъ. А если покушать нечего? На одномъ вокзалѣ полста лежитъ да на другомъ полста, а по всей Расеи — тыщи! И всѣ лежать вдребезги пьяными и каждому хочется опохмѣлиться, — легко сказать!..

Замѣтивъ, что я слѣжу за нимъ, смутился и ударилъ себя ладонью по лбу.

— Дурачокъ ты, Алексѣй Ивановъ, истинный дурачокъ: сидитъ птичка на золотой вѣткѣ, перышки свѣженькія, а ты въ ротъ выросъ, не замѣтилъ!.. Эхъ, ты, зѣва!.. Опохмѣлись теперь холодной водицей!..

Вошелъ сторожъ съ метлой и сталъ поднимать ночлежниковъ, какъ сорѣ, выметая ихъ вонъ, за дверь.

Съ вокзала я направился къ мосту, гдѣ была обычная стоянка рабочихъ-поденщиковъ. Въ карманѣ оставалось пятьдесятъ копеекъ, уже было не до капризовъ въ выборѣ работы. Стоялъ съ сотнями такихъ же, какъ самъ, до двухъ часовъ, но никто не пришелъ и не нанялъ. Всѣ были раздражены, зазорно ругали проходившую мимо чистую публику, особенно женщинъ.

Пять пропащихъ дней искалъ я работы, ночуя на вокзалѣ,

вмѣстѣ съ босяками и ворами. На шестой рѣшилъ пойти на шахты.

Къ полночи дошелъ до Синельникова. Какъ и въ Екатеринославѣ, станція была набита безработными. Большинство возвращалось съ шахтъ: былъ угольный кризисъ, ежедневно рабочихъ разсчитывали тысячами. Не зная, куда дѣться, вышелъ въ поле и долго блуждалъ по вязкой пашнѣ. Желудокъ былъ пустъ, но пуще голода томила безвыходность. Ослабъ, усталъ, карманъ жегъ послѣдній полтинникъ. Хотѣлось прити на станцію и вдребезги напиться пьянымъ. И я уже повернулъ было туда, но словно кто-то посторонній крикнулъ надъ ухомъ:

— Борисъ, стыдись, носъ вѣшать рано, ты еще не былъ въ Крыму: туда всѣ наши порѣчане ходятъ на заработки, попробуй и ты удачу.

— Дѣлю, — отвѣтилъ я: — носъ вѣшать рано! Иди, Борисъ, въ Крымъ!

Воротился на станцію, прикурнулъ, а потомъ сталъ цѣлиться, какъ бы проскользнуть пролета два съ товарнымъ. Часа въ три ночи удалось влѣзть въ порожній вагонъ и проѣхать верстъ пять-десять. Стало свѣтать. Я такъ же незамѣтно спрыгнулъ, зашелъ на станцію, купилъ пару селедокъ, хлѣба, въ чайной напился чаю и снова зашагалъ по шпаламъ, распѣвая пѣсни и любуясь необозримыми степями Новороссіи.

Передъ вечеромъ снова захотѣлось ѣсть, а сумка была пуста. Случайно наткнулся на тлѣющій огонекъ, возлѣ него валялись полуиспеченныя картошки, штуки три. Онѣ были уже холодныя, но я ихъ съ удовольствіемъ съѣлъ. Въ пригородѣ купилъ хлѣба и двѣ маленькихъ рыбки-малосолки. Пироваль, катался по душистой травѣ. Денегъ осталось двѣ копейки.

Ласково грѣло солнце, слѣпило глаза. На десятки голосовъ щебетали и заливались пичужки, а надъ ними стражемъ парилъ кобчикъ. Къ станціи подошелъ товарный. Вагоны были нагружены лѣсомъ. Въ одномъ, среди досокъ, была пустота. «Вотъ бы хорошо пролетецъ скрасть», — подумалъ у. Оглядѣлся, около поѣзда не было ни души. Я взобрался въ пустое пространство и замеръ. Ъхать было опасно: отъ толчка доски могли сплюснуться и раздавить, но мнѣ это пришло въ голову уже послѣ, а въ то время я думалъ только о томъ, чтобы снаружи не видно было ногъ: корчился, кряхтѣлъ, поджимая ноги, свертывался складнемъ. Но кондукторъ, осматривая вагоны, все-таки замѣтилъ меня и крикнулъ:

— Эй, ты, а ну-ка, вылѣзай!

Было совѣстно: я былъ весь измятъ, пальто вывалялось въ трухѣ и опилкахъ. Кондукторъ съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Эхъ, ты, барбось, с... с...! Мурлю словно у кота, а подь доски лѣзешь!..

Отъ стыда я даже не ударилъ его: сгорбился и неровно зашагалъ, какъ былъ — въ опилкахъ, — по шлапамъ, съ закружившейся отъ обиды головою.

Черезъ двѣ версты работала артель ремонтныхъ рабочихъ. Я поклонился. Они молча пропустили мимо, потомъ, какъ по командѣ, затюкали вослѣдъ: «тю-тю!.. ат-ту!.. тю-тю его!..» Было обиднѣе, чѣмъ отъ кондуктора.

За уклономъ встрѣтилась казарма ихъ. Я увидѣлъ дорожнаго мастера и спросилъ его:

— Нельзя ли у васъ пристроиться писцомъ?

Онъ мнѣ сказалъ:

— Мнѣ писца не надо, а вотъ слѣдующій мастеръ, онъ неграмотный и писца у него нѣтъ: толкнись, на счастье.

Зашелъ къ неграмотному.

— Я бы еще участокъ безъ вашихъ гумагъ соблюлъ, — отвѣтилъ онъ, — какіе тутъ писцы!

Двинулся дальше, до третьей казармы. Она была пуста. Дежурный рабочий варилъ обѣдъ. Продалъ ему двѣ рубашки и полотенце за 90 копеекъ.

А потомъ сколько шелъ — не помню. Только знаю: эти деньги я израсходовалъ и дошелъ до станции Таганашъ, за Гниломорьемъ, и такъ утомился, что, кажется, упалъ бы да и не поднялся. Подошелъ пассажирскій поѣздъ. Не вѣря въ удачу, я попросилъ жандарма посадить меня; жандармъ оказался добрымъ человѣкомъ, посадилъ въ передній вагонъ, но, на несчастіе, здѣсь сѣлъ и контролеръ: меня на первой же остановкѣ выкинули.

Все же опытъ съ жандармомъ понравился. У меня были съ собой шпоры, въ которыхъ я пришелъ со службы. Я нашелъ вахмистра и предложилъ ихъ съ тѣмъ, чтобы онъ походатайствовалъ за меня передъ кондукторами, провезти до Симферополя. Повертѣвъ въ рукахъ шпоры, жандармъ похвалилъ ихъ и сказалъ:

— Онъ мнѣ не годятся, но только это маловажно, жди до ночи, въ два часа придетъ поѣздъ, подойди и скажи оберу, что я велѣлъ посадить, — понялъ?

— Такъ точно, спасибо, г. вахмистръ.

Вышло, какъ было сказано. Подошелъ поѣздъ, билетная

публика усѣлась въ вагоны. Я подошелъ къ оберу и сказалъ, что вахмистръ велѣлъ посадить меня до Симферополя.

— Охъ, ужъ эти мнѣ вахмистры, въ печонку вѣлись! — отмахнулся кондукторъ: — лѣзь въ первый классъ, въ отопленіе!

Я благополучно доѣхалъ до Симферополя. Свѣтало. Было прохладно. Городъ закутался въ туманъ. Лишь каланчи да колокольни сонно вытягивали шеи. Надо было идти куда-нибудь, а куда — я не зналъ. Часовъ въ шесть зазвонили къ ранней: было Вербное воскресенье. Пошелъ въ соборъ. Выходило солнце. Переливчато играли молодой листвою уже распустившіяся деревья. По улицамъ толклись разносчики, кухарки, водовозы, угольщики. Татаринъ гналъ стадо козъ. Я вспомнилъ татарскую фразу, единственную, какую зналъ, и крикнулъ:

— Ипташъ, тамака баръ?

— Баръ, баръ, — добродушно отвѣтилъ пастухъ, обнажая бѣлые, какъ сахаръ, зубы, и полѣзъ за кисетомъ.

Я пожалъ ему руку и сказалъ:

— Нѣтъ, я шучу, ужъ больно у васъ тутъ хорошо въ Крыму.

— О-о! — многозначительно поднялъ онъ палецъ, — отчинъ карошъ! . . нѣбо — карошъ, сонцо — карошъ, гора — карошъ! . .

— Чилавѣкъ — карошъ! — въ тонъ ему сказалъ я.

— Чилавѣкъ — карошъ! — убѣжденно воскликнулъ пастухъ.

Бѣлобрюхая, съ надрѣзами на ушахъ, коза потерялась пыльной мордой о колѣно его.

— Смотри: каза — карошъ, ѣсть просытъ! — засмѣялся онъ и, поклонившись, погналъ стадо къ окраинѣ.

Послѣ обѣдни спросилъ полицейскаго: нѣтъ ли свободныхъ мѣстъ въ полиціи и какое жалованье? Тотъ былъ полупьянъ, наболталъ мнѣ съ три короба про Таньку, на которой онъ чуть не женился, потомъ перешелъ на свое дѣтство.

— Да ты сначала расскажи про полицію, — просилъ я.

— О, въ полиціи служба — милое дѣло, прямо, можно сказать, и умирать не надо! Да ты, землякъ, смотнись лучше самъ, ей-же-ей! . . Вотъ я сейчасъ укажу тебѣ дорогу, вотъ ты пойдешь по этой улицѣ и сразу тебѣ полиція . . . Нѣтъ, а Танька-то, Танька-то, шельма: я къ вамъ, Кузьмичъ, на всю мою жизнь съ полнымъ уваженьемъ, я еще такого человѣка, грить, во всей своей жизни не встрѣчала . . . У, выжига! . . Разморила хуже бани! . .

«Ну, — подумалъ я: — дѣло мое не клонеть, коли ты такъ много мелешь! До свиданья!»

Спустился къ Салгиру, съѣлъ послѣдній кусочекъ чернаго

хлѣба съ водой. Денегъ въ карманѣ опять оставалось только двѣ копейки. Съ ними я собрался въ Ялту. Путь выбралъ черезъ Алушту; сорокъ пять верстъ до нея надо было идти межъ горъ, это, главнымъ образомъ, и соблазнило меня. Сильно болѣли ноги, я чувствовалъ, что за день не отмахую пути, ночевать въ горахъ ранней весной — прохладно, на постоялыхъ надо платить десять копеекъ, — стало быть, первая забота: добыть, сколько окажется возможнымъ, денегъ. Но, по случаю праздника, въ городѣ все было закрыто: ни продать, ни купить. Я зашелъ на почтовую станцію. Ямщики играли въ карты. Предложилъ одному изъ нихъ сапожную щетку за 18 копеекъ. Онъ взялъ. Да было двѣ копейки. Живи, Борисъ!..

Верстахъ въ пяти отъ Симферополя стояла татарская сакля. Въ саду работаль старичокъ. Я попросилъ у него хлѣба. Татаринъ съ готовностью вынесъ кусокъ фунта въ четыре. Дорога была удивительно красивая, но жесткая: наломаль и нашаркаль ноги такъ, что хоть отруби. Къ вечеру съ трудомъ доплелся до постоялаго, сѣлъ на лавочку и, сидя, заснулъ, какъ убитый. Это было въ 27 верстахъ отъ Симферополя. Черезъ нѣкоторое время подѣхаль дилижансъ, шумно ввалились пассажиры и разбудили меня.

Страшно хотѣлось пить. У видѣвъ на столѣ самоваръ, я попросилъ чаю, не справляясь о цѣнѣ. Мнѣ налили стаканъ.

— Почему же не даютъ чайника? — подумаль я, но спросить не посмѣлъ.

Выпивъ стаканъ, попросилъ еще, потомъ еще, — три стакана. Наконецъ надоѣло просить.

— Сколько за чай?

— По три копейки за стаканъ.

Какъ кипяткомъ въ лицо плеснули. Проглотилъ половину своего состоянія и не напился! Дѣлать нечего, пришлось выпячивать денежки: девять копеекъ за чай да гривенникъ за ночлегъ. Осталась у меня одна разъединственная копеюшечка. Не спаль отъ огорченія: ругаль себя.

Рано утромъ отправился въ дорогу. Она ползла между двухъ горъ. На одной изъ нихъ виднѣлась, какъ бы искусственно высѣченная, человѣческая голова. Пытался влѣзть и поглядѣть поближе на нее, но не осилилъ.

Отъ этихъ горъ до Алушты оставалось верстъ двадцать. Ждалъ, съ замираніемъ сердца, моря: я его не видѣлъ никогда. Забылъ про боль. Перестали быть интересными горы, зеленые лѣса, пѣніе птицъ. Спѣшилъ, словно летѣлъ на крыльяхъ.

И вотъ сквозь ущелье, черезъ сѣть кудрявыхъ деревь, что-то засинѣло, какъ будто вспаханная подъ зиму пашня. Въ безконечную даль отодвинулся горизонтъ. Такъ вотъ оно, раздольное! Сѣлъ на выступъ скалы и неотрывно глядѣлъ на синь его.

Текучими струями сверху лилось золотое солнце. По дорогѣ перепархивали пичужки. Дѣловито ползали муравьи. Стаей шаловливыхъ дѣтокъ, высунувъ головки изъ травы, смѣялись анемоны, одуванчики, заглядывая черезъ боровокъ на дорогу. О бокъ прютилась милая, скромная, голубоглазая вероника.

Протащилась, плача, арба съ жердями. Проскакалъ верховой; на солнцѣ ярко блеснули козырекъ картуза и серебряный наборъ уздечки.

Къ полудню пришелъ въ Алушту, отыскалъ пекарню, спросилъ:

— Нѣтъ ли у васъ мѣста?

— А за пекаря можешь? — разглядывая меня, освѣдомился хозяинъ, старикъ, похожій на Юсифа Аримаѳейскаго.

— За пекаря не быть, тѣстомѣсомъ могу.

Хозяинъ улыбнулся.

— Тѣстомѣсъ изъ тебя важный. Только мнѣ пекаря надо. На тѣстомѣсѣ не сойдемся, дружокъ.

Тогда я попросилъ у него хлѣба.

— Это можно, — сказалъ хозяинъ, — здоровому человѣку хлѣбецъ нужень, держи-ка.

Подвинуть мнѣ самый большой хлѣбъ, фунтовъ въ восемь.

— Я вѣдь безъ денегъ прошу, — смущенно сказалъ я.

— Я съ тебя и не требую ихъ, — отвѣтилъ хозяинъ, — кушай на здоровье. Было время, и я этакъ мѣрилъ дороги.

Вышелъ изъ мѣстечка и бодро зашагалъ впередъ. Хлѣбъ и ласка подкрѣпили, ноги стали послушнѣе, въ половѣ звенѣло отъ тепла и свѣта, а мысли были ясныя. Подъ Гурзуфомъ, на шоссе, сидѣлъ человѣкъ въ фартукѣ, видимо, каменщикъ. Я спросилъ его:

— Далеко, дядя, до Ялты?

— До Ялты не далеко, верстъ тринадцать, — отвѣтилъ онъ, — но ты дойдешь, я вижу. Да зачѣмъ тебѣ въ Ялту?

— Ищу работу.

— Гм... работу. Вотъ что, милый человѣкъ, — каменщикъ всталъ, — мнѣ стится — ты свѣжій, небывалый, нешлихованный и подбился, идти тебѣ дальше нельзя. Вотъ въ Гурзуфѣ будутъ набирать полицію въ садъ, по двадцать четыре рубля въ мѣсяцъ. Одѣвши ты прилично, управляющій — генераль. Ежли ты, милый человѣкъ, военный будешь, иди ты къ управляющему. А въ Ялтѣ

ты ничего не найдешь, — хошь — вѣрь, хошь — нѣтъ... безъ ремесла ничего не найдешь.

— А гдѣ же этотъ Гурзуфъ? — спросилъ я.

— Гурзуфъ? А вотъ иди прямо внизъ.

Я поблагодарилъ и пошелъ. Причудливыми зигзагами вилась тропинка подъ гору, между участками распускающагося, еще не зеленого, а янтарнаго виноградника, затѣмъ пошла по кипарисовой аллеѣ, и чѣмъ дальше, тѣмъ становилась прекраснѣе. Я словно шелъ по раю.

«Господи, — думалось, — вотъ я пересѣкъ Крымъ, встрѣчался съ жителями, видѣлъ отъ нихъ добро, помощь, ласковое слово, да можетъ ли сердце человѣка огрубѣть въ такой благодати, оскотиниться, быть камнемъ! Красоты-то сколько! Что ни шагъ, то новая и неожиданная радость въ душѣ!..»

Показался исполинскій паркъ на берегу моря, рядъ гостиницъ, церковь, службы, мастерскія. Надъ шпалерами розъ копался садовникъ съ бакенбардами. Я спросилъ про управляющаго.

— Иди къ бѣлому дому, — пробасилъ онъ, не поднимая головы.

Генераль былъ дома, вышелъ. Одѣтъ въ военную форму. Взявъ подъ козырекъ, я изложилъ просьбу.

— Не надо, — отрывисто сказалъ онъ, повертываясь на каблукахъ.

Что жъ, не надо, такъ не надо. Въ такихъ благодатныхъ мѣстахъ можно прожить и безъ генераловъ. Спустился къ морю и первымъ дѣломъ попробовалъ, насколько солена морская вода.

— Эй, мужикъ, тутъ нельзя болтаться, — услышалъ я сзади окрикъ.

Кричалъ десяти-двѣнадцатилѣтнй мальчикъ въ гимназической курткѣ, можетъ быть, даже сынъ генерала: слышалъ, какъ папаша покрикиваетъ, перенялъ.

— Паренекъ, поди-ка сюда, милый, я тебѣ уши натреплю, — позвалъ я крикуна.

— Что? Ты что-о? А?

— А ты иди, иди, это тебѣ будетъ на пользу.

— Какъ ты смѣешь, — что?

Сталъ швырять въ меня камнями.

Вечерѣло. Надо было подумать о ночлегѣ. Спросилъ встрѣчную бабу, гдѣ можно заночевать.

— У Петра, — сказала она, — а за ночлегъ берутъ пять копеекъ.

У меня же была одна копейка, остатокъ отъ злосчастнаго

чая, да хорошіе подштанники, — въ Варшавѣ рубль платилъ. Пошелъ снова къ морю, пополоскалъ ихъ въ водѣ, очень плохо отмылись: съ перваго раза поглядѣть, такъ даже хуже стали. Повѣсилъ на баркасъ сушить. Съ полчаса ждалъ, не сохнутъ. Снялъ сырыми и понесъ продавать рабочимъ. Никто не бралъ.

— Ну, что-о ты, у тебя тамъ, поди, обзаведенье, иди ты съ ими къ лѣшману!

Насилу нашелъ одного старика-бондаря.

— Мнѣ, шаланнушка, не подь фѣнецъ, инка, по мнѣ сойдутъ. Школьке просишь?

— Полтину.

— Нѣ, нѣ, шчумѣль! Двадцать копеекъ. Да и то промахнулъ, инка, пятнацать копеекъ.

— Ты, дѣдъ, не глупи: новые, рубль плачены.

— Ну, ладно, ладно, двадцать копеекъ!

Отдалъ за двадцать копеекъ подштанники и отправился искать Петра. Въ двухъ аршинахъ отъ отвѣснаго обрыва, надъ рощицей оливъ, приютилась татарская сакля, которую снималъ воронежскіи мужикъ Петръ. Это была закоптѣлая дыра въ скалѣ, похожая больше на хлѣвъ, чѣмъ на жилье, или курную мужицкую избу, именно такую, что встрѣчаются въ Воронежской губернии, грязную, вонючую, съ запахомъ пота и разлагающихся отбросовъ, съ полатами въ два яруса. Въ отгороженномъ шелевками заднемъ углу помѣщался хозяинъ съ семьей, въ передней — ночлежники. Въ саклѣ была одна хозяйка, маленькая, неопрятная баба на сносяхъ. Я попросился ночевать.

— А пачпортъ есть? — вяло спросила она.

— Есть.

— Ночуй.

Я отыскалъ на полатахъ мѣстечко, прилежъ. Вотъ тутъ-то и заговорили мои ноги: ихъ ломило, какъ отъ жестокаго ревматизма, и все тѣло нудно, неприятно ныло, словно десять беззубыхъ собакъ впились въ него. Въ глубокихъ сумеркахъ пришли рабочіе-угольщики. Всемеромъ, они подрядились разгружать двѣ барки угля за пятьдесятъ рублей. Среди нихъ оказался землякъ, я ему обрадовался, какъ дорогой находкѣ, сталъ умолять принять и меня въ компанію. Землякъ поговорилъ съ остальными, тѣ сказали:

— Хорошо, завтра пойдемъ: осилишь — работай.

На зарѣ пошли. Отъ берега были вбиты козлы, саженой на десять, на козлы набросаны доски. Къ мосткамъ подѣзжали два баркаса съ мѣшками угля, а сами барки стояли саженьхъ въ двухъ-

стахъ отъ берега. До этого времени я никогда мѣшковъ не носилъ, ни навыка, ни сноровки не было, я сталъ таскать ихъ на спинѣ, черезъ плечо. Острые куски угля впивались въ тѣло. Работа была гуртовая, быстрая, товарищи, на подборъ, здоровяки, привычные, я еще не отдохнулъ отъ путешествія, — мучительно было поспѣвать за ними. Спѣшка усугублялась тѣмъ, что черезъ три дня предстояла Пасха; всѣмъ хотѣлось до праздника закончить дѣло и получить заработокъ.

Съ усиленіемъ я оттянулъ день и не взвидѣлъ свѣта бѣлаго: ободралъ въ кровь спину, плечи; шатаюсь, дошелъ до ночлега и, не ужинавши, заснулъ мертвымъ сномъ.

А на другой день разбитому и разломанному тѣлу показалось еще тяжелѣе. На счастье, къ десяти часамъ поднялся вѣтеръ, море заволновалось, снесло мостки, мы отдыхали. Обхвативъ руками колѣни, я глядѣлъ на неудержимую силу и бѣшеный порывъ, и какое-то молитвенное настроеніе создала въ душѣ его дикая своевольная музыка. Припомнилось полузабытое стихотвореніе:

„О рьяный конь, о конь морской,
Съ блѣдно-зеленой гривой,
То смиренный, ласково-ручной,
То бѣшено-игривый!“

Лежавшій на животѣ около меня тулякъ Охинъ поднялъ рѣденькую, съ концовъ покраснѣвшую бородашку.

— Ну-ка, ну, ты это про что?

— О, это, братъ, хорошая штука! Поэтъ, старичокъ, сравнивалъ это море съ разыгравшимся конемъ, который мчится вѣтромъ по чистому полю.

„Люблю тебя, когда стремглавъ,
Въ своей надменной силѣ,
Густую гриву растрепавъ
И весь въ пару и въ мыль,
Къ брегамъ направивъ буйный бѣгъ,
Съ веселымъ ржаньемъ мчишься,
Копыта кинешь въ звонкій берегъ
И въ брызги разлетишься...“

— Хорошо али нѣтъ? .

— Уголь бы его разгружать, не такъ бы заржалъ, — сказалъ Охинъ, выслушавъ стихотвореніе. — Изъ господъ старичокъ-отъ твой?

— Ну, изъ господъ.

— Вѣстимо дѣло. И я бы — восемь самоваровъ охлеснуть да четвертуху водки, — еще не такую бы брехню сложили... да дѣвку бы поядренѣ приказалъ привести...

Проработали еще день. Отъ усталости и плохого питания у меня появилась куриная слѣпота: какъ только, бывало, сядеть солнце, я не вижу ничего. Спасибо, Михаила, босячокъ изъ Карачевского уѣзда, водилъ меня.

Съ величайшими мучениями и натугой я, все же дотянулъ до конца: въ пятницу барки разгрузили. При расчетѣ подрядчикъ обжулилъ артель на одиннадцать рублей. Мнѣ пришлось рубль восемьдесятъ семь копеекъ.

Въ Святую субботу предложили расчищать дорожки въ саду, мы заработали еще по семь привенъ съ пятакомъ; итого я собралъ къ празднику — два рубля и шестьдесятъ двѣ копейки.

Рабочіе разошлись по квартирамъ, у нѣкоторыхъ были жены; всякому хотѣлось провести Свѣтлый праздникъ получше. У Петра осталось трое: я, Михаила-босячокъ и Никита, — бездомные.

Купили пасху, яиць, колбаски и двѣ бутылки водки. У Михайлы-босячка денегъ не было, его долю внесли мы съ Никитой. Вдругъ къ вечеру у меня начались непереносныя колики, рѣзь, потомъ хлынулъ ужаснѣйшій поносъ. Спустилась ночь, я ослѣпъ, было опасно выходить одному за двери: неосторожный шагъ — и пропасть, а Михаилу просить было совѣстно, — измучилъ и себя, и товарищей.

Въ полночь зазвонили къ пасхальной заутренѣ. Мнѣ, изъ-за болѣзни, нельзя было идти, Никита отказался, такъ какъ не во что было одѣться. Михаила тоже ходилъ въ рваномъ пиджачикѣ, но онъ сказалъ:

— Пойду, не съѣдятъ, что плохо одѣтъ: Богъ и для чистыхъ, и для грязныхъ!

На разсвѣтѣ Михаилъ возвратился изъ церкви и принесъ, вмѣсто своей маленькой базарной пасочки, которую оставилъ въ церкви, здоровеннѣйшую, фунтовъ въ двѣнадцать, сдобную домашнюю пасху и десятокъ яиць.

— Вотъ, ты, Господи, несущу пасху и въ рукѣ будто чижельше! Чтой-то, думаю, никакъ я пасху-то гдѣ въ мокрое вляпалъ? Вотъ бѣда! Анъ, глядь, у меня чужая: обмишулился! Ну, думаю, инъ быть такъ: что волку въ зубы, то Егорій далъ.

Мы долго хохотали и хвалили Михаилу, а онъ безобидно и немного смущенно улыбался и говорилъ:

— Вотъ и мы съ Воскресенемъ Христовымъ. Не помните яйца-то...

Сѣли разговляться. Я попробовалъ маленькій кусочекъ пасхи и легъ, а они ѣли, пили и поминали хозяевъ пасхи, за ихъ здоровье осушили обѣ бутылки водки и легли отдыхать.

Утромъ, какъ взошло солнышко, я всталъ и вышелъ на дворъ. На морѣ былъ штиль, подъ солнцемъ оно стало серебрянымъ, въ золотыхъ лучахъ солнца купались горы, лѣсъ, сады и виноградники.

Мимо проходила женщина, снимавшая лачугу по сосѣдству.

— Что съ вами? — спросила она, разглядывая меня. — Почему у васъ такой болѣзненный видъ?

Я рассказалъ про горе.

— Глупости! — воскликнула она. — Пойдемте ко мнѣ.

Дома налила большой стаканъ водки и бросила горсть сѣрой соли.

— Пей махомъ.

Я выпилъ. Женщина налила два стакана крѣпкаго, какъ деготь, чая и тоже приказала выпить.

— А теперь пойдѣ и полежи, ослабъ ты, парень, — шутливо хлопая по плечу, сказала она.

Я подумалъ, что она меня не только за этимъ звала, и, въ свою очередь, легонько ударилъ ее по широкой и мягкой спинѣ.

— Нѣ, голубокъ, меня не тронь: я замужняя, — серьезно сказала женщина, — къ тебѣ я притронулась такъ, по ласкѣ, не принимай за худо.

Еще по дорогѣ я почувствовалъ, что боли стали тише, а потомъ и совсѣмъ прекратились.

На второй день у насъ деньги и провизія окончились, а на работу предполагали пойти только на четвертый день: цапать у татаръ землю подъ табакъ. Товарищамъ мозолило глаза мое пальто. Сговорившись, они стали насѣдать, чтобы я продалъ его.

— Вѣдь за работу денегъ не даютъ впередъ, — говорили они, — на что жъ мы будемъ харчиться?

Мнѣ было жалко расставаться съ пальто, но доводы ихъ показались правильными.

Втроемъ понесли продавать пальто. Его купилъ татаринъ-лавочникъ, знакомый Никиты. Торговались очень долго. Пальто было хорошее, но татаринъ больше трояка не хотѣлъ дать. Въ концѣ концовъ, сошлись на четырехъ рубляхъ двадцати. Купивъ, лавочникъ сталъ въ глаза смѣяться надо мной.

— Оно у тебя краденое, развѣ такое пальто продаютъ за четыре рубля? Ты — воръ.

Пили могарычъ — три бутылки. Никита настаивалъ на

томъ, чтобы выпить еще бутылку. Я отказался. Тогда онъ предложилъ играть въ карты. И въ карты не сѣлъ играть.

Послѣ продажи я остался въ одномъ бѣленькомъ парусиновомъ кителѣ.

На третій день пошли въ ту же деревню искать работу. Никиту тамъ всѣ собаки знали, работу скоро нашли: цапать подъ табакъ, семь привенъ въ день, харчи свои. Отобравъ паспорта, хозяинъ свелъ насъ въ сарай, тамъ мы должны были помѣщаться. На оставшіяся отъ пропоя деньги купили два пуда печенаго хлѣба. Ночи были холодныя, земля въ сараѣ сырая, одѣться и подостлать было нечего, а хозяинъ не далъ даже соломы, — страшно дрогли, охрипли.

Работа оказалась не изъ легкихъ: земля глинистая, подъ солнцемъ закаменѣла, а цапы съ короткими рукоятками. Согнувшись, надо было изо всей силы рубить ее, какъ дрова. За время жизни въ монастырѣ, а потомъ за военную службу, я отвыкъ отъ тяжелой работы, и она мнѣ показалась очень трудной. Вставали рано, до солнца. Шабашили послѣ захода, въ сумеркахъ. Харчи — хлѣбъ. Пойдемъ, бывало, къ колодцу, омочимъ кусокъ и ѣдимъ къ прихлебку.

Я никогда въ жизни не видѣлъ, чтобы человѣкъ могъ такъ много хлѣба съѣдать: ежедневно у насъ выходило двадцать семь фунтовъ, по девяти фунтовъ на человѣка.

Вскорѣ работа кончилась. Татаринъ выдалъ паспорта и деньги. У меня завелось три съ полтиной чистыхъ. Въ воскресенье Михаила съ Никитой сѣли играть въ карты. Пригласили меня. Я долго крѣпился, говорилъ, что играть не буду. А потомъ подумалъ: дай проиграю двугривенный. Сѣлъ и проигралъ сперва одинъ двугривенный, потомъ другой, и всѣ проигралъ. Хлѣба было купить не на что, я попалъ къ Никитѣ въ кабалу.

Проработали еще недѣлю — у другого хозяина, а спали въ томъ же сараѣ. Я расквитался съ Никитой и три рубля еще осталось. Надо бы было починить сапоги, они еще съ Кіева просили ремонта, а я сѣлъ отыгрываться и снова проигралъ все до гл. Михаила, не принимавшій въ игрѣ участія, осерчалъ на Никиту и сказалъ мнѣ:

— Еще когда ты пальто продавалъ, такъ Никита рѣшилъ обыграть тебя и прогнать. Жуликъ онъ. Сейчасъ я его поправлю!

Онъ срѣзался съ Никитой въ штоссъ, чисто обыгралъ его, вернулъ всѣ, мною проигранныя, и тѣ, что Никита заработалъ. Никита сталъ ругаться, плакать и хотѣлъ было удавиться, но Михаила предложилъ пропить эти деньги, и мы пошли пропивать.

Верстахъ въ пяти была харчевня, содержала гречанка. Мы пришли къ ней, взяли бутылку водки, выпили; потомъ стали ѣсть какую-то ѣду съ юстрымъ перцемъ. Я до того оголодалъ за двѣ недѣли сухояденія, что съѣлъ восемь порцій да два фунта хлѣба. Выйдя изъ харчевни, выпили еще бутылку водки, я свалился подъ стѣнку шоссейной дороги пьянымъ.

На слѣдующей недѣлѣ, когда работа кончилась, Михаила бросить насъ и ушелъ на каменную ломку подъ Байдарскія Ворота. Мнѣ было жалко его. На мѣсто Михайлы къ намъ присталъ орловецъ, Игнатъ, картавый:

«Соль я, блатъ ты мой, лазъ челезъ Сумфолополь, а настлѣчу мнѣ таталинъ» . . .

Я снова заработалъ три съ полтиной. Никита и Игнатъ взялись сцапать полдесятины виноградника, потомъ предстояла еще полдесятина; послѣ этого они собирались въ Черноморье на косовицу. А я рѣшилъ уйти отъ нихъ въ Феодосію, тамъ у меня жила тетка-молочница. Въ послѣднихъ дняхъ недѣли къ намъ было присталъ еще одинъ орелъ — Митрей, похожій на гориллу. Этого Митрея я и сбиль идти вмѣстѣ. Но когда мы обсуждали маршрутъ, онъ прогнусавилъ:

— Такъ что же, если кто попадетъ, и ножъ въ животъ можно!

«Ахъ, ты вонъ какой! — подумалъ я, — оставайся-ка лучше здѣсь, я безъ тебя найду дорогу».

Пошелъ одинъ на Алушту. Вечеромъ зашелъ въ ночлежный пріютъ и рано утромъ подался на Судакъ. Отъ Алушты до Судака что-то подъ восемьдесятъ верстъ; около моря, говорятъ, меньше. Но я пошелъ по шоссе. Здѣсь дорога была болѣе пустынной и дикой, вилась зигзагами, обходя овраги и балки. Крутя въскорѣ надоѣла, я рѣшилъ взобраться на вершины и пойти по хребту горъ, думая, что какъ только взберусь на макушку, тамъ будетъ ровно. Въ одномъ мѣстѣ пришлось лѣзть на полуотвѣсный обрывъ. Долго лѣзъ, потомъ сорвался и сплылъ внизъ, на то же мѣсто. Но не унялся, снова сталъ карабкаться, съ предосторожностями; на этотъ разъ вылѣзъ. Поглядѣлъ, а тамъ — второй уступъ, такой же. Влѣзъ и на этотъ, а тамъ третій, четвертый . . . Очень много времени понадобилось, чтобы добраться до вершины. Съ полдня шель по хребту, ныряя изъ котловины въ котловину, съ вышки на вышку. Было хорошо, просторно, солнечно; кружилась голова отъ слишкомъ раздвинувшагося непривычнаго горизонта и сладкаго горнаго воздуха. Къ полудню почувствовалъ, что лучше спуститься. Сначала я лѣзъ

напрямикъ, потомъ начался лѣсъ съ незнакомыми мнѣ деревьями, къ концу, сажень въ 70, крутой спускъ на шоссе. Спускаться было опасно, но я заупрямился и рѣшилъ спуститься. Кое-какъ держался за камни, кусты и кустики, травку, — она тамъ жесткая, крѣпкая, — потомъ пошла вывѣтрившаяся горная порода, которая подъ ногами осыпалась. На полдорогѣ руки мои неожиданно оторвались, и я полетѣлъ внизъ — и кубаремъ, и каткомъ, и вплавь, и черезъ голову, всего не упомяну — какъ. Долетѣлъ до дорожки, удачно пришелся ногами прямо въ мягкую землю, насыпанную съ откоса. Только содралъ себѣ ухо, спину, правый бокъ, животъ и зашибъ колѣно, а, въ общемъ, обошлось благополучно.

Къ вечеру ноги стали отказываться идти, но не хотѣлось ночевать въ горномъ лѣсу, холодно, я пошелъ еще. Невдалекѣ была рабочая казарма. Я попросился ночевать. Дѣвочка въ окнѣ закричала:

— Папа, папа, татаринъ ночевать просится!

На мнѣ была татарская шапочка.

Смотритель казармы спросилъ: кто я, откуда, — ночевать разрѣшилъ. Войдя въ комнату, я сѣлъ на низенькую скамеечку и не могъ подняться: я прошелъ, по словамъ смотрителя, шестьдесятъ пять верстъ.

Черезъ полчаса хозяева ужинали. Мнѣ страшно хотѣлось ѣсть. Дѣвочка спросила:

— Мама, а почему ты не даешь дядѣ покушать?

Мать смутилась и послѣ ужина влила мнѣ въ деревянную чашку немного молока; хлѣбъ у меня былъ свой. Спалъ беспокойно, всю ночь снились кручи, обрывы, горы, а я по нимъ плыву, плыву, лѣзу безъ конца и никакъ не могу влѣзть.

На утро, едва поднялся, пошелъ на Судакъ. Въ Судакѣ ночевалъ, нашелъ попутчика на Кизильташъ-Илью. Кизильташъ — монастырѣкъ, въ тридцати пяти верстахъ отъ Феодосии, въ горахъ, окруженный дремучимъ лѣсомъ, изъ котораго красиво острыя сѣрыя горы высовываютъ свои зубчатая верхушки; на нихъ поставлены кресты.

Въ монастырь пришли рано, часамъ къ двѣнадцати, но обѣда не захватили. Зато хорошо отдохнули, выпались. На другой день тоже отдыхали, а потомъ, толпою въ девять человекъ, отправились на Феодосію.

Среди насъ рѣзко выдѣлялся претоненькій, маленькій и щуплый человекъ, брившій перочиннымъ ножомъ бородку подъ француза. Нельзя было счесть лохмотьевъ и заплатъ на его вы-

линявшемъ и грязномъ зимнемъ пальто, доходившемъ человѣчку до пятъ. Онъ съ восторгомъ рассказывалъ, какъ они артелью работали въ виноградникахъ и всѣ заработанныя деньги въ воскресенье пропивали у того же хозяина. Въ артели съ нимъ были сѣвскіе мужики. Весь недѣльный заработокъ артели хозяинъ, обыкновенно, вручалъ ему — старостѣ.

— Денегъ никому — ни гроша, — объявлялъ онъ, староста, мужикамъ, — если кто хочетъ пить съ нами, пей, а не хочеть, все равно, ничего не получить, потому наше артельное дѣло такое: нельзя одному быть выскочкой, это — подлость, не по-товарищески...

Возмущенные мужики бѣжали къ хозяину.

— Какъ такъ, мы работаемъ, а онъ не даетъ жалованья, не желаемъ вина, подай деньги!..

Хозяинъ имъ говорить:

— Деньги вамъ поданы, чего вы ко мнѣ пристааете? Развѣ это мое дѣло? Развѣ я вамъ судья? Хотите работать, работайте, не хотите — не надо, я же васъ не заставляю силой, мы сошлись полюбовно... Уходите прочь съ моихъ глазъ!..

— Мы его уьемъ! — кричали мужики.

Хозяинъ улыбался и отвѣчалъ имъ на это:

— Охъ, ребята, глядите, кабы онъ первый васъ не порѣзалъ, какъ барановъ: онъ вѣдь безстрашный, ни тюрьмы, ни острога не боится...

Мужикамъ некуда было дѣться, не у кого искать правды. Съ горя, а главнымъ образомъ, чтобъ свое не пропадало, они набрасывались на вино, быстро перепивались, плакали, дрались, въ разбродъ пѣли свои цокающія пѣсни.

Разсказывая, человѣчекъ вытиралъ ладонью слезы смѣха.

Мой товарищъ, Илья, котораго я прихватилъ изъ Судака, былъ лѣтъ тридцати, небольшого роста, съ красненькимъ отъ загара носомъ, страшно заботившійся о своей наружности. Его мечтою было справиться почище одежку. Всякій разъ, когда онъ говорилъ объ этомъ, лицо его покрывалъ румянецъ, маленькіе, выпукло-коричневые глаза истомно полуприкрывались, правая, суховатая, съ аккуратнѣе подстриженными, хотя и грязными, ногтями рука ласково перебирала и безъ того приглаженный усъ.

— Пиджачокъ — рублика въ четыре, жилеточку, брючки — всѣ три подъ одинъ манеръ, шелковую рубашку съ воротничкомъ, фиксаарчику, духовитаго мыльца...

Илья могъ говорить объ этомъ часами и чѣмъ больше гово-

рилъ, тѣмъ лицо его шире растягивалось въ мечтательно-блаженную улыбку, голосъ журчалъ тише, слаще.

Илья не пилъ вина и водки. Въ Курской губерніи у него была жена съ ребенкомъ. А онъ вотъ ужъ восьмой годъ «валь-яжничалъ», какъ онъ выражался, въ Крыму, и все несчастье его въ томъ, что онъ до сихъ поръ не набрелъ на подходящаго и вѣрнаго товарища, съ которымъ бы могъ заработать двѣнадцать рублей на инструменты, чтобы пойти на Ай-Петри рѣзать дрова. Тамъ работать можно круглый годъ, по 80 копеекъ въ день, — скопить бы такимъ образомъ двѣсти рублей денегъ и снять на эти деньги баштанъ.

— Поставимъ шалашикъ, будемъ нанимать дѣвокъ на поденную, а сами — какъ господа!

Планъ несложный, глуповатый, а мнѣ нравился, — въ этомъ, очевидно, было виною краснорѣчіе Ильи. У насъ будетъ баштанъ и дѣвки-поденщицы, онѣ насъ сочтутъ за пріѣзжихъ богатыхъ арендаторовъ; мы сначала за ними будемъ ухаживать, а потомъ, къ осени, хорошо подработавъ и подѣливъ барыши, женимся на нихъ: я, какъ холостой, по закону; Илья — уговорно, подѣ клятву.

Верстахъ въ четырехъ отъ Феодосіи наша группа проходила по виноградникамъ, на которыхъ работали поденщики-крестьяне. Мы набросились на хозяина виноградниковъ, бронзоваго караима, принять и насъ заработать на «декофтъ», какъ говорятъ феодосійскіе босяки, но онъ отказалъ.

Вечеромъ пришли въ Феодосію, остановились въ ночлежномъ домѣ, одноэтажномъ зданіи, похожемъ на манежъ, съ цементнымъ поломъ и рядами наръ. Потолка въ ночлежкѣ не было, надъ нарами свѣшивались сѣрыя неструганныя балки и черепица. Въ немъ было сыро, холодно. Народу ночевало много, всѣ не помѣщались на нарахъ, спали на полу, подѣ нарами, въ дверяхъ. Были мѣста привилегированныя: это мѣста завсегдатаевъ, старожилувъ, дешевыхъ котовъ и портовыхъ рабочихъ-бобылей. Они приходили поздно, пьяными; горе тому человѣку, который осмѣливался, по незнанію или умышленно, занять ихъ мѣста: соннаго, съ бранью и пинками, его хватили за ноги и отбрасывали къ порогу. Утромъ, уходя изъ пріюта, завсегдатаи оставляли на своихъ мѣстахъ «подушки», гладкіе булжники съ набережной: тамъ, гдѣ «подушка», мѣсто считалось занятымъ.

Илья зналъ феодосійскіе порядки и дѣйствовалъ дипломатично: старшему кланялся, шпану отсовывалъ, награждалъ подзатыльниками. Старшимъ, — ихъ пока было трое: босякъ съ фло-

сомъ, въ пестрой рубах, повязанный черезъ уши ветошью; молотобоецъ съ кузни, разбившій пальцы и потому не работавши, и сухой, жилистый, съ лихорадочнымъ блескомъ глазъ грузинъ, плохо говорившій по-русски, — Илья мягко имъ доказаль, съ упоминаніемъ мѣсяца и дня, что три года назадъ онъ спалъ здѣсь на нарахъ и потому имѣеть право на нихъ. Съ этимъ согласились и мѣсто дали.

— А это — мой другъ, почти какъ братъ, десять разъ меня изъ нужды выручалъ! — съ достоинствомъ и даже съ нѣкоторою гордостью сказалъ Илья, указывая на меня; насчетъ нужды онъ привралъ.

И мнѣ дали мѣсто.

Въ полночь я былъ разбуженъ крикомъ и бранью: пришли на ночлегъ старожилы. Брезжила лампочка. Воздухъ былъ спертый, парный, сизыми кольцами плавалъ махорочный дымъ. Повсюду въ самыхъ причудливыхъ позахъ разметались усталыя тѣла: сопѣли, бредили, ругались во снѣ. По ночлежкѣ расхаживалъ высокаго роста, рыжій мужчина съ кривымъ носомъ, одѣтый въ еврейскій лапсердакъ, и надтреснутымъ, перепойнымъ голосомъ кричалъ:

— Мы не пойдѣмъ къ нему даромъ работать, дождемся своего, когда будутъ платить по три рубля въ день!

— Мажара, — задорно сказалъ ему кто-то изъ угла, — а Трехъэтажный и Котелокъ говорятъ, что ты съ ними не справишься.

— Что? Съ двумя не справлюсь? — прохрипѣлъ, останавливаясь, Мажара. — Я? Не справлюсь? Да я пятерыхъ ихъ уберу, такъ и разъѣтакъ!..

— Наверточка всегда вертитъ, — вставилъ кто-то изъ-подъ наръ, — спалъ бы, да и другимъ покой нуженъ!

Я опять забылся, но кто-то грузно плюхнулся мнѣ на ноги, я испуганно вскочилъ. Второе согнувшись на нарахъ и держа межъ ногтей свѣтящіяся окурокъ, Илья тоненько смѣялся, глядя изъ-за плечъ сидѣвшихъ впереди него бородачей, одинъ изъ которыхъ былъ голый. А человекъ десять, сбившись въ кучу между наръ, кричали что-то. Разобрать было трудно. Шумъ съ каждой минутой возрасталъ. Вотъ всѣ повскакали съ мѣстъ, завозились, запыхтѣли. Въ сторону, къ дверямъ, неожиданно отлетѣло тѣло очень длиннаго и худого человекъ, ноги, туловище и голова котораго какъ бы отдѣльно существовали и чуть-чуть были прикрѣплены другъ къ другу, чтобы не растеряться.

Мнѣ подумалось:

— Вѣроятно, это и есть Трехъэтажный.

Возня, пыхтѣнье и брань продолжались. Какой-то, небольшого роста, но плечистый человѣкъ крѣпко схватилъ мускулистыми руками Мажару поперекъ туловища, головой уперся въ грудь ему; Мажара метался и рычалъ, тщетно стараясь оторвать отъ себя низенькаго человѣка.

— А это, навѣрно, Котелокъ, — подумалъ я, — да и силенъ же!

Вдругъ послышалось грузное паденіе на цементъ. Всѣ на моментъ замерли, а потомъ неистово захлопали въ ладоши, крича:

— Bravo, bravo, Котелокъ! Ур-ра!..

Котелокъ побѣдилъ доселѣ непобѣдимаго Мажару. Мажара разсвирѣпѣлъ, какъ звѣрь, сталъ рваться, чтобы сбросить съ себя Котелка. Черезъ нѣкоторое время ему это удалось, и онъ вскочилъ на ноги. Снова завязалась отчаянная борьба, но и на этотъ разъ счастье измѣнило Мажарѣ: Котелокъ опрокинулъ его на обѣ лопатки, придавилъ колѣномъ грудь и, занеся надъ лицомъ здоровенный кулакъ, глухимъ басомъ спросилъ:

— Покоряешься или нѣтъ?

Насталъ самый важный и жуткій моментъ. Если бы въ ночлежкѣ пролетѣла муха, ее слышали бы. Мажара лежалъ блѣдный, обезсилѣвшій и ошеломленный.

— Покоряешься или нѣтъ? — грозно повторилъ Котелокъ.

— Покоряюсь, — хмуро сказалъ Мажара.

Гамъ, хлопанье въ ладоши и свистъ. Котелокъ помогъ Мажарѣ подняться и отвелъ его въ уголь. Вокругъ новаго побѣдителя образовалось кольцо оруженосцевъ; онъ въ развалку, съ достоинствомъ, сѣлъ на нары и приказалъ всѣмъ спать.

Еще до восхода въ ночлежку пришли городскіе метельщики и стали выпроваживать ночлежниковъ. Пьяные отъ свѣжаго воздуха, мы пошли на толчокъ, долго стояли, но на работу никто не попалъ.

— Пойдемъ искать тетку, — сказалъ я Ильѣ, и мы отправились за городъ, на дачу Баранишниковыхъ, московскихъ тузовъ.

Намъ указали ее. У воротъ стояла крашеная будка, какъ при полици. Пузатенькій, бритый человѣчекъ, по виду изъ бывшихъ дворовыхъ, въ широкомъ лѣтнемъ картузѣ и желтыхъ, широкихъ же, штанахъ, покровительственно разсуждалъ съ козой. Мы спросили: не знаетъ ли онъ молочницы, Авдотьи Ивановны Таранкиной? Широкоштаннйй человѣчекъ окинулъ насъ презрительнымъ взглядомъ и закричалъ:

— Пошли вонь, дряни! Какъ вы обращаетесь? Я вамъ не холуй! Кабы вы спросили, какъ слѣдуетъ, я бы сказалъ, а теперь — знаю, да не скажу.

— Дядюшка, пожалуйста, сдѣлай милость, мы тебя въ поминанье запишемъ... — низко кланяясь, насмѣшливо проговорилъ Илья.

Человѣчекъ подпрыгнулъ и схватилъ его за шиворотъ.

— Вонь!.. Сей минутъ вонь!.. Вы — живорѣзы!..

Вытолкали насъ изъ сада.

Отправились, другимъ ходомъ, въ самую дачу. Господа еще не пріѣхали. Тамъ сказали, что не знаютъ Авдотьи Таранкиной. А мнѣ доподлинно было извѣстно, что тетка у Баранишниковыхъ.

— Давай плюнемъ на нее, — предложилъ Илья, — вѣдь, все равно, ничѣмъ не поможетъ.

— Нѣтъ, надо поискать садовника, — сказалъ я, и мы пошли искать садовника. У задней стѣны сада стояли двѣ дѣвочки-погодки въ бѣленькихъ платицахъ. Спросили ихъ:

— Здѣсь живетъ садовникъ?

— Здѣсь, — отвѣчали онѣ, — папы нѣтъ дома, мама дома.

— Позовите, пожалуйста, маму.

Недовѣрчиво оглядывая насъ, дѣвочки побѣжали вглубь сада. Мы долго стояли, ждали; было жарко, пересохло во рту: хотѣлось пить. Никто не выходилъ. Илья болѣлъ животомъ. Рѣшили уйти. Отойдя на полверсты, видѣли, что къ забору, гдѣ мы ждали, вышла женщина, но мы не воротились. На этомъ кончились наши поиски тетки-молочницы.

Отъ дачи, по предложенію Ильи, мы отправились на городскія свалки — поискать старыхъ ботинокъ. Илья хотѣлъ починить свои ботинки, а я ходилъ въ опоркахъ, выпрошенныхъ въ Кизильташѣ: мои сапоги давно вдребезги разбились, а голенища были проданы за восемь копеекъ.

Переночевали еще ночь въ пріютѣ и съ поздней зарей отправились на Симферополь. Дорога была каменистая, шоссейная. Зашли на дачу Айвазовскаго, обѣдали тамъ, ночевали. Утромъ, часовъ въ семь, дошли до долины, поросшей высокой, густой и сочной травой. Съ наслажденіемъ завалились въ траву спать и спали до обѣда. Хотѣлось ѣсть, а купить было не на что, просить же милостыню оба стыдились. Обвиняя другъ друга въ томъ, что каждому хочется проѣхаться на чужой спинѣ, лежали и дулись. Наконецъ я не вытерпѣлъ, пошелъ въ ближайшую деревню, собралъ фунта четыре хлѣба — въ первый разъ въ жизни; накормилъ себя и Илью.

Опорки мои развалились, пошелъ босой. У меня въ мѣшкѣ лежали тряпки, остатки отъ портянокъ, и старые куски войлока, собранные на свалкѣ. У Ильи оказались иголка и нитки. Я обернулъ войлокомъ и тряпками ноги, стянулъ на живую руку нитками. Опорки Ильи не посоветоваль бросать, говоря, что босымъ молодому человѣку ходить по городу неловко. Я положилъ опорки въ мѣшокъ.

Дорогой много спорили о Богѣ, сатанѣ, добрѣ и злѣ, политикѣ, чужихъ земляхъ. Илья ни въ чемъ со мной не соглашался, а мнѣ казался онъ глупымъ.

Подошли къ Карасубазару. Илья спросилъ молодого татарина:

- Знакомъ, какой это городъ?
- Карабазаръ, — отвѣтилъ татаринъ.
- Что — хорошии городъ?
- Карошъ городъ.
- Большой?
- Палшой городъ.

Пропустивъ его, Илья сказалъ, что татаринъ, кажется, дуракъ: не все отвѣтилъ; обыкновенно, они говорятъ такъ:

— Карабазаръ, Бахчисарай, Масква, Петенбурхъ — адна стаканъ вода.

Подъ городомъ Илья показаль пещерку въ скалѣ, аршина полтора въ діаметрѣ: «Здѣсь, — говорилъ товарищъ, — въ старые годы водился четырехголовый змѣй, пожиравшій жителей; съѣлъ карасубазарскую царевну невиданной красоты». Я ему не повѣрилъ, Илья обидѣлся и сталъ упрекать меня, что когда я что-нибудь рассказываю ему, онъ во всемъ мнѣ вѣритъ, а лишь стоитъ ему начать, я перебиваю и кричу: «врешь! неправда! . . .»

Въ Карасубазарѣ заходили въ пекарни и разжились хлѣбомъ. Ночевать пришлось въ канавѣ. Ночь была холодная, росная: въ Крыму, въ маѣ, такія ночи бываютъ. На зарѣ насъ такъ пробрало, что нельзя было больше оставаться, мы вскочили и побѣжали. Бѣжали быстро и долго, пока не вспотѣли. Обогрѣло солнышко, на душѣ сразу полегчало, мы отдохнули и съѣли послѣдніи кусочки хлѣба. У Ильи опять начались рѣзи, и онъ лежалъ. Потомъ шли цѣлый день. Пересѣкли, не останавливаясь, Симферополь, только на базарѣ напился воды. Не доходя Качи, встрѣтили большой фруктовый садъ, залѣзли туда на ночлеги. Трава въ саду была покосена, мы сложили стожокъ сѣна и зарылись: было пряно, вспомнилась деревня — и какъ мы, бывало, барахтались въ новомъ сѣнѣ. Спустилась южная ночь. Черезъ деревья ярко просвѣчивали

звѣзды, недалекѣ журчалъ ручей, а кругомъ, на тысячи ладовъ, заливались соловьи. Эта удивительная ночь до того очаровала насъ, что мы забыли обо всемъ на свѣтѣ, забыли свой голодъ, лишения, бездомность и чувствовали себя счастливыми, довольными.

Илья пытался философствовать:

— Живемъ мы, какъ птицы небесныя...

Но я не слушалъ: хотѣлось молчать, молиться, созерцать...

Часовъ въ одиннадцать заснули. Полночью отъ Качи, по балкѣ, поползъ сырой туманъ, стало холодно, мы вскочили и пустились бѣгомъ, чтобы поспѣть къ обѣду въ Успенскій монастырь подъ Бахчисараемъ. Пройти надо было двадцать семь верстъ. Я время отъ времени ощупывалъ въ карманѣ рекомендательное письмо въ Москву, на машиностроительный заводъ; оно немного потрепалось.

Когда ободняло, свернули съ торной дороги на межу и шли полемъ. Въ росистой высокой травѣ пестрѣли пятна цвѣтовъ; низко кланялись матово-серебряные, колосившіеся хлѣба. Но мы ужъ не обращали вниманія на эту благодать: бѣжали, торопились, боясь опоздать къ обѣду.

Съ горы, надъ монастыремъ, слышали колокольный перезвонъ: кончилась поздняя.

— Слава Богу, поспѣли!

Илья и здѣсь былъ не разъ. Онъ прямо повелъ меня въ странноприимную. Въ это время зазвонили къ трапезѣ.

— Ступай, ищи тамъ кого-нибудь, — толкнулъ спутникъ.

Я отыскалъ подѣэконома, спросилъ:

— Батюшка, какъ бы намъ пообѣдать?

— Послѣ брати, — отвѣтилъ онъ.

Братія пообѣдала. Насъ позвали на кухню. Всего обѣдающихъ было четверо: мы съ Ильей да два странника. Монахъ-поваръ принесъ больше полведра кастрюлю съ борщомъ. Прочитавъ молитву, мы принялись рушить ѣду и въ скоромъ времени кончили ее. Монахъ спросилъ:

— Рабы Божьи, не подбавить еще?

— Подбавь, — сказалъ одинъ странникъ.

Поваръ налилъ столько же. И это рѣшили. Монахъ подаль большущую деревянную чашку крупяной каши, помаслил ее и полилъ борщомъ. Съѣли и кашу. Положилъ еще столько же, — съѣли. На закуску получили по доброму куску рыбы, парѣ пирожковъ и булкѣ. Я едва могъ подняться изъ-за стола; животъ отъ натуги готовъ былъ лопнуть; я задыхался. Еле передвигая ноги, всѣ поплелись подъ деревья, въ траву, отдыхать. Только тутъ я

понялъ слова своего покойнаго бати, что значить: «насадиться, какъ дуга»: трудно было согнуться, перелечь на другой бокъ, къ глоткѣ ежеминутно подкатывался словно камень, отъ котораго кружилась голова. До четырехъ часовъ валялся безъ сна, чувствовалъ себя больнымъ.

Зазвонили къ вечернѣ. Мы ходили осматривать церкви; вездѣ было покойно, чисто и оригинально. Въ высокой отвѣсной скалѣ были вырублены церковь, келіи, кладовыя. Внизу разстилался садъ; за нимъ — татарская деревушка. Словно въ саванахъ, по ней ходили группы завернутыхъ въ чадры татарокъ.

Въ монастырѣ попался какой-то старикъ-огородникъ, который предлагалъ поступить до осени на бахчу — поливать капусту. Сулилъ 60 рублей. Илья очень совѣтовалъ мнѣ поступить, а я почему-то заупрямился, не повѣрилъ старику и отказался. Потомъ не разъ жалѣлъ объ этомъ.

Переночевавъ еще двѣ ночи на страннопримной, мы запаслись хлѣбомъ и пошли на Бахчисарай. Тамъ около вокзала, у стѣны, спаль, накрывшись поддевкой, человекъ. Поодаль стояли новенькія ботиночки. Мы оба были босы.

— Вотъ бы смыть-то, — лаская ботиночки взоромъ, со вздохомъ проговорилъ Илья: — нсвы, прямо съ иглочки, щегреневы!..

Страхъ быть пойманными удержалъ насъ.

Изъ Бахчисарая путь повели на-полдень. Миновали Бельбекъ. За нимъ, на полустанкѣ, работала артель ремонтныхъ рабочихъ. Старшій, зная, что босоногіе прохожіе никогда не идутъ въ ремонтъ, шутиливо предложилъ:

— Ребята, въ ремонтъ не поступите?

— Нѣтъ, спасибо, — пѣвуче протянулъ Илья.

Рабочіе засмѣялись.

Я же, къ удивленію его, ухватился за эту мысль и сейчасъ же спросилъ:

— А почемъ жалованье?

— Жалованье — восемнадцать рублей, — не скрывая недовѣрчивой улыбкой, отвѣтилъ старшій, — а принимаетъ мастеръ, вонъ онъ — въ рабочей казармѣ.

Илья удивленно поглядѣлъ на меня и спросилъ:

— Ты это, Борисъ, взаправду? А я думалъ: мы гдѣ-нибудь подработаемъ на струментъ да махнемъ на Ай-Петри! Рублей бы двѣсти въ зиму выгнали, вотъ те и баштанчикъ, сами себѣ хозяева...

— Такъ вотъ давай подработаемъ.

— Нѣ-ѣ, ни въ жизнь, тутъ ничего не выйдетъ, только зря мараться... У какого-то такого пузыря да чтобы я былъ въ подчиненныхъ, гляди-ка, у него и морда-то, какъ у собаки, — нѣ-ѣ!..

Мы простились. Товарищъ пошелъ на Балаклаву. За нимъ осталось 50 копеекъ моихъ денегъ и войлочки, которые я ему уступилъ для ногъ.

Я пустился въ казарму. Мастеръ сидѣлъ съ какимъ-то чело-вѣкомъ на лавочкѣ.

— Ты — что, молодецъ?

— Такъ и такъ, желаю поступить на работу.

— Хорошо, давай паспортъ.

Подавая паспортъ, я взглянулъ на чело-вѣка, съ которымъ онъ сидѣлъ, и чуть не подпрыгнулъ отъ радости: онъ оказался нашимъ порѣчаниномъ, почти сосѣдомъ, билъ меня маленькаго.

— Дядя Селиверстъ! Дядя Селиверстъ! — закричалъ я.

Старикъ узналъ меня, обрадовался.

— Это ты, Борисъ? Развѣ ужъ кончилъ военную службу? Ловко!

Разговорились. Землякъ служилъ здѣсь путевымъ сторожемъ. Я рассказалъ ему о своемъ неудачномъ путешествии.

— Ишь ты, вотъ тебѣ бы прямымъ путемъ въ Москву держать, — сказалъ онъ, выслушавъ. — Ну, да ничего, здѣсь подработаешь.

Даль мнѣ свои старыя штиблеты, чтобы ходить на работу.

— Изъ хорошей семьи, — шепнулъ онъ мастеру, когда я къ сторонѣ примѣривалъ штиблеты. — Подбился какъ!..

Утромъ, — это было, помню, 17 мая, — я пошелъ на работу. Встали до восхода. Трудъ оказался возможнымъ: таскали шпалы, грузили щебень, подбивали путь. По желѣзнодорожнымъ порядкамъ, первое полумѣсячное жалованье удерживалось за конторой до окончательнаго расчета рабочаго. Мнѣ, такимъ образомъ, приходилось ждать полтора мѣсяца полочки. А съ меня въ первый же день работы сдуло вѣтромъ въ прахъ сгнившую единственную рубашку. Я остался голымъ и такъ, голымъ, работалъ двѣ съ половиною недѣли. Товарищи надумали условно объявить подъ расчетъ. Я объявилъ. Контора выдала девять рублей заработка. Паспорта я отъ мастера не взялъ, намѣреваясь еще поработать, тотъ понималъ причину хитрости, не придирался. На полученные деньги я купилъ ботиночки за рубль девяносто, пару рубашекъ, расплатился съ долгами. Ботиночки оказались мошенническими, на второй день развалились, я опять остался босымъ.

Послѣ этого, безъ приключеній, проработалъ еще мѣсяцъ. Какъ-то въ праздникъ захотѣлось посмотрѣть Севастополь; городъ былъ въ шести верстахъ; я пошелъ. На Сѣверной торговка продавала груши. Меня удивило, что груши такъ скоро поспѣли: дѣло было за недѣлю до Петрова дня. Для пробы купилъ фунтъ. Груши были зелены, но я съѣлъ ихъ. Дойдя до Братскаго кладбища, почувствовалъ острую слабость. Легъ отдохнуть, лежалъ съ часъ и насилу поднялся. Шестъ верстъ до казармы я съ трудомъ одолѣлъ только къ вечеру. Упалъ на початый штабель дровъ возлѣ казармы и лежалъ четверо сутокъ въ полубморочномъ состояннн. Днемъ пекла жара, хотѣлось пить, а подать воды было некому. Ёли оводы. Какъ по падали, по рукамъ и лицу, ползали зеленныя мухи. Истомила, замучила рвота.

На пятныя сутки боли прошли, я немного оправился, но работать не могъ и заявилъ мастеру расчетъ. Одновременно бралъ расчетъ курянинъ Червяковъ. У него на горловскихъ шахтахъ было много знакомыхъ. Сбилъ меня ѣхать туда. Взяли у мастера паспорта и расчетныя квитанціи и отправились въ Севастополь за получкою денегъ. Съ ранняго утра до четырехъ часовъ пополудни насъ протомили на нестерпимой жарѣ. У меня еще болѣла голова. Валялись подъ заборомъ, какъ чурки, въ сору, голодные. Часу въ пятомъ наконецъ смилостивились, выдали заработокъ, кассиръ обсчиталъ на полтинникъ. Мнѣ пришлось четырнадцать рублей съ копейками. Опять купилъ на нихъ ботинки за три тридцать, пиджачокъ, штаны, трѳйку рубахъ, фуражечку. Пять рублей оставилъ на дорогу.

Переночевавъ на Историческомъ бульварѣ у ночного сторожа, знакомаго Червякова, отправились съ нимъ на станцію, разыскивать багажнаго, другаго его знакомаго, такъ какъ сговорились ѣхать безъ билетовъ. Поили его водкой; онъ сказалъ, что надо поднести и кондукторамъ, привелъ ихъ. Въ общемъ, затѣя обошлась дороже билетовъ: помимо угощенія севастопольскимъ кондукторамъ, намъ пришлось платить каждой смѣнѣ, и пяти рублей моихъ съ натяжкою хватило лишь до Синельникова. Дальше ѣхать было не на что. Тогда я пустился на хитрость: сказалъ товарищу, что потерялъ пять рублей. Ему пришлось везти меня на свои деньги.

Работы, какъ и надо было ждать, на рудникахъ не оказалось: безъ дѣла слонялись сотни заправскихъ шахтеровъ, рады были изъ-за куска хлѣба лѣзть въ шахту. Были на ртутномъ: «повремените». Были на разныхъ другихъ заводахъ и шахтахъ: «нѣтъ, не предвидится, своихъ дѣвать некуда, ждите . . . » Такъ мотались не-

дѣлю. Эту недѣлю жили у рабочаго. Уже на третій день рабочий сталъ вклинять въ разговоръ:

— Вотъ бываютъ разные лоботрясы: шландаеть, будто дѣло ищетъ, а самъ отъ дѣла, какъ чортъ отъ ладана. Только загривки нажирають на чужихъ кускахъ.

Понятны и больны были эти клинья, но дѣться было некуда: краснѣлъ, молчалъ.

Въ субботу вечеромъ рабочий пришелъ пьянымъ. Я спалъ въ сѣняхъ. Онъ разбудилъ меня и выгналъ изъ квартиры.

Ощупью, придерживая сумочку, я пошелъ, самъ не зная — куда.

Ив. Вольновъ.

К И Р А.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Д о м а.

Для пятилѣтняго Киры нѣтъ ничего скучнѣе обѣда, когда приходится такъ долго сидѣть на одномъ мѣстѣ. Взрослымъ, навѣрное, тоже скучно. Если хорошенько приглядѣться, то прекрасно все видно. Отецъ, напримѣръ, отъ скуки забавляется тѣмъ, что наберетъ полную ротъ борща и, прежде чѣмъ его проглотить, пустить со свистомъ воздухъ черезъ волосатые ноздри... Потомъ зашевелить ушами.

— Кира опять ничего не ѣсть! — безпокоится мать.

— А тебѣ что? Это — его дѣло, — говоритъ отецъ, обсаывая усы. — Хочетъ остаться маленькимъ, вотъ и не ѣсть... Отчего я такой большой? Дай-ка мнѣ еще одну.

Трудно повѣрить, чтобъ отъ котлеты человѣкъ тутъ же и увеличивался. Но какъ знать? И Кира никогда не забываетъ послѣ обѣда помѣряться съ матерью силами... Или вдругъ съ какой-то мыслью, загорѣвшейся въ серьезныхъ глазахъ, начнетъ стремительно набивать ротъ жаренымъ картофелемъ.

— Ну, зачѣмъ же такъ-то? — скажетъ мать, пряча улыбку въ дѣловито нахмуренныхъ бровяхъ. — Вотъ и не прожужеешь...

Допивая молоко, мальчикъ лукаво поглядываетъ на мать изъ-за краевъ своего стакана.

— Ну, мама, давай руку...

— Зачѣмъ?

— Да давай же... какая ты!

Сказать прямо: «давай поборемся!» — что-то мѣшаетъ...

Кира хочетъ, чтобы мать сама догадалась, и улыбается смущенно, съ нѣкоторой досадой. Но, какъ только начинается борьба, и Кира крѣпко обхватываетъ ноги матери, на его лицѣ уже нѣтъ никакой

улыбки. Кира тогда серьезень, строгъ и даже немножко страшень. Особенно въ тотъ моментъ, когда мать, стараясь его не задавить, валится на полъ... Потомъ оба искренно хохочуть. У мальчика смѣхъ звонкій. И въ немъ, кромѣ искренней радости, слышна еще и неуловимая насмѣшка надо всей этой наивной историей, а, можетъ быть, и надъ собой.

Послѣ обѣда, такъ ужъ повелось, Кира съ отцомъ укладываются спать. Кто у кого изъ нихъ перенялъ эту привычку — трудно сказать. Очень ужъ много у нихъ общаго — и въ характерѣ, и въ наружности. Оба — небольшого роста, смуглы, крѣпко сколочены и походятъ издали на изсиня-черныхъ жуковъ — отецъ на большого, а Кира на маленькаго... И тотъ, и другой очень вспыльчивы. Какъ порохъ! Черные глаза тогда у обоихъ вспыхиваютъ синими огоньками. Наконецъ оба одинаково храпятъ и часто послѣ сна встаютъ съ лѣвой ноги. И трудно сказать, отъ котораго изъ нихъ больше достается матери... Старуха-нянька, когда Кира выведетъ ее изъ терпѣнія, такъ и говоритъ:

— У, ты! Батюшка родимый... Хрипуновская порода!

Въ кабинетѣ, куда является послѣ борьбы Кира, отецъ уже лежитъ на диванѣ. Рубашка у него разстегнута, и видна волосатая грудь. Вообще отецъ очень волосатъ. Даже пальцы на рукахъ, и тѣ мохнаты. А въ ушахъ и въ носу до того черно, что каждому, кто видитъ его въ первый разъ, начинается казаться, будто въ комнатѣ только что накопила лампа...

Кира молча перелѣзъ черезъ отца и легъ рядомъ съ нимъ. Но сейчасъ же поднялъ голову и провѣрилъ: такъ ли лежатъ его ноги, какъ у отца? Съ отцомъ у Киры совсѣмъ другія отношенія, чѣмъ съ матерью. Это два очень сдержанныхъ пріятели. Въ глубинѣ души каждый относится къ другому, можетъ быть, и нѣжно, но со стороны никому этого не видно. Оба даже немножко грубоваты.

— Ну-ка, подвинься... — говоритъ ворчливо Кира.

Задремавшій отецъ молча тычетъ его пальцемъ въ бокъ и сладко зѣбаетъ. Потомъ какъ будто некстати спрашиваетъ:

— А ты — пузырь?

— Пузырь... — отвѣчаетъ Кира, только чтобъ отвязаться.

Спорить уже неохота. Къ дивану неслышно подходитъ на своихъ мягкихъ ногахъ сонъ, перепутываетъ всѣ мысли и наливаетъ тѣло сладкой тяжестью.

— Чш... чш... — шипитъ въ столовой мать, поднимая палецъ.

И прислушивается къ тому, какъ вдругъ задрезжали хрустальныя подвѣски на люстрѣ. Уснули... Проходитъ полчаса, часть, еще полчаса. А подвѣски все еще позваниваютъ. Первымъ просыпается Кира. И, замѣтно, не въ духѣ... Это сразу видно. Стоитъ лишь взглянуть на щеки, на крѣпко прижатый къ грудѣ подбородокъ и еще на двѣ маленькія ямочки надъ каждой бровью. Мальчикъ только что видѣлъ сонъ. Извѣстно, что чаще всего видишь во снѣ: придирки! Тѣ самыя придирки, отъ которыхъ и наяву нѣтъ житья. Только и слышишь: «Ты зачѣмъ взялъ? Отдай сейчасъ же! Тебѣ говорятъ?!»

Сонъ свой Кира уже забылъ, но эта возмутительная фраза все еще стоитъ въ ушахъ: «Сейчасъ же отдай!»...

Въ столовую, гдѣ уже давно пьютъ чай, Кира является мрачный. И громче, чѣмъ нужно, стучитъ каблуками. Шнурки на лѣвомъ башмакѣ у него развязались, концы съ желѣзками тащатся по полу, шелестятъ и раздражаютъ... Волосы у него послѣ сна въ пуху, взъерошены. А правая щека все еще въ розовыхъ рубцахъ отъ подушки.

Мать читаетъ книгу и, не отрываясь отъ нея, ищетъ по столу кусокъ своей булки и кусочекъ сахару. Лицо у нея равнодушное, разсѣянное.

«Притворяется! — думаетъ Кира, — а самой такъ и хочется что-нибудь запретить или отнять...» И дергаетъ къ себѣ сахарницу.

Положилъ въ стаканъ два куска сахару. Подумалъ и положилъ третій кусокъ. Еще подумалъ и положилъ четвертый... Опуститъ кусокъ и самъ взглянетъ на мать сбоку, вызывающе. Ахъ, какъ было бы хорошо, если бъ она сейчасъ крикнула, — обидѣла бы!...

Но мать только съ удивленіемъ и долго посмотрѣла на него поверхъ очковъ. Когда она смотритъ такъ, нагнувъ голову, то у нея надъ затылкомъ, сзади, показывается туго закрученный жгутикъ, шишечка.

— Это ты зачѣмъ же положилъ столько? Дай мнѣ сюда стаканъ!

«Ага!..» — подумалъ Кира, злобно косясь на шишечку, но не двинулъ ни однимъ пальцемъ.

— Дай мнѣ сюда стаканъ! Кира?!

Мать выпрямилась и съ трескомъ захлопнула книжку.

— Тебѣ говорю или нѣтъ?!

«Вотъ оно!» — пронеслось въ черной, взъерошенной головѣ. И Кира быстро скатился со своего стула на полъ. Но тутъ же

раздумаль и торопливо, сопя, пригнувъ къ груди подбородокъ, выбѣжалъ изъ столовой.

Лицо у матери сморщилось отъ досады, усталости и раздраженія. Но стараясь совладать со своимъ раздраженіемъ, она сказала уставшимъ голосомъ:

— Кирикъ! Вѣдь я же только сказала тебѣ... Ну, куда ты побѣжалъ?

А Кирикъ шелъ по коридору и плакалъ. Плакалъ онъ хотя и промко, но вяло, безъ горечи и безъ всякаго удовольствія. И по тому, какъ онъ тянулъ, можно было догадаться, что мальчикъ все время ищетъ умомъ въ только что происшедшемъ такомъ, отъ чего бы сами собой полились обильныя, жгучія, остро-приятныя слезы. Да, должно быть, ничего не подыскивалось.

— Кирикъ! Ахъ, Боже мой!.. Вѣдь я только спросила тебя!

Но Кирикъ все тянулъ, завывая полунаильно, съ досадой, что ничего не вспоминается. И, если ужъ говорить правду, ждалъ съ тайной надеждой, что мать не выдержитъ-таки, съ трескомъ оттолкнетъ стулъ, прибѣжитъ, дернетъ за руку...

Въ дѣтской Кира пнулъ подъ брюхо рыженькаго котенка, который хотѣлъ было потереться около его ноги. Котенокъ, перевернувшись въ воздухъ, упалъ прямо на лапки и неодобрительно потрясъ головой.

Кира пересталъ плакать и, злой, смотрѣлъ, что будетъ дальше. Не подойдетъ ли котенокъ еще разъ?.. Но котенокъ пошелъ въ другую сторону, нюхая отъ скуки бумажки на полу. Понюхалъ одну и вдругъ, весь изопнувшись колесомъ, осторожно потрогалъ ее лапкой, какъ живую.

Кира нерѣшительно засмѣялся. А когда котенокъ, неожиданно поднявшись на заднія лапки, граціозно прыгнулъ на зашуршавшую бумажку и отъ страха удралъ въ уголъ, — мальчикъ громко захохоталъ и, все позабывъ, оживился.

Правда, на рѣсницахъ у него еще сверкаютъ слезинки, но онѣ уже другія, — онѣ тоже оживились.

Мать, которая какъ-то очутилась тутъ, сейчасъ же воспользовалась случаемъ:

— Давай-ка соберемъ слѣзки въ карманъ или въ вазочку.

Теперь два недавнихъ врага, Кирикъ и мама, сидятъ въ дѣтской на кушеткѣ. Слышно, какъ мальчикъ говоритъ весело-удивленно:

— Смотри! Мужикъ вышелъ, а я выстригалъ дерево...

— Ну такъ что же? — возражаетъ мать. — Изъ этого му-

жика еще можно сдѣлать хорошее дерево. Дай-ка сюда ножницы-то. Ты руки-то ему не обрѣзай, только голову срѣжь, да бока вотъ такъ, вотъ такъ... Видишь?

Слышно, какъ въ кабинетѣ упалъ стулъ, и кто-то съ ожесточеніемъ плюнулъ. Это встаетъ отецъ... Вотъ онъ идетъ по коридору въ кухню умываться. По тому, съ какимъ шипѣніемъ шлепаютъ по полу туфли, какъ влетаетъ въ дѣтскую замшевый зайчикъ, попавши подъ ногу, какъ премитъ въ кухнѣ умывальникъ, не трудно догадаться, что и большой Хрипуновъ всталъ тоже съ лѣвой ноги.

Мать отводитъ близорукіе глаза отъ вырѣзаннаго мухомора, разпибаетъ спину и прислушивается съ тревогой. Прислушивается и старая нянька.

Всѣмъ кажется, что вотъ-вотъ Михаила Федорычъ сейчасъ явится изъ кухни и стукнетъ по столу кулакомъ: «Я вамъ тысячу разъ говорилъ! Ты-ся-чу рразъ!»... И начнетъ ходить изъ угла въ уголь, задѣвая сапогами за стулья.

Кира не трусь, но и онъ въ такихъ случаяхъ притихаетъ. Молча слѣдитъ за отцомъ, а лѣвая бровь у него вздрагиваетъ и тревожно поднимается. На кого ни посмотри, — у всѣхъ подавленные лица. Даже рюмки и стаканчики въ буфетѣ, и тѣ какъ-то по особенному позвякиваютъ. По особенному скрипятъ половицы. Поневолѣ притихнешь.

На-дняхъ Михаила Федорычъ до того разшумѣлся, что Кира вдругъ поблѣднѣлъ и, точь въ точь какъ отецъ, стукнулъ кулакомъ по табуреткѣ:

— Не кричи, дуракъ!

И весь задрожалъ, затрясся... А черно-синіе глаза потцовски вспыхнули ненавистью и вызовомъ. Мать даже сѣла отъ неожиданности

— Ну, Кирка! — смѣялся отецъ послѣ. — Я, кажется, чортъ, а ты будешь еще чище...

И смущенно хохоталъ, поддерживая животъ обѣими руками.

— Ей Богу! Вотъ еще зелье сибирское!..

Кира же долго еще вздрагивалъ и сверкалъ на отца сквозь горячія слезы своими черными глазами.

Сегодня, повидимому, все кончится благополучно. Мѣдный умывальникъ все еще премитъ въ кухнѣ. Однако всѣмъ уже ясно, что настроеніе отца мѣняется. Очень ужъ холодна вода въ умывальникѣ, — какъ ледъ. Обливая крѣпкую стриженую голову, Михаила Федорычъ крякалъ сначала сердито, а потомъ все больше и больше входя во вкусъ, пока наконецъ неожиданно не захо-

хоталь... Послѣ умыванья онъ прибѣжалъ мелкими шажками, наклонившись, чтобы съ бороды не накапало за пазуху. И съ такимъ ожесточениемъ теръ свою короткую шею, что она стала багровой.

II.

Въ гостяхъ.

Былъ дождь, но прошелъ. А канавы все еще шумятъ. Въ освѣ-
жѣвшей, омытой синевѣ неба — разорванные, просвѣчиваю-
щія сиреневыя облачка. Всѣ они стремительно несутся въ одну
сторону.

Кира съ отцомъ и матерью идетъ въ гости на именины.

Послѣ дождя на асфальтовыхъ панеляхъ въ каждой ямкѣ
чернѣетъ соблазнительная лужа. Едва съ ней поровняешься — и
потянетъ тебя прыгнуть въ нее. Въ самую средину... Но этого
никто не дѣлаетъ. Каждый косится и торопливо обходитъ, при-
творяясь равнодушнымъ. Только одинъ Кира не хочетъ притво-
ряться. Поэтому мать и недовольна имъ, и придирается всю
дорогу.

— Это — наказаніе Господне, а не ребенокъ! Ну, куда ты
опять?

Часто она ставитъ ему въ примѣръ какого-нибудь робкаго
мальчика, который все время держится за нянькину руку и ни на
шагъ не отходитъ, а отойдетъ — сейчасъ же оглянется: тутъ ли?
У Киры такого благоразумія ничѣмъ нельзя вызвать, — ни при-
мѣрами, ни наставленіями. Въ своихъ увлеченіяхъ, онъ никогда
не оглядывается. Едва мать заговоритъ съ кѣмъ-нибудь, какъ
онъ оказывается уже на другой сторонѣ улицы.

— Кира! Кира!

Михайла Федорычъ не вмѣшивается. Ему — некогда. У
каждаго дома онъ останавливается и кричитъ:

— А-а, душа моя!.. Семень Ильичъ!

Здороваясь, онъ такъ высоко поднимаетъ свою волосатую
руку, будто хочетъ ударить Семена Ильича. «Душа моя!» И такъ
шумно возмущается или хохочетъ, что прохожіе по нѣскольку
разъ оглядываются, налетая на тумбы.

На именины немножко опоздали. Въ тѣсной передней уже
раскидано по всему полу множество маленькихъ калошъ. Кто-то
отворилъ дверь въ дѣтскую, — и оттуда вырвался топотъ и друж-
ный смѣхъ.

Кира съ большимъ нетерпѣніемъ ждалъ, пока мать попра-

вляла на немъ штанишки. И что ихъ поправлять? А она еще шопотомъ спрашиваетъ о разныхъ глупостяхъ.

— Да нѣтъ же, не хочу! — отвѣчаетъ онъ съ досадою... — Какая ты!

Прибѣжалъ раскраснѣвшійся именинникъ, Стива, тоненькій, голубоглазый мальчикъ съ длинными, до плечъ, свѣтлыми волосами. Не спуская съ Киры блестящихъ глазъ, онъ, будто невзначай, повернулся спиной. А за спиной у него висѣло новенькое ружье...

— А-а! — крикнулъ Кира, — душа моя!

И, не здороваясь, прямо взялся за ружье. Стива потянулъ было нерѣшительно къ себѣ.

— Это мнѣ подарили... — сказалъ онъ съ тревожнымъ недоумѣніемъ, но... ружья не удержалъ.

Такъ, съ чужимъ ружьемъ, Кира и отправился въ комнаты. Именинникъ въ бѣломъ костюмѣ и бѣлыхъ башмакахъ шелъ слѣдомъ за нимъ. Шель, уже не подпрыгивая то на той, то на другой ногѣ, а медленно, съ выраженіемъ растерянности въ большихъ синихъ глазахъ.

А Кира прицѣливался... Одинъ старичокъ, притворяясь испуганнымъ, вдругъ отскочилъ къ стѣнкѣ и замахалъ руками. Но Кира даже и не улыбнулся: ужъ очень было замѣтно притворство... Мужчины вообще не умѣютъ играть. Вотъ и отецъ тоже. Когда начнешь съ нимъ бороться, то сразу чувствуешь, что онъ тебя сильнѣй. Или ясно понимаешь, что онъ тебѣ поддается. Это ужъ не игра!

У стола съ игрушками Кира задержался. Деревянные кузнецы, барабанъ, волчокъ, кошка съ неподвижными желтыми глазами, а наверху — золотая пушка съ золотымъ ремнемъ... Не долго думая, Кира бросилъ ружье, дотянулся на цыпочкахъ до пушки и перекинулъ ее черезъ плечо.

Большая, свѣтлая дѣтская полна гостей, — все Стивины одногодки. Всѣ они сидятъ верхомъ на вѣнскихъ стульяхъ въ картузахъ и раскачиваются. По тому, съ какимъ напряженіемъ они сидятъ, и, главное, по выраженію лицъ совершенно ясно, что всѣ они скачутъ верхомъ на горячихъ коняхъ, которыхъ очень трудно сдерживать. И картузы не оставляютъ въ этомъ уже никакого сомнѣнія. Ёдутъ они по широкому полю, почему и приходится такъ громко кричать: вѣтеръ относитъ голоса въ сторону. У каждаго за спиной по палкѣ. Извѣстно, какія это палки...

Кира, быстро сообразивъ въ чемъ дѣло, сбѣгалъ за шапкой и тоже сѣлъ верхомъ. И сейчасъ же закачался, зачмокалъ...

Почти всѣхъ гостей онъ видѣлъ въ первый разъ, не сказавъ съ ними ни одного слова и все же сразу попалъ на общую дорогу, на ту самую, съ которой всѣмъ видно одно и то же. Для этого онъ просто сѣлъ на свой стулъ и помчался...

— Тпру-у!.. — пронзительно закричалъ передни и, вытянувъ шею, прищурился.

— Во-онъ волкъ!

— Нѣтъ! — такъ же громко крикнулъ Кира. — Это... это человѣчекъ...

Всѣ, приподнявшись на стременахъ, тоже вытянули шеи.

— Гдѣ?

— А во-онъ вышелъ изъ лѣса.

— Убить его? — спросилъ кто-то тоненькимъ голоскомъ, но такъ рѣзко, что проходившая мимо хозяйка вздрогнула.

— Убить! — приказалъ Кира и, втянувъ голову, торопливо снялъ съ плеча золотую пушку.

И всѣ, бросивъ раскачиваться, нацѣлили своими деревянными палками.

— Пу! пу... пу!

— Это еще что за новость! — ужаснулась хозяйка. — Кого вы убиваете? А?!

Но убицы, ничего не слыша, вдругъ поскакали къ лѣсу со страшнымъ стукомъ...

Тутъ же скакалъ и Стива. Онъ былъ въ восторгѣ, на всѣхъ оглядываясь, улыбаясь и встряхивая своими свѣтлыми, пушистыми волосами. Видно было, что самое главное для него тутъ — не человѣчекъ, не погоня, а все! Конечно, можно убить и человѣчка. Почему его не убить? Но это между прочимъ. И если щеки Стивы и разгорѣлись, то не только отъ сильныхъ ощущений, но еще и отъ вѣтра, и отъ верховой ѣзды, и отъ очаровательной свободы, — все одинаково хорошо!

Кира скакалъ съежившись, весь захваченный своей мыслью. Одно было только досадно, что шапка попалась чья-то чужая, огромная и все время наплывала на глаза.

Въ игрѣ не принимаютъ участія только двое: дѣвочка съ маленькой, гладко причесанной головой и большими, очень блѣдными ушами да гимназистъ Ваня Емельяновъ. Ему уже девять лѣтъ... Дѣвочка все время сидитъ за столомъ, согнувъ колесомъ узенькую спину и приподнявъ подбородокъ. На вискахъ у нея сквозь блѣдную кожу просвѣчиваютъ синія жилки, а большіе водянистые глаза кротки. Когда дѣвочка поглядываетъ на взрослыхъ, то кромѣ кротости въ ея глазахъ появляется еще и радост-

ная увѣренность, что кротость эту всѣ замѣчаютъ... Особенно, если какой-нибудь увлекающійся ровесникъ полетитъ со стула. Глаза дѣвочки тогда начинаютъ быстро бѣгать по взрослымъ.

Гимназистъ тоже изрѣдка взглядываетъ на взрослыхъ, но это совсѣмъ другое. Просто, большой девятилѣтний челоуѣкъ конфузится своихъ новыхъ друзей. Какъ только Кира что-нибудь скажетъ, гимназистъ одернетъ свою курточку и, оглянувшись на большихъ, снисходительно улыбнется... Но стоитъ ему самому надѣть черезъ плечо деревянную шпагу и проскакать верхомъ хотя бы до порога, какъ вмѣсто снисходительной улыбки на его лицѣ появляется такое же свирѣпое выраженіе, какъ и у Киры...

Съ одинаковымъ увлеченіемъ играютъ и въ кошку съ мышкой, и въ кучеровъ, и въ желѣзную дорогу. Только дѣвочка съ большими, блѣдными ушами остается попрежнему равнодушной. Изъ-за стола она, правда, вышла, даже изрѣдка подходитъ къ шумной компаніи, но часто бѣгаетъ къ матери и что-то шепчетъ ей на ухо. А та гладитъ ее по головѣ, толстая, неподвижная...

Кира чувствуетъ себя прекрасно, — лучше всѣхъ. Его влияние замѣтно въ каждой игрѣ, хотя онъ и всѣхъ младше. Если играютъ въ кучеровъ, то и кнутикъ, и вожжи оказываются у Киры. Онъ ухаеетъ и распоряжается. А всѣ остальные скромно сидятъ купцами...

— Нельзя, нельзя! — сердито кричитъ Кира на какого-нибудь пассажира, который не въ-время вылѣзъ, — тпру-у!

И сошедшій покорно садится на свое мѣсто.

— Видишь: лѣсъ! Еще... еще волки съѣдятъ. И-эхъ ты ну!

И такъ въ каждой игрѣ. Вотъ садятся кружкомъ возлѣ паровозика и пускаютъ его по рельсамъ. Пускаютъ долго, съ увлеченіемъ и всѣ вмѣстѣ. Но это только сначала. А потомъ выходитъ какъ-то такъ, что и паровозикъ, и рельсы оказываются въ распоряженіи одного Киры. Рельсы онъ кладетъ между ногъ и, на всякій случай, широко раздвигаетъ локти... Не успѣетъ паровозикъ остановиться, какъ Кира уже протягиваетъ къ нему свою маленькую, крѣпкую руку. Если же кто-нибудь схватитъ паровозикъ раньше, Кира сейчасъ же говоритъ:

— Дай-ка сюда...

И говорить это такъ просто и твердо, что ни у кого и мысли не является противорѣчить.

— Ахъ, ты, разбойникъ! — смѣются взрослые, оглядываясь на Киру и подолгу задерживая на немъ глаза, одни съ ласковымъ удивленіемъ, другіе съ плохо скрытой неприязнью.

— Ну и разбойникъ!..

Чья-то широкая, враждебная ладонь попыталась было пригладить черные вихры, но вихры сейчас же опять поднялись...

— Это — вашъ?

— Мой! — смѣется мать неувѣренно.

Говоря о Кирѣ, она никогда не можетъ найти одного определеннаго тона, невольно уступая блеску глазъ, устремленныхъ на ея мальчика...

Со всѣхъ сторонъ Киру окружаетъ дѣтская толпа. Тутъ же и Стива. Онъ не спускаетъ глазъ съ бѣднаго паровозика... Самъ онъ не сломалъ ни одной своей игрушки. Когда видишь, какъ онъ касается ихъ своими розовыми съ ладони пальчиками, то начинаетъ казаться, что игрушки — живыя существа, что имъ можетъ быть и больно, и пріятно.

— Будетъ!.. — нерѣшительно проситъ онъ Киру, — сломаешь! Отпусти его: онъ побѣжитъ...

Но Кира заводитъ да заводитъ. Да не только руками, но и бровями и даже языкомъ. Языкъ то выгянетъ наружу, то крѣпко упрется въ щеку... Въ этомъ обращеніи есть что-то такое, отъ чего паровозъ, если бы онъ чувствовалъ, долженъ бы обидѣться... Не то оно въ бровяхъ, не то въ языкѣ, не то просто въ томъ, какъ хватаютъ игрушку цѣпкія руки, хватаютъ и повертываютъ.

«Вотъ взять бы, — думаетъ Стива, — прямо взять бы и не отдавать... Какой еще! Прямо отнять бы...»

Но не отнимаетъ, а только смотритъ и мучится. Вдругъ паровозикъ у Киры крякаетъ, потомъ начинаетъ шипѣть, словно выпускаетъ духъ... И ужъ послѣ этого, какъ его ни ставятъ на рельсы, какъ ни подталкиваютъ сзади пальцемъ, паровозикъ стоитъ словно мертвый.

— Вотъ!.. — только и можетъ сказать Стива упавшимъ голосомъ.

И глаза его наполняются слезами. Кроткая дѣвочка вытягиваетъ свою тонкую шею и впервые за весь вечеръ оживляется. Подбѣжавъ къ матери, она радостно шепчетъ ей на ухо:

— Черный-то мальчишка паровозикъ изломалъ... совсѣмъ!

И даже большія, блѣдныя уши ея оживаютъ и становятся розовыми.

Почти слѣдомъ за паровозикомъ такое же недоразумѣніе выходитъ и съ пушкой. Несчастія всегда приходятъ полосой... Кому же хоть разъ въ жизни не казалось, что вещи порой явно къ нему враждебны? Стоило Кирѣ, какъ слѣдуетъ, выпалить изъ пушки, какъ и въ ней что-то лопнуло... Послѣ этого она уже не стрѣляетъ, а только фыркаетъ.

Бѣдный Стива не можетъ оторвать глазъ отъ этихъ маленькихъ смуглыхъ, цѣпкихъ рукъ, въ которыхъ все ломается и крикаетъ. Есть въ нихъ что-то обидное не только для однѣхъ игрушекъ... Все время мѣняется выражение его большихъ красивыхъ глазъ. Наконецъ, не выдержавъ, онъ убѣгаетъ за дверь и горько тамъ плачетъ. Не такъ ему жалко игрушекъ, какъ горько и... и досадно: вѣдь онъ же старше Кирки и сильнѣй его! А тутъ еще эти глупыя слезы!.. Разнюнился... бѣдняжка!.. И онъ щипалъ себя за щеку, зажималъ ротъ рукою, только бы задержать вырывающіися крикъ. Худенькія плечи его и грудь высоко и часто поднимались.

Кто-то прошумѣлъ юбкой и остановился.

— Стива! Родной мой!.. тебя обидѣли? Кто? Кира?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!.. — торопливо говоритъ Стива сдавленнымъ голосомъ. — Никто не обидѣлъ, никто!..

А слезы такъ и капаютъ на пышный, бѣлый галстукъ.

— Оставьте меня! Я ничего... я самъ...

И отстранялъ голову отъ протянутой руки. Еще недоставало этой унижительной жалости! Сейчасъ сбѣгутся...

— Оставьте меня! Уходите...

Эта жалость большихъ людей почти всегда оскорбительна. Жалуютъ, а сами поглядываютъ на обидчика съ нескрываемымъ восхищеніемъ... особенно, если онъ младше...

А рядомъ въ прихожей одѣвали Киру. Одѣвали его мать и еще двѣ женщины, потому что Кира ни за что не хотѣлъ уходить домой.

Когда дверь за Кирой захлопнулась, и крикъ сразу оборвался, въ комнатахъ еще нѣкоторое время раздавался басъ его отца. Большіе весь вечеръ играли отдѣльно, своимъ кружкомъ, около большого стола съ бутылками.

— Это вы, батенька, еррунду сморозили! — гудѣлъ Михаила Федорычъ.

— Но позвольте... — пытался ему возражать нерѣшительный и озлобленный голюсъ, — но позвольте...

— Еррунда, душа моя, еррунда! Чего тамъ... До свиданія!

А. Замираловъ.

*НОЧНОЙ БОЙ.**

*Клёкотъ суровый: трещать пулеметы,
Въ воздухъ рѣетъ горячій свинець.
Бросили въ небо пурпурный вѣнецъ
Ракетъ, озаряющихъ взлеты, —
Взвились и въ небѣ угрюмомъ застыли,
Какъ будто созвѣздя новыя всплыли.
Снаряды надъ полемъ слѣды провели
Огнистыя нити съ валовъ на валы.
Несутся солдаты какъ черныя тѣни
И мечутся странно среди загражденій.
Вскипаютъ разрывы шрапнелей,
Въ пространствахъ небесныхъ огни расцвѣли,
И сотни осколковъ о смерти запѣли
Въ просторахъ несчастной земли.
А люди текутъ и текутъ окровавленной лавой,
Какъ звѣрь безсердечный, безглавый...
Ракеты на небѣ полночномъ застыли,
Какъ будто созвѣздя кровавая всплыли.*

М. Герасимовъ.

---

* Авторъ этихъ стихотвореній — рабочій, эмигрантъ, рядовой французской арміи.

АРГОНА.

*Аргона, бѣдная Аргона!
Твои изрублены лѣса,
Гдѣ волны благостнаго звона
Вздыхались мощно въ небеса.
Листвой осенней, пепломъ снѣжнымъ
Покрыта грустно вся страна,
И день, и ночь звучитъ мятежно
Глухое оханье гранатъ.*

*Березы стройныя Аргоны
Печальны въ снѣговой пыли,
И у корней ихъ анемоны
Проливой крови расцвѣли.
А ночью, на фортахъ Вердена,
Прожектора лучистый мечъ
Сверкаетъ грозно и надменно,
Какъ бы готовясь мѣръ разстѣчь.*

*Снарядовъ огненные взвивы
Гудятъ, какъ эхо дальнихъ грозъ,
И мечутъ въ синихъ даляхъ гривы
Багряно-золотыхъ волосъ.*

*Холмы въ снѣгу — какъ въ горностаѣ,
За ними — красная луна,
Изъ крови молодой литая,
Какъ смерть безмолвна и жадна.*

М. Герасимовъ.

ШАМПАНЬ.

*Ш*ампань, я не могу безъ боли
Взглянуть на пышные сады,
Гдѣ спятъ теперь, на взрытомъ полѣ,
Солдатъ недвижные ряды.

Всѣ виноградники Шампани
Гигантской сръзаны косой,
Растоптаны въ кровавой брани,
Омыты красною росой.

Я слышу, какъ побѣдно пули
Напѣвы жуткіе поютъ
Живымъ, которые уснули,
Средь мертвецовъ найдя пріютъ.

Но все пройдетъ . . . Быть можетъ, скорѣ
Вновь зацѣтутъ холмы, лѣса,
И башни Реймскаго собора
Вонзятся снова въ небеса.

Какъ призракъ, сумрачный и странный,
Храмъ снова тяжело броситъ тѣнь
На незальченныя раны
Разбитыхъ селъ и деревень.

М. Герасимовъ.

ВЕСНА.

*Весна, весна — и вновь вервена
Въ поляхъ безснѣжныхъ расцвѣла,
И все, что призрачно и бренно,
Пріяла вешняя земля.*

*Помолодѣли рясы пини
Надъ мраморомъ могильныхъ плитъ,
И бирюзой лучисто-синей
Мірѣ воскресающей обвитъ.*

*Цвѣтами розоватый клеверъ
Иконы окропилъ полей,
Надъ ними на далекій стверъ
Летятъ станицы журавлей.*

*Душистой кровью анемоны
Облили пышные сады,
И нѣжно льются перезвоны
Ивъ, преклоненныхъ у воды.*

*И я склоняюсь на колыни
У плащаницы черныхъ розъ.
Душа вскрылитъ въ нѣмомъ моленьи
Подъ свѣтлымъ пламенъ звѣздныхъ слезъ.*

М. Герасимовъ.

* * *

*Я вижу пламенные ризы,
Въ нихъ дымный городъ облаченъ,
Онъ молніями сквозь пронизанъ,
Закованъ въ орудійный звонъ.*

*Летятъ, какъ демоны, гранаты,
Весь городъ ими окрыленъ,
Ихъ пляской зданія объята,
Скрипучи испускаютъ стонъ*

*Зіяютъ жутко въ крышахъ раны
И ребра сломанныхъ стропиль;
Дома — какъ будто великаны,
На землю павшіе безъ силъ.*

*Горитъ и таетъ городъ мертвый,
Пустыни улицъ — безъ людей,
Лишь сотни труповъ распростерты
На плитахъ красныхъ площадей.*

*Бушуютъ огненные волны,
Вздываясь въ ропотъ глухомъ
На черный остовъ колокольни
Съ поникшимъ гальскимъ пьтухомъ.*

М. Герасимовъ.

*Парижъ.
31/VII 1915.*

ПРИКЛЮЧЕНІЕ.

МАРТИНЕСЪ СЪЕРРА.

Прелюдія.

Крути веретено свое, паукъ, — вѣдь солнце, вѣдь лѣто! Нити бѣлаго шелка, нити свѣта, свивайте мотки свои на кустахъ! Журчи свою пѣсню, источникъ холодный, журчи свою пѣснь, — вѣдь воздухъ пылаетъ, вѣдь земля горитъ, вѣдь лѣто! Звени хрусталемъ своимъ, ты, ручеекъ, что бѣжишь, что журчишь, что спѣшишь по зеленому лугу подъ лазурнымъ небомъ, — вѣдь лѣто! Разсыпь свои трели, соловей, — вѣдь лѣто! Забудь ночь, забудь луну, оставь сладкую, томную пѣснь, — будь жаворонкомъ, будь жаворонкомъ! А ты, жаворонокъ, заводи громче свою пѣсню надъ золотыми хлѣбами, надъ маками, надъ красными кончиками созрѣвающихъ тутовыхъ ягодъ! Поетъ ли рѣка? Пусть поетъ рѣка, пусть поютъ надъ рѣкой камыши, пусть поютъ за камышами тополи, а за ними ясени, что взбѣжали на пригорокъ, а дальше за ними — сосны, черныя сосны, голубыя сосны, фіолетовыя сосны, пусть поютъ своимъ голосомъ, глубокимъ, таинственнымъ и ласковымъ, — пусть поютъ! И маисовыя поля съ тихимъ непрестаннымъ шопотомъ пусть колышутъ бѣлые серебряные султаны, а серебристыя тополи — серебро своихъ листьевъ, а осокори металлическимъ голосомъ рассказываютъ о своемъ восторгѣ, и пусть кричатъ перепела на жнивѣ, пусть поютъ стрекозы въ дорожной пыли, и кузнечики — въ колосьяхъ! Потому что лѣто, потому что свѣтъ благостенъ, и жара щедра, и золото солнца — словно вино радости! Лѣто — бушуетъ кровь, и трепещетъ тѣло, и душѣ хочется пѣть и цѣловать румяныя уста. О свѣжая вода, ласкающая бѣлое тѣло, голыя ножки въ ручьяхъ, янтарь и розы юныхъ тѣлъ въ рѣкѣ, — и плескъ нетерпѣливыхъ рукъ, и взлеты пѣны, сверкающей на солнцѣ, и сумасшедшій смѣхъ, и битвы въ водѣ, и бисеръ безсвязныхъ словъ! О мягкіи воздухъ на влажныхъ лбахъ, мокрыхъ волосахъ, на рукахъ, чуть поблѣднѣвшихъ послѣ купанья! А сладкая и волшебная дремота сесты! Бѣлая веранда, камышевыя кресла, красная герань у рѣшетки; тихо колышется парусиновая занавѣска, и полузакрытые глаза

слѣдятъ за лучомъ свѣта, въ которомъ пляшетъ золотая пыль... А въ золотой пыли — ткань нашихъ грезъ? нѣтъ, нѣтъ! — веселая ткань истинныхъ былей, чудесной жизни, радостной любви, алыхъ губокъ и смѣха, звенящаго въ жизни! Лѣто, — пчелы жужжать и трудятся, подсолнечники киваютъ головками, розмарины покрылись голубыми цвѣтами, лавры колышутъ на горячемъ вѣтрѣ кораллы и снѣгъ своихъ вѣтокъ. Пахнетъ грозой, пахнетъ землей и глиной. Падаютъ ливни на виноградники, и съ шумомъ прыгаетъ вода по мохнатымъ листьямъ смоковницъ! А потомъ снова выходитъ солнце, садъ смѣется, обмытый и свѣжій, и смѣются дѣти, что попрятались на верандахъ, и выбѣгаютъ на дорожки подбирать упавшіе плоды. Пришло лѣто, пора золота, свѣта, пурпура, гвоздики и нарда и сентифольныхъ розъ. Крути веретено свое, паукъ! Разсыпай свои трели, жаворонокъ! Ручей, ключъ, рѣка, вода бѣгучая, пойте всѣ, пойте всѣ свои пѣсни!

Отрывки изъ писемъ.

Да, другъ, приключение! Земля Астурии, моя родина, хранила для возвращенія своего блуднаго сына, подъ тѣнью своихъ каштановъ, на муравъ своихъ луговъ, въ говорливой влагѣ одной изъ своихъ рѣкъ, средь тростниковъ и папоротниковъ, не болѣе, не менѣе, какъ настоящую эклогу. Эклогу свѣжѣе эклогъ Гарсиласо, съ любовной битвой, съ вишневыми устами, съ черными кудрями, разсыпавшимися по бѣлымъ плечамъ, съ рѣзвыми ножками Аталанты. Просыпается Панъ! Кельтическая тѣнь позлащается на мгновеніе солнцемъ Греции. Возьми же свирѣль, поэтъ, и воспой стихами, пахнущими поцѣлуями, пчелинымъ медомъ и молокомъ бѣлыхъ мифологическихъ козъ, подвигъ, о которомъ я сейчасъ расскажу тебѣ! Онъ стоитъ того...

Начнемъ исторію съ начала. Ты знаешь, что, безъ малаго недѣлю тому назадъ, тревожное письмо отца вырвало меня изъ нашего любимаго Мадрида. «Отчего ты не ѣдешь? Я очень старъ и боленъ. Мать твоя только и дѣлаетъ, что тоскуетъ по тебѣ. Домъ приунылъ, потому что ты забылъ его. Три года ты не приѣзжалъ, а я не хочу умереть, не повидавъ тебя». — Я приѣхалъ. Отецъ вовсе не такъ дряхлъ, какъ ему нравится утверждать. Болѣзни — ни признака! Деревенскій воздухъ точно выдубилъ его, и старость его похожа на сморщенное яблоко, сохранившее сочность подъ съезжившейся кожицей. Я засталъ его въ саду, подъ тѣнью каштана, среди еретическихъ газетъ, составляющихъ вѣчное отчаяніе моей матери, закоренѣлой церковницы. Приѣхалъ я подъ вечеръ. Мы пообѣдали подъ вѣтвями орѣшниковъ, подъ аккомпанементъ чудеснѣйшаго заката, подъ музыку листьевъ и оглушительный пискъ птицъ, копошившихся въ вѣтвяхъ. Когда сложили салфетки, насталъ часъ ежедневной молитвы, мать про-

читала ее съ прислугой, горничными, конюхами и работниками; въ почтительномъ молчаніи я присоединился къ молитвѣ; отецъ развернулъ «Бунтъ» и углубился въ самое внимательное чтеніе. Мать, поглядывая на него, тяжело вздыхала, доходя до каждой десятой четки. Настала ночь, безъ луны, но звѣзды блистали взапуски. Надо тебѣ сказать, что въ домѣ у насъ большая веранда, занавѣсью для которой служить раскидистая зелень геліотропа. Мы сидѣли, не скажу, въ его тѣни, потому что была ночь и не въ его прохладѣ, потому что ночь была душная. Итакъ, мы сидѣли на верандѣ, — родители и сынъ. Сынъ, — справедливость требуетъ признать, — въ довольно меланхоличномъ настроеніи: расшитый звѣздами мракъ вызывалъ передо мною сверканіе культурнаго электрическаго свѣта; ванильный запахъ геліотропа — ароматы газа, шелковъ и тонкихъ женскихъ духовъ; торжественная музыка вѣтвей заставляла меня вспоминать другіе мотивы, пожалуй, менѣе стройные. Но, Боже мой! Ты знаешь, я обожаю лѣто въ Мадридѣ, а въ это лѣто нашъ Мадридъ имѣлъ для меня особое очарованіе. Вслѣдствіе всего этого, идиллическій миръ природы, вмѣсто того, чтобы пролить въ душу мою нектары умиротворенія, которые такъ расточительно приписываете ей вы, поэты, вызывалъ во мнѣ какое-то досадливое возбужденіе, какое-то нетерпѣніе, стремленіе бѣжать, сѣсть на поѣздъ, смѣнить эти пышныя и росистыя вѣтви на пыльныя и чахлыя вѣтки городскаго парка, гдѣ въ этотъ часъ...

— Ты что-то очень задумчивъ! — сказала мать.

Голось прорѣзалъ безмолвіе съ такой необычайной звучностью, что всѣ мои фантазіи сразу оборвались и исчезли.

— Ты не радъ, что вернулся въ родной уголокъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ прелестень.

— Но Мадридъ... — прошептала мать.

— Но Мадридъ... — подчеркнулъ лукаво отецъ. — Сколько тебѣ лѣтъ? — продолжалъ онъ.

— Тридцать, — вздохнулъ я съ искренней печалью.

— Тридцать, — повторила мать, — не можетъ быть! Столько же, сколько было твоему отцу, когда мы женились.

— Вѣрно! Мнѣ было тридцать лѣтъ, когда я женился.

Сердце мое сдѣлало предостерегающій скачокъ: разговоръ вступалъ на опасную почву.

Да такъ и продолжался. Основываясь на печальномъ аргументѣ тридцатилѣтія, отецъ и мать возымѣли намѣреніе доказать мнѣ, со всей своей мѣстно-астурійской діалектикой, что я пришелъ уже въ возрастъ разсудка, что мнѣ должны были надоесть безумства, что отецъ мой старъ, что все мое состояніе заключается въ этомъ помѣстѣ, и если я хочу сохранить его, я долженъ о немъ заботиться, что земля, неумолимая земля, зоветъ меня, и я долженъ взять въ свои руки наше ужасное сельское хозяйство и же-

ниться. Если бь ты слышалъ, какъ захохотали всѣ орѣшники въ роцѣ!

— Смотри-ка, какой вдругъ поднялся свѣжи вѣтеръ! — сказала мать.

— Жениться, да! . . . Путемъ искуснѣйшихъ оборотовъ и обходовъ, отецъ далъ мнѣ понять, что есть уже и кандидатка на мою руку: зовутъ ее Марсела, она совсѣмъ молоденькая, рано лишилась матери, а ея сеньоръ папаша считаетъ золото гарницами и припасъ для нея великолѣпнѣйшій сахарный заводъ, устроенный въ старомъ дворцѣ, въ полумилѣ отъ нашего дома.

— Поистинѣ, не дѣвушка, а кладъ, — сказала мать.

— Чудесная дѣвушка, — пробормоталъ отецъ и съ грѣховнымъ смакованіемъ прибавилъ нѣсколько зажигательныхъ деталей.

— И чистая, чище воды!

— Прямая, какъ сосна . . .

Боже мой, почему, вмѣсто того, чтобы возвеселить меня, всякая новая прелесть невѣсты, преподносимая добрыми стариками, вызывала во мнѣ дьявольскую злость?! Я прекрасно знаю эстетическіе вкусы моего родителя по части женщинъ и, судя по его восторженнымъ похваламъ, представилъ себѣ красавицу въ видѣ мѣстной дѣвицы, плотную и румяную, съ кроткими и глупыми коровьими глазами, съ льняными волосами, угловатыми манерами и неподвижностью статуи, влюбчивую, простодушную и робкую. А мнѣ въ женщинахъ нравятся легкая, тонкая искусственность, хрупкая грація, завлекающее противодѣйствіе, кокетство и даже, пожалуй, нѣкоторая испорченность. Та, которой суждено влюбить и покорить меня, будетъ тоненькая, смуглая, съ умными глазами, съ смѣющимся ртомъ, одѣтая по послѣдней модѣ, изысканно надушенная, безъ тѣни ребячливости, но безпокойная, тревожная и, самое главное, тревожащая; я хотѣлъ бы часто страдать, пусть она даже немножко смѣется надъ моимъ страданіемъ. Словомъ, я думалъ о прекрасной Марселѣ, портретъ которой упорно рисовалю мое воображеніе, и до такой степени разстроилъ себѣ нервы, что я сказалъ самъ себѣ: «Завтра же утромъ возвращаюсь въ Мадридъ!» и, оборвавъ на полусловѣ своихъ изумленныхъ родителей, попросилъ свѣчу и пошелъ спать. Немного погодя пришла сильно встревоженная мать.

— Ты боленъ, сынокъ? Что съ тобой?

— Ничего, ничего . . . Усталъ, хочу спать, нервы . . . Оставь меня!

— Ну, спи, спи!

И поправила простыню. У матери моей руки — какъ у дѣвочки, удивительно нѣжныя и всегда прохладныя. Я помню, что мальчикомъ не могъ заснуть, если онѣ не закрывали мнѣ глаза.

— Мама! Руки!

Она сдѣлала милый, привычный жестъ, улыбаясь съ тайной радостью.

— Мальчикъ мой!

Я ужъ спалъ, когда она ушла.

Когда я проснулся, утро было въ полномъ разгарѣ, и солнце свѣтило во всю; птицы щебетали въ саду; въ открытыя окна струился воздухъ, пахнувшій народомъ и скошенной травой. О, какое наслажденіе — свѣжее дыханіе утра надъ садомъ! Я такъ спѣшилъ вдохнуть этотъ воздухъ, такъ спѣшило расшириться мое сердце, что глаза мои наполнились слезами, а на уста бурно рвались всѣ стихи, какіе я знаю наизусть. Въ сердцѣ таится цѣлое гнѣздо стиховъ, которые вылетаютъ въ минуты безпричиннаго восторга, пьянаго счастья, безпредметнаго и глубокаго ликования, по утрамъ. Это странно: только по утрамъ душа вспоминаетъ, что она — малый ребенокъ.

— Педро, Педро! — прозвенѣлъ голосъ въ саду.

— Мама!

Въ саду — подъ орѣшникомъ накрытый столъ: дивно благоухающіи шоколадъ, кружочки сливочнаго масла, словно выточенные изъ слоновой кости, румяныя булки, парное молоко. Какое безумное наслажденіе, какое счастье новорожденнаго звѣрка! Мать, облокотившись на столъ, смотрѣла, какъ я ѣмъ, и улыбалась, а я — о горе! — я позабылъ про Марселу. Изъ кухни вышла дѣвушка, свѣжая, свѣтловолосяя, бѣлая, пухленькая, легко неся на головѣ ведро; у нея были уже извѣстные тебѣ, кроткіе и глупые глаза, и ужасный призракъ такъ властно всталъ предо мною, что сердце мое заныло; навѣрное, я очень поплѣднѣлъ.

— Что съ тобой? — испуганно спросила мать.

И я, немножко смущенный, опустивъ глаза и считая нитки на скатерти, проговорилъ:

— Ничего, мамочка. Только я уѣзжаю... — я не посмѣлъ сказать: «сегодня», — я уѣзжаю завтра.

— Завтра? Ты уѣзжаешь?

— Да, мама. Видишь ли, — не сердись, — когда я получилъ письмо, то подумалъ, что папа боленъ, дѣйствительно боленъ, и выѣхалъ спѣшно, оставивъ дѣла. Понимаешь, дѣла?

— Дѣла въ Мадридѣ? Въ августѣ?

— Да, мама. Увѣряю тебя, мнѣ надо ѣхать.

— Хорошо, милый, хорошо. А пока, пойди, погуляй по деревнѣ и по полю, чтобы набраться аппетита. Отецъ ушелъ на зарѣ, пойди, поищи его!

Въ эту минуту появился отецъ, онъ шелъ съ ружьемъ на плечѣ и съ пустымъ ядташемъ. Онъ шумно съ нами поздоровался, обнялъ мать.

— Ахъ, лѣнтяй, развращенный горожанинъ! Въ девять часовъ въ постели! Позавтракалъ? Что собираешься дѣлать?

— Онъ пойдетъ сейчасъ гулять. Ты не пойдешь съ нимъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, я ужъ нагулялся и теперъ долженъ просмотрѣть газеты.

Мать нахмурилась.

— Да, газеты, голосъ прогресса, милѣйшая моя жена! «Бунтъ» дѣйствуетъ замѣчательно. Надо тебѣ знать, что въ Вильянуэвѣ священникъ...

— Замолчи, замолчи! Ступай, милый, гулять! Въ часъ будемъ обѣдать. Можетъ быть, дойдешь до Ясеней? Это влѣво, внизъ по рѣкѣ. Марселиту я видѣла нынче утромъ. Свѣжа, какъ роза. Конечно, ея папаша, узнавъ, что ты приѣхалъ, очень тонко пригласилъ насъ обѣдать въ субботу. Я ему сказала, что мы ужъ стары и не любимъ обѣдать не дома, такъ что приѣдешь ты одинъ. Ну, желаю тебѣ удачи!

Нашъ садъ отдѣленъ отъ огорода зеленой изгородью. Въ огородѣ купы смоквицы и яблонь, капуста всѣхъ отгнковъ бѣлизны, зелени и пурпура, пышныя гряды картофеля, прядки, на которыхъ краснѣетъ начинающая созрѣвать земляника, и, свѣсиваясь надъ дорожками, стоятъ розовые кусты съ крупными желтыми розами. Надъ низкимъ заборомъ — шиповникъ. Калитка выходитъ на дорогу, а по ту сторону ея линія ольховника отмѣчаетъ изгибы рѣки. Дорога — бѣлая, чистая, гнѣстная и шумитъ голосомъ бѣгущей у ея края воды. На горизонтѣ тянутся параллельно три лини вершинъ горделивыхъ Астурійскихъ горъ: первая — зеленая, вторая — темно-фиолетовая, третья — лазурная и мглистая, таеъ въ мглстой лазури неба. Взавъ направо, я поднялся въ гору и пошелъ потихоньку, съ весьма умѣреннымъ желаніемъ встрѣтить красавицу. Навѣрное, въ этотъ часъ, — думалъ я, — она занята хозяйственными дѣлами, растрепанная, потная, красная, какъ земляника, — словомъ, одна изъ тѣхъ, какія, по слухамъ, больше, чѣмъ нужно, нравились сеньору дону Іоакиму Лопесъ де Аблану моему почтенному родителю.

Въ этомъ мѣстѣ долина широка; тусклая зелень свекловичнаго поля тянется по берегу рѣки. Я подумалъ, что эти поля, которыя будутъ моими, являются главной причиной моего предполагаемаго брака съ наслѣдницей Ясеней; повидимому, сейчасъ папаша Марселя покупаетъ свекловицу у моего отца. Какъ заливались въ ивнякѣ птицы! Дроздъ выдѣлывалъ изумительнѣйшее соло на флейтѣ; легкій вѣтерокъ шевелилъ листву. Дорога суживается и идетъ вдоль крутого выступа горы; рѣка испуганно прячется въ ущельѣ. Я стою въ узкомъ проходѣ, заросшемъ папоротниками. Рѣка шумитъ и лѣнится; склоны уходятъ все дальше и дальше вверхъ; изъ трещинъ скалы бьютъ тонкія струйки, ихъ свѣжесть вызвала роскошнѣйшую растительность, поднимающуюся отъ рѣки до вершины горы; камыши поднимаются въ самыхъ неправдоподобныхъ положеніяхъ; величественно, какъ въ саду,

стоять кипарисы; кустарники, папоротники, мхи устилают землю. Рѣка дѣлаетъ заворотъ, и на ней вертятся колеса мельницы. Дальше она разливается широкимъ плёсомъ; напоръ воды подмываетъ скалу, и она, измельченная въ желтый песокъ, образовала пляжъ, какъ на морѣ, но пляжъ закрытый, тѣнистый, прохладный, охраняемый отъ нескромныхъ взоровъ крутой горой и завѣсой зелени.

Ты знаешь, какое невыразимое очарование имѣетъ для меня вода! Часто, въ саду, въ какомъ-нибудь общественномъ мѣстѣ, проходя мимо фонтана, я испытываю потребность броситься въ полный бассейнъ, а если на спокойную поверхность воды падаютъ тревожные брызги струй, тогда желаніе это дѣлается настолько сильнымъ, что причиняетъ мнѣ настоящее физическое страданіе. Съ представленіемъ о водѣ, съ ея прохладной лаской, съ ея нѣжной подвижностью, связываются у меня самыя тонкія, самыя изощренныя и волнующія ощущенія наслажденія, но наслажденія чистаго, юнаго, свѣжаго, радостнаго. Въ водѣ я постоянно встрѣчаю объятія, которыя меня поддерживаютъ, голоса, которые мнѣ поютъ; я былъ бы любовникомъ всѣхъ наядъ и ундинокъ, я плаваю, какъ рыба, и люблю волновать мирную влагу заводей, поднимая сильными взмахами шумныя брызги, разбивающія въ звонкую пѣну прозрачный хрусталь воды.

На гладкую пелену заводи падали каскады, поднимаемые лопастями мельничныхъ колесъ. Мнѣ захотѣлось выкупаться. Быстро, стремительно я бросилъ на землю шляпу, пиджакъ. Женскій смѣхъ остановилъ меня. За деревьями послышалось движеніе, шумъ; кто-то говорилъ.

— Да, сеньорита... — Нѣтъ, сеньорита.

— Какая, должно быть, сейчасъ чудесная вода! — сказала тотъ же голосъ, что раньше смѣялся.

Бѣлая фигура пробѣжала по берегу и на минуту вырисовалась во весь ростъ на камнѣ. Потомъ ударъ по водѣ, быстрый плескъ, масса пѣны, и среди нея — смуглое лицо, ясные глаза и волна влажныхъ черныхъ кудрей. Прерывистые радостные возгласы, потомъ — тишина. Наяда плыла молча. Въ тѣни жаркій воздухъ былъ душливъ, какъ въ печи. Сквозь вѣтви пробивались лучи солнца, вонзавшіе золотыя стрѣлы въ тѣло, окутанное нескромной бѣлой пеленой. Наяда закрыла глаза; черная волна волосъ тяжело стлалась по водѣ; руки, играя, лѣниво ловили воду, сжимаясь и разжимаясь; маленькія бѣлыя ножки двигались шаловливыми толчками. Я помню яркіи румянецъ губъ на поблѣднѣвшемъ отъ зеленоватаго свѣта лицѣ. Какой жаръ въ крови, какая жажда поцѣлуевъ! Если я не кинулся въ рѣку, то, повѣрь, только потому, что наяда вышла изъ воды съ такой же внезапностью, какъ вошла. Безподобнѣйшій водоворотъ пѣны крутился вокругъ ея тѣла. Она поднялась, побѣжала по водѣ, прыгая по круглымъ прибрежнымъ камнямъ, и, споткнувшись, чуть не упала на песокъ.

Но здѣсь — ужаснись, робкии и сладчайшій поэтъ! — ее подхватили мои раскрытыя объятія. Да, мои объятія! И, если бы ты зналъ, какъ извивалось въ нихъ молодое бѣлое тѣло, какъ трепетало подь моей рукой полное ужаса сердце, какимъ гнѣвомъ пронизывали меня черные глаза! Она была храбра, эта невѣдомая наядя, храбра и обольстительна. Она защищалась, безъ единого крика, и, въ то время, какъ губы мои искали ея и впились въ вишневыя уста, одна рука ея, вырвавшись изъ плѣна моей, вонзила мнѣ въ щеку стальные ногти. И тогда, — о мужская стойкость! — я вскрикнулъ и разомкнулъ объятія. Она убѣжала, а я почувствовалъ, какъ по щекъ моей стекаетъ кровь. Моя Аталанта снова бросилась въ воду, пробѣжала по камнямъ и скрылась въ мельницѣ. Изъ кустовъ вышла, крича, служанка и послѣдовала за убѣжавшей красавицей, а у меня что-то оборвалось въ груди, не то сердце, не то жизнь. Какая шея, другъ, — янтарь и розы! Какая свѣжесть тѣла и какой небесный аромат! Я и не подозрѣвалъ, какъ головокружительно пахнетъ женщина, вышедшая изъ рѣки, да еще такая женщина! Холодныя губы, сочныя, какъ спѣлый плодъ, зубы еще холоднѣе, — злючка, во что бы то ни стало, хотѣла кусить меня. А темныя рѣсницы, дрожавшія надъ негодующимъ огнемъ глазъ!

Кровь лилась у меня изъ трехъ огромныхъ царапинъ, нанесенныхъ ея свирѣпыми ногтями. Пришлось умыться въ рѣкѣ, пришлось поднять пиджакъ, пришлось сѣсть и посушиться на солнцѣ, потому что мокрая волна кудрей обвила меня, какъ злая змѣя. . . И я сидѣлъ у воды, когда она вышла изъ мельницы, уже одѣтая, въ сопровожденіи служанки и мельника; съ видомъ оскорбленной королевы, вся въ бѣломъ, необыкновенно серьезная, подь наряднымъ краснымъ зонтикомъ. Она, безъ сомнѣнія, видѣла меня, потому что прошла рядомъ, но не удостоила взглядомъ. Она высокая, стройная, въ изящнѣйшихъ, вышитыхъ бисеромъ туфелькахъ, шелковыхъ чулкахъ, съ множествомъ пышныхъ и бѣлыхъ, какъ пѣна, кружевныхъ волановъ. Мельникъ шель, вооруженный грозной дубиной.

И вотъ нѣжная и сладостная причина нелѣпости, объясненіе радости, съ какой я отказался отъ возвращенія теперь въ Мадридъ. Я не видалъ больше своей смуглой красотки и каждое утро и каждый вечеръ хожу къ рѣкѣ; утромъ и вечеромъ купаюсь въ заводи, возлѣ брызжущаго водопада, подь тѣнью тростниковъ и кипарисовъ; но изъ скромности, — изъ робости, пожалуй, — не рѣшаюсь наводить справки и до сихъ поръ не знаю, кто она. Я сталъ ужаснѣйшимъ провинціаломъ, люблю Астурію больше всего на свѣтѣ и заявляю, что нѣтъ въ мірѣ мѣста, которое могло бы сравниться съ этимъ райскимъ уголкомъ. Повѣрь, поэтъ, я влюбленъ безповоротно. Завтра ѣду въ Ясени, бѣлокурая Марселита проиграла ставку..

* * *

Дорогая! Мое приключеніе имѣло вторую часть, не менѣе неожиданную и поразительную, чѣмъ самое приключеніе. Я не ходила больше на рѣку, какъ ты, конечно, можешь себѣ представить. Добродѣтельно купаюсь въ саду, да еще защищенная — кромѣ навѣса надъ виноградникомъ — палаткой изъ простынь. Солнце свѣтитъ на нихъ снаружи, внутри зеленая тѣнь лозъ, и, такимъ образомъ, когда, сидя въ водѣ, я поднимаю глаза, мнѣ удается позабыть, что я заключена въ прозаическую ванну, и я воображаю, будто живу въ японскомъ фонарѣ, и съ полузакрытыми глазами мечтаю о приключеніяхъ съ чудеснѣйшими развязками. Да, о приключеніяхъ; съ тѣхъ поръ, какъ со мной случилось настоящее и дѣйствительное приключеніе, мнѣ больше, чѣмъ когда-либо, нравится воображать другія, невозможныя. И самое курьезное, что къ перипетіямъ воображаемыхъ я примѣшиваю элементы дѣйствительно случившагося. Какіе элементы? По правиламъ мнѣ должно бы быть стыдно говорить о нихъ; но мнѣ не стыдно, и я признаюсь, съ нераскаянной дерзостью, по твоимъ словамъ, характерной для меня, что среди нихъ главное мѣсто занимаютъ голубые глаза дерзкаго любезника, бѣлокурые завитки, очень крутые надъ загорѣлымъ лбомъ, какая-то очень приятная теплота подъ щекотаніемъ темныхъ усовъ, стройный станъ, какъ говорится въ романахъ, тонкій запахъ очень чистаго бѣлья и вербеновой воды. Не смотри съ такимъ возмущеніемъ. Извѣстно вѣдь, о добродѣтельнѣйшая изъ добродѣтельныхъ, что ты тоже любишь помечтать; но ты мечтаешь о маркизахъ въ стилѣ Людовика XIV, одѣтыхъ въ шелкъ и бархатъ. Неужели мои мечты менѣе добродѣтельны отъ того, что герой мой предстаетъ предо мной въ жилетѣ и крахмальной сорочкѣ? Увѣряю тебя, что она была бѣла, какъ снѣгъ, тончайшаго полотна, изумительно выглажена и сшита въ Мадридѣ, не сомнѣвайся! Какъ, въ краткое мгновеніе кратчайшаго объятія, я могла замѣтить столько подробностей? Кое на что мнѣ пригодилась моя опытность хозяйки, — на Рождествѣ мнѣ исполнится двадцать лѣтъ. Уже двадцать лѣтъ, Карлотта! Весна уходитъ стремительно, я вступаю въ лѣто жизни. Прощайте фіалки; прощайте, вздохи; прощайте, смутныя розовыя мечты! Мечты мои теперь лазурны и бѣлокуры, цвѣта его глазъ и кудрей. Ну, хорошо... На лазурной и золотой тропинкѣ фантазія моя немного путается и приходитъ къ нѣсколько смѣлымъ заключеніямъ, комментарии къ которымъ я оставляю до нашего ближайшаго свиданія, потому что есть вещи, которыя можно сказать только между смѣхомъ, а бумага не смѣется. Противная бумага! Подумай, быть веселой, веселой, веселой, хотѣть смѣяться — и видѣть передъ собою эту плоскую бѣлую физиономію, не выражающую ни горя, ни радости! Письмо — вещь нелѣпая, антипатичная, глупая. Самыя забавныя и самыя чувствительныя вещи въ мірѣ пишутся на бумагѣ и — хлопъ! — сразу становятся безнадежно глуп-

пыми. Потому-то я не люблю романовъ, написанныхъ другими, а люблю выдумывать ихъ сама: въ нихъ, дѣйствительно, есть и розовый свѣтъ, и смѣющіяся лица, и даже, изрѣдка, слезы. Слезы? О, да, въ моей купальнѣ, въ моей зеленой тѣни, слушая буколическую музыку — буколическая говорится вмѣсто скучной — шмеля, запутавшагося въ усикахъ лозь, я по-настоящему плакала сегодня утромъ. Отъ горя? Отъ радости? Отъ злости, милая моя, не болѣе, не менѣе, отъ злости и раскаянія за чрезмѣрный смѣхъ! Да, душа души моей, Карлотта, вторая часть моей истории есть печальная глава о смѣхѣ. Выслушай ее, посмѣйся со мной и пожалѣй меня.

Начнемъ *ab initio*, какъ говоритъ мой братъ Хозелито, который съ тѣхъ поръ, какъ изъ-за твоего презрѣнія рѣшилъ сдѣлаться священникомъ, даже супу просить по-латыни. *Ab initio*, въ данномъ случаѣ, означаетъ фатальный часъ. Не можешь себѣ представить, съ какимъ величественнымъ видомъ я вышла изъ мельницы; даже не взглянула на него, хотя видѣла, какъ онъ сидѣлъ и сушился на солнцѣ. Карлотта! Когда я проходила, онъ вздохнулъ, но, конечно, не послѣдовалъ за мной. Дома на меня напала какая-то шальная веселость; въ семь часовъ мы пообѣдали; вечеромъ я попробовала навести дипломатически справки; никто не зналъ моего бѣлокураго незнакомца. Ясени — уединенное и равнодушное мѣсто; деревья, наши знаменитые ясени, какъ ни болтливы, но никогда не говорятъ того, что хочется узнать; каменистый ручеекъ, птицы въ вѣтвяхъ, вѣтеръ, играющій флюгеромъ, всѣ болтаютъ, кто во что гораздъ, но не со мной; отецъ — ни со мной и ни съ кѣмъ. Какъ-то поведетъ свои дѣла бѣдный незнакомецъ? Съ Хозелито я тоже не могу столкнуться съ тѣхъ поръ, какъ онъ изучаетъ Горация; кромѣ того, онъ говоритъ, что я ужасно легкомысленна, и презираетъ мою бесѣду. Въ итогѣ мнѣ пришлось довольствоваться собственной персоной, и я сѣла за рояль и стала играть вальсы и польки. Канарейка, слушая меня, заливалась, какъ сумасшедшая; я стала ей вторить, и мы цѣлый вечеръ задавали концертъ. Я слышала, какъ одно за другимъ захлопнулись три окна въ кабинетѣ моего папаши, потомъ два въ комнатѣ моего ученаго братца, и я осталась одна со своей музыкой. Есть ли, по-твоему, что-нибудь болѣе пріятное, чѣмъ возможность производить много шума? Не помню, въ какой-то комедіи говорятъ: «Моя душа звенить, какъ колокольчикъ». Мнѣ тоже часто кажется, что душа моя похожа на колокольчикъ, который катится съ горы, быстро, быстро, быстро, и звенить, звенить, заливается, и вдругъ падаетъ въ воду, и вода проникаетъ въ него и гудитъ тамъ, какъ въ морскихъ раковинахъ. У меня есть двѣ большихъ морскихъ раковины, снаружи золотистыя, а внутри розовыя. Онѣ чудесно гудятъ. И гуль идетъ точно издалика, будто гудитъ душа другого мира, такъ что иногда хочется смѣяться, а иногда плакать.

Однако я заболталась. Когда стемнѣло, я вышла на балконъ. Опускаю описаніе пейзажа, такъ какъ ты знаешь его наизусть. Было жарко. Все было тихо и безмолвно. Вдругъ... — не пугайся: любезникъ не появился, — вдругъ закуковала кукушка. Кто устоитъ передъ лукавымъ искушеніемъ? Я спросила: «Сколько лѣтъ до моей свадьбы?» И знаешь, сколько разъ прокуковала проклятая? — Пятьдесятъ восемь! Обидно! Я захлопнула балконъ, пошла ужинать, но ни къ чему не притронулась. Папа сказалъ: «Въ субботу у насъ будутъ завтракать гости». Я заперлась въ своей комнатѣ и грустно занялась ночнымъ туалетомъ, но за полировкой ногтей постепенно пришла въ хорошее настроеніе. Какая алая кровь была у злодѣя, — алая и горячая! Увѣряя тебя, я здорово его поцарапала. Еще бы! При защитѣ цѣломудрія всякая жестокость простительна. Лукреція была бы моимъ идеаломъ, если бь прибѣгла къ кинжалу пораньше. Заснула; во снѣ ничего не видала. Проснулась вмѣстѣ съ солнцемъ, ибо имѣю похвальное обыкновеніе спать съ открытыми окнами. И... но зачѣмъ продолжать! Два дня безъ всякихъ развлеченій, кромѣ прогулокъ по полямъ во всѣ стороны, но — увы! — безъ послѣдствій. Коварный Донъ-Жуанъ не показывался нигдѣ. Думаю, что онъ провелъ все время у рѣки, выжидая моего появленія. Удивительная логика у мужчинъ!

Настало утро субботы, унылое, предвѣщающее бѣды. Ясени совсѣмъ закутались въ туманъ, солнце гримасничало. Я, при содѣйствіи кухарки, составила меню параднаго завтрака.

— А кто будетъ, сеньорита?

— Не знаю. Какой-нибудь папинъ знакомый коммерсантъ. Сдѣлайте побольше мяса.

— Марсела! — крикнулъ въ это время отецъ.

Я побѣжала въ кабинетъ. У Хозелито — торжественное лицо, у папы — какъ всегда.

— Что тебѣ, папочка?

— Сядь!

Сѣла. Театральная пауза. Хозелито смотрѣлъ въ потолокъ, папа въ полъ, потомъ оба принялись смотрѣть на меня съ болѣе, чѣмъ неприятной настойчивостью, и отецъ спросилъ ни съ того, ни съ сего:

— У тебя есть женихъ, Марсела?

Я посмотрѣла на него съ изумленіемъ.

— Женихъ?

— Ну-да, женихъ! Отвѣчай правду!

Я вздохнула.

— Ахъ, нѣтъ, папочка!

Такъ горестенъ былъ, должно быть, мой тонъ, что отецъ, мой безстрастный отецъ, чуть было не расхохотался. Опять пауза, не менѣе продолжительная и не менѣе торжественная.

— А хотѣла ли бы ты выйти замужъ?

— Сейчасъ?

— Сейчасъ или немного погодя?

— Смотря по тому, за кого, папа.

Отецъ посмотрѣлъ на Хозелито. Хозелито мефистофельски улынулся, я задрожала.

«Боже милостивый! — подумала я, — неужто онъ вздумалъ искать мнѣ мужа при помощи моего классическаго братца? О, ужасъ, ужасъ! Кто этотъ несчастный? То-есть, несчастной-го, собственно, буду я. Какого супруга можно откопать среди латинскихъ книгъ сына и свекловицы отца? Навѣрное, онъ старъ; навѣрное, объясняется въ любви гекзаметрами и безобразенъ. Нѣтъ, невозможно!»

Я встала и рѣшительнымъ голосомъ, съ трагическимъ жестомъ, произнесла:

— Нѣтъ, папа, я не хочу выходить замужъ.

И намѣревалась покинуть поле битвы. Отецъ ласково удержалъ меня.

— Послушай, Марсела, будь же благоразумна.

— Я сказала: нѣтъ!

— Подумай...

— Я не желаю выходить за старика.

— А если онъ не старъ?

— Не старъ? — Я остановилась. — Сколько ему лѣтъ?

— Не знаю. Двадцать восемь, тридцать.

— Онъ добрый?

— Добрый.

— Изящный?

— Послушай, Хозелито, — онъ изященъ?

— Кажется, да, — буркнулъ тотъ.

— Высокій? Блондинъ?

— Ахъ, милая моя... Не могу сказать тебѣ въ точности.

— Развѣ ты его не знаешь? — воскликнула я съ негодованьемъ.

— Что ты, Богъ съ тобой! Конечно, знаю, только давно не видалъ.

— Довольно, — сказала я не особенно благодушно. — Какъ его зовутъ?

Отецъ блаженно улынулся.

— Его зовутъ Педро Лопесъ де Абланъ.

— Перико Абланъ! Сынъ доньи Терезиты?

— Онъ самый.

— Да вѣдь онъ въ Мадридѣ!

— Онъ вернулся.

Ахъ, Карлотта! А еще говорятъ, что сердце — вѣщунъ. Мое вело себя въ этомъ случаѣ совсѣмъ предательски.

- Да вѣдь, говорятъ, онъ кутила!
- Ты сдѣлаешь изъ него святого.
- Но, папа...
- Что, Марсела?
- А если онъ мнѣ не понравится?
- Это мы скоро узнаемъ.
- Какимъ образомъ?
- Перико Абланъ будетъ у насъ завтракать.
- Онъ?!

Послышался конскій топотъ, остановившіяся у нашего крыльца.

— Вотъ онъ!

Дѣйствительно, въ передней раздалась голоса, шаги по коридору, дверь отворилась, и... Это былъ онъ, Карлотта, онъ, мой герой! Я опустила глаза. Претендентъ приблизился, отецъ взялъ меня за руку.

— Марсела, дочь моя, имѣю удовольствіе представить тебѣ...

Я подняла голову. Никогда не видѣла я болѣе удивленнаго лица! Онъ смотрѣлъ на меня, смотрѣлъ, а я, вспомнивъ сцену на рѣкѣ и увидѣвъ на его щекѣ побѣдоносные слѣды моихъ ногтей, красные, глубокіе, еще совсѣмъ свѣжіе, Карлотта, душенька, я не могла сдержаться! На меня напалъ неудержимый смѣхъ, и я начала хохотать, какъ безумная, съ криками, задыхаясь, почти извиваясь. И хохотала, хохотала, безъ конца! Отецъ смотрѣлъ на меня, ошеломленный; любезникъ не зналъ, куда дѣваться. Хозелито подбѣжалъ поддержать меня, потому что я падала отъ смѣха. Повалившись въ кресло, я почувствовала, что умираю; глаза мои наполнились слезами, но я все продолжала смѣяться. Наконецъ папа, потерявъ терпѣніе, схватилъ меня за руку и вытолкнулъ въ коридоръ. Я хотѣла заговорить, объяснить... Невозможно! Это былъ какой-то дьявольскій смѣхъ. Шатаясь, я поднялась по лѣстницѣ, вошла въ свою комнату, легла на диванъ... Черезъ минуту услышала стукъ захлопнувшейся двери, потомъ топотъ копытъ. Я подбѣжала къ балкону, выглянула, — мой Донъ-Жуанъ утекалъ во всю прыть. Ахъ, Карлотта, если бъ ты знала, какъ онъ хорошъ! Какъ блестяли у него глаза, какъ задрожали губы, когда онъ слышалъ мой смѣхъ! Отъ страха? Отъ злости?

Когда припадокъ кончился, я взглянула на себя въ зеркало. Видь у меня былъ такой, точно я не спала нѣсколько ночей: вѣки воспаленныя, лицо измятое, съ огромными синяками подъ глазами. Скорѣе въ воду! Мой японскій фонарь ждалъ меня. И тамъ, душа моя, я проливала слезы, о которыхъ говорила въ началѣ этого письма. Отецъ назвалъ меня сумасшедшей. Хозелито не удаиваетъ меня взглядомъ. Мы обѣдали въ гробовомъ молчаніи. Понапрасну старалась моя бѣдная кухарка. Гость бѣжалъ, и я романтически вопрошаю: не бѣжало ли съ нимъ мое счастье? Нѣтъ,

нѣтъ, Карлотта, этого не можетъ быть, потому что, несмотря ни на что, мнѣ все-таки безумно хочется смѣяться. «Сердце, — говорила намъ мать Каталина, — есть полый мускулъ». Чѣмъ же я заполню свое, если Перико Абланъ, напуганный моимъ приѣмомъ, скрылся, какъ ласточка изъ стиховъ, чтобы больше не вернуться? Вернется? не вернется? Я превратилась въ бѣлокурую Гретхенъ и ощипываю пророческія маргаритки. Неужели кукушка сказала правду, Карлотта? Ждать цѣлыхъ пятьдесятъ восемь лѣтъ! Ты скажешь: жизнь — загадка. А я слыхала, что сфинксъ смѣялся и надъ жизнью, и надъ загадками. Ну, что жъ, будемъ смѣяться и мы!

Интермедія.

Святой Рохъ благословенный!

Волянка стонетъ, колокольчики заливаются; дѣвушки поютъ и кружатся въ хороводѣ; парни пляшутъ болеро, сверкая бѣло-снѣжными рубашками, яркими шелковыми платками, и сбиваютъ кегли, принимая позы, напоминающія древніе классическіе мраморы. Святой Рохъ благословенный! Женщины, скорчившись, сидятъ у корзины, полныхъ товарами. «По собачкѣ! по собачкѣ!»* Вотъ паточныя собаки, сахарные быки, овечки изъ леденца, розовые пряники съ вѣночками изъ глазури! «По собачкѣ! по собачкѣ!» Вотъ меренги, миндальные прянички, бисквиты!

Святой Рохъ благословенный!

А вотъ свѣжіе орѣхи, спѣлыя груши, яблоки, бѣлыя и румяныя, какъ щечки милой, по три собачки пара! Вотъ сливы, полная медвянаго сока и одѣтая въ густой пурпуръ!

Святой Рохъ благословенный!

Волянка стонетъ, боченокъ съ пивомъ выставляетъ круглый животикъ; надъ нимъ прибитъ флагъ, какъ надъ гордой крѣпостью; а напротивъ — вражеская крѣпость — высокомерно выпятила брюхо пивная бочка. И стеклянный бокаль гуляетъ взадъ и впередъ, полный сладкой пѣны, полный горькой пѣны. И языки чешутся, глаза блестятъ, щеки пышутъ пылымемъ. А вотъ жареный миндаль, круглые орѣшки, возбуждающіе жажду! Играй, волынщикъ, — вѣдь сегодня праздникъ Святого Роха, сегодня ярмарка! Играй, волынщикъ! Звуки твоей волюнки — точно небо моей родины и вздохи солнца, окутаннаго легкой утренней дымкой, точно мягкая мурава моихъ луговъ, точно пѣніе, доносящееся издалека ввечеру. Пой, волянка, плачь, мечтай о любви!

„Когда снѣгъ блеснетъ на тропинкѣ,
Прощай, моя любовь!
Когда снѣгъ блеснетъ,
Что мнѣ дѣлать?“

* Мѣдныя монеты въ 5 и 10 сантимовъ, съ изображеніемъ льва. Простонародье называетъ эти монеты „маленькой“ и „большой собакой“.

Святой Рохъ благословенный! Смотри, какъ волнують воздухъ и раззадориваютъ пляску бѣлые платки надъ альми улыбками. Дѣвушки моей родины похожи на голубей: бѣлый платочекъ — крылья, а къ нимъ нѣжное сердце и воркующій ротикъ. Танцуй, малютка, открывай румяныя губки и смѣйся карминомъ и бѣлой эмалью своему танцору, играй пальчиками, взмахивай руками, наклоняй лукавое личико, переступай ножками въ тактъ наивному, свѣжому, безхитроственному ритму. Не обращай вниманія на волюнку, что плачетъ вдали. Слушай лишь пѣніе собственнаго голоса, который веселье, звонокъ и нѣженье, какъ твое сердце.

Святой Рохъ благословенный!

Въ церкви пахнетъ чудесно; благостный святой улыбается на пьедесталѣ. Помолись ему, малютка, на твоёмъ миломъ языкѣ; помолись ему и ты, любезникъ! Слышишь, какъ молятся ему колокола — эти бронзовыя сердца? Колокола молятся звукомъ; листья разсыпанной на полу мяты молятся тоже, потому что благоухаютъ. Помолись же и ты, потому что крѣпко любишь, веселое сердце, и ты, говорливый ротикъ!

Святой Рохъ благословенный! Посмотри, какъ темнѣетъ. Гдѣ же солнце? Заснуло солнце; кончилась ярмарка. Пойдемъ домой по тропинкѣ. Вдоль тропинки луна сіяетъ надъ маисовымъ полемъ. Воздухъ томится, вѣтки вздыхаютъ, вдали, точно флейта, стонетъ лягушка. Близко, близко, на твоихъ алыхъ губкахъ дрожитъ нѣжное слово...

Святой Рохъ благословенный!

Отрывки изъ писемъ.

Ты не можешь себѣ представить, какъ очаровательны ярмарки на моей родинѣ! Чтобы понять ихъ своеобразную поэзію, нужно напитаться свѣжестью этихъ полей и мягкимъ сіяніемъ неба, нужно умѣть слушать бѣненіе сердца астурийскаго народа, такого скрытнаго и вмѣстѣ наивнаго, такого глубокомысленнаго и вмѣстѣ ребячливаго. Я, ты, почти всѣ, кто, какъ мы съ тобой, имѣетъ нѣкоторую претензію на духовную утонченность, всѣ мы ненавидимъ народные праздники въ Кастиліи. И это не удивительно. Сказать: «народный праздникъ» значитъ сказать: пыль, запахъ горѣлаго сала, разгуль, вино, развязныя женщины, грязныя слова, неопрятная любовь и шумное ночное веселье. Ярмарки на моей родинѣ не праздникъ, это ростокъ самой почвы, внезапно распустившійся цвѣтокъ поэзіи, звучащій волюнкой, ароматный, благоухающій на яркомъ солнцѣ и въ тѣни густой листвы. Дѣвушки, мои землячки, всѣ носятъ бѣлые шелковые платки на головѣ и танцуютъ свои незатѣйливыя танцы на свѣжей и безшумной травѣ, передъ часовней, и сердца ихъ переполнены безсознательной, примитивной радостью. Обаяніе природы можно сравнить съ

обаянием женщины, противъ котораго бесполезно бороться. Ты приходишь къ ней, разочарованный, презрительный, враждебный, а она улыбается и ничего не говоритъ. Ты презираешь ее, оскорбляешь, она продолжаетъ улыбаться и заставляетъ тебя подчиниться величественному покою своего молчанія. Ты стараешься не полюбить ее, не видѣть въ ней ничего хорошаго, — она прекрасна, она безмолвствуетъ и побѣждаетъ. Я принадлежу ей, зеленой, бархатистой, благоуханной моей родинѣ. Принадлежу ея тишинѣ, ея радости, радости матери и невѣсты, и мирный покой ея напоминаетъ мнѣ колыбель, потому что деревья мягкимъ колыханіемъ своимъ вызываютъ иллюзію тихаго покачиванія колыбели или баюкающихъ рукъ. И глаза смыкаются, лицо словно хочетъ прильнуть къ нѣжной материнской груди, и земля кажется колыбелью, матерью, а милая — материнской грудью. На глазахъ — свѣжее прикосновеніе рукъ, на губахъ — сладкій вкусъ молока, а въ ушахъ — что это? шелестъ вѣтра въ листьѣхъ? пѣніе воды въ рѣкѣхъ? любовныя рѣчи? — все — пѣснь матери, баюкающей дитя.

Ты говоришь, что интересуешься моей любовной сказкой, или сказкой о моей любви. Если такъ, прости мнѣ, ради нея, эту болтовню, въ которой виновата она. А такъ какъ ты столько же психологъ, сколько поэтъ, — разрѣши мои сомнѣнія. Наслажденіе ли природой предрасполагаетъ къ любви къ женщинѣ, или же любовь къ женщинѣ заставляетъ находить наслажденіе въ созерцаніи природы? Я, въ данное время, отчаянный поклонникъ природы, безъ памяти въ нее влюбленный.

Мое письмо постыдно безсвязно, — прости! Я началъ разсказывать о ярмаркахъ, — все въ мірѣ имѣетъ логическое объясненіе. Святой Рохъ — патронъ нашей деревушки. На ярмаркѣ Святого Роха, благословеннаго Святого Роха, я опять увидѣлъ ее! Опять!...

Ты уже знаешь, что я выбѣжалъ изъ ея дома взбѣшенный. «Вотъ несвоевременный и глупый смѣхъ! — думалъ я, въ то время какъ конь мой скакалъ по тропинкамъ, перелетая черезъ ограды и высѣкая копытами искры изъ камней. — Видали вы такую змѣю? Есть надъ чѣмъ смѣяться!» Я пришпоривалъ бѣднаго скакуна такъ, что онъ ужъ и не зналъ, куда дѣваться. Наконецъ прискакали мы на лугъ, мирнѣе котораго нельзя себѣ ничего представить. Молодая, только что пробившаяся зеленая травка, на краю ручеекъ, вдоль ручейка — рядъ тополей, и надъ лугомъ, ручейкомъ и тополями — чудеснѣйшее безмолвіе и полуденное сіяніе, — цѣлая поэма мирнаго покоя! Лошадь моя, уставшая отъ безтолковой скачки, остановилась; я, ни съ того, ни съ сего, соскочилъ на землю, разсѣянно повторяя вслухъ: «Скажите, пожалуйста, есть надъ чѣмъ смѣяться!» И вдругъ, точно звукъ собственнаго голоса разбудилъ меня отъ дурного сна, я сообразилъ,

что случай вполне, какъ нельзя болѣе, достоинъ смѣха, такого именно безподобнаго, безумнаго, судорожнаго, неудержимаго смѣха, какимъ и запечатлѣла его Марсела. Конечно, такъ! Я думалъ, что Марсела блондинка, а она брюнетка. Я представлялъ ее толстой и угловатой, а она стройна и кокетлива. Я упорно рисовалъ ее покорной и робкой, а она — храбрая амазонка и караетъ кровью за похищенный поцѣлуй. Марсела, изящная и прекрасно приспособленная для жестокой и утонченной жизненной борьбы, хорошо сдѣлала, что разсмѣялась при видѣ рѣчнаго фавна, превратившагося въ вульгарнаго претендента на ея руку. Навѣрное, при видѣ растеряннаго выраженія, какое у меня, вѣроятно, было, когда вонзились въ меня стрѣлы ея насмѣшливыхъ глазъ, она подумала о своихъ золотыхъ сундукахъ. Ахъ, какъ изумительно хороша она была, когда смѣялась! То закрывала лицо руками, и смѣхъ прыгалъ межъ пальцевъ, какъ рѣчная вода по камнямъ. Изъ веселыхъ глазъ катились слезы, а ротъ, стараясь закрыться, дѣлалъ гримаски, которыя только и ждали другихъ губъ, чтобы стать поцѣлуями. «Нѣтъ, глупцомъ, непростительнымъ глупцомъ былъ я! — продолжалъ я свой монологъ. — Я долженъ былъ побѣждать и поддерживать ее, когда ея тѣло ослабѣло отъ взрывовъ этого властнаго веселья, я долженъ былъ закрыть ея уста своими, я долженъ былъ упиться этимъ смѣхомъ и навѣки напоить его радостной влагой свое сердце! А я, глупецъ, смущенный и уязвленный самолюбіемъ, уступилъ сладкую обязанность ея неуклюжему брату Хозелито! Я допустилъ, чтобы разсерженный отецъ вывелъ красавицу изъ комнаты, какъ невоспитанную дѣвчонку! Я могъ оскорбиться этой божественной веселостью и трусливо, — нѣтъ, подло! — покинулъ поле битвы! А теперь — какъ вернуться? Этотъ вопросъ я задавалъ себѣ три дня подъ рядъ. Софизмы, разсужденія, квинтъ-эссенцію іезуитизма, — все пустила въ ходъ моя злосчастная голова, и, несмотря на всѣ усиленія, я не находилъ способа помочь бѣдѣ. Какъ очутиться снова подъ огнемъ ея лукавыхъ глазъ? Святой Рохъ разрѣшилъ за меня задачу. Благословенъ Святой Рохъ, — придется разориться на воскъ для ex voto!

Итакъ, я вернулся домой уже въ сумерки, сослался на нестерпимую мигрень, чтобы сейчасъ же броситься въ постель. Ночь посвятилъ горькой задачѣ убѣжденія себя въ томъ, что я дуракъ, плохой кавалеръ, безумецъ, недостойный никакого настоящаго приключенія. Мать на утро страшно перепугалась, увидя скомканную постель, и затопила меня липовымъ цвѣтомъ и померанцевой водой. Ахъ, Марселита, какъ бы ты посмѣялась надо мной! Я всталъ въ дьявольскомъ настроеніи. На слѣдующій день продолжалось то же миленькое состояніе. На третій, то-есть вчера, замѣтилъ необычное движеніе въ домѣ, увидѣлъ мать въ шелковомъ платьѣ, въ мантильѣ изъ блондъ, съ филигранными четками у запястья и

праздничнымъ молитвенникомъ съ перламутровыми застѣжками въ рукахъ.

— Сегодня день Святого Роха, милый. Ты не пойдешь къ обѣднѣ?

Я не пошелъ къ обѣднѣ, позавтракалъ въ угрюмомъ молчани, несмотря на всѣ деликатесы, поданные на столъ въ честь святого и мою. За столомъ кто-то упомянулъ о ярмаркѣ, подъ вечеръ я услышалъ волынку. Увы мнѣ! Какъ неудержимо запла-сало мое сердце! Я разрядился въ пухъ и прахъ и въ два прыжка очутился у часовни.

Часовня Святого Роха стоитъ подъ каштаномъ, а въ двухъ шагахъ отъ нея — покрытая муравой лужайка: центръ ярмарки, бальный залъ, кегельбанъ и карусель подъ открытымъ небомъ. Тамъ празднованіе совершалось шумно, и въ то время, какъ Святой отдыхаетъ въ тѣни каштановъ въ маленькой церквушкѣ, напоминающей языческій храмъ, на лужайкѣ поютъ, танцуютъ, пьютъ, любятъ и играютъ.

Когда, запыхавшіся и дрожащи, я прибѣжалъ, какъ на свиданіе, къ часовнѣ, праздникъ былъ въ полномъ разгарѣ... Я жадно смотрѣлъ во всѣ стороны. Замѣчалъ ли ты, какое странное впечатлѣніе производитъ многочисленное собраніе людей, когда между ними еще нѣтъ той, кого мы хотимъ встрѣтить? Это точно картина, на которой нарисованъ только фонъ, точно гобелень, съ затушеванной фигурой принца или дамы, которая должна занимать первый планъ, — точно шифрованное письмо безъ ключа, точно звукъ словъ незнакомаго языка. Группы какъ-то не клеятся, движенія не согласованы, звуки бессмысленны, лица не имѣютъ выраженія, даже самый воздухъ какъ будто неподвиженъ. Удивительно! Какую власть имѣетъ умъ, какъ онъ всегда царитъ, какъ всегда заставляетъ все сотворенное служить тронумъ, пьедесталомъ, фономъ, аксессуаромъ для той или того, кого онъ избереетъ своимъ властелиномъ.

Итакъ, я жадно смотрѣлъ и не видѣлъ ея. Вошелъ въ церковь; тамъ было темно и прохладно, пахло мятой, ситовникомъ и безчисленными душистыми травами, ковромъ покрывавшими полъ. На пьедесталѣ, окруженный цвѣтами и свѣчами, улыбался Святой Рохъ. Нельзя представить себѣ болѣе простоватаго святого. При видѣ его блаженно-снисходительной улыбки, хочется попросить у него самыхъ несообразныхъ вещей. Всякая мистическая идея, всякая религіозная экзальтація улечивается передъ этой фигурой, которая, съ шляпой на затылкѣ, жеманнымъ жестомъ подбираетъ складки длиннаго облаченія, показывая старательно вырисованную рану. При видѣ его собаки, держащей въ зубахъ хлѣбъ, мнѣ стало смѣшно, и я подумалъ, что Марсела, навѣрное, расхохоталась бы тоже. Нѣсколько очень дряхлыхъ и очень черныхъ старухъ ползли на колѣняхъ къ алтарю, въ экстазѣ пожирая гла-

зами святого. Я устыдился при видѣ ихъ твердой вѣры и вышелъ изъ храма. Она еще не приходила. Я говорю «еще», потому что былъ увѣренъ, что она придетъ. Я превратилъ желаніе въ увѣренность, душѣ моей отрадно было ожидать ее. Я сѣлъ на скамейку возлѣ церкви и камнемъ сталъ разбивать орѣхи. И, очищая ихъ, говорилъ себѣ: «Придетъ, не бойся, придетъ, по этой тропинкѣ, между вязами. Придетъ съ видомъ королевы, серьезная, чинная, съ головы до ногъ одѣтая въ бѣлое... конечно, въ бѣлое!» И я ждалъ въ такомъ упоеніи, такъ нетерпѣливо хотѣлъ, чтобы она пришла, что увидѣлъ ее — и не узналъ. Правда, она была въ красномъ платьѣ, дерзкомъ, радостномъ, сверкающемъ, какъ ея смѣхъ, и поразительно изящномъ. Гдѣ научилась одѣваться эта заколдованная провинціалка? Она шла съ отцомъ, съ Хозелито, съ какимъ-то старымъ прилизаннымъ выходцемъ изъ Индіи, однимъ изъ тѣхъ, что носятъ камзолъ и клеенчатый галстукъ, и еще съ такимъ же выходцемъ изъ Индіи, но уже изъ современныхъ, молодымъ, некрасивымъ и очень антипатичнымъ. Всѣ оживленно болтали. Она смѣялась, жизнерадостная, счастливая. «Ну-да, — подумалъ я, — она меня не любитъ и никогда не полюбитъ! Она счастлива. Зачѣмъ ей кого-нибудь любить? Вѣдь извѣстно, что если женщина знаетъ, что она хороша, да еще нацѣпитъ на себя красивую тряпку, ей ничего больше не нужно. Человѣкъ можетъ лишиться себя изъ-за нея жизни, — ей все равно, такъ она полна смѣха и жизнерадостности». Какимъ дерзкимъ, какимъ невыносимо-дерзкимъ кажется счастье женщины, когда являешься для него постороннимъ! Чего она смѣется? Пойдемъ, посмотримъ, чего она смѣется. И зачѣмъ надѣла это красное платье?

Красное платье горѣло на солнцѣ, и ликующій цвѣтъ его, какъ и она, смѣялся надо мной. Когда я ступилъ на лужайку, она меня увидала. Это замѣтно было по насмѣшливой искоркѣ, вспыхнувшей въ ея глазахъ. Она увидѣла меня, но не пожелала взглянуть. Я бросилъ орѣхи, бросилъ камень, которымъ разбивалъ ихъ, всталъ и началъ неистово ходить взадъ и впередъ. Она, въ сопровожденіи своей свиты, переходила съ мѣста на мѣсто. Мужчины покупали ей орѣхи и сласти, она складывала ихъ въ платокъ, связанный концами, какъ у крестьянокъ. Я слышалъ звукъ ея голоса, но не понималъ словъ. Она вошла въ часовню, сосредоточенно перекрестилась, набожно опустилась на колѣни. Чего просила она у деревяннаго святого? Потомъ вышла, покусывая листокъ мяты, поднятый съ пола. Остановилась поговорить со старухами, поцѣловала мальчугана.

Когда она ушла, я подозвалъ мальчишку, купилъ ему пряниковъ и тоже поцѣловалъ.

Должно быть, въ эту минуту она взглянула на меня, потому что я вдругъ сталъ краснѣе ея платья. Чего только ни продѣлывалъ

еаетъ мужчина подь двоинимъ злокозненнымъ влияниемъ черныхъ женскихъ глазъ и буколическаго веселья! Когда я наконецъ перевелъ духъ и поднялъ голову, жестокая пила сидръ изъ рюмки, которую некрасивый юноша поддерживалъ съ самой смѣхотворной церемонностью. Меня такъ и потянуло бросить камень и разбить въ его рукахъ рюмку, и — благословенное навѣки совпаденіе! — Марсела сдѣлала неосторожное движеніе, рюмка выскользнула изъ рукъ кавалера и разбилась вдребезги. Я обезумѣлъ отъ радости. Ахъ, вѣчно ребяческое, вѣчно необузданное сердце! Марсела, разумѣется, расхохоталась. День клонился къ вечеру, солнце спустилось за вязы, образовавъ блѣдно-золотой фонъ для ихъ вѣтвей. Вверху, на колокольнѣ, на горахъ, трепетала фиолетовая дымка. Звуки утончались, приобрѣтали вибраціи отдаленности и тайны. Ахъ, какъ плакала волынка, какъ звенѣло дѣвичье пѣніе! Порханье бѣлыхъ платковъ казалось чѣмъ-то многозначительнымъ и символическимъ. Вдругъ Марсела нарушила миръ и бѣлизну танцующаго хоровода рѣзкой краснотой своего одѣянія. Гордо встала, подняла руки, выпрямила стройный станъ, наклонила голову, посмотрѣла на меня, какъ никогда . . . и пустилась танцовать — съ нимъ, съ уродомъ! — танецъ, символическій, святой, влюбленный, прелестнѣйшій танецъ моей родины. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Она танцевала, какъ ангелъ съ глазами дьявола. И я допускалъ это! Однимъ прыжкомъ я вскочилъ въ центръ хоровода, но она, сдѣлавъ полуоборотъ, увернулась отъ меня и продолжала танцовать. Я толкнулъ какого-то парня, который принялъ это за шутку и уступилъ мнѣ свое мѣсто.

— Ага, сеньорито! — сказала одна изъ дѣвушекъ, — пришли потанцовать съ крестьянками! Ну, что жъ, потанцуйте, потанцуйте . . .

Дѣлать нечего, я сталъ танцовать. На половинѣ круга взглянулъ на свою даму — она была высока, какъ жердь, плотная, рыжая, красная, какъ піонъ, и страшная, какъ смертный грѣхъ.

* * *

. . . Мужчины, душенька Карлотта, странный звѣрь, существо непонятное и въ то же время прозрачное, — окно, распаханное въ глухую полночь на чудесный пейзажъ, нѣчто въ родѣ морской свинки, которую Провидѣніе любезно преподнесло намъ, женщинамъ, чтобы мы испытывали на немъ разныя степени ядовитости страстей, капризовъ, прихотей, благородныхъ рѣшеній, крайнихъ низостей. Считаешь ли ты мужчину способнымъ на какое-нибудь чувство, доброе или злое, если женщина не вздумаетъ заставить его испытать это чувство?

Всю эту безсвязную и противорѣчивую философію внушило мнѣ, помимо усерднаго чтенія классиковъ, жалкое и растерянное

лицо, съ какимъ Перико Абланъ ждалъ меня вчера на ярмаркѣ Святого Роха. Да, онъ ждалъ меня. Какъ ёкнуло мое сердце, когда я увидала его на скамейкѣ передъ часовней! Представь себѣ, что по каббалистическому соглашенію, въ какія сердце вступаетъ съ судьбой, я безповоротно рѣшила утромъ: «Если онъ придетъ на ярмарку—значить, любить. Если не придетъ—значить, уѣхалъ въ Мадридъ». Ставка на судьбу! И такъ страшило меня рѣшеніе, что, когда настала чась идти на ярмарку, я хотѣла остаться дома. Но сейчасъ же, устыдившись своей трусости, отмѣнила опрометчивое рѣшеніе и храбро вышла на улицу. Я была съ отцомъ, съ Хозелито, съ дономъ Луисомъ и его сыномъ Теодоромъ, фатоватымъ юношей, который изучаетъ философію въ Овiedo и считается сатирикомъ и поклонникомъ твоей покорной слуги. Это многочисленное общество привело меня въ хорошее настроеніе. Вѣдь правда, что одно изъ самыхъ пріятныхъ ощущеній для женщины — это быть одной среди группы мужчинъ? Какой прекрасный эффектъ производить всегда одна женщина среди нѣсколькихъ мужчинъ! Нужно быть очень безобразной или очень глупой, чтобы не использовать чудеснѣйшихъ преимуществъ положенія. Мужчины, которые поодинокѣ могутъ быть несносно скучными, въ группѣ всегда очаровательны, и чѣмъ ихъ больше, тѣмъ лучше. Каждый вноситъ свою долю любезности, и они чудесно пополняютъ другъ друга.

Итакъ, мой Донъ-Жуанъ, то-есть донъ Педро, ожидалъ меня на ярмаркѣ. Я очень обрадовалась, взглянула на него, думая, что онъ подойдетъ поздороваться, но онъ не подошелъ. Что это? Еще свѣжая досада? смущеніе? равнодушіе? Говорю тебѣ, мужчины — неразрѣшимая загадка. «Кто онъ?» — думала я. Если бы онъ подошелъ къ намъ, изящно поклонился, освѣдомился бы полусерьезно, оправилась ли я отъ своего нервнаго припадка, — официально мой смѣхъ признанъ нервнымъ припадкомъ, — конфликтъ былъ бы разрѣшенъ, и острота положенія сглажена, онъ былъ бы на высотѣ, я — немножко унижена. Но нѣтъ, сеньоръ не подошелъ! И лучше всего то, что чудакъ пожиралъ меня глазами, а отецъ мой пожиралъ его, потому что ты не можешь себѣ представить, до какой степени запечатлѣлась въ сердцѣ моего папаши свекловица Лопесъ де Аблановъ. Повидимому, этотъ бракъ былъ бы прекраснымъ дѣльцемъ. Папа не въ состояніи сердиться на меня ни за что на свѣтѣ. Но сколько мысленныхъ вздоховъ вызывало въ немъ, съ того рокового часа, воспоминаніе о томъ, что онъ именуется моей нелюбезностью! . . . Что дѣлать? День уходилъ, а съ нимъ и благопріятный случай. Я продѣлывала, какъ ты можешь догадаться, всякія экстравагантности, болтала, смѣялась, пила сидръ — ничего! Пошла въ церковь, помолилась Святому Роху — ничего! Онъ не подошелъ подать мнѣ святой воды. Тогда мнѣ пришла великолѣпная идея — потанцовать съ моимъ фило-

софомъ. Вотъ тутъ чуть было кое-что не случилось. Перико Абланъ однимъ прыжкомъ врѣзался въ хороводъ. Какой сладкій трепеть пронизалъ меня! Я вспомнила Дискобола, представила себѣ трагическое объятіе, романтическій обморокъ... Ничего подобнаго! Несчастнѣйшій пустился танцовать съ самой некрасивой дѣвушкой — и какъ плохо танцевалъ! Я была въ ярости. Мнѣ хотѣлось опять оцарапать его, выбранить, заплакать, укусить его. Глупый, глупый, глупый! Зазвонили колокола. Должно быть, Святой Рохъ и его собака пришли мнѣ на помощь, Карлотта, потому что въ эту минуту меня осѣнила мысль, чудесная по простотѣ и дѣйствительности. Я взяла подъ руку отца и стала ходить съ нимъ, болтая о томъ, о семъ, потомъ равнодушнымъ тономъ спросила:

— Это не Перико Абланъ стоитъ въ дверяхъ часовни?

— Онъ, — вздрогнувъ, отвѣтилъ отецъ.

— Почему же ты ему не поклонись?

Какую довольную мину соорилъ мой старикъ!

— Ты думаешь? — спросилъ онъ въ пріятномъ изумленіи.

— Ну, конечно, онъ смотритъ на насъ и не рѣшается подойти... изъ-за того раза.

— Какая ты сумасшедшая, Марсела!

— Да, папочка, знаю. Посмотри, какъ онъ глядитъ на насъ. Поклонись же скорѣе!

— Ты общаешься не повторять своихъ фокусовъ?

— Общаю.

Мы подошли къ церкви. Какіе взоры вонзались въ меня несчастнѣйшій! Отецъ снялъ шляпу, я поклонилась легкимъ кивкомъ и полуулыбкой. Полуулыбкой, потому что не успѣла ее дополнить: такъ быстро, такъ стремительно любезникъ очутился передъ нами, съ шляпой въ рукахъ, красный, какъ макъ, бормоча въ прелестномъ смущеніи безсвязныя привѣтствія. Отецъ похлопалъ его по плечу, я протянула руку. Какъ онъ сжалъ ее, Карлотта! У меня врѣзались всѣ кольца.

— Вы уже давно на ярмаркѣ? — спросила я. — Мы васъ до сихъ поръ не видали.

Отецъ — бѣдняга! — взглянулъ на меня, пораженный.

— Я пришелъ раньше васъ.

— Вотъ какъ! — отвѣтила я, притворяясь обиженной. — Значитъ, вы не хотѣли намъ поклониться?

— Я думалъ... я полагалъ...

Несчастнѣйшій чуть было не испортилъ все. Слава Богу, подошелъ Хозелито, подошли донъ Луисъ съ моимъ философомъ. Представленія, общіе разговоръ. Тѣмъ временемъ онъ пришелъ въ себя и отважился взглянуть на меня. Я встрѣтила взглядъ съ самой любезной улыбкой. Онъ повторилъ взглядъ, я — улыбку. Наступило довольно опасное молчаніе.

— Какіе сумасшедшіе колокола! — сказала я, чтобы сказать что-нибудь.

— Вродѣ тебя, — отозвался Хозелито.

— Слава Богу! — воскликнула я.

— Вы благодарите Бога за то, что сумасшедшая? — серьезно спросилъ мой философъ.

— Да.

— Марсела права, — сказалъ Перико.

Марсела! Какимъ страннымъ голосомъ произнесъ онъ мое имя. Для меня оно прозвучало совсѣмъ новымъ, какъ будто до сихъ поръ никто и никогда не называлъ меня такъ.

— Она права, — продолжалъ онъ, — въ этомъ сладкое назначеніе женщины: сѣять въ мірѣ веселость своего безумія, звенѣть смѣхомъ, чтобы наполнять радостью сердца.

— Правда! Кто не умѣетъ смѣяться, у того черная душа. Да здравствуетъ смѣхъ!

— Да здравствуетъ! И пойдете домой, потому что уже пора.

— Такъ рано!

— Уже смеркается.

Дѣйствительно, уже стемнѣло. Мой обожатель скорчилъ грустную физиономію, но потомъ сообразилъ, что можетъ и даже долженъ проводить насъ. Отецъ съ готовностью съ нимъ согласился; философъ мой, кажется, надулся, потому что взялъ подъ руку Хозелито и сталъ разсуждать о Святомъ Өомѣ. Отецъ затѣялъ сахарную полемику съ дономъ Луисомъ. Такъ что сама судьба оставила насъ вдвоемъ на аламедѣ, и мы шли, залитые лунной, въ тепломъ сумракѣ, полномъ шумовъ и тишины, бѣлаго свѣта и жуткихъ тѣней, какъ въ сказкахъ, какъ въ жизни! Мы нѣсколько ускорили шаги. Мы ничего не говорили. Меня забавляло смотрѣть на длинныя наши тѣни, которыя бѣжали впереди насъ. Дошли до поворота дороги. Тѣни постепенно укорачивались, потомъ отступили назадъ и пошли за нами. Я обернулась взглянуть на нихъ и вскрикнула: никого не было! Отецъ, Хозелито, донъ Луисъ, философъ, — всѣ исчезли!

— Что такое?

— Мы не туда свернули. Мы одни!

— Вамъ страшно?

— Страшно?

Кто это сказалъ: «страшно!»?

Между деревьями слышался негромкій шумъ.

— Это рѣка.

Какое слово — рѣка! Услышавъ его, я почувствовала, что въ тѣло вернулась веселость, а въ душу ясность, какъ будто шумъ тототъ, какъ въ мивахъ, былъ моимъ отцомъ и покровителемъ.

— Рѣка, — повторила я медленно и даже, кажется, немножко восторженно, не нарочно, — клянусь тебѣ! — потому что веселое

воспоминаніе о происшедшемъ, о свѣтлой водѣ, о полуденномъ солнцѣ, о синихъ сверкающихъ глазахъ наполнило сердце мое ликоваіемъ. — Рѣка!

Видишь, какое краснорѣчіе! Два слова и легкое-легкое восхищеніе. Однако они подѣйствовали какъ цѣлая рѣчь, потому что лицо слышавшаго ихъ бѣдняги выразило, — если не обмануль меня лунный свѣтъ, — крайнее волненіе, голубые глаза почти стали черными. Я смотрѣла на него. Такъ какъ волненіе заразительно, то взволновалась и я. Къ горлу у меня подступилъ клубокъ, какъ въ романахъ. Мнѣ захотѣлось заплакать, но голосъ рѣки напоинилъ мнѣ, что я обязана соблюдать женскую гордость, и я засмѣялась. Услышавъ мой смѣхъ, который ночью, дѣйствительно, прозвучалъ такъ, что удивилъ меня самоё, Абланъ схватилъ меня за руки и умоляюще заговорилъ:

— Простите, простите . . . простите . . .

Я продолжала смотрѣть на него, съ такимъ удивленіемъ, что не догадалась отнять у него руки. А когда замѣтила некорректность, то было уже поздно. А кромѣ того, бѣдный малый былъ какъ разъ на срединѣ страстнаго признанія, и мнѣ казалось жестокимъ оборвать нить его краснорѣчія невѣжливымъ и бесполезнымъ движеніемъ. Онъ говорилъ что-то о росѣ для души и о хрустальномъ смѣхѣ надъ, не знаю, какимъ лугомъ и какими цвѣтами. Словомъ, всю обязательную любовную ложь, какъ никогда, благоуханную, потому что была ночь и лѣто, потому что вдали слышалось пѣніе возвращавшихся съ ярмарки людей. Потомъ, — такъ какъ красивыя слова обыкновенно служатъ преддверіемъ красивыхъ поступковъ, — представъ себѣ въ заключеніе первоначальную сцену, начало милаго приключенія, но въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, такъ какъ на этотъ разъ между наядой и фавномъ царило полное согласіе. Въ концѣ концовъ, послѣ краткаго мгновенія, мнѣ пришлось напустить на себя чрезвычайную серьезность, потому что шумъ воды, повидимому, необыкновенно возбуждаетъ дона Педро, — кто бы могъ подумать! Но, кажется, даже и моей серьезности было бы недостаточно, если бы кстати не прозвучалъ нѣсколько встревоженный голосъ отца.

— Марсела! Марсела! Марсела!

На этомъ и кончается моя исторія, милая Карлотта. Сейчасъ тоже ночь, тотъ же легкій вѣтерокъ шевелитъ вѣтки ясеней. И въ деревьяхъ поетъ кукушка. Ну, что жъ, пусть поетъ!

Серенада.

Пустъ поетъ кукушка! Лѣтняя ночь страстна и бѣла. Пусть поетъ кукушка, потому что голосъ ея вѣщій и проникаетъ въ сердца. Дьявольскіе часы отбиваютъ время въ ея горлѣ, она кричитъ далеко, а слышится близко, въ сердцѣ! Существуетъ ли ку-

кушка? Этотъ металлическій голосъ — пѣніе птицы или же флейта, на которой играетъ по ночамъ воскресши Панъ? Флейта, свирѣль, голосъ, — что говоришь ты въ кущѣ черныхъ кипарисовъ, подъ глубокимъ небомъ, гдѣ звѣзды мигаютъ, какъ бы подсмѣиваясь надъ сантиментальнымъ очарованіемъ тѣней? Что ты говоришь, кукушка? Никто этого не знаетъ. Но расцвѣтшія сердца угадываютъ; и, останавливаясь послушать тебя, они произносятъ страшный вопросъ. Солги имъ, кукушка! Солги имъ, флейта! Любовная свирѣль, повтори имъ сладкую ложь! Пойдемъ со мной, помоги мнѣ сказать имъ: «Все, о чемъ вы мечтали, — сбылось! Весь садъ вашей души въ бѣломъ цвѣту». И не говори имъ, что цвѣты его — цвѣты грезъ, краски — обманъ, отблескъ свѣта на водяныхъ пузыряхъ. Пусть поетъ кукушка! Кто отвѣтитъ на вѣщій голосъ? Что это звучитъ въ ночи? Вода въ рѣкѣ? Прозрачность струй? Жемчужность фонтана? Это смѣется невѣста! Ночь тепла, страстна и свѣтла. Если небо ясно, если вѣтерокъ ласкаетъ, если въ листьѣ звенятъ эоловы арфы, если луна играетъ въ прятки, а звѣзды лукаво подмигиваютъ свѣтиламъ, если поетъ кукушка и пришла любовь, — почему же не смѣяться влюбленной? Прочь, романтическая слезы! Романтиченъ смѣхъ. Когда смѣются уста, сердце бьется быстрѣе, отбиваетъ часы радости, и алая отъ крови губы раскрываются, предлагая жизненную влагу, а въ груди порхаютъ голуби, спугнутые съ гнѣзда, и порхаютъ рѣсницы надъ блескомъ глазъ, похожихъ на звѣзды и на свѣтила. Смѣется невѣста. Ночь молчитъ, и трели ея смѣха разсыпаются четкими спиралями и поднимаются все выше, выше и выше. Вотъ онѣ уже на лунѣ, вотъ уже на свѣтилахъ, вотъ уже замутили миръ и безмолвіе Млечнаго Пути. И вотъ уже посыпались звѣзды, оттого, что засмѣялась невѣста. Гдѣ упадаютъ скатившіяся звѣзды? Мудрецы этого не знаютъ, но дѣвушки на моей родинѣ мудрѣе мудрецовъ и говорятъ: «Когда видишь падающую звѣзду, шепни желаніе, и если судьба захочетъ, желаніе сбудется». Стоитъ августъ, любовь моя, и падаютъ звѣзды. Пойдемъ смотрѣть на нихъ и шептать желанія, чтобы сбылась наша судьба. Пой, душа, свою чистую, свѣжую, мирную, веселую серенаду о сладкомъ часѣ, о лунной ночи. Рѣка бѣжитъ, колышутся вѣтки, шепчетъ что-то вѣтерокъ. Безмолвіе бодрствуетъ, время спитъ. Бабочка пробуждаетъ ароматы на тростникахъ, касаясь ихъ бархатными крылышками. Безшумно пролетаетъ сова. Въ чащѣ ясеней слышится волшебная трель. Идетъ любовь. Пусть же смѣется невѣста! Пусть поетъ кукушка!

Переводъ съ испанскаго К. Жихаревой.

РАЗСКАЗЫ ПЬЕРА МИЛЛЯ.

I.

Въ одинъ воскресный вечеръ.

Вотъ уже скоро тридцать лѣтъ, какъ супруги Гошъ живутъ въ той же самой деревнѣ, около Версаля, на одной и той же квартирѣ, въ которой мебель ни разу не передвигали съ мѣста за все время. И не безъ гордости говорили они о себѣ: «Мы — не парижане!».

Домъ ихъ, стоявшій возлѣ церкви, на вершинѣ холма, весь бѣлый; его фасадъ тщательно выкрашенъ масляной краской, окна обрамлены рѣзными фресками въ греческомъ стилѣ; подъ крышей, надъ вторымъ этажемъ, круглое окошко. Дома парижанъ новѣе; они тѣснились вокругъ вокзала, въ равнинѣ, и построены изъ кирпича и бураго известняка; у нихъ деревянныя галереи и криво свисавшія крыши. Сады тамъ меньше и расположены, тщеславія ради, впереди дома; потолки ниже, комнаты тѣснѣе, и обитатели ихъ каждый день садятся въ поѣздъ и отправляются по дѣламъ, о которыхъ никто ничего не знаетъ. Къ тому же поставщики продаютъ имъ по другой цѣнѣ. Наконецъ они не домовладѣльцы, а всего лишь квартиронаниматели.

Итакъ, отъ того, что они не парижане, супруги Гошъ испытывали чувство аристократическаго превосходства. Когда-то они скорбѣли о томъ, что у нихъ нѣтъ дѣтей, — желаніе, свойственное всѣмъ людямъ, въ особенности, когда знаешь, что можешь завѣщать кое-что своему потомству. Но съ теченіемъ времени это чувство сгладилось. Больше того, они стали, если можно такъ выразиться, своими собственными дѣтьми: они смотрѣли за собой, берегли себя, наслаждались своимъ здоровьемъ, своими доходами, цвѣтами, фруктами своихъ деревьевъ. Но имъ трудно было жить безъ заботъ. А такъ какъ заботъ не было, то они ихъ выдумывали.

Если вы дадите себѣ трудъ немножко подумать, вы поймете, что это было неизбѣжно. Вѣдь мы научаемся наслаждаться жизнью лишь послѣ того, какъ познаемъ ея отрицательныя стороны. Вотъ почему счастливые, но праздные люди такъ часто мучатъ себя несуществующими бѣдами. Очень многіе изъ нихъ боятся «револю-

ци». Но супруги Гошъ, очень мало интересовавшіеся политикой въ молодые годы, совсѣмъ перестали заниматься ею наклонѣ лѣтъ, — они ничего въ ней не понимали. Супруги Гошъ нуждались въ безпокойствѣ непосредственномъ и конкретномъ и они обрѣли его въ образѣ воровъ. И немудрено: когда живешь въ Парижѣ или его окрестностяхъ, трудно не опасаться воровъ. Что воры существуютъ — это внѣ сомнѣнія. Ихъ такъ много, что всѣхъ не успѣваютъ и никогда не успѣютъ переловить.

Итакъ, вотъ уже лѣтъ двадцать, какъ супруги Гошъ каждый вечеръ передъ сномъ заглядываютъ подъ свою кровать, нѣтъ ли тамъ вора.

Мадамъ Гошъ обшаривала шкапы и темные углы, а г. Гошъ съ фонаремъ въ рукахъ опускался въ погребъ. Друзья, которымъ они довѣрили тайну своихъ еженощныхъ поисковъ, добродушно подтрунивали надъ ними. Эммелина, ихъ единственная служанка, пообжившись, также не выказывала особеннаго сочувствія, и когда г. Гошъ требовалъ у нея фонарь, а г-жа Гошъ съ трепетомъ открывала дверь гардеробной, — вначалѣ чуть-чуть, затѣмъ на половину, а тамъ и всю настѣжь, — прислуга преспокойно уходила убирать посуду. Кому же, какъ не ей, было знать, что никто въ домъ не заходилъ?

Супруги Гошъ принимали гостей каждое воскресенье вечеромъ. За однимъ столомъ играли въ винтъ, за другимъ въ экарте.

Къ десяти часамъ подавались для дамъ чай, а для мужчинъ пиво; затѣмъ гости расходились до слѣдующаго воскресенья.

Въ то воскресенье послѣднимъ ушелъ г. Сюбрь, служащій въ регистратурѣ. Смѣясь, онъ сказалъ:

— А теперь вы займетесь своимъ обычнымъ обыскомъ?

Хозяева ничего не отвѣтили. Такого рода шуточки надъ привычкой, ставшей для нихъ второй натурой, привычкой, которой они обязаны были столь острыми переживаніями, стали раздражать ихъ. Эммелина пошла спать. Супруги Гошъ отправились къ себѣ въ спальню. Они испытывали чувство какъ бы униженія. Не легко отказаться отъ принципа, котораго придержишься въ теченіе двадцати лѣтъ, который сдѣлался почти основой жизни; они, пожалуй, готовы были сознаться, что немного смѣшно создавать себѣ ужасы, Богъ знаетъ, изъ чего.

— Что воры существуютъ, — произнесъ г. Гошъ, — это не подлежитъ никакому сомнѣнію: не проходитъ дня, чтобы газеты не печатали множество исторій о нихъ. Но, право, если они когда-либо сюда явятся, то не иначе какъ во время нашего сна или въ нашемъ отсутствіи. И чѣмъ больше предосторожностей мы понапрасну примемъ, тѣмъ больше надъ нами будутъ смѣяться!

Въ то время, какъ онъ говорилъ это, г-жа Гошъ открывала и закрывала шкапы, по обыкновенію, ничего не находя въ нихъ. Г. Гошъ пожалъ плечами, но вдругъ подсвѣчникъ выпалъ изъ

рукъ его супруги. Къ счастью, на ночномъ столикъ стояла зажженная лампочка.

— Что такое? — спросилъ г. Гошъ.

— Тамъ человѣкъ, — отвѣтила жена, — человѣкъ подъ кроватью. Я видѣла его бороду, я видѣла его глаза...

— Не можетъ быть! — возразилъ г. Гошъ, который послѣ двадцати лѣтъ безрезультатныхъ поисковъ поневолѣ сдѣлался скептикомъ.

Тѣмъ не менѣе онъ досталъ револьверъ.

Тутъ до него донесся застѣнчивый и въ то же время угрюмый голосъ:

— Не стрѣляйте! Я сдаюсь! Я сдаюсь, говорю я вамъ...

Г. Гошъ сообразилъ, что воръ подъ кроватью — не особенно опасный соперникъ.

— Оставайтесь тамъ, гдѣ вы находитесь, — сказалъ онъ. — Что вамъ тутъ надо?

Человѣкъ отвѣтилъ, но не на этотъ вопросъ, а на другой, котораго ему не задавали. Это бываетъ иногда, когда испытываешь неловкость.

— Я влѣзъ въ окно со стороны сада, — сказалъ онъ.

Въ то же мгновение г. Гошъ замѣтилъ на своемъ столѣ солидный брусокъ стали съ обрѣзаннымъ наискось краемъ и связку ключей. Это уничтожило послѣднія его сомнѣнія: незнакомецъ явился сюда не съ добрымъ намѣреніемъ, какъ подумалъ было одну минуту г. Гошъ. Онъ закричалъ:

— Эммелина! Эммелина! Скорѣе, къ намъ воръ забрался подъ кровать!

— Не можетъ быть! — отвѣтила Эммелина изъ своей мансарды.

Тѣмъ не менѣе она, полураздѣтая, поспѣшила на зрѣлище.

Наконецъ человѣкъ вылѣзъ изъ-подъ кровати; г. Гошъ, сильно взволнованный, не мѣшалъ ему въ этомъ. Голыя ноги вора на коврикъ передъ кроватью имѣли очень жалкій видъ, да и весь воръ былъ чрезвычайно жалокъ.

— Я ничего не взялъ. Я еще ничего не взялъ.

Г-жа Гошъ вскричала:

— Это воръ, воръ! Эммелина, вы видите теперь!

— Да, мадамъ, — сказала Эммелина.

— А что было бы, если бъ мы не посмотрѣли? — спросилъ г. Гошъ.

Да, если бы они не посмотрѣли! Напрасно надъ ними смѣялись, — въ концѣ концовъ у нихъ былъ воръ, они нашли его!

Странное чувство снисхожденія къ людямъ наполнило его душу.

— Милый мой, — сказалъ г. Гошъ, — я покажу вамъ, гдѣ дверь! Но во второй разъ ужъ не приходите!

Воръ заявилъ, — я предпочитаю не повторять употребленныхъ имъ терминовъ, — что у него нѣтъ ни малѣйшей охоты возобновить свой визитъ, — во всякомъ случаѣ, въ этотъ домъ.

Г. Гошъ проводилъ его по лѣстницѣ, не забывая, однако, пропустить его впереди себя. Когда они очутились въ передней, г. Гошъ увидѣлъ черезъ оставшуюся открытой дверь въ столовую неясныя очертанія бутылки пива, остатокъ недавняго угощенія. Онъ вспомнилъ, что до нея почти не дотронулись, и почувствовалъ въ то же время жажду.

— Вы, навѣрное, не откажетесь выпить стаканъ пива? — сказалъ онъ вору.

Тотъ, обезумѣвши отъ страха и потерявши всякую способность ориентироваться, отвѣтилъ:

— Что жъ, можно . . .

Они опустошили вдвоемъ бутылку. Но при этомъ они не могли смотрѣть другъ другу прямо въ глаза, имъ не о чемъ было говорить, имъ неловко было обмѣняться хоть парюю фразъ, а это очень неприятно, когда пьешь вмѣстѣ! Не вымолвивъ слова, г. Гошъ открылъ выходную дверь . . .

Когда онъ вернулся въ спальню, жена спросила его съ волненіемъ, къ которому примѣшивалось какое-то теплое чувство:

— Онъ ушелъ? Ты увѣренъ, онъ ушелъ?

— Да, — отвѣтилъ мужъ кивкомъ головы.

— Ты хорошо закрылъ дверь на ключъ? Ты спустилъ засовъ, повѣсилъ цѣпь?

Г. Гошъ закрылъ дверь, какъ слѣдуетъ, повѣсилъ цѣпь. Оба раздѣлись, и при этомъ руки ихъ немного дрожали, но они не могли бы сказать, не примѣшивалась ли къ этому волненію доля тщеславія.

Они не могли заснуть.

Вдругъ г-жа Гошъ поднялась, открыла дверь на лѣстницу и крикнула:

— Эммелина! Эммелина!

— Мадамъ дурно? — отозвалась служанка.

— Вы хорошо видѣли его, не такъ ли, Эммелина? — спросила г-жа Гошъ. — Вы теперь сможете сказать всѣмъ, что у насъ былъ воръ!

II.

В о р ъ.

Когда Марли, послѣ обѣда у знакомыхъ, жившихъ въ самомъ концѣ Отейля, очутился на улицѣ, мысль взять извозчика, чтобы вернуться домой, показалась ему смѣшной: небо было чисто, улица суха, онъ чувствовалъ необычайный приливъ бодрости и веселья, переживая то состояніе, которое физиологи обозначаютъ

терминомъ эйфоріи. Каждый изъ насъ испыталъ хоть разъ въ жизни это восхитительное состояніе: въ осеннее утро, — если есть достаточно силы воли, чтобы встать спозаранку и отправиться на охоту, — кажется, будто такъ же молодъ, силенъ и радостенъ, какъ это мощное, радостное и молодое утро, такое свѣтлое, прозрачное и омытое росой; или послѣ того, какъ послушаешь музыку, — симфоніи Бетховена или нѣмецкія Lieder; или когда вы влюблены, и счастливы, что влюблены; или когда вы провели часокъ въ бесѣдѣ съ такими людьми, которые источаютъ энергію такъ же естественно, какъ звѣзда свѣтъ, — а вѣдь такіе люди есть; наконецъ по причинамъ болѣе банальнымъ, — на примѣръ, послѣ обильнаго обѣда или свѣтскаго разговора, въ которомъ вы сумѣли блеснуть умомъ и позабавить и себя, и другихъ.

Марли испытывалъ необычайную легкость, казался себѣ особенно ловкимъ, умнымъ. Въ такія минуты человѣкъ, въ зависимости отъ темперамента, считаетъ себя или гениемъ, или атлетомъ. Весь проникнутый этой безпричинной восторженностью, Марли спустился къ Сенѣ.

Въ то время, какъ онъ, радостно прислушиваясь къ звуку собственныхъ шаговъ, двигался по набережной, шедши ему навстрѣчу человѣкъ вытащилъ вдругъ руки изъ кармановъ и быстрымъ движеніемъ протянулъ ихъ къ груди Марли. Послѣдній почувствовалъ скорѣе легкое прикосновеніе, чѣмъ толчокъ, а затѣмъ былъ грубо отброшенъ назадъ, при чемъ его жилетъ *gaïa* оказался разстегнутымъ почти на всѣ пуговицы. Марли чувствуетъ, что у него что-то срываютъ, слышитъ звукъ какъ будто падающей на камень пятидесяти-сантимной монеты: это покатилося кольцо отъ его золотой цѣпочки. А незнакомецъ продолжалъ свою дорогу, на этотъ разъ бѣгомъ, направляясь въ сторону къ *Point du Jour*, яркіе огни котораго неясно виднѣлись въ черныхъ аркахъ перекинушагося черезъ рѣку моста.

Марли сунулъ руку въ карманъ жилета; человѣкъ вытащилъ у него часы.

Наша реакція на внѣшнія явленія зависитъ отъ того состоянія, въ которомъ находимся, а Марли подвергся нападенію въ моментъ, когда ощущалъ избытокъ силъ. Безпричинная радость, которою онъ весь былъ полонъ, сразу уступила мѣсто бѣшенной потребности сейчасъ же ринуться въ борьбу. Мозгъ его работалъ съ необычайной ясностью и быстротой; мысли вспыхивали отчетливо, — ему казалось, что онъ видитъ ихъ въ образахъ поступковъ, которые должны быть тотчасъ же совершены, какъ это бываетъ во время фехтовальнаго поединка. Въ карманѣ пальто лежалъ револьверъ. Инстинктивнымъ движеніемъ нащупалъ онъ стволъ и рукоятку оружія, спрятаннаго въ замшевомъ футлярѣ. Затѣмъ подумалъ:

«Если я останусь въ полосѣ луннаго свѣта, грабитель бу-

дети видѣть меня, но не будетъ виденъ мнѣ. Онъ, должно быть, теперь въ тѣни, со стороны домовъ. Сдѣлаю и я то же самое».

Онъ пересѣкъ улицу и увидѣлъ, уже въ отдаленіи, вора, который поспѣшно удалялся. Марли бросился въ погоню; онъ бѣжалъ, оттопыривъ локти, гордый своей ловкостью и равномерной быстротой своихъ прыжковъ, при этомъ держась все время вдоль деревьевъ, съ цѣлью по возможности дольше оставаться въ тѣни. Вдругъ неизвѣстный исчезъ. Никакой поперечной улицы на томъ мѣстѣ не было, и Марли сообразилъ, что воръ, должно быть, притаился въ амбразурѣ воротъ или подѣзда; можетъ быть, онъ пустился на хитрость и, пробормотавъ какое-нибудь имя, проникнетъ въ домъ съ тѣмъ, чтобы черезъ пару минутъ выйти снова на улицу.

Марли продолжалъ бѣжать. Онъ, очевидно, не ошибся, такъ какъ немного впереди его изъ тѣни выплыла человѣческая фигура: тотъ же силуэтъ, тотъ же ростъ, та же шляпа, то же пальто съ поднятымъ воротникомъ, — должно быть, чтобы скрыть лицо. Но на этотъ разъ воръ шель медленнымъ шагомъ, какъ человѣкъ, у котораго совѣсть совершенно чиста, — вполне естественная хитрость въ данныхъ обстоятельствахъ. На бѣгущаго человѣка всякій обратитъ внимание, — не такъ ли?

Двигаясь съ большой осторожностью на цыпочкахъ, Марли приближался къ вору. Послѣдній, казалось, ни о чемъ не беспокоился. Онъ шель, опустивъ голову, не торопясь, какъ порядочный человѣкъ, положительно какъ вполне порядочный человѣкъ. Да, сколько хладнокровія требуется въ этомъ ремеслѣ! Видно, на-практиковался!

Марли одну минуту даже полюбовался имъ, но затѣмъ ощутилъ безпокойство. Получить «свое» обратно, быть можетъ, будетъ не такъ легко. Онъ досталъ изъ кармана револьверъ, вынулъ его изъ футляра, все не переставая бѣжать, и спряталъ его за спиной. Теперь лишь нѣсколько метровъ отдѣляло его отъ человѣка, который не торопился, но, очевидно, услышалъ что-то за собой или инстинктивно почувствовалъ, потому что слегка повернулъ голову. Когда Марли остановился, онъ не обратилъ на это вниманія: кто-то идетъ въ ту же сторону, что и онъ, — вотъ и все! Марли ускорилъ шагъ, чтобы опередить незнакомца, затѣмъ повернулся и, приставивъ револьверъ ко лбу человѣка, произнесъ съ грубостью, которая поразила его, хотя онъ и старался говорить спокойно:

— Живо, дражайшіи, часы! Часы, вы слышите! Вы понимаете, о чемъ я говорю?!

Произнося эти фразы, онъ посмотрѣлъ при свѣтѣ фонаря въ лицо незнакомца: мертвенно блѣдное, расширенные зрачки глазъ и, — смѣшно сказать, хотя, право, было не до смѣха, — пара

ушей, которыя слегка шевелились по обѣимъ сторонамъ этой поблѣвшей отъ ужаса маски. Нѣтъ, драться, какъ видно, съ нимъ не придется.

— Часы съ цѣпочкой! — повторилъ Марли. — Мигомъ!

Человѣкъ ни минуты больше не колебался. Онъ вынулъ часы изъ кармана и протянулъ ихъ, — рука его сильно дрожала.

— Ладно! — весело произнесъ Марли. — Разговоръ между нами оконченъ! До свиданія!

И онъ повернулъ спину. Воръ его не преслѣдовалъ. Трясущимися ногами онъ зашагалъ въ сторону къ Point du Jour.

У моста Гренель стоялъ фіакръ. Марли кликнулъ его, сказала кучеру адресъ и, развалившись на подушкахъ, закурилъ сигару. Онъ испытывалъ такое же чувство опьянѣнія побѣдой, какое, навѣрное, переживаетъ солдатъ, который побывалъ въ атакѣ и вернулся побѣдителемъ, безъ единой раны. Онъ тихо смѣялся, грудь его высоко вздымалась, какъ бы отъ сильнаго притока живительнаго воздуха, освѣжавшаго кровь.

— Я побѣдилъ! Я побѣдилъ! — говорилъ онъ себѣ. — Я устроилъ свое дѣльце одинъ, безъ всякой посторонней помощи. Это, чортъ возьми, приятно! А когда я расскажу объ этомъ!..

Всѣми фибрами души наслаждался онъ предвкушеніемъ славы.

Переступивъ порогъ своего дома, онъ поспѣшилъ къ себѣ въ спальню, зажегъ электричество и сталъ осматривать себя въ зеркаль. Онъ показался себѣ другимъ, красивѣе, выше, чѣмъ раньше; какая солидность во всей фигурѣ, великолѣпное, величавое лицо, взглядъ повелителя, противъ котораго никому не устоять! Онъ пожалѣлъ, что около нѣтъ никого. Дѣйствительно, очень жаль, что никто не могъ видѣть его.

Наконецъ, обводя медленнымъ взглядомъ окружающіе предметы, какъ будто онъ видѣлъ ихъ въ первый разъ, потому что самъ чувствовалъ себя внутренно обновленнымъ, онъ сталъ раздѣваться.

— Кстати, — пробормоталъ онъ, — сколько же теперь времени? Мои часы!

Онъ вытащилъ ихъ изъ кармана жилета.

Золотые часы — какъ его собственные, и цѣпочка походила на его цѣпочку, но это была не его цѣпочка, это были не его часы.

— Что такое? — вскричалъ онъ. — Что такое?

Ему понадобилось нѣсколько минутъ, чтобы отдать себѣ отчетъ во всей гнусности того, что онъ сдѣлалъ.

Человѣкъ, за которымъ онъ гнался, къ которому онъ присталъ, которому онъ грозилъ револьверомъ, былъ вовсе не тотъ, кто похитилъ у него часы! Онъ ошибся, онъ съ оружіемъ въ рукахъ ограбилъ часы у перваго встрѣчнаго, у какого-то несчастнаго прохожаго!

Марли былъ такъ же блѣденъ, какъ тотъ, кого онъ, — уста его выговорили это слово рѣзко, безпощадно, — какъ тотъ, кого онъ «обокралъ».

III.

Обыкновенная исторія.

Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ сказали, что есть много людей въ моемъ положеніи, я сталъ по-настоящему любить человѣчество и жалѣть его. Человѣкъ, дѣйствительно, черезчуръ несчастенъ на землѣ, и, старѣясь, онъ дѣлается все несчастнѣе. Это поистинѣ несправедливо.

Онъ дѣлается все несчастнѣе потому, что, съ каждымъ днемъ, пропорціонально уходящему времени, увеличивается число людей, которыхъ онъ знаетъ, которымъ онъ пожималъ руку, съ которыми онъ провелъ вмѣстѣ три часа, три недѣли или три минуты. Я узнаю ихъ всѣхъ болѣе или менѣе хорошо, или, по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется, что узнаю, но я не могу запомнить ихъ имена, не могу, — прямо ужасъ! — не могу!

Возьмемъ хотя бы женщинъ. По отношенію къ нимъ слѣдовало бы признать закономъ и вписать въ кодексъ правилъ объ учтивости: «считается естественнымъ, позволительнымъ—не знать, что онѣ существуютъ». Я читалъ гдѣ-то исторію о быкѣ очень крутого нрава, который однажды убилъ своего пастуха потому, что не узналъ этого несчастнаго послѣ того, какъ пастухъ надѣлъ новое платье, не предупредивъ быка. Это кажется мнѣ очень правдоподобнымъ, такъ какъ женщины производятъ на меня аналогичное впечатлѣніе. Въ теченіе двухъ или, самое большее, трехъ недѣль, не больше того, сколько нужно, чтобы привыкнуть, вы знали, допустимъ, зеленую женщину. Вдругъ она становится красной или синей, иногда кремовой, лиловой, сиреневой, гіацинтовой или цвѣта персика. Какъ же знать, что это та же самая? Но я все-таки открылъ способъ выпутываться изъ неловкаго положенія. Я говорю въ такихъ случаяхъ:

— Вы меня простите, но у васъ прямо восхитительная шляпа! И при томъ вы съ каждымъ днемъ хорошѣете. Это положительно сбиваетъ съ толку вашихъ поклонниковъ.

Почти всегда этого достаточно. Онѣ довольны, что показались въ новомъ свѣтѣ. Онѣ довольны еще и потому, быть можетъ, что по характеру онѣ привѣтливы и въ то же время скрытны.

Но когда дѣло идетъ о мужчинѣ, задача становится труднѣе, мучительнѣе. Болѣе того, — очень часто она прямо неразрѣшима. Я совѣтовался съ врачами-специалистами, которые лѣчатъ сумасшедшихъ и слабоумныхъ. Они сказали, что тутъ ничего не подѣлаешь. Единственное — это прибѣгнуть къ мнемоникѣ. Такъ, на примѣръ, старайтесь сначала вспомнить первую букву того

имени, которое забыли. Вотъ вамъ доказательство, что специалистъ — человѣкъ крайне односторонній. Онъ врачъ, но не математикъ. Будь онъ математикомъ, онъ зналъ бы, что, имѣя одну начальную букву, можно, съ помощью двадцати трехъ другихъ буквъ, различно расположенныхъ, получить тридцать двѣ тысячи четыреста девятнадцать разныхъ комбинаци; понадобилась бы цѣлая жизнь, чтобы перечислить ихъ.

Есть еще и другіе приемы, тоже эмпирическіе, но и тѣ почти никогда не приводятъ къ желанному результату. На-дняхъ я встрѣтилъ одного господина на бульварахъ. Я посмотрѣлъ на него, онъ на меня. Затѣмъ онъ направляется ко мнѣ, я — къ нему, потому что онъ идетъ ко мнѣ. Что же было дѣлать? Онъ заговариваетъ:

— Какъ поживаете?

Я боялся, что онъ замѣтитъ мое замѣшательство, и потому, приличія ради, поспѣшилъ выразить на своемъ лицѣ весь возможный энтузіазмъ и отвѣтилъ:

— Какая пріятная встрѣча!

Говорятъ, что передъ умственнымъ взоромъ тонушаго въ одно мгновение проносится вся его прошедшая жизнь. Утверждать это не берусь, ибо никогда не пробовалъ топиться. Но не подлежитъ сомнѣнію, что въ минуты отчаянія мозгъ работаетъ съ ужасающей быстротой и въ то же время совершенно безъ всякой пользы. Вначалѣ я подумалъ:

«Да, нечего сказать, пріятная встрѣча! И дернуло же меня повернуть голову въ сторону этого животнаго! Вѣдь могъ же я сдѣлать видъ, что не замѣчаю его!.. Но кто же это? Высокій, полный, шатень. Полный, но не слишкомъ. Жаль, что не очень полный: такихъ я знаю мало, — легче было бы вспомнить. Буду, однако, вспоминать потомъ, теперь надо что-нибудь сказать».

Побуждаемый настоятельной необходимостью, я произнесъ:

— Что вы подѣлываете теперь?

Вопросъ этотъ показался мнѣ очень умнымъ, и я внутренно похвалилъ себя. Если бы мнѣ еще удалось узнать общественное положеніе этого малознакомаго мнѣ господина, я значительно продвинулся бы впередъ въ своихъ поискахъ. Когда-то я встрѣчалъ свѣтлаго шатена съ такой же фигурой; тотъ имѣлъ касательство не то къ финансамъ, не то къ политикѣ, не то къ театру, не то къ промышленности, а, можетъ быть, къ искусству или даже къ мошенничеству. Но вотъ онъ пожалъ плечами и отвѣтилъ равнодушнымъ тономъ:

— То же, что и раньше. А вы?

Какой осель! Я съ наслажденіемъ убилъ бы его. Но Богъ обидѣлъ меня физической силой. Я возразилъ:

— Что дѣлаю? То же, что и прежде, какъ вы!

Мы оба засмѣялись, потому что вѣдь это сущая правда: ка-

ждый изъ насъ дѣлаетъ то же, что дѣлалъ раньше. Я нарочно продолжилъ этотъ приступъ веселости: благодаря ему я выигрывалъ время. Но пришлось все-таки остановиться, чтобы не показаться глупымъ. Но кто же это? кто? Я пробормоталъ:

— Какъ бы тамъ ни было, а видъ у васъ хорошій... Да, да, да, видъ у васъ хорошій! Сразу видно, что вы очень хорошо себя чувствуете теперь.

Это сказано было мною не безъ коварной цѣли: я знаю трехъ полныхъ шатеновъ, у которыхъ былъ аппендицитъ. Окажись онъ случайно однимъ изъ нихъ, это навело бы меня на слѣдъ.

Но онъ отозвался нѣсколько обиженнымъ тономъ:

— Я всегда чувствовалъ себя очень хорошо!

Опять я былъ побитъ; мною овладѣло бѣшенство. Оно мнѣ придало храбрости, и я уже собирался положить конецъ разговору, сказать ему: «Итакъ, дорогой другъ, до екорого свиданія... Надѣюсь, что на этотъ разъ мы увидимся вновь гораздо скорѣе!»

Но онъ снова заговорилъ:

— Зайдемъ, — предложилъ онъ, — на минутку въ это кафе!

Тутъ я вынужденъ сдѣлать признаніе. Знай я, кто онъ, я бы его предложенія не принялъ. Я никогда не хожу въ кафе. Но я чувствовалъ, что изъ насъ двухъ превосходство было на его сторонѣ, и именно потому, что я не зналъ, кто онъ, чортъ возьми! Это мнѣ казалось оскорбительнымъ. Ничто такъ не раздражаетъ, какъ тайна; и при томъ, это могла быть какая-нибудь важная шишка! Я смутно припоминалъ, что у меня были два или три знакомыхъ — тоже свѣтлые шатены, полные, — которые занимали очень высокое положеніе. Съ моей стороны было бы безусловно неосторожно попроситься съ нимъ, не сказавъ ему нѣсколько лестныхъ словъ, которыхъ онъ, очевидно, ждалъ.

Мы зашли въ кафе. Есть что-то пріятное, одуряющее въ шумной сутолокѣ этихъ учреждений. Она заполняетъ пустоту словъ, возбуждаетъ мозгъ, онъ начинаетъ быстрѣе работать, — въ концѣ концовъ, слова сами приходятъ на умъ. Знакомый незнакомецъ, бывший для меня до тѣхъ поръ анонимомъ безъ имени, сразу преобразился въ тотъ симпатичный, неопредѣленного характера, типъ, который называется «рестораннымъ знакомымъ». Мы высказали сходныя мнѣнія по поводу нѣкоторыхъ общественныхъ явленій, о Богѣ, семьѣ, собственности, литературѣ и женщинахъ. Я вкусилъ нѣсколько счастливыхъ минутъ душевнаго покоя.

Но незамѣтно со столовъ исчезли графины и кружки, и на мѣстѣ ихъ появились бѣлыя скатерти и сверкающіе приборы. Лакеи стали разносить супъ въ металлическихъ мискахъ. Метрдотель конфиденціально подходилъ то къ одному, то къ другому изъ обѣдающихъ.

— А у них тутъ нѣтъ хорошаго туринскаго вина? Я вѣдь родомъ изъ Турина . . .

Онъ родомъ изъ Турина! Ну, могъ ли я его покинуть теперь, когда наконецъ попалъ на слѣдъ? Могъ ли я совершить такой актъ малодушія послѣ того, какъ столько уже сдѣлано, столько сдѣлано?!

— Не согласитесь ли пообѣдать со мною? — вскричалъ я.

Такимъ образомъ, я пригласилъ кого-то раздѣлить со мною мою вечернюю трапезу по той лишь причинѣ, что не могъ припомнить его имени. Не повести же его къ себѣ на домъ: у меня семья, я принужденъ былъ бы представить его. А какъ его представишь, разъ я не знаю его имени! Я повелъ его въ ресторанъ.

— Я знаю,—сказалъ я ему,—гдѣ можно найти туринское вино!

Я мучился угрызениями совѣсти, такъ какъ не привыкъ обѣдать внѣ дома, не предупредивши семейныхъ. Къ несчастію, это мѣшало мнѣ спокойно сосредоточиваться на главной задачѣ: какихъ свѣтлыхъ шатеновъ солидной толщины знавалъ я въ Туринѣ? А что, если тѣ, которыхъ я знавалъ, никогда не признавались мнѣ, что они изъ Турина! О, во сколько разъ легче изслѣдовать дѣйствительные лѣса, спуститься въ Сену въ водяномъ колоколѣ, написать Иліаду, даже Иліаду! Къ тому же Гомеръ умеръ; онъ оказалъ человѣчеству огромную услугу тѣмъ, что умеръ, или даже тѣмъ, что вовсе не существовалъ. По крайней мѣрѣ, не рискуешь встрѣтить его, чтобы затѣмъ мучиться вопросомъ: онъ ли это? Право, было бы куда удобнѣе, если бы весь свѣтъ умеръ.

Выпивши съ нимъ одну бутылку Бургей и двѣ бутылки Клоде-Ротиссанъ, я узналъ, что человѣкъ, имя котораго неизвѣстно мнѣ, былъ женатъ, у него трое дѣтей, тетка, четверо братьевъ и предрасположеніе къ подагрѣ, что въ карманѣ у него хранится письмо отъ одной нѣсколько полной брѣнетки. Но попрежнему не зналъ я его имени. А израсходовалъ я сорокъ четыре франка шестьдесятъ сантимовъ. Я замѣтилъ это, платя по счету. Мнѣ оставалось лишь бѣжать, бѣжать съ позоромъ, послѣ того, какъ я докатился до послѣдней ступеньки ослабленія умственныхъ способностей и униженія.

— Ну, — сказалъ я, — я долженъ васъ оставить. Но какъ я доволенъ сегодняшнимъ вечеромъ!

Взявъ его за обѣ руки, я прибавилъ съ бѣшенствомъ въ душѣ:

— До свиданія . . . дорогой другъ!

Въ это мгновеніе я замѣтилъ еще одного друга, настоящаго друга, — я хочу сказать: друга, имя котораго было извѣстно мнѣ. Онъ подсѣлъ ко мнѣ, поговорилъ, и затѣмъ, чтобы показать, что хорошо воспитанъ, этотъ жалкій идіотъ говоритъ мнѣ, указывая на человѣка, имя котораго я не могъ припомнить:

— Представь мнѣ, пожалуйста, твоего друга!

Не знаю, какъ я тогда не покончилъ съ собой!

IV.

Ежегодникъ.

Если на то пошло, скажу вамъ всю правду, — медленно произнесъ Ларшэ, очнувшись отъ глубокой задумчивости, — я ничему этому не вѣрю.

Это были его первыя слова за весь вечеръ, и потому г. Костепьеръ, его другъ и коллега, рѣшился спросить:

— Чему вы не вѣрите?

— Всѣмъ этимъ толкамъ о злоупотребленіяхъ въ министерствахъ, — отвѣтилъ Ларшэ. — Мнѣ это кажется невозможнымъ.

— А между тѣмъ... — сказалъ Костепьеръ.

— Нѣтъ, дорогой другъ, нѣтъ! Во Франціи ужъ такая традиція: контрольныя учрежденія обходятся гораздо дороже, чѣмъ тѣ беспорядки, которые они призваны устранять. Хорошо еще, если бы устраняли ихъ надлежащимъ образомъ! Какъ бы то ни было, привычка усвоена, и вы сами знаете, съ какимъ остервененіемъ администрація бросается за исправленіе ошибокъ въ пятьдесятъ сантимовъ. Во время моихъ историческихъ изысканій мнѣ пришлось близко ознакомиться съ архивами одного министерства, — вы позволите мнѣ не называть его имени. Въ нихъ я нашелъ неопровержимое доказательство этой безкорыстной заботы о казенныхъ суммахъ:

* * *

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ кабинетъ одного изъ высшихъ чиновъ министерства внутреннихъ дѣлъ вошелъ курьеръ.

— Съ вами немедленно желаетъ говорить, — доложилъ онъ, — чиновникъ департамента стачекъ и бунтовъ. Онъ сказалъ, что явился съ конфиденціальнымъ порученіемъ.

Посѣтителя ввели. Это былъ скромно одѣтый челоуѣкъ съ мягкими и учтивыми манерами.

— Меня послалъ начальникъ архивовъ нашего министерства узнать: умеръ ли великій князь Подоли?

Высшій чинъ министерства внутреннихъ дѣлъ привскочилъ съ мѣста.

— Великій князь Подоли! Развѣ онъ сталъ жертвой несчастнаго случая? Значитъ, на него было совершено покушеніе?! Онъ убитъ? Но откуда вы получили эту новость?

Чиновникъ архива пожалъ плечами; онъ былъ ошеломленъ потокомъ посыпавшихся на него вопросовъ.

— Право, не знаю что отвѣтить вамъ. Я самъ ничего не знаю. Я исполняю порученіе, — вотъ и все. Мой начальникъ позвалъ меня и сказалъ: «Отправляйтесь сейчасъ же въ министерство внутреннихъ дѣлъ и справьтесь тамъ: умеръ ли его высоче-

ство великий князь Подоли?» Я исполнил то, что мне велели. А он умер?

— Не знаю, — ответило высокопоставленное лицо. — Необходимо навести справки.

Справки были наведены. Никто в министерстве внутренних дел не знал, умер или нет великий князь Подоли. Но все сошлось на том, что нельзя оставаться в неизвестности относительно столь потрясающего обстоятельства, и что необходимо навести справку у префекта полиции, но отнюдь не по телефону, чтобы не подслушали.

Важное лицо из министерства внутренних дел вызвалось само сопровождать архивного чиновника министерства стачек и бунтов. В префектуре все было как громом поражено. Бомба? Покушение с политической целью? Несчастный случай? Кто первый узнал эту новость?

— Ничего не знаю, — повторил чиновник, попрежнему невозмутимый. — Начальник позвал меня и сказал: «Пойдите, справьтесь в министерстве внутренних дел: умер ли великий князь Подоли?» Из министерства внутренних дел меня послали сюда. Я делаю то, что мне велено.

— Я тоже, — сказала высокопоставленное лицо из министерства внутренних дел, — исполняю свой служебный долг, сопровождая этого господина.

А так как в префектуре тоже ничего не было известно, то решили поехать в министерство иностранных дел, и к представителям двух департаментов присоединился чиновник префектуры.

Посольство было принято молодым дипломатом, отличавшимся кротким нравом и изящными манерами.

— Милостивый государь, — заявил чиновник архивов, — я пришел узнать: умер ли великий князь Подоли?

— Вы имеете в виду принципиальную сторону дела, или речь идет о справке фактического характера? — спросил молодой дипломат.

Эта фраза сама по себе не имела никакого смысла; но в дипломатии такими словами принято скрывать волнение. Они дают возможность выгадать время для того, чтобы оправиться, подумать и вызвать в собеседник чувство смущения и уважения.

— Не могу вам сказать, — упорствовал теперь уже чиновник министерства стачек и бунтов. — Мне велено справиться: умер ли великий князь Подоли? Мы везде справляемся об этом!

В министерстве иностранных дел не знали, умер ли великий князь Подоли. Но было точно известно, что он находится в Париже. Это усугубляло важность всякого события, касающа-

гося его особы. Рѣшено было отправиться къ нему во дворецъ, куда вся компанія и добралась въ двухъ фіакрахъ.

— Милостивый государь, — обратились запыхавшіеся члены кортежа къ секретарю великаго князя, — мы хотѣли бы узнать: въ добромъ ли здравіи его высочество?

— Я думаю, господа, я думаю! — отвѣтилъ секретарь. — Его высочество будетъ безконечно тронуть вашимъ вниманіемъ. Къ сожалѣнію, я лишень возможности поставить его въ извѣстность объ этомъ: онъ уѣхалъ въ Кабургъ, гдѣ предприметъ прогулку по морю на яхтѣ одного изъ своихъ друзей.

Замѣтивъ, однако, на лицахъ посѣтителей выраженіе ужаса, онъ прибавилъ:

— Что? Бомба, покушеніе, буря? Скорѣе, ради Бога, господа, ѣдемъ въ морское министерство за свѣдѣніями!

И они отправились на этотъ разъ въ трехъ фіакрахъ. Эта толпа людей, гнавшихся по слѣдамъ невѣдомой тайны, наводила страхъ на всѣхъ, кто попадался имъ на пути. Общее волненіе возрасло: въ морскомъ министерствѣ ничего не знали. вмѣсто того, чтобы разсѣяться, тайна возрасла. Тѣмъ не менѣе, министръ, когда ему доложили обо всемъ, высказалъ простую и ясную мысль:

— Начальникъ архива желаетъ знать: умеръ ли великій князь Подоли? Слѣдовало бы спросить его: почему онъ интересуется этимъ вопросомъ?

Мысль эта показалась остроумной. Четыре извозчика остановились у подъѣзда архивовъ. Делегация поднялась по лѣстницамъ, прошла коридоры. И, очутившись предъ первоначальнымъ виновникомъ всей суматохи, закричала въ одинъ голосъ:

— Вы узнали, что великій князь Подоли умеръ? Откуда вы узнали объ этомъ?

Начальникъ архивовъ поднялъ голову и съ удивленіемъ отвѣтилъ:

— Я совсѣмъ не знаю, что онъ умеръ. Я спрашивалъ: въ живыхъ ли онъ еще? Это совсѣмъ не одно и то же. Мы печатаемъ статистическій ежегодникъ, который, по обыкновенію, рассылаемъ всѣмъ великимъ міра сего. И прежде, чѣмъ израсходовать на экземпляръ для великаго князя Подоли, я хотѣлъ знать, живъ ли онъ еще. Вполнѣ естественная предосторожность: переплеть изъ краснаго сафьяна для этого изданія обходится намъ въ двадцать пять франковъ!

* * *

Г. Костепьеръ выслушалъ съ улыбкой разсказъ объ этомъ приключеніи.

— Вашъ другъ, начальникъ канцеляріи архивовъ, — сказалъ онъ Ларшэ, — имѣлъ въ виду съэкономить двадцать пять франковъ, но, благодаря его административной предусмотрительности,

государство истратило пятьдесятъ франковъ на извозчиковъ. Это, право, симптоматично . . . А затѣмъ вы, быть можетъ, вспомните, дорогой коллега, то мѣсто въ интересныхъ очеркахъ д'Авенеля о механизмѣ современной жизни, гдѣ онъ рассказываетъ исторію хозяина одного крупнаго магазина, который въ первые годы существованія предприятия каждый вечеръ собиралъ съ женой кусочки веревокъ, валявшихся у прилавковъ. Онъ обнаруживалъ этимъ необычайную ревность къ дѣлу. А спустя нѣсколько лѣтъ кассиръ его смогъ украсть у него двѣнадцать тысячъ франковъ, и онъ даже не замѣтилъ пропажи. Государство сильно напоминаетъ мнѣ этого почтеннаго коммерсанта . . .

Переводъ съ французскаго **О. Сидерской.**

ПОСЛѢСЛОВІЕ КЪ „РОМАНЦЕРО“.

ГЕНРИХЪ ГЕЙНЕ.*

Я назвалъ эту книгу «Романцero» потому, что въ стихотвореніяхъ, собранныхъ здѣсь, преобладаетъ тонъ романа. За немногими исключеніями, всѣ они были написаны въ послѣдніе три года, когда мое страдающее тѣло на каждомъ шагу было мнѣ помѣхой. Одновременно съ «Романцero» я въ томъ же изданіи выпускаю книжечку, озаглавленную: «Докторъ Фаустъ, танцевальная поэма, съ добавленіемъ любопытныхъ свѣдѣній о чортѣ, вѣдмахъ и поэзии». Рекомендую ее почтеннѣйшей публикѣ, которая не прочь послушать о такихъ вещахъ, не ломая себѣ надъ ними головы: это легкая ювелирная работа, надъ которой, конечно, не одинъ кузнецъ покачаетъ головой. Вначалѣ я имѣлъ намѣреніе и это произведеніе включить въ составъ «Романцero», но отказался отъ него, чтобы не нарушать единства настроенія, господствующаго въ послѣднемъ и придающаго ему свой особенный колоритъ. Эту танцевальную поэму я написалъ въ 1847 году, въ тотъ періодъ, когда мой злой недугъ уже изрядно развился, но еще не омрачалъ духа моего своей угрюмой тѣнью. Тогда у меня было еще немного мяса на костяхъ и язычества въ душѣ, и я еще не дошелъ до состоянія спиритуалистическаго скелета, который нынѣ близится къ полному распаду. Да развѣ въ дѣйствительности я еще существую? Тѣло мое до того все съежилось, что отъ него прямо-таки ничего не осталось, кромѣ голоса, а кровать моя напоминаетъ мнѣ звучащую гробницу волшебника Мерлина, въ лѣсу Брозеліанъ, въ Бретани, подъ высокими дубами, верхушки которыхъ зелеными огнями возносятся къ небу. Ахъ, какъ я завидую тебѣ, коллега

---

* Предлагаемый читателямъ переводъ „Послѣсловія къ „Романцero“ Генриха Гейне переведеннаго въ 1864 г. съ большими пропусками появляется на русскомъ языкѣ полностью впервые.

Эти страницы написаны уже умирающимъ поэтомъ и являются, на нашъ взглядъ, однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ и совершенно необходимыхъ матеріаловъ для характеристики поэта.

Интересъ къ нимъ усиливается еще и тѣмъ, что, за исключеніемъ своихъ мемуаровъ, уничтоженныхъ родственниками поэта, Гейне за этотъ періодъ мучительной своей болѣзни (1851—56 гг.), кромѣ этихъ страницъ да еще нѣсколькихъ стихотвореній, ничего не оставилъ.

Примѣч. ред.

Мерлинъ, изъ-за этихъ деревьевъ и прохлады, ими навѣваемой! Въ моей выложенной матрацами пещерѣ въ Парижѣ не шелохнетъ ни единый зеленый листокъ; съ ранняго утра до поздней ночи я только и слышу здѣсь громыханье телѣгъ, стукъ молотковъ, перебранку да бренчанье на фортепiano. Могила безъ тишины и покоя, смерть безъ привилегій умершихъ — не выдавать денегъ на расходы, не писать писемъ и, тѣмъ болѣе, книгъ — незавидная участь. Съ меня давнымъ-давно уже сняли мѣрку для гроба и для некролога, но я умираю такъ медленно, что это положительно становится скучнымъ и для меня, и для моихъ друзей. Но — терпѣние: всему бываетъ конецъ. Какъ-нибудь утромъ вы найдете запертымъ балаганъ, гдѣ васъ такъ часто забавляли кукольные комедии моего юмора.

Но что станетъ, когда я умру, съ бѣдными марионетками, которыя столько лѣтъ служили мнѣ для этихъ представлений? Что, напримѣръ, станетъ съ Масманомъ? Я неохотно расстаюсь съ нимъ, и на меня прямо-таки тоска нападаетъ, когда я вспомню стихи:

Не вижу больше короткихъ ножекъ,
И плоскаго носа нѣтъ...
Какъ пудель выкидывалъ онъ, рѣзвъ и весель,
Въ травѣ за курбетомъ курбетъ.

И вдобавокъ онъ знаетъ латынь. Я столько разъ въ своихъ сочиненіяхъ утверждалъ противное, что въ концѣ концовъ никто уже не сомнѣвался въ правдивости моего утвержденія, и бѣдняга сдѣлался всеобщимъ посмѣшищемъ. Школьники спрашивали его, на какомъ языкѣ былъ написанъ «Донъ-Кихотъ», и когда мой бѣдный Масманъ отвѣчалъ: «на испанскомъ», — они возражали, что онъ заблуждается, что «Донъ-Кихотъ» написанъ по-латыни, а онъ это принимаетъ за испанскій языкъ. Даже собственная его супруга была столь жестока, что при каждомъ домашнемъ недоразумѣніи кричала, что удивляется, какъ это мужъ не понимаетъ ея; вѣдь она же говоритъ по-нѣмецки, а не по-латыни. Масмановская бабушка, прачка безупречной нравственности, нѣкогда стиравшая на Фридриха Великаго, до того огорчалась позоромъ внука, что сошла въ могилу; дядя его, честный старопрусскій сапожникъ, вообразилъ себѣ, что племянникъ опозорилъ всю семью, и съ горя запилъ.

Сожалѣю, что моя юношеская несбдуманность причинила столько бѣдъ. Почтенную прачку я, къ сожалѣнію, не въ силахъ уже воззвать обратно къ жизни и дядю съ нѣжнымъ сердцемъ, нынѣ валяющагося по берлинскимъ канавамъ, не смогу уже отучить отъ водки; но его самого, моего бѣднаго Петрушку, Масмана, постараюсь реабилитировать въ общественномъ мнѣніи, торжественно взявъ назадъ все, что я когда-либо говорилъ о его без-

латинности, латинской импотенціи, его magna linguae romanae ignorantia.

Это облегчило бы мою совѣсть. Когда лежишь на смертномъ одрѣ, становишься очень чувствительнымъ и мягкосердечнымъ, и хочется заключить миръ съ Богомъ и всѣмъ свѣтомъ. Сознаюсь, многихъ я и царапалъ, и кусалъ; я далеко не былъ агнцемъ. Но, повѣрьте мнѣ, эти ваши хваленые агнцы кротости были бы гораздо менѣе кротки, если бъ природа надѣлила ихъ зубами и лапами тигра. Могу похвастать, что этимъ своимъ прирожденнымъ оружіемъ я пользовался рѣдко. Съ тѣхъ поръ, какъ самъ я нуждаюсь въ Божіемъ милосердіи, я всѣмъ моимъ врагамъ даровалъ амнистію; и потому многія прекрасныя стихотворенія, направленные противъ очень высокихъ и очень низкихъ особъ, не были включены въ предлагаемый сборникъ. Стихотворенія же, заключающія въ себѣ язвительныя выходки противъ Самого Господа Бога — хотя бы и въ затушеванномъ видѣ — я со страхомъ и трепетомъ предалъ огню: пусть ужъ лучше горятъ стихи, чѣмъ стихотворецъ. Да, я заключилъ миръ какъ съ Творцомъ, такъ и съ тварью, къ величайшему неудовольствію моихъ просвѣщенныхъ друзей, которые корятъ меня этимъ возвратомъ къ старымъ суевѣріямъ, какъ имъ угодно называть мое возвращеніе къ Богу. Нѣкоторые въ своей нетерпимости выражаются еще рѣзче. Весь высшій клиръ атеизма изрекъ мнѣ: «анаѳема», и среди поповъ невѣрія есть такіе фанатики, которые охотно вздернули бы меня на дыбу, чтобъ заставить меня отречься отъ моей ереси. Къ счастью, въ ихъ распоряженіи нѣтъ иныхъ орудій пытки, кромѣ ихъ писаній. Но я и безъ пытки готовъ во всемъ сознаться. Да, я, какъ блудный сынъ, вернулся къ Богу, послѣ того, какъ долгое время пасъ свиней у гегелианцевъ. Нужда ли погнала меня назадъ? Или же менѣе мизерабельная причина? * Но только тоска по небесной отчизнѣ овладѣла мною и гнала меня черезъ дебри и ущелья, по самымъ головокружительнымъ горнымъ тропинкамъ діалектики. По пути я встрѣтилъ бога пантеистовъ, но для меня онъ оказался непригоденъ. Это жалкое, выдуманное существо срослось и переплелось съ міромъ, заключено въ немъ какъ въ темницѣ и — безвольное и безсильное — лишь пялитъ на тебя, зѣвая, глаза. Чтобы имѣть волю, надо быть личностью, а чтобы проявлять ее, надо имѣть локти свободными. Всякій же, жаждущій Бога, Который могъ бы помочь ему — а главное вѣдь въ этомъ, — обязанъ признать и Его личность, и Его внѣмірность, и всѣ атрибуты Его святости: всеблагость, всемудрость, всеправедность и пр. А затѣмъ уже въ концѣ торга онъ получить въ придачу и безсмертіе, и загробную жизнь: такъ мясникъ, когда онъ доволенъ покупателемъ, безвозмездно бросаетъ ему въ коробъ мозговую косточку. Эта вкус-

* Сравни „Введеніе къ Романцеро“.

ная мозговая косточка на языкѣ французской кухни называется *géjouissance* и изъ нея варятъ чудеснѣйшій бульонъ, весьма полезный и крѣпительный для бѣднаго истомленнаго больного. Что я не отвергъ такой *géjouissance*, а, наоборотъ, не безъ удовольствія прибралъ ее себѣ, за это всякій человѣкъ съ душой можетъ только похвалить меня.

Я упомянулъ о богѣ пантеистовъ, но не могу не замѣтить кстати, что, въ сущности, онъ совсѣмъ и не богъ, точно такъ же, какъ пантеисты, въ сущности, только застыдившіеся (стыдливые) атеисты, боящиеся не столько самой вещи, сколько ея имени, ея тѣни на стѣнѣ. И большинство изъ нихъ въ Германіи въ періодъ реставраціи разыгрывали съ Господомъ Богомъ ту же пятидесятилѣтнюю комедию, какую здѣсь, во Франціи, разыгрывали съ монархизмомъ конституционные роялисты, которые въ душѣ по большей части были республиканцами. Послѣ июльской революціи и по эту, и по ту сторону Рейна маски были сброшены. Съ тѣхъ поръ, — въ особенности послѣ паденія Луи-Филиппа, лучшаго монарха, когда-либо носившаго конституционный терновый вѣнецъ — здѣсь, во Франціи, сложилось такое убѣжденіе, что выдержать критику разума и опыта могутъ лишь двѣ формы правленія: абсолютная монархія и республика, и выбирать надо одну изъ двухъ: вся же промежуточная мѣшанина лжива, неустойчива и гибельна. Такимъ же манеромъ и въ Германіи всплыло на поверхность мнѣніе, что надо выбирать между религіей и философіей, между догматомъ вѣры, добытымъ путемъ откровенія, и послѣдними выводами мысли, — между абсолютнымъ библейскимъ Богомъ и атеизмомъ.

Чѣмъ смѣлѣй, рѣшительнѣй умы, тѣмъ легче они становятся жертвами такихъ дилеммъ. Что касается меня лично, въ политикѣ я не могу похвалиться особеннымъ прогрессомъ: я остался при тѣхъ же демократическихъ принципахъ, которымъ я далъ обѣтъ въ ранней юности и которые чѣмъ дальше, тѣмъ пламеннѣй отстаивалъ. Зато въ области теологіи я, каюсь, повиненъ въ регрессѣ, ибо, какъ уже сознался выше, я вернулся къ старымъ суевѣріямъ, къ личному Богу. Этого уже не затушуешь, какъ то пытались сдѣлать иные просвѣщенные и благожелательные друзья. И все же я вынужденъ категорически протестовать противъ слуховъ, будто мое обращеніе вспять привело меня къ порогу какой бы то ни было церкви или даже въ лоно ея. Нѣтъ, мои религиозныя убѣжденія и взгляды остались свободными отъ всякой церковности; ни разу колокольный звонъ не соблазнилъ меня и ни одна свѣча у алтаря не ослѣпила. Я не заигрывалъ съ символикой, и не совсѣмъ отрекся отъ своего разума. Вообще я ни отъ чего не отрекался, ни даже отъ прежнихъ моихъ языческихъ боговъ, отъ которыхъ я хоть и отвернулся, но разстался съ ними любовно и дружески. Это было въ маѣ 1848 года, въ тотъ день, когда я въ

послѣдній разъ вышелъ изъ дому и простился съ милыми кумирами, которымъ я поклонялся въ годы моего счастья. Съ превеликимъ трудомъ дотащился я до Лувра и едва не упалъ отъ усталости, когда вошелъ въ высокій залъ, гдѣ стоитъ на своемъ пьедесталѣ благодатная богиня красоты, Мадонна Милосская. У ногъ ея я долго лежалъ и плакалъ такъ горько, что и камень сжалился бы надо мною. И богиня смотрѣла на меня сверху внизъ сострадательно и въ то же время безнадежно, какъ бы говоря: «Развѣ ты не видишь, что у меня нѣтъ рукъ, и, слѣдовательно, я не могу помочь?»

На этомъ я обрываю, ибо впалъ уже въ плаксивый тонъ, который можетъ, чего добраго, совсѣмъ овладѣть мною, если я подумаю о томъ, что теперь мнѣ надлежитъ проститься и съ тобою, дорогой читатель. При этой мысли я чувствую себя до извѣстной степени растроганнымъ, ибо съ тобою я расстаюсь неохотно. Авторъ, въ концѣ концовъ, привыкаетъ къ своей публикѣ, словно къ разумному существу. И тебя, повидимому, огорчаетъ, что я вынужденъ сказать тебѣ «прости»; ты растроганъ, дорогой читатель, и драгоценныя перлы капаютъ изъ слезницъ твоихъ. Но успокойся, мы свидимся съ тобою въ лучшемъ мѣрѣ, гдѣ я надѣюсь написать для тебя и лучшія книги, — предполагаю, что тамъ улучшится и мое здоровье, и что Сведенборгъ не обмануль меня. Онъ положительно утверждаетъ, что въ мѣрѣ иномъ мы преспокойно будемъ продолжать жить тою же жизнью, какъ и въ этомъ, что индивидуальность наша останется нетронутой и что смерть отнюдь не является особенной помѣхой нашему физическому развитію. Сведенборгъ честнѣйшій малый, и его рассказы о загробномъ мѣрѣ, гдѣ онъ своими глазами видѣлъ лицъ, игравшихъ видную роль на нашей землѣ, — достойны вѣры. Большинство, по его словамъ, остались тѣмъ, чѣмъ были, и занимаются тѣмъ же, чѣмъ занимались раньше, вслѣдствіе чего кажутся устарѣлыми, старомодными, и это выходитъ иной разъ очень смѣшно. Такъ, напримеръ, нашъ милѣйшій докторъ Лютеръ такъ и остался при своемъ учени о благодати, въ защиту котораго онъ въ теченіе трехсотъ лѣтъ изо дня въ день выдвигаетъ все тѣ же заплѣсневѣвшіе аргументы — точно такъ же, какъ и покойный баронъ Экштейнъ*, который двадцать лѣтъ подъ рядъ ежедневно помѣщалъ въ «Allgemeiner Zeitung» одну и ту же статью, постоянно пережевывая все ту же старую иезуитскую жвачку. Но, какъ уже было говорено, не всѣхъ, игравшихъ роль здѣсь внизу, Сведенборгъ нашель въ такомъ ископаемомъ оцѣпенѣніи; иные сумѣли на томъ свѣтѣ здорово развить свою личность и въ хорошую, и въ дурную сторону, и оттого тамъ встрѣчаются изумительныя вещи. Герои

* Ф. Экштейнъ, крещеный еврей, получившій дворянство, писалъ въ „Allgem. Zeit.“ статьи противъ либерализма.

и праведники, на примѣръ, тамъ опустились и стали хулиганьемъ и бездѣльниками, но бываетъ и обратное. Такъ, на примѣръ, одинъ отшельникъ страшно возгордился, узнавъ, какъ благоговѣнно чтить его и поклоняется ему весь католическій міръ, и онъ, — здѣсь на землѣ противостоявши самымъ страшнымъ искушеніямъ, — теперь сталъ наглѣйшимъ повѣсой и распутникомъ, который соперничаетъ со своей свиньей въ искусствѣ барахтаться въ грязи. Цѣломудренную Сусанну довела до самаго постыднаго паденія кичливость своей нравственностью, которую она почитала непобѣдимой, и она, давшая такой славный отпоръ похотливымъ старцамъ, поддалась соблазнамъ юнаго Авессалома, сына Давидова. Наоборотъ, дочери Лота съ теченіемъ времени стали гораздо добродѣтельнѣе, чѣмъ были, и въ новомъ мірѣ слывутъ образцами благопристойности. Старикъ отецъ ихъ, къ сожалѣнію, продолжаетъ попивать.

Какъ ни глупо звучать такія свѣдѣнія, все же они важны и свидѣтельствуютъ о проницательности и умѣ великаго скандинавскаго провидца, который постигъ единство и недѣлимость нашего существованія, а также сумѣлъ признать и утвердить *неотъемлемыя* права нашей индивидуальности. Загробная жизнь для него не идеальный маскарадъ, въ которомъ мы наряжаемся въ новыя одежды и становимся новыми людьми; у него и человѣкъ, и костюмъ его остаются безъ измѣненій. Въ потустороннемъ мірѣ Сведенборга почувствовали бы себя, какъ дома, даже бѣдные гренландцы, которые, когда датскіе миссіонеры силились обратить ихъ въ христіанство, — спрашивали: «А на христіанскомъ небѣ есть тюлени?». И, получивъ отрицательный отвѣтъ, сокрушенно говорили: «Въ такомъ случаѣ христіанскій рай не годится для гренландцевъ, такъ какъ они безъ тюленей жить не могутъ».

Какъ возмущается вся душа наша при мысли о прекращеніи бытія нашей личности, о вѣчномъ уничтоженіи! *Nogtog vasui* — боязнь пустоты, приписываемая природѣ, гораздо болѣе свойственна человѣческому духу. Будь же спокоенъ, дорогой читатель, — есть жизнь и послѣ смерти, и въ мірѣ иномъ каждый найдетъ своихъ тюленей, безъ которыхъ онъ не можетъ жить.

А теперь прощай, и если я тебѣ что-нибудь долженъ, пришли мнѣ счетъ.

Переводъ Натана Венгрова.

Писано въ Парижѣ,
30 сентября 1851 г.

ЧЕЛОВѢКЪ ДРЕВНЯГО РИМА.

ЮГАННЕСА ЛИННАНКОСКИ.*

Словно это было вчера, — такъ отчетливо помню я день, когда впервые увидѣлъ тебя, человѣкъ древняго Рима!

Была весна. Виноградная лоза развѣтывала листья.

Я, человѣкъ Сѣвера, только что прибылъ изъ великихъ городовъ, каждый нервъ которыхъ заряженъ электрическимъ токомъ культуры и сверхъ-культуры XX вѣка.

Весенней ночью я мчался по направлению къ спокойной, мирной провинции, чувствуя въ своихъ нервахъ шумъ мировыхъ городовъ. И вотъ предо мною всталъ ты, человѣкъ древняго Рима, покинувъ свою многовѣковую могилу. Ты явился какъ привидѣніе, титанъ и богъ, о которомъ я много читалъ, слышалъ, думалъ.

* * *

Вотъ что пережила я въ этотъ день.

Милый городокъ Прованса весь утопалъ въ золотыхъ лучахъ утренняго солнца, когда я, пришлецъ изъ чужой страны, направлялъ свои шаги по главной улицѣ на площадь города, наблюдая чужой мнѣ народъ и его жизнь.

Какъ ты прекрасна, женщина Прованса! Ты величественна, точно королева въ своей благородной прическѣ, въ изящныхъ складкахъ плаща, и я затрудняюсь сказать, что ярче: блескъ твоихъ очей или солнечный лучъ?

О тебѣ, провансальскій мужчина, я также не хочу сказать чего-либо дурного; ты веселъ, твои добродѣтели — общительность и любезность.

Такъ наблюдалъ я до самаго полудня — горожанъ въ ихъ ежедневныхъ хлопотахъ, сельскихъ жителей, ѣдущихъ съ добродушной улыбкой въ маленькихъ повозкахъ, запряженныхъ осликами, — людей большого свѣта и ремесленниковъ, — взрослыхъ и дѣтей.

Я сѣлся съ ними за столъ, радуясь ихъ веселью, любуясь изяществомъ, которое украшало каждый жестъ ихъ рукъ.

Потомъ я пошелъ за ними туда, гдѣ они играли, и наблюдалъ,

* Изъ материаловъ „Финскаго сборника“ книгоиздательство „Парусь“.

какъ радостные крики наполняли паркъ, какъ старцы гонялись за мячомъ наравнѣ съ подростками, какъ гибкость юноши и грація дѣвушки соперничали въ плавномъ ритмѣ фарандолы.

«Счастливыи народъ! — думалъ я, дитя мрачнаго Сѣвера, — тебѣ знакомы радость и веселье, ты сумѣлъ такъ устроить свою жизнь, что посторонний не вѣдаетъ, гдѣ кончается трудъ и гдѣ начинается игра».

* * *

И вотъ предсталъ предо мною ты, человѣкъ древняго Рима. Я шель по улицѣ, всей душой утопая въ яркой сутолокѣ дня. И вдругъ на поворотѣ, предъ моимъ взоромъ, встала часть почернѣвшей каменной стѣны.

Стѣна поднималась, какъ привидѣніе изъ могилы, и, глядя на могучія плечи этого привидѣнія, на вѣковые шрамы его мрачныхъ висковъ, я понялъ, что предо мною не творчество вчерашняго дня, не сооруженіе нѣжныхъ, хрупкихъ рукъ провансальца, предъ моими глазами — твой мощный трудъ, человѣкъ древняго Рима!

Самъ Цезарь проходилъ этими улицами, тяжелые шаги его легионовъ потрясали эти равнины.

Я быстро иду вдоль стѣны Амфитеатра, иду и вижу, понимаю, что ты — исполинъ и что въ твоихъ рукахъ, римлянинъ, скалы были не тяжелѣе маленькихъ камней, которыми играютъ дѣти.

Слава о твоей архитектурѣ, человѣкъ древняго Рима, вѣками разносилась по свѣту въ рѣчахъ, книгахъ и картинахъ, но только сейчасъ, посреди арены, вмѣщавшей десятки тысячъ зрителей, мнѣ становится ясно, что ты былъ выше своей славы, что даже зрѣлица твои были зрѣлицами не человѣка, а титана.

Я хожу вдоль и поперекъ города и всюду на своемъ пути встрѣчаю возведенные тобою стѣны, ворота, колонны и триумфальныя арки. Я ступаю по камнямъ улицъ, — они на четверть аршина протоптаны ногами безчисленныхъ поколѣній.

И когда я, послѣ всего видѣннаго, снова озираю городъ съ возвышеннаго мѣста, — люди, которые еще такъ недавно вызывали у меня восхищеніе, мужчины и женщины Прованса, сморщились, кажутся странно маленькими: я вижу, что они и по сей день живутъ, какъ зяблики, подъ защитою твоихъ стѣнъ, исполинъ!

Восхищеніе и любопытство побуждаютъ меня выйти за городъ, — я чувствую, что не видѣлъ всего, что долженъ увидать.

Я иду по дорогѣ шириною не менѣе самой широкой улицы современнаго города, по ровной, вѣковѣчной дорогѣ, недоступной сокрушительной силѣ временъ. И чѣмъ дальше я иду, тѣмъ чудеснѣе становится она, дорога титановъ.

Она тянется прямо, какъ туго натянутая струна. Еще немного, — и я вижу себя идущимъ на вышинѣ двухъэтажнаго дома

по виадуку черезъ обширную долину по направленію къ дальнимъ деревнямъ на горизонтѣ.

Я останавливаюсь, пораженный видомъ миллионныхъ полчищъ камней, которые ты, человѣкъ древняго Рима, собралъ здѣсь.

Въ эту минуту восхищенія я вижу провансальцевъ; широко улыбаясь, они ѣдутъ мимо меня. Глядя, какъ спичечныя ножки ихъ осликовъ семять по твоей исполинской дорогѣ, которая кажется дорогою боговъ къ безсмертію, я не знаю, долженъ ли я плакать или смѣяться; я понимаю, что ты создалъ эти мощныя артеріи не для ословъ, я понимаю, что твои мускулы напрягались и горѣли силою и пламенемъ великой идеи. И желая понять, увидѣть ее воочию, я обращаю свой взоръ на долину.

Словно огромная змѣя, блистая серебряными чешуйками, пронизываетъ долину водная артерія. И это не природная рѣка, а твореніе человѣческихъ рукъ: я вижу, какъ далеко, на горизонтѣ она беретъ свою владу изъ мощнаго русла Роны и исчезаетъ за областью зрѣнія въ противоположной сторонѣ.

Я начинаю подозрѣвать тайну этой серебристой змѣи и, устремляясь въ долину, вижу, какъ отъ береговъ главнаго канала, по обширной равнинѣ, къ ея краямъ тянутся тысячи оросительныхъ каналовъ. Но теперь эти каналы пусты, русла ихъ засорились, желѣзные шлюзы, вдѣланные въ камень, лежатъ опрокинутые, снѣдаемые ржавчиной, а жаждущая равнина взываетъ запекшимися устами: куда ушелъ ты, человѣкъ древняго Рима?

Мнѣ грустно, я поворачиваю назадъ, въ жаркія улицы города, полная солнца. На обратномъ пути, встрѣтивъ дѣвушку, нѣжный цвѣтокъ Прованса, пасущую на обширной равнинѣ пару жалкихъ козъ, — я чувствую, что кровь въ моихъ жилахъ начинаетъ обиженно кипѣть, и я отвѣчаю на ея привѣтливую улыбку лишь суровымъ кивкомъ головы.

Въ моей груди пылаетъ огонь, и мнѣ думается, что этотъ огонь — сродни тому, который двѣ тысячи лѣтъ назадъ жегъ твою душу, человѣкъ древняго Рима, жегъ твою грудь жаждой дѣянія...

Почти бѣгомъ спѣшу я чрезъ долину на холмъ, чтобы послѣднимъ взоромъ окинуть творенія твоихъ рукъ во всей полнотѣ, чтобы понять идеи, которыя воодушевили твои желѣзныя руки на титаническій трудъ въ Галліи.

Взоромъ души я вижу легіоны, которые ты привелъ въ эту долину, вижу, какъ водружаешь ты свои орлы на самомъ высокомъ холмѣ ея, какъ сверкаетъ надъ головами галльскихъ племенъ твой короткій мечъ, завоевавшій міръ.

Но мечъ для тебя оружіе только двухъ первыхъ дней: уже на третій ты влагаешь его въ ножны и взамѣнъ его поднимаешь орловъ — божественныхъ птицъ труда и культуры.

Глаза благодарно ласкаютъ склоны садовъ, которыми ты

украшалъ края дикихъ обрывовъ, и я понимаю, что ты хотѣлъ сдѣлать изъ этой галльской долины рай, что ты уже видѣлъ душою, какъ на мѣстѣ болотъ волнуются колосья пшеницы, сотни тысячъ скота пасутся въ высокой, до головы человѣка, травѣ, зерно и всякая живность тянется безконечными обозами по исполнскимъ дорогамъ на радость людямъ и во славу боговъ.

Я разумѣю теперь, что твое появленіе было самымъ могучимъ переворотомъ, который когда-либо переживало человѣчество, и что твоя идея завоеванія міра была идеей труда, а не меча.

Спускаясь медленнымъ шагомъ съ возвышенности, я не могу воздержаться отъ мысли о нѣкоторыхъ современныхъ завоевателяхъ міра, не могу не спросить:

Гдѣ тѣ дороги, тѣ мосты, тѣ сады и каналы орошенія, та жгучая идея творчества и созиданія, которыми они, завоеватели, содѣйствовали культурѣ завоеванныхъ ими народовъ?

* * *

Солнце опустилось за лѣса и горы на западъ; его послѣдніе лучи еще золотили вершины холмовъ, когда я возвращался въ городъ по римской дорогѣ, такой же вѣчной, какъ та, по которой я вышелъ изъ города.

Здѣсь, на дорогѣ, возлѣ самага города, меня поразило еще одно видѣніе.

Аллея могучихъ деревьевъ стоитъ почетнымъ карауломъ, — я чувствую, какъ вѣтъ на меня покоемъ вѣчной ночи. Между деревьями, одна за другой, двумя безконечными рядами виднѣются гробницы. Сдѣланныя изъ большихъ каменныхъ глыбъ, эти усыпальницы имѣютъ упрямый внушительный видъ. Я не могу подавить чувство, которое меня охватываетъ, порывистымъ движеніемъ обнажаю свою голову и, дитя пигмеевъ, почтительно кланяюсь гробницамъ исполиновъ.

* * *

Вечеромъ того же дня я сижу въ комнатѣ провансальскаго отеля, чувствую, какъ теплый токъ возбужденія проходить по моему тѣлу, и мнѣ хочется крикнуть дальнему Сѣверу:

«Ничего нѣтъ вѣчнаго въ мірѣ, кромѣ труда! Кто служить богамъ труда, тотъ стоитъ, окруженный вихрями вѣчнаго времени, съ высоко поднятой головой! И пусть колесница разрушенія раздавить его, — онъ будетъ жить въ своемъ творествѣ и даже изъ руинъ созданнаго имъ гордо провозгласитъ міру:

— Я существовалъ и творилъ великое!»

Переводъ съ финскаго Г. I. Тюнни.

ИЛЕРМИ.

баллада Эйно Лейно.*

Илерми, суровый воинь,
На конь въ храмъ Божии въѣхалъ
И сказалъ, средь храма стоя:
— „Не таковъ я, какъ другіе!
Во грѣхахъ моихъ не каюсь,
Не нуждаюсь въ силахъ Неба!“

Со стѣны онъ слышитъ голосъ, —
Молвилъ слово образъ Дѣвы:
— „Ты покаешься, увидѣвъ,
Какъ твой домъ пожретъ огонь!“

Илерми, упрямый рыцарь,
Звякнулъ, брякнулъ мѣдной броней,
Поспѣшилъ изъ храма въ поле, —
А на мѣсть дома пепель!
Крикнулъ Илерми упрямый:
— „Я воздвигну здѣсь домъ новый,
Лучше прежняго гораздо!“

Илерми, безстрашный рыцарь,
Вѣхалъ къ самому амвону,
Дерзко хвалится во храмъ:
— „Не таковъ я, какъ другіе!
Не склоню главу покорно
Предъ неправымъ наказаньемъ!“

Со стѣны онъ слышитъ голосъ, —
Говорятъ уста Іисуса;
— „Ты падешь во прахъ, увидѣвъ
Въ савань твою жену!“

* Изъ матеріаловъ „Финскаго сборника“ книгоиздательство „Парусъ“.

Илерми, смѣльчакъ безумный,
 Бьетъ коня тяжелой плетью,
 Быстро скачетъ вонъ изъ храма,
 Видитъ: умерла супруга!
 Онъ вскричалъ у ложа смерти:
 — „Я найду жену другую,
 Лучше этой, краше этой!“

Илерми, суровъ и гнѣвнъ,
 Къ алтарю отважно скачетъ,
 Говоритъ безстрашный рыцарь:
 — „Не таковъ я, какъ другіе!
 Не жалю я о прошломъ,
 Я несусь впередъ, какъ буря!“

И въ отвѣтъ ему съ угрозой
 Златоризый образъ молвилъ:
 — „Ты узнаешь жалость, воинъ,
 Какъ твой сынъ ума лишится!“

Илерми, безумно храбрый,
 Бьетъ копьемъ о камень пола,
 Мчится бурей въ чисто поле,
 Видитъ: сынъ его безуменъ!
 Онъ схватилъ свою стѣкиру,
 Поразилъ стѣкирой сына,
 Распласталъ его средь поля,
 Дикимъ голосомъ воскликнулъ:
 — „Я рожу другого сына,
 Лучше будетъ, чѣмъ погибшій“.

Илерми, орлу подобный,
 Черезъ окно во храмъ ворвался,
 Конь его на богомольцевъ
 Дышитъ огненнымъ дыханьемъ,
 Очи молніями брызжутъ,
 Но еще страшнѣй самъ рыцарь

Въ стременахъ стоитъ желѣзныхъ.
 — „Не таковъ я, какъ другіе!
 Не прошу пощады Неба!
 Пусть желѣзо насъ разсудитъ!“

*И тогда суровый голосъ
Грянулъ съ неба голубого:
— „Воинъ, ты убавишь спеси,
Какъ войдешь въ предѣлы смерти!“*

*Илерми, суровый воинъ,
Слышитъ: треснулъ полъ во храмъ;
Видитъ — пламя подъ ногами...
Тутъ кровавою съкирой
Отрубилъ себѣ онъ руку
И ее, съ перчаткой вмѣстѣ,
Гнѣвно бросилъ въ стѣну храма.
И сказалъ, ввергаясь въ пламя:
— „Раньше годы храмъ разрушатъ,
Чѣмъ сойдетъ перчатка съ камня.
Стѣны эти пылью стануть, —
Не истлѣетъ кость руки
До тѣхъ поръ пока на смѣну
Не придутъ иные люди,
Что предѣ смертью не отступятъ,
Не робѣютъ предѣ могилой!“*

*Шпоры бьютъ коня по ребрамъ,
Пламя шлемъ златой скрываетъ...
Но блеститъ на стѣромъ камень
Сталь перчатки и понынѣ.*

Пер. съ финскаго Г. I. Тюни.

ДВѢ ДУШИ.

Катастрофа, никогда еще не испытанная миромъ, потрясаетъ и разрушаетъ жизнь именно тѣхъ племенъ Европы, духовная энергия которыхъ наиболѣе плодотворно стремилась и стремится къ освобождению личности отъ мрачнаго наслѣдія изжитыхъ, угнетающихъ разумъ и волю фантазій древняго Востока, — отъ мистики, суевѣрій, пессимизма и анархизма, неизбежно возникающаго на почвѣ безнадежнаго отношенія къ жизни.

Востокъ, какъ это извѣстно, является областью преобладанія началъ эмоциональных, чувственныхъ, надъ началами интеллекта, разума; онъ предпочитаетъ изслѣдованію — умозрѣнію, научной гипотезѣ — метафизическій догматъ. Европеецъ — вождь и хозяинъ своей мысли; человѣкъ Востока — рабъ и слуга своей фантазии. Этотъ древній человѣкъ былъ творцомъ большинства религій, основоположникомъ наиболѣе мрачной метафизики; онъ чувствуетъ, но не изучаетъ, и его способность объединять свой опытъ въ научныя формы — сравнительно ничтожна.

Воспринявъ чувственно и умозрительно силу стихій, Востокъ обоготворилъ ихъ и безвольно подчинился имъ, покорный всякой силѣ, тогда какъ люди Западной Европы, овладѣвая энергійю природы посредствомъ изученія ея, стремятся подчинить и подчиняютъ эту энергію интересамъ и разуму человѣка.

Задача европейской науки — именно въ томъ, чтобы, изучивъ силы природы, заставить ихъ работать на человѣка, освободить личность изъ плѣна догмата, суевѣрій, предразсудковъ, изъ тисковъ подневольнаго труда и претворить освобожденную физическую энергію въ духовную.

Эта задача европейской науки и культуры была невѣдома Востоку; только съ прошлаго столѣтія наиболѣе чуткіе люди и страны Азіи начали принимать великій научный опытъ Европы, ея методы мышленія и формы жизнедѣятельности.

Основное мироощущеніе Востока легко укладывается въ такую

формулу: человекъ навсегда подчиненъ непознаваемой силѣ, она не постижима разумомъ, и воля человека — ничто предъ нею. Для европейской науки непознаваемое — только непознанное.

„Кисметъ“ — говоритъ магометанинъ, покорно подчиняясь Року, а европеецъ Ромэнъ Ролланъ гордо заявляетъ: „Французъ не знаетъ Рока“.

Это не совсѣмъ вѣрно: Западъ знаетъ Рокъ, увѣренно борется съ нимъ и, чувствуя себя призваннымъ къ побѣдѣ надъ Роккомъ, постепенно вовлекаетъ въ эту великую борьбу и Востокъ. Западъ разсматриваетъ человека какъ высшую цѣль природы и органъ, посредствомъ коего она познаетъ самоё себя, безконечно развивая всѣ свойства этого органа; для Востока человекъ самъ по себѣ не имѣетъ значения и цѣны.

Пытаясь ограничить непомерно развитую чувственность, Востокъ создалъ аскетизмъ, монашество, отшельничество и всѣ инныя формы бѣгства отъ жизни, мрачнаго отрицанія ея. Табакъ, опиумъ и другіе наркотики, цѣль которыхъ усилить или подавить эмоци, — тоже излюблены и даны миру Востокомъ. Земная жизнь для усталого, но чувственнаго человека восточныхъ странъ кажется призрачной, лишеною смысла, а убѣжденіе въ возможности иного, посмертнаго бытія побуждаетъ его уже на землѣ готовиться къ райскому покою, какъ это дѣлали пустынники Оиваиды, какъ дѣлаютъ аскеты Индіи и наши сектанты-мистики.

На Востокѣ берутъ свое начало скопчество, стремящееся прекратить размноженіе человѣческаго рода, и анархическое „бѣгунство“, „странничество“, отрицающее всѣ формы социальной и политической организаци.

Религиозная нетерпимость, фанатизмъ, изуверство — это тоже продукты эмоцій Востока, и хотя почти всѣ эти эмоци привиты арійцамъ Запада, но это для западной культуры не характерно; здоровый человекъ можетъ заразиться проказой, но проказа — болѣзнь, рожденная на Востокѣ.

Для Европы характерна рѣзко выраженная ею активность ея жизни, ея культуры, основанной на изученіи и дѣяніи, а не на внушеніи и догматѣ — началахъ древней культуры Востока.

Человекъ Востока ожидаетъ вѣчнаго счастья и покоя за предѣлами земли, въ области воображенія; европеецъ хочетъ достигнуть долготѣшняго счастья на землѣ.

Цѣль европейской культуры — быть культурой планетарной, объединить въ своемъ трудѣ, въ своихъ идеяхъ все человечество нашей планеты.

Лозунги Европы — равенство и свобода, на основаниях изучения, знания, дѣянія.

Англичанинъ Содди, радиоактивистъ, оцѣнивая современное состояние европейской науки, говорить: „Дѣйствительное богатство мира — есть его энергия, и, благодаря новымъ открытиямъ науки, впервые стало выясняться, что жестокая борьба за существование изъ-за ничтожныхъ крохъ природной энергии, на которыхъ развилось современное человѣчество, — не есть единственно возможная и вѣчная судьба человѣчества. Мы имѣемъ законное право вѣрить, что человѣкъ приобрететъ власть направить для собственныхъ цѣлей первичные источники энергии, которые природа теперь такъ ревниво охраняетъ для будущаго“. „Вслѣдствие прогресса физики, мы находимся на поворотѣ восходящаго движения цивилизации, дѣлая первый шагъ вверхъ, на низшую ступень слѣдующей восходящей вѣтви. Предъ нами, — хотя все еще неопредѣленно впереди — идетъ подъемъ къ физической власти надъ природой; онъ идетъ далеко за предѣлы мечтаній смертныхъ, мечтаній, выраженныхъ въ любой философской системѣ. Эти возможности новаго порядка вещей, лучшихъ условий бытія, чѣмъ какія когда-либо предсказывались, — не являются обѣщаніями изъ иного мира. Онѣ существуютъ въ этомъ мірѣ, за нихъ надо сражаться и бороться, чтобы вырвать ихъ изъ цѣпкихъ рукъ природы, какъ были вырваны въ прошломъ всѣ наши успѣхи, наша цивилизация работою коллективного мозга человѣчества, направляющаго и умножающаго ничтожную силу отдѣльнаго человѣка“.

Это — боевой кличъ европейца, увѣреннаго въ творческой силѣ воли своей, разума своего.

Китаецъ Лао-Си учитъ:

„Единственно, чего я боюсь, это — быть дѣятельнымъ. Всѣ должны быть бездѣятельными. Бездѣятельность — полезнѣе всего, существующаго между небомъ и землею. Когда всѣ сдѣлаются бездѣятельными, то на землѣ наступитъ полное спокойствіе“.

Вотъ непримиримое противорѣчіе Запада и Востока. Именно это, рожденное отчаяніемъ, своеобразие восточной мысли и является одной изъ основныхъ причинъ политическаго и социальнаго застоя азіатскихъ государствъ. Именно этой подавленностью личности, запуганностью ея, ея недоувѣріемъ къ силѣ разума, воли и объясняется мрачный хаосъ политической и экономической жизни Востока. На протяжении тысячелѣтій человѣкъ Востока былъ и все еще остается въ массѣ своей „человѣкомъ не отъ мира сего“.

Конечно, и Востокъ по-своему дѣятеленъ, но его дѣятельность подневольна, ее вызываетъ только суровая сила необходимости, —

человѣку Востока незнакомо наслаждение процессомъ работы, ему недоступна поэзія, невѣдомъ паѳосъ дѣянія.

Люди Запада давно уже доросли до пониманія планетарнаго смысла труда, для нихъ дѣяніе — начало, единственно способное освободить человѣка изъ плѣна древнихъ пережитковъ, изъ-подъ гнета условій, стѣсняющихъ свободу духовнаго роста личности.

На Западѣ трудъ — выраженіе коллективной воли людей къ созданію такихъ формъ бытія, которыя имѣюгъ цѣлю, — безконечно расширяя область приложенія энергіи человѣка къ борьбѣ съ природой, — поработить силы природы интересамъ и волѣ человѣка.

Оговорюсь, — противопоставляя Востокъ Западу, я отнюдь не думаю о какихъ-либо „метафизическихъ сущностяхъ“ или о „расовыхъ особенностяхъ“, которыя якобы органически и неискоренимо свойственны монголу, арійцу, семиту и навѣки будутъ враждебно раздѣлять ихъ.

Нѣтъ, я слишкомъ глубоко вѣрю въ силы разума, изслѣдованія, дѣянія, для того, чтобы считать временное — вѣчнымъ. Семиты — тоже люди Востока, но кто станетъ отрицать ихъ огромную роль въ дѣлѣ строительства европейской культуры, кто усомнится въ ихъ великой способности къ творчеству, въ ихъ любви къ дѣянію?

Я противопоставляю два различныхъ мироощущенія, два навыка мысли, двѣ души. Основная сущность ихъ — одинакова, — стремленіе къ добру, красотѣ жизни, къ свободѣ духа. Но, по силѣ цѣлаго ряда сложныхъ причинъ, большинство человѣчества еще не изжило древняго страха предъ тайнами природы, не возвысилось до увѣренности въ силѣ своей воли, не чувствуетъ себя владыкою своей планеты и не оцѣнило сущности дѣянія, какъ начала всѣхъ началъ.

Неоспоримо, что внѣшнія условія жизни Востока издревле вляли и все еще продолжаютъ вліять на человѣка въ сторону угнетенія его личности, его воли. Отношеніе человѣка къ дѣянію — вотъ что опредѣляетъ его культурное значеніе, его цѣнность на землѣ.

* * *

Мысли, изложенныя выше, разумѣется, не представляютъ новаго; непримиримость мироощущеній Востока и Запада подчеркивалась не однажды и гораздо болѣе рѣзко, болѣе ярко.

Даже мыслители мусульманскаго міра признаютъ преимущества западно-европейской культуры и понимаютъ мрачныя стороны культуры Востока.

Касимъ Аминъ, прозванный „Лютеромъ Востока“, говоритъ въ своей книгѣ „Новая женщина“: „Происхождение разногласия между нами и западными объясняется тѣмъ, что они поняли природу человѣка, уважаютъ его личность“. Онъ же признаетъ, что „причиной, остановившей прогрессъ цивилизаци на Востокѣ и ограничившей все движеніе жизни однимъ кругомъ, безъ возможности выйти изъ него“, — этой причиной явился „хроническій деспотизмъ“. Муаллимъ-Наджи, турокъ, литераторъ, еще въ 80-хъ годахъ писалъ Анджело Губернатису: „Мы не научимся понимать другъ друга, пока между вами и нами будетъ стоять стѣна религіознаго фанатизма“.

Критическое и отрицательное отношеніе мыслителей Востока къ основамъ своей культуры зародилось еще въ XVII вѣкѣ, послѣ пораженія турокъ подъ Вѣной. Уже съ той поры на Востокѣ время отъ времени стали раздаваться единичные голоса, осуждающіе лѣнь, косность и пассивное отношеніе къ жизни.

Въ „Китабе-Акдесѣ“, священной книгѣ бабидовъ, стихъ 70-й учить: „О люди Беха, каждому изъ васъ обязательно занятіе какимъ-либо дѣломъ, — или ремесленнымъ, или промышленнымъ и тому подобнымъ“.

Стихъ 72-й говоритъ: „Самые ненавистные для Бога тѣ, которые сидятъ и просятъ; держитесь непрерывно дѣла.“

Еще дальше идетъ Беха-Улла, авторъ „Китабе-Акдесѣ“, въ своей бесѣдѣ съ Э. Г. Броуномъ: „Мы желаемъ, — говоритъ онъ, — чтобы всѣ народы пришли къ единой вѣрѣ и люди стали братьями; чтобы рознь религіозная перестала существовать, и уничтожено было различіе национальностей. Распри, кровопролитія и раздоры должны кончиться, и всѣ люди составить одну семью, одну родню. Да не возгордится человѣкъ тѣмъ, что любитъ свою родину, а пусть гордится тѣмъ, что любитъ родъ человѣческій!“ Въ 50-хъ годахъ XIX столѣтія бабиды были перерѣзаны, замучены, вожди ихъ истреблены, и практическое вліяніе силы западно-европейскихъ идей на социальный бытъ Востока снова стало ничтожно, незамѣтно вплоть до начала XX вѣка. Проповѣдь научнаго мышленія въ Турци, Перси, Китаѣ, — не говоря о Монголи, — до сихъ поръ не даетъ осязательныхъ результатовъ, являясь какъ бы лучеиспусканіемъ въ пустоту.

Это печальное явленіе я объясняю особенными свойствами восточной мысли, направленной не къ жизни, не къ землѣ и дѣянію, а къ небесамъ и покою. Поучительно противопоставленіе двухъ типовъ ума, сдѣланное извѣстнымъ писателемъ и социалистомъ-фабианцемъ Гербертомъ Уэльсомъ въ рѣчи, произнесенной имъ

24 января 1902 года въ Лондонскомъ институтѣ изучения Востока:

„Умъ человѣческой бываетъ двухъ типовъ, главное различіе между которыми заключается въ ихъ отношеніи къ времени, въ томъ, сколько значенія придаютъ они прошедшему и будущему. Первый, повидимому, господствующій типъ, находимый у большинства людей, о будущемъ совсѣмъ не помышляетъ, смотритъ на него какъ на какое-то темное „небытіе“. Настоящее въ его понятіи какъ бы надвигается на будущее и пишетъ на немъ событія. Второй умъ, болѣе новый и гораздо рѣже встрѣчающійся, сосредоточиваетъ свое вниманіе главнымъ образомъ на будущемъ, а на прошедшемъ и настоящемъ останавливается лишь настолько, насколько оно обуславливаетъ будущія явленія.“

„Съ точки зрѣнія перваго мы лишь пожинаемъ въ жизни посянное въ прошломъ, съ точки зрѣнія втораго — жизнь служить для приготовления и устройства будущаго“.

„Въ противоположность первому, пассивному, это — активное состояніе ума, это умъ молодости, умъ, чаще встрѣчающійся среди западныхъ народовъ, въ то время какъ первый есть умъ дряхлаго Востока“.

Каждый разъ, когда Западная Европа, утомленная непрерывнымъ строительствомъ новыхъ формъ жизни, переживаетъ годы усталости, — она черпаетъ реакціонныя идеи и настроенія отъ Востока. „Съ Востока свѣтъ!“

Въ утомленной крови побѣдоносно разливается отравя, воспринятая ею отъ столкновения съ Азіей, отъ азиатской мысли, запуганной, безсильной, унижающей человѣка, той мысли, которая создана Востокомъ, въ печальныхъ условіяхъ его бытія поработила его и нынѣ отдаетъ въ плѣнъ и власть европейскаго капитала.

* * *

Явные и постоянныя черты всякой реакціи всегда выражаются въ томъ, что побѣдители начинаютъ бояться разума, которымъ они пользовались какъ оружіемъ и силу котораго хорошо знаютъ; побѣжденные же сомнѣваются въ силѣ разума, міровое творческое значеніе котораго не вполне ясно имъ, ибо побѣжденнымъ является народъ, а его, какъ извѣстно, не очень охотно знакомятъ съ могуществомъ разума и науки. Страхъ предъ разумомъ вызываетъ у побѣдителей стремленіе подорвать его силы: они начинаютъ говорить объ ограниченности разума, о томъ, что изслѣдованіе не способно разрѣшить загадки бытія, ставятъ на мѣсто изученія умо-

зрѣніе, на мѣсто изслѣдованія — созерцаніе. Можно думать, что все это проповѣдуется сознательно и бессознательно — съ намбрениемъ еще болѣе укрѣпить сомнѣніе побѣжденныхъ въ могуществовъ разума.

Исторія оправдываетъ и утверждаетъ этотъ взглядъ.

Возьмемъ европейскую реакцію начала XIX вѣка, когда Европа, напуганная великою революціей, была подавлена деспотизмомъ Наполеона, а вслѣдъ затѣмъ подпала еще болѣе тяжкому гнету „Священнаго Союза“, который былъ основанъ противъ „вольномыслия, атеизма и ложной учености“. Тогда въ сферѣ мысли „испугались“ всесильнаго господства началъ разума, которое провозгласила материалистическая философія XVIII вѣка; въ сферѣ практической жизни и политики — самодержавія народа, которое провозгласилъ Руссо“.

На почвѣ этого страха и разочарованія буржуазія въ способности взять всю „широту власти“ въ свои руки буржуазія почувствовала отвращеніе къ дѣйствительности, обманувшей ея надежды, и ея литература отдалась во власть романтизма. Основой романтизма является оолѣзненно развитое ощущеніе своего „я“, которое романтики ставятъ выше всѣхъ явленій міра, выше всего міра, въ позицію божественнаго законодателя. Личность, по убѣжденію романтика, совершенно свободна отъ связи съ міромъ, отъ вліянія на нее дѣйствительности. Весьма возможно, что въ глубинѣ такого убѣжденія лежалъ недавній примѣръ Наполеона, который въ нѣсколько лѣтъ выросъ изъ поручика въ императора, поработилъ всю Европу, создавалъ изъ рядовыхъ солдатъ маршаловъ и королей.

Наиболѣе рѣзко и точно выражено отношеніе романтика къ себѣ и міру Ф. М. Достоевскимъ въ „Запискахъ изъ подполья“, сочиненіи, гдѣ соединены всѣ основныя идеи и мотивы его творчества.

„Свое собственное, вольное и свободное хотѣнье, свой собственный, хотя бы самый дикій капризь, своя фантазія, раздраженная иногда хотя бы даже до сумасшествія, — вотъ все это и есть та самая пропущенная, самая выгодная выгода, которая ни подъ какую классификацію не подходитъ и отъ которой всѣ системы и теории постоянно разлетаются къ чорту“. „Стою за свой капризь и за то, чтобы онъ былъ мнѣ гарантированъ, когда понадобится“. „Да я за то, чтобы меня не беспокоили, весь свѣтъ сейчасъ же за копейку продамъ. Свѣту ли провалиться или мнѣ чаю не пить? Я скажу, что свѣту провалиться, а чтобы мнѣ всегда чай пить“.

Эта проповѣдь безудержнаго, ничѣмъ не ограниченнаго своеволия скрываетъ въ глубинѣ своей отчаяніе личности, не способной приобщиться міру, оторванной отъ него, это анархизмъ отчаянія,

всегда свойственный настроению романтиковъ. Убѣжденіе въ правѣ личности на неограниченное своеволие открываетъ предъ романтикомъ въ одну сторону путь къ анархизму, безначалію, въ другую — необходимо приводитъ его къ идеализации единовластія, монархизма.

Среди равныхъ себѣ романтики не могутъ признать главу, и Новалисъ, одинъ изъ нѣмецкихъ романтиковъ, прямо говоритъ: „Король — это человѣкъ, исполняющій на землѣ роль небеснаго Провидѣнія“.

Вотъ сужденія романтиковъ: Шатобрианъ, французскій писатель, говоритъ: „Зачѣмъ крестьянину знать химию? Въ народѣ гораздо болѣе ума, чѣмъ въ философахъ, — народъ не отрицаетъ чудесъ. Что бы ни говорили, а прекрасно всегда находится среди чудесъ“.

Это былъ вполне сознательный реакціонеръ, посвятившій свои силы борьбѣ противъ философіи разума, созданной писателями XVIII вѣка. Его лозунгъ: „необходимо вернуться къ религиознымъ идеямъ“ недавно провозглашенъ извѣстной группой русской интеллигенціи. Въ одномъ изъ писемъ къ другу своему, тоже реакціонеру, Де-Местру, онъ писалъ: „Все скрыто, все невѣдомо во вселенной. Всевѣчная судьба поставила Рокъ и смерть на двухъ концахъ нашего пути и съ высоты трона своего бросила нашу жизнь въ пустоту времени, чтобъ она катилась безъ основанія и смысла“.

Этотъ вопль отчаянія раздался сто лѣтъ тому назадъ, — современная русская литература стократно повторила его и даже сумѣла придать ему комическую форму: года четыре назадъ одинъ изъ литераторовъ нашихъ сказалъ, вспомнивъ философію „Человѣка изъ подполья“: „Ради мгновения свободы стоитъ выкинуть за форточку всю вселенную съ ея жалкой пользой“.

„Жизнь — болѣзнь духа! — говоритъ Новалисъ. — Да будетъ сновидѣніе жизнью!“ Другой писатель, Тикъ, вторитъ ему: „Сновидѣнія являются, быть можетъ, нашей высшей философіей“. Эти мысли тоже неоднократно повторены русской литературой послѣднихъ годовъ.

Романтики начала XIX вѣка предпочитали практической дѣятельности свободную игру фантазіи, созерцаніе — изслѣдованію, религію — наукѣ, вѣру — разуму.

Ихъ современникъ, великій поэтъ и мыслитель Гёте, такъ опредѣлилъ романтизмъ:

„Романтизмомъ я называю все больное. Большинство новѣйшихъ произведеній романтично, но не потому, что они новы, а вслѣдствіе присущей имъ слабости, чахлости и болѣзненности“.

А историкъ литературы Іоганнъ Шерръ сказалъ, что „реакція и романтизмъ вполне равнозначущія понятія“.

Датскій историкъ литературы, знаменитый Брандесъ, — тотъ, котораго не пустили въ Россію читать лекціи, — говорить о настроеніи романтиковъ: „Независть къ прогрессу и міру дѣйствительности привела къ тому, что склонность къ фантази и чудесному стала душою поэзи и прозы“.

Романтиковъ съ великою силою привлекалъ къ себѣ Востокъ. Историкъ нѣмецкой литературы Геттнеръ объясняетъ это такъ: „Романтикъ хочетъ стараго, потому что готовые, вполне законченныя и чувственно осязаемые образы и формы отжившаго прошлаго кажутся ему болѣе приятными и поэтическими, чѣмъ создающееся новое, которое не можетъ представить для безпомощной фантази осязательныхъ и крѣпкихъ точекъ опоры“.

Основоположники теории романтизма, братья Фридрихъ и Августъ Шлегели рекомендовали поэтамъ той эпохи обращать вниманіе на Востокъ, потому что тамъ жизнь наиболѣе проникнута фантазией. Они ставили въ примѣръ нѣмцамъ аскетовъ-индусовъ, какъ людей, которые достигаютъ совершенства въ созерцаніи тайнъ жизни и видятъ лицо Божіе. Августъ Шлегель писалъ: „Европа оказалась не стойкой въ религи. Серьезная революція можетъ придти только изъ Ази, только на Востокъ не исчезъ энтузіазмъ“.

Это было сказано въ 1811—12 годахъ, когда Шлегель, защитникъ абсолютной свободы личности, состоялъ на службѣ реакціонера Меттерниха, читая лекціи въ Вѣнѣ и проповѣдуя походъ противъ духовной и гражданской свободы. А спустя почти полвѣка знаменитый изслѣдователь Востока Вамбери говоритъ: „Изумительна способность Востока грезить, фантазировать, но еще болѣе изумляетъ отсутствіе въ немъ энтузіазма и страстей, при наличіи болѣзненно развитой чувственности“.

Шлегели изучали Востокъ по книгамъ, которыхъ въ ту эпоху было не много. Современные намъ знатоки Ази не видятъ въ ней залежей энтузіазма и энергии, большинство изъ нихъ склонно думать, что возбудителемъ событій, совершающихся на Востокъ въ наши дни, является энергия европейской культуры.

Говоря о романтизмѣ, я подразумѣвалъ, конечно, только романтизмъ индивидуалистовъ, людей, оторванныхъ отъ жизни. Соціальныи романтизмъ Шиллера, Байрона, Гюго — одно изъ прекраснѣйшихъ созданій западно-европейской психики, это — священное писаніе генія дѣйственной жизни.

* * *

„Умъ дряхлаго Востока“ наиболѣе тяжело и убійственно дѣйствуетъ въ нашей, русской, жизни; его вліяніе на русскую психику

неизмѣримо болѣе глубоко, чѣмъ на психику людей Западной Европы. Русскій человѣкъ еще не выработалъ должной стойкости и упрямства въ борьбѣ за обновленіе жизни, — борьбѣ, недавно начатой имъ. Мы, какъ и жители Азіи, люди красиваго слова и неразумныхъ дѣяній; мы отчаянно много говоримъ, но мало и плохо дѣлаемъ, — про насъ справедливо сказано, что „у русскихъ множество суевѣрій, но нѣтъ идей“; на Западѣ люди творятъ исторію, а мы все еще сочиняемъ скверные анекдоты.

У насъ, русскихъ, двѣ души: одна — отъ кочевника-монгола, мечтателя, мистика, лѣнтяя, убѣжденнаго въ томъ, что „Судьба — всѣмъ дѣламъ судья“, „Ты на землѣ, а Судьба на тебѣ“, „Противъ Судьбы не пойдешь“, а рядомъ съ этой безсильной душою живетъ душа славянина, она можетъ вспыхнуть красиво и ярко, но недолго горитъ, быстро угасая, и мало способна къ самозащитѣ отъ ядовъ, привитыхъ ей, отравляющихъ ея силы.

Это слабосиле, эта способность легко разочаровываться, быстро уставать, объясняется, вѣроятно, нашимъ близкимъ сосѣдствомъ съ Азіей, игомъ монголовъ, организаціей Московскаго государства по типу азіатскихъ деспотій и цѣлымъ рядомъ подобныхъ вліяній, которыя не могли не привить намъ основныхъ началъ восточной психики. Чисто восточное презрѣніе къ силѣ разума, изслѣдованія, науки прививалось намъ не только естественно, путемъ неотразимыхъ вліяній, но и намѣренно, искусственно, домашними средствами. Мы слишкомъ долго, почти до половины XIX вѣка, воспитывались на догматахъ, а не на фактахъ, на внушеніи, а не на свободномъ изученіи явленій бытія.

Уже съ XIII вѣка Западная Европа рѣшительно и упорно приступила къ поискамъ новыхъ формъ мысли, къ изученію и критикѣ восточнаго догматизма, а у насъ въ XVII вѣкѣ требовалось, чтобы „никто изъ неученыхъ людей въ домахъ у себя польскихъ, латинскихъ и нѣмецкихъ и люторскихъ и кальвинскихъ и прочихъ еретическихъ книгъ не имѣлъ и не читалъ. — И таковыя книги сжигать. Аще же кто явится противенъ и оныя возбраняемыя книги у себя коимъ нибудь образомъ окажетъ, да иныхъ тому учить будетъ, и таковой человѣкъ безъ всякаго милосердія да сожжется“.

Въ концѣ XV вѣка вся Европа была покрыта типографіями, вездѣ печатались книги. Москва приступила къ этому великому дѣлу въ 1563 году, но, послѣ того, какъ были напечатаны двѣ книги — Апостолъ и Часословъ, — домъ, гдѣ помѣщалась типографія, ночью подожгли, станокъ и шрифты погибли въ огнѣ, а типографы со страха бѣжали въ Литву. Естественно, что при такихъ условіяхъ русскій народъ долженъ былъ отстать отъ Запада въ своемъ духов-

номъ ростѣ, и естественно, что въ немъ должны были укрѣпиться начала Востока, обезличивающія душу. Эти начала вызвали развитие жестокости, изувѣрства, мистико-анархическихъ сектъ — скопчества, хлыстовства, бѣгунства, странничества, и вообще стремление къ „уходу изъ жизни“, а также развитие пьянства до чудовищныхъ размѣровъ.

На буржуазии вліяніе азиатскихъ началъ сказалось и сказывается въ ея недовѣрчивомъ, но лишенномъ разумной критики, отношеніи къ опыту Западной Европы, въ усвоении восточной косности, которая мѣшаетъ росту торгово-промышленной инициативы и росту сознанія буржуазіей своей политической роли въ государствѣ.

Недавно одинъ изъ чрезвычайно русскихъ мыслителей, В. В. Розановъ, расхваливая плохую книгу о Тургеневѣ, сказалъ:

„Съ Востока — лучшія дворянскія традиціи, съ ихъ бытомъ, привѣтомъ и милыми „закоулочками“, съ „затишьемъ“ и „лишними людьми“ захолустныхъ уѣздовъ“. Да, то, что Розановъ называетъ „лучшими традиціями дворянства“, — это съ Востока. Но либеральныя идеи дворянства, его культурность, любовь къ искусствамъ, заботы о просвѣщеніи народа, — это отъ Запада, отъ Вольтера, отъ XVIII вѣка.

А вотъ жестокость къ рабамъ и раболѣпіе предъ владыками, столь свойственное нашему дворянству, это отъ Востока вмѣстѣ съ „обломовщиной“, типичной для всѣхъ классовъ нашего народа. Вѣрно также, что безчисленная масса „лишнихъ людей“, всевозможныхъ странниковъ, бродягъ, Онѣгиныхъ во фракахъ, Онѣгиныхъ въ лаптяхъ и зипунахъ, людей, которыми владѣетъ „безпокойство, охота къ перемѣнѣ мѣстъ“, это, одно изъ характернѣйшихъ явленій русскаго быта, — тоже отъ Востока и является не чѣмъ инымъ, какъ бѣгствомъ отъ жизни, отъ дѣла и людей.

Есть и еще много особенностей въ нашей жизни, въ строѣ нашихъ душъ, и есть не мало русскихъ людей, которые полагаютъ, что это наше особенное, самобытное имѣетъ высокое значеніе, обѣщаетъ намъ въ будущемъ всякія радости.

Мы полагаемъ, что настало время, когда исторія повелительно требуетъ отъ честныхъ и разумныхъ русскихъ людей, чтобы они подвергли это самобытное всестороннему изученію, безбоязненной критикѣ. Намъ нужно бороться съ азиатскими наслоеніями въ нашей психикѣ, намъ нужно лѣчиться отъ пессимизма, — онъ постыденъ для молодой націи, его основа въ томъ, что натуры пассивныя, созерцательныя, склонны отмѣчать въ жизни преимущественно ея дурныя, злыя, унижающія человѣка явленія. Они отмѣчаютъ эти явленія не только по болѣзненной склонности къ нимъ, но и по

тому, что за ними удобно скрыть свое слабование, обилемъ ихъ можно оправдать свою бездѣтельность. Натуры дѣйственныя, активныя обращаютъ свое внимание, главнымъ образомъ, въ сторону положительныхъ явленій, на тѣ ростки добраго, которые, развиваясь при помощи нашей воли, должны будутъ измѣнить къ лучшему нашу трудную, обидную жизнь.

Русское „богоискательство“ проистекаетъ изъ недостатка убѣжденности въ силѣ разума, — изъ потребности слабого чело-вѣка найти руководящую волю внѣ себя, — изъ желанія имѣть хозяина, на котораго можно было бы возложить отвѣтственность за безтолковую, неприглядную жизнь.

Бѣгство отъ мира, отречение отъ дѣйствительности обыкновенно прикрывается желаніемъ „личнаго совершенствованія“; но все на землѣ совершенствуется работой, соприкосновеніемъ съ тою или иной силой. Въ существѣ своемъ это „личное совершенствованіе“ знаменуетъ оторванность отъ мира, вызывается въ личности ощущеніемъ ея социального безсилія, наиболее острымъ въ годы реакции. Такъ, у насъ, въ Россіи эпидемія „совершенствованія“ была очень сильна въ глухую пору 80-хъ годовъ и возродилась послѣ 1905 года.

Современная буржуазная мысль, выработавшаяся, выродившаяся и безталанная, предвидя великія событія, бороться съ коими она не въ силахъ, идетъ къ Востоку, пытается оживить умирающія идеи и ученія о призрачности мира, о бессмысли жизни, объ анархическомъ своеволии личности, оправдывающемъ ея фантази и капризы, ея жестокость и деспотизмъ. Но Востокъ духовно отходитъ къ Европѣ, и безвольное движеніе буржуазной мысли такъ же нелѣпо, какъ нелѣпо было бы чело-вѣку спѣшно ѣхать изъ Петрограда во Францію и Англию черезъ Азію и Тихій океанъ.

Поворотъ къ мистикѣ и романтическимъ фантазіямъ — это поворотъ къ застою, направленный, въ концѣ концовъ, противъ молодой демократіи, которую хотятъ отравить и обезсилить, прививъ ей идеи пассивнаго отношенія къ дѣйствительности, сомнѣніе въ силѣ разума, изслѣдованія, науки, задержать въ демократіи ростъ новой коллективистической психики, единственно способной воспитать сильную и красивую личность. Демократія должна умѣть разбираться въ этихъ намѣреніяхъ; она должна также научиться понимать, что дано ей въ плоть и кровь отъ Ази, съ ея слабой волей, пассивнымъ анархизмомъ, пессимизмомъ, стремленіемъ опьяняться, мечтать, и что въ ней отъ Европы, насквозь активной, неутомимой въ работѣ, вѣрующей только въ силу разума, изслѣдованія, науки.

М. Горькій.

ЕДИНСТВО КУЛЬТУРЫ И НАЦИОНАЛИЗМЪ.

Никогда еще слово „культура“ не произносилось такъ часто, такъ выразительно, съ такимъ чувствомъ, какъ въ наше время; и никогда еще европейцы не призывали этого священнаго для нихъ имени съ такимъ явнымъ нарушенемъ третьей заповѣди Моисеева десятисловія. — Густо населенныя, цвѣтущая провинци стали безлюдными и бесплодными пустынями; цѣлыя народности превратились въ кочующія толпы бездомныхъ нищихъ, — все во имя культуры, все къ вящей славы ея.

Кто еще не выучился воспринимать всѣ эти событія, какъ благодѣянія цивилизаци, тотъ пусть читаетъ произведенія современныхъ империалистовъ, — и прежде всего, конечно, германскихъ, которые въ области печатной обработки общественнаго мнѣнія, какъ и во многомъ другомъ, значительно опередили империалистовъ прочихъ странъ. Ни въ одной странѣ война не породила такого безчисленнаго количества патриотическихъ воззваній, рѣчей, докладовъ, листовокъ, брошюръ, какъ въ Германіи; и всѣ они проникнуты одной мыслью: торжество Германіи есть торжество европейской культуры, ибо только германцы являются въ настоящее время ея достойными носителями. Французская культура изображается нѣмецкими патриотами какъ переживающая глубокой упадокъ; но въ особенно мрачныхъ краскахъ рисуется ими культура англійская: въ ней все сводится къ вульгарному буржуазному комфорту; ни малѣйшихъ слѣдовъ идеализма, ни признака живого и безкорыстнаго творчества, — одно только мертвое царство матеріальной выгоды, голаго торгашескаго расчета!

Если мы обратимся затѣмъ къ нашей отечественной публицистикѣ, то съ изумленіемъ увидимъ, что германская культура, какъ двѣ капли воды, похожа на англійскую въ нѣмецкомъ освѣщеніи; можно подумать, что наши трибуны, по старой до-военной привычкѣ, просто перевели съ нѣмецкаго свои грозныя обличенія германизма, поставивъ слово „Германія“ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ нѣмецкомъ подлинникѣ стоитъ „Англія“.

Невысокій уровень взаимно-обличительной литературы враждующихъ націй вполне понятенъ. Острота переживаемаго кризиса исключаетъ возможность болѣе вдумчиваго и спокойнаго отношенія

къ врагу. Но на первый взглядъ не совсѣмъ понятно, почему имперализмъ такъ усиленно старается отождествить свое дѣло съ дѣломъ европейской культуры и принизить культуру своихъ соперниковъ. Казалось бы, ему гораздо болѣе подѣ стать точка зрѣнія простого и чистаго национализма, т. е. трезвая защита своихъ реальныхъ интересовъ и очень спокойное отношеніе къ судьбамъ мировой культуры. Но, скажутъ намъ, нѣмецкіе импералисты, въ дѣйствительности, вовсе и не помышляютъ о высокихъ матеріяхъ, но лишь лицемѣрно прикрываютъ свои аппетиты разглагольствованіями о „всемирно-исторической“ культурной мисси германскаго народа. Это, быть можетъ, и вѣрно, но не уясняетъ дѣла. Что же заставляетъ импералистовъ искать себѣ лицемѣрнаго прикрытія? — вотъ въ чемъ вопросъ. „Лицемѣрие, — говорятъ, — есть та дань, которую пороки уплачиваютъ добродѣтели“. Но вѣдь дань свидѣтельствуеетъ о вассальной зависимости, никто не станеть платить дань добровольно и, такъ сказать, здорово живешь; менѣе всего, конечно, склоненъ пороки облагать себя данью лицемѣрія ради прекрасныхъ глазъ добродѣтели.

Если нѣмецкій имперализмъ оправдываетъ себя и свои планы интересами общеевропейской культуры, — значить, онъ вынужденъ это дѣлать; значить, этого требуетъ отъ него общественное мнѣніе Германии. Какъ ни великъ, какъ ни стихіенъ тотъ патриотическій угаръ, которымъ, судя по всѣмъ доходящимъ до насъ свѣдѣніямъ, охвачено нѣмецкое общество, настроеніе его, очевидно, не исчерпывается все же такими примитивными чувствами, какъ слѣпая „любовь къ отечеству“ и безотчетная „народная гордость“. Нѣмецкая интеллигенція ищетъ объективнаго оправданія агрессивныхъ цѣлей войны; ей, во что бы то ни стало, хочется увѣровать въ свою всемирно-историческую миссию, въ то, что, способствуя успѣхамъ своего отечества, она тѣмъ самымъ поднимаетъ на высшую ступень культуру, и при томъ всю культуру, — не германскую только, а международную, европейскую.

Въ чемъ же магическая сила европейской культуры? Почему даже въ наши дни, когда фактически разрушена солидарность между европейскими народами и, повидимому, всѣ упоены взаимной ненавистью, не глохнетъ чувство принадлежности къ обще-европейской родинѣ?

За послѣдніе годы о европейской культурѣ очень много писали наши неославянофилы, и писали, разумѣется, весьма неблагоклонно. Сущность европейской культуры усматривалась ими въ погонѣ за матеріальными благами, ея притягательная сила сводилась къ соблазнамъ внѣшняго эстетизма жизни, изысканнаго эпикурейства и утонченнаго разврата. Дѣло, однако, едва ли обстоитъ такъ просто. Если современный нѣмецъ или французъ, отправляясь на позиціи, охотно вспоминаетъ, что онъ не только нѣмецъ или французъ, но, сверхъ того, еще европеецъ, — если ему легче умереть съ созна-

немъ, что онъ борется не только за отечество, но, сверхъ того, за высше интересы цивилизаци, то, очевидно, эти высше интересы рисуются ему совсѣмъ не въ видѣ жизненныхъ удобствъ или чувственныхъ удовольствій.

Дѣйствительная и безсмертная сила европейской культуры — не въ ея достиженияхъ, не въ благоустройствѣ жизни, даже не въ произведенияхъ искусства и науки, а въ той творческой энергии, которая во всемъ этомъ осуществляется.

Удачную характеристику современнаго европейца, какъ творца культуры, даетъ въ одной изъ недавнихъ своихъ работъ проф. Эйкенъ. „Трудъ, — пишетъ онъ, — не является для насъ простымъ средствомъ достижения внѣ его лежащей цѣли, — въ трудъ мы вкладываемъ всю нашу душу, въ трудѣ раскрываемъ наше существо... Германская душевная жизнь высоко своеобразна и въ корнѣхъ отлична отъ индусской и вообще восточной. Насъ не влечетъ къ себѣ настроеніе отчужденности отъ міра, мы не чувствуемъ желанія бѣжать отъ окружающихъ насъ явленій, но мы носимъ въ себѣ стихійное стремленіе до конца воплотить все, что въ насъ живетъ, извлечь наружу глубины нашего сознанія и разработать ихъ въ искусствѣ, въ философіи, въ воспитаніи, въ морали. Всѣмъ строемъ своей жизни свидѣтельствуемъ мы о томъ, что въ насъ нѣтъ склонности ограничиваться интимными переживаниями одинокихъ душъ. Мы не хотимъ теряться въ мірахъ, порожденныхъ сновидѣніями, — мы хотимъ внѣшнюю дѣйствительность превратить въ царство нашего духа“.

Брошюра, изъ которой взята эта цитата, написана послѣ объявленія войны. Не удивительно, что духъ европейской культуры фигурируетъ въ ней подъ германскимъ псевдонимомъ. Эта неизбѣжная въ наше время патріотическая аберрація не мѣшаетъ, однако, характеристикѣ Эйкена быть очень вѣрной по существу. Авторъ вскрываетъ основную тенденцію современной культуры, ея стремленіе примирить въ творческой человѣческой дѣятельности тотъ роковой дуализмъ, которымъ до конца среднихъ вѣковъ болѣло европейское человѣчество, которымъ и по сей день болѣютъ многие народы Востока: дуализмъ внѣшняго и внутренняго, свѣтлаго духа и темной плоти, высокой идеи и низменной матеріи. Впрочемъ, и въ самой Европѣ освободительная миссія новой культуры еще далека отъ своего завершения.

Европейская философія, въ которой всего ярче отразился душевной строй новаго человѣка, насчитываетъ не мало попятныхъ движеній мысли и даже въ самыхъ высшихъ своихъ проявленіяхъ обыкновенно не свободна отъ перепѣвовъ отжившей старины. Мы самыми бѣглыми штрихами очертимъ здѣсь основные этапы въ развитіи творческаго самосознанія, чтобы затѣмъ намѣтить его отношеніе къ популярнымъ въ наше время національнымъ и националистическимъ настроеніямъ.

Въ классическомъ англійскомъ эмпиризмѣ новый строй мысли впервые проявилъ себя вполне сознательно и провелъ рѣзкую грань между собою и средневѣковымъ міросозерцаніемъ. Блестяще разрушая ходячія метафизическія представленія того времени, англійские эмпирики XVII и XVIII столѣтій рѣшительно заявляли, что единственнымъ источникомъ нашего познания является опытъ. По учению Локка, наши идеи возникаютъ только изъ внѣшнихъ ощущеній или внутреннихъ воспріятій; нѣтъ никакихъ врожденныхъ, до-опытныхъ, а, тѣмъ паче, сверхопытныхъ идей. Юмъ подвергъ уничтожающей критикѣ не только идеалистическую догматику, но и самые научные методы, поскольку въ нихъ еще оставались слѣды метафизики. Мы занимаемся пустой игрой словъ, говоритъ Юмъ, когда опредѣляемъ причину, какъ нѣчто, „производящее“ данную вещь, или какъ то, „благодаря чему“ данная вещь существуетъ. На самомъ дѣлѣ причина есть то, послѣ чего данная вещь постоянно присутствуетъ въ опытѣ, — вотъ все, что мы о ней дѣйствительно знаемъ.

Неразрывно связавъ духъ и матерію, идею и опытъ, эмпиризмъ далъ могучій толчокъ развитію точныхъ наукъ и пробилъ глубокую брешь въ традиціонномъ дуалистическомъ міровоззрѣніи. Однако это послѣднее еще не было разрушено имъ окончательно. Ахиллеова пята классическаго эмпиризма — его пассивность, его чисто созерцательное отношеніе къ реальному міру, его склонность ограничиться простымъ регистраціонаніемъ данныхъ уже осуществленнаго опыта. Отсюда двоякая слабость эмпирической философіи. Прежде всего, на этой почвѣ само научное познание теряетъ увѣренность въ себѣ и неизбежно приходитъ къ скептицизму. Въ самомъ дѣлѣ, созерцая течение событій, отмѣчая ихъ повторяющіяся сдѣлания, мы можемъ узнать лишь то, что бывало, что неоднократно случилось, но ни въ коемъ случаѣ не можемъ умозаключить къ тому, что необходимо должно быть, что неизбежно будетъ. Между тѣмъ задача познания именно и заключается въ отысканіи такихъ связей, которыя позволили бы человѣку не только знать прошлое, но и предвидѣть будущее, не только пассивно созерцать дѣйствительность но и активно овладѣть ею. — Другая слабая сторона эмпирической точки зрѣнія состоитъ въ томъ, что эта послѣдняя, изгоняя метафизику и теологию изъ области опыта и науки, бессильно останавливается передъ, такъ называемымъ, сверхопытнымъ или сверхраціональнымъ міромъ. Личное отношеніе къ этому міру у различныхъ эмпириковъ XVII и XVIII вѣковъ было далеко не одинаково. Бэконъ подчеркивалъ права мистическаго чувства, возвышающагося надъ „естественнымъ разумомъ“: „естественный разумъ“, писалъ онъ, „подобенъ Саррѣ, только посмѣявшейся надъ тѣмъ, во что повѣрилъ простодушный Авраамъ, а между тѣмъ эта вѣра Аврааму зачлась“. Локкъ, вопреки основнымъ принципамъ своей философіи, считалъ даже возможнымъ обосновывать деизмъ аргументами естественнаго разума. Религіозные взгляды осторожнаго Юма до сихъ поръ

не вполне выяснены историками философии, — повидимому, онъ оставался до конца вѣренъ своему скептицизму. Наконецъ многие изъ французскихъ просвѣтителей, раздѣлявшихъ философскіе взгляды англійскихъ эмпириковъ, были атеистами. Но все это свидѣтельствуеетъ болѣе о субъективныхъ склонностяхъ отдѣльныхъ послѣдователей учения, нежели о его объективной логикѣ. Эмпиризмъ, какъ таковой, просто признавалъ себя некомпетентнымъ въ данной области. Критикуя метафизическія и религіозныя построения чело-вѣческаго разума, онъ вынужденъ былъ игнорировать тѣ запросы, которые въ этихъ построенияхъ выражались, — ибо въ наличномъ опытѣ не находилъ данныхъ для ихъ удовлетворенія. Но въ идеологии ничего нельзя разрушить, не замѣщая. Не удивительно, что послѣдовательные эмпирики и по сию пору нерѣдко дружатъ съ мистикой.

Крупнымъ шагомъ впередъ въ развитіи творческаго самосознанія была нѣмецкая идеалистическая философія. Въ кантианствѣ разумъ чело-вѣческій, оставаясь всецѣло въ предѣлахъ опыта, освобождается отъ пассивнаго, рабски копирующаго отношенія къ опытнымъ даннымъ и приходитъ къ сознанию своей творческой природы, провозглашаетъ свою автономію. Въ полномъ согласи съ эмпириками Кантъ устанавливаетъ, что матеріаломъ нашего познанія могутъ быть только факты опыта. Но „формы познанія“, — т. е. логическіе приемы изслѣдованія, методы обработки фактовъ, — не пассивно списываются нами, а активно предписываются познанію, какъ орудія отысканія истины. Данныя опыта присутствуютъ или отсутствуютъ, вызываютъ въ насъ тѣ или другія впечатлѣнія, но, сами по себѣ, никоимъ образомъ не являются правильными или ошибочными. Столъ можетъ имѣть четыре, три или одну ножку, квадратную, круглую или иную форму, самую разнообразную окраску, но, очевидно, онъ не можетъ быть ни истиннымъ, ни ложнымъ. Истина не дана намъ извнѣ или изнутри, какъ предметъ благочестиваго преклоненія, а задана, какъ проблема, какъ результатъ постройки, которая еще должна быть воздвигнута силами нашего разума. Разумъ, во всеоружіи своихъ логическихъ аксіомъ, активно формируетъ данныя опыта, расчленяетъ ихъ на элементы и вновь соединяетъ, замѣщаетъ качественное разнообразіе явленій соизмѣримыми количественными отношеніями, строитъ математическія модели міра, пока наконецъ не достигаетъ такой конструкции, которая позволяетъ предвосхищать грядущія событія, установивъ внутреннюю логическую необходимость тамъ, гдѣ пассивное наблюденіе констатируетъ лишь внѣшнюю послѣдовательность.

Выясненіе творческой автономіи разума въ его познавательной работѣ составляетъ наиболѣе существенную и наиболѣе цѣнную сторону того направленія философской мысли, начало которому положилъ Кантъ своимъ ученіемъ объ „априорности“ формъ познанія. Надо, впрочемъ, отмѣтить, что какъ у самого Канта, такъ и у боль-

шинства его послѣдователей эта сторона „априоризма“ осталась недостаточно выявленной, но зато рѣзко подчеркнута другая, противоположная тенденція. Подъ априорностью логическихъ законовъ Кантъ понимаетъ ихъ независимость не только отъ того опытнаго материала, къ которому они непосредственно прилагаются, но и отъ всякаго опыта вообще. Аксиомы априорны, — это значитъ: вѣчны, абсолютны, неизмѣнны. Отсюда естественно сдѣлать шагъ къ признанію сверхчеловѣческой и сверхопытной санкции нормъ челоуѣческаго духа. И если не по отношенію къ нормамъ логики, то по отношенію къ нормамъ нравственнаго сознанія Кантъ этотъ шагъ, дѣйствительно, сдѣлалъ. Черезъ посредство нравственнаго закона мистическія существа и сущности снова утвердили свое господство надъ автономнымъ разумомъ. Кантіанство не могло послѣдовательно осуществить своей освободительной тенденціи, потому что въ основахъ своихъ оно абсолютно статично: уясняя активность отдѣльныхъ проявленій познанія, оно провозглашаетъ неподвижность познанія въ цѣломъ. Кантіанству совершенно чужда идея развитія познавательныхъ формъ, идея органическаго роста самого познающаго разума.

Гениальную схему такого роста начерталъ Гегель. Его „диалектику“ можно разсматривать и какъ метафизическую идею, и какъ особый методъ познанія. Но для насъ она представляетъ наибольший интересъ въ своемъ психологическомъ аспектѣ: какъ картина внутренняго развитія духа челоуѣческаго.

Диалектическій процессъ — въ отличіе отъ другихъ видовъ эволюціи — характеризуется тѣмъ, что въ немъ всякая новая стадія внутренне, органически связана со всѣми прежними. Высшая ступень не можетъ быть одностороннимъ развитіемъ одного или нѣсколькихъ элементовъ, но непременно должна включить въ себя всѣ существенные элементы предыдущей фазы, объединивъ ихъ въ новомъ гармоническомъ синтезѣ. Такъ, напримѣръ, съ диалектической точки зрѣнія, споръ между религіозной догматикой и положительной наукой нельзя разрѣшить голымъ отрицаніемъ догматовъ, какъ произвольныхъ построеній, не выдерживающихъ научной критики. Тѣ запросы, на которые, худо ли, хорошо ли, отвѣчала религія, не могутъ быть просто отринуты, какъ недоступные для разума, или не заслуживающіе его вниманія. Критически разрушая суевѣрія, разумъ лишь обостряетъ свой конфликтъ съ ними, но еще не преодолеваетъ ихъ окончательно. Чтобы одержать надъ ними полную побѣду, надо понять ихъ не какъ абсолютную ложь, а какъ исторически необходимое заблужденіе, какъ мнимый путь къ удовлетворенію дѣйствительной потребности. А это, въ свою очередь, предполагаетъ, что уже найденъ новый путь, ведущій не къ призрачному, а къ реальному удовлетворенію этой потребности. И лишь постольку, поскольку научное міросозерцаніе такой путь дѣйствительно раскрываетъ, оно имѣетъ право утверждать, что имъ

превзойдена стадія авторитарнаго догматизма, что въ немъ духъ человѣческой обрѣль высшую ступень своего развитія.

Такимъ образомъ, въ диалектическомъ процессѣ ничто не исчезаетъ и не теряется. Каждый новый шагъ есть не простая замѣна одного содержания другимъ, но непремѣнно обогащеніе, расширеніе кругозора. Очевидно, что диалектичность не есть общій признакъ всякой вообще эволюціи; мало того, даже эволюція человѣческаго сознанія не всегда носить диалектическій характеръ. Если мы относимся къ окружающей дѣйствительности пассивно и созерцательно, если мы только воспринимаемъ ея текучее содержаніе, наша душевная жизнь чужда диалектики. Въ этомъ случаѣ новыя впечатлѣнія, идеи, настроенія просто вытѣсняются изъ поля сознанія все, что тамъ находилось раньше, становятся на мѣсто пережитаго, но не вбираютъ его въ себя, не обогащаютъ интеллектъ новыми и все болѣе и болѣе широкими синтезами. Сознаніе является здѣсь какъ бы экраномъ, на который отбрасываются извнѣ быстро мѣняющіяся картины: за „тяжелой драмой“ изъ эпохи великой революціи слѣдуетъ проблема пола, „любовныя похождения Глупышкина“, за Глупышкинымъ — „англискій флотъ, спасающій отечество отъ нападенія коварнаго сосѣда“ и т. д. до безконечности. Передъ нами — процессъ непрерывныхъ превращеній, но полное отсутствіе развитія, — головокружительно быстрая смѣна новинокъ, но ничего по существу новаго, — угодливо-чуткое воспріятіе послѣдняго крика моды, но ни признака активности, ни намека на творчески свободный ростъ души. Способность „сжигать все, чему поклонялся, поклоняться всему, что сжигалъ“, которую многие оцѣниваютъ очень высоко, какъ проявленіе глубокой искренности и внутренней свободы, есть въ дѣйствительности характернѣйшій признакъ рабскаго плѣненія духа. Подлинная внутренняя свобода совпадаетъ съ внутренней необходимостью диалекческаго развитія. Конечно, и диалектическое развитіе не является всецѣло внутреннимъ и самодовлѣющимъ, какъ это училъ Гегель; и оно можетъ осуществляться лишь въ живомъ общеніи съ внѣшней дѣйствительностью, которая своимъ воздѣйствіемъ вноситъ все новыя и новыя противорѣчія въ наличное содержаніе душевной жизни и тѣмъ самымъ толкаетъ ее впередъ. Но вызываемое этими внѣшними толчками движеніе будетъ дѣйствительно идти впередъ, борьба съ противорѣчіями дастъ дѣйствительное освобожденіе отъ нихъ, лишь въ томъ случаѣ, если результатомъ этой работы явится не простое замѣщеніе одного жизненнаго принципа другимъ, а творческая организація всего пережитаго, примиреніе всѣхъ его основныхъ элементовъ въ высшемъ синтезѣ.

Формула диалекческаго развитія есть та самая „формула прогресса“, которую въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія такъ упорно искала русская прогрессивная мысль: она даетъ намъ вполне надежный и при томъ совершенно объективный критерій, позволяющій отличить дѣйствительный прогрессъ отъ простаго процесса из-

мѣненій, внутренни ростъ творческаго самосознанія отъ рабскаго усвоенія извнѣ воспринятыхъ идей. Однако самъ Гегель придавалъ иное значеніе своей диалектикѣ. Она была для него не развитіемъ человѣческаго, а раскрытіемъ божественнаго или міроваго разума. А такъ какъ міровой разумъ всеобъемлющъ и ничего не имѣетъ внѣ себя, то, разумѣется, его диалектика абсолютно замкнута въ себѣ самой и развивается не во времени, не въ реальныхъ событіяхъ жизни, а въ отвлеченной и внѣвременной сферѣ логическихъ категорій. Конкретная история земнаго человѣчества метафизически преобразена Гегелемъ въ абстрактное саморазвертываніе заоблачныхъ понятій, — и въ этомъ основной грѣхъ его философіи, главный источникъ ея реакционности.

Очистить революціонное ядро гегелевской философіи отъ ея реакціонной оболочки составляло главную задачу, такъ называемыхъ, лѣвыхъ гегелианцевъ, среди которыхъ первое мѣсто принадлежитъ Людвигу Фейербаху. Фейербахъ рѣшительно возстаетъ противъ метафизическаго неба нѣмецкой философіи и обѣими ногами становится на твердую землю конкретнаго человѣческаго опыта. Въ предисловіи ко второму изданію „Сущности христіанства“ онъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ свою позицію: „Эта философія отрѣшилась отъ субстанции Спинозы, отъ „я“ Канта и Фихте, отъ абсолютнаго тожества Шеллинга, отъ абсолютнаго духа Гегеля и тому подобнаго отвлеченныхъ, только мыслимыхъ или воображаемыхъ вещей и сдѣлала своимъ принципомъ дѣйствительную, вѣрнѣе, самую дѣйствительную сущность, истинное *ens realissimum*, чловѣка, т. е. самое позитивное, реальное начало“. Но, въ отличіе отъ другихъ позитивистовъ, реалистовъ и матеріалистовъ, Фейербахъ полагаетъ, что разумъ человѣческій не можетъ ни уклониться отъ обсуждения проблемъ метафизики, ни ограничиться ихъ чисто отрицательной критикой. Фейербахъ разсматриваетъ атрибуты небесныхъ сущностей, какъ обоготворенныя потенціи самого чловѣка; „чловѣкъ чловѣку — богъ!“ — восклицаетъ онъ. Отсюда непосредственно слѣдуетъ, что не въ умозрѣніи или откровеніи и не въ потустороннемъ бытіи, а въ конкретной земной жизни, въ чловѣческой исторіи должны найти свое осуществленіе метафизическія и религіозныя чаянія.

Однако Фейербахъ только намѣтилъ этотъ выводъ. Развить его послѣдовательно онъ не могъ, такъ какъ, вооружаясь противъ метафизики въ теоріи, по настроенію своему онъ въ значительной степени оставался метафизикомъ. Познаніе характеризуется имъ какъ незаинтересованное созерцаніе, отрѣшенное отъ всякой „эгоистической воли“, исполненное преклоненія передъ природой, какъ она намъ дана. Всякое практическое, дѣятельное отношеніе къ природѣ онъ сводилъ къ грубому утилитаризму и третировалъ свысока, какъ нѣчто недостойное философа. Въ этомъ отношеніи Фейербахъ стоитъ даже ниже своихъ предшественниковъ-идеалистовъ,

какъ это отмѣтилъ другой лѣвый гегеліанецъ, Марксъ, отчетливо обрисовавшій въ немногихъ словахъ основные дефекты обоихъ философскихъ направленій того времени.

„Главный недостатокъ материализма, до Фейербаховскаго включительно, — говоритъ Марксъ, — состоялъ до сихъ поръ въ томъ, что онъ рассматривалъ дѣйствительность, предметный, воспринимаемый внѣшними чувствами миръ, лишь въ формѣ объекта или въ формѣ созерцанія, а не въ формѣ конкретной человѣческой дѣятельности, не въ формѣ практики, не субъективно. Поэтому дѣятельную сторону, въ противоположность материализму, развивалъ до сихъ поръ идеализмъ, но развивалъ отвлеченно, такъ какъ идеализмъ, естественно, не признаетъ конкретной дѣятельности, какъ таковой“.

Такимъ образомъ, уже въ половинѣ прошлаго столѣтія „конкретная человѣческая дѣятельность“ выдвигалась какъ руководящій принципъ, какъ такая точка зрѣнія, которая, осуществляя положительныя стороны идеализма и материализма, способна примирить въ высшемъ синтезѣ противорѣчя этихъ философскихъ направленій. Однако исходнымъ пунктомъ дальнѣйшаго развитія философіи „практика“ все-таки не сдѣлалась. Фейербаховское „человѣкобожіе“ явилось тѣмъ высшимъ пунктомъ, котораго достигло дерзновение свободной мысли, разбуженной революціоннымъ броженіемъ сороковыхъ годовъ. Уже материализмъ пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ знаменуетъ собой значительный шагъ назадъ, возвращеніе къ ограниченной точкѣ зрѣнія старыхъ эмпириковъ. Съ семидесятихъ годовъ начинается „возвратъ къ Канту“, при чемъ особенное вниманіе въ его учении привлекаетъ къ себѣ не автономія познания, а мнимый, неправильно поставленный вопросъ о „границахъ познания“. Тотъ же уклонъ мысли замѣчается и среди ученыхъ: раздаются знаменитые „Ignorabimus“ Дюбуа Реймона, — тезисы, формулирующе „то, чего мы никогда не познаемъ“. Къ концу вѣка реакціонныя настроенія сгущаются еще сильнѣе.

И тѣмъ не менѣе творческое самосознаніе продолжаетъ идти впередъ, преодолевая всѣ препятствія, накладывая свою печать даже на такіе умы, которые чужды ему по общему своему складу. Такъ, напримѣръ, для уясненія активной природы познания чрезвычайно много сдѣлалъ Махъ, приверженецъ „чистаго описанія“, т. е. пассивнаго эмпиризма въ утрированномъ видѣ. Но особенно поучительно въ этомъ отношеніи ученіе Анри Бергсона. Сознаніе и воля этого интереснѣйшаго изъ философовъ современности явно устремлены назадъ: къ романтической метафизикѣ и мистикѣ. Грезы безвольнаго созерцанія для него выше разумной активности, инстинктъ значительнѣе интеллекта; ему хочется, во что бы то ни стало, принизить познаніе, какъ чисто утилитарную функцію духа. Но глубокая и неподкупная философская интуиція Бергсона идетъ вразрѣзъ со многими его предвзятыми намѣреніями. Въ результатѣ, именно Бергсонъ наноситъ смертельный ударъ метафизикѣ, раскрывая въ

творческомъ процессѣ становления его подлинный, человѣческій смыслъ, метафизически замаскированный у Гегеля.

Бергсонъ различаетъ два рода организующей нашу психику памяти. Память перваго рода сохраняетъ въ насъ рядъ привычныхъ психическихъ реакций на привычныя, неизмѣнно повторяющіяся воздѣйствія внѣшней среды. Сюда относятся приемы повседневной работы человѣка, установившіяся формы общенія его съ другими людьми, — вообще все то, что составляетъ бытовую сторону нашей жизни. Чѣмъ лучше выработаны эти психическія навыки, чѣмъ совершеннѣе они выполняютъ свое назначеніе, тѣмъ меньше въ нихъ участвуетъ сознание. Если бы психика была всецѣло поглощена такими привычными функциями, она неизбежно стала бы насквозь автоматичной, сознание угасло бы въ ней за ненужностью. Но у насъ есть и другая память, — память, такъ сказать, „историческая“. Она впитываетъ въ себя всѣ пережитыя нами въ прошломъ событія, непрерывно пополняетъ ихъ впечатлѣніями настоящаго и тѣмъ самымъ пробуждаетъ энергію сознанія, которое, устремляясь къ будущему, сплавляетъ въ одно органическое цѣлое всѣ приобрѣтенія исторической памяти. И, очевидно, только въ этой творческой работѣ сознанія мы дѣйствительно живемъ, чувствуемъ теченіе времени или, какъ говоритъ Бергсонъ, „реально длимся“.

Психическія привычки — вѣвременно: онѣ присутствуютъ въ насъ сегодня совершенно въ такомъ же видѣ, въ какомъ имѣлись вчера, въ какомъ будутъ завтра; онѣ въ любой моментъ находятся въ нашемъ распоряженіи, — и самая смѣна моментовъ для насъ совершенно непримѣтна, поскольку наша жизнь заполнена привычными отправлениями; такой типъ существованія не даетъ ни малѣйшей возможности узнать, что такое — время, исторія, развитіе.

Эта неразрывная связь реальнаго времени съ творческой функцией сознанія бросаетъ новый и неожиданный свѣтъ на вѣковую распрю между разумомъ и догматикой. Метафизика и теологія смотрятъ на человѣческую дѣятельность и на время, въ которомъ она протекаетъ, какъ на дефектъ нашей природы, какъ на результатъ грѣхопаденія. Печальной необходимости трудиться, преодолевать препятствія, непрерывно совершенствоваться въ процессѣ историческаго развитія, противопоставляется идеалъ абсолютнаго совершенства, въ которомъ всѣ цѣли достигнуты, всѣ противорѣчія разрѣшены, никакое движеніе впередъ не возможно и времени уже болѣе не существуетъ. Кантіанскій идеализмъ, объявляя время формой нашего созерцанія, косвенно поддерживалъ это благочестивое построеніе; для кантіанца вѣвременное бытіе совершеннаго существа есть предѣльная идея, недоступная нашему ограниченному разуму, но тѣмъ болѣе заслуживающая преклоненія со стороны нашего чувства. Для Гегеля реальна логическая діалектика абсолютнаго понятія, а не развитіе во времени. Бергсонъ, первый среди

философовъ, провозгласилъ декларацию неотъемлемыхъ правъ времени. Какъ мы только что видѣли, — по его учению, время неотдѣлимо отъ творческаго сознанія. Чѣмъ интенсивнѣе наше творчество, чѣмъ шире его размахъ, чѣмъ ярче горитъ въ насъ свѣтъ сознанія, тѣмъ отчетливѣе ощущаемъ мы течение времени, тѣмъ „историчнѣе“ наша жизнь и тѣмъ, значитъ, дальше мы отъ того типа бытія, которае метафизика и теологія считаютъ совершеннымъ. Наоборотъ, духовно мертвый, выжившій изъ ума, но физически здоровый старикъ представляетъ наивысшее изъ доступныхъ для человѣка приближеній къ идеалу покоящагося совершенства. Въ самомъ дѣлѣ, никакихъ „событій“, будящихъ сознаніе, въ жизни такого старика не происходитъ, а потому историческая память въ немъ замираетъ. Существованіе его сводится къ ряду всегда одинаковыхъ, неизмѣнныхъ отправленій, — вслѣдствіе чего для него нѣтъ разницы между „сегодня“, „вчера“ и „годъ тому назадъ“; онъ живетъ поистинѣ внѣ времени, пользуется блаженствомъ вполне завершеннаго бытія, не подлежащаго никакимъ перемѣнамъ. Духовная опустошенность законченнаго существа, очевидно, не зависитъ отъ того, на какой ступени развитія оно застыло, насколько значительны и разнообразны достигнутые имъ успѣхи. Мы можемъ представить себѣ, что совершенства его безконечны, и все-таки обладаніе этими совершенствами будетъ не апогеезомъ, а угашеніемъ духа, разъ творческій процессъ развитія уже болѣе не можетъ имѣть мѣста. Завершенность духовнаго развитія, хотя бы и на божественно высокой стадіи, равносильна прекращенію сознательной жизни.

Уже отсюда видно, насколько мало обоснованы по существу попытки Ле-Руа и нѣкоторыхъ другихъ почитателей Бергсона использовать его идеи въ интересахъ подновленія католической догматики и укрѣпленія ея падающаго авторитета. Если толкованія подобнаго рода и находятъ себѣ нѣкоторыя точки опоры въ настроеніяхъ французскаго мыслителя, то они стоятъ въ кричащемъ противорѣчій съ основнымъ духомъ его философіи. Не подлежитъ, однако, спору, что внѣшнихъ прицѣпокъ для реакціоннаго использования сочиненія Бергсона даютъ болѣе, чѣмъ достаточно.

Вообще, какъ мы только что видѣли, развитіе творческаго самосознанія, — особенно, начиная съ половины прошлаго вѣка, — далеко не является побѣднымъ триумфальнымъ шествіемъ: оно какъ бы уходитъ въ глубину и струится, хотя и могучимъ, но скрытымъ потокомъ подъ корою враждебныхъ ему настроеній. Причина понятна. Діалектика человѣческаго духа не довлѣетъ себѣ, но совершается въ неразрывной связи со всѣми прочими сторонами жизни — прежде всего съ жизнью социальной. „Предразсудки“ не могутъ умереть раньше, чѣмъ исчезнуть питающія ихъ учрежденія. Все богатство присущихъ ей возможностей человѣческая мысль развернетъ лишь тогда, когда общественная организація перестанетъ сковывать ея развитіе и окончательно превратится изъ „Бастили духа“ въ

питомникъ свободы. Европа второй половины XIX столѣтія была еще очень далека отъ этой цѣли; не близка она къ ней и въ настоящее время, — что съ особенной наглядностью иллюстрируютъ текущія событія.

Въ общеевропейскомъ революціонномъ движеніи 1848 года ярко проявились и освободительныя, и культурно-объединяющія тенденции буржуазнаго строя. Народы братались между собой въ совмѣстной борьбѣ съ послѣдними пережитками феодализма и радостно смотрѣли въ будущее, которое рисовалось имъ въ видѣ мирнаго соперничества и сотрудничества всѣхъ участниковъ мировой культуры. Но этотъ молодой энтузіазмъ, охватывавшій самые разнообразныя слои буржуазнаго общества, скоро погасъ. Капиталистическое развитіе оказалось неспособнымъ обезпечить единство и свободу культурнаго творчества ни на мировой аренѣ, ни въ предѣлахъ каждой отдѣльной страны. Соціальныя противорѣчія, все болѣе и болѣе опредѣляясь, принимая форму все болѣе и болѣе организованной классовою борьбы, ставили подъ знакъ вопроса самыя основы существованія буржуазнаго общества и порою вызывали почти физическое ощущение надвигающейся грозы, неминуемой катастрофы. Отсюда у людей, боящихся грозы и не вѣрящихъ въ ея цѣлительную силу, естественно возникаетъ чувство прозрачности, роковой обманчивости и какъ бы предварительности наличнаго бытія; это послѣднее начинаетъ казаться лишь намекомъ на какую-то скрытую реальность, лишь обѣтованіемъ какой-то подлинной жизни. Такія сумеречныя настроенія, порожденныя общественными противорѣчіями, неизбѣжно распространялись буржуазными мыслителями на всю область человѣческаго опыта, окрашивали собой все міросозерцаніе. Въ результатѣ создавалась психологія, какъ нельзя болѣе благоприятная для торжества умственной реакціи въ обоихъ ея главнѣйшихъ проявленіяхъ: и въ формѣ романтически мечтательно, и въ формѣ догматически религіозной. Съ другой стороны, капитализмъ, несмотря на всю свою международность, не создалъ и дѣйствительнаго единства мировой культуры. Передовыя промышленныя страны стали обособленными центрами кристаллизаціи капитализма, и каждый изъ этихъ центровъ претендуетъ не только на полную самостоятельность, но и на мировое господство. Только страхъ сдерживалъ до поры до времени эти вождельнія капиталистическаго империализма въ извѣстныхъ границахъ. За послѣднія десятилѣтія империалистическія страны неоднократно пытались мирно подѣлить собой между территоріи некультурныхъ племенъ и разнести по „сферамъ вліянія“ территоріи полукультурныхъ народовъ. На этой почвѣ была создана теорія „равновѣсія силъ“, явно неискренняя и натянутая, всѣми позабытая немедленно же послѣ того, какъ международныя тренія, созданныя империалистической политикой, привели къ воечной катастрофѣ. По устраненіи внѣшней узды съ полной очевидностью обнаружилось, что всякому империализму присуще стремленіе къ

безграничному расширению, и что предѣлъ этому расширению могутъ положить лишь фактически неодолимая преграды, а отнюдь не соображенія о какомъ-то равновѣси. Имперализмъ есть национально-государственная форма воплощенія интернациональной тенденціи капитализма, — естественно, что философія имперализма всегда отпращивается отъ идеи культурно-историческаго призванія данной націи къ міровому господству.

Единство мировой культуры, въ его чистомъ видѣ, отстаивалось до сихъ поръ только представителями рабочаго класса. Но въ современномъ обществѣ рабочіе являются въ гораздо большей степени объектами всесторонняго использования, нежели субъектами и творцами высшихъ культурныхъ формъ. И хотя психологически они во многомъ уже преодолѣли ограниченность культурнаго сознания нашей эпохи, но побѣдоноснаго теоретическаго выраженія эти многообѣщающіе зачатки получить, конечно, не могли. Культура пролетариата пока еще — музыка будущаго. Въ настоящее же время провозвѣстники этой грядущей музыки нерѣдко сами увлекаются такими мелодіями, которыя не имѣютъ съ ней ничего общаго. Такъ, большой популярностью среди демократіи, не исключая и демократіи рабочей, пользуется въ наши дни концепція, ополчающаяся противъ идеологии имперализма не во имя свободной всечеловѣческой культуры, а во имя правъ замкнутой въ себѣ самодовлѣющей національности. Теорія, выдвигающая эту идею оборонительнаго национализма, утверждаетъ, что единство человѣческаго рода есть лишь абстракція, сухая отвлеченная мысль, которая не встрѣчаетъ отзвука въ народномъ сознаниіи и потому не можетъ породить творческаго вдохновенія; живое, конкретное единство человечества ограничено рамками національности; все, что создано великаго въ философіи, въ искусствѣ, въ общественности, носить на себѣ печать національнаго гения; слѣдовательно, задача истинной культуры должна заключаться не въ погонѣ за тощими абстракціями общечеловѣчности, а въ раскрытіи сокровищъ народнаго духа. Политическій идеалъ этого направленія сводится къ огражденію правъ каждой народности на обособленное и самобытное развитіе.

Мы не можемъ здѣсь изслѣдовать, насколько существенны тѣ национальныя особенности, которыми различаются между собой культуры отдѣльныхъ европейскихъ народовъ. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что особенности эти имѣются. Присматриваясь, на примѣръ, къ англійской философіи, не трудно замѣтить въ психологии авторовъ, въ ихъ манерѣ мышленія нѣкоторыя характерныя черты, общія всѣмъ мыслителямъ англосаксонской расы, начиная съ Локка и кончая Джемсомъ. Не менѣе отчетливо національный характеръ проявляется въ произведеніяхъ искусства, въ укладѣ общественной жизни и во многомъ другомъ. Но вопросъ заключается не въ томъ, отмѣчены ли, и въ какой мѣрѣ отмѣчены, національными особенностями результаты культурнаго развитія, а въ томъ, можно ли поставить

эти особенности сознательной цѣлью культурнаго творчества. Юмъ — характерный англичанинъ, Гегель — типичный нѣмецъ; но ни Юму, ни Гегелю въ голову не приходило, что ихъ задача должна заключаться въ уясненіи особенностей англійскаго или германскаго мышленія. Не нѣмецкую или англійскую истину, а истину вообще, истину всечеловѣческую ищетъ даже самый національный изъ національныхъ философовъ. „Когда я мыслю, — говоритъ Гегель, — я отрѣшаюсь отъ своихъ субъективныхъ особенностей, погружаюсь въ предметъ, предоставляю мысли развиваться изъ самой себя, и я мыслю дурно, если прибавлю что-нибудь отъ самого себя“. Въ актѣ творчества человѣкъ не можетъ сознавать себя ни англичаниномъ, ни нѣмцемъ, не можетъ вообще ставить передъ собой никакихъ предвзятыхъ, извнѣ заимствованныхъ цѣлей, но всецѣло отдается внутренней логикѣ самого творческаго порыва, который развивается „изъ самого себя“ и не признаетъ никакихъ границъ для своей автономіи. Творческое вдохновение носить сверхличный и сверхнациональный характеръ уже въ силу своей внутренней свободы, отрицающей всякія заранѣе составленныя предписанія. Но подлинному творчеству присуще также и положительное сознание своей всеобщности, „общезначимости“, универсальности. И именно въ этомъ его несокрушимая сила; именно отсюда возникаетъ та мужественная увѣренность, о которой говоритъ Бергсонъ: увѣренность въ томъ, что великое устремленіе побѣдоносной жизни способно „прокинуть на своемъ пути всѣ препятствія, преодолѣть всѣ сопротивленія, быть можетъ, даже самую смерть“.

Ни эта увѣренность, ни порождающій ее творческій энтузіазмъ, очевидно, не знакомы людямъ, которые говорятъ о культивированіи національныхъ особенностей, какъ съ высшей задачею цивилизаціи. Придерживаться въ своей работѣ заранѣе составленныхъ шаблоновъ или схемъ можетъ ремесленникъ, а не артистъ. И уже самая жажда такихъ схемъ свидѣтельствуетъ о ремесленномъ вырожденіи творчества. Если художникъ умышленно ищетъ вдохновения въ національныхъ мотивахъ, то это значитъ, что призывы свободнаго, самопроизвольнаго вдохновения въ немъ уже умолкли, что душа его пуста, что его фантазія нуждается въ гипнозѣ со стороны, чтобы наполниться образами, — и, разумѣется, результатомъ такой, извнѣ направляемой работы явится не великое произведеніе искусства, а лишь болѣе или менѣе ловкая ремесленная поддѣлка подъ него.

Правда, были крупные мыслители, которые не только произвольно отражали въ своихъ произведеніяхъ особенности своего народа, но и сознательно проповѣдовали національную идею. Таковъ, на примѣръ, у нѣмцевъ Іоганнъ Готлибъ Фихте, у насъ Владимиръ Соловьевъ. Однако эти кажущіяся исключенія въ дѣйствительности являются наилучшимъ подтвержденіемъ сказаннаго выше. Въ самомъ дѣлѣ, ни Фихте, ни Соловьевъ не вдохновлялись культурными особенностями своего народа, какъ таковыми. И тотъ, и другой при-

давали своимъ философскимъ идеямъ всечеловѣческое, и даже „все-ленское“, значене. Родной народъ былъ для каждаго изъ этихъ философовъ не источникомъ истины и предметомъ поклоненія, а лишь носителемъ истины и орудиемъ ея распространенія среди другихъ народовъ. Не самодовлѣющую национальную культуру хотѣли они развивать, а во главѣ мировой культуры мечтали поставить свой народъ, считая его избраннымъ вождемъ челоуѣчества. Говоря короче и употребляя современные термины, они были философами „имперіализма“, а отнюдь не культуртрегерами „национальнаго самоопредѣленія“.

Общественно-политическая программа проповѣдниковъ национальнаго самоопредѣленія чужда всякихъ насилій и захватовъ, носить очень чистенькій и скромный характеръ, подкупаетъ своей безпорочно-демократической внѣшностью. И, само собою разумѣется, демократія не имѣетъ ни права, ни интереса противиться осуществленію этой программы тамъ, гдѣ она отстаивается большинствомъ заинтересованной націи. Вѣдь уже давно и справедливо сказано, что „никого не вгонишь въ рай дубиной“; внѣшнія препоны къ политическому и культурному обособленію данной народности могутъ лишь безмѣрно обострить ея национальное самосознаніе, довести ее до полнаго духовнаго уродства. Тѣмъ не менѣе нельзя не констатировать, что, по своей основной тенденціи, по своему идейному содержанию, теорія национальнаго самоопредѣленія носить глубоко упадочный характеръ. Если бы исторія привела къ ея повсемѣстному торжеству, это знаменовало бы полный развалъ современной культуры, замѣну ея великаго мирового размаха безысходнымъ убожествомъ самодовлѣющей и самодовольной провинциальности.

Ни безчеловѣчная политика имперіализма внѣ Европы, ни тѣ ужасныя бѣдствія, которыя онъ обрушилъ, обрушиваетъ и еще будетъ обрушивать на самую Европу, не должны все же заслонять отъ насъ того факта, что по уровню своей идеологии этотъ профессиональный насильникъ значительно выше тихонькаго, скромно самоопредѣляющагося и никого не задѣвающаго націонализма. Здѣсь сознаніе единства мировой культуры угасаетъ окончательно, тамъ оно лишь искажается, выступая подъ маской мировой миссіи народа-избранника. Торжество чистаго націонализма было бы крушеніемъ современной цивилизаціи; торжество имперіализма является лишь ея глубокимъ кризисомъ.

И едва ли могутъ быть сомнѣнія въ исходѣ этого кризиса. Европейская культура создана вольнымъ сотрудничествомъ всѣхъ участвующихъ въ ней племенъ. Такъ она выросла и окрѣпла, такъ она развивалась до сихъ поръ, такъ будетъ развиваться и впредь. Никакія случайности военныхъ успѣховъ или неудачъ не могутъ отдать господство надъ Европой въ руки отдельной націи или группы родственныхъ націй. И когда исторія докажетъ призрачность имперіалистическихъ притязаній въ Европѣ; когда подъ уда-

рами событій для всѣхъ станетъ ясно, что Европа не потерпитъ надъ собой ничьей гегемоніи, ...

. . . . . когда ошестившіеся другъ на друга европейскіе имперіализмы воочию увидятъ передъ собой свои старыя разбитыя корыта... — надо надѣяться, что въ этотъ часъ великихъ итоговъ культурное единство Европы, никогда не угасавшее окончательно въ общественномъ сознаниі, вспыхнетъ новымъ и побѣднымъ свѣтомъ, ...

В. Базаровъ.

ПИСАРЕВЪ И ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

(КЪ 75-ЛѢТІЮ СО ДНЯ РОЖДЕНІЯ.)

I.

Шестидесятые годы — одна изъ самыхъ яркихъ эпохъ въ исторіи русскихъ общественныхъ движеній. Это была эпоха освободительныхъ стремленій и освободительныхъ дѣйствій, эпоха зарождения демократической публицистики и журналистики. Никогда еще не ставились русскимъ обществомъ вопросы болѣе важные, болѣе глубокие. Весь укладъ жизни, весь бытъ подвергался пересмотру, создавались общественные идеалы, подготовлялась почва для широкихъ народныхъ движеній. Самые разнообразныя круги людей были захвачены этимъ могучимъ потокомъ, въ самые заолустные углы проникали новыя идеи. Читались и перечитывались статьи Добролюбова, Чернышевскаго и Писарева, заучивали наизусть стихи Некрасова, смѣялись надъ Глуповцами Щедрина, чутко прислушивались къ звону далекаго „Колокола“ ... Страстная жажда полезной дѣятельности овладѣла лучшими людьми того времени, — отсюда тотъ бодрый оптимизмъ, который проникаетъ русское общество, отсюда то колоссальное вліяніе, которое на него оказываютъ трибуны-писатели, отсюда вражда къ фразамъ, боязнь лишннихъ словъ. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что тогда буквально грезили о трудѣ, о „живомъ дѣлѣ вмѣсто словъ“. Десятилѣтіями подготовлялась потенциальная общественная энергія, и теперь, подъ вліяніемъ фактора внѣшняго — нашествія непріятели и поражения на войнѣ, она превратилась въ энергію кинетическую — энергію движенія и дѣйствія. „Всѣ чувствовали, — пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Шелгуновъ, — что порвался какой-то нервъ, что дорога къ старому закрылась... Это былъ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, которые неустранимы, какъ лавины въ горахъ, какъ ливни подъ экваторомъ“. Герценъ писалъ въ „Колоколѣ“ : „Теперь въ Россіи нѣтъ лишннихъ людей, — теперь, напротивъ, къ этимъ огромнымъ запашкамъ не хватаетъ рукъ. Кто теперь не найдетъ дѣла, тому, въ самомъ дѣлѣ, пенять не на кого, тотъ, въ самомъ дѣлѣ, пустой человекъ, свищъ или лѣнтяй“. („Колоколъ“, 1859 г., № 4). У него же мы находимъ слѣдующую образную характеристику 60-хъ годовъ: „Безъ сомнѣнія, утрення заря наша была ярче,

эту величественную увертюру до сихъ поръ еще никто не оцѣнилъ во всемъ ея юномъ, поэтическомъ, широкомъ, богатомъ значеніи. Въ ней слышались зародыши всей будущей оперы, всѣ ея мотивы. Она привела къ слову нѣмую боль, она высказала наши стремления и если не нашла путей, то указала цѣль и поставила вѣхи. Масса идей, идеаловъ, вопросовъ, сомнѣній, фактовъ, ринутыхъ въ обороть, въ общее брожение въ продолжение семи лѣтъ, изумительна. Были промахи, но, глядя на нихъ отступя и сквозь мрачное пятилѣтіе, только и остается, что общее благословеніе свѣтлой полосѣ и людямъ утра“.

Это писалось въ 1868 году, но и теперь, черезъ пятьдесятъ почти лѣтъ, наше поколѣніе, пережившее другую освободительную эпоху, можетъ вполне присоединиться къ этимъ словамъ Искандера-Герцена. Многимъ, слишкомъ многимъ хотѣлось бы сдать въ архивъ идеалы и труды дѣятелей-шестидесятниковъ, но стоитъ только безпристрастно приглядѣться къ тому, что дѣлается теперь, и перечитать то, что писалось шестидесятниками, чтобы почувствовать острую волнующую современность многихъ идей того времени. Съ особенной силой чувствуется эта современность при перечитываніи сочиненій одного изъ самыхъ свѣтлыхъ умовъ освободительнаго времени 60-хъ годовъ, сочиненій Дмитрія Ивановича Писарева.

II.

Несмотря на неоднократные клеветническіе выпады противъ Писарева, образъ этого писателя можетъ считаться выясненнымъ въ нашей литературѣ.

Блестящій аналитическій умъ, огромное критическое дарованіе, мысль честная и смѣлая, свѣтлая вѣра въ лучшее будущее человечества, темпераментъ борца, приводящій нерѣдко къ крайностямъ и односторонности, свободолюбие и демократизмъ — вотъ черты, которыя неразрывно связаны съ образомъ Писарева.

Но если образъ писателя очерченъ съ достаточною ясностью, то этого же нельзя сказать о его идеяхъ. Многое еще не получило своей разработки, о многомъ слѣдуетъ еще говорить, — такковы, на примѣръ, педагогическіе взгляды Писарева и его отношеніе къ естествознанію, мысли о значеніи котораго принадлежатъ къ числу его самыхъ любимыхъ и задушевныхъ. О нихъ много писалось, но большею частью вскользь, мимоходомъ, — настоящія строки и написаны съ цѣлью хоть нѣсколько восполнить этотъ пробѣлъ.

Однако дѣятельность Писарева была бы понята нами нѣсколько односторонне, если бы мы не отмѣтили отношенія тогдашняго общества къ наукѣ. Не Писаревъ создалъ увлеченіе естествознаніемъ, — онъ только наиболѣе рѣшительно и ярко выразилъ это стремленіе эпохи.

Еще Герценъ посвятилъ рядъ статей естествознанию. Онъ считаетъ одною изъ главныхъ потребностей времени сообщеніе истинно-научныхъ свѣдѣній объ естествознаніи. „Ихъ много, — пишетъ онъ, — въ наукѣ, мало въ обществѣ, надобно втолкнуть ихъ въ потокъ общественнаго сознанія, надобно ихъ сдѣлать доступными, надобно имъ дать языкъ откровенный, простой, какъ ея собственный языкъ, которымъ она развѣртываетъ безконечное богатство своей сущности въ величественной и стройной простотѣ. Намъ кажется почти невозможнымъ безъ естествовѣдѣнія воспитать дѣйствительно мощное умственное развитіе; никакая отрасль знаній не приучаетъ такъ ума къ твердому положительному шагу, къ смиренію предъ истиной, къ добросовѣстному труду и, что еще важнѣе, къ добросовѣстному принятію послѣдствій, такими, какими они выйдутъ, — какъ изученіе природы; ими бы мы начинали воспитаніе для того, чтобы очистить умъ отроческій отъ предразсудковъ, дать возмужать ему на этой здоровой пищѣ и потомъ уже раскрыть для него, окрѣпнувшаго и вооруженнаго, міръ человѣческой, міръ исторіи, изъ котораго двери отворяются прямо въ дѣйствительность, въ собственное участіе въ современныхъ вопросахъ“. (Сочиненія, т. IV, стр. 337.)

Въ приведенныхъ словахъ Герцена — цѣлое общественно-педагогическое мировоззрѣніе. Это мировоззрѣніе было близко и Чернышевскому, который посвящаетъ цѣлую статью въ защиту того положенія, что „основаніемъ для той части философіи, которая разсматриваетъ вопросы о человѣкѣ, точно такъ же служатъ естественныя науки, какъ и для другой части, разсматривающей вопросы о внѣшней природѣ“. („Современникъ“, 1860 г.)

Исторически вполне понятно, почему естествознаніе въ пятидесятихъ и шестидесятихъ годахъ пользовалось такимъ признаніемъ. Конецъ XVIII и первая половина XIX столѣтія въ исторіи естествознанія представляютъ одну изъ замѣчательныхъ эпохъ. Во всѣхъ областяхъ естествознанія были сдѣланы весьма глубокія завоеванія. Достаточно напомнить, что въ это время въ области химіи и физики утверждается законъ сохраненія энергии и создается атомистическая гипотеза, развивается ученіе объ электричествѣ и парѣ, въ астрономіи дѣлается рядъ открытій Лапласомъ и Гершелемъ, въ биологіи цѣлый переворотъ совершается Кювье, Ламаркомъ и Дарвиномъ, въ прикладномъ естествознаніи дѣлается громадное количество изобрѣтеній. Цѣлый рядъ первоклассныхъ ученыхъ — Гексли, Гельмгольцъ, Фарадэй, Либихъ, Тиндаль и многіе другіе своими работами расширяютъ область достижений естественныхъ наукъ. Однимъ словомъ, создавалось новѣйшее экспериментальное естествознаніе, открывая поразительныя явленія, даря человѣчеству полезныя знанія, измѣняя въ корнѣ бытъ культурнаго человѣка.

Въ то же время въ философской мысли Запада происходитъ рѣзкій поворотъ отъ идеализма къ материализму. И новыя фило-

софскія построения создаются подъ сильнымъ влияніемъ небывало расцвѣтшей экспериментальной науки. Характерно, что именно въ это время слагается учене историческаго материализма, и знаменитое „Zur Kritik“ Маркса выходитъ въ одинъ годъ съ „Происхожденіемъ видовъ“ Дарвина.

Естествознание пользовалось общимъ признаніемъ, какъ средство борьбы противъ метафизическихъ системъ первой четверти XIX вѣка. Опираясь на естественныя науки, стремились къ созданию монистическаго взгляда на міръ. „Жизнь есть способъ существованія бѣлковыхъ тѣлъ“, говоритъ Энгельсъ; дуализму ни философскому, ни натуралистическому не было больше мѣста.

Увлечение естествознаніемъ, несомнѣнно, пришло въ Россію съ Запада, такъ какъ наша русская наука только еще зарождалась. И широкіе круги интеллигенціи русской со страстнымъ рвеніемъ отдались изученію естествознанія, въ которомъ они увидѣли могучаго союзника въ борьбѣ за освобожденіе. Очереднымъ лозунгомъ русскаго общества была эмансипація отъ всѣхъ пережитковъ крѣпостнаго права, отъ крѣпостничества въ сферѣ общественной и интеллектуальной. Необходимо было просвѣтить народъ, освободить отъ пути суевѣрія, отъ опеки реакціоннаго духовенства. Для этого нужны были мыслящія личности, которыя могли бы произвести подобную работу. Какъ подготовить такихъ лицъ? Для шестидесятника вопросъ былъ простъ и ясенъ. Мыслящая личность можетъ воспитаться только на основѣ изученія естествознанія, которое является фундаментомъ для всѣхъ другихъ наукъ и въ то же время служить наиболѣе надежнымъ средствомъ для борьбы съ предрасудками и суевѣрїями. Лучше люди того времени полагали задачей своей жизни распространеніе естественно-научныхъ свѣдѣній. Появлялось множество популярныхъ книгъ, и онѣ покупались нарасхватъ. Переводъ Брэма былъ встрѣченъ всеобщимъ восторгомъ. Естествознаніемъ занимались люди самыхъ разнообразныхъ профессій. „Музыканты, художники, пѣвцы и артисты, — рассказываетъ г-жа Воловозова въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, — забрасывали искусство ради изученія естественныхъ наукъ и вмѣстѣ съ другими бѣгали на ботаническія, зоологическія и другія экскурсіи, работали съ микроскопомъ, опредѣляли тщательно собираемые камешки, всѣ были загипнотизированы великимъ значеніемъ естествовѣдѣнія“.

Въ такое-то время выступилъ Писаревъ со своей поистинѣ восторженной проповѣдью необходимости изученія естественныхъ наукъ. Въ шести томахъ его сочиненій всюду разбросаны замѣчанія, такъ или иначе касающіяся естествознанія. Замѣчанія эти въ большинствѣ случаевъ глубоко вѣрны, и приходится только удивляться, какъ онъ, типичный гуманистъ по образованію, пришелъ къ такому вѣрному ощущенію метода естественныхъ наукъ, которое у него такъ ярко и такъ полно выразилось въ его статьяхъ. И

этому своему увлеченію естествознаніемъ онъ никогда не измѣнялъ. Въ различные годы его дѣятельности, въ различныхъ статьяхъ — о Толстомъ, Щедринѣ, объ Островскомъ, въ своихъ знаменитыхъ „Реалистахъ“ онъ находитъ случай вернуться къ любимой темѣ. Какъ писатель-учитель, писатель-пропагандистъ, онъ не можетъ спокойно, академически разсуждать о значеніи естествознанія, онъ страстно проповѣдуетъ, какъ догматъ своего символа вѣры, необходимость изученія естествознанія, посвящая этому вопросу одни изъ самыхъ горячихъ мѣстъ въ своихъ статьяхъ, требуя полного обновленія нашего образованія на основѣ естествознанія.

III.

Взгляды Писарева на естествознание не являются у него чѣмъ-то принесеннымъ извнѣ, они стоятъ въ тѣсной связи со всѣмъ его мировоззрѣніемъ, какъ оно выразилось въ его наиболѣе зрѣлыхъ статьяхъ, по которымъ и слѣдуетъ оцѣнивать писателя. Основы этого мировоззрѣнія хорошо извѣстны: это реализмъ во всѣхъ сферахъ дѣятельности, демократизмъ и эмансипация личности на основѣ эмансипации труда.

Основой человѣческаго счастья является трудъ, но трудъ посвященный, основанный на наукѣ. Нѣтъ ничего опаснѣе, какъ отчужденіе науки отъ труда. Нѣтъ ничего возмутительнѣе, какъ увеличеніе человѣческихъ страданій благодаря прогрессу науки. Человѣкъ долженъ сдѣлаться сознательнымъ повелителемъ машины, а не ея рабомъ. „Машины должны составлять для человѣка источникъ довольства и счастья, а на повѣрку выходитъ другая исторія“, горько замѣчаетъ писатель. При существующемъ строѣ онъ не ждетъ улучшенія: „И такія трагическія недоразумѣнія между наукой и жизнью будутъ повторяться до того времени, пока не прекратится гибельный разрывъ между трудомъ мозга и трудомъ мускуловъ“. Для Писарева совершенно очевидно, кто долженъ быть „сознательнымъ повелителемъ“ машины, среди кого поэтому должны распространяться знанія. Онъ говоритъ опредѣленно: „...въ массахъ земледѣльцевъ и фабричныхъ должно сосредоточиваться и обращаться больше знаній, чѣмъ въ другихъ кучкахъ людей“. Наука должна быть демократична: „Монополія знанія и гуманнаго развитія представляетъ, конечно, одну изъ самыхъ вредныхъ монополій. Что за наука, которая по самой сущности своей недоступна массѣ! Что за искусство, котораго произведеніями могутъ наслаждаться только немногіе специалисты! Вѣдь надо же помнить, что не люди существуютъ для науки и искусства, а что наука и искусство вытекли изъ естественной потребности человѣка наслаждаться жизнью и украшать ее всевозможными средствами“. (Сочиненія, 1861 г., т. I, стр. 366.)

Итакъ, наука должна быть распространена въ народѣ, среди

тѣхъ милліоновъ людей, „которые имѣютъ одинаковое право на человѣческую жизнь, образование и социальное усовершенствованіе“. Кто же долженъ взяться за это дѣло? Писаревъ отвѣчаетъ: реалисты, т. е. „мыслящіе работники, съ любовью занимающіеся трудомъ“. Задачи реалистовъ заключаются въ слѣдующемъ: „надо понимать и любить общую пользу, надо распространять правильныя понятія объ этой пользѣ, надо уничтожать смѣшныя и вредныя заблужденія и вообще надо вести всю свою жизнь такъ, чтобы личное благосостояніе не было устроено въ ущербъ естественнымъ интересамъ большинства“. (Соч., 1864 г., т. IV, стр. 81.)

Это — основная идея Писарева; ея выясненію и иллюстрированію онъ посвятилъ цѣлый рядъ статей. Съ этой точки зрѣнія онъ оцѣниваетъ почти всѣ явленія общественной жизни. Понятно поэтому, что и къ наукѣ онъ подошелъ съ опредѣленными требованіями: наука должна воспитать мыслящихъ работниковъ, тѣхъ „реалистовъ“, которые явятся движущей силой общественнаго прогресса. „Въ наукѣ, — говоритъ онъ, — и только въ ней одной, заключается та сила, которая, независимо отъ историческихъ событій, можетъ разбудить общественное мнѣніе и формировать мыслящихъ руководителей народнаго труда“. (Соч., 1864 г., т. IV, стр. 133.)

Какая же знанія, какую науку слѣдуетъ распространять? Отвѣтъ ясенъ: нужно распространять знанія, „которыя даютъ каждому человѣку вообще, безъ отношенія къ его частнымъ занятіямъ, вѣрный, разумный и широкій взглядъ на природу, на человѣка и общество. Разумѣется, здѣсь, какъ и вездѣ, на первомъ планѣ стоятъ тѣ науки, которыя занимаются изученіемъ всѣхъ видимыхъ явленій: астрономія, физика, химія, физиологія, ботаника, зоологія, географія и геологія“. (Соч., 1864 г., т. IV, стр. 145.)

Таковъ тотъ логическій путь, который ведетъ къ признанію первенствующаго значенія естествознанія для подготовки дѣятелей народнаго просвѣщенія, съ наибольшей полнотой выраженный Писаревымъ въ его статьѣ „Реалисты“. Однако не только въ этой статьѣ, но и въ самыхъ первыхъ статьяхъ Писарева мы найдемъ аналогичныя взгляды на образовательное значеніе естествознанія. Перейдемъ къ изложенію этихъ взглядовъ.

Для Писарева наибольшая цѣнность естественныхъ наукъ — въ ихъ методѣ. Естествоиспытатель исходитъ всегда отъ факта и только на основаніи такового строить свои выводы. Эта сторона дѣла особенно привлекала Писарева. Естествоиспытатель — по существу его занятій врагъ фразъ и фантазій. „Мы сильно нуждаемся, — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — въ положительной почвѣ для нашихъ изслѣдованій, въ фактическомъ матеріалѣ, изъ котораго можно было бы выковать себѣ воззрѣнія и убѣжденія металлической твердости и незыблемой основательности. Будемъ же смотрѣть вокругъ себя, на живую природу, вмѣсто того, чтобы

зажмуривать глаза или съ упорнымъ вниманіемъ устремлять ихъ на буквы, слова и фразы“. (Соч., 1862 г., т. II, стр. 306.)

„Естественныя науки важны и значительны потому не только по предмету своего изученія, но и по своему методу. Это науки, основанныя исключительно на наблюдени и опытѣ... Только въ нихъ гипотезы не остаются гипотезами; только онѣ показываютъ намъ истину и даютъ намъ возможность убѣдиться въ томъ, что это дѣйствительно истина“. (Соч., 1863 г., т. III, стр. 110.)

Писаревъ сравниваетъ естествознание съ другими науками съ точки зрѣнія метода и приходитъ къ убѣжденію въ превосходствѣ естествознанія. „Естественныя науки не то, что исторія, — пишетъ онъ, — въ исторіи все дѣло въ воззрѣніи, въ гуманной личности самого писателя; въ естественныхъ наукахъ все дѣло въ фактѣ...“ (Соч., 1861 г., т. I, стр. 310.)

Естествознание — наука общечеловѣческая, такъ какъ естествоиспытатель работаетъ для всѣхъ людей вообще, а не только для своей націи: „Изъ всѣхъ реалистовъ только одни естествоиспытатели работаютъ для человѣчества вообще, безъ отношенія къ отдѣльнымъ національностямъ и къ различнымъ условіямъ мѣста и времени“. (Соч., 1864 г., т. IV, стр. 69.)

Въ то же время естествознание — демократично по своимъ методамъ: „Истинная наука ведетъ къ осязательному знанію, а то, что осязательно, что можно разсмотрѣть глазами и ощупать руками, пойметъ и десятилѣтній ребенокъ, и простой мужикъ, и свѣтскій человѣкъ“.

Постоянное занятіе изученіемъ природы не можетъ не вліять на весь духовный обликъ человѣка. Къ этой мысли Писаревъ неоднократно возвращается. „Естественныя науки, — вѣрно замѣчаетъ онъ, — сообщаютъ человѣку, посвятившему себя ихъ изученію, такую трезвость и неподкупность мышленія, такую требовательность въ отношеніи къ своимъ и чужимъ идеямъ, такую силу критики, которая сопровождаетъ этого человѣка за предѣлы избранныхъ имъ наукъ, которая не оставляетъ его въ дѣйствительной жизни и кладетъ свою печать на всѣ его разсужденія и поступки“. (Соч., 1863 г., т. III, стр. 110.)

Таково образовательное значеніе естествознанія.

Читая Писарева, ясно видишь, какъ глубоко прочувствовалъ онъ свои мысли о реальномъ знаніи, о его нужности, необходимости. Онъ, несомнѣнно, любилъ науку самой подлинной любовью. Изученіе ея давало ему и отдыхъ, и высокое наслажденіе. Въ одной изъ первыхъ своихъ статей онъ пишетъ: „Веселѣе жить, легче дышать, когда вмѣсто призраковъ и отвлеченностей видишь осязательныя явленія и сознаешь какъ свою зависимость отъ нихъ, такъ и свое господство надъ ними“.

IV.

Особенно важное значение придавал Писаревъ тому обстоятельству, что естественныя науки сближаютъ человѣка съ подлинной жизнью, а не уводятъ его въ область абстракци и фикции. Больше всего въ жизни онъ ненавидѣлъ пустую фразу, безъ живого въ ней содержания. Въ естествознаніи онъ видѣлъ средство для борьбы съ потокомъ словъ и только словъ. Въ слѣдующихъ краснорѣчивыхъ строкахъ онъ доказываетъ это положеніе: „Только однѣ естественныя науки глубоко коренятся въ живой дѣйствительности; только онѣ совершенно независимы отъ теорій и фикцій; только въ ихъ область не проникаетъ никакая реакція; только онѣ образуютъ сферу чистаго знанія, чуждаго всякихъ тенденцій; слѣдовательно, только естественныя науки ставятъ человѣка лицомъ къ лицу съ дѣйствительной жизнью, не подкрашенной нравоученіями, не обрѣзанной системами, не сочиненной досужнымъ мышленіемъ философовъ“. (Соч., 1863 г., т. III, стр. 107.) Писаревъ обрушивается на наше общество, которое не знаетъ законовъ природы и не хочетъ ихъ знать, полагая, что „эти законы писаны только для двухъ-трехъ десятковъ чудаковъ, называемыхъ натуралистами“, а „ему (обществу), по русской пословицѣ, законъ не писанъ“. Великая книга природы открыта передъ всѣми, „и въ этой великой книгѣ прочтены только первыя страницы“.

Полвѣка тому назадъ написаны эти строки, но онѣ нисколько не утратили своей злободневности. Наше общество и теперь невѣжественно въ природѣ, наша школа, въ лицѣ самыхъ распространенныхъ учебныхъ заведеній, не даетъ знанія природы. Мы окружены новѣйшими завоеваніями науки, человѣческій гений заставилъ служить себѣ природу, а мы знаемъ о ней и понимаемъ въ этихъ новѣйшихъ изобрѣтеніяхъ не больше того дикаря, который во время затмения поднимаетъ шумъ, чтобы прогнать злого духа, закрывшаго солнце. Пусть каждый изъ „образованныхъ“ людей спроситъ себя, что онъ знаетъ объ устройствѣ автомобиля, телефона, электрическаго счетчика, лифта, трамвая; что онъ знаетъ о дѣятельности различныхъ органовъ своего тѣла и тѣла растений; что наконецъ онъ знаетъ о методахъ естествознанія и вообще методахъ изслѣдованія природы. Найдется ли треть среди всѣхъ „интеллигентовъ“, населяющихъ нашу громадную страну, которая понимаетъ, что такое — циклонъ и антициклонъ и какое отношеніе имѣютъ эти невѣдомые господа къ погодѣ?

Въ этомъ мы не ушли далеко отъ общества шести-десятихъ годовъ. Несомнѣнно, тѣ причины, противъ которыхъ боролся Писаревъ, не устранены и дѣйствуютъ еще до сихъ поръ. Въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій политика вѣдомства, которому принадлежитъ руководство громаднымъ большинствомъ нашихъ школъ, оберегала эту школу отъ реальныхъ знаній, видя въ нихъ

опасныя знания. Развѣ тѣ упреки, которые высказалъ Писаревъ по адресу современной ему школы, не ссхраняють силу и до сихъ поръ? Развѣ не въ XX столѣтн министерствомъ народнаго просвѣщенія въ качествѣ учебника педагогики рекомендованъ учебникъ, въ которомъ, на стр. 255, написано: „Розги не должно быть близко подъ рукой учителя... ее лучше держать подъ замкомъ... Для пощечины имѣются нѣкоторыя основанія, такъ какъ причина и слѣдствие находятся при пощечинѣ въ удивительно близкомъ отношенн съ точки зрѣнн времени и мѣста, а большинство людей болѣе воспримчивы къ очевиднымъ слѣдствнямъ, чѣмъ къ менѣе замѣтнымъ успѣхамъ... Если прибавить къ этому, что пощечину хвалили даже короли... то, пожалуй, пощечину никогда нельзя будетъ изгнать изъ школы вполне“?!

Развѣ не о нашей интеллигенци написаны эти горькія строки Писарева: „Оно (наше общество) не только мало размышляетъ, но оно даже не имѣетъ никакого понятн о томъ, что такое дѣятельность мысли. Лексиконъ мудреныхъ словъ, цѣлыя сборники готовыхъ изреченн, цѣлыя библиотеки игрушечныхъ произведенн празднон фантазн, — вотъ весь умственный капиталъ, обращающійся въ нашемъ обществѣ, и обладанне такимъ сокровищемъ должно считаться болѣе тягостнымъ бѣдствнемъ, чѣмъ самая голая умственная нищета... Мы, какъ видите, знаемъ чрезвычайно много; всякія собственныя имена, всякія специальныя слова и техническія выраженія, — все это намъ доподлинно извѣстно. Не знаемъ только бездѣлицы, не знаемъ тѣхъ живыхъ явленн, которыя обозначаются этими словами, и не знаемъ, кромѣ того, какъ эти неизвѣстныя намъ явленія связываются одно съ другимъ“.

V.

Писаревъ не получилъ естественно-научнаго образованн и самъ былъ знакомъ съ методами естествознанн только теоретически. Какъ онъ самъ говорить, ему было поздно „приниматься за микроскопы и за анатомическій ножъ“, но онъ рѣшилъ перечитать все, что „есть замѣчательнаго по естествознанню“, и успѣлъ въ этомъ.

Несмотря на свое чисто книжное знакомство съ естествознаннемъ, онъ удивительно вѣрно схватилъ суть естественно-научнаго метода и почти нигдѣ, на протяженн почти всѣхъ страницъ его сочиненн, вы не найдете ошибки противъ метода. Въ то же время онъ не воспринималъ чужихъ взглядовъ пассивно, онъ выработалъ свое цѣльное міровоззрѣнне, и въ естествознанн онъ былъ представителемъ послѣдовательнаго реализма (механизма), — его онъ проводилъ до конца. Опираясь на естествознанне, онъ отрицалъ сверхчувственное, непостижимое человѣческими чувствами. Для него „невозможность очевиднаго проявленн исключаетъ дѣйствительность существованн“. Такъ же, какъ и западные материалисты, онъ стремился къ устано-

влению монистическаго взгляда на природу. Дуализма въ его возрѣнiяхъ нѣтъ. Вполнѣ понятно поэтому, что витализмъ не нашель въ немъ своего приверженца. Характерно, что и другіе писатели того времени, какъ Чернышевскій и Герценъ, не были виталистами. Герценъ образно называетъ понятие о жизненной силѣ „маленькимъ привидѣнцемъ“ (Соч., т. IV, стр. 163), отъ котораго не избавлены и естественныя науки; Чернышевскій высказывается не менѣе опредѣленно.

Писаревъ въ нѣсколькихъ статьяхъ касается вопроса о жизненной силѣ. Въ статьѣ „Процессъ жизни“ онъ сочувственно заключаетъ цитату изъ Фохта слѣдующимъ восклицаніемъ: „Итакъ, жизненной силы, какъ чего-то самостоятельнаго, неразлагаемаго, не существуетъ; послѣдній оплотъ невѣжества разрушенъ; маска сорвана съ мистицизма, и изслѣдователи смотрятъ на природу внимательно, но просто, безъ суевѣрнаго благоговѣнiя, безъ институтской мечтательности“. (Соч., 1861 г., т. I, стр. 314.) Писаревъ идетъ дальше. Онъ полагаетъ, что понятiя „психическая жизнь, психическое явленіе будутъ со временемъ разложены на свои составныя части. Ихъ участь рѣшена: они пойдутъ туда же, куда пошелъ философскій камень, жизненный эликсиръ, квадратура круга, чистое мышленіе и жизненная сила. Слова и иллюзии гибнутъ, факты остаются“. (Соч., 1861 г., т. I, стр. 321.)

Отсутствие естественно-научнаго образованiя, несомнѣнно, вредило Писареву, — многое онъ былъ принужденъ брать на вѣру, многого онъ просто не зналъ, но популяризащи его великолѣпны. Стоитъ только указать на его блестящiя популяризащи Фохта, Бюхнера, Дарвина, Конта. Были ошибки, были въ цѣломъ неудачныя статьи, какова его извѣстная статья „Подвиги европейскіхъ авторитетовъ“, гдѣ онъ выступаетъ рѣшительнымъ противникомъ Пастера и защитникомъ теории самопроизвольнаго зарожденiя. Но онъ владелъ безконечно важнымъ богатствомъ для естествоиспытателя: въ немъ жило чувство естественно-научнаго метода, безъ котораго самыя обширныя знанiя — ничто.

VI.

Писаревъ не считаетъ нужнымъ доказывать практическую пользу естествознанiя, — это значило бы ломиться въ открытую дверь. „Читатель самъ понимаетъ, что все матеріальное благосостояніе челоуѣчества зависитъ отъ его господства надъ окружающей природой, и что это господство заключается только въ знанiи естественныхъ силъ и законовъ“. Онъ скорбитъ о томъ, что слишкомъ мало людей занимается естествознаніемъ. По его мнѣнiю, „рутина и предразсудки погибли бы на вѣки, потому что держатся теперь только благодаря тому обстоятельству, что самыя простыя законы природы неизвѣстны даже образованному обществу“.

Нужно, слѣдовательно, познакомить общество съ этими законами. Другими словами, слѣдуетъ заняться популяризацией науки. Эту популяризацию Писаревъ считалъ „самой животрепещущей потребностью нашего общества“, потому что всѣ остальные науки опираются на естествознание.

Въ своемъ увлеченіи онъ доходитъ до крайности, совѣтуя Щедрина бросить Глуповъ и заняться популяризацией естественно-научныхъ идей. Совершенно серьезно и убѣжденно Писаревъ высказываетъ мысль, что будь живъ Добролюбовъ, „онъ посвятилъ бы лучшую часть своего таланта на популяризирование европейскихъ идей естествознанія и антропологии“. Бѣлинскій-натуралистъ, „а не эстетикъ и гегельянецъ, принесъ бы въ десять разъ больше пользы“, по мнѣнію Писарева.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ матери онъ набрасываетъ цѣлую программу своей популяризаторской дѣятельности. Указавъ въ началѣ письма, что всѣ наши хорошие писатели имѣли значительную слабость къ отвлеченнымъ разсужденіямъ и высшимъ взглядамъ, являющимся роскошью для общества, которому не хватаетъ самыхъ простыхъ и элементарныхъ знаній, Писаревъ высказываетъ убѣжденіе, что общество надо знакомить съ лучшими представителями европейской науки и что эта задача ему во всѣхъ отношеніяхъ по душѣ и по силамъ. Онъ доказываетъ это довольно подробно. „Во-первыхъ, — пишетъ онъ, — я пишу, какъ тебѣ извѣстно, чрезвычайно быстро; во-вторыхъ, я пишу весело и занимательно; въ-третьихъ, я усваиваю себѣ очень легко чужія мысли, такъ что могу передавать ихъ совершенно понятнымъ образомъ; и, наконецъ, въ-четвертыхъ, я одержимъ страстной охотой читать... Принявши все это въ расчетъ, ты поймешь, сколько настоящей пользы могу принести я при моемъ порядочномъ здоровьѣ, при моей способности писать, не раздражаясь, при моей ненависти къ фразамъ и при моемъ постоянномъ стремленіи доказывать и объяснять, придерживаясь метода опытныхъ наукъ“...

На популяризацию реальныхъ знаній Писаревъ смотритъ какъ на чрезвычайно большое и ответственное дѣло. Въ „Реалистахъ“, на нѣсколькихъ страницахъ, онъ выразилъ требованія, которыя слѣдуетъ предъявлять къ популярному изложенію. Популяризаторомъ можетъ сдѣлаться далеко не всякій: онъ долженъ быть художникомъ слова, — „высшая, прекраснѣйшая, самая человѣческая задача искусства состоитъ именно въ томъ, чтобы слиться съ наукой“. Слѣдовательно, изложеніе должно быть художественно, оно не должно быть скучно. Если общество настолько неразвито, что не можетъ воспринять науки въ ея естественномъ, такъ сказать, видѣ, можно нарядить ее въ арлекинскій нарядъ, помня, однако, что „идея прежде всего“. „Шути, — говоритъ Писаревъ, — но такъ, чтобы твоя шутка была строго разсчитана и чтобы совокупность твоихъ шутокъ выражала всю научную идею, которую ты хочешь

провести въ сознание твоихъ читателей, всю, какъ есть, безъ искажений и утаекъ. Если ты соблюдаешь постоянно это условіе, ты — честный и полезный популяризаторъ“. Далѣе, изложение должно быть достаточно обстоятельно и отнюдь не отвлеченно.

Въ заключеніе Писаревъ высказываетъ совершенно правильную мысль о ненужности популяризованія прикладныхъ знаній. Инженеры, технологи, механики нужны обществу, но, несомнѣнно, ихъ не могутъ создать популярныя книги. Популяризовать слѣдуетъ тѣ науки естественно-историческаго цикла, которыя имѣютъ общеобразовательный характеръ, т. е. ботанику, зоологию, физиологию человѣка и растений и т. п.

VII.

Такъ писатель-учитель, Писаревъ не могъ пройти мимо школы, ему современной. Естественно, что его миросозерцаніе привело его къ вполне опредѣленнымъ педагогическимъ взглядамъ. Уже отмѣчалось, что въ области педагогическихъ идей Писаревъ современенъ и до сихъ поръ. Его идеи о воспитаніи, половомъ вопросѣ, дѣтской литературѣ, о системѣ обучения и т. д. далеко опередили свой вѣкъ, и теперь онѣ кажутся такими же свѣжими и интересными, какъ и тогда, когда онѣ впервые появились на свѣтъ.

Мы остановимся лишь на вопросѣ о школьномъ естествознаніи. Филологъ по образованию, Писаревъ страстно возставалъ противъ классицизма въ школѣ. По мнѣнію Писарева, въ XIV столѣтіи было вполне естественно класть въ основу изученія латинскій и греческій языки, такъ какъ въ это время „философія и поэзія языческой др вности производили полный переворотъ въ идеяхъ и чувствахъ образованныхъ европейцевъ“. Напротивъ, въ XIX столѣтіи умственное движеніе эпохи совершается не въ области классической филологии, и „естествознание составляетъ настоящий центръ общаго образованія. Кто знаетъ естественныя науки, тотъ знаетъ все, что долженъ знать современно образованный человѣкъ, тѣмъ болѣе, что естественныя науки даютъ человѣку ту подготовку, при помощи которой онъ уже безъ руководителя можетъ слѣдить въ теченіе всей своей жизни за развитіемъ и разработкой различныхъ социальныхъ вопросовъ“. (Соч., 1865 г., т. IV, стр. 540.)

Эта основная мысль красной нитью проходитъ черезъ всѣ педагогическія статьи Писарева. Но относительно того, съ какого возраста можно начинать обученіе естествознанію, Писаревъ колеблется. Въ двухъ статьяхъ, посвященныхъ этому вопросу, — „Университетская наука“ и „Школа и жизнь“, — высказаны два діаметрально противоположныхъ взгляда. Въ первой статьѣ выдвинуто опредѣленное пожеланіе, чтобы изученіе математическихъ и естественныхъ наукъ было положено въ основу гимназической программы; во второй онъ не менѣе опредѣленно высказывается противъ естествознанія въ средней школѣ: „Люди, — говоритъ онъ, —

которымъ дорого распространение реальныхъ знаній въ Россіи, должны желать особенно сильно, чтобы естественная исторія вмѣстѣ съ химіей была совершенно исключена изъ гимназическаго курса“.

Въ первой статьѣ Писаревъ высказываетъ нѣсколько совершенно правильныхъ соображеній о томъ, что „знанія о природѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ естественнымъ потребностямъ дѣтскаго ума“. Ребенокъ не интересуется тѣмъ, что было тысячу лѣтъ тому назадъ, онъ не спрашиваетъ, что такое добро, красота, истина, но „первые проблески ребяческой любознательности направляются прямо на окружающія впечатлѣнія“. „Ребенокъ постоянно пристаётъ къ взрослымъ съ вопросами... О чемъ же онъ спрашиваетъ? Конечно, о томъ, что онъ видитъ. Отчего мѣсяцъ сегодня стоитъ серпомъ, а недѣлю тому назадъ былъ круглый? и т. д.“ „Періодъ такой живой любознательности обыкновенно продолжается недолго; взрослые большею частью отвѣчаютъ на вопросы ребенка такъ глупо, что ребенку надѣдается спрашивать“.

Во второй статьѣ — „Школа и Жизнь“ Писаревъ уже приводитъ цѣлый рядъ аргументовъ противъ естествознанія въ средней школѣ. Значеніе естествознанія въ системѣ общаго образованія Писаревымъ здѣсь подчеркивается попережнему, но оно переносится цѣликомъ въ высшую школу, что не вполнѣ согласуется съ тѣмъ утвержденіемъ, которое онъ высказалъ раньше.

Естествознание, по его мнѣнію, нельзя ввести въ среднюю школу, при современныхъ условіяхъ, во-первыхъ, потому, что на него отводится страшно мало времени: на восемь естественныхъ наукъ столько же часовъ, сколько на одинъ французскій языкъ; во-вторыхъ, Писаревъ, нѣсколько противорѣча себѣ, не находитъ матеріала для занятій естествознаніемъ съ дѣтьми перваго класса.

Однимъ изъ самыхъ яркихъ доводовъ въ пользу неумѣстности естественной исторіи въ школѣ, по Писареву, является необходимость для преподавателей замалчивать многіе факты изъ области физиологии животныхъ — половыя отношенія, факты эмбриологии и дѣторожденія и т. д.

Наконецъ Писаревъ полагаетъ, что преподаватели, давая дѣтямъ только „жалкіе лохмотья великой науки“, будутъ „подкрашивать эти лохмотья такъ, чтобы они дѣйствовали на чувство и воображеніе учениковъ именно съ той стороны, съ которой желательно на нихъ подѣйствовать“. Изученіе природы, такимъ образомъ, превратится въ „шатобрановскія и ламартиновскія сахарно слезливыя медитации“, отъ которыхъ, конечно, образовательнаго вліянія ждать нечего.

Естественная исторія изъ школы упраздняется, и на ея мѣсто вводится въ „колоссальныхъ размѣрахъ“ математика, которая должна подготовить дѣтей къ изученію природы въ высшей и отчасти въ средней школѣ (физика съ космографіей).

Несомнѣнно, здѣсь есть противорѣчія. Чѣмъ они вызываются? Прежде всего, отмѣтимъ, въ первой статьѣ писатель строить свой идеаль школы вообще, „не заботясь о практической приложимости своего разсужденія“. Во второй статьѣ Писаревъ критикуетъ уже существующій уставъ реальныхъ училищъ. Чувствуется, что Писаревъ не вѣритъ современной школѣ, не вѣритъ въ то, что она сможетъ надлежащимъ образомъ поставить естествознаніе. Онъ какъ бы не можетъ разстаться со своимъ любимымъ дѣтищемъ и отдать его въ руки ремесленниковъ отъ педагоги, которые безповоротно скомпрометируютъ самую идею. Онъ не сказалъ этого прямо, но вся его статья проникнута этимъ чувствомъ. Характерно и то, что нигдѣ въ статьѣ онъ не мотивируетъ перемѣны своихъ взглядовъ, хотя послѣ появленія „Университетской науки“ прошло всего два года.

По тѣмъ даннымъ, которыя разбросаны Писаревымъ во всѣхъ его статьяхъ, не трудно представить, какой характеръ, по его мнѣнію, должно было носить преподаваніе естествознанія, гдѣ бы оно ни было введено, — въ средней или высшей школѣ.

Оно должно быть индуктивнымъ и основано на опытѣ и наблюденіи, должно быть предметнымъ, а не словеснымъ, должно исходить изъ факта, уча видѣть, а не догадываться, должно приводить къ пониманію законмѣрности совершающагося въ природѣ.

Современные методисты естествознанія всѣ свои усилія направляютъ на то, чтобы эти идеи воплотить въ жизнь, но даже и теперь изученіе природы въ нашей средней школѣ далеко не таково, какимъ хотѣлъ бы его видѣть Писаревъ.

VIII.

Мы далеко не исчерпали всего идейнаго богатства, заключеннаго въ статьяхъ Д. И. Писарева по затронутому нами вопросу. Но и сказаннаго достаточно, чтобы оцѣнить его исключительный умъ и блестящій талантъ, позволившіе ему овладѣть методами опытныхъ наукъ и съ такой глубиной передавать ихъ въ своихъ работахъ.

Шелгуновъ въ своихъ воспоминаніяхъ бросилъ слѣдующую пессимистическую мысль о Писаревѣ: „Пройдетъ нѣсколько лѣтъ, — и его такъ же не будутъ читать, какъ не будутъ читать и тѣхъ авторовъ, о которыхъ онъ писалъ“. Дѣйствительность не оправдала этого предсказанія. Обаяніе статей Писарева, значительныхъ и глубокихъ по содержанию, блестящихъ, но въ то же время простыхъ по формѣ, еще не исчезло и — кто знаетъ! — можетъ быть, переживетъ славу многихъ корифеевъ современности. Пусть часть нашей интеллигенціи съ пренебреженіемъ смотритъ на Писарева съ эстетическихъ и мистическихъ высотъ, пусть 75-лѣтіе со дня его рожденія забыто почти всею русской прессой, — мы не сомнѣваемся, что многія статьи Писарева, особенно по естествознанію, не потеряли

своего значенія и для современнаго намъ читателя. Несомнѣнно, Писаревъ во многомъ ошибался, бывалъ одностороннимъ, онъ не уловилъ тѣхъ новыхъ идей коллективизма, которыя въ его время уже вполнѣ окристаллизовались на Западѣ, онъ явно недооцѣнивалъ значенія искусства, но все же память о немъ, какъ борца за демократизацию науки, за освобожденіе личности и уничтоженіе „гибельнаго разрыва между трудомъ мозга и трудомъ мускуловъ“, жива и по сей день.

А. Пинкевичъ.

ВОЙНА И НАША ВАЛЮТА.

Валютные вопросы въ настоящее время вызываютъ, несомнѣнно, повышенный интересъ. Не только въ специальныхъ экономическихъ периодическихъ изданияхъ или въ ежемѣсячныхъ журналахъ, но и въ газетахъ постоянно встрѣчаются статьи, трактующія валютные вопросы. Кромѣ того, зашевелились замолкнувшие было сторонники бумажной валюты, и вновь раздаются ихъ голоса.

Теперь, когда прошло уже больше года съ начала войны, имѣется возможность подвести кое-какіе итоги относительно положенія валюты.

I.

Размѣръ кредитныхъ билетовъ на золото былъ приостановленъ „временно впредь до минованія чрезвычайныхъ обстоятельствъ“ 23 июля 1914 года въ порядкѣ 87 ст. осн. зак., и тогда же расширено эмиссионное право Государственного банка на 1200 мил. руб. Такимъ образомъ, банкъ имѣлъ право выпуска кредитныхъ билетовъ при наличности покрытия въ 300 мил. руб. на 1800 мил. руб. (600 мил. руб. при условіи покрытия на 50%—1200 мил. руб. на основаніи закона 23 июля). Тѣмъ же закономъ Государственному банку предоставлялось „учитывать краткосрочныя обязательства Государственнаго казначейства „въ размѣрѣ, вызываемомъ потребностями военнаго времени“, т. е., иными словами, въ неограниченномъ количествѣ. Затѣмъ, 17 марта 1915 года, опять въ порядкѣ 87 ст., эмиссионное право Государственного банка было повышено еще на 1000 мил. руб. Такимъ образомъ, банкъ могъ выпустить кредитныхъ билетовъ на 2800 мил. руб. при покрытіи золотомъ въ 300 мил. руб. Выпуски же кредитныхъ билетовъ сверхъ указаннаго количества должны были быть покрыты полностью. Далѣе, въ сессію Государственной Думы, начавшуюся 19 июля, эмиссионное право Государственного банка вновь было увеличено на 1000 мил. руб., — слѣдовательно, при 300 миллионахъ покрытия Государственный банкъ могъ выпустить кредитныхъ билетовъ на 3800 мил. руб. Такова, въ краткихъ чертахъ, эволюція эмиссионнаго права Государственного банка за первый годъ войны.

Спрашивается, каковы же причины троекратнаго расширенія контингента? Отвѣтъ на этотъ вопросъ могутъ дать цифры балансовъ Государственного банка.

Мы приводимъ здѣсь данныя о важнѣйшихъ операціяхъ Государственнаго банка, при чемъ нами взяты ариѳметическія среднія за каждый мѣсяць, исчисленныя на основаніи ежедневныхъ балансовъ банка, а также процентное отношеніе металлическаго покрытия къ выпущеннымъ въ обращеніе кредитнымъ билетамъ.

Вотъ эти данныя:

Движеніе операций Гос. банка за 1915 г. по мѣсяцамъ (въ мил. руб.)

мѣсяцы.	Злото	Злото за границей	Векселя.	Краткосрочныя обязательства Гос. казначейства.	Ссуды подъ процентъ въ бумажн.	Ссуды подъ товары.	Кредиты на билеты.	Процентъ по отношению къ кредит. билет.
Январь . . .	1 557,82	157,92	579,51	775,31	233,06	112,07	3 020,82	51,56
Февраль . . .	1 568,90	139,84	536,81	1 042,61	199,99	103,20	3 089,61	50,78
Мартъ . . .	1 568,98	139,80	498,13	1 153,89	307,13	93,61	3 209,61	48,83
Апрѣль . . .	1 571,19	139,53	422,91	1 408,49	264,24	80,10	3 306,29	47,82
Май	1 572,53	138,63	401,67	1 570,39	527,32	65,60	3 406,71	46,16
Іюнь	1 575,74	111,95	415,50	1 557,09	581,87	57,74	3 568,30	43,32
Іюль	1 579,71	93,46	402,14	1 787,73	550,84	54,02	3 818,38	41,37
Августъ . . .	1 584,90	70,82	388,00	2 310,49	528,93	50,91	4 044,44	39,18

Обращаясь къ рассмотрѣнію этихъ данныхъ, мы должны прежде всего отмѣтить, что коммерческія операціи сильно сократились. Именно, учетъ векселей упалъ съ 579 мил. руб. до 388 мил. руб., — пониженіе на 191,51 милл. руб.; ссуды подъ товары упали съ 112 мил. руб. до 50,94 мил. руб., — пониженіе 61,13 мил. руб.; всего пониженія по обѣмъ операціямъ составляли 252,64 милл. руб. Обѣ указанныя операціи являются чисто коммерческими. Пониженіе ихъ вполнѣ понятно. Война, несомнѣнно, повлѣяла подавляюще на экономическую жизнь и вызвала состояніе депрессіи. Однако, если мы обратимся къ ссудамъ подъ процентныя бумаги, то здѣсь мы увидимъ довольно значительное повышеніе, а именно, съ 1 января 1915 года по 1 августа онѣ возрасли на 295,87 мил. руб. Не останавливаясь на причинахъ возрастанія этой операціи, мы можемъ установить слѣдующее: общее движеніе рассмотрѣнныхъ коммерческихъ операцій даетъ въ результатъ незначительное возрастаніе въ 43,23 мил. руб. (возрастаніе по ссудамъ подъ процентныя бумаги на 295,87 мил. руб. — пониженіе по вексельной и товарно-ссудной операціи 252,64 мил. руб.).

Если же мы обратимся къ рубрикѣ кредитныхъ билетовъ, то увидимъ, что съ января по іюль количество ихъ возросло на 1023,62 мил. руб. Очевидно, что такое громадное возрастаніе ихъ не можетъ быть вызвано увеличеніемъ коммерческихъ операцій на 43,23 мил. руб. Слѣдовательно, объясненія этого обстоятельства мы должны искать въ другихъ операціяхъ Государственнаго банка.

Обращаясь къ его балансамъ, мы находимъ тамъ новую рубрику „краткосрочныхъ обязательствъ Государственнаго казначейства, учтенныхъ въ Государственномъ банкѣ“.

Что это за обязательства — станетъ ясно, если вспомнить, что, согласно закону 23 июля 1914 года, Государственному банку предоставлено учитывать краткосрочныя обязательства Государственнаго казначейства „въ размѣрѣ, вызываемомъ потребностями военного времени“. По балансамъ, эти обязательства за январь 1915 года составляли 775,31 мил. руб., за августъ 2310,49 мил. руб., увеличение количества ихъ составляетъ 1535,18 мил. руб. Здѣсь и разгадка причины увеличения количества кредитныхъ билетовъ: оно объясняется исключительно необходимостью покрывать военные расходы. Не трудно и рпои видѣть, что количество находящихся въ обращеніи кредитныхъ билетовъ далеко превышаетъ потребности оборота. Въ самомъ дѣлѣ, до войны, въ періодъ хозяйственнаго подъема, имѣлось въ обращеніи кредитныхъ билетовъ по балансу Государственнаго банка на 16 июля 1914 года 1633,35 мил. руб. Считая, что, кромѣ того, въ оборотѣ имѣлось около 300 мил. руб. золота, мы получимъ сумму 1933,37 мил. руб. Золото въ настоящее время исчезло изъ оборота по причинамъ, которыхъ мы коснемся въ дальнѣйшемъ. Такимъ образомъ, мы можемъ считать, что количество циркулирующихъ денегъ возрасло съ 1933,37 мил. руб. до 4621,75 мил. руб. *. Увеличение составляетъ 2688,38 мил. руб. . . . . .

. . . Оживленіе нѣкоторыхъ отраслей промышленности, занятыхъ изготовленіемъ предметовъ снабженія армии, конечно, не можетъ потребовать такого грандіознаго увеличенія кредитныхъ билетовъ. Итакъ, кредитныя билеты выпускаются не для обслуживания оборота, а независимо отъ послѣдняго — для покрытія расходовъ военного времени. Кромѣ того, дѣло значительно осложняется еще положеніемъ Государственнаго банка. Обыкновенно эмиссионный банкъ является независимымъ учрежденіемъ, находящимся подъ контролемъ правительства. Такъ поставлено дѣло въ Англии, Франціи, Бельгии, Итали, Германіи, Австріи. Не то мы видимъ у насъ: Государственный банкъ непосредственно подвѣдомственъ министру финансовъ и, слѣдовательно, въ соотвѣтствіи со своимъ названіемъ, является учрежденіемъ государственнымъ, а поэтому неразмѣнныя кредитныя билеты являются государственными бумажными деньгами. Это даетъ возможность министру финансовъ при всякомъ затрудненіи прибѣгать къ устраненію его посредствомъ печатнаго станка Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. Правда, соединенныя комиссіи Государственной Думы, бюджетная и финансовая, высказали пожеланіе, чтобы расширеніе эмиссионнаго права Государственнаго банка происходило въ нормальномъ законодательномъ порядкѣ. Но контроль Государственной Думы весьма ограниченъ, такъ какъ въ случаѣ ея несогласія на расширеніе эмиссіи всегда имѣется ст. 87 основныхъ законовъ. Въдѣ прецедентъ уже налицо.

* Количество кредитныхъ билетовъ по балансу Государственнаго банка на 16 сентября 1915 года.

Правда, въ началѣ войны необходимо было провести приостановку размѣна и расширение эмиссии возможно быстро, такъ какъ всякое промедленіе грозило значительными осложнениями. Но этихъ мотивовъ не было и не могло быть, когда былъ изданъ въ порядкѣ 87 ст. законъ 17 марта 1915 года.* Государственной Думѣ, когда этотъ законъ былъ представленъ ей на утверждение, ничего не оставалось, какъ санкционировать его *post factum*. Эта возможность безконтрольно распоряжаться эмиссионнымъ правомъ Государственнаго банка, предоставленная министру финансовъ, несомнѣнно, является однимъ изъ самыхъ больныхъ мѣстъ устава банка, — наслѣдіемъ дореформеннаго времени. При реформѣ нашего Государственнаго банка С. Ю. Витте не рѣшился порвать съ установившимся порядкомъ, и реформированный банкъ остался подвѣдомственнымъ министру финансовъ.

.....
. . . . .
Выпускъ бумажныхъ денегъ на покрытие военныхъ расходовъ — явленіе хорошо намъ знакомое. Эта мѣра примѣнялась уже Екатериною II. Далѣе, въ періодъ 1812—1818 годовъ производились безпрестанные выпуски ассигнацій, вызванные Наполеоновскими войнами. То же мы видимъ и во время Крымской кампании. Съ 1853 по 1857 годъ количество кредитныхъ билетовъ возрасло на 401,9 мил. руб. Затѣмъ Русско-Турецкая война опять повела къ усилению выпусковъ кредитныхъ билетовъ, при чемъ количество ихъ за періодъ съ 1877 по 1879 годъ увеличилось на 398,1 мил. руб.**. Итакъ, мы можемъ установить, что Государственный банкъ вновь вступилъ теперь на путь выпуска бумажныхъ денегъ для военныхъ надобностей, путь весьма удобный для финансоваго вѣдомства. . . . .

Конечно, настоящая война, безпримѣрная по своимъ размѣрамъ, требуетъ и безпримѣрныхъ затратъ. Поэтому обойтись совершенно безъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ на военныя надобности врядъ ли было возможно. Но необходимо было соблюдать при этомъ величайшую осторожность и по мѣрѣ возможности изыскивать другіе пути. Этого, однако, не было сдѣлано. Къ этому вопросу мы, впрочемъ, еще вернемся, а теперь посмотримъ, какъ отозвалось на цѣнности валюты отмѣченное выше возрастаніе количества кредитныхъ билетовъ.

II.

Вотъ какъ характеризуетъ создавшееся нынѣ положеніе въ „Новомъ Экономистѣ“ г. Меньковъ. Послѣ перехода къ бумажно-денежному режиму „послѣдовали миллиардные выпуски бумажныхъ денегъ, каналы денежнаго обращенія полнымъ-полно переполнились ими, перейдены на этомъ пути разумные предѣлы, инфля-

* Докладъ по законопроекту о расширеніи предоставленнаго Государственному банку права выпуска государственныхъ кредитныхъ билетовъ, стр. 7.

** Миклашевский, I. с., стр. 585 и сл. и табл. А.

ция бумажно-денежнаго обращенія въ острой и опасной для народнаго хозяйства формѣ налицо со всѣми своими характерными признаками: быстрымъ ростомъ вексельныхъ курсовъ, появленіемъ премии на золото, исчезновеніемъ золотой, а въ нѣкоторыхъ странахъ (между прочимъ въ Россіи. Г. З.) и высокопробной серебряной монеты и, наконецъ, революционнымъ ростомъ товарныхъ цѣнъ.*

* Такова общая характеристика настоящаго положенія дѣла.

Выпуски бумажныхъ денегъ, какъ мы отмѣтили выше, далеко иррвышаютъ потребности оборота, а увеличение количества бумажныхъ денегъ сверхъ потребностей оборота является главнымъ факторомъ ихъ обезцѣненія. Происходитъ какъ бы автоматическое приспособленіе имѣющагося налицо количества бумажныхъ денегъ къ потребностямъ оборота, путемъ уменьшенія ихъ цѣнности, что находитъ свое выраженіе, съ одной стороны, въ появленіи даже на полноцѣнную, въ данномъ случаѣ золотую, монету, съ другой — въ ростѣ товарныхъ цѣнъ. . . . .

. . . . . Что касается товарныхъ цѣнъ, то невѣроятное ихъ повышение за послѣднее время достаточно извѣстно. Конечно, дороговизна вызвана отнюдь не только обезцѣненіемъ кредитныхъ билетовъ. Несомнѣнно, тугъ играютъ роль и другіе факторы, какъ-то: дезорганизация желѣзнодорожнаго сообщенія, спекуляція, ведущаяся оптовиками при благосклонномъ участіи коммерческихъ банковъ и отчасти самими коммерческими банками черезъ подставныхъ лицъ. „Извѣстно, что опредѣленные банки спекулируютъ хлѣбомъ, мясомъ и другими товарами первой необходимости. По поводу банковской спекуляціи съ сахаромъ министръ финансовъ вынужденъ былъ даже вмѣшаться и пригрозить репрессіями.“** Но помимо этихъ факторовъ, несомнѣнно, сыграло свою роль и обезцѣненіе кредитныхъ билетовъ“. „Исторія бумажныхъ денегъ у насъ, въ Россіи, съ правильностью отмѣчаетъ значительное вздорожаніе товаровъ вслѣдъ за усиленнымъ выпускомъ бумажекъ. Такъ было въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II послѣ выпуска ассигнацій, паденіе стоимости которыхъ, послѣ значительнаго увеличенія ихъ количества, особенно при Александрѣ I (подъ вліяніемъ непрерывныхъ войнъ), дошло до 25—26 коп. серебромъ за ассигнаціонный рубль. Цѣны товаровъ соотвѣтственно росли. То же наблюдалось послѣ Крымской и Турецкой войнъ, когда кредитные билеты выпускались въ повышенномъ количествѣ“.***) Это обычное явленіе имѣетъ мѣсто и въ настоящее время. „Официальный органъ министерства финансовъ („Торгово-Промышленная Газета“) прямо констатируетъ, что общій подъемъ цѣнъ въ Россіи составляетъ 15—20% въ среднемъ. Но это какъ разъ среднее паденіе

* „Новый Экономистъ“, № 35.

** Докладъ по законопроекту о расширеніи предоставленнаго Государственному банку права выпуска гос. кред. бил., стр. 15.

*** Цит. докладъ, стр. 15.

нашей валюты на международномъ рынкѣ.* Конечнo, эти данныя не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что повышение товарныхъ цѣнъ строго пропорционально росту количества бумажныхъ денегъ. Ростъ товарныхъ цѣнъ идетъ неравномѣрно: одни товары повышаются въ цѣнѣ сильнѣе, чѣмъ другіе. Сначала повышение касается привозныхъ товаровъ и затѣмъ постепенно, благодаря связи между отдѣльными хозяйственными отраслями, захватываетъ все новыя и новыя категории товаровъ. Понятно, что страдаетъ отъ такого движенія товарныхъ цѣнъ, главнымъ образомъ, рабочій классъ, а также классы населенія, получающіе фиксированный доходъ. Въ настоящее время хуже всего приходится именно послѣднимъ. Рабочіе пострадали сравнительно меньше, такъ какъ война, оторвавъ множество рукъ отъ производительнаго труда, создала крайній недостатокъ въ рабочихъ силахъ. Это, естественно, повело къ чрезвычайно сильному повышению заработной платы, такъ что ежедневный заработокъ въ 6—7 руб. является въ настоящее время среднимъ для квалифицированнаго рабочаго. Фиксированные же доходы, если и возрасли, то очень немного и, конечно, не настолько, чтобы компенсировать для ихъ получателей повышение товарныхъ цѣнъ.

Какъ мы указали выше, обезцѣнение бумажныхъ денегъ происходитъ не только относительно товаровъ, но также относительно полноцѣнной монеты и валютнаго металла. Иными словами, — устанавливается лажа на золото. Обезцѣнение кредитныхъ билетовъ относительно товаровъ, какъ мы видѣли, имѣетъ мѣсто; слѣдовательно, должно быть и обезцѣнение относительно золота.

Что касается установленія лажа на золотую монету, то его непосредственно констатировать невозможно. Дѣло въ томъ, что до 12 января 1915 года золото обмѣнивалось въ случаѣ представленія его въ Государственный банкъ по нарицательной стоимости на кредитные билеты, т. е. происходилъ обмѣнъ полноцѣнной монеты на неразмѣнныя бумажныя деньги, обезцѣненіе которыхъ уже началось. Естественно, что результатомъ такой политики Государственнаго банка было то, что золотая монета быстро исчезла изъ оборота. Кромѣ того, тутъ необходимо принять во вниманіе и другое обстоятельство. Дѣло въ томъ, что при всякихъ платежахъ должнику выгоднѣе платить болѣе дешевыми или „худшими“ деньгами, т. е., въ данномъ случаѣ, кредитными билетами, а не золотомъ. Благодаря этому золотая монета была демонетизирована для внутренняго оборота, была изъята изъ обращенія держателями ея. Такимъ образомъ, золото было вытѣснено изъ обращенія кредитными билетами, т. е. сказалося дѣйствіе знаменитаго закона Грешема, гласящаго: „money of less value drives out money of more value“.**

* П. П. Мигулинъ. Бумажныя деньги. „Новый Экономистъ“, № 15. Курсивъ автора.

** Лучшія деньги изгоняются изъ обращенія худшими.

Но такъ какъ обмѣнъ золота на кредитные билеты по нарицательной стоимости привелъ къ тому, что въ кассы Государственнаго банка золото вовсе не попадало, а увеличение золотого резерва было весьма желательно, то не оставалось ничего другого, какъ признать совершившійся фактъ обезцѣненія кредитныхъ билетовъ относительно золота. Этому рода признаніе могло выразиться только въ установленіи лажа. Последнее же можетъ быть совершено двоякимъ образомъ. Возможно прямое установленіе лажа путемъ выдачи за золотую монету кредитныхъ билетовъ болѣе, чѣмъ на нарицательную стоимость, т. е. установленіе премии на золото. Но этотъ способъ нѣсколько рискованъ, такъ какъ чрезвычайно трудно зафиксировать лажъ. При установленіи лажа ниже существующаго на рынкѣ, эта мѣра ни къ чему не поведетъ, и золото не будетъ поступать въ кассы Государственнаго банка. При установленіи же болѣе высокаго лажа золото поступать будетъ, но еще болѣе обезцѣнятся кредитные билеты. Впрочемъ, министерство финансовъ отказалось отъ прямого установленія лажа не по указаннымъ выше причинамъ, а изъ боязни, что официальное установленіе лажа окончательно подорветъ довѣріе къ нашей валютѣ за границею.

Итакъ, путь прямого установленія лажа былъ отвергнутъ. Остался другой путь, а именно косвенное установленіе лажа; этотъ путь и избрало министерство. Въ засѣданіи финансоваго комитета 12 января 1915 года рѣшено было выдавать въ обмѣнъ на золото иностранную валюту по теоретическому паритету съ удержаніемъ 2⁰/₀ комиссіонныхъ. Какъ мы увидимъ въ дальнѣйшемъ, эта мѣра мало помогла при привлеченіи золота. Теперь же для насъ важно то, что тѣмъ или инымъ способомъ былъ косвенно установленъ лажъ на золото. Дѣло въ томъ, что наша валюта за границей обезцѣнена довольно сильно. Въ среднемъ можно считать, что на дружественныхъ намъ рынкахъ, лондонскомъ и парижемскомъ, она упала на 20—30⁰/₀ противъ теоретическаго паритета. Слѣдовательно, если при такомъ положеніи дѣла сначала обмѣнять золото на иностранную валюту въ Государственномъ банкѣ, а послѣднюю продать эту валюту за кредитные билеты, то очевидно, что въ результатѣ сумма, полученная отъ этой операци, не будетъ соответствовать нарицательной стоимости золотой монеты, а будетъ на столько больше ея, на сколько иностранная валюта на нашемъ рынкѣ расцѣнивается выше теоретическаго паритета за вычетомъ 2⁰/₀ комиссіонныхъ.

Поясимъ это примѣромъ. Положимъ, въ Государственный банкъ представлено 100 руб. золотомъ и на эту сумму выдана англійская валюта по теоретическому паритету. На кредитные билеты англійская валюта расцѣнивается на 20⁰/₀ дороже паритета. Слѣдовательно, при продажѣ валюты, полученной за 100 руб. золотомъ, владѣлецъ ея получитъ 120 руб. кредитными билетами, за вычетомъ двухъ руб. комиссіонныхъ, что составитъ 118 руб. кредитными билетами. Въ конечномъ итогѣ этой операци получено 118 руб. кре-

дитными билетами за 100 руб. золота, — слѣдовательно, премія на золото составитъ въ разсматриваемомъ примѣрѣ 18 руб.

А разъ это такъ, то ясно, что обмѣнъ золота на иностранную валюту, въ сущности, является не чѣмъ инымъ, какъ косвеннымъ признанемъ со стороны министерства финансовъ лажа, установившагося помимо его влянія на рынкѣ.*

Кромѣ этого, имѣются и другія данныя, позволяющія утверждать, что кредитный рубль обезцѣненъ относительно золота, а именно цѣна золота, идущаго для промышленныхъ надобностей. „До войны шливое золото 890—895 пробы продавалось у насъ на рынкѣ, въ качествѣ материала для ювелирныхъ издѣлій, по 5 руб. 30 коп. — 5 руб. 50 коп. за золотникъ... Въ настоящее время (сентябрь 1915 года Г. З.) за то же золото въ Петроградѣ ювелиры платятъ 7 руб. 50 коп. — 7 руб. 70 коп. за золотникъ.“ **

Итакъ, цѣна золота для промышленныхъ надобностей, какъ мы видимъ, повысилась на 2 р. 20 к. за золотникъ, что составляетъ надбавку на цѣну до войны въ 5 р. 30 к. — 5 р. 50 к., равняющуюся приблизительно 40⁰/₁₀₀. Слѣдовательно, и цѣна золота, какъ товара, указываетъ на то, что кредитные билеты относительно золота обезцѣнены.

Резюмируя все вышесказанное, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ: наша валюта значительно упала въ цѣнѣ внутри страны, что нашло свое выражение: 1) въ ростѣ товарныхъ цѣнъ и 2) въ установлении лажа на золото. Причинами, вызвавшими указанное обезцѣнение, являются 1) увеличение количества кредитныхъ билетовъ свыше потребностей оборота для покрытия военныхъ расходовъ.

Таково положеніе валюты во внутреннемъ оборотѣ. Но, кромѣ внутренняго рынка, существуетъ и рынокъ внѣшній, на которомъ также производится оцѣнка нашей валюты, находящая свое выраженіе въ движеніи вексельныхъ курсовъ и ихъ отношеніи къ теоретическому паритету. Къ разсмотрѣнію вексельныхъ курсовъ мы и обратимся.

Въ нормальное время вексельные курсы опредѣляются спросомъ и предложениемъ, при чемъ размахъ ихъ колебаній заключенъ въ узкѣ предѣлы между верхней и нижней золотыми точками, при томъ условіи, конечно, что въ обѣихъ странахъ установлена золотая валюта***. Совершенно иное мы видимъ при сношеніяхъ страны съ бумажной валютой со страной, обладающей металлической валютой. Тутъ для размаха колебаній вексельныхъ курсовъ почти не имѣется границъ.

* Въ настоящее время установлена и прямая премія на золото, сдаваемое въ казенныя золотосплавочныя лаборатории и монетный дворъ въ количествѣ не менѣе 1 фунта чистаго золота, причемъ размѣръ ея опредѣленъ въ 30⁰/₁₀₀ (Т. Пр. Ф № 262). Насколько эта мѣра будетъ способствовать привлеченію золота въ Государственный банкъ покажетъ будущее.

** „Новый Экономистъ“, № 38. Ф. Меньковъ. Инфляція бумажно-денежнаго обращенія и мѣры борьбы съ нею.

*** Г. Гешенъ. Теорія вексельныхъ курсовъ. Изд. Неклюдова 1867 г., стр. 62.

Регулируются въ данномъ случаѣ вексельные курсы факторами, которые при золотой валютѣ могутъ быть не принимаемы въ расчетъ. Огромную роль играютъ довѣріе къ странѣ, обладающей бумажною валютою, и надежда на восстановление размѣна. Далѣе — учитываются и политическія событія. Затѣмъ весьма важенъ въ этомъ случаѣ торговый балансъ.

Вотъ данныя по внѣшней торговлѣ Россіи по европейской границѣ съ 1 января по 30 августа текущаго года. Вывозъ составлялъ 150 690 тыс. руб., ввозъ 299 703 тыс. руб., превышеніе ввоза надъ вывозомъ 149 004 тыс. руб. Такимъ образомъ, мы видимъ, что торговый балансъ для насъ явно неблагопріятенъ. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ въ распоряженіи данныхъ относительно ввоза и вывоза по азиатской границѣ. Но можно предполагать, что и тамъ наблюдается та же картина. Покрывать ввозъ путемъ вывоза въ данномъ случаѣ врядъ ли возможно, такъ какъ на наше сырье ни въ Японіи, ни въ Соединенныхъ Штатахъ не можетъ быть спроса.

Совокупность всѣхъ указанныхъ обстоятельствъ должна невыгодно вліять на курсъ нашей валюты, какъ это видно изъ приведенныхъ ниже данныхъ.

Курсъ рубля на лондонской и парижской биржахъ съ 16 марта по 13 апрѣля въ ‰‰‰*.

	16 мар.	23 мар.	30 мар.	6 апр.	13 апр.
Лондонъ.					
Цѣнность въ ‰‰‰ .	83,48	82,63	83,00	82,63	83,00
Потеря въ ‰‰‰ . .	16,52	17,37	17,00	17,37	17,00
Парижъ.					
Цѣнность въ ‰‰‰ .	83,43	83,06	83,43	83,43	83,43
Потеря въ ‰‰‰ . .	16,57	16,94	16,57	16,57	16,57

Согласно свидѣтельству „Новаго Экономиста“ **, 7 июля потеря цѣнности рубля составляла 38‰. Таково положеніе нашей валюты на дружественныхъ рынкахъ. Если же мы обратимся къ нейтральному рынку Нью-Йорка, то и тамъ мы увидимъ ту же картину.

Курсъ рубля на Нью-Йоркской биржѣ за 4 мѣсяца съ 8 апрѣля по 19 августа въ ‰‰‰.

Мѣсяць Число.	Апрѣль.			М а й.			І ю н ъ.			
	8	16	22	14	20	27	3	9	23	25
Цѣнность въ ‰‰‰	81,03	79,69	78,24	76,80	72,96	73,92	73,92	73,92	71,04	61,44
Потеря въ ‰‰‰	18,97	20,31	21,76	23,20	27,04	26,08	26,08	26,08	28,96	38,56
Мѣсяць Число.	І ю л ь.			А в г у с т ь.						
	8	15	22	6	11	19				
Цѣнность въ ‰‰‰ . .	62,88	62,40	65,28	65,28	66,25	65,28				
Потеря въ ‰‰‰ . . .	37,12	37,60	34,72	34,72	33,75	34,72				

Таково положеніе нашей валюты на заграничныхъ рынкахъ. Какъ видимъ, оно вполне соотвѣтствуетъ обезцѣненію ея на внутреннемъ рынкѣ.

* „Новый Экономистъ“, № 16.

** № 36.

III.

Вопросомъ огромной важности является состояние металлическаго резерва эмиссионнаго банка и процентное отношение его къ выпущеннымъ банкнотамъ. Бумажная валюта рассматривается какъ временное явление. Открытие же размѣна возможно только при условии достаточной металлической наличности. Особенно вѣрно это положеніе въ томъ случаѣ, если довѣріе къ валютѣ пошатнулось. Въ такомъ случаѣ открытіе размѣна неминуемо вызоветъ усиленное предъявленіе бумажныхъ денегъ къ размѣну: каждый будетъ стремиться сбыть съ рукъ бумажки и получить взаменъ полноценную монету. Если размѣнный фондъ недостаточенъ, то онъ быстро истощится, размѣнъ будетъ прекращенъ, курсъ бумажныхъ денегъ упадетъ, полноценная монета исчезнетъ изъ оборота, и положеніе валюты, въ общемъ, будетъ хуже, чѣмъ до открытія размѣна, такъ какъ уже не будетъ размѣннаго фонда, и бумажная валюта воцарится на долгое время.

Достаточно указать хотя бы на попытку возобновленія размѣна у насъ въ 1862—63 годахъ. На 1 января 1862 года состояло выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ 713 мил. руб. при размѣнномъ фондѣ въ 80 мил. руб.*. Конечно, такая попытка не можетъ быть названа иначе, какъ безумною. Результатомъ было то, что размѣнный фондъ быстро изсякъ, и размѣнъ былъ прекращенъ. Что же касается стоимости кредитнаго рубля въ металлическихъ копейкахъ, то она съ 89,62 коп. въ 1862 году поднялась до 94,65 коп. въ 1863 году, но уже въ 1864 году упала до 84,19 коп., т. е. ниже, чѣмъ она стояла за все время существованія кредитныхъ билетовъ съ 1843 года; затѣмъ въ 1865 году она составляла 81,39 коп., въ 1866 году 76,35 к. и только въ 1867 году поднялась до 84,03 коп.**. Правда, въ 1866 году началась Австро-Прусская война, и сильное паденіе курса въ этомъ году отчасти объясняется послѣдней. Но если даже оставить въ сторонѣ 1866 годъ, то все же оцѣнка кредитнаго рубля за 1864 и 1865 годы достаточно характерна. Неудачная попытка размѣна въ результатѣ вызвала рѣзкое пониженіе курса бумажнаго рубля.

Обращаясь къ разсмотрѣнню нашего золотого резерва, мы замѣчаемъ, что онъ понизился какъ абсолютно, такъ и относительно. Такъ, по балансу на 16 іюля 1914 года, т. е. послѣднему балансу до войны, золота значилось на 1 603,66 мил. руб., по балансу на 16 сентября 1915 года — 1 590,79 мил. руб., пониженіе 12,87 мил. руб. При этомъ не принято во вниманіе золото за границей, сумма котораго понизилась весьма значительно. По балансу на 16 іюля 1914 года его имѣлось на 140,79 мил. руб., по балансу на 16 сентября 1915 года 38,49 мил. руб., пониженіе составляетъ 102,30 мил. руб.

* И. И. Кауфманъ. Бумажныя деньги въ Австріи. Стр. 73.

** Миклашевскій, е. с., табл. А.

Слѣдовательно, общее пониженіе количества золота составляетъ 115,17 мил. руб. Что же касается пониженія золота относительно выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ, то представленіе объ этомъ могутъ дать слѣдующія данныя *.

Въ среднемъ за июнь 1914 года находилось въ обращеніи непокрытыхъ билетовъ на 41,07 мил. руб., за январь 1915 года на 1463,00 мил. руб. и за августъ 2459,54 мил. руб. Слѣдовательно, количество непокрытыхъ кредитныхъ билетовъ возрасло съ июня 1914 до августа 1915 года на 2418,47 милл. руб.

Картину движенія процентнаго отношенія золота къ кредитнымъ билетамъ даетъ имѣющаяся въ началѣ таблица. За январь золотое обезпеченіе составляло 51,56%, за августъ уже только 39,18%, пониженіе 12,38%. За июнь 1914 года обезпеченіе составляло 90,74%, пониженіе за все время войны составляетъ 51,56%.

Обращаясь къ сравненію съ состояніемъ золотого резерва французскаго и германскаго имперскаго банковъ, мы видимъ слѣдующее. Къ 16 июля 1914 года (по нов. ст.) во французскомъ банкѣ покрытіе золотомъ составляло 67,7%, къ 15 января 1915 года (нов. ст.) 40,4% и къ 24 июня (нов. ст.) 32,4%. Слѣдовательно, пониженіе за все время войны составляетъ 35,3%, т. е. на 16,2% меньше, чѣмъ у насъ **.

Въ германскомъ имперскомъ банкѣ къ 15 июля 1914 года (всѣ даты по новому стилю) покрытіе составляло 67,3% по отношенію къ банкнотамъ и 61,8% по отношенію ко всѣмъ видамъ бумажныхъ денегъ, къ 31 декабря 1914 года 41,5% и 36,5% и наконецъ 23 июня 1915 года 45,7% и 38,1%. Пониженіе покрытія за все время войны составляетъ по отношенію къ банкнотамъ 21,6% и по отношенію ко всѣмъ видамъ бумажныхъ денегъ 23,7%. Абсолютное же возрастаніе золотого запаса составляетъ 1041 мил. марокъ ***.

Если выпуски кредитныхъ билетовъ будутъ продолжаться, то обезпеченіе ихъ золотомъ, конечно, будетъ падать все больше и больше, а это явится весьма серьезнымъ препятствіемъ для возобновленія размѣна. На вопросъ, каково должно быть покрытіе при возобновленіи, отвѣтить весьма трудно. Все зависитъ отъ того, при какихъ условіяхъ будетъ открытъ размѣнъ. Если размѣнъ будетъ открытъ *à pari* при обезцѣненной валютѣ, то, можетъ быть, и покрытія въ 50—60% не хватить. При девальвации же и прекращеніи дальнѣйшихъ выпусковъ бумажныхъ денегъ для нуждъ казны возможно, что достаточно будетъ покрытія въ 30%. Поэтому намъ кажется, что соединенныя комиссіи бюджетная и финансовая врядъ ли стали на правильную точку зрѣнія, заявивъ, что „не должно допускать, чтобы обезпеченность... падала ниже 30%, что будетъ примѣрно

* Въ дальнѣйшемъ мы при всѣхъ расчетахъ не принимаемъ во вниманіе золота за границей.

** См. цит. докладъ, стр. 3.

*** Цит. докладъ, стр. 2.

соотвѣтствовать установленному германскимъ эмиссионнымъ закономъ обезпеченію въ 33,3%*... Противъ этого положенія можно выдвинуть два возраженія: 1) германскій законъ, предусматривающій покрытие въ $\frac{1}{3}$, рассчитанъ на нормальное функционированіе денежнаго аппарата и 2) какъ мы уже указывали, норма покрытия, необходимая при возобновленіи размѣна, должна быть установлена въ зависимости отъ условій открытія размѣна. Норма же въ 30% является чисто случайною. Никакого основанія для принятія этой нормы соединенныя комиссія не выставили, да и не могли выставить. Да, впрочемъ, третичное покрытие вовсе не является общепринятымъ. Во Франціи вообще не существуетъ законной нормы покрытия; тамъ просто устанавливается опредѣленный контингентъ эмиссии, который можетъ быть измѣненъ только законодательнымъ порядкомъ. Въ Бельгіи установлено покрытие въ 40%, но не съ суммы эмиссии, а со всѣхъ обязательствъ эмиссионнаго банка. Въ Австро-Венгрии принято покрытие въ $\frac{2}{5}$ на случай отмѣны ст. 111 устава банка, приостанавливающей размѣнность банкнотовъ на неопредѣленное время**.

Относительно нормы покрытия можно выставить только слѣдующее: для возобновленія размѣна безъ девальвации необходимо возможно большее покрытие; покрытие же въ 30% является въ этомъ случаѣ недостаточнымъ. Поэтому вопросъ объ увеличеніи золотого запаса Государственнаго банка приобретаетъ огромную важность. Но возможность увеличенія количества золота у насъ весьма ограничена. Въ самомъ дѣлѣ, около 80% всего золота сосредоточено въ Государственномъ банкѣ. Въ оборотѣ, такимъ образомъ, находится 200—250 мил. золота. Кромѣ того, золотыхъ издѣлій имѣется приблизительно на 100 мил. рублей. Всего же имѣется 300—350 мил. золота. Но золотыя издѣлія заполучить въ Государственномъ банкѣ чрезвычайно трудно. Что касается золотой монеты, то она отчасти, несомнѣнно, запряталась такъ далеко, что извлечь ее почти невозможно. При наличности этихъ условій, извлечь золота изъ оборота можно не болѣе, чѣмъ на 175—200 мил. руб.***. Далѣе, добыча золота въ Россіи даетъ не болѣе 50—60 мил. руб. въ годъ. Изъ всего сказаннаго ясно, что рассчитывать на большое увеличеніе золотого запаса Государственнаго банка изъ внутренняго оборота не приходится. Это было возможно въ Германіи, гдѣ оборотъ былъ насыщенъ золотомъ, возможно во Франціи, гдѣ въ обращеніи также имѣется значительное количество золотой монеты, но не у насъ.

А если это такъ, то необходимо ограничить выпускъ бумажныхъ денегъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ процентъ обезпеченія падетъ еще ниже, и возстановленіе размѣна придется отсрочить

* Цит. докладъ, стр. 25.

** R. G. Levy. Banques d'émission et trésors publics. — Кауфманъ. Бумажныя деньги въ Австріи.

*** „Русскія Вѣдомости“, № 219.

на неопредѣленное время. Слѣдовательно, необходимо изыскать пути, помимо выпуска кредитныхъ билетовъ, для покрытія военныхъ расходовъ. Однимъ изъ этихъ путей является заключеніе займовъ, какъ внутреннихъ, такъ, по мѣрѣ возможности, и внѣшнихъ. Но этого, однако, мало. Необходимо также привести въ болѣе или менѣе приличный видъ и нашъ бюджетъ.

Прекращеніе казенной продажи питей является, несомнѣнно, весьма благотворной и своевременной мѣрой. Но при этомъ въ доходномъ бюджетѣ оказалась брешь приблизительно въ 800 мил. руб. Сумма, конечно, не малая, и необходимо было ее какимъ-либо образомъ возмѣстить. Наиболѣе рациональнымъ было бы реформировать всю систему взиманія налоговъ и построить ее на основаніяхъ прямого подоходнаго обложенія. За цѣлый годъ, казалось бы, для этого было достаточно времени. Однако правительство избрало другой путь. „Вмѣсто составленія плана необходимыхъ финансовыхъ и хозяйственно-экономическихъ реформъ, вмѣсто энергичнаго проведенія его въ жизнь... правительство провело въ порядкѣ ст. 87 осн. зак. рядъ случайныхъ и безсистемныхъ мѣръ“..., при чемъ „почти все свелось къ самому легкому, но въ то же время и мало дѣйствительному приему простого повышенія почти всѣхъ видовъ существующихъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, пошлинъ, регалій“*.

Правда, во время июльской сессіи проектъ подоходнаго налога былъ рассмотрѣнъ въ Государственной Думѣ, но затѣмъ сессія законодательныхъ палатъ была прервана, и введеніе подоходнаго налога опять отложено на неопредѣленное время. Такимъ образомъ, мѣропріятія финансоваго вѣдомства до настоящаго времени сводятся къ тому, чтобы ставить заплаты на нашъ старый разваливающийся бюджетъ и покрывать военные, а отчасти и невоенные расходы посредствомъ выпуска бумажныхъ денегъ. Выпускъ же бумажныхъ денегъ на нужды государства является однимъ изъ самыхъ опасныхъ способовъ покрытія расходовъ, и поэтому совершенно правъ былъ проф. П. П. Мигулинъ, указывая, что „учегъ государственныхъ обязательствъ въ Государственномъ банкѣ... представляетъ собою самую опасную для прочности валюты операцію“**.

Поэтому и упомянутый авторъ настаиваетъ на нерасширеніи эмиссiоннаго права Государственнаго банка***. Но ресурсы для веденія войны необходимы. И вотъ проф. П. П. Мигулинъ не находитъ лучшаго средства создать эти ресурсы, какъ увеличить количество бумажныхъ денегъ, не расширяя, однако, при этомъ эмиссiоннаго права Государственнаго банка. Достигнуть этого можно путемъ выпуска казначейскихъ билетовъ мелкихъ купюръ. Имѣющіеся же въ обращеніи кредитные билеты рублеваго и трехруб-

* Цит. докладъ, стр. 7.

** „Новый Экономистъ“, 1914 г., № 31.

*** „Новый Экономистъ“ № 15.

леваго достоинства признаются также билетами Государственного казначейства. Такимъ образомъ, количество кредитныхъ билетовъ уменьшается, и Государственный банкъ безъ расширения эмиссионнаго права можетъ выпустить кредитные билеты крупныхъ купюръ на сумму изъятыхъ изъ его вѣдѣнія мелкихъ билетовъ. Слѣдовательно, предлагаемая проф. П. П. Мигулинымъ комбинація тоже-ственна съ тѣмъ, что продѣлало въ 1866 году правительство въ Австріи *. Мы не будемъ вдаваться въ подробную критику предлагаемой мѣры. Какъ мы уже отмѣтили выше, предлагаемая проф. Мигулинымъ мѣра сводится къ увеличенію количества бумажныхъ денегъ. Но, какъ извѣстно, цѣнность бумажныхъ денегъ въ значительной степени зависитъ отъ количества ихъ, находящагося въ обращеніи. Отсюда ясно, что предлагаемая проф. П. П. Мигулинымъ мѣра можетъ привести только къ дальнѣйшему обезцѣненію всего количества бумажныхъ денегъ, независимо отъ того, будутъ ли онѣ выпущены Государственнымъ банкомъ или казначействомъ. Намъ кажется, что приведеннаго довода достаточно, чтобы по достоинству оцѣнить рассматриваемую мѣру. Что же касается податнаго обезпеченія билетовъ Государственного казначейства, то такое врядъ ли что-либо измѣняетъ. Ассигнаціи при Александрѣ I также обладали податнымъ обезпеченіемъ, и все же это ничуть не помѣшало имъ упасть до 26 коп. серебромъ. Указаніе же на то, что „нынѣшніе наши государственные кредитные билеты рублеваго и трехрублеваго достоинства также никогда не были размѣнны на золото по той простой причинѣ, что золотой монеты рублевой и трехрублевой у насъ нѣтъ и не было вовсе“ **, весьма похоже на довольно грубый софизмъ. Если за одинъ трехрублевый билетъ и не дадутъ золота, то два рублевыхъ и одинъ трехрублевый билетъ, или пять рублевыхъ билетовъ, или наконецъ пять трехрублевыхъ билетовъ до войны обмѣнивались на золото безъ всякихъ затрудненій. А разъ это такъ, то ясно, что, вопреки утвержденію проф. П. П. Мигулина, кредитные билеты мелкихъ купюръ были размѣнны на золото. Съ такимъ же основаніемъ можно утверждать, что сторублевые кредитные билеты не размѣнны на золото, „по той простой причинѣ, что золотой монеты сторублевой у насъ нѣтъ и не было вовсе“.

Наконецъ, по поводу предлагаемой проф. П. П. Мигулинымъ мѣры, мы приведемъ еще мнѣніе одного изъ наиболѣе авторитетныхъ специалистовъ по вопросамъ денежнаго обращенія, именно А. Вагнера: „Принципіально подобнаго рода бумажныя деньги необходимо отклонить и избѣгать ихъ лучше всего на практикѣ, особенно, если не предусмотрѣнъ особый фондъ для ихъ размѣна“***.

* И. И. Кауфманъ. Бумажныя деньги въ Австріи. Стр. 90 и сл.

** „Новый Экономистъ“, № 15.

*** А. Wagner. Theoretische Socialökonomik, т. II, стр. 687.

Для улучшения положенія нашей валюты, помимо прекращенія расширенія бумажно-денежнаго обращенія, необходимо еще одно, а именно планомѣрная девизная политика Государственнаго банка. Въ этой области, т. е. въ области регулированія вексельныхъ курсовъ, нашъ Государственный банкъ никогда не былъ особенно силенъ, а теперь онъ выпустилъ это регулирование окончательно изъ рукъ. Вершителями курсовыхъ цѣнъ являются частные коммерческие банки, ведущие самую беззащитную валютную спекуляцію.

„Валюта должна быть изъята изъ частныхъ рукъ, международные расчеты должны быть возложены на государство, Государственный банкъ долженъ создать необходимую организацію, отдѣльнымъ выступлениямъ банковъ на иностранныхъ рынкахъ долженъ быть положенъ конецъ“ *. Итакъ, резюмируя все сказанное, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ: для избѣжанія дальнѣйшаго обезцѣненія нашей валюты необходимо: 1) прекращеніе дальнѣйшихъ выпусковъ бумажныхъ денегъ на государственныя надобности; 2) привлеченіе по возможности золота въ Государственный банкъ, хотя эта мѣра, въ виду незначительнаго количества золота въ обращеніи, не можетъ имѣть особеннаго значенія; 3) повышение платежеспособности населенія путемъ коренной реформы нашей налоговой системы, которая отнынѣ должна быть основана на прогрессивномъ подоходномъ налогѣ; 4) покрытие военныхъ расходовъ по возможности займами, какъ внутренними, такъ и внѣшними, и наконецъ 5) регулирование вексельныхъ курсовъ Государственнымъ банкомъ, причемъ валютной спекуляціи коммерческихъ банковъ долженъ быть безусловно положенъ конецъ. Выпускъ же билетовъ Государственнаго казначейства долженъ быть рѣшительно отвергнутъ, какъ мѣра, могущая повести только къ дальнѣйшему обезцѣненію валюты.

IV.

Нашъ очеркъ былъ бы не полонъ, если бы мы не остановились еще на одномъ вопросѣ, приобрѣтшемъ за послѣднее время особенную остроту, а именно—относительно недостатка размѣнныхъ денегъ, или биллона. Какъ извѣстно, въ августѣ въ Петроградѣ и въ другихъ городахъ разразилась паника, нашедшая свое выраженіе во внезапномъ наступленіи недостачи биллона въ весьма острой формѣ. Является вопросъ: чѣмъ была вызвана эта паника? Съ одной стороны, несомнѣнно, оказали вліяніе бѣженцы изъ эвакуированныхъ мѣстностей, гдѣ недостатокъ размѣнной монеты ощущался весьма остро. Но одинъ этотъ моментъ, конечно, не могъ имѣть рѣшающаго значенія. Кромѣ этого, налицо былъ дѣйствительный недостатокъ размѣнной монеты. Прежде всего въ началѣ августа изъ обращенія исчезла

* „Русскія Вѣдомости“, № 197. Э. Петроградскій. Что нужно дѣлать съ валютой.

высокопробная серебряная монета, такъ какъ „цѣна на серебро поднялась до 23—24 руб. за фунтъ, и банковая серебряная монета, которая передъ войною содержала серебра всего на 60—70 коп. въ рубль, теперь стоитъ по содержанию металла отъ 1 р. 01 к. до 1 р. 05 к. и имѣетъ тенденцію къ дальнѣйшему повышенію“ *. Слѣдовательно, тутъ оказалъ влияние цитированный выше законъ Грешема. Къ 1 января 1915 года состояло всего размѣнной монеты 183,4 мил. руб., при чемъ высокопробнаго серебра имѣлось на 44,7 мил. руб. **. Такимъ образомъ, количество размѣнной монеты уменьшилось не менѣе, какъ на 44,7 мил. руб. Далѣе нужно принять во внимание и слѣдующее. Количество кредитныхъ билетовъ чрезвычайно возрасло. Соотвѣтственно долженъ былъ возрасти и спросъ на размѣнную монету. Однако выпускъ ея сильно отставалъ отъ выпуска кредитныхъ билетовъ. Вотъ данныя объ отношеніи размѣнной монеты къ кредитнымъ билетамъ мелкихъ купюръ (1, 3 и 5 руб.) на 1 января 1912, 1913, 1914 и 1915 годовъ въ мил. руб. ***.

	1912 г.	1913 г.	1914 г.	1915 г.
Мелкихъ билетовъ . . .	398,0	448,4	499,4	900,1
Размѣнной монеты . . .	145,9	152,4	159,3	183,4
процентное отношеніе монеты къ билетамъ .	36,7%	34%	32%	20%

Итакъ, мы видимъ, что ростъ количества размѣнной монеты отставалъ уже до войны отъ роста количества кредитныхъ билетовъ мелкихъ купюръ. Во время же войны это отставаніе, какъ видно изъ вышешприведенной таблицы, проявилось особенно рѣзко. Это, конечно, должно было создать нѣкоторыя затрудненія при мелкихъ оборотахъ, и достаточно было толчка, чтобы вспыхнула паника. Этотъ толчокъ и дали бѣженцы. Единственнымъ средствомъ для борьбы съ этимъ явленіемъ „является безпрепятственный и неограниченный размѣнъ кредитныхъ билетовъ на мелкую монету, самое широкое раскрытіе кассъ для размѣна“ **.

Конечно, какъ только разразилась у насъ паника, то съ усердіемъ принялись разыскивать виновныхъ. Но такого рода поиски оказались тщетными, такъ какъ извѣстно очень мало случаевъ спекуляціи размѣнной монетой. Весьма оригинальную позицію по этому вопросу занялъ проф. П. П. Мигулинъ. По его мнѣнію, виноваты въ недостаткѣ размѣнной монеты . . . нѣмцы. Оказывается, что ихъ агенты скупаютъ размѣнную монету, потому что въ Германіи ощущается сильная нужда въ мѣди. „Скупщики мѣди и мѣдной монеты — это несомнѣнно германскіе агенты и шпионы. Съ ними и необходимо поступать такъ, какъ со шпионами“ ***. Откуда

* „День“, № 238, отъ 30 августа 1915 года.

* „Новый Экономистъ“, № 34.—Ф. А. Меньковъ. Монетный кризисъ

** „Новый Экономистъ“, № 35. П. П. Мигулинъ. Недостатокъ размѣнной монеты.

авторъ черпаетъ свѣдѣнія о скупкѣ мѣдной монеты „германскими шпонами“, онъ, къ сожалѣнію, не указываетъ. Однако очевидно одно. Разъ размѣнная монета скуплена германскими агентами, то она никакъ не можетъ опять появиться въ обращеніи. Между тѣмъ, по минованіи паники, размѣнная монета опять появилась, и мелкіе обороты производились безъ особеннаго затрудненія. Неужели нѣмцы, увидѣвъ, какую бѣду они натворили, скупивъ размѣнную монету, почувствовали раскаяніе и вернули ее, чтобы прекратить монетный голодъ? Предположеніе не особенно вѣроятное. Но въ такомъ случаѣ откуда же взялась исчезнувшая было монета? Выводъ возможенъ только одинъ, а именно тотъ, что нѣмцы въ данномъ случаѣ ни при чемъ. Что же касается проф. Мигулина, то мы полагаемъ, что почтенный экономистъ боленъ модной болѣзнію — „шпиономаніей“, такъ какъ иныхъ основаній для выставленнаго имъ положенія мы, при всемъ желаніи, не можемъ найти. Итакъ, мы приходимъ къ выводу, что виноваты, во всякомъ случаѣ, не нѣмцы, а скорѣе наше финансовое вѣдомство, не принявшее своевременно нужныхъ мѣръ для увеличенія количества биллона. Въ самомъ дѣлѣ, по объяснительной запискѣ по выпуску размѣнныхъ марокъ, министерство финансовъ „еще въ самомъ началѣ войны, предвидя возрастаніе спроса на мелкіе денежные знаки, вызванное нарушеніемъ правильнаго хода хозяйственной жизни, приступило къ усиленной чеканкѣ размѣнной монеты“*. Но когда нужда въ биллонѣ приняла острую форму, то Монетный дворъ оказался технически не въ состояніи чеканить необходимое количество его. Такимъ образомъ, несмотря на предвидѣніе, министерство финансовъ за цѣлый годъ ничего не сдѣлало, чтобы имѣть возможность въ случаѣ необходимости значительно повысить производительность Монетнаго двора. Въмѣсто этого оно прибѣгло къ другой мѣрѣ, а именно къ выпуску размѣнныхъ марокъ. Если даже не говорить о техническихъ неудобствахъ этой мѣры, ее все же нужно считать довольно рискованной. Результаты ея уже налицо. Размѣнная низкопробная монета почти совершенно исчезла изъ оборота. А въ такомъ случаѣ размѣнныя марки будутъ обращаться не наравнѣ съ серебромъ, а вмѣсто серебра. Первоначально предположено было выпустить ихъ на 100 мил. руб. Но при этомъ не было принято въ расчетъ исчезновеніе мелкаго серебра. Но серебро исчезло, а такъ какъ 100 мил. размѣнной монеты слишкомъ мало, то очевидно, что сумму выпуска въ скоромъ времени придется увеличить весьма значительно, приблизительно до 300 мил., т. е. до суммы имѣющейся въ обращеніи размѣнной монеты. Такимъ образомъ, у насъ прибавится еще 300 мил. бумажныхъ денегъ купюрою ниже рубля.

Г. Зеземанъ.

*** „Русск. Вѣд.“ № 211. З. Каценеленбаумъ. Размѣнныя бумажныя деньги.

ДОРОЖНЫЙ РАЗГОВОРЪ.

(ВЪ КУПЕ ВАГОНА II КЛАССА.)

Первый пассажиръ.

Въ современныхъ общественныхъ настроеніяхъ меня больше всего поражаетъ та почти гипнотическая власть, какую сохраняютъ надъ умами людей разныя сантиментальныя идейки, несмотря на весьма опредѣленные и отнюдь не сантиментальныя уроки исторіи. Возьмемъ хотя бы ту идею, что крахъ германскаго милитаризма будетъ крахомъ милитаризма вообще, откроетъ новую эру безпечальнаго и мирнаго житія для европейскихъ демократій. Это убѣжденіе до сихъ поръ раздѣляется всѣми сторонниками „войны до конца“ — и самыми лѣвыми, и самыми умѣренными. Даже крайніе правые какъ будто поддаются гипнозу этой проповѣди: они „германофильствуютъ“ изъ страха, что побѣда надъ Германіей принесетъ съ собою повсемѣстное . . . . . и торжество демократическихъ свободъ. Между тѣмъ, казалось бы, вовсе не требуется особенной проницательности для того, чтобы видѣть, на какомъ шаткомъ фундаментѣ покоится эта почти всеобщая вѣра, какіе сокрушительныя удары наноситъ ей каждый новый шагъ въ развитіи событій.

Второй пассажиръ.

Я не совсѣмъ понимаю васъ. Можно ли назвать шаткимъ и необоснованнымъ утверждение, что Германія есть самая агрессивная, самая милитаристическая страна Европы? Это — не идея, не вѣра, а несомнѣнный, бьющій въ глаза фактъ. Завоевать себѣ „новое мѣсто подъ солнцемъ“, оттѣснить всѣ другіе народы на задній планъ исторіи — вотъ та задача, которую осуществляютъ нѣмцы въ своей титанической борьбѣ противъ всего культурнаго міра. Напротивъ, стремленія прочихъ великихъ націй Европы очевиднѣйшимъ образомъ направлены лишь къ тому, чтобы возстановить европейское равновѣсіе, сохранивъ за каждымъ народомъ его старое мѣсто подъ солнцемъ, искони и по справедливости ему принадлежащее. Мнѣ кажутся поэтому вполне естественными тѣ демократическія упованія, которыя связываются у насъ — да и не только у насъ! — съ ожидаемымъ разгромомъ нѣмцевъ. Пораженіе Германіи, заставивъ нѣмецкихъ милитаристовъ смириться передъ коллективной волей Европы,

должно принести освобождение европейскимъ демократямъ, возможность спокойно отдаться мирному культурному творчеству.

Правда, подъ влияніемъ тяжелыхъ уроковъ истекшаго года, нѣсколько ослабѣла увѣренность въ достижимости полной и окончательной побѣды надъ милитаризмомъ. Годъ тому назадъ мы мечтали о томъ, что теперешняя война будетъ послѣдней европейской войной. Пусть это — „сантиментальная идеяка“! Пусть не въ послѣдній разъ лѣется кровь европейскихъ народовъ! Несомнѣнно все же, что угроза новой европейской войны отодвинется тѣмъ дальше, чѣмъ рѣшительнѣе будетъ успѣхъ четверного согласія. Если мы не въ силахъ теперь же дать вѣчный миръ всему миру, то обязаны позаботиться, по крайней мѣрѣ, о томъ, чтобы хоть дѣти наши могли нѣсколько передохнуть, чтобы хоть надъ ихъ головами милитаризмъ не тягѣлъ съ такой беспощадностью, какъ въ наше время.

Первый пассажиръ.

Но вотъ эта-то цѣль и представляется мнѣ совершенно неосуществимой. Даже при полномъ военномъ успѣхѣ четверного согласія наши дѣти едва ли будутъ избавлены отъ, такъ называемаго, „гнета“ милитаризма. Я убѣжденъ, наоборотъ, что наша эпоха есть лишь преддверіе настоящаго, вполне достойнаго своего имени, милитаризма. До сихъ поръ мы видѣли лишь его первые и сравнительно робкіе шаги. Даже въ самой Германіи только за послѣднее время, подъ влияніемъ неумолимыхъ требованій, созданныхъ блокадой, начинается складываться тотъ новый общественный строй, который соотвѣтствуетъ нуждамъ вполне созрѣвшаго военнаго государства. Строй этотъ обѣщаетъ стать классическимъ для культурнаго человечества грядущей исторической эпохи, и есть всѣ основанія думать, что торжество его обеспечено при всякомъ исходѣ войны. Только усвоивъ себѣ систему германскаго милитаризма, можно одолѣть Германію; въ еще большей степени это необходимо для того, чтобы использовать плоды побѣды.

Второй пассажиръ.

О какомъ новомъ строѣ вы говорите? Я вижу въ современной Германіи лишь окончательное упроченіе власти той самой реакціонной клики, которая приобрѣла тамъ господство еще задолго до войны, — клики имперіалистовъ и шовинистовъ.

Первый пассажиръ.

Ну, знаете, русскаго интеллигента не легко удовлетворить новизной. Подобно русскому сектанту, онъ согласенъ признать новымъ только „новое небо“ и „новую землю“. Съ этой точки зрѣнія, разумѣется, ничто не ново подъ луной. Къ царству Божію на землѣ и прежняя, и теперешняя Германія имѣетъ одинаково мало отношенія.

Тѣмъ не менѣе на мой земной взглядъ разница настолько велика, что я не располагаю даже словомъ для ея характеристики. Германия до войны была образчикомъ высоко развитаго капитализма. Тотъ общественно-экономическій укладъ, который начинаетъ формироваться въ ней во время войны, уже не есть, въ строгомъ смѣслѣ слова, капитализмъ. За неизмѣнимъ подходящаго термина я назвалъ бы его описательно „военно-государственной организацей хозяйства“.

Второй пассажиръ.

Теперь я, кажется, начинаю васъ понимать. Вы, очевидно, имѣете въ виду монополизацию государствомъ хлѣбной торговли, порционную раздачу населенно, такъ называемаго, „военнаго хлѣба“ и т. п. Такого рода государственная организація хозяйства испоконъ вѣка практикуется комендантами осажденныхъ крѣпостей. Я слышалъ, правда, что въ Германии нашлись остроумные социаль-демократы, привѣтствовавшие эту мѣру, какъ шагъ къ социализму. Но я никакъ не ожидалъ, чтобы эта наивность не по разуму усердныхъ нѣмецкихъ патриотовъ могла встрѣтить такой горячей откликъ въ комъ-либо изъ моихъ соотечественниковъ.

Первый пассажиръ.

Хорошо смѣется тотъ, кто смѣется послѣднимъ“, говорятъ наши союзники французы. А потому ваши сарказмы были бы дѣйствительнѣе, если бы вы сначала позволили мнѣ высказаться.

Второй пассажиръ.

Пожалуйста! Я только того и добиваюсь, чтобы вы наконецъ мотивировали вашъ странный скептицизмъ.

Первый пассажиръ.

Прежде всего не подлежитъ сомнѣнню, что система военно-государственнаго хозяйства, вводимая въ современной Германіи, отнюдь не ограничится тѣми временными мѣропріятіями, которыя, какъ вы изволили выразиться, „практикуются комендантами всѣхъ осажденныхъ крѣпостей“. Въ частности, сосредоточеніе хлѣбной торговли въ рукахъ государства полезно и необходимо не только въ періодъ осады. Реформа эта давно уже проектировалась нѣмецкими аграріями, какъ единственный способъ обезпечить интересы крупнаго землевладѣнія, не возлагая непосильной тяжести на низшіе классы. Въ самомъ дѣлѣ, она даетъ возможность государству, пользуясь дешевымъ заграничнымъ хлѣбомъ, закупать зерно у отечественныхъ помѣщиковъ по очень высокимъ цѣнамъ и продавать его по цѣнамъ сравнительно умѣреннымъ.

Такимъ образомъ, и овцы оказываются цѣлы, и волки сыты, и опекающая тѣхъ и другихъ государственная казна остается далеко не въ накладѣ. Но хлѣбная монополия есть лишь одно изъ звеньевъ въ сложной цѣпи реформъ, направленныхъ къ государственному регулированию народнаго хозяйства Германии. Сюда присоединяются: монополизация производства и распредѣленія электрической энергии, табачная, спичечная и цѣлый рядъ другихъ монополій, охватывающихъ важнѣйшія отрасли хозяйственной жизни страны. Всѣ эти: мѣропріятія частью уже разработаны и близки къ осуществленію, частью спѣшно разрабатываются. Вызванныя обстоятельствами военнаго времени, они, несомнѣнно, сохранятся и въ будущемъ, такъ какъ нѣтъ другого средства покрыть тотъ колоссальный ростъ государственныхъ расходовъ, который явится неизбѣжнымъ послѣдствіемъ войны.

Разъ вступивъ на путь такого рѣшительнаго огосударствленія производства и торговли, Германия быстро доведетъ этотъ процессъ до конца, до полнаго уничтоженія личнаго произвола въ хозяйственной жизни. Задача эта къ тому же существенно облегчается всѣмъ предшествующимъ развитіемъ Германии. Еще до войны управление главными отраслями германской промышленности было сосредоточено въ рукахъ десятка крупнѣйшихъ банковъ, которые образуютъ, въ сущности, одну гигантскую организацію. Благодаря этому, государству нѣтъ надобности ни организовать заново национальную промышленность, распыленную между многими самостоятельными предпринимателями, ни выкупать отдѣльныя предприятия. Оно просто входитъ въ соглашеніе съ союзомъ банковъ-распорядителей, гарантируетъ имъ монополию и взаменъ этого получаетъ право высшаго контроля и нѣкоторую долю чистой прибыли.

Неизбѣжнымъ дальнѣйшимъ шагомъ явится сведеніе дивиденда и вообще частной предпринимательской прибыли къ опредѣленной фиксированной государствомъ, нормѣ, которая, при уничтоженіи элемента риска, естественно должна упасть до уровня процентовъ, приносимыхъ государственнымъ бумагами. Такимъ образомъ, бывшіе предприниматели незамѣтно превращаются въ государственныхъ рантье, а все управление народнымъ хозяйствомъ переходитъ къ централизованному, дисциплинированному корпусу офицеровъ государственной промышленности, которые рекрутируются преимущественно изъ инженеровъ, банковыхъ дѣятелей и вообще изъ квалифицированнаго персонала теперешнихъ частныхъ предприятий, отчасти же изъ рядовъ чиновной бюрократіи.

Второй пассажиръ.

Но можетъ ли быть такая бюрократическая организація производства достаточно жизнеспособной? Какъ общее правило, промышленность успѣшно функционируетъ лишь постольку, поскольку

она оплодотворяется частнымъ починомъ, личной творческой инициативой. Это признаютъ даже наиболѣе толковые изъ социалстовъ. Такъ, напримѣръ, по учению фабианца Гобсона, государственная организація примѣнима только къ нѣкоторымъ производствамъ, которые вслѣдствіе своихъ техническихъ особенностей сравнительно мало страдаютъ отъ бюрократической рутины.

Первый пассажиръ.

Что вспомните, какова основная предпосылка Гобсона и подобныхъ ему теоретиковъ. Всѣ они рассматриваютъ экономические вопросы такъ, словно никакихъ другихъ силъ, кромѣ тенденцій внутренняго хозяйственнаго развитія страны, не существуетъ, словно мы имѣемъ передъ собой изолированное государство, которому извнѣ не грозить и не можетъ грозить никакихъ потрясеній. Тогда, разумѣется, государственная бюрократія неизбѣжно должна быть рутинной. Абсолютно гарантированная отъ всякихъ катастрофическихъ неожиданностей, она будетъ тормозить техническій и всякій иной прогрессъ; она будетъ избѣгать, какихъ бы то ни было, переменъ, нарушающихъ безмятежное течение ея работы въ налаженныхъ формахъ, привычныхъ и милыхъ, какъ старый засаленный халатъ. Не забывайте, однако, что дѣло идетъ не просто о государственномъ, но о военно-государственномъ хозяйствѣ. Порожденный величайшей въ исторіи міра войной, грядущій строй поставитъ своей главной задачей готовиться къ новой войнѣ и энергіей этой подготовки держать въ уздѣ столь же энергичныхъ противниковъ, которые подстерегаютъ лишь удобный случай, чтобы обрушиться всѣми своими силами на оплошавшаго сосѣда. Международное военное соперничество послѣ войны, несомнѣнно, достигнетъ неслыханной, поистинѣ лихорадочной интенсивности, во много разъ превзойдетъ все то, что мы видѣли въ послѣднія десятилѣтія. Эта бодрящая напряженная атмосфера, этотъ благодѣтельный „гнетъ“ всепроникающаго милитаризма пришпорятъ бюрократическій штабъ промышленной арміи съ такой силой, какой никогда не въ состояніи достигнуть частный интересъ частнаго предпринимателя. Не надо къ тому же упускать изъ виду, что самое представленіе о военной готовности государства должно радикально измѣниться подъ влияніемъ уроковъ текущей войны. Война показала, что нѣтъ такого закоулка въ народно-хозяйственной жизни, нѣтъ такого винтика въ колоссальномъ механизмѣ национальной промышленности, которые были бы безразличны для военнаго могущества страны. И, повѣрьте, промышленная бюрократія будущаго приложитъ всѣ усилія къ тому, чтобы, елико возможно, форсировать темпъ хозяйственнаго прогресса. Она жадно будетъ ловить и осуществлять все, что создаетъ хотя бы ничтожное повышение производительности труда, вносить хотя бы незначительное усовершенствованіе въ организацію любой отрасли

народнаго хозяйства. Пора, давно пора оставить банальное противопоставление милитаризма мирной культурной работѣ. Если подѣ „мирной культурной работой“ вы понимаете полусонное прозябаніе на лонѣ уже достигнутыхъ культурныхъ благъ, то, конечно, вы имѣете основаніе ненавидѣть милитаризмъ. Но если вы не на словахъ, а на дѣлѣ цѣните культурное творчество, неустанное движеніе впередъ, безбрежное расширеніе горизонтовъ, вы должны привѣтствовать грядущій милитаризмъ, какъ величайшую культурную силу.

Второй пассажиръ.

Къ сожалѣнію, не въ состояніи раздѣлить вашей вѣры въ культурное творчество бюрократіи, хотя бы и грядущей. Утѣшаетъ меня въ моемъ невѣрїи лишь то, что на моей сторонѣ оказываются какъ разъ наиболѣе прогрессивные элементы наиболѣе прогрессивныхъ націй современнаго культурнаго міра. Вашъ прогнозъ имѣетъ нѣкоторую тѣнь правдоподобія только по отношенію къ искони бюрократической Германіи. Но онъ, очевидно, непримѣнимъ къ свободолобивой Англии, съ ея вѣковыми традиціями ничѣмъ не стѣсняемой частно-хозяйственной инициативы, съ ея глубокимъ демократизмомъ. Ни англо-саксонская, ни романская раса не продадутъ своего первородства за чечевичную похлебку тѣхъ сомнительныхъ матеріальныхъ выгодъ, которыя сулитъ вашъ идеаль универсальной бюрократизаціи.

Первый пассажиръ.

Что касается Англии, то она — увы! — уже пожертвовала своими „вѣковыми традиціями“ въ интересахъ чечевичной похлебки и въ настоящій моментъ заботится лишь о томъ, чтобы похлебка эта была, какъ можно, обильнѣе и питательнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, что такое „мобилизація промышленности“, съ такой энергіей и такимъ успѣхомъ осуществляемая Ллойдомъ-Джорджемъ? Развѣ это не та же самая система военно-государственной организаціи хозяйства? Англия позднѣе Германіи вступила на надлежащій путь, но тѣмъ рѣшительнѣе ея разрывъ съ прошлымъ.

Или вы думаете, что все это только на время войны, что послѣ побѣды надъ „германскимъ милитаризмомъ“ все снова вернется къ прежнему положенію? Нѣтъ ничего наивнѣе подобнаго рода надеждъ. Даже если бы Германія потерпѣла такой полный разгромъ, о какомъ мы мечтали въ началѣ войны, это отнюдь не привело бы ее къ необходимости разрушить военно-государственную организацію промышленности, а, наоборотъ, заставило бы проводить эту организацію во всѣхъ сферахъ народной жизни съ особой неуклонностью и безпоощадностью. Ибо только такимъ путемъ она могла бы сосредоточить въ рукахъ своего правительства тѣ

колоссальныя средства и силы, которыя необходимы для того, чтобы успѣшно залѣчить ужасныя раны, нанесенныя войной народно-хозяйственному организму. Только такимъ путемъ она сумѣла бы быстро оправиться отъ поражения и приступить къ накопленію новыхъ силъ для реванша, который въ этомъ случаѣ, конечно, сталъ бы завѣтной мечтой каждаго нѣмца.

Неужели же можно допустить хотя бы на минуту, что въ то время, какъ Германия, спаянная въ одинъ стальной механизмъ, будетъ планомерно и организованно подготавливаться къ новому нападению на Европу, Англія вернется къ прежней безпечности, распустилъ своихъ добровольцевъ безъ замѣщенія ихъ постояннымъ контингентомъ и демобилизуетъ промышленность въ угоду „вѣковымъ традиціямъ“ личной свободы и самоопредѣленія? Конечно же, нѣтъ! Трудно было англо-саксонцамъ отказаться отъ традицій, и поздно пришли они къ убѣжденію въ необходимости съ ними покончить. Но разъ покончивъ, разъ совершивъ рѣшительный поворотъ на 180°, они уже, навѣрное, не будутъ топтаться на мѣстѣ, но попытаются возможно скорѣе догнать и обогнать нѣмцевъ на новомъ поприщѣ.

Второй пассажиръ.

Позвольте, вы совершенно забываете о народныхъ массахъ, которыя въ Западной Европѣ представляютъ могучую организованную силу и съ наступленіемъ мира, конечно, не захотятъ покорно нести ярмо вашего военнаго государства. Я не думаю даже, чтобы нѣмецкіе социаль-демократы сохранили послѣ войны свою теперешнюю лояльность и согласились безропотно отдать себя на съѣденіе промышленной бюрократіи.

Первый пассажиръ.

Но никакого „съѣденія“ и не предвидится. Какъ разъ наоборотъ. Въ числѣ многихъ мѣръ, направленныхъ къ улучшенію положенія рабочихъ, Германия вводитъ въ настоящее время реформу колоссальнаго значенія: государственное страхование отъ безработицы. Въ Англіи эта же реформа была обѣщана Ллойдомъ-Джорджемъ еще до войны. Принимая на себя обязанность ограждать рабочаго отъ бѣдствій безработицы, государство тѣмъ самымъ признаетъ безработицу не естественнымъ и необходимымъ явленіемъ, какъ это было до сихъ поръ, а случайной аномаліей, результатомъ оплошности, за которую оно беретъ отвѣтственность на себя. Отнынѣ въ своихъ же собственныхъ фискальныхъ интересахъ оно вынуждено возможно скорѣе и рѣшительнѣе исправить эту оплошность, уничтожить безработный резервъ промышленной арміи или, по крайней мѣрѣ, свести его къ минимальнымъ размѣрамъ. И, дѣйствительно, въ Германиі уже организованы государственныя биржи

труда, задача которыхъ — осуществить планомѣрное распредѣленіе наличныхъ рабочихъ силъ между различными отраслями промышленности. Такое государственное регулирование предложения труда является, очевидно, необходимымъ дополненіемъ къ бюрократизации производства: это тотъ фундаментъ, на которомъ только и можетъ быть воздвигнуто величественное зданіе военно-государственной организациі хозяйства. Какъ видите, рабочій не только не „сѣдается“ этой системой, но впервые обрѣтаетъ въ ней прочное и достойное положеніе. Рабочій перестаетъ быть объектомъ частной эксплуатаціи и становится носителемъ почетной государственной должности, какъ бы чиновникомъ низшаго ранга. Само собой разумѣется, онъ не будетъ пользоваться такой свободой, такъ много получать и такъ мало работать, какъ это ему рисовало въ его наивныхъ мечтахъ о торжествѣ краснаго социализма. Международное соперничество заставитъ военное государство внести въ ряды своей промышленной арміи строжайшую дисциплину и до конца использовать производительную силу каждой рабочей единицы. Однако именно въ интересахъ этого использования здѣсь не можетъ быть допущено никакого чрезмѣрнаго гнета, никакихъ эксцессовъ эксплуатаціи, преждевременно изнашивающихъ организмъ труженника. Рабочій долженъ пользоваться матеріальнымъ довольствомъ, здоровьемъ, находиться въ бодромъ и жизнерадостномъ расположеніи духа, — только тогда государство дѣйствительно извлечетъ изъ него всю ту чистую прибыль, которую онъ въ состояніи создать въ теченіе своей трудовой жизни.

Конечно, безъ протестовъ дѣло не обойдется; не сразу помирятся рабочіе съ исторической неизбѣжностью. Однако надо надѣяться, что, въ концѣ концовъ, они оцѣнятъ преимущества новаго строя, который, хотя и далекъ отъ ихъ революціонныхъ утопій, но все же радикально устраняетъ наиболѣе существенные недостатки современнаго общества.

Но, быть можетъ, говоря о социаль-демократахъ, вы имѣли въ виду не только рабочія массы, но также ихъ вождей? И эти послѣдніе не внушаютъ мнѣ особенныхъ опасеній. Въ большинствѣ своемъ, дѣятели германскаго, какъ и англо-романскаго рабочаго движенія — вовсе не фанатики революціи, а очень трезвые политики, прекрасные, дѣльные и талантливые организаторы, которымъ найдется почетное мѣсто среди офицеровъ и генераловъ военно-промышленной арміи. Я не удивлюсь, если уже въ ближайшіе годы на казенныхъ квартирахъ многихъ Geheimrat'овъ водворятся „Genossen“, которые до сихъ поръ пользовались казеннымъ помѣщеніемъ только тогда, когда отбывали тюремное наказаніе за неумѣренную агитацию.

Правда, останется небольшая, но энергичная группа непримиримыхъ: молодые энтузиасты типа пресловутаго Либкнехта да рядъ заслуженныхъ стариковъ, которые воспитались въ классическую эпоху марксизма, быть можетъ, помнить еще основателей Интерна-

ционала и не въ состояннн отрѣшиться отъ своихъ романтическихъ воспоминаннй. Эти люди, располагая они достаточнымъ влияннмъ на массы, несомнѣнно, натворили бы большихъ бѣдъ. Я долженъ сознаться, что идея Интернационала стала бы особенно опасной именно въ ближайше годы послѣ войны, если бы ей удалось снова овладѣть умами рабочихъ. До сихъ поръ это была лишь благочестивая мечта. Теперь, когда разбужены такія исполинскія организующая силы, и пока онѣ еще не отлились въ прочныя формы, попытка революционно настроенныхъ массъ использовать эти силы въ духѣ международнаго социализма могла бы грозить серьезнѣйшими испытаннями самымъ основамъ государственнаго бытня отдѣльныхъ нацнй. Не было еще въ исторнн и, вѣроятно, долго не будетъ момента, объективно болѣе благоприятнаго для самыхъ дерзкихъ социальныхъ опытовъ. Но, къ счастью, субъективно, психологически, такой оборотъ дѣла, повидимому, невозможенъ. Здоровый и бодрый патриотизмъ настолько глубоко проникъ въ сознание европейскихъ рабочихъ, что сласшавая утопия международнаго братства и товарищества всѣхъ людей не скоро сможетъ вернуть себѣ бывшее обаянне. А разъ перюдъ лихорадочнаго переустройства пройдетъ благопо, лучно и система военно-государственнаго хозяйства успѣетъ пустить прочныя корни, поворотъ въ сторону Интернационала станетъ и объективно почти неосуществимымъ. Вотъ почему я позволяю себѣ надѣяться, что призывы интернационалистовъ не будутъ имѣть успѣха. Своими обличеннями — одинокими и безсильными — они, вѣроятно-только увеличатъ ореоль реформы, сыграютъ роль тѣхъ профессиональныхъ хулителей, которыхъ въ древнемъ Римѣ заставляли бѣжать за колесницей триумфатора.

Какъ видите, я отнодь не раздѣляю надеждъ наивныхъ людей, усматривающихъ въ мобилизации промышленности шагъ къ социализму въ обычномъ, революционномъ, смыслѣ этого слова. Я привѣтствую новый строй не какъ шагъ къ социальной революцнн, а какъ гранитный оплотъ противъ нея. Исчезаетъ все, что такъ долго питало социальную ненависть, такъ упорно разжигало революционныя страсти: необезпеченность рабочихъ, случайныя колебанн конъюнктуры, катастрофическн кризисы, банкротства, безработица. Создается планомѣрная, отъ всякихъ потрясеннй гарантированная организациа хозяйства и мудро уравновѣшенная общественная иерархн, которая каждому отводитъ достойное мѣсто и даетъ ровно столько благъ, сколько соотвѣтствуетъ его дѣйствительной цѣнности для государства и общества. Стройна лѣстница промышленно государственныхъ должностей объемлетъ всѣхъ безъ исключенн членовъ наци, соединяетъ посредствомъ ряда нечувствительныхъ переходовъ послѣдняго рабочаго и перваго сановника въ одно гармоническое цѣлое. Можно надѣяться, что эта благодѣтельная система упорядоченнаго и облагороженнаго неравенства надолго, если не навсегда, очиститъ горизонтъ Европы отъ революционныхъ утопнй всеобщаго

поравнения, отъ того краснаго призрака, который еще такъ недавно грозилъ намъ очень реальной опасностью.

Второй пассажиръ.

Не слишкомъ ли дорогой цѣной хотите вы оградить Европу отъ краснаго призрака? Всеохватывающій бюрократизмъ подавить индивидуальную свободу не только въ хозяйственной сферѣ, но и во всѣхъ прочихъ областяхъ жизни, гдѣ она до сихъ поръ гарантировалась демократическими учреждениями и почиталась краеугольнымъ камнемъ всякой истинной культуры. Развѣ возможно представить себѣ, что парламентаризмъ, отвѣтственность исполнительной власти передъ народнымъ представительствомъ, свобода устнаго и печатнаго слова, свобода собраний и организацій не потерпятъ никакого ущерба въ вашемъ военномъ государствѣ? А если имъ будетъ угрожать хоть малѣйшая опасность, то неужели вы думаете, что западно-европейскіе народы, потративше столько силъ, проливше столько крови ради завоеванія демократическихъ учреждений, не встанутъ, какъ одинъ человекъ, на ихъ защиту?

Первый пассажиръ.

Военно-государственная система хозяйства сама является совершеннѣйшей изъ всѣхъ возможныхъ демократій, ибо въ ней нѣтъ ни кастовыхъ, ни сословныхъ, ни классовыхъ перегородокъ, и, въ идеѣ, всякій солдатъ при достаточномъ талантѣ и достаточной научной подготовкѣ можетъ дослужиться до фельдмаршала. Тѣмъ не менѣе парламентъ и другія демократическія учреждения стараго порядка должны, дѣйствительно, частью измѣнить свой характеръ, частью атрофироваться вовсе. Однако я не думаю, чтобы этотъ неизбежный процессъ вызвалъ въ обществѣ какія-либо серьезныя волненія или потрясенія. Ибо, съ одной стороны, съ измѣненіемъ структуры общества многие интересы, охранявшіеся до сихъ поръ демократическими учреждениями, утратятъ свою остроту; съ другой стороны, необходимыя перемѣны произойдутъ незамѣтно, какъ бы сами собой, безъ всякихъ правительственныхъ декретовъ, отмѣняющихъ традиціонныя свободы, — однимъ словомъ, безъ одиознаго привкуса, такъ называемой, политической „реакціи“.

Такъ, на примѣръ, парламентаризмъ, очевидно, теряетъ значительную долю своего смысла. Этотъ типъ государственной организаціи цѣлесообразенъ лишь при такомъ социальномъ строѣ, когда хозяйственная жизнь есть свободная игра частнаго предпринимательства, а правительство призвано лишь охранять тѣ общія нормы, которыми регулируются возникающія отсюда столкновения личныхъ или групповыхъ интересовъ. Самое установление этихъ нормъ, естественно, нельзя довѣрить правительству, занимающему столь

скромное мѣсто въ социальной структурѣ страны. Съ нѣкоторою надеждою на успѣхъ эта задача можетъ быть поручена только представителямъ всѣхъ хозяйственно-самостоятельныхъ и хозяйственно-творящихъ индивидуумовъ. Отсюда полномасштабное демократически избраннаго парламента и политическая отвѣтственность передъ нимъ министерства. Но положеніе дѣлъ радикально мѣняется, разъ государство беретъ на себя всю организацію хозяйства и проводитъ эту организацію планомерно въ интересахъ цѣлаго, устраняя тѣмъ самымъ почву для глубокихъ индивидуальныхъ конфликтовъ или классовыхъ противорѣчій. Тогда такія важныя функции современныхъ парламентовъ, какъ социальное законодательство, какъ регулирование имущественныхъ правоотношеній гражданъ, частью переходятъ къ бюрократіи, частью утрачиваютъ свое значеніе и совершенно ликвидируются за ненадобностью. За парламентомъ сохранится, главнымъ образомъ, функция контроля надъ администраціей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и внѣшнія формы парламентской дѣятельности должны существенно измѣниться. Уже теперь матеріалъ, поступающій въ парламентъ при разсмотрѣніи бюджета, настолько обширенъ, что главную работу этого рода приходится вести въ комиссияхъ, а не въ общихъ засѣданіяхъ. Съ превращеніемъ въ государственныя учрежденія всѣхъ промышленныхъ предприятий матеріалъ этотъ еще во много разъ увеличится. Съ другой стороны, тѣснѣйшая связь между постановкой дѣла въ различныхъ отрасляхъ государственнаго хозяйства и военной подготовленностью страны явится вполне понятнымъ мотивомъ къ тому, чтобы закрыть двери большинства комиссионныхъ и многихъ пленарныхъ засѣданій палаты. Такимъ образомъ, большіе парламентскіе дни, яркіе дебаты, живымъ эхомъ прокатывающіеся по странѣ, все болѣе и болѣе будутъ отходить въ область преданій. Публичныя засѣданія, какъ это мы уже наблюдаемъ въ наше военное время, станутъ очень рѣдкими и будутъ созываться лишь для того, чтобы передать народу итоги и выводы закулисной работы его избранниковъ, т. е. или прокричать существующему порядку „ура“, или сообщить объ исправленіи его погрѣшностей. Парламентъ, оставаясь высоко полезнымъ и необходимымъ учрежденіемъ, приметъ чисто дѣловой характеръ, перестанетъ быть центромъ сенсацій, средоточіемъ постояннаго и напряженнаго вниманія, что, конечно, послужитъ ему лишь на пользу, ибо оттолкнетъ отъ него профессиональныхъ политикановъ, претендующихъ на роль народныхъ трибуновъ, а, наоборотъ, привлечетъ на его скамьи людей реального дѣла, чуждыхъ красивыхъ фразъ и несбыточныхъ мечтаній.

Такому дѣловому оздоровленію атмосферы народнаго представительства должно сильно поспособствовать также ослабленіе партійной борьбы, неизбежное при послѣдовательномъ осуществленіи системы военно-государственнаго хозяйства. Конечно, нѣкоторыя политическія разногласія останутся навсегда, и всегда они будутъ

дѣлать гражданъ на спорящія группы или, если хотите, партіи. Но когда устранятся тѣ глубокия общественныя противоположности, которыя мы наблюдаемъ между дворянскимъ и торгово-промышленнымъ сословіемъ, между этимъ послѣднимъ и рабочимъ классомъ, когда всѣ граждане превратятся въ членовъ единой національной іерархіи, то исчезнутъ непримиримыя политическія позиціи. Останутся лишь сравнительно второстепенныя разномыслія относительно средствъ, технически наиболѣе пригодныхъ для достиженія общей всѣмъ цѣли. И, само собой разумѣется, люди, разномыслящіе по одному такому техническому вопросу, всегда окажутся солидарными по многимъ другимъ. Поэтому разслоеніе гражданъ на устойчивыя партіи, несогласныя между собой по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ политики, на партіи съ, такъ называемыми, политическими „программами“, не будетъ уже больше имѣть мѣста. А въ связи съ этимъ становится ненужной и даже невозможной политическая отвѣтственность министерства, обязующая его хранить вѣрность программѣ господствующей въ парламентѣ партіи. При единой общенациональной программѣ вѣрность ей подразумѣвается сама собой, — невѣрность будетъ уже квалифицироваться не какъ политическое разномысліе^е а какъ государственная измѣна, — и фактически отвѣтственность правительства передъ парламентомъ неизбежно сведется къ отвѣтственности за умѣлое и добросовѣстное выполнение этой общепризнанной программы.

Намекъ на эти новыя отношенія даютъ намъ, такъ называемыя, „коалиціонныя министерства“, т. е. министерства, составленныя изъ лучшихъ представителей всѣхъ партій и призванныя вести не партійно-программную, а безпартійную и безпрограммную, или, лучше сказать, межпартійную и межпрограммную, „дѣловую“ политику. Коалиціонныя министерства всегда знаменуютъ собой крахъ парламентаризма. Обычно они возникаютъ въ парламентарныхъ странахъ лишь въ томъ случаѣ, если ни одна изъ партій не обладаетъ достаточной силой для того, чтобы навязать государству свою программу. Тѣмъ знаменательнѣе образованіе коалиціоннаго министерства въ современной Англій, въ моментъ, когда господствующая партія располагала солиднымъ большинствомъ, вполне достаточнымъ для твердаго управленія рулемъ государственнаго корабля. Говорятъ, что Англія рѣшила пожертвовать традиціей парламентаризма — одною изъ самыхъ старыхъ и самыхъ священныхъ своихъ традицій! — лишь на военное время и лишь для того, чтобы демонстрировать единство націи въ колоссальной работѣ внутренняго переустройства, необходимаго въ интересахъ войны. Но это внутреннее переустройство какъ разъ и есть введеніе той военно-государственной организаци, которая подрываетъ почву подъ парламентарнымъ строемъ, и которую, какъ я уже говорилъ, отнюдь нельзя будетъ ликвидировать по окончаніи войны, а, наоборотъ, придется всемѣрно укрѣплять и развивать. Если Англія и вернется къ системѣ партійнаго

управления страной, то это бабье лѣто парламентаризма не будетъ ни яркимъ, ни продолжительнымъ. Во всякомъ случаѣ, англійское коалиционное министерство есть поучительнѣйшій симптомъ или, если хотите, „прообразъ“ грядущаго.

Итакъ, насколько я могу судить, приведение парламентаризма въ соотвѣтствіе съ новыми потребностями произойдетъ мирно и безболѣзненно, безъ всякаго насилия сверху, путемъ мудраго самоограниченія, отрадныя примѣры котораго мы наблюдаемъ уже въ настоящее время. То же самое я сказалъ бы о свободѣ ассоціацій и всѣхъ прочихъ „свободахъ“. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что культурно-просвѣтительныя ассоціаціи встрѣтятъ со стороны бюрократіи новаго строя всяческую поддержку. Что же касается обществъ и союзовъ социально-политическаго или экономическаго характера, то имъ, аналогично парламенту, придется пережить процессъ извѣстнаго приспособленія. Такіе общественные союзы, какъ кооперативы, будутъ просто инкорпорированы военно-промышленной организацией государства. Профессиональные союзы также войдутъ въ ея составъ съ нѣсколькимъ измѣненнымъ характеромъ, — къ чему въ Германіи уже намѣчаются практическіе шаги. Все, что общественныя организациі потеряютъ въ свободѣ, внѣшней декоративной яркости и не всегда здоровой экспансивности своихъ проявленій, будетъ имъ сторицею возмѣщено посредствомъ колоссальнаго роста ихъ матеріальнаго могущества, ихъ силы и авторитета.

Второй пассажиръ.

Въ самомъ дѣлѣ, какая умилительная картина! Все такъ благоустроено, такъ точно разсчитано, такъ непогрѣшимо урегулировано, что упраздняются за ненужностью всякіе принципы, программы, всякія общія идеи. Умственная пища этого счастливаго человечества сводится къ обсужденію „техническихъ разномысліи“, которыя, конечно, отнюдь не возбуждаютъ нездоровой экспансивности, но, благополучно разрѣшаясь, даютъ бодрое дѣловое настроеніе, хорошіи аппетитъ и безмятежный сонъ. Но подумали ли вы о томъ, на какую ужасную духовную смерть обрекаются благодуществующіе обитатели этой великолѣпной національной казармы? Гдѣ здѣсь мѣсто великимъ томленіямъ духа, порывамъ мятущейся совѣсти, тоскѣ по нездѣшнему идеалу, религиозному подвижничеству и религиозному вдохновенію, — всему тому, чѣмъ былъ до сихъ поръ живъ человѣкъ, достойный этого имени?!

Первый пассажиръ.

Если вы согласны признавать религиозную и вообще духовную жизнь только тамъ, гдѣ все преисполнено тоски, смятенія и томленія, то шансы духа въ нарождающемся европейскомъ обществѣ, дѣй-

ствительно, не блестящи. Мнѣ кажется, однако, что высшія духовныя отправления и, въ частности, религиозныя вѣрованія вовсе не обязательно связаны съ перечисленными вами признаками. Я боюсь даже, что столь любезныя вамъ „мятуціяся порыванія“ въ дѣйствительности характерны только для одной религиозной разновидности: для, такъ называемыхъ, исканій новѣйшей русской интеллигенци. Если же отрѣшиться отъ этого специфически россійскаго пониманія религи, то нельзя не признать, что грядущее общество представитъ очень благоприятную почву для расцвѣта духовно-религиозной жизни. Напряженное военное и промышленное соперничество породитъ героическое національное самосознаніе; могучая общественная іерархія разбудитъ и укрѣпитъ вѣру въ авторитеты. Какъ и весь строй жизни, религиозность будущаго должна быть, разумѣется, бодрой и и могущественной. Гражданинъ военно-промышленнаго государства долженъ вѣрить, что, доблестно неся обязанности работника и солдата, онъ тѣмъ самымъ уже выполняетъ свое высшее религиозное призваніе, строить подлинное царство Божіе. Онъ долженъ вѣрить, далѣе, что его народъ Самимъ Богомъ призванъ къ владычеству, что промышленное или военное покореніе другихъ націй не только матеріально выгодно и приятно для самолюбія, но диктуется нравственной обязанностью, божественной миссіей народа-избранника.

Второй пассажиръ.

Я не буду съ вами спорить относительно Западной Европы. У нѣмцевъ уже теперь національное самомнѣніе приняло, если и не религиозный въ подлинномъ смыслѣ слова, то, во всякомъ случаѣ, демоническій характеръ. Но всякій, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ духомъ нашего народа, скажетъ вамъ, что русскій вѣрующій человекъ не способенъ религиозно воспринять этой національной гордыни, но всегда отнесется къ ней какъ къ бѣсовскому навожденію и величайшему кощунству. Да и независимо отъ соображеній религиознаго порядка, прогнозъ вашъ къ Россіи уже никакъ не можетъ быть примѣненъ. Правда, бюрократизма и военнаго духа у насъ болѣе, чѣмъ достаточно. Но можно ли говорить о военно-государственной организаціи хозяйства въ странѣ, четыре пятыхъ которой — мелкіе крестьяне-собственники?

Первый пассажиръ.

Вотъ противъ этого, дѣйствительно, трудно спорить. Здѣсь, дѣйствительно, трагедія, омрачающая всѣ мои историческія предвкусенія.

. . . Тутъ поѣздъ подошелъ къ узловой станціи; оба пассажира бросились разыскивать носильщиковъ, и разговоръ прекратился.

В. Плуталовъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

БАЛКАНСКІЯ ДѢЛА.

I.

За послѣдніе мѣсяцы въ ряду вопросовъ, привлекавшихъ къ себѣ общественное вниманіе, одно изъ первыхъ мѣстъ занимали событія, развертывающіяся на Балканахъ: разрывъ Болгаріи съ четвернымъ согласіемъ, наступленіе австро-германскихъ и болгарскихъ армій въ Сербіи, колебанія Греціи. Начиная съ сентября, туда, на Балканы, перемѣстился центръ тяжести стратегическихъ операцій; туда же были направлены и главныя усилія дипломатіи обѣихъ борющихся группъ державъ. Балканскій кризисъ отѣснилъ на задній планъ и нерипетии внутренней борьбы въ отдѣльныхъ государствахъ, и даже событія на главныхъ театрахъ военныхъ дѣйствій, что уже приходится признать явленіемъ довольно необычнымъ.

Такой повышенный интересъ къ Балканскимъ дѣламъ вполне оправдывается тѣмъ значеніемъ, какое имѣетъ исходъ военныхъ и дипломатическихъ дѣйствій на Балканахъ для развитія, — а, можетъ быть, и для козачныхъ результатовъ, — переживаемаго нами общеевропейскаго пожара. Разумѣется, побѣда центральныхъ державъ на Балканскомъ театрѣ войны еще не означаетъ ихъ полного торжества; но, во всякомъ случаѣ, она даетъ имъ весьма значительныя преимущества, устраняетъ съ ихъ пути весьма серьезныя препятствія, наноситъ весьма чувствительный ударъ дѣлу четверного согласія.

Прежде всего успѣхъ на Балканахъ восстанавливаетъ непосредственную связь между Австріей и Германіей, съ одной стороны, и Турціей — съ другой. Съ первыхъ же мѣсяцевъ участія Турціи въ войнѣ пресса согласія не уставала твердить изодня въ день о близкомъ, о наступающемъ, о совершившемся наконецъ развалѣ Оттоманской имперіи. Эти выводы прессы основывались на очень скудномъ конкретномъ матеріалѣ и свидѣтельствовали больше о желаніяхъ и ожиданіяхъ читательской массы, для которой предназначались, чѣмъ о положеніи дѣлъ въ Турціи. Тѣмъ не менѣе предположенія о внутреннемъ кризисѣ въ Турціи, о близости ея къ сепаратному миру должны были представляться а priori до-

вольно правдоподобными. Дезорганизація турецкаго государственнаго механизма, событіями послѣднихъ лѣтъ (рядомъ государственныхъ переворотовъ, мѣстныхъ возстаній, Триполитанской войной, Балканской войной) не укрѣпленнаго, а распатаннаго; финансовое оскудѣніе, дѣлавшее необходимымъ непрерывный притокъ средствъ изъ Германіи; недостаточное военно-техническое оборудованіе и т. п., и т. п., — все это заставляло относиться скептически къ силѣ и къ длительности сопротивленія Турціи. Но такъ обстояло дѣло только до возобновленія непосредственныхъ сношеній Турціи съ ея центрально-европейскими союзницами. Какъ только эти сношенія возобновились, такъ должны были сами собою исчезнуть и всѣ надежды на сепаратный миръ съ Турціей, на ея измѣну Германіи и Австріи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ должны были скрыться съ политическаго горизонта, — надолго, . . . расцвѣтшія столь пышно и столь преждевременно мечтанія о Царьградѣ, объ обладаніи проливами. Мало того, какова бы ни была судьба проливовъ послѣ войны, захватъ ихъ державами согласія сейчасъ, вовремя войны, имѣлъ бы для нихъ большое стратегическое и экономическое значеніе, облегчивъ снабженіе Россіи военными матеріалами и вывозъ изъ Россіи русскаго сырья. Пожалуй, „прорывъ“ черезъ Дарданеллы былъ не менѣе важенъ для державъ согласія, чѣмъ „прорывъ“ черезъ Балканы для Германіи и Турціи.

Какъ извѣстно, въ Англии вопросъ о смыслѣ продолженія Дарданельской операціи послѣ успѣха Германіи на Балканахъ былъ поставленъ лицами весьма компетентными (между прочимъ — командующимъ Галипольской арміей); и если онъ не рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ, то, повидимому, не столько изъ стратегическихъ, сколько изъ политическихъ соображеній. Уходъ съ Галипольскаго полуострова былъ бы тяжкимъ ударомъ для англійскаго престижа на Востокъ. Естественно, что при такихъ условіяхъ англійское правительство рѣшило воздержаться отъ ликвидаціи, — по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока размѣры успѣха Балканской операціи центральныхъ державъ еще не вполне опредѣлились.

. . . Уже перечисленныхъ результатовъ Балканскаго „прорыва“ достаточно, чтобы уяснить себѣ его стратегическій и политическій вѣсъ. . . Но значеніе дипломатическихъ и военныхъ успѣховъ центральныхъ державъ на Балканахъ этимъ не ограничивается. При сравнительной оцѣнкѣ силъ двухъ борющихся группъ державъ въ плюсъ австро-германской группѣ ставится обычно болѣе высокій уровень техники и организованности, — словомъ, извѣстныхъ культурныхъ преимуществъ; въ минусъ — относительный недостатокъ первичныхъ матеріаловъ: въ первую очередь людскаго запаса, затѣмъ питательныхъ веществъ, нако-

нець всякаго рода сырья (хлопка, шерсти, мѣди и т. д.). И вотъ какъ разъ въ этомъ отношеніи событія на Балканахъ, безспорно, измѣняютъ положеніе центральныхъ державъ къ лучшему.

Во-первыхъ, германская и австрійская арміи уже и сейчасъ непосредственно усилены присоединеніемъ къ нимъ болгарскихъ войскъ. По статистикѣ до-военнаго времени болгарская армія исчислялась въ 280 000; но весьма вѣроятно, что и Болгарія, подобно прочимъ воюющимъ странамъ, несмотря на истощеніе въ войнахъ 1912—13 годовъ сможетъ дать при извѣстномъ напряженіи значительно больше. Во-вторыхъ, Германія получаетъ возможность использовать въ болѣе полной мѣрѣ ресурсы Турціи, до сихъ поръ, какъ утверждаютъ военные специалисты, использованные лишь весьма слабо вслѣдствіе правительственной дезорганизациі Оттоманской имперіи. Населеніе Турціи (свыше 21 000 000) впятеро превосходитъ населеніе Болгаріи; но, разумѣется, дѣлать отсюда выводы о возможныхъ размѣрахъ будущей „германо-турецкой“ арміи не приходится, ибо различные элементы населенія имперіи могутъ быть привлечены къ несенію воинской повинности далеко не въ одинаковой мѣрѣ. Какъ бы то ни было, кое-что сдѣлать здѣсь въ желательномъ для Германіи и Турціи направленіи еще возможно.

Гораздо меньше общаетъ Ближний Востокъ Германіи и Австріи въ отношеніи сырья. Здѣсь точные подсчеты еще болѣе рискованны, чѣмъ въ вопросѣ о людскомъ матеріалѣ. Но все же по цифрамъ турецкаго экспорта позволительно до извѣстной степени судить о возможныхъ запасахъ сырья въ Турціи. По всей видимости, Германія сможетъ получить изъ Турціи кое-что въ пополненіе испытываемаго ею недостатка въ продовольственныхъ средствахъ. Скотъ, животные продукты, зерно, плоды составляютъ, вмѣстѣ взятые, главную статью турецкаго экспорта (свыше 8 000 000 фунтовъ стерлинговъ въ 1910—11 годахъ). Вывозила также Турція шерсть. Возможно, что при содѣйствіи германскаго капитала она сможетъ повысить нѣсколько добычу мѣди и нефти и начнетъ снабжать ими Германію. Но послѣднее уже весьма проблематично (особенно во время войны), и врядъ ли Германія въ этомъ отношеніи очень рассчитываетъ на помощь Турціи.

Подводя итоги тѣмъ положительнымъ съ германо-австрійской точки зрѣнія результатамъ, какіе общаетъ центральнымъ державамъ ихъ успѣхъ на Балканахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдовательно, итоги мотивамъ ихъ Балканской экспедиціи, приходится упомянуть еще объ одномъ, весьма вѣскомъ для правительствъ Германіи и Австріи, соображеніи. Поскольку въ Англіи они видятъ душу анти-германской коалиціи, главную движущую силу согласія, Англія для нихъ — главный врагъ. Но этотъ врагъ въ то же время недосыгаемъ. Германо-австро-турецкія войска могутъ нанести пораженія и Россіи, и Франціи; добраться до Англіи, со-

крушить ея силу они не могутъ, пока на морѣ господствуетъ британскій флотъ. А до тѣхъ поръ, пока Англія остается неприкосновенной, побѣда центральныхъ державъ не можетъ дать всѣхъ результатовъ, къ какимъ онѣ стремятся. Ибо Англія будетъ попрежнему имѣть въ рукахъ въ видѣ блокады германскихъ береговъ мощное орудіе давленія на Германію, Германія же противъ Англіи будетъ безсильна. Это соображеніе заставляетъ германскихъ стратеговъ и политиковъ искать уязвимый пунктъ, большое мѣсто Англіи. Такой уязвимый пунктъ, собственно говоря, давно уже найденъ: это — Египетъ. Индія слишкомъ далека. Походъ въ Индію черезъ всю Переднюю Азію, черезъ Анатолю, Месопотамію, Персію былъ бы предпріятіемъ слишкомъ грандіознымъ, почти фантастическимъ. Другое дѣло — походъ на Египетъ. Онъ казался настолько осуществимымъ, что попытка въ этомъ направленіи была сдѣлана турецкой арміей, даже безъ существенной помощи со стороны Германіи, въ самомъ началѣ войны. Эта попытка закончилась полнымъ фіаско; но нѣтъ достаточныхъ основаній для увѣренности въ томъ, что ея повтореніе съ участіемъ германскихъ силъ, германской артиллеріи, подъ личнымъ руководствомъ Макензена или какого-либо иного германскаго генерала, останется столь же безрезультатнымъ. А если есть хотя бы незначительные шансы на успѣхъ, опытъ долженъ быть сдѣланъ, такъ какъ къ концу войны Германіи необходимо держать въ рукахъ какое-либо изъ цѣнныхъ английскихъ владѣній и этимъ парировать давленіе англійскаго флота.

II.

Для достиженія германо-австро-турецкихъ цѣлей на Балканахъ было необходимо присоединеніе Болгаріи къ этому новому тройственному союзу. Безъ соглашенія съ Болгаріей одного разгрома Сербіи было еще недостаточно, чтобы установить непосредственную связь между центральными державами и Турціей. Въ эту сторону, — въ сторону Болгаріи, — и были съ самаго начала направлены усилія австрійской и германской дипломатіи. Но, разумѣется, значеніе Болгаріи ясно сознавалось и въ противоположномъ лагерѣ. Болгарія являлась поэтому до послѣдняго момента, до своего выступленія, объектомъ самаго откровеннаго, самаго беззащитнаго торга между дипломатіями обѣихъ группъ воюющихъ державъ, съ одной стороны, и собственнымъ болгарскимъ правительствомъ — съ другой. Интересы болгарскихъ народныхъ массъ, истощенныхъ двумя балканскими войнами, принимались при этомъ въ расчетъ лишь постольку, поскольку со стороны этихъ массъ можно было ждать отпора той или иной правительственной авантюрѣ. Но возможенъ ли былъ такой отпоръ? . . .

Слабость буржуазныхъ группъ, заинтересованныхъ въ военной авантюрѣ, отнюдь не облегчала здѣсь задачъ оппозиціи войнѣ, ибо эта слабость, дополняемая безсиліемъ демократическихъ слоевъ, превращала номинальный болгарскій парламентаризмъ въ фикцію и передавала фактически всю власть въ руки правящей камарильи.

Несмотря на всѣ эти соображенія, пресса согласія возлагала на болгарскій народъ нѣкоторыя надежды. Не въ томъ смыслѣ, конечно, что онъ воспротивится рѣшительно всякимъ попыткамъ вовлечь Болгарію въ войну, а въ томъ, что онъ не пойдетъ воевать противъ согласія. Война на сторонѣ согласія, наоборотъ, вполне соотвѣтствуетъ, по мнѣнію этой прессы, интересамъ болгарскаго народа. Надежды эти основывались на двухъ положеніяхъ: во-первыхъ, на славянскомъ родствѣ болгаръ съ русскими; во-вторыхъ, на благодарности, которую болгары должны питать къ Россіи за свое освобожденіе. О первой идеѣ говорить долго не приходится. Ни близость языковъ, ни близость историческихъ судебъ за много вѣковъ до настоящаго момента не могутъ, конечно, вліять сколько-нибудь существенно на политическія настроенія народныхъ массъ. Что касается до родства въ смыслѣ культурной зависимости, то эта послѣдняя ясно сознается въ тонкомъ слѣ болгарской интеллигенціи, но врядъ ли доступна пониманію общественныхъ низовъ. Остается, слѣдовательно, благодарность, какъ факторъ международныхъ отношеній. Само собою разумѣется, что международныя отношенія опредѣляются болѣе реальными мотивами. Но, сверхъ того, необходимо принять во вниманіе слѣдующее.

Болгарія, конечно, создана какъ особое государство въ результатѣ Русско-Турецкой войны. Однако вѣдь было бы чрезмѣрной идеализаціей утверждать, что Россія не преслѣдовала нѣкоторыхъ собственныхъ политическихъ цѣлей. Достигнуть ихъ осуществленія полностью Россіи не удалось, во-первыхъ, вслѣдствіе противодѣйствія западно-европейскихъ державъ, во-вторыхъ, какъ разъ вслѣдствіе того, что Болгарія съ первыхъ же шаговъ своего существованія начала проявлять склонность къ фактической, а не номинальной только независимости дѣйствій.

Такъ создалась почва для руссофобскихъ настроеній въ Болгаріи, которыя подъ вліяніемъ дальнѣйшихъ дѣйствій русской дипломатіи на Балканахъ только усиливались. Затѣмъ Россія, опять-таки въ своихъ политическихъ интересахъ, нѣсколько смягчила свое отношеніе къ Болгаріи. Наступилъ новый періодъ сближенія между освободительницей и освобожденной, но это сближеніе закончилось еще болѣе рѣзкимъ разрывомъ. Кого бы мы ни считали виновникомъ второй Бал-

канской войны 1913 года, но въ сознаниі болгарскихъ массъ не могло не запечатлѣться различное отношеніе Россіи въ этотъ періодъ къ Болгаріи и къ ея противникамъ. И само собою разумѣется, что дѣятельность русской дипломатіи . . . . .

. . . . . не содѣйствовала повышенію популярности имени Россіи среди болгаръ.

Такимъ образомъ, надежды на народный протестъ, который прогрессивная европейская пресса столь строго осуждаетъ у себя дома и къ которому она недвусмысленно призывала на Балканахъ, были, въ сущности, весьма и весьма сомнительны. Дипломаты обѣихъ группъ державъ, предоставивъ прессѣ апеллировать къ народной благодарности, къ славянскимъ чувствамъ и т. п., оперировали съ совершенно иными, болѣе вѣскими аргументами и обращались съ ними не къ народнымъ массамъ, а къ правящимъ группамъ. Что же предлагали они Болгаріи?

1913 годъ нанесъ великодержавнымъ мечтамъ болгарскихъ правителей рядъ тяжелыхъ ударовъ. Во-первыхъ, Болгаріи пришлось поступиться въ пользу Сербіи и Греціи всей Македоніей и западной частью Эракіяскаго побережья. Во-вторыхъ, ей пришлось вернуть обратно Турціи завоеванный съ такимъ трудомъ Адрианополь и участокъ желѣзной дороги, соединяющій коренную Болгарію съ Эгейскимъ побережьемъ. Наконецъ она уступила Румыніи часть болгарской Дубруджи. Въ этихъ трехъ направленіяхъ и должны были явнымъ образомъ идти предложенія дипломатовъ. Конечно, одна группа шла дальше въ одномъ направленіи, другая — въ другомъ. Державы согласія охотно соглашались уступить Болгаріи турецкую Эракію съ Адрианополемъ до линіи Эносъ-Мидія, ибо они вели съ Турціей войну. Въ то же время онѣ убѣждали Румынію отказаться въ пользу Болгаріи отъ Добруджи, а Грецію — отъ Кавалы и Драмы, обѣщая компенсаціи первой за счетъ Австріи, второй — за счетъ Турціи. Зато въ отношеніи сербской Македоніи онѣ были далеко не такъ щедры. Въ началѣ ихъ общанія носили здѣсь совершенно неопредѣленную форму. Затѣмъ, подъ влияніемъ, такъ сказать, усилившейся конкуренціи со стороны центральныхъ державъ, эти общанія все болѣе и болѣе расширялись и конкретизировались. Но до самаго выступленія Болгаріи согласіе не могло гарантировать ей всей сербской Македоніи, на чемъ болгарское правительство рѣшительно настаивало.

Дипломатія центральныхъ державъ, наоборотъ, очень охотно общала Болгаріи сербскія территоріи: вѣдь съ точки зрѣнія Австріи и Германіи раздѣлъ Сербіи представляется идеальнымъ рѣшеніемъ сербскаго вопроса. Онѣ соглашались поэтому признать за Болгаріей право не только на всю Македонію, но и на значительныя части Старой Сербіи. Болѣе затруднительнымъ

представлялось для австро-германскихъ дипломатовъ урегулирование болгаро-турецкаго вопроса. Но и здѣсь имъ удалось, въ концѣ концовъ, достигнуть извѣстнаго компромисса, приемлемаго для обѣихъ сторонъ и легшаго въ основаніе болгаро-турецкаго соглашенія. По этому соглашенію Адрианополь остается за Турціей, а весь правый берегъ р. Марицы съ желѣзнодорожной линіей, связывающей Болгарію съ ея единственнымъ и болѣе или менѣе удобнымъ портомъ на Эгейскомъ морѣ, Дедеагачемъ, перешелъ къ Болгаріи. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, недостаточно достовернымъ, хотя и идущимъ изъ авторитетнаго источника, Германіей была, сверхъ всего прочаго, обѣщана Болгаріи и греческая часть Македоніи. Это представляется мало-правдоподобнымъ, ибо Германія была, какъ увидимъ ниже, очень заинтересована въ нейтралитетѣ Греціи, и отталкивать отъ себя Грецію для нея не было смысла. Гораздо вѣроятнѣе, что Болгаріи предлагалось овладѣть для округленія ея территорій нѣкоторою частью Албаніи.

Подписавъ (еще въ іюлѣ) договоръ съ Турціей, болгарское правительство тѣмъ самымъ окончательно опредѣлило лпню своего дальнѣйшаго поведенія. Ясно, что уступка была сдѣлана Турціей не даромъ, а въ обмѣнъ на извѣстное обязательство. Чѣмъ же руководствовались болгарскіе политики, отдавъ предпочтеніе, послѣ долгихъ колебаній, посуламъ центральныхъ державъ предъ посулами согласія?

Мотивы такого рѣшенія могли быть довольно разнообразны. Безспорно, не малую роль сыграла тутъ, на примѣръ, идея „освобожденія“ Македоніи отъ сербскаго ига. Присоединеніе Македоніи — исконная мечта правящихъ круговъ Болгаріи. Но въ отличіе отъ другихъ чисто завоевательныхъ мечтаній она окружена ореоломъ національнаго идеализма. Македонія связана съ Болгаріей самыми тѣсными узами: не столько спорной этнографической близостью, сколько многолѣтней культурной работой. Значительная часть македонцевъ, несомнѣнно, смотритъ на себя какъ на болгаръ, значительная часть македонскихъ дѣятелей эмигрировала въ Болгарію. Лозунгъ „за Македонію“ въ извѣстной части болгарскаго общества всегда вызывалъ откликъ и сознавался какъ лозунгъ не завоевательный, а освободительный. Сначала освобождали отъ турокъ. Освободили въ союзѣ съ сербами, но затѣмъ немедленно поссорились изъ-за того, къ кому присоединить освобожденныхъ. Побѣдили сербы, — и теперь приходится освобождать отъ сербовъ, искорениющихъ въ Македоніи болгарское культурное вліяніе. Такимъ образомъ, поднимая оружіе противъ Сербіи, болгарское правительство борется какъ будто во имя идеала національнаго объединенія. Поскольку борьба идетъ за Македонію, постольку ему обезпечено въ извѣстной мѣрѣ сочувствіе извѣстныхъ общественныхъ элементовъ.

Это общественное сочувствіе, этотъ ореоль, окружающій „македонскую идею“, конечно, облегчалъ выборъ болгарскаго правительства. Облегчали его и тѣ руссофобскія настроенія, о которыхъ шла рѣчь выше. Безъ нихъ ему пришлось бы дѣйствовать въ очень ужъ враждебной общественной атмосферѣ. Но не это все же, думается, опредѣлило его рѣшеніе. Главныи мотивъ ясно формулированъ въ запискѣ, циркулярно распространявшейся въ Болгаріи по органамъ мѣстнаго самоуправления наканунѣ ея выступленія. Этотъ мотивъ — вѣра въ конечное торжество центральныхъ державъ, вѣра въ то, что только въ союзѣ съ ними болгарское правительство сможетъ осуществить свои великодержавные замыслы. Не слѣдуетъ забывать, что рѣшеніе Болгаріи было принято окончательно лишь послѣ долгихъ колебаній и при томъ какъ разъ лѣтомъ этого года, — въ моментъ наивысшихъ успѣховъ австро-германскихъ армій. Сговорившись съ Германіей, заключивъ соглашеніе съ Турціей, Болгарія въ теченіе нѣкотораго времени не выступала только потому, что ей нужно было координировать свои дѣйствія съ планами германскаго генеральнаго штаба.

III.

Балканская кампанія вообще, участіе въ ней Болгаріи въ частности — въ странахъ согласія произвели ошеломляющее впечатлѣніе. Во Франціи недовольство дѣятельностью дипломатіи вызвало смѣну министра иностранныхъ дѣлъ, а затѣмъ послужило толчкомъ, ускорившимъ назрѣвавшій министерскій кризисъ. Въ Англіи дѣло ограничилось только частичными перемѣнами въ кабинетѣ да созданіемъ особаго военнаго совѣта; но и здѣсь положеніе министерства было одно время чрезвычайно затруднительнымъ. Въ дѣятельности обоихъ правительствъ наблюдалась въ теченіе нѣкотораго періода крайняя растерянность. Непосредственной, ближайшей ихъ задачей было созданіе на Балканахъ противовѣса болгарской арміи, который могъ бы парализовать значеніе ея выступленія и помочь сербамъ дать отпоръ надвигающимся австрійскимъ и германскимъ войскамъ. И эта задача оказалась, вслѣдствіе цѣлага ряда недоразумѣній и колебаній, невыполненной.

Сначала главныя надежды возлагались здѣсь на армію Греціи, которая, въ силу союзнаго договора, должна была прійти на помощь Сербіи въ случаѣ нападенія на нее Болгаріи. У власти стояло въ Греціи министерство Венизелоса, высказывавшееся въ пользу вмѣшательства. Министерство пользовалось довѣріемъ большинства палаты, а потому державы согласія считали выступленіе Греціи обезпеченнымъ. Но они не приняли въ расчетъ двухъ обстоятельствъ: во-первыхъ, фиктивности греческаго парламентаризма; во-вторыхъ, силы того страха, какой внушала и грече-

скимъ правящимъ кругамъ, и греческимъ народнымъ массамъ возможность столкновения съ могущественной Германіей. Между тѣмъ этотъ страхъ являлся надежной опорой для, такъ называемыхъ (далеко не точно), греческихъ германофиловъ, онъ связывалъ ихъ съ массами и облегчалъ имъ нарушение отнюдь еще не упрочившихся въ Греціи нормъ формальнаго парламентаризма. Исторія переговоровъ съ Греціей и ея колебаній за время войны могла бы, казалось, многому научить въ этомъ отношеніи дипломатовъ согласія.

Еще въ началѣ текущаго года Венизелосъ, бывший и тогда премьеромъ, представилъ королю Константину докладную записку, въ которой нарисовалъ широкую и смѣлую схему возможныхъ для Греціи приобретени въ случаѣ ея выступленія на сторонѣ согласія. По его мнѣнію, помимо уже занятой Греціей южной Албаніи, она могла рассчитывать на то, что ей достанутся всѣ остающіеся еще въ рукахъ Турціи острова Эгейскаго моря (въ томъ числѣ оккупированный Италіей Додеканесь) и громадная территория въ юго-западномъ углу Малой Азіи (отъ залива Адрамити до мыса Финека). Это должно было удвоить греческія владѣнія. Но такъ какъ тогда еще предполагалось возможнымъ присоединеніе къ согласію Болгаріи, то Венизелосъ оговаривался относительно необходимости уступить Болгаріи Кавалу и Драму. И увѣренность, съ какою Венизелосъ говорилъ о будущей Великой Греціи, и упоминаніе объ уступкахъ Болгаріи доказываютъ съ несомнѣнностью, что его докладная записка являлась только изложеніемъ того, что предлагали Греціи державы согласія за ея участіе въ проектировавшейся въ это время Дарданельской экспедиціи.

Условия, какъ мы видимъ, были исключительно благопріятны для Греціи; военные успѣхи Германіи были тогда далеко не столь значительны, какъ за время лѣтней кампаніи. И все же правящіе круги Греціи не соблазнились и тогда этими заманчивыми перспективами. Не соблазнились не потому, конечно, чтобы это казалось имъ недостаточнымъ, чтобы они мечтали о Византіи: греческіе политики прекрасно понимаютъ, что сейчасъ Константинополя они не могутъ получить ни отъ той, ни отъ другой изъ борющихся группъ державъ. Они не рѣшились выступить исключительно по той причинѣ, что у нихъ не было увѣренности въ побѣдѣ согласія, а въ случаѣ его пораженія безсильная сама по себѣ Греція рисковала бы слишкомъ многимъ. Весь инцидентъ съ предложеніями согласія закончился отставкой Венизелоса, роспускомъ палаты и образованіемъ новаго, „германофильскаго“, кабинета.

Если таковы были итоги попытки втянуть Грецію въ войну полгода тому назадъ, то сейчасъ рассчитывать на ея помощь было еще меньше оснований. Между тѣмъ на этотъ разъ дипло-

маты согласія, какъ кажется, не позаботились даже о томъ, чтобы выяснить Греціи возможныя для нея компенсаціи. Они надѣялись, что Греція двинетъ свои войска въ Македонію изъ одного только страха передъ усиленіемъ Болгаріи, не замѣтивъ, что въ Греціи гораздо сильнѣе страхъ передъ мощью Германіи.

Результатъ оказался такимъ, какого и слѣдовало ожидать на основаніи предыдущаго опыта. Снова Венизелосъ ушелъ въ отставку, и у власти сталъ снова кабинетъ, враждебный вмѣшательству. Но положеніе было теперь гораздо болѣе серьезнымъ для согласія, чѣмъ въ первые мѣсяцы 1915 года, отъ вмѣшательства Греціи зависѣло слишкомъ многое, и англійская дипломатія сдѣлала еще одну попытку ее соблазнить. Кое-что изъ старыхъ предложеній пришлось отбросить, ибо Додеканесъ, заселенный почти исключительно греками, былъ, такъ сказать, закрѣпленъ за Греціей послѣ ея выступленія, — очевидно, въ силу того же принципа защиты правъ малыхъ національностей, въ силу котораго Италіи же была обѣщана сѣверная Далмація. Эту потерю Англія должна была возмѣстить Греціи, уступивъ ей островъ Кипръ. Сверхъ того, Греціи было указано, новидимому, на возможность захвата ею всего Эракійскаго побережья Болгаріи. Если это указаніе было дѣйствительно сдѣлано, то, очевидно, для Болгаріи державами согласія была предрѣшена въ случаѣ ихъ побѣды та же участь, какую Германія и Австрія готовятъ для Сербіи, т. е. раздѣлъ. Если бы греческое правительство просто сравнивало относительную цѣнность для себя тѣхъ посуловъ, какіе дѣлались ему согласіемъ и Германіей, то оно, конечно, должно было бы стать на сторону перваго. Ясно, что Германія не могла предлагать Греціи ни участія въ раздѣлѣ Турціи, ни участія въ раздѣлѣ Болгаріи. И тѣмъ не менѣе, Греція отклонила и эти „максимальныя“ предложенія согласія. Попытка новаго вмѣшательства въ пользу согласія Венизелоса и большинства палаты привела только къ роспуску послѣдней. Очевидно, не было никакой возможности заставить Грецію выйти изъ состоянія нейтралитета, пока положеніе на театрѣ военныхъ дѣйствій складывалось неблагоприятно для согласія.

Въ ожиданіи выступленія Греціи Англія и Франція рѣшили послать на помощь ей небольшой отрядъ. Этотъ отрядъ высадился въ Салоникахъ, не обращая, конечно, вниманія на то, что Греція въ этотъ-то, по крайней мѣрѣ, моментъ была, несомнѣнно, страной нейтральной. Когда выяснилось, что Греція не выступитъ, было рѣшено, — и то еще послѣ нѣкоторыхъ колебаній, — не отзывать отрядъ обратно, а, наоборотъ, постепенно его усиливать. Въ то же время были предприняты шаги съ цѣлью побудить Италію принять активное участіе въ Балканской кампаніи, и, по послѣднимъ извѣстіямъ, Италія, дѣйствительно, начала уже высадку своихъ войскъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ Албанскаго по-

бережья. Но пока тянулись переговоры съ Греціей, пока наконецъ новые отряды шли изъ Англи, Франціи и Итали на Балканы, — Сербская кампанія была уже проиграна, и весь желѣзнодорожный путь Бѣлградъ-Нишъ-Софія-Адрианополь-Константинополь оказался въ рукахъ новаго германо-австро-болгаро-турецкаго союза. Прѣжняя задача — помѣшать „прорыву“ — смѣнилась новою, несравненно болѣе трудною, требующею несравненно больше силъ: разорвать уже налаженную связь.

Когда и какъ будетъ разрѣшена эта задача, разрѣшима ли она вообще — большой и сложный вопросъ. Сейчасъ, во всякомъ случаѣ, до этого еще очень далеко. Пока силы согласія на Балканахъ вынуждены ограничиваться обороной и думать не столько о подготовкѣ наступленія, сколько объ обезпеченіи своего тыла на случай отступленія. Положеніе сербской арміи, отходящей къ греческой границѣ, и союзной арміи, опирающейся на Салоники, было до сихъ поръ въ этомъ смыслѣ весьма неудобно. Отступление возможно для нихъ только на нейтральную греческую территорию. Строго говоря, греческое правительство, если оно желаетъ оставаться нейтральнымъ, обязано ихъ разоружить. Покамѣстъ оно не осмѣливается на этотъ шагъ.

Желаніемъ гарантировать себя отъ подобной возможности попасть въ такое положеніе и была вызвана послѣдняя нота, обращенная къ Греціи державами согласія. Въ ней не было уже болѣе рѣчи объ участіи Греціи въ Балканскомъ походѣ; въ ней выговаривались лишь извѣстныя условія, при которыхъ союзныя войска смогутъ чувствовать себя въ безопасности отъ нападенія съ тыла.

При господствѣ на морѣ британскаго флота, который можетъ въ любой моментъ прекратить всю морскую торговлю Греціи, а въ случаѣ крайности подвергнуть обстрѣлу почти всѣ греческіе города, вполне понятно, что Греція должна была пойти на эти уступки, несмотря на свой страхъ передъ Германіей. На этотъ разъ дипломатія согласія одержала побѣду.

ЛИТЕРАТУРА О БУДУЩЕМЪ МИРѢ.

(ПИСЬМО ИЗЪ ФРАНЦІИ.)

Какова будетъ карта освобожденной отъ германскаго милитаризма Европы? Какъ обезопасить Европу и все цивилизованное человѣчество отъ повторенія въ ближайшемъ будущемъ страшнаго кроваваго побоища, уносящаго милліоны молодыхъ и цвѣтущихъ жизней? И наконецъ какъ наказать виновниковъ и зачинщиковъ мировой войны, чтобы отбить у нихъ на долгие годы охоту пускаться въ кровавыя авантюры, нарушая законы нравственности и права? Вотъ вопросы, которые не сходятъ со страницъ повременной и периодической французской печати, и которымъ посвященъ рядъ брошюръ и книгъ, появившихся на французскомъ книжномъ рынкѣ. Ученые, профессора, политики, публицисты и дипломаты — всѣ спѣшатъ высказаться по этому жгучему вопросу, и теперь можно уже подвести нѣкоторые итоги этому потоку брошюръ и книгъ, посвященныхъ будущему миру. Ниже мы познакомимъ русскихъ читателей съ наиболѣе характерными произведеніями союзныхъ литераторовъ.

* * *

Начнемъ съ памфлета „Въ куски Германію! Драконовскій миръ!“ Авторъ этой брошюры — Онезимъ Реклю, географъ, произведенія котораго раздаются въ видѣ наградъ въ народныхъ школахъ. Первая глава называется: „Жалкій государь, сумасшедшій народъ“; вторая глава — „Злой дѣлаетъ дѣло, которое обращается противъ него“, и третья глава посвящена Бисмарку и носить название: „Грандиозный мерзавецъ“. Чего хочетъ авторъ? Прежде всего онъ не хочетъ „хромого мира“.

„Не надо забывать, — говоритъ профессоръ, — что нѣмцы злобны, измѣнчивы, мстительны, несправедливы, отчаянны, и поэтому ихъ нужно свести къ политическому и военному ничтожеству“ (стр. 16). „Германія всегда была, и особенно въ Африкѣ, коварна, безстыдна и злобна. Прежде всего у Германіи нужно отобрать всѣ колоніи, чѣмъ мы окажемъ большую услугу другимъ народамъ, ибо Германія — отвратительный сосѣдь. Затѣмъ германскія колоніи авторъ дѣлитъ между союзниками: Англія возьметъ юго-западную нѣмецкую Африку — всего 83 милліона гектаровъ; Франція возь-

метъ Камерунъ, съ прилегающими областями, всего 75 мил. гектаровъ; Того, имѣющей 10 мил. гектаровъ, будетъ принадлежать цѣликомъ Франци или будетъ полюбовно раздѣленъ съ Англійей. Восточно-африканскія германскія земли, лучшія изъ нѣмецкихъ колоній, Англія, конечно, не выпуститъ изъ рукъ, чѣмъ округлитъ свои восточно-африканскія владѣнія“.

„Такимъ образомъ, — прибавляетъ Реклю, — изгнанные съ чернаго континента, они намъ заплатятъ за ихъ африканскія наглости... и за ихъ экстравагантныя претензіи на Марокко“. Далѣе авторъ обращается къ Азіи. То же самое съ Новой Гвинеей, Новой Помераніей, Новымъ Мекленбургомъ и т. д. и т. д., т. е. весь Бисмарковскій Архипелагъ, Острова Каролинскіе, Маріанскіе, Маршалскіе и Соломоновы, Самоа — все это будетъ подѣлено между Японіей и Англійей.

„Міръ завтрашняго дня, — говоритъ Эдуардъ Дріо въ своей брошюрѣ „Франція и война“, — будетъ раздѣленъ между Франціей, Англійей и Россіей... Необходимо, чтобы Франція получила часть, пропорціональную своимъ жертвамъ и мировымъ интересамъ... Экономическое благосостояніе, на которое мы имѣемъ право рассчитывать, развитіе торговаго флота... будутъ прямо пропорціональны колониальнымъ рынкамъ, которые мы себѣ обезпечимъ. Особенно же рынки (колони) этихъ кліентовъ намъ надо будетъ себѣ гарантировать и организовать... Въ Азіи, на китайскомъ рынкѣ наше положеніе будетъ консолидировано крахомъ германскихъ претензіи“ (стр. 71, 72). Что касается Африки, то историкъ Дріо тоже полагаетъ, что Африка должна быть освобождена отъ нѣмцевъ, и тогда „Франція сможетъ закончить организацію своей громадной сѣвероафриканской имперіи“.

Но послѣдуемъ далѣе за Онезимою Реклю и посмотримъ на его карту будущей Европы. Прежде всего Франція возьметъ Эльзась-Лотарингію, прибавитъ къ этому весь угольный Саарскій бассейнъ, затѣмъ „мы ни въ какомъ случаѣ не допустимъ Рейнской Баваріи, Рейнской Пруссіи и великаго герцогства Люксембургскаго, не способнаго защитить себя противъ нѣмецкаго нашествія. Больше не должно быть нѣмецкихъ земель вдоль Мозеля, на лѣвомъ берегу Рейна. Чтобы насъ не обвиняли въ злоупотребленіи, мы предложимъ этимъ провинціямъ выборъ между аннексіей, французскимъ протекторатомъ или независимостью“. Профессоръ не сомнѣвается, что провинціи эти выскажутся за полное присоединеніе къ Франціи, и вы знаете — почему? „Что могло бы ихъ склонить, — говоритъ Реклю, — это отвращеніе къ грубымъ пруссакамъ, которыхъ они еще недавно ненавидѣли; честь принадлежать къ благородному народу и отечеству, увѣренность стать во всей Франціи полезными работниками и колонизовать съ нами Африку и наконецъ не стонать подъ тяжестью сказочнаго вознагражденія, которое должны будутъ платить виновники этой войны“.

Для устранения всякихъ сомнѣній въ томъ, что Рейнская провинція захотѣла присоединиться къ Франціи, географъ ищетъ авторитетовъ, чтобы доказать, что весь лѣвый берегъ Рейна искони вѣковъ принадлежалъ Франціи*.

Этимъ же отысканіемъ историческихъ доказательствъ занимается и Андрэ Сарду, сынъ знаменитаго Викторьена Сарду, въ своей брошюрѣ „L'Independance Eurgœenne“. Еще Юлій Цезарь въ своихъ мемуарахъ заявлялъ, что „Галлія распространяется отъ Рейна до Пиренеевъ и отъ Альпъ до Океана“, а Тацитъ въ своихъ „Нравахъ германцевъ“ утверждалъ, что Германия отдѣлена отъ Галліи Рейномъ. Послѣ Тацита, Страбона и другихъ тысячелѣтнихъ авторитетовъ идутъ Ришелье, Дантонъ, Карно и наконецъ французская тяжелая артиллерія — Наполеонъ I, который со свойственной ему рѣшительностью заявилъ: „Франція рано или поздно отвоюетъ свои естественныя границы, являющіяся такимъ же завѣтомъ Господа, какъ и Альпы и Пиренеи“. Утомленный своими историческими изысканіями и боясь, очевидно, что съ точки зрѣнія исторической справедливости можно потерять Марокко, Алжиръ, Тунисъ и Индо-Китай и часть чистыхъ французскихъ провинцій, Сарду заявляетъ: „Не прикрываясь историческими авторитетами, мы вообще разсматриваемъ, какъ минимумъ нашихъ претензій, отнятіе у Германии всѣхъ территорій лѣваго берега Рейна, до впаденія этой рѣки въ Голландію; взять только Эльзась-Лотарингію было бы надувательствомъ“.

На той же точкѣ зрѣнія исторической справедливости стоитъ нѣкто А. Д., помѣстившій въ органѣ французской финансовой буржуазіи „L'Information“ рядъ статей подъ общимъ заглавіемъ „Рейнъ не-прусскій“. „Если отвлечься отъ языка, — говоритъ А. Д. въ номерѣ отъ 5 апрѣля, — то со всѣхъ точекъ зрѣнія — географической, этнографической, исторической, религіозной, политической и экономической, — разница между заэльбской Пруссіей, съ одной стороны, и Рейнской Пруссіей, съ другой, такъ очевидна... и вообще между западной и южной Германіей, что ихъ ассимиляція кажется совершенно иррациональной и подчиненіе южной Германіи Пруссіи абсолютно несправедливымъ... Рейнскія области, случайно ставшія прусскими, хранятъ тѣ же политическія либеральныя идеи, что и Франція, и ту же католическую религію... Онѣ слѣдуютъ той же экономической эволюціи, что и сосѣднія области, и становятся активно индустриальными и коммерческими. Это настоящая историческая безмыслица, а также географическая, экономическая и этнографическая, чтобы граждане старыхъ латинскихъ и французскихъ городовъ Рейна, чтобы цивилизованные индустриальные ганзейскіе города стали подданными феодальнаго суверена... только

* Этимъ же историческимъ доказательствомъ посвящена брошюра члена института Camille Fuliан'a „Le Rhin Français, Le Rhin gaulois“.

потому, что его предки сумѣли выдрессировать для войны ихъ славянскихъ рабовъ. Будетъ непослѣдовательно и несправедливо, если католическое и промышленное население будетъ принесено въ жертву аграріямъ и протестантамъ“.

Географъ Онезимъ Реклю вспоминаетъ, что Метцъ, Страсбургъ, Кельнъ, Триръ, Аахенъ, Шпоръ, Вормсъ, Кобленцъ имѣли свои настоящія латинскія имена, а, слѣдовательно, всѣ эти города, какъ не нѣмецкіе, подлежатъ отчужденію. Что же возьметъ Франція? Эльзасъ-Лотарингю, Палатинатъ (Баварское владѣніе), Рейнскій Гесенъ, княжество (бывшее) Биркенфильдъ, нижнюю долину Мозеля и область Эйфель. Бельгія заберетъ себѣ территорию, равняющуюся одной трети ея нынѣшней территории, съ богатѣйшими городами Аахеномъ, Кельномъ, Дюссельдорфомъ и Крефельдомъ (Сарду, стр. 42). Цѣль всѣхъ этихъ аннексій? Она чрезвычайно ясно указана у того же Сарду. „Франція и Бельгія, — говоритъ этотъ авторъ, — нуждаются въ территорияхъ, обладающихъ естественными богатствами и представляющихъ новые рынки; наконецъ мы преслѣдуемъ двойную цѣль: увеличить нашу экономическую мощь, ослабляя въ то же время экономическую мощь нашихъ враговъ, ибо намъ не менѣе необходимо бороться противъ коммерческой и промышленной гегемоніи Германіи, чѣмъ противъ ея военного могущества“

Въ журналъ „La Nature“ (февраль) мы находимъ слѣдующее экономическое обоснованіе аннексіи Саарскаго угольнаго района:

„Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что бассейнъ, эксплуатируемый со всей необходимой интенсивностью, съ приложеніемъ всѣхъ необходимыхъ капиталовъ, сможетъ значительно компенсировать недочетъ для нашей страны въ углѣ... Если намъ и придется обращаться къ англичанамъ и бельгійцамъ за нѣкоторыми сортами угля, этотъ ввозъ будетъ компенсированъ вывозомъ угольнаго Саарскаго бассейна. Такъ выступаетъ въ области экономической капиталный интересъ присоединить этотъ угольный бассейнъ къ Эльзасу-Лотаринги, когда эта провинція вернется къ намъ“. Идеалистическіе мотивы объ исторической справедливости, подкрѣпленные соображеніями утилитарнаго характера, приобрятаютъ здѣсь особый вѣсъ.

„Мы должны требовать Саарскій бассейнъ, — говоритъ въ цитированной уже брошюрѣ историкъ Дрю, — потому что онъ необходимъ для экономическаго завершенія единства Лотаринги. Пруссія на лѣвомъ берегу Рейна — это угроза Франціи, Бельгіи и Англии. Весь лѣвый берегъ Рейна долженъ принадлежать Франціи, потому что онъ уже ей принадлежалъ отъ 1794 до 1814 года, и наконецъ потому, что „въ той или другой формѣ надо поставить противъ варваровъ барьеръ Рейна, укрѣпленный грандіозными крѣпостями“ (стр. 68). Другіе доводы въ пользу „отчужденія“ лѣваго берега Рейна выдвигаетъ Савари въ своей

брошюрѣ „la Frontière du Rhin“. Помимо всѣхъ уже перечисленныхъ историческихъ и стратегическихъ доказательствъ, Савари приводитъ то соображение, что отнятіе лѣваго берега Рейна у Германии является предпосылкой европейскаго и мірового равновѣсія. Равновѣсіе это устанавливается слѣдующимъ путемъ: съ отнятіемъ лѣваго берега Рейна, Шлезвигъ-Гольштинии и Польши въ Германии останется отъ 50 до 55 мил. жителей, во Франціи же будетъ приблизительно столько же или на нѣсколько миллионѣвъ меньше, а, слѣдовательно, эта послѣдняя будетъ въ состояніи содержать одинаковую съ Германіей армію, чѣмъ обезпечитъ европейское и міровое равновѣсіе. Если Франція не хочетъ отказаться отъ своей міровой миссии, необходимо, чтобы она вернула въ свои границы всѣхъ французѣвъ, насильно отдѣленныхъ германцами, Вѣнскимъ конгрессомъ и Франкфуртскимъ договоромъ; необходимо, чтобы она взяла обратно границу Рейна, ея границу естественную, историческую и моральную, — реальную границу галловъ, Меровинговъ и Каролинговъ, границу, необходимую для равновѣсія Франціи и равновѣсія Европы. (Стр. 44.)

Если перечисленные выше авторы останавливаются въ раздумьѣ на Рейнѣ, то Сарду рѣшительно декретируетъ: „Всѣ территории праваго берега Рейна должны принадлежать Франціи, защищая такимъ образомъ Бельгію и ея приобрѣтенія на лѣвомъ берегу Рейна противъ всякихъ угрозъ съ востока. Кромѣ городовъ Фрибурга, Карлсруэ, Гейдельберга, Мангейма, Дармштадта, Висбадена, Эльберфельда и Эссена, мы получили бы громадныя угольные бассейны Рура, Сига и Лана, ибо мы нуждаемся въ новыхъ территорияхъ съ естественными богатствами“.

Такимъ образомъ, Эльзась-Лотарингія берется по праву, Саарскій каменноугольный бассейнъ (Сарду предлагаетъ подумать и о Рурскомъ бассейнѣ) — для завершения экономическаго единства, а всѣ города съ ихъ зонами защиты на обоихъ берегахъ Рейна — для заслона отъ варваровъ.

Будущій Галло-Бельгійскій союзъ, о которомъ говоритъ анонимъ, предлагающій таможенное объединеніе между Франціей, Бельгіей, Люксембургомъ и Голландіей (!), занимаетъ также и Эдуарда Дрю.

„Послѣ общихъ испытаній и общихъ жертвъ, — говоритъ историкъ, — мы будемъ интимно связаны съ Бельгіей, и чтобы вырвать ее отъ экономическаго нашествія Германии, нужно будетъ войти съ ней въ очень тѣсный экономическій союзъ“ (стр. 68) *.

Все это начинаетъ походить на знаменитую „организацию“ Европы, возвѣщенную Оствальдомъ.

* О необходимости тѣснаго экономическаго союза съ Бельгіей и Голландіей говоритъ и Dantenville въ своей брошюрѣ: „Les A'lemagnes, la France, Belgique et la Hollande“.

Но — вопросъ: что дѣлать съ жителями вновь завоеванныхъ провинцій? Тутъ замѣчаются между авторами довольно серьезныя разногласія. Анонимъ предлагаетъ не брать на себя никакихъ обязательствъ по отношенію къ жителямъ аннексированныхъ областей, ибо въ этихъ новыхъ французскихъ областяхъ придется ввести военный режимъ и осадное положеніе. Географъ Онезимъ Реклю полагаетъ, что придется аннексировать население „вопреки знаменитому принципу национальностей“, и предлагаетъ строить въ каждой деревнѣ школу, гдѣ население будетъ изучать „нашъ языкъ, менѣе щетинистый, менѣе скабресный, менѣе трудный, болѣе цивилизованный и гораздо болѣе мировой, чѣмъ deutsch“. Историкъ Дрю поддерживаетъ ту точку зрѣнія, что „не надо бросать впередъ, какъ безспорную аксіому, принципъ национальностей, который намъ принесъ уже столько зла. Национальность текуча... Въ сущности, население лѣваго берега Рейна кельтское; оно въ продолженіе долгихъ вѣковъ получало галло-римское воспитаніе и только поверхностно пруссифицировано гнуснымъ милитаризмомъ“. Интересное рѣшеніе вопроса предлагаетъ Андрэ Сарду. Провозгласивъ, какъ принципъ, что было бы нелогичнымъ, несправедливымъ и плохой политикой навязать национальность побѣдителя со всѣми правами и обязанностями побѣжденному населенію, территории которыхъ аннексированы, Андрэ Сарду рѣшительно заявляетъ: „Намъ кажется болѣе соответствующимъ справедливости, какъ для побѣдителей, такъ и для побѣжденныхъ, аннексировать исключительную территорию, но не жителей, которые могли бы продолжать тамъ жить на извѣстныхъ условияхъ, очень ограничительныхъ, и были бы разсматриваемы на французской территории какъ иностранцы“ (стр. 45). Далѣе идетъ подробное изложеніе „правъ“ новыхъ иностранцевъ, которыя далеко оставляютъ за собой „права“ румынскихъ евреевъ.

Чаянія и надежды всѣхъ этихъ писателей прекрасно выразилъ академикъ Морисъ Баррессъ въ одной изъ своихъ статей, посвященныхъ борьбѣ тевтонской и латинской расъ.

„Дѣло идетъ о томъ, — писалъ Баррессъ, — чтобы выгнать нѣмцевъ, разбить ихъ единство и принять предосторожности на Рейнѣ“ („L'Echo de Paris“, 10 января 1915 г.).

Менѣе радикаленъ по отношенію къ населенію Рейнскихъ провинцій извѣстный историкъ французской революціи Оларъ. Въ своей брошюрѣ „La paix future d'après la révolution française et Kant“ („Будущій миръ согласно французской революціи и Канту“) онъ пишетъ: „Мы не запретимъ рейнскимъ жителямъ оставаться нѣмцами, мы не заставимъ ихъ быть французами, если они этого не хотятъ, они не станутъ французами противъ своей воли, но мы ихъ избавимъ отъ всякаго вліянія Пруссіи, мы запретимъ имъ вооружаться противъ насъ, мы ихъ нейтрализуемъ и сдѣлаемъ изъ нихъ государства-буфера и наконецъ мы вернемъ имъ вкусъ

къ миру, мы заставимъ ихъ любить миръ и жить въ мирѣ; мы запретимъ имъ войну, мы отнимемъ у нихъ всякую возможность вести ее" (стр. 29—30). Заставить любить миръ — задача чрезвычайно сложная, и достигнуть этого А. Оларъ хочетъ вооруженной силой, а еще Робеспьеръ сказалъ, что „вооруженныхъ миссионеровъ не любятъ“.

* * *

Отгородивъ Западъ отъ вторичнаго нашествія варваровъ посредствомъ укрѣпленнаго Рейна, государствъ-буферовъ и пр., кабинетные дипломаты переходятъ къ упорядоченію всего міра. Прежде всего Германия должна будетъ уплатить „tous les pots cassés“, т. е. протори и убытки за европейскую войну. Сколько съ нея взять? „Сто одинъ миллиардъ, — отвѣчаетъ Онезимъ Реклю, — 101 миллиардъ, который надо разложить на 101 годъ, чтобы будущія поколѣнія Германии чувствовали всю тяжесть преступления своихъ отцовъ“. Надо тутъ же отмѣтить, что 101 миллиардъ — цифра сравнительно скромная, ибо редакторъ „La Revue“ Жанъ Фино требуетъ 170 миллиардовъ.

А одинъ поэтъ, Рауль Поншонъ, облекъ требование контрибуціи даже въ стихотворную форму:

„Мы ихъ разоружимъ и такимъ путемъ,
Что въ теченіе долгаго времени
Эти отвратительные звѣри
Больше не выльзутъ изъ своихъ берлогъ.
Они намъ заплатятъ военные миллиарды,
Хотя бы имъ пришлось
Сто лѣтъ подъ рядъ ѣсть одну картошку
Или хлѣбъ К.-К.“

„Изъ 170 миллиардовъ контрибуціи Германия должна будетъ уплатить 110—112 миллиардовъ, — говоритъ Марсель Маркезъ въ № 5 бюллетеня „Антигерманской Лиги“ отъ 1 марта, — и поэтому придется принять соотвѣтствующія мѣры финансоваго контроля: повысить желѣзнодорожныя ставки, увеличить налогъ на табакъ, напитки и пр. Германия достаточно богата, чтобы заплатить колоссальную контрибуцію, а чтобы она не попыталась отъ этого уклониться, надо занять войсками ея богатѣйшія провинціи.“ Германия достаточно богата, чтобы заплатить громадную контрибуцію, — таково содержаніе недавно опубликованной книги экономиста Даниеля Белле: „Comment payer les frais de guerre“.

„Сверхъ-человѣки, — говорилъ Реклю, — вели сверхъ-войну, заставимъ же ихъ заплатить сверхъ-контрибуцію. Къ ихъ несчастію, мы — жертвы, мстители и судьи. Они, руководители нѣмецкаго народа, заслуживаютъ, чтобы ихъ таскали съ веревкой на шеѣ по всѣмъ дорогамъ и продали на рынкѣ“. Кто долженъ быть наказанъ?“ „Всѣ! — отвѣчаетъ Реклю. — Прежде всего педагоги и духо-

венство католическое и лютеранское, безконечный миръ негощантовъ, фабрикантовъ, заводчиковъ, финансистовъ, всѣ журналисты, публицисты, экономисты, историки до метафизиковъ включительно и наконецъ особенно военная каста — юнкеры отъ самаго маленькаго офицера до Вильгельма. Вся нація виновна. Они (нѣмцы) достойны, чтобы ихъ обратили въ рабство; наложимъ на нихъ, не колеблясь, чрезмѣрную контрибуцію, — необходимо, чтобы теоретики и практики превентивной войны были превентивно разорены вдрызгъ“.

Не менѣ категориченъ по части вознагражденія и бывший морской министръ Де-Ланессанъ. Въ недавно выпущенной брошюрѣ „Pourquoi les allemands se sont vaincus“ онъ заявляетъ, что германцы должны будутъ уплатить всѣ громадныя издержки, понесенныя союзниками. Что же касается размѣра этого вознаграждения, то это зависитъ отъ продолжительности войны. Необходимо, чтобы адепты силы поняли, какому риску они подвергаются, когда заставляютъ другія націи объединиться, чтобы противодѣйствовать ихъ злоупотребленіямъ. Для того, чтобы наложенная контрибуція была уплачена, нужно будетъ оккупировать богатѣйшія провинціи Германіи, наложить руку на желѣзныя дороги и таможенные сборы. Побѣдители смогутъ даже заставить заводы работать для оплаты вознаграждения и возстановленія разрушенныхъ бельгійскихъ и французскихъ фабрикъ и заводовъ. „Во всякомъ случаѣ, условия мира должны быть такія, чтобы миръ былъ обезпеченъ на неопредѣленно долгое время“ (стр. 139—140).

Большая, многомиллиардная контрибуція служитъ довольно часто темой для большой прессы, которая не видитъ выхода изъ экономического тупика внѣ германскихъ миллиардовъ. Но для того, чтобы Германія могла заплатить грандіозную контрибуцію, необходимо, чтобы ея экономическое могущество не было подорвано войной, а между тѣмъ Андрэ Сарду декретируетъ, что „необходимо ослабленіе экономической активности Германіи, ибо уменьшить ея богатство — это значитъ увеличить настолько же наше“ (стр. 18). Съ другой стороны, „Le Temps“ неоднократно напоминалъ, что необходимо подорвать экономическое могущество врага, если хотятъ дѣйствительно ослабить Германскую имперію, а при такихъ условіяхъ вопросъ о контрибуціи, да еще грандіозной, становится все болѣе и болѣе проблематичнымъ.

Война, какъ мы знаемъ, направлена противъ германскаго милитаризма. Эта борьба объединяетъ теперь всѣ партіи отъ монархистовъ до гедистовъ, и совершенно естественно, что всѣ авторы выдвигаютъ ту или иную программу освобожденія Европы отъ прусскаго милитаризма. „Французское общественное мнѣніе, — пишетъ академикъ Морисъ Баррессъ, — требуетъ полнаго, радикальнаго разоруженія Германіи... Уничтоженіе всякой арміи, — ни одного офицера, ни одного солдата. Внутренняя гражданская полиція, —

ничего больше. Ни пушекъ, ни митральезъ. Запрещене даже фабриковать военный матеріаль для другихъ. (Крезю избавится, такимъ образомъ, отъ Круппа.) Нужно просто уничтожить военный и морской бюджетъ. Счастливые нѣмцы! — восклицаетъ академикъ, — мы ихъ избавимъ отъ воинской повинности и въ то же время мы облегчимъ ихъ налоговое бремя“. (Цитирую по брошюрѣ „La Paix impossible avant la Revanche“.)

Разоружене германскаго милитаризма, по мысли цитированныхъ авторовъ, сулитъ Франци эпоху развитія военной мощи. Въ самомъ дѣлѣ, если Германию нужно разоружить силой оружія, то надо и послѣ войны содержать большую армию для того, чтобы Германия не вздумала отказаться отъ своего счастья. „Германию, — говоритъ О. Реклю, — надо разбить на двѣ части: на южную Германию и Германию сѣверную“. Для того же, чтобы эти двѣ Германи остались расчлененными, географъ предлагаетъ воздвигнуть между ними колоссальныя, хорошо оборудованныя крѣпости, расположенныя въ неприступныхъ мѣстахъ и съ сильными европейскими гарнизонами.

Надо мужественно раскромсать Пруссию и Германию. Ни Германской конфедерации, ни Пруссии, ни Австрии! Каждая провинція автономна, замкнутая въ самой себѣ, безъ альянса съ сосѣдями. Свободные города: Гамбургъ, Бременъ, Любекъ, Франкфуртъ-на-Майнѣ и др. — подъ англійскимъ, французскимъ и русскимъ протекторатомъ. Маленькія королевства — Померанія, Мекленбургъ, Ольденбургъ, Бранденбургъ, Вестфалія, Гессенъ, Баденъ, Вюртембергъ, Баварія, Тироль, Австрія и т. д. Однимъ словомъ, пусть не останется и слѣда отъ 1864, 1869 и 1870 годовъ!

„Мы отрицаемъ за Германіей право на единство“, — такъ заявляетъ сторонникъ расчлененія Германской имперіи J. Dontenville въ своей брошюрѣ: „Les Allemagnes, la Belgique et la Hollande“. Авторъ предлагаетъ создать изъ Германи и Австрии двѣ конфедерации — южную и сѣверную, ампутировавъ предварительно Ганноверъ, Франкфуртъ-на-Майнѣ, Познань, Силезію, Гельголандъ, весь лѣвый берегъ Рейна, всѣ вольные города и т. д.; въ южную конфедерацию войдетъ нѣмецкая Австрія, всѣ же остальные земли Габсбургской монархіи или отойдутъ къ сосѣдямъ (Галиція и Буковина къ русскимъ, Трансильванія къ румынамъ, Боснія, Герцеговина, Банатъ, Славонія къ сербамъ, Триентъ, Триестъ, Истрія и Далмация (!) къ итальянцамъ), или образуютъ самостоятельныя королевства (Богемія, Венгрія). „Побѣдоносная Франція не позволитъ, чтобы рядомъ въ ея непосредственномъ сосѣдствѣ существовало перенаселенное и компактное государство“ (стр. 30). Болѣе подробно останавливается на этомъ нѣкій*** въ брошюрѣ „La paix, que nous devons faire“. Послѣ призведеннаго чернаго передѣла останутся только четыре великихъ государства — Россія, Франція, Англія и

Италия. Пруссия будетъ уничтожена, Австрія подѣлена между сосѣдями. Отъ Австріи останется только великое княжество Вѣнское. Однимъ словомъ, центральная Европа возвращается въ первобытное состояние. Германия и Австрія будутъ разбиты на рядъ маленькихъ государствъ, роль которыхъ будетъ служить буферами между оставшимися гигантами. Авторъ обсуждаетъ вопросъ о томъ, какая должна быть конституція этихъ карликовыхъ государствъ и какъ обезопасить цивилизованный міръ отъ попытокъ расчлененной Германии слиться въ единую имперію? Не нужно забывать, что весь этотъ „черный передѣлъ“ производится во имя правъ угнетенныхъ народностей, и побѣда союзниковъ повлечетъ за собой исправленіе всѣхъ историческихъ несправедливостей. Прежде всего „возстанавливается свободная Польша подъ скипетромъ нашего благороднаго союзника“. Россія, какъ увѣряетъ анонимъ, не нуждается въ увеличеніи своей территории, а желаетъ только пополнить Польшу. Однако она возьметъ восточную и западную Пруссию, которая „правда, населены германцами“, но „тутъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ звучитъ славянская рѣчь“, и Россія спасетъ здѣсь все, „что осталось отъ полонизма“, аннексируя обѣ провинціи. Россія беретъ также Познань, населенную славянами, и тѣ области Силезіи, „гдѣ звучитъ славянская рѣчь“, а если Россія захочетъ, „она можетъ присоединить и всю Силезію“. Правда, это какъ будто противорѣчитъ принципу національностей, но это ничего не значитъ, говоритъ Онезимъ Реклю: „очень долго славяне принадлежали нѣмцамъ; пусть же теперь нѣмцы будутъ подчинены славянамъ“.

Вообще принципъ національностей, являющійся боевымъ лозунгомъ противъ центральныхъ монархій, теряетъ всю свою силу, какъ только дѣло доходитъ до нѣмцевъ, которые должны быть расчленены даже и помимо ихъ желанія, — правда, для ихъ же собственного блага.

Радикальный историкъ великой революціи Оларъ даже утверждаетъ, что необходимо измѣнить конституцію Германии, депрусифицировать ее такъ, чтобы каждое государство нѣмецкое имѣло свою собственную автономную армию, но чтобы всѣ эти армии не могли соединиться, какъ орудіе завоеванія.

Логически слѣдовало бы присоединить къ Германии австрійскихъ нѣмцевъ и предоставить имъ устраиваться, какъ они хотятъ. Примѣненіе этого принципа къ Германии оказалось бы чрезвычайно опаснымъ, — говоритъ Оларъ, — „ибо, такъ называемый, принципъ національностей можетъ повлечь за собой тиранническія послѣдствія, такъ какъ онъ можетъ привести къ созданію громадныхъ, угрожающихъ свободѣ всего міра, государствъ. Даже принципъ свободы народовъ мы сумѣемъ примѣнить съ умѣренностью, безъ донкихотства, безъ неосторожнаго пропагандизма“... (стр. 31).

* * *

Если аннексія лѣваго берега Рейна вызываетъ у нѣкоторыхъ авторовъ, какъ Де-Ланнессана и Виктора Баша (см. его *La guerre de 1914 et le droit*) сомнѣнія, и споръ идетъ о томъ, нужно ли брать населенныя нѣмцами провинци, то когда дѣло доходитъ до Оттоманской империи, всѣ ужъ за то, чтобы аннексировать возможно больше. Затруднения вызываетъ только вопросъ о Константинополѣ и проливахъ. Кому владѣть ключами Святой Софи? Если Сарду находить, что Константинополь, Босфоръ, Дарданеллы, Галиполи и Мраморное море надо отдать Россіи, а Де-Ланнессанъ предоставляетъ Россіи выбирать между аннексией и интернационализацией, — то анонимъ высказывается категорически противъ аннексии.

„Этотъ великій городъ, — говоритъ анонимъ, — долженъ образовать интернациональное владѣніе, подчиненное специальному режиму, гарантированному всѣми державами, которыя примутъ участие въ конгрессѣ мира... Я не игнорирую того факта, что нѣкоторые русскіе политическіе дѣятели требуютъ для своей страны Константинополь и проливы, но я не вѣрю, чтобы великая Россія хотѣла вызывать международныя подозрѣнія, пытаясь наложить руку на проливы, которые должны остаться свободными для всѣхъ, а также на великій Константиновъ городъ, отдаляющій ее отъ Румынии и Болгарии, для освобождения которыхъ она такъ много сдѣлала“... Но самый исчерпывающій отвѣтъ на этотъ щекотливый вопросъ далъ бывший антимилицаристъ Густавъ Эрвэ.

Послѣ долгихъ и упорныхъ усилий по перекройкѣ Европы и по постановкѣ новыхъ межевыхъ знаковъ, Густавъ Эрвэ предложилъ отдать Константинополь бельгійскому королю Альберту за его рыцарское поведение въ этой войнѣ (въ послѣднее время Эрвэ отдаетъ уже Константинополь Россіи). „Я вылъчилъ уже, — писалъ Эрвэ, — польскую язву, язву еврейскую, а теперь остается еще язва турецкая“, и онъ усиленно занимается „турецкой язвой“, не зная, что дѣлать съ турками послѣ освобождения Оттоманской империи отъ нѣмцевъ.

Что Константинополь не долженъ принадлежать больше туркамъ — это для всѣхъ ясно, и не менѣе ясно, что Азиатская Турція должна быть раздѣлена между союзниками. Андрэ Сарду находить (стр. 60), что „будетъ справедливымъ, если зона влияния будетъ признана за Франціей въ Сиріи, гдѣ мы имѣемъ столько моральныхъ и матеріальныхъ интересовъ, столько воспоминаній прошлаго... Мы должны требовать вмѣстѣ съ Италіей протектората надъ Ливаномъ. Палестина должна быть подъ протекторатомъ Италіи“ (Эрвэ, отдавая Палестину евреямъ, полагаетъ, что Палестина должна находиться подъ протекторатомъ Франціи). Скромныя притязанія Сарду на Ливанъ не удовлетворяютъ уже цитированнаго дипломата, скрывающагося за тремя звѣздочками. „Франція, — говоритъ онъ, — возьметъ тѣ области, гдѣ она имѣетъ преобладающее

влияние уже в течение столетий и которая находится под ее моральным протекторатом, т. е. Сирию, Ливан и Святыя Мѣста, которая она организуетъ, какъ она это понимаетъ, при условии охраненія порядка, торговли и провозглашенія безъ всякихъ ограниченій полной религиозной свободы“. Эта аннексія охватитъ вилайеты Сири, Алеппо и Бейрута и области Иерусалима и Ливана — иначе говоря, всѣ области отъ моря „до лѣваго берега Евфрата, включая сюда Сирийскую пустыню“ (стр. 68).

Моральные интересы республиканской и свѣтской Франціи въ Турціи заключаются, главнымъ образомъ, въ конгрегационныхъ школахъ, организованныхъ въ Константинополь, Бейрутъ, Смирнѣ и другихъ городахъ Оттоманской имперіи. Во главѣ этихъ школъ стоятъ иезуиты, лазаристы, францисканцы и другія разновидности черной армии католицизма, а французская республика продолжаетъ выдавать субсидіи всѣмъ этимъ школамъ, несмотря на отдѣленіе церкви отъ государства. Знаменитая формула Гамбетты: „Клерикализмъ — вотъ нашъ врагъ!“ смягчена, какъ говоритъ Ренэ Пинонъ въ своей интересной книгѣ „Европа и Оттоманская имперія“, новой формулой практической политики: „антиклерикализмъ не есть предметъ вывоза“, т. е. антиклерикализмъ хорошъ для внутренняго употребленія. Кромѣ того, если вспомнить, что Франція уже во времена Крестовыхъ Походовъ стала защитницей католицизма въ Оттоманской имперіи, что еще Гарунъ-аль-Рашидъ призналъ за Франціей право охраны Святыхъ Мѣстъ, что, начиная съ 1535 года, турецкіе султаны признавали духовный протекторатъ Франціи надъ католиками, что въ 1604 году Генрихъ IV получилъ торжественное подтвержденіе этихъ правъ отъ турецкаго султана черезъ французскаго посла Савари де Брэвъ, что капитуляціи 1620 и 1740 годовъ увеличили привилегіи короля Франціи, что Конвентъ продолжалъ политику покровительства католиковъ въ Турецкой имперіи и что наконецъ Франція XIX и начала XX вѣковъ ревниво охраняла на Ближнемъ Востокѣ „завѣщанное предками наслѣдство“, — то станутъ понятными слова графа Крессати, что „отъ Карла Великаго до нашихъ дней Франція всегда рассматривала Сирию какъ свое моральное достояніе и охраняла сирийскій народъ своимъ материнскимъ покровительствомъ“ (см. его брошюру „La Syrie Française“, 1915, стр. 23).

„Сирия, — говоритъ графъ Крессати, — имѣетъ громадное значеніе для Франціи съ точки зрѣнія экономической, стратегической и политической. Франція является не только самой большой католической страной, но и великой арабской державой. Какъ католическая нація, она должна владѣть Святыми Мѣстами; какъ держава арабская, она должна изъ этого центра консолидировать свою мусульманскую имперію. Если Франція хочетъ охранить и увеличить свое могущество въ мусульманскомъ мірѣ, ей нужно завоевать мозгъ и сердце — ей нужно обладать Сирией“ (стр. 21). „Кромѣ правъ дипломатическихъ, религиозныхъ и политическихъ,

Франція имѣть на Сирію еще другія права, вытекающія изъ ея преобладающаго вліянія въ области экономической, промышленной и моральной. Франція имѣть тамъ 769 километровъ желѣзныхъ дорогъ, ей принадлежитъ трамвай между Бейрутомъ и Малмезонъ, она имѣть концессию на линію Райакъ-Лидія и преимущество на линію Гомсъ-Деиръ-эль-Зоръ; Франціей построена дорога Бейрутъ-Дамаскъ, она имѣть въ Сиріи шелковыя фабрики, химическіе заводы и владѣть значительными земельными участками, принадлежащими религиознымъ конгрегаціямъ. Однимъ словомъ, съ точки зрѣнія промышленной и финансовой она занимаетъ въ Сиріи первое мѣсто“ (стр. 24). Выводъ, къ которому приходитъ графъ Крессати, — тотъ, что „права Франціи въ Сиріи подтверждены и освящены цѣлыми рядами традицій, дипломатическими актами многовѣковой давности, ея привилегированнымъ положеніемъ, промышленнымъ и финансовымъ преобладаніемъ, а также желаніемъ сирійскаго населенія“ (стр. 31).

Отношеніе же самой Сиріи къ Франціи характеризуется въ пышной статьѣ Шарля Венсена въ „Revue Hebdomadaire“ отъ 15 мая 1915 года такъ: „Сирія объявила себя нашей приемной дочерью, — провозглашаетъ Венсенъ. — Она хочетъ отдать намъ свою кровь... свои безпримѣрныя богатства... свои незаселенныя поля... свою торговлю... Отъ глагола католической Франціи Левантъ ждетъ призыва къ воскрешенію“...

Графъ Крессати болѣе всего боится, чтобы Франція не удовлетворилась „урѣзанной“ Сиріей, и онъ, принимая во вниманіе, что „Россия и Англія берутъ себѣ обширныя территоріи“, требуетъ „естественныхъ границъ“ для французской Сиріи. Изъ приложенной гр. Крессати карты видно, что „неурѣзанная“ Сирія представляетъ одну изъ лучшихъ частей Оттоманской имперіи, ибо это „моральное достояніе“ состоитъ изъ слѣдующихъ трехъ частей: южная Сирія: Палестина, Святыя Мѣста и Заіорданскія области; сѣверная Сирія: вилайеты Адана, Алеппо съ портомъ Александретой, и центральная Сирія: княжество Ливанское, вилайеты Бейрутскій и Дамаскскій съ портами Латакіе, Триполи, Яффа, Кайфа, Сайдо, Тиръ и Газа.

Для „отчужденія“ лѣваго берега Рейна можно еще, цѣпляясь за „историческую справедливость“, сказать, какъ это дѣлаетъ Савари, что „эта великая война исправляетъ не только Седанъ, но Лейпцигъ и Ватерлоо“, если тотъ же Савари доказываетъ, что „Франція абсолютно нуждается въ границѣ Рейна, что дѣлаетъ ее шедевромъ природы“, (стр. 32). Но какъ же обстоитъ дѣло съ притязаніями Франціи къ Оттоманской имперіи? „На самомъ дѣлѣ, — отвѣчаетъ на этотъ вопросъ профессоръ парижскаго университета Эрнестъ Дени въ своей книгѣ „La Guerre“, — дѣло не въ хищнической политикѣ, а въ защитѣ населенія Оттоманской имперіи отъ взаимнаго истребленія“. „Одинъ изъ самыхъ разительныхъ примѣровъ турецкой неспособности, — говоритъ ученый профессоръ, — это то, что она (Турція) оставляетъ ликвидаторамъ хаосъ народовъ,

гдѣ нѣтъ ни одной национальности, способной къ самостоятельной жизни. Это настоящія вакантныя земли, *res nullius*... Среди этихъ туземцевъ — курдовъ, грековъ, армянъ, арабовъ, — которые поочередно рѣжутъ другъ друга, кому ввѣрить будущее этихъ областей? Одинъ знатокъ Востока сказалъ: если Турція исчезнетъ, и если никакая европейская нація не замѣнитъ ее, — марониты, греки, метюалисы, не говоря уже о друзьяхъ и курдахъ, истребятъ другъ друга въ кровавой внутренней борьбѣ. Волей-неволей ничего другого не остается дѣлать, какъ распредѣлить между иностранными протекторатами народы, которые еще слишкомъ жестоки и молоды, чтобы ихъ можно было предоставить ихъ собственной неопытности“ (стр. 347). Такимъ образомъ, Турція будетъ раздѣлена для ея же собственной пользы; человѣчество выиграетъ, а Франція не будетъ въ убыткѣ, ибо, какъ говорить ученый профессоръ, „грамотъ Франціи на Сирію и Палестину никто никогда не оспаривалъ“.

Трудно было бы примирить „принципъ национальностей“ съ освобожденіемъ Турціи отъ турокъ, если бы неспособность этихъ послѣднихъ управлять Оттоманской имперіей не поставила ихъ внѣ рамокъ цивилизованнаго человѣчества и если бы передъ Франціей не стояли міровыя задачи. „Франція, — говоритъ Савари, — имѣетъ своей исторической миссіей практическое объединеніе міра. Эту благородную и тяжелую миссію чемпиона справедливости Франція, выступившая на зарѣ христіанства, какъ старшая дочь церкви, выполнить во имя своего національнаго развитія, равновѣсія Европы и прогресса всего міра“... Болѣе „материалистическое“ объясненіе политикѣ раздѣла Турціи даетъ „L'Asie Française“, органъ, не склонный къ идеалистическому любу мудрью. „Не оставить за собой этой области (дѣло идетъ объ интегральной Сиріи), — говоритъ этотъ журналъ, — было бы непоправимымъ *diminutio capitis* и, болѣе того, это было бы неизвинительнымъ: въ настоящее время, когда всѣ народы, принимающіе участіе въ этой гигантской борьбѣ, мечтаютъ о томъ, чтобы удовлетворить свои чаянія на спинѣ (*sur le dos*) Турціи и Австро-Венгрии, а добра хватить, конечно, для всѣхъ, — Франція, болѣе всѣхъ пострадавшая отъ войны, можетъ спасти завѣты своего великаго прошлаго на Востокъ... Ей достаточно этого захотѣть и показать, что она этого хочетъ: не забудемъ, что на международномъ банкетѣ не приходится ожидать услугъ отъ своего сосѣда“ (мартъ 1915).

Не надѣясь, очевидно, на „международный банкетъ“, гр. Кресати совѣтуетъ завладѣть немедленно Сиріей, ибо „въ сферѣ дипломатіи „владѣніе стоитъ грамоты“ и „fait accompli на службѣ права представляетъ собой наиболѣе вѣрное и въ то же время наиболѣе законное орудіе успѣха“ (стр. 40).

Таковы тѣ чаянія и надежды, которыя выплываютъ на взбаламученную войною поверхность французской общественной жизни и вскрываютъ движущія силы современнаго мірового конфликта.

А. Лозовскій.

РУМЫНІЯ ВЪ СОВРЕМЕННОМЪ МЕЖДУНА- РОДНОМЪ КОНФЛИКТЪ.

I.

Съ того момента, какъ Италия вступила въ войну съ Австріей, самымъ важнымъ дипломатическимъ вопросомъ, волновавшимъ прессу и кабинеты европейскихъ государствъ, являлся вопросъ о томъ, какой шагъ предприметъ Румынія передъ лицомъ разыгрывающихся событій. Примкнетъ ли Румынія къ Германіи и Австро-Венгрии и, въ силу тайной конвенціи, подписанной покойнымъ королемъ Карломъ, объявить войну Россіи и ворвется въ Бессарабію? Будетъ ли Румынія сохранять „строгія нейтралитетъ“ и, продавая по крайне выгодной цѣнѣ хлѣбъ, керосинъ и всякаго рода другіе продукты центральнымъ державамъ и Турціи,—содѣйствовать, такимъ образомъ, обогащенію класса земледѣльцевъ и немногочисленныхъ промышленниковъ, пользующихся кровавой бойней, царящей во всей Европѣ, для устройства своихъ дѣлишекъ и наживанія капиталовъ? Подчинится ли наконецъ Румынія условіямъ тайнаго договора, подписаннаго ею съ нашимъ правительствомъ уже во время самой войны, именно въ октябрѣ 1914 года, и займетъ своими войсками территорію Австро-Венгерской имперіи, населенную румынами?

До Дарданельской экспедиціи, начатой, какъ извѣстно, въ февралѣ нынѣшняго года, казалось несомнѣннымъ, что вотъ-вотъ Румынія не сегодня-завтра выйдетъ изъ состоянія нейтралитета и бросится на Австро-Венгрію. Дарданельская экспедиція снова осложнила вопросъ о вмѣшательствѣ Румыніи въ пользу Россіи и союзниковъ послѣдней. Эта экспедиція въ необычайной мѣрѣ усилила позиціи румынскихъ нейтралитетовъ и даже дала серьезное оружіе въ руки немногочисленнымъ сторонникамъ австро-германской оріентаціи. Все же, когда въ маѣ нынѣшняго года Италия, связанная очень дружественными отношеніями съ Румыніей, объявила войну Австро-Венгрии, не только печать тройственнаго согласія, но и многіе органы австро-венгерской прессы писали въ такомъ тонѣ, какъ будто военное вмѣшательство Румыніи противъ центральныхъ державъ было уже фактомъ неустрашимымъ. Однако съ той поры прошло уже много мѣсяцевъ, и въ

тотъ моментъ, когда я пишу эти строки, Румынія продолжаетъ сохранять свой нейтралитетъ, но все же вопросъ о румынскомъ вмѣшательствѣ продолжаетъ обсуждаться и въ австро-германской прессѣ, и въ печати враждебныхъ державъ. Какія условія диктуютъ румынскій нейтралитетъ, какія причины, наоборотъ, толкаютъ это маленькое государство вмѣшаться въ свалку первоклассныхъ государствъ—вотъ вопросъ, который я постараюсь теперь освѣтить.

Но прежде всего поставимъ вопросъ: что можетъ дать вмѣшательство маленькой Румыніи той коалиціи державъ, на сторону которой она станетъ, — т. е. какую силу представляетъ собой армія небольшого государства, какую военную помощь можетъ оказать Румынія одной сторонѣ, какой ударъ можетъ нанести другой?

Румынія — небольшая страна, протяженіемъ въ 131 000 квадратныхъ километровъ съ населеніемъ въ 7 250 000 жителей. По численности населенія, по своему промышленному развитію, по своей финансовой мощи, наконецъ по густотѣ своей желѣзнодорожной сѣти Румынія является безусловно самымъ могучимъ изъ Балканскихъ государствъ.

По численности населенія Румынія равняется Болгаріи и Греціи, взятымъ вмѣстѣ. Ея внѣшняя торговля (1 миллиардъ франковъ) превосходитъ по своимъ размѣрамъ внѣшній товарооборотъ всѣхъ остальныхъ Балканскихъ государствъ (Болгаріи, Сербіи, Греціи, Черногоріи), вмѣстѣ взятыхъ. Наконецъ ея желѣзнодорожная сѣть по своему протяженію (3755) километровъ превосходитъ желѣзнодорожную сѣть двухъ любыхъ изъ ея балканскихъ сосѣдей. Въ Румыніи одна школа приходится на 13 000 жителей. Число студентовъ въ одномъ только Букарестскомъ университетѣ превосходитъ число учащихся въ трехъ университетахъ—Софіи, Бѣлграда и Аѣинь, вмѣстѣ взятыхъ. Эти цифры, показывающія, что, по развитію своихъ производительныхъ силъ, Румынія является самымъ сильнымъ изъ Балканскихъ государствъ, имѣютъ громадное значеніе и для опредѣленія военной мощи Румыніи, ибо всѣ событія нынѣшней войны доказали, что боевая сила всякой страны опредѣляется не только голымъ числомъ штыковъ, которые она можетъ выставить, но и степенью ея экономического развитія, густотой ея желѣзнодорожной сѣти, быстротой ея мобилизаціи и т. п.

Вооруженныя силы Румыніи состоятъ изъ дѣйствующей арміи, резерва и милиціи. Дѣйствующая армія и ея резервъ назначаются для дѣйствія въ полѣ, милиція — для внутренней службы: охраны мостовъ, желѣзныхъ дорогъ, крѣпостей и т. п. Военная служба обязательна для всѣхъ гражданъ въ возрастѣ отъ 21 до 42 лѣтъ*. Ежегодно призывается къ набору до 75 000 чело-

* Въ мартѣ 1913 года румынскій военный министръ внесъ проектъ • продленія срока военной службы до 46 лѣтъ.

вѣкъ, изъ коихъ принимается на службу до 50 000, т. е. 76⁰/₁₀₀ всего призываемаго населенія. Срокъ казарменной службы — два года въ пѣхотѣ, три въ кавалеріи. Каждый румынъ, отбывшій воинскую повинность, числится въ, такъ называемой, активной арміи до 28 лѣтъ. Затѣмъ онъ переходитъ въ резервъ, гдѣ числится до 38 лѣтъ. Наконецъ онъ переходитъ въ территориальную милицію, гдѣ остается до 42 лѣтъ.

Въ мирное время румынская армія насчитываетъ болѣе 100 000 человекъ. Въ случаѣ войны или вообще въ тревожные моменты немедленно призываются подъ оружіе всѣ граждане въ возрастѣ до 28 лѣтъ, и, такимъ образомъ, формируется, такъ называемая, активная армія, состоящая изъ 5 корпусовъ (10 дивизій) или 266 батальоновъ пѣхоты. Эта армія можетъ быть мобилизована въ нѣсколько дней. Кромѣ того, первые классы резервистовъ старше 28 лѣтъ также призываются немедленно подъ оружіе въ случаѣ объявленія всеобщей мобилизаціи и образуютъ пять резервныхъ дивизій или 60 батальоновъ, — стало быть, по одной резервной дивизіи на каждый корпусъ. Такимъ образомъ, каждый корпусъ въ случаѣ войны состоитъ изъ двухъ активныхъ дивизій и одной резервной. Вся полевая румынская армія состоитъ изъ 15 пѣхотныхъ дивизій, двухъ кавалерійскихъ дивизій (120 эскадроновъ) и около 30 артиллерійскихъ полковъ.

Уже изъ этихъ данныхъ мы видимъ, насколько преувеличиваютъ силу румынской арміи тѣ публицисты, которые вслѣдъ за румынскимъ профессоромъ Базилеско повторяютъ, будто Румыніи можетъ своимъ вмѣшательствомъ бросить на чашу вѣсовъ 1 миллионъ штыковъ и разрѣшить конфликтъ согласно своей волѣ въ ту или другую сторону. Если Румыніи вмѣшается въ пользу Австріи, миллионная румынская армія вторгнется въ Бессарабію, овладѣетъ Кишиневомъ, Бендерами, пойдетъ на Одессу, Херсонъ, отрѣжетъ всю южную Россію отъ Чернаго моря, сдѣлаетъ безполезной всю Дарданельскую экспедицію и заставитъ Россію капитулировать передъ центральными державами. Атакуй, наоборотъ, миллионная румынская армія Австро-Венгрію — и тогда судьба Европы приметъ другой характеръ. Двуетидной имперіи придется отвлечь много корпусовъ отъ русской границы, отъ сербской территоріи для борьбы съ грозной румынской арміей, опирающейся на удивительную систему крѣпостей. Облегченно вздохнетъ 170-миллионная Русская Имперія и, воодушевленная громадной поддержкой, оказанной ей могучей Румыніей, съ удвоенными силами бросится на врага. И не только Сербія, но и Россія, Франція, Англія, Бельгія, Италия и даже Японія будутъ, такимъ образомъ, благодаря миллиону румынскихъ штыковъ, спасены отъ вѣрнаго пораженія въ борьбѣ съ страшнымъ германскимъ колоссомъ и выйдутъ побѣдителями изъ конфликта съ послѣднимъ.

Пусть мой снисходительный читатель не думаетъ, что я шар-

жирю. Я только повторяю почти съ буквальной точностью разсужденія одного изъ видныхъ политическихъ дѣятелей Румыніи, профессора и депутата Базилеско, опубликовавшаго въ швейцарской газетѣ „Journal de Genève“ (1 іюня 1915 г.) статью, гдѣ доказывается, что „шпага Румыніи можетъ лечь рѣшающимъ грузомъ на вѣсахъ войны“, что „милліонъ румынскихъ штыковъ держитъ на своихъ острияхъ судьбу Европы“ и т. д. „Я бы могла васъ убить!“ — какъ бы говорить устами Базилеско Румыніа, обращаясь то къ центральнымъ державамъ, то къ четверному согласію: „Что дадите вы мнѣ, дабы я этого не сдѣлала и вмѣсто васъ убила вашего противника?“

Прежде всего скажемъ, что эта цифра — 1 милліонъ штыковъ, которая такъ часто встрѣчается не только въ румынской, но и въ европейской прессѣ, представляетъ собой чистѣйшій абсурдъ. Страна въ 7—8 милліоновъ душъ населенія не можетъ выставить на театръ войны милліонъ штыковъ. При характерѣ современнаго боя, при разрушительной силѣ современнаго огня, всякая страна, ведущая войну, вынуждена на ряду съ арміями, дѣйствующими на линіи огня, сооружать въ тылу, въ такъ называемыхъ, резервныхъ батальонахъ, цѣлыя арміи для непрерывнаго пополненія убыли въ сражающихся на фронтѣ войскахъ. Мнѣ извѣстенъ случай одного полка во Франціи, который, имѣя численный составъ въ 3000 человекъ, уже успѣлъ потерять убитыми, ранеными, вообще выбывшими изъ строя 12 000 человекъ, а составъ полка все остается тотъ же, ни на одну единицу меньше, чѣмъ онъ былъ, когда выступилъ въ походъ. Каждый полкъ, несмотря на самыя страшныя потери, остается и долженъ оставаться въ численномъ отношеніи какъ бы безсмертнымъ. Само собой разумѣется, что для того, чтобы полкъ сохранилъ свою боевую силу и оставался численно всегда равенъ себѣ, необходимо имѣть наготовѣ въ резервныхъ батальонахъ достаточное количество обученныхъ военному дѣлу и вооруженныхъ солдатъ для пополненія страшной убыли въ сражающихся на фронтѣ войскахъ. Только въ тотъ моментъ, когда резервные батальоны перестаютъ осуществлять свою функцію, когда они уже не въ состояніи пополнять непрерывныя потери въ сражающихся на фронтѣ батальонахъ, полкахъ, корпусахъ, — можно сказать, что боевая мощь данной страны начинаетъ клониться къ упадку и что страна идетъ къ пораженію.

Такимъ образомъ, если бы Румыніа даже располагала милліономъ вооруженныхъ и обученныхъ военному дѣлу гражданъ, это не значило бы, что она можетъ двинуть къ границамъ милліонъ штыковъ. Мы видѣли, что румынская арміа состоитъ изъ 5 армейскихъ корпусовъ. Кладя на каждыя корпусъ по 60 000 комбатантовъ (максимальная цифра для корпуса), мы получаемъ, что въ случаѣ войны Румыніа можетъ выставить 300 000 пѣхо-

тинцевъ. Присоединяя сюда кавалерію и артиллерію, мы получимъ армію въ 400 000 человѣкъ, такъ называемой, первой линіи.

400 000 человѣкъ — вотъ вся сила, которую Румынія можетъ бросить на театръ войны, вотъ тотъ мечъ, который со страшнымъ напряженіемъ своихъ силъ можетъ удерживать въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ на чашѣ европейскихъ вѣсовъ эта небольшая страна. Правда, румынская армія прекрасно вооружена, хорошо обучена военному дѣлу; правда, за долгій періодъ нынѣшней войны румынское правительство успѣло заготовить достаточное количество снарядовъ, такъ что эта армія представляетъ собой внушительную силу, но все же какъ далеко отъ этой скромной цифры 400 000 до фантастическихъ выкладокъ профессора Базилеско!

Однако былъ моментъ, когда вмѣшательство 400-тысячной прекрасно вооруженной румынской арміи могло сыграть очень серьезную роль въ нынѣшней войнѣ. Это было тогда, когда русскія арміи стояли у Карпатскихъ проходовъ и угрожали Венгерской равнинѣ, направляя свой путь на Будапештъ. Въ этотъ моментъ нападеніе румынской арміи при содѣйствіи 200 000 сербовъ на южныя границы Австріи могло бы въ значительной мѣрѣ парализовать силы Двуетной имперіи и помѣшать позднѣйшему наступленію австрійскихъ войскъ противъ Россіи. Это былъ рѣшительный моментъ. Этотъ моментъ Румынія пропустила, и теперь она его не вернетъ. Конечно, и теперь вмѣшательство Румыніи могло бы оказать значительную пользу ея будущимъ союзникамъ и нанести серьезный вредъ ея врагамъ. Нападеніе 400-тысячной румынской арміи на границы Бессарабіи значительно ослабило бы силы Россіи на другихъ фронтахъ. Наоборотъ, вмѣшательство Румыніи противъ Австріи поставило бы центральныя державы въ очень неудобное положеніе: во-первыхъ, была бы окончательно прервана всякая связь между этими державами и Оттоманской имперіей; во-вторыхъ, даже въ томъ случаѣ, если бы румынской арміи не удалось ворваться на австрійскую территорію, на Австро-Венгрію выпала бы новая задача защищать новый фронтъ протяженіемъ въ 400 километровъ (отъ Желѣзныхъ Воротъ до Черновицъ); въ-третьихъ, вмѣшательство румынской арміи обезопасило бы правый флангъ сербской арміи и увеличило бы наступательную силу послѣдней.

Во всякомъ случаѣ, въ настоящій моментъ вмѣшательство Румыніи въ пользу четверного согласія могло бы имѣть серьезное вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій только при самомъ энергичномъ наступленіи противъ болгарскихъ и австро-нѣмецкихъ войскъ со стороны союзныхъ армій и при поддержкѣ Греціи. Роль же румынской арміи въ качествѣ самостоятельнаго фактора не можетъ быть велика въ нынѣшней грандіозной войнѣ, и потому понятно, что Румынія ни въ коемъ случаѣ не можетъ

оказать того рѣшающаго вліянія на исходъ войны, какое грезилось румынскому патриоту Базилеско.

* * *

Несомнѣнно, что если Румынія выйдетъ изъ своего нейтралитета, она примкнетъ къ сильнѣйшей сторонѣ, и примкнетъ въ тотъ моментъ, когда ея правящимъ классамъ будетъ казаться, что дѣло Румыніи — „дѣло вѣрное“, и что страна ничѣмъ не рискуетъ — кромѣ нѣсколькихъ сотъ тысячъ человѣческихъ жизней и разоренія трудовыхъ массъ, — ввязываясь въ кошмарную войну между могучими европейскими державами. Насколько осторожно румынское правительство въ этомъ отношеніи, какъ боится оно скомпрометировать себя, прежде чѣмъ окончательно не выяснятся шансы побѣды той или другой изъ воюющихъ коалицій, видно изъ того факта, что когда — въ моментъ вторженія австро-германскихъ войскъ въ Польшу и Курляндію — датская газета „Berlinske Tidende“ напечатала сообщеніе о заключеніи договора между Румыніей и четвернымъ согласіемъ, генеральный румынскій консулъ немедленно послалъ въ упомянутую газету слѣдующее опроверженіе:

„Сообщеніе, опубликованное Вами, о договорѣ съ четвернымъ согласіемъ и о вмѣшательствѣ Румыніи въ войну противъ центральныхъ державъ представляетъ собой печальную мистификацію. Я прошу Васъ принять во вниманіе это заявленіе и довести до свѣдѣнія Вашихъ читателей, что это алармистское сообщеніе лишено всякаго основанія“.

Вотъ какъ перепугалось румынское правительство, располагающее миллиономъ всеокрушающихъ штыковъ, когда датская газета, въ моментъ наступленія австро-германскихъ войскъ на Польшу, сообщила о намѣреніи Румыніи бросить свой тяжелый и острый мечъ на чашу вѣсовъ!

Какіе интересы связываютъ и разъединяютъ Румынію съ воюющими другъ съ другомъ сосѣдними странами? Въ чемъ заключаются империалистскіе планы господствующихъ классовъ этого балканскаго государства? Почему многіе румынскіе государственные дѣятели съ такой тревогой ставятъ передъ собой вопросъ: „На кого выгоднѣе напасть въ удобный моментъ — на Россію или на Австро-Венгрію? Противъ кого изъ этихъ двухъ государствъ Румынія должна бросить всѣ свои силы, чтобы осуществитъ наконецъ созданіе новаго могучаго Румынскаго государства“?

Съ другой стороны, если существуютъ такіе румынскіе публицисты, какъ Кортони, который пишетъ въ журналѣ „Viata Romaneasca“, издаваемомъ въ Яссахъ, что Румынія должна быть готова напасть съ тылу на Россію, все одно — выйдетъ ли послѣдняя побѣдительницей или побѣжденной, и доказываетъ, что

въ случаѣ пораженія Россіи нужно будетъ отнять у нея Бессарабію, а въ случаѣ побѣды Россіи надъ Австріей нужно будетъ отнять у Русской Державы эту побѣду силой румынской арміи,— зато существуютъ вліятельные писатели и государственные дѣятели, въ родѣ Николая Филипеску, Тако Ионеску и др., которые утверждаютъ, что главнымъ врагомъ Румыніи является Австро-Венгрія, и что поэтому воевать нужно только съ послѣдней, опираясь на помощь Россіи и ея союзниковъ.

II.

Экономическое положеніе Румыніи заслуживаетъ большого вниманія для пониманія ея внѣшней политики. Въ экономической структурѣ страны, въ реальныхъ интересахъ ея господствующихъ классовъ мы находимъ могучіе факторы, которые толкаютъ Румынію, съ одной стороны, къ сближенію съ Франціей и Англійей, а съ другой, наоборотъ, связываютъ это балканское государство съ Австро-Венгріей и Германіей.

Почва Румыніи очень бѣдна углемъ. Ея единственнымъ минеральнымъ богатствомъ является керосинъ. Это отсутствіе угля задерживаетъ развитіе въ Румыніи фабрично-заводской промышленности. Страна имѣетъ земледѣльческій характеръ. Вывозъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ составляетъ главную статью румынскаго экспорта (74%). Кромѣ того, вывозятся керосинъ и лѣсъ. Будучи очень слабо развита въ фабричномъ отношеніи, Румынія ввозитъ изъ-за границы металлы, машины, текстильные предметы и одежду. Гдѣ покупаетъ Румынія эти необходимыя ей желѣзо, одежду, сельскохозяйственныя машины? Куда продаетъ, въ обмѣнъ, эта страна свой хлѣбъ, свой керосинъ и лѣсъ? Вотъ вопросы, отвѣты на которые разъяснить намъ не мало въ англофильскихъ, франкофильскихъ, германофильскихъ чувствахъ Румыніи или, наоборотъ, въ ея „антипатіяхъ“ къ той или другой странѣ.

Главнымъ кліентомъ Румыніи является Англія, которая прямымъ путемъ черезъ Лондонъ или обходнымъ черезъ Антверпенъ поглощаетъ половину всего экспорта Румыніи, при чемъ покупаетъ $\frac{3}{4}$ румынской пшеницы. Далѣе немаловажными кліентами Румыніи являются Бельгія, Франція, Италія, которые покупаютъ румынскій керосинъ. Итакъ, Румынію съ Франціей, Англійей, Бельгіей, Италіей связываютъ въ торговомъ отношеніи узы, которыя соединяютъ поставщика съ его наиболѣе важнымъ и наиболѣе выгоднымъ кліентомъ.

Обратныя отношенія связываютъ Румынію съ Австро-Венгріей и Германіей. Румынія является уже не поставщикомъ для этихъ странъ, а ихъ кліентомъ. Румынія покупаетъ у Германіи въ пять разъ болѣе, чѣмъ продаетъ послѣдней. Итакъ, борьба

между англо-французскимъ вліяніемъ въ Румыніи и вліяніемъ австро-германскимъ есть, въ сущности, борьба между клиентами и поставщиками этой страны. Мы любимъ нашихъ клиентовъ, особенно такихъ, которые хорошо расплачиваются за товаръ, но мы зависимъ отъ нашихъ поставщиковъ. Положение очень деликатное. Господствующіе классы Румыніи, ея земледѣльцы — „бояре“ наживаются на продажѣ своихъ сельскихъ продуктовъ и керосина въ Англию, Францію, Бельгію. Однако необходимость покупать сравнительно громадное количество товаровъ въ Австро-Венгрии и Германіи вызываетъ необходимость въ австро-германскомъ кредитѣ, усиливаетъ финансовую зависимость отъ центральныхъ государствъ. Въ Букарестѣ имѣются три нѣмецкихъ банка, только одинъ англійскій и ни одного французскаго. Проникновеніе германскаго капитала и нѣмецкихъ товаровъ въ Румынію усиливалось въ течение послѣднихъ лѣтъ съ необычайной быстротой и вело къ „германизаци“ страны. Французскій языкъ до сихъ поръ остается разговорнымъ языкомъ въ румынскихъ салонахъ, но въ магазинахъ говорятъ по-нѣмецки.

Понятно, что экономическое и финансовое вліяніе центральныхъ державъ, роль австро-германскихъ банковъ не мало содѣйствовали „германофильскимъ“ тенденціямъ въ правящихъ кругахъ Румыніи и ослабляли значеніе „симпатій“ къ Англии и Франціи, этимъ странамъ, „являющимся очагами цивилизаци и культуры, носителями идей свободы“ и т. п. На ряду съ экономическимъ и финансовымъ факторомъ, вліянію „германофильской“ партіи въ Румыніи сильно содѣйствовали два благоприятныхъ условія: династическія связи центральныхъ державъ съ Румыніей и недоброжелательство нѣкоторой части румынскаго общества къ Россіи изъ-за вопроса о Бессарабіи.

Недовольный отнятіемъ у Румыніи Бессарабіи, король Карлъ въ 1883 году заключилъ тайную конвенцію съ тройственнымъ союзомъ, по которому Румынія въ случаѣ войны центральныхъ державъ съ Россіей обязывалась вторгнуться своими войсками въ Бессарабію и не заключать мира безъ согласія державъ тройственнаго союза. Такимъ образомъ, эта конвенція была заключена черезъ годъ послѣ подписанія военнаго договора между Австріей и Германіей, съ одной стороны, Италіей — съ другой. Румынская военная конвенція съ тройственнымъ союзомъ возобновлялась нѣсколько разъ, но официально о ея существованіи въ Румыніи не было извѣстно никому, кромѣ короля и президентовъ совѣта министровъ.

Въ силу этой конвенціи, румынская армія въ случаѣ войны должна была идти отъ Штафанешть черезъ Бѣльцы до Могилева Подольскаго, въ то время какъ австрійская двигалась бы изъ южной Галиціи и Буковины черезъ Каменецъ-Подольскъ на Кіевъ. Параллельно съ этимъ предполагалось движеніе нѣсколькихъ кор-

пусовъ итальянской арміи въ промежуткахъ между войсками румынскими и австрійскими. Такимъ образомъ, румынскіе солдаты, настроенные не очень дружелюбно по отношенію къ австрійскимъ, не находились бы на поляхъ битвъ въ непосредственномъ соприкосновеніи съ ними.

Впервые покойный король Карль сообщилъ объ этой тайной конвенціи на экстраординарномъ засѣданіи всѣхъ нынѣшнихъ и бывшихъ министровъ и лидеров партій, состоявшемся въ Синайѣ въ моментъ взрыва нынѣшней войны. Король Карль настаивалъ на томъ, что Германія одна собственными силами въ состояніи разбить и Россію, и Францію, вмѣстѣ взятыя, и указывалъ, что Румынія только выиграетъ, если ея знамя будетъ развѣваться рядомъ съ знаменемъ нѣмецкимъ, и требовалъ отъ своихъ министровъ исполненія условій подписанной имъ военной конвенціи. Совѣтъ министровъ и лидеров партій единогласно, за исключеніемъ голоса бывшаго министра Карпа, — отвергъ требованіе короля и нашелъ, что конвенція не дѣйствительна ни по формѣ, ни по существу. Конвенція, — доказывали члены совѣта, — подписана только однимъ королемъ и, такимъ образомъ, является его личнымъ актомъ, обязывающимъ румынскаго монарха какъ частнаго человѣка, но не обязывающимъ ничуть страну. Въ силу румынской конституціи, для страны имѣютъ обязательную силу только конвенціи, ратификованныя палатами. Одинъ изъ участниковъ совѣщанія, консерваторъ, указалъ, что ни онъ, ни его коллеги, ни даже члены кабинета никогда не читали конвенціи, которая держалась въ секретѣ, чѣмъ были нарушены основныя политическія традиціи, требующія, чтобы секретныя соглашенія съ иностранными державами получили санкцію обѣихъ палатъ. Король доказывалъ, что Румынія находится въ томъ же положеніи, что и Италія, входящая въ тройственный союзъ, но, по ироніи судьбы, во время этого засѣданія была получена телеграмма, что Италія рѣшила держаться строгаго нейтралитета. Это усилило позицію противниковъ войны: „Конвенція заключена съ тройственнымъ союзомъ, т. е. съ Германіей, Австро-Венгріей, Италіей, вмѣстѣ взятыми, а не съ одной или съ двумя изъ державъ этого союза. Разъ Италія не воюетъ, — конвенція теряетъ всякое значеніе не только для страны, но лично для короля, подписавшаго ее. По условіямъ конвенціи, въ случаѣ войны съ двойственнымъ союзомъ, половина итальянской арміи должна была идти къ русско-австрійской границѣ и дѣйствовать здѣсь на юго-восточномъ фронтѣ въ соединеніи съ румынскими войсками. Разъ одно изъ условій конвенціи по волѣ или противъ воли Австро-Венгрии и Германіи нарушено одною изъ сторонъ, подписавшихъ эту конвенцію съ Румыніей, конвенція теряетъ всякое обязательное значеніе для Румыніи“. Такъ аргументировали противники войны съ Россіей, и король, требовавшій войны съ послѣдней, остался въ меньшинствѣ.

Эта конвенція показываетъ, между прочимъ, какимъ серьезнымъ противникомъ считалась въ то время Россія. Въ случаѣ войны съ послѣдней и Франціей часть нѣмецкой арміи (саксонскіе корпуса), вся австрійская армія, вся румынская, половина итальянской арміи должны были идти именно противъ Россіи.

Весь стратегическій смыслъ этой конвенціи заключался въ томъ, что, согласно ей, именно на долю румынской арміи, предназначенной къ движенію отъ Штафанешть черезъ Бѣльцы къ Могилеву Подольскому, выпала бы защита Перемышля и Львова. Румынская пресса объясняетъ первоначальную отдачу Львова и Перемышля, обратное взятіе которыхъ потребовало столько энергии отъ австро-нѣмецкихъ войскъ, именно тѣмъ обстоятельствомъ, что румынская армія, которой предполагалось поручить защиту этихъ пунктовъ, оказалась внѣ строя, между тѣмъ какъ австрійскимъ арміямъ пришлось заниматься другими операціями.

Нынѣшняя война началась совершенно неожиданнымъ образомъ въ томъ отношеніи, что Германія и Австрія сразу же потеряли двухъ союзниковъ: Румынію и Италию, съ которыми онѣ были связаны въ теченіе болѣе тридцати лѣтъ постоянно возобновлявшимися военными конвенціями, въ то время какъ Россія и Франція, наоборотъ, приобрѣли союзниковъ, которыхъ Германія никакъ не рассчитывала увидѣть на сторонѣ Россіи, какъ, на примѣръ, Японію.

Отказываясь присоединиться къ Германіи и Австріи на основаніи тайной конвенціи, румынскіе министры мотивировали свое отрицательное отношеніе къ предложенію короля тѣми же аргументами, что и итальянское правительство, объявившее въ самомъ началѣ войны своей нейтралитетъ. Румынія, подобно Италиі, подписала съ Германіей и Австріей оборонительный союзъ, между тѣмъ Германія и Австрія первыя начали войну, — стало быть, это война наступательная, и Румынія въ ней не обязана была принимать участіе. Но, конечно, причины румынскаго нейтралитета, какъ и итальянскаго, лежали въ другихъ областяхъ:

1) Подобно Италиі, Румынія не желала вступить въ конфликтъ съ Франціей и особенно съ Англіей; 2) въ виду сильнаго негодованія, которое во всей нейтральной Европѣ, въ болѣе передовыхъ слояхъ общества и особенно въ рабочихъ массахъ, вызвало нападеніе Германіи на Бельгію, румынское правительство, подобно итальянскому, не желало компрометировать себя сочувствіемъ въ этомъ слишкомъ вопіющемъ преступленіи; 3) наконецъ, подобно Италиі, империалистская Румынія имѣла свои причины не желать усиленія Австріи, а, наоборотъ, ожидать осуществленія своихъ мегаломанскихъ плановъ отъ ослабленія или распадѣнія послѣдней.

Подобно тому, какъ мы это видимъ въ Италиі, въ Румыніи существуетъ свое ирредентистское движеніе, движеніе въ пользу присоединенія къ королевству „неосвобожденныхъ земель“. Ру-

мынская раса широко разбросана за предѣлами современной Румынии и расселена въ однихъ мѣстахъ компактными группами, въ другихъ небольшими островками. Десятки тысячъ румынъ живутъ далеко отъ границъ Румыніи, въ Македоніи, въ Греціи, въ Моравіи, но главная масса зарубежныхъ румынъ, около пяти милліоновъ ихъ, живетъ въ областяхъ, примыкающихъ непосредственно къ границамъ современнаго Румынскаго королевства. Уже одна эта цифра — пять милліоновъ — показываетъ, какое громадное значеніе для империалистской Румыніи, все населеніе которой составляетъ всего 7 милліоновъ душъ, имѣетъ ея ирредентистское движеніе.

И какъ разъ главная масса зарубежныхъ румынъ населяетъ прилегающія къ королевству австро-венгерскія области: болѣе 2 000 000 румынъ живетъ въ Трансильваніи, гдѣ румынскій элементъ представляетъ 55% населенія, около 700 000 — въ Банатѣ, 650 000 въ Марошѣ, 250 000 въ горахъ Мармароса, 259 000 въ Буковинѣ, — итого около 4 000 000 душъ. И за исключеніемъ Мармароса, во всѣхъ этихъ австрійскихъ областяхъ румынскій элементъ представляетъ абсолютное большинство. Нѣкоторые румынскіе историки опредѣляютъ число румынъ въ прилегающихъ къ Румыніи австрійскихъ областяхъ въ 5 000 000 душъ. Такимъ образомъ, присоединивъ эти области, Румынія увеличитъ почти вдвое свою территорію и свое населеніе и создастъ себѣ прекрасную стратегическую границу на сѣверѣ, образуемую Трансильванскими Карпатами, представляющими собой природную первоклассную крѣпость.

Не удивительно, что румынскіе ирредентисты облегченно вздохнули, когда узнали, что совѣтъ министровъ отклонилъ предложеніе короля начать войну противъ Россіи, Франціи, Англии въ союзѣ съ Германіей и Австро-Венгріей: Трансильванія, Банатъ, Буковина, — всѣ эти австрійскія земли должны рано или поздно принадлежать Румыніи, и потому было бы безуміемъ со стороны послѣдней поддерживать разлагающуюся Двудединую имперію, особенно Венгрію, этого „наслѣдственнаго врага“ румынской націи. Правда, Банатъ, Трансильванія, Буковина — все это такія мѣстности, гдѣ, какъ общее правило, населеніе пестрое, смѣшанное, гдѣ на ряду съ румынами живутъ венгры, евреи, русины, которые отнюдь не желаютъ попасть подъ иго румынскихъ бояръ, но какое до этого дѣло румынскимъ ирредентистамъ, жаждущимъ „освободительной“ войны, правда, въ удобный моментъ и съ наименьшимъ рискомъ.

Кромѣ Баната, Трансильваніи, Буковины, существуетъ еще одна область, о присоединеніи которой къ королевству мечтаютъ румынскіе ирредентисты: я имѣю въ виду Бессарабію, въ которой насчитывается до милліона румынъ. Но это касается уже русско-румынскихъ отношеній, и къ этому вопросу мы сейчасъ переходимъ.

III.

Въ 1877 году Россія объявила войну Турці во имя освобожденія славянскихъ народностей: болгарь, сербовъ, черногорцевъ и т. п. Въ началѣ военныя дѣйствія развивались очень успѣшно для русской арміи, которая легко перешла Дунай и быстро двигалась впередъ, пока не была остановлена у Плевны знаменитымъ турецкимъ генераломъ Османомъ-Пашой. Хотя Плевна не представляла сильной природной крѣпости и хотя у Османа-Паши не было большой арміи, турецкому полководцу удалось въ течение шести мѣсяцевъ удерживать русскія арміи и нанести послѣдней рядъ пораженій. Османъ-паша былъ гениальнымъ полководцемъ, предугадавшимъ роль траншей въ современной войнѣ, и, благодаря примѣненію этого метода защиты, онъ превратилъ Плевну въ неприступную крѣпость. Три раза — 8 июля, 18 июля, наконецъ 30 августа — русскія войска бросались въ атаку противъ плевненскихъ позицій, подъ командой знаменитаго генерала Скобелева, но каждый разъ Османъ-Паша отбрасывалъ русскихъ, нанося имъ страшныя потери. Положеніе Россіи страшно осложнилось. Престижъ ея въ Европѣ началъ сильно падать. Нужно было, во что бы то ни стало, выйти поскорѣе изъ критическаго положенія и покончить съ Плевной. Рѣшено было обратиться за помощію къ Румыніи. Румынія согласилась дать 30-тысячную армію съ сильной артиллеріей, но поставила опредѣленные условия: передачу командованія надъ всѣми войсками румынскими и русскими румынскому королю. Пришлось согласиться на это условіе, столь лестное для маленькаго государства, но, въ сущности, не имѣющее никакого реальнаго значенія.

Въ декабрѣ Османъ-Паша, вынужденный голодомъ гарнизона, отрѣзаннаго отъ всѣхъ сообщеній, сдѣлалъ попытку пробиться и сдался, потерявъ 4000 человекъ. Дорога на Константинополь была открыта для русской арміи, и Турція вынуждена была подписать миръ. Сдачу Плевны румыны приписываютъ своей арміи.

.....

Когда, по окончаніи войны, Берлинскій конгрессъ закрѣпилъ за Россіей Бессарабію, въ Румыніи, на почвѣ общаго возмущенія этимъ „вѣроломнымъ“ актомъ, создалась сильная руссофобская партія, во главѣ которой стояли бывшій министръ Карпъ, издающій теперь германофильскую газету „Moldova“, историкъ Ради Росетти, редактирующій журналъ „Viata Romaneasca“, далѣе Маргилманъ и многіе другіе. Руссофобы доказываютъ, что Румынія не должна стремиться къ отторженію отъ Австріи Буковины, Трансильваніи, а должна направить всѣ свои усилія къ отнятію у русскихъ Бессарабіи.

Однако руссофобская пропаганда наталкивается на одно очень

важное препятствіе. Дѣло въ томъ, что въ Бессарабіи числится всего 1 миллионъ румынъ, въ то время какъ въ австрійскихъ земляхъ ихъ въ четыре раза больше. Конечно, было бы хорошо имѣть и Бессарабію, и Трансильванію, но такъ какъ этого трудно достигнуть, — приходится довольствоваться перспективой отторженія земель отъ одной Австріи.

Имѣется еще одно обстоятельство, которое за послѣднее время сильно ослабило ирредентистскія стремленія Румыніи по отношенію къ Бессарабіи. Дѣло въ томъ, что въ этой русской провинціи живетъ не мало евреевъ. Главный городъ Бессарабіи. Кишиневъ — чисто еврейскій городъ. Реакціонная Румынія имѣетъ 300 000 своихъ евреевъ и считаетъ, что этого числа для нея достаточно. Между тѣмъ реакціонному румынскому боярству хорошо извѣстны высокій культурный уровень и свободолюбивый духъ еврейской интеллигенціи и еврейскаго пролетаріата южной области Россіи и въ томъ числѣ Бессарабіи. Румынской реакціи не желательно ввести въ маленькую Румынію новый элементъ революціоннаго броженія въ лицѣ передовыхъ слоевъ бессарабскаго еврейства, стоящаго во всѣхъ отношеніяхъ несравненно выше румынскаго еврейства.

Принимая во вниманіе всѣ эти обстоятельства, многіе румыны находятъ, что Бессарабія, населенная всего однимъ миллиономъ ихъ соплеменниковъ, при томъ сильно руссифицированная за послѣдніе 40 лѣтъ, не представляетъ области, имѣющей жизненное значеніе для Румыніи. Въ виду этого можно было бы, съ точки зрѣнія этихъ румынъ, вполне удовлетвориться уступкой со стороны Россіи двухъ-трехъ пограничныхъ округовъ Бессарабіи, гдѣ населеніе почти сплошь румынское и гдѣ „руссификація“ не имѣетъ особыхъ успѣховъ.

Такимъ образомъ, когда началась нынѣшняя война, Румынія рѣшила, несмотря на конвенцію съ Австріей, примкнуть къ Россіи за небольшую компенсацію на границѣ Бессарабіи и за право захватить военной силой австрійскія земли, населенныя румынами. Румынскому посланнику Діаманди было поручено вступить въ переговоры съ русскимъ правительствомъ объ условіяхъ вмѣшательства Румыніи въ войну съ центральными державами. Миссія, возложенная на Діаманди, кончилась полной неудачей (сентябрь 1914 года). По этому поводу и въ русской, и въ европейской прессѣ дѣлались намеки, будто Румынія потребовала отъ Россіи въ награду за вмѣшательство уступки всей Бессарабіи. Какъ извѣстно въ настоящее время изъ источниковъ, не возбуждающихъ никакихъ сомнѣній, Діаманди подчеркнул, что Румынія не домогается ни еврейскаго Кишинева, ни округовъ Бессарабіи, гдѣ болѣе или менѣе многочисленъ русскій или болгарскій элементъ, что она готова удовлетвориться исправленіемъ пограничной черты, которое дало бы ей возможность присоединить къ

своей территории 200 000 бессарабскихъ румынъ. Это предложеніе Румыніи было рѣшительно отвергнуто русской дипломатіей, которая согласилась уступить Румыніи нѣкоторыя австрійскія территории, но ни клочка территории русской. Обиженная такимъ отвѣтомъ, Румынія рѣшила вложить мечъ въ ножны и прекратить переговоры съ русскимъ правительствомъ.

Однако черезъ мѣсяць, въ октябрѣ того же года, Румынія снова вступила въ переговоры съ Россіей и подписала конвенцію, по которой Румынія въ награду за свой нейтралитетъ получить право аннексировать австро-венгерскія области, населенныя румынами, при условіи оккупации этихъ территории до окончанія войны. Это условіе „до окончанія войны“ ясно показывало, что Румынія заключила наступательный союзъ съ Россіей и обязалась въ моментъ, который она найдетъ удобнымъ, ворваться въ Австрію.

Однако скоро возникли недоразумѣнія. Россія заявила, что подъ словами „области, населенныя румынами“ надо разумѣть „области, населенныя большинствомъ румынъ“. Основываясь на этомъ, Россія отказывалась уступить Румыніи австрійскую Буковину, гдѣ румыны не представляютъ большинства, равнымъ образомъ австрійскій Банатъ, который русская дипломатія обѣщала уже Сербіи, и соглашалась отдать Румыніи только Трансильванію. Эти переговоры велись въ тотъ моментъ, когда австрійскія войска держали въ своихъ рукахъ всѣ эти спорныя области и не только не думали уходить оттуда, но собирались ворваться въ русскія владѣнія.

Въ концѣ концовъ, переговоры прервались, и обѣ стороны повернулись другъ къ другу спиной. Тѣмъ не менѣе октябрьскій договоръ, по которому Румынія обязалась до окончанія войны аннексировать австрійскія области, оставался въ силѣ. Нѣсколько разъ въ теченіе минувшихъ мѣсяцевъ Россія предлагала Румыніи воспользоваться предложеннымъ ей правомъ, но каждый разъ румынское правительство отвѣчало, что „до окончанія войны“ времени еще много и что оно успеетъ воспользоваться предоставленнымъ ему правомъ.

Наконецъ наступаетъ моментъ, когда сдѣлалось окончательно извѣстно правительствамъ Россіи, Франціи и Англии, что Италия объявляетъ войну Австріи. Русская армія стояла у Карпатъ, и румынская армія, прикрывая лѣвое крыло русской арміи и опираясь, въ свою очередь, на сербскія войска, могла бы сыграть очень важную роль въ развитіи военныхъ операцій въ благопріятномъ для Россіи направленіи. Россія предложила Румыніи сейчасъ же начать кампанію, но правительство румынское поставило непремѣннымъ условіемъ уступку Черновицъ. Русская дипломатія отвергла эти притязанія румынъ, заявивъ, что Россія желаетъ въ случаѣ разгрома Австріи присоединить Черновицы и

прилегающую зону къ своей собственной территории. Однако румынскій премьеръ-министръ Братіано обнаружилъ рѣшительную непреклонность въ вопросѣ о Черновицахъ.

Изъ-за вопроса о Черновицахъ переговоры опять прервались. 400-тысячная румынская армія не двинулась въ бой, сербскія и черногорскія войска, лишеныя, такимъ образомъ, всякой связи съ румынскими силами, остались на мѣстѣ, что, конечно, не могло не ослабить нашей карпатской операціи.

Послѣ этого веденіе переговоровъ о румынскомъ вмѣшательствѣ взяла въ свои руки Франція. Переговоры въ самомъ дружескомъ тонѣ начались 8 юня въ Парижѣ. Но обстоятельства уже значительно измѣнились. Русская армія отступила отъ Карпатъ. Перемышль былъ занятъ австро-германскими войсками, которыя, перейдя Днѣстръ, начинали уже свое наступательное движеніе по направленію къ Львову. Вмѣшательство Румыніи не могло уже имѣть того значенія, что мѣсяць тому назадъ, при томъ оно было связано съ громаднымъ рискомъ для Румыніи.

Въ настоящій моментъ Румыніи въ награду за своевременное осуществленіе октябрьскаго договора, подписаннаго ею съ Россіей и включавшаго неопредѣленное выраженіе: „до окончанія войны“, общають Трансильванію, Буковину съ Черновицами до линіи Буга-Прута и часть области Баната и Темешвара, за исключеніемъ округовъ, населенныхъ сербами и имѣющихъ стратегическое значеніе для защиты Бѣлграда. Этотъ кусокъ Баната и Темешвара, являющійся территоріальнымъ прикрытіемъ для сербской столицы, долженъ перейти по планамъ четверного согласія къ Сербіи, которая жалуется, что ее хотятъ обездолить ея же союзники.

Какъ бы то ни было, теперь, послѣ отступленія русской арміи изъ Галиціи и Польши, дипломатія четверного согласія общаеть Румыніи не мало. Ирредентистская программа румынъ по отношенію къ Австріи принята почти цѣликомъ четвернымъ согласіемъ. Румыніа получаетъ возможность увеличить свою территорію на 69% и численность ея населенія на 60%.

IV.

Однако со времени Дарданельской экспедиціи на сцену выступилъ новый факторъ: вопросъ о судьбѣ проливовъ не можетъ не волновать румынъ. Изъ всѣхъ Балканскихъ государствъ наиболѣе заинтересована въ вопросѣ о проливахъ Румыніа. Достаточно замѣтить, что изъ 4 479 328 тоннъ, цифры, представляющей общій балансъ внѣшней торговли Румыніи въ 1911 году, — только 280 626 тоннъ были перевезены сухимъ путемъ, остальные 4 199 702 тоннъ были перевезены по морю. Эти цифры даютъ ясное представленіе о томъ, въ какой мѣрѣ вся экономическая жизнь Румыніи связана съ вопросомъ о проливахъ.

„Никакое территориальное увеличение не может искупить той потери, которую Румынія понесла бы, если бы была ограничена свобода проливовъ“, говорить „L'Independance Roumaine“. „А это могло бы случиться при переходѣ Константинополя въ руки сильной Россіи. Румынія предпочитаетъ, чтобы проливы находились подъ контролемъ слабой Турціи, чѣмъ могущественнаго сѣвернаго колосса. Проливы всеобщая дверь, а вовсе не только русская. Иначе Черное море превратится въ румынскую темницу“.

Таковы аргументы, которые выдвигали румынскіе дипломаты въ своихъ переговорахъ съ французскими и англійскими министрами по вопросу о румынскомъ вмѣшательствѣ.

Однако теперь передъ Румыніей встаетъ новая, болѣе грозная опасность. Если Сербія будетъ разгромлена и раздавлена германо-болгарской коалиціей, Константинополь перейдетъ въ руки нѣмцевъ или болгаръ, и Румынія, все равно, очутится въ морской „темницѣ“, потерявъ при этомъ свободу сухопутнаго сношенія съ Франціей, Англійей, Италией и т. д. Такимъ образомъ, въ случаѣ успѣха австро-германскихъ и болгарскихъ арміи на Балканахъ положеніе Румыніи можетъ сдѣлаться очень критическимъ.

Вмѣшается ли Румынія въ нынѣшнюю войну и когда?

Когда одного румынскаго дипломата спросили, кто онъ, германофилъ или франкофилъ, этотъ государственный дѣятель, занимавшій долго постъ министра внутреннихъ дѣлъ, отвѣтилъ:

„Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что сочувствіе и симпатія подавляющаго большинства общества находятся на сторонѣ четвернаго согласія. Но мы не враги центральныхъ державъ и Турціи. Я ни германофилъ, ни франкофилъ, а румынъ прежде всего. Я прекрасно отдаю себѣ отчетъ въ томъ, что мы — маленькій и бѣдный народъ и что мы не можемъ позволить себѣ роскоши участія въ затяжной войнѣ... Когда мы придемъ на будущій мирный конгрессъ ослабленными и обезкровленными, намъ, навѣрное, не предложатъ тѣхъ областей, на которыя мы заявимъ притязанія, и мы будемъ лишены возможности поднять свой голосъ въ защиту своихъ правъ. Намъ или попросятъ вооружиться терпѣніемъ, или отрѣжутъ намъ кусокъ Буковины, что отнюдь не является нашимъ національнымъ идеаломъ. Поэтому мы должны оставаться сильными, чтобы нашъ голосъ былъ выслушанъ. Всѣ мы придерживаемся такой точки зрѣнія: если активное вмѣшательство Румыніи можетъ возымѣть какія-либо реальныя послѣдствія, то оно должно наступить, какъ можно, позже.“

Въ этихъ словахъ румынскаго государственнаго дѣятеля — ключъ къ пониманію противорѣчивой, полной всякихъ колебаній, политики Румыніи.

Румынія, тридцать лѣтъ находившаяся въ тайномъ военномъ

союзъ съ Австріей и Германіей, разорвала эту конвенцію въ рѣшительный моментъ и, болѣе того, въ октябрѣ 1914 года подписала договоръ съ Россіей. Но самые авторитетные румынскіе дѣятели не знаютъ, какой шагъ сдѣлаютъ они завтра.

Какъ Буридановъ осель, стоитъ империалистская Румынія между двумя стогами сѣна, не зная, къ которому изъ нихъ потянуться, и сознавая лишь одно: какое бы рѣшеніе она ни приняла, ей предстоитъ изрядная трепка и смертный бой съ владѣльцами соблазняющихъ ее стоговъ.

Но не сама перспектива войны пугаетъ правящіе классы Румыніи. Румынія, какъ и Греція, желаетъ вмѣшаться въ конфликтъ. Но обѣ страны хотятъ вмѣшаться, какъ можно, позже, съ наименьшимъ рискомъ и съ перспективами получить, какъ можно, больше. Они хотятъ вступить въ войну въ тотъ моментъ, когда обѣ воюющія теперь стороны окажутся достаточно истощенными, такъ, чтобы не только во время войны, но въ особенности во время будущаго мирнаго конгресса арміи cadaго изъ этихъ маленькихъ государствъ могли представлять болѣе или менѣе внушительную величину на ряду съ арміями хотя несравненно болѣе сильныхъ, но зато совершенно обезкровленныхъ и ослабленныхъ первоклассныхъ державъ.

Вотъ въ какихъ условіяхъ и Румынія, и Греція желаютъ вмѣшаться въ нынѣшнюю войну. Ихъ цѣль — оттянуть моментъ интервенціи къ концу войны. Цѣль же четверного согласія — заставить эти государства немедленно выйти изъ своего нейтралитета. Во всякомъ случаѣ, намѣреніе и Греціи, и Румыніи заключается въ томъ, чтобы поспѣшить на помощь наиболѣе сильному, а не наиболѣе слабому. Рѣшительная побѣда четверного согласія на Балканахъ или на какомъ-либо другомъ театрѣ войны была бы, по мнѣнію дипломатовъ, самымъ лучшимъ средствомъ, чтобы заставить и Грецію, и Румынію отбросить въ сторону всякія колебанія и броситься на помощь побѣдителю.

Мих. Павловичъ.

АНГЛІЙСКІЯ НАСТРОЕНІЯ.

(ПИСЬМО ИЗЪ АНГЛІИ.)

I.

Впервые за пятнадцать мѣсяцевъ войны Англія переживаетъ полосу внутренняго кризиса. Правда, недѣли, когда за кулисами парламента создавался коалиціонный кабинетъ, были необычайно тревожны, и слухи, ходивше по Лондону, исключительно фантастичны, но тогда внутреннія осложненія налетѣли очень быстро и такъ же скоро промчались, оставивъ правительство болѣе крѣпкимъ, чѣмъ раньше. Тогда привлеченія въ министерство восьми консерваторовъ было достаточно, чтобы умиротворить начинавшуюся бурю и заставить замолкнуть громовые раскаты недовольства и критики. Теперь положеніе гораздо болѣе сложно, запутано и затруднено, и правительственныя осложненія имѣютъ всѣ данныя превратиться въ затяжной кризисъ, временами теряющій свою остроту и почти забываемый, порой становящійся острымъ и угрожающимъ.

Основная причина весеннихъ перемѣнъ въ кабинетѣ и нынѣшнихъ трудностей, передъ которыми поставлено правительство, лежитъ въ ходѣ военныхъ операцій. Въ этомъ случаѣ англійскому кабинету приходится отвѣчать даже не за свои промахи и недосмотры, а за тѣ событія, которыя предопредѣлены европейской исторіей послѣднихъ десятилѣтій. „Испытаніе войной“, которому подвергаетъ суровая исторія современныя государства, обнаруживаетъ и ошибки прошлыхъ поколѣній, и промахи, допущенныя въ послѣднее время. Оно дѣлаетъ перекличку всѣмъ элементамъ государственнаго организма и провѣряетъ добротность и налаженность всѣхъ частей общественной жизни.

Только по роковой случайности за итоги развитія страны за послѣднія 20—30 лѣтъ приходится отвѣчать кабинету, сейчасъ находящемуся у власти. Но психологически очень понятна тенденція общественнаго мнѣнія валить всю отвѣтственность на нынѣшнихъ кормчихъ. Среди тревожныхъ, вихремъ мчащихся событій, общественное мнѣніе въ своихъ атакахъ подобно неопытному артиллеристу, который наводитъ разрушительный огонь на близкую видимую цѣль, а не на отдаленные, не-

винные съ виду пригорки, гдѣ, въ сущности, и таятся главныя силы непріятели.

Страна и ея пресса всегда хотятъ найти „виновника“ реального, персонального, близкаго. Иногда это выгодно и въ партійныхъ цѣляхъ. Это часто пріятно самолюбію народа, потому что помогаетъ ему не видѣть тѣхъ общихъ причинъ, за которыя отвѣтствененъ каждый гражданинъ въ частности. Это всегда имѣетъ успѣхъ, потому что носитъ характеръ чрезвычайной убѣдительности и простоты: замѣните Асквита Бонаръ-Лоу — и дѣло въ шляпѣ.

Нападки на кабинетъ, идущія не только изъ консервативныхъ круговъ, но и изъ рядовъ либеральной партіи, стали особенно настойчивы и рѣзки послѣ послѣднихъ осложненій на Балканахъ. Ни разу за все время войны Англія не получала болѣе сенсационной вѣсти, чѣмъ телеграмма о присоединеніи Болгаріи къ центральнымъ державамъ. Конечно, поведеніе правительства царя Фердинанда было болѣе всего продиктовано нѣсколько преждевременной увѣренностью въ германской побѣдѣ и давнишними неладами кое съ кѣмъ изъ малыхъ и большихъ державъ, но англійская пресса обратила главное вниманіе на промахи, допущенные британской дипломатіей.

До самыхъ послѣднихъ недѣль ни одинъ министръ либеральнаго кабинета не пользовался большимъ общимъ довѣріемъ обѣихъ партій, чѣмъ Эдуардъ Грей. До войны только руководитель министерства иностранныхъ дѣлъ получалъ похвалы изъ устъ консервативныхъ публицистовъ. Это не удивительно, такъ какъ въ сферѣ иностранной политики либералы, въ сущности, только продолжали традиционную англійскую политику, и лорду Лэнсдоуну почти не приходилось оппонировать своему преемнику.

Со времени образованія коалиціи оба министра иностранныхъ дѣлъ стали дѣйствовать совмѣстно, и поэтому упреки по адресу англійской дипломатіи правильнѣе было адресовать, какъ сдѣлалъ, напримѣръ, „Economist“, всей системѣ, укоренившейся въ Англіи за долгія десятилѣтія. „Economist“ указалъ, что министерство иностранныхъ дѣлъ уже давно стало какимъ-то забронированнымъ министерствомъ, которое, ссылаясь на необходимость тайны, осталось недосягаемымъ для парламентской критики и превратилось въ самовластное учрежденіе. Не только нижняя палата, но даже и самъ кабинетъ потеряли власть надъ руководителями внѣшней политики Британской имперіи.

Кромѣ того, самый составъ дипломатическаго корпуса пересталъ соответствовать современнымъ требованіямъ. Дипломатическій корпусъ испоконъ вѣковъ считается въ Англіи какимъ-то родовымъ достояніемъ поземельной аристократіи. Доступъ въ него свободенъ для родовитыхъ, но бездарныхъ молодыхъ людей и совершенно закрытъ для талантовъ, не удовлетворяющихъ

строгимъ требованіямъ геральди. Давно уже необходимо приравнять службу по министерству иностранныхъ дѣлъ къ другимъ категоріямъ государственной службы, т. е. демократизировать ее.

Такія замѣчанія сдѣлалъ либеральный органъ финансоваго міра. Не менѣе рѣзко напали на дипломатию и органы совѣтъ иного политическаго направленія. Вотъ что, напримѣръ, писалъ „Morning Post“: „Результаты Британской дипломатіи на Ближнемъ Востокѣ достаточно выяснились теперь не только для всей Европы, но и для самихъ англичанъ, для которыхъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ дѣйствія министерства иностранныхъ дѣлъ были покрыты мракомъ неизвѣстности. Наша дипломатія потерпѣла полную и позорную неудачу. Министерство, желавшее обладать всевѣдніемъ и требовавшее для успѣхности своей деликатной и нѣжной работы полной неприкосновенности ото всякой критики или комментаріевъ, совершило цѣлый рядъ промаховъ. Король Фердинандъ продавалъ свою помощь тому, кто больше дастъ, и это элементарное обстоятельство не было извѣстно министерству иностранныхъ дѣлъ. Если въ министерствѣ и въ нашемъ посольствѣ въ Софіи не было ни одного человѣка, кто понималъ бы положеніе дѣлъ, сэръ Эдуардъ Грей могъ бы найти кого-нибудь понимающаго и попросить совѣта. Но наше министерство иностранныхъ дѣлъ такъ же глухо къ предупрежденіямъ, какъ оно опасно ко всякой публичности. Оно дѣйствовало подъ покровомъ священной тайны и было побито во всѣхъ пунктахъ.“

Въ такомъ же рѣзкомъ тонѣ пишутъ и „Times“, и „Daily Mail“, и ихъ противоположность, всѣскій органъ либерализма, „Manchester Guardian“. Эта послѣдняя газета посвятила нѣсколько статей критикѣ ошибокъ англійской дипломатіи и заявила, что „если бы министерство иностранныхъ дѣлъ дѣйствовало такъ, какъ нужно, Балканскій союзъ давнымъ-давно былъ бы восстановленъ“.

Какъ видите, обвиненія, выставляемые прессой всѣхъ отѣнковъ противъ англійской дипломатіи, въ сущности, носятъ совершенно интернаціональный характеръ, и *mutata mutandis* могутъ быть примѣнены ко всякой европейской странѣ. Дипломатія такъ, какъ она сложилась къ моменту міровой войны, вездѣ и всюду оказалась институтомъ архаическимъ, не удовлетворяющимъ задачамъ, которыя себѣ ставитъ демократическое государство.

Но только одна Англія нашла мужество открыто признаться въ дипломатическихъ неудачахъ и ошибкахъ.

II.

Бѣда не приходитъ одна. Дипломатическая неудача сопровождалась и нѣкоторыми ошибками иного характера. Вотъ что откровенно сообщаетъ о нихъ англійская печать. Снова дадимъ слово руководящимъ газетамъ различныхъ направленій.

Консервативный „Observer“ заявляетъ: „Когда нѣмцы напали на Сербію, и Болгарія сбросила маску, у насъ не было ни намека на какой-нибудь планъ дѣйствій, и намъ потребовалось цѣлыхъ три недѣли, чтобы принять рѣшеніе. Гроза разразилась. Она была предсказана за годъ. Въ теченіе многихъ мѣсяцевъ всѣ детали положенія были выяснены. Планъ дѣйствій долженъ бы былъ быть выработанъ до мелочей. Ничего этого не было сдѣлано“.

Статья радикальной газеты „Manchester Guardian“ повторяетъ тѣ же упреки: „По крайней мѣрѣ, три мѣсяца назадъ выяснилось, что нѣмцы пойдутъ на Ближній Востокъ, и въ теченіе этого периода у насъ имѣлась возможность послать въ Дарданеллы колоссальныя силы. Если бы это принесло удачу, нѣмецкая атака на Сербію была бы предотвращена или, по крайней мѣрѣ, не принесла бы ничего рѣшающаго. Представляющейся возможностью мы не воспользовались. Мало того, уже мѣсяць тому назадъ правительство должно было точно знать, что предполагаютъ дѣлать Болгарія и Германія. Если тогда считали, что операціи въ Дарданеллахъ сулятъ больше успѣха и что новая кампанія въ Македоніи нежелательна, то намъ не слѣдовало бы высаживаться въ Салоникахъ и дѣлать какія-нибудь обѣщанія Сербіи. Въ нашихъ вычисленияхъ мы какъ будто бы совсѣмъ не учитываемъ одного существеннѣйшаго фактора — времени“.

Балканское положеніе вызвало такую рѣзкую критику, потому что оно находилось въ непосредственной связи съ ходомъ событій на Галаполи. Чтобы избѣжать всякаго обвиненія въ субъективизмѣ, я снова сошлюсь на безпристрастное свидѣтельство англійской печати. Прежде всего — на лекцію представителя англійскихъ газетъ Ашмеда Бартлета, проведеннаго съ экспедиціоннымъ корпусомъ большую часть кампаніи и едва не погибшаго въ Дарданеллахъ на броненосцѣ „Маджестикъ“. Эта лекція была почти въ стенографической передачѣ опубликована во всѣхъ газетахъ, пропущена военной цензурой и не встрѣтила опроверженій.

Сущность замѣчаній Бартлета сводится къ слѣдующему (цитирую по „Times“ и „Daily Chronicle“): „Мы начали Дарданельскую экспедицію, не имѣя достаточно точнаго представленія о Турецкой имперіи. Мы полагали, что она находится при послѣднемъ издыханіи, но она даже теперь имѣетъ подъ ружьемъ 800 тысячъ человѣкъ. Наши карты были нигуда не годны. Во время высадки никто не зналъ, гдѣ находятся какіе холмы и какіе именно холмы надо занять. Только послѣ того, какъ къ намъ въ руки попали турецкія карты полуострова, мы получили точное представленіе о мѣстности. Между дѣйствіями нашего флота и сухопутной арміей не было достаточной согласованности. Высадка въ Анзасъ была ошибкой. Когда 8 мая выяснилось, что при имѣвшемся количествѣ войскъ продвинуться впередъ нѣтъ

возможности, намъ надо было переработать весь планъ дѣйствій. вмѣсто того мы остались на прежнемъ мѣстѣ и новыя подкрѣпленія употребили для мѣстныхъ атакъ, не приведшихъ ни къ чему. Сухопутная операція была затруднена, такъ какъ мы не могли сконцентрировать артиллерійскій огонь на нѣкоторыхъ частяхъ непріятельскихъ траншей. Наши солдаты совершенно не знали мѣстности. Артиллерія (особенно гаубицы) было недостаточно и снарядовъ ограниченное число. Неудача при Сувла-Бай объясняется тѣмъ, что наши войска никогда еще не были подъ огнемъ и имъ пришлось сразу идти въ рукопашную и дѣйствовать безъ руководства офицеровъ, а у солдатъ не было запасовъ воды, такъ какъ разсчитывали достать ее на берегу, а колодцы и ручьи оказались зараженными. Наконецъ тайна о задачахъ высадки была такъ велика, что даже многіе офицеры не знали, что надо дѣлать, и высадившіеся солдаты должны были ждать приказанія. (Добавлю: офицеръ, командовавшій этой высадкой, смѣщенъ.) Тамъ, гдѣ мы находимся, мы стоимъ крѣпко, но и врядъ ли мы сможемъ двинуться дальше. И если даже мы пройдемъ Narrows (узкую часть Дарданеллъ), до Константинополя будетъ еще очень далеко, такъ какъ вся область сильно укрѣплена.“

Въ добавленіе къ этимъ замѣчаніямъ человѣка, благія желанія котораго не приходится заподозрѣвать, интересно привести мнѣніе американскаго корреспондента, капитана Фортеस्कю, наблюдавшаго Дарданельскую кампанію съ другого фронта — со стороны турокъ. Фортеस्कю только что выпустилъ въ Англи свою книгу („What of the Dardanelles?“), пропущенную англійской военной цензурой и теперь широко цитируемую здѣсь.

Фортеस्कю указываетъ, что ошибкой было начинать морскія операціи безъ сухопутныхъ; отмѣчаетъ, что англичане не имѣли представленія о мѣстности и о турецкихъ силахъ; указываетъ, что въ самомъ началѣ дѣло могло бы увѣнчаться удачей, если бы было послано гораздо больше войска. Вначалѣ у турокъ были плохія ружья и мало амуниціи. Очень скоро, однако, нѣмцы создали свою собственную фабрику и арсеналы въ Константинополѣ для изготовленія всего нужнаго. Заключенія Фортеस्कю очень пессимистичны: „Дарданельская экспедиція должна быть отозвана — или она будетъ истреблена. При наличности Балканскаго кризиса эвакуація Дарданеллъ можетъ быть извинена требованиями военной необходимости и отойти въ область исторіи“.

Наконецъ, если мы обратимся къ третьему источнику, который долженъ подавать примѣръ историческаго безирристрація, къ капитальной „Исторіи войны“, издаваемой „Times'омъ“, то въ только что вышедшемъ Дарданельскомъ выпускѣ (№ 62) мы прочтемъ: „Первыя атаки въ Дарданеллахъ (сухопутныя и морскія) имѣли незначительный результатъ, такъ какъ трудности операцій были не дооцѣнены, къ атакамъ приступили черезчуръ поспѣшно, схема

операция была недостаточно продумана, и въ самомъ началѣ была совершена фатальная ошибка: флотъ сталъ дѣйствовать безъ поддержки съ суши“ (363 стр.). „Самыя существенныя ошибки были сдѣланы не на морѣ, а на сушѣ“ (366 стр.). „Сухопутная операция не удалась потому, что атаки были произведены безъ достаточныхъ силъ, вѣроятно, не тамъ, гдѣ надо“ (370 стр.) и т. д., и т. д.

Конечно, чтобы оцѣнить значеніе Дарданельской экспедиціи въ цѣломъ, надо учесть и многія положительныя стороны. Она отвлекла вниманіе Турціи отъ Кавказа и Египта. Она дала возможность англійской экспедиціи, идущей отъ Персидскаго залива, дойти почти уже до Багдада. Силы, сосредоточенныя на Галипольскомъ полуостровѣ, будутъ имѣть крупное значеніе при рѣшеніи балканскихъ дѣлъ.

Но въ мою задачу не входитъ оцѣнка этихъ операций въ цѣломъ, — я только хочу отмѣтить тѣ настроенія и взгляды, на которые наталкивается наблюдатель англійской жизни.

Отношеніе англійской прессы къ положенію на Ближнемъ Востокѣ только иллюстрація. Имѣется извѣстная неудовлетворенность ходомъ военныхъ операций и на другихъ театрахъ войны; раздаются голоса о недостаточности мѣропріятій противъ набѣговъ цепелиновъ. Критика поднимаетъ голову.

III.

Если извѣстную неудовлетворенность ходомъ военныхъ операций надо признать всеобщей, то во внутреннихъ дѣлахъ страны такую же общую критику вызываетъ вопросъ о цензурѣ. Понятіе военной тайны очень растяжимо даже въ Англій. По представленію нѣкоторыхъ, даже разговоры о необходимости усилить производство снарядовъ являются гибельными для задачъ обороны страны, а признаніе сдѣланныхъ ошибокъ — чѣмъ-то въ родѣ государственной измѣны. Теперь, кажется, не осталось ни одного органа печати, который бы защищалъ систему тайны, во что бы то ни стало. Страна все болѣе убѣждается, что именно въ мужественномъ признаніи своихъ промаховъ лежитъ залогъ усиленной борьбы въ будущемъ. Только тотъ побѣждаетъ, кто не прячется отъ самого себя и смѣло критикуетъ ошибки, чтобы выяснитъ необходимыя перемѣны и улучшения.

Всѣ тѣ, кто пытается оградиться щитомъ молчанія, встрѣчаютъ единодушное осужденіе. Вотъ что говорилъ на дняхъ извѣстный консерваторъ лордъ Милнеръ: „Чѣмъ закалить наши сердца и укрѣпить наши нервы для конечной побѣды? Одни думаютъ, что это можно лучше всего достигнуть тактикой страуса; они думаютъ, что если народу не дать возможности понять, какъ плохо обстоятъ дѣла, то это дастъ ему удивительное воодушевле-

ніе. Нѣтъ ничего ошибочнѣе. Намъ говорятъ, что, если мы откровенно говоримъ о нашихъ унущеніяхъ, мы этимъ подбодряемъ нашего врага. Но вѣдь мы ободряемъ врага именно тогда, когда мы обнаруживаемъ боязнь взглянуть правдѣ въ глаза. Нѣтъ, надо смѣло взглянуть правдѣ въ глаза и рѣшительно идти впередъ.“

Недавній членъ либеральнаго министерства лордъ Морлей въ своей рѣчи въ палатѣ лордовъ объявилъ, что дѣйствующая система цензуры, не позволяющая прессѣ опубликовывать полную истину о ходѣ дѣлъ на театрахъ войны, выгодна только Германіи, а отнюдь не Англии. Совершенно аналогичныя замѣчания мы находимъ и въ либеральной прессѣ.

Упреки въ замалчиваніи и недовольство цензурой естественно направляются по адресу кабинета. Понятно, что консервативная пресса даже рѣже нападаетъ на цензуру, чѣмъ либеральная: коалиціонное правительство все же опирается прежде всего на партію либераловъ.

Образованіе коалиціи никѣмъ не было пріветствуемо съ особымъ восторгомъ. При ея зарожденіи скептическое отношеніе, подкрѣпленное опытомъ прошлыхъ англійскихъ коалиціонныхъ кабинетовъ, было преобладающимъ. Теперь выдѣлились органы, которые ведутъ систематическую борьбу съ нимъ, точнѣе, съ ея либеральнымъ большинствомъ. На словахъ исчезнувшая борьба партіи фактически продолжается, можетъ быть, только не въ такой открытой формѣ, и агитаціей противъ кабинета руководятъ, прежде всего, видные органы торн.

Что, кромѣ злоупотребленія военной тайной, консерваторы ставятъ на видъ правительству Асквита?

Нашумѣвшая книга Оливера („Ordeal by battle“) главную вину кабинета видитъ въ томъ, что онъ не имѣетъ въ своихъ рядахъ человѣка, который былъ бы общепризнаннымъ лидеромъ страны. Напрасно дѣлаютъ, говорятъ авторъ, что демократія, въ концѣ концовъ, побѣдитъ пруссизмъ. Она побѣдитъ, „если найдетъ лидера, достойнаго довѣрія“. „Мы больше всего нуждаемся сейчасъ въ лидерѣ. Намъ нуженъ человѣкъ, который примѣромъ своей личной храбрости, мужества, увѣренности и стойкости вызвалъ бы наружу лучшія качества нашего народа, чье глубокое сознаніе долга отбросило бы оппортунистоу въ сторону. Любовь и вѣра въ такого лидера возбуждаютъ сердца и пробуждаютъ сознаніе націи. Вотъ такого-то вождя намъ все время недоставало“.

Въ части консервативной прессы слово „лидеръ“ замѣняется еще болѣе выразительнымъ терминомъ „диктаторъ“. Это слово раздалось даже въ палатѣ общинъ, когда извѣстный вождь ульстерскихъ повстанцевъ сэръ Карсонъ закончилъ свои нападки на премьера.

Въ этомъ дозунгѣ: „намъ нуженъ диктаторъ“ отчасти скъзывается упрекъ по адресу премьера, но несомнѣнно, что въ стремленіи къ началу твердой и единоличной власти лежатъ болѣе общія причины. Стремленіе къ диктатурѣ является только однимъ изъ элементовъ усиленія реакціонныхъ и консервативныхъ силъ страны.

Интересно, что даже крайній радикаль и полу-соціалистъ Уэльсъ въ либеральной газетѣ заговорилъ... о преимуществахъ диктатуры.

Эти толки о лидерѣ, который своей личной волей поведетъ страну къ побѣдѣ, показатель широко распространеннаго недовольства не только кабинетомъ, но и теперешней системой правленія. Именно объ этого рода недовольствѣ говоритъ въ послѣдней книжкѣ „Edinburgh Review“ редакторъ этого журнала, извѣстный либеральный публицистъ Гарольдъ Коксъ.

Упреки Кокса по адресу министерства довольно близки къ тѣмъ, которые дѣлаютъ и консерваторы: „Кабинету не хватаетъ храбрости, а въ войнѣ храбрость — первое условіе успѣха. Государственные дѣятели, управляющіе нами, повидимому, ежеминутно трепещутъ, опасаясь, какъ бы ихъ политическая жизнь не подверглась опасности, и боятся сдѣлать малѣйшій шагъ, который можетъ привести ихъ въ политически опасную зону“.

Но Гарольдъ Коксъ находитъ и другое объясненіе извѣстной медлительности и нерѣшительности кабинета. „На двадцать два джентльмена, называемыхъ кабинетомъ, судьба возложила непосильное бремя“. Кабинетъ черезчуръ громоздокъ, министры слишкомъ завалены дѣлами своихъ департаментовъ. Необходимо реорганизовать центральную власть не путемъ созданія диктатора, а образованіемъ кабинета изъ пяти министровъ безъ портфелей.

Ту или иную мотивировку необходимости образованія „малаго кабинета“ мы встрѣчаемъ въ очень различныхъ органахъ англійской печати. И хотя детали всѣхъ проектовъ сильно разнятся между собой, суть остается одна и та же: необходимо создать исполнительный органъ изъ 3—7 человекъ для рѣшенія всѣхъ срочныхъ дѣлъ и для общаго руководства войной. Одни предлагаютъ передать функціи этого верховнаго правительства тайному совѣту короля или небольшой группѣ тайныхъ совѣтниковъ; другіе (какъ, напримѣръ, шумливый редакторъ бульварнаго, но популярнаго, „Джона Булля“ Богтомли) — особому трио, состоящему изъ Китченера, адмирала Джелико и какого-либо „человѣка дѣла“; наконецъ третьи хотять просто выдѣлить руководящую пятерку или семерку изъ состава нынѣшняго кабинета.

Это послѣднее рѣшеніе и будетъ, очевидно, проведено на практикѣ, но оно врядъ ли остановитъ агитацію за дальнѣйшія перемѣны системы правленія. Эта агитація, исходящая преимущественно изъ консервативныхъ круговъ, имѣетъ задачей не

только вырвать власть изъ рукъ либераловъ, но, что важнѣе, придать англискому правленію автократическія черты минувшихъ эпохъ.

IV.

Если у консерваторовъ за нападками на кабинетъ кроется желаніе приобщиться къ власти, то у английской демократіи горечь вызывается замѣтнымъ укрѣпленіемъ позицій правыхъ элементовъ. Страну политической свободы война заставила вернуться въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ къ давно прошедшимъ временамъ исключительныхъ положеній. И даже, если всѣ спеціальныя мѣры въ той или иной области, ограничивающія право гражданъ, будутъ цѣликомъ сметены по окончаніи войны, то далеко не такъ просто будетъ избавиться отъ навыковъ и привычекъ, которые принесутъ съ собой всѣ эти исключительныя мѣропріятія.

Англискіи гражданинъ узналъ теперь прелести паспортной системы: удостовѣреніе личности требуется не только для поѣздки на континентъ, но и при посѣщеніи всѣхъ многочисленныхъ областей, находящихся на исключительномъ положеніи.

Англійская пресса познакомилась съ цензурой. Рабочая пресса узнала судебныя преслѣдованія за проповѣдуемые взгляды. Чуть ли не впервые за цѣлое столѣтіе цѣлая серія брошюръ по поводу войны, изданныхъ Независимой рабочей партией, подверглась уничтоженію.

Условия найма и труда, выработанныя трэдъ-юнонами и признанныя предпринимателями послѣ долгой борьбы, временно отменены, и замѣнъ рабочіе получили проблематическое благо — зарабатывать значительно больше прежняго путемъ интенсификаціи своего труда и безграничнаго использованія сверхурочныхъ часовъ.

Борьба за введеніе всеобщей воинской повинности съ точки зрѣнія внутреннихъ отношеній относится къ той же категоріи борьбы за укрѣпленіе началъ консерватизма. Сторонники этой реформы врядъ ли побѣдятъ, но система волонтерства въ ея прежнемъ видѣ уже умерла. Элементъ „доброй воли“ рекрутовъ, записывающихся въ армію, сведенъ на нѣтъ. Агитація, убѣжденія, упреки, давленіе со стороны хозяевъ и правительства фактически очень приблизили волонтерство къ системѣ всеобщей повинности.

Перемѣны въ составѣ кабинета и во внутри-парламентскихъ отношеніяхъ тоже знаменуютъ постепенное отгѣсненіе либераловъ съ политической арены. Вынужденное обстоятельствами возданіе коалиціоннаго кабинета было, несомнѣнно, тяжелымъ ударомъ для либеральной партіи. Сейчасъ коалиція не избавляетъ либеральныхъ министровъ отъ того, что всѣ упреки за ошибки и неудачи сыплются именно на нихъ, а не на кабинетъ въ цѣломъ. Въ своихъ дѣйствіяхъ по вопросамъ внутренней по-

литики либераламъ приходится учитывать голосъ восьми консерваторовъ и предпринимать шаги, на которые прежній кабинетъ никогда бы не рѣшился.

Наблюдается и другое любопытное явленіе. Такъ какъ въ нижней палатѣ исчезла организованная оппозиція, и критика правительства попала въ руки маловліятельныхъ и неспѣвшихся представителей различныхъ оттѣнковъ мнѣній, роль верховной оппозиціонной инстанціи перешла къ палатѣ лордовъ. Въ то время, какъ нижняя палата, уступая давленію кабинета, отказалась поднимать и дебатировать многіе щекотливые вопросы, касающіеся войны и бывшіе у всѣхъ на устахъ, верхняя палата, не связанная никакими обязательствами съ кабинетомъ, выступила съ рѣзкой критикой. А такъ какъ обсуждавшіеся вопросы (о Дарданеллахъ, Балканахъ, численности кабинета, цензурѣ и т. д.) были дѣйствительно очень остры, и многія замѣчанія лордовъ попадали прямо въ цѣль, то нѣсколько забытая и заглушная за послѣднее время палата пэровъ неожиданно явилась въ роли, привлекущей на ея сторону сочувствіе очень многихъ. Цитадель консерватизма внезапно оказалась болѣе популярной, чѣмъ нижняя палата.

Всѣ указанные мной настроенія и злобы дня современной Англии позволяютъ сдѣлать одинъ общій выводъ. Война, показавъ извѣстную неподготовленность страны къ войнѣ и обнаруживъ нѣкоторые недостатки англійскаго государственнаго и общественнаго механизма, ослабила позиціи либеральной партіи и англійской демократіи вообще. Во всѣхъ сторонахъ жизни замѣчается нѣкоторое усиленіе началъ консерватизма. Само веденіе войны требуетъ отъ демократическаго государства централизаціи, усиленія правительственной власти и ограниченія правъ отдѣльныхъ гражданъ и тѣмъ самымъ снова возвращаетъ его къ пройденнымъ стадіямъ общественной эволюціи.

Какъ крѣпки и длительны будутъ завоеванія консерватизма — это прежде всего будетъ зависеть отъ дальнѣйшаго хода войны и внутреннихъ отношеній въ странѣ. Несомнѣнно, что военныя удачи Англии помогутъ укрѣпленію позиціи либеральной партіи, неуспѣхъ повлечетъ къ распаденію кабинета, гдѣ большинство либераловъ, и передастъ власть въ руки тори.

Лондонъ.

В. Керженцевъ.

3 ноября (н. ст.) 1915 г.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО.

ВЪ ЛАБОРАТОРИИ Л. Н. ТОЛСТОГО.

Пять лѣтъ прошло со дня смерти Толстого. Читающій міръ еще далеко не вступилъ во всѣ права того громаднаго наслѣдства, которое оставилъ послѣ себя великій писатель. За пять истекшихъ лѣтъ создалась цѣлая литература около имени Толстого, которая продолжаетъ расти. Пять лѣтъ — срокъ небольшой, но за этотъ срокъ острота утраты, острота цѣлаго ряда вопросовъ, связанныхъ со смертью Толстого, нѣсколько ослабѣла, и пора приступить къ болѣе спокойному изученію произведеній великаго писателя, пора приняться хоть за частичную разборку великаго наслѣдства.

Произведения великихъ писателей очень часто кажутся читателямъ такими простыми и естественными, какъ будто эти произведения сразу выливались изъ-подъ пера, не требуя отъ автора никакого труда и обработки. Мы, конечно, знаемъ, что это не такъ и что большая часть знаменитыхъ произведеній является результатомъ усиленнаго и продолжительнаго труда, но намъ въ высшей степени трудно представить себѣ, какъ совершается писательская работа, какими путями сырой матеріалъ жизненныхъ наблюдений превращается въ законченный плодъ художественнаго творчества.

Когда ваятель превращаетъ глиняную глыбу въ прекрасную статую, все лишнее остается кусками безформенной глины и не даетъ представленія о томъ, какъ шла работа. У художника слова нерѣдко остаются черновики, позволяющие мысленно заглянуть въ его лабораторію и получить хотя нѣкоторое представленіе о томъ, какимъ путемъ создаются образцы литературнаго творчества.

Я позволю себѣ обратить вниманіе читателей на небольшой отрывокъ черновика безъ начала и конца изъ рукописей Л. Н. Толстого, черновика, употребленнаго авторомъ въ качествѣ оберточной бумаги для того, чтобы завернуть пачку писемъ. Вотъ этотъ отрывокъ:

„...потому что, видишь, — я вмѣстѣ въ острогѣ сидѣлъ, — и видѣлъ, какъ онъ прощался со всѣми и Евангеліе держалъ и всѣ плакали, а онъ радостенъ былъ и какъ сіяніе отъ него шло.

Истинной вѣры человекъ былъ. Вотъ я, видѣвъ

это, сказалъ себѣ: найду людей этой вѣры и поклонюсь, — ну, чтобъ открыли мнѣ. Сказывали, ты этой вѣры. Вотъ я и пришелъ поклониться тебѣ. Открой мнѣ свою вѣру.

— Удивительный былъ старикъ. Сказалъ я ему, во что мы вѣруемъ...

— То-есть, что же вы сказали? — спросилъ Нехлюдовъ.

— Сказалъ ему, что мы вѣримъ въ то, что всѣ люди должны пользоваться каждый своими трудами, что не должно быть богатыхъ и бѣдныхъ, всякій за всѣхъ. Ну, какъ сказалъ. Не повѣрилъ. Все допрашивалъ, какъ мы молимся...

Всѣ помолчали.

На этомъ черновикъ обрывается. Прежде всего возникаетъ вопросъ: къ какому произведенію относится этотъ черновикъ? Упоминаемая въ немъ фамилія Нехлюдова указываетъ на „Воскресеніе“. Но въ этомъ романѣ ничего похожего на вышеприведенную сцену нѣтъ.

Нѣчто похожее можно найти въ другомъ произведеніи Толстого, а именно въ „Божескомъ и человѣческомъ“. Тамъ старикъ-раскольникъ старается узнать у его товарища, въ чемъ заключается вдохновляющая ихъ вѣра; когда же ему излагаютъ извѣстную политическую программу дѣйствій, онъ не хочетъ вѣрить.

„Старикъ тяжело вздохнулъ, всталъ, расправилъ полы халата, опустился на колѣни и легъ къ ногамъ Меженецкаго, стукнувшись лбомъ о грязныя доски пола.

— Зачѣмъ вы кланяетесь?

— Не обманывай ты меня, открой, въ чемъ вѣра ваша, — сказалъ старикъ, не вставая и не поднимая головы.

— Я сказалъ въ чемъ наша вѣра. Да вы встаньте, а то я и говорить не буду.

Старикъ поднялся.

Можно думать, что матеріалъ, изъ котораго создалось „Божеское и человѣческое“, заключался въ матеріалахъ „Воскресенія“. Строгая рука художника откидывала все, что нарушало задуманный планъ, какъ бы оно ни было значительно и интересно. Но откинутое не пропало и послужило послѣ окончанія „Воскресенія“ для новаго произведенія.

Приведенный нами черновикъ не попалъ ни въ „Воскресеніе“, ни въ „Божеское и человѣческое“, но въ то же время онъ стоитъ въ несомнѣнной связи съ обоими произведеніями.

Старикъ-сектантъ, о которомъ говорится въ этомъ отрывкѣ, появляется въ „Божескомъ и человѣческомъ“ нѣсколько разъ. Онъ —

выразитель Божескаго начала. Въ „Воскресени“ онъ обрисованъ лишь какъ лицо эпизодическое. Но, несомнѣнно, въ этихъ лицахъ есть нѣчто общее. И лица эти не вымышлены авторомъ, но взяты имъ изъ жизни. Въ „Божескомъ и человѣческомъ“ арестанты прозвали этого старика „табачной державой“. Это тоже не выдуманно. Эту „табачную державу“ мнѣ пришлось видѣть въ Ясной Полянѣ. Меня познакомилъ съ ней самъ Левъ Николаевичъ. Это былъ неугомонный поборникъ истины, старообрядецъ, не мало претерпѣвшій за свои убѣждения. Сектантъ, описанный въ „Воскресени“, является какъ бы соединеніемъ „табачной державы“ съ другимъ оригинальнѣйшимъ сектантомъ, Андреемъ Васильевичемъ Власовымъ, знакомымъ съ Толстымъ по перепискѣ. Въ 1899 году Власовъ написалъ Льву Николаевичу характерное письмо, которое очень заинтересовало Толстого. Толстой въ то время заканчивалъ „Воскресение“, и письмо это послужило матеріаломъ для сцены на паромѣ (III часть, глава XXI).

Мы позволимъ себѣ привести нѣкоторыя выдержки изъ этого письма:

„Такъ сказалъ Христосъ: „Будьте совершенны такъ, какъ совершенъ Отецъ вашъ Небесный“. Поэтому я и отказался отъ всякаго земного общества и отъ всякихъ религиозныхъ убѣжденій, отъ имени, отчества и фамиліи, сталъ одинъ самъ себѣ и сказалъ такъ: „Я не вашъ, одинъ самъ себѣ“.

За эти убѣждения привлекли меня къ судебному слѣдователю.

.....

Многуважаемый старикъ Левъ Николаевичъ, — заканчиваетъ Власовъ свое письмо, — я написалъ вамъ нѣсколько словъ, что я принялъ на вѣру. Если чего можетъ быть не хватаетъ, то прошу сообщить письмомъ. Я прочиталъ вашу книгу „Ходите въ свѣтъ, пока есть свѣтъ въ васъ“, что и заставило меня написать къ вамъ, потому что она подошла къ моей мысли точь въ точь, если я не ошибаюсь.

Не знающій васъ Андрей Васильевичъ Власовъ.

Отъ сего письма остаюсь живъ и здоровъ, того и вамъ желаю.

Пятидесятилѣтній старикъ Андрей Власовъ.“

.....

Интересно сравнить письмо Власова къ Толстому съ изображеніемъ старика-странника въ XXI главѣ III части „Воскресения“.

„Старикъ этотъ былъ одѣтъ въ заплатанный озямъ, суконные штаны и разношенные, заплатанные бродни. За плечами была небольшая сумка, на головѣ высокая мѣховая вытертая шапка.

— Ты что же, старый, не молишься? — сказалъ Нехлюдовскій ямщикъ, надѣвъ и оправивъ шапку. — Аль некрещеный?

— Кому молиться-то? — рѣшительно наступающе и быстро выговаривая слогъ за слогомъ, сказалъ лохматый старикъ.

— Извѣстно кому, Богу, — иронически проговорилъ ямщикъ.

— А ты покажи мнѣ, игдѣ Онъ, Богъ-то?

— Игдѣ? Извѣстно, на небѣ.

— А ты былъ тамъ?

— Былъ — не былъ, а всѣ знаютъ, что Богу молиться надо.

— Бога никто же не видѣлъ нигдѣ же. Единородный Сынъ, сущій въ нѣдрѣ Отчемъ, Онъ явилъ, — строго хмурясь, той же скороговоркой сказалъ старикъ.

— Ты, видно, нехристъ, дырникъ. Дырѣ молишься, — сказалъ ямщикъ, засовывая кнутовище за поясъ и оправляя шлею на пристяжной.

Кто-то засмѣялся.

— А ты какой, дѣдушка, вѣры? — спросилъ немолодой уже человѣкъ, съ возомъ стоявшій у края парома.

— Никакой вѣры у меня нѣтъ. Потому никому я, никому не вѣрю, окромѣ себѣ, — такъ же быстро и рѣшительно отвѣтилъ старикъ.

. . . Вѣрь много, а духъ одинъ. И въ тебѣ, и во мнѣ, и въ немъ. Значить, вѣрь всякъ своему духу, и вотъ будутъ всѣ соединены. Будь всякъ самъ себѣ, и всѣ будутъ заедино.

Старикъ говорилъ громко и все оглядывался, очевидно, желая, чтобы какъ можно больше людей слышали его.

— Что же, вы давно такъ исповѣдуете? — спросилъ его Нехлюдовъ.

— Я-то? Давно ужъ. Ужъ они меня двадцать третій годъ гонять.

— Какъ гонять?

— Какъ Христа гнали, такъ и меня гонять. Хватаютъ, да по судамъ, по попамъ, — по книжникамъ, по фарисеямъ, и водятъ. Въ сумашедшій домъ сажали. Да ничего мнѣ сдѣлать нельзя, потому я слободень. „Какъ, говорятъ, тебя зовутъ?“ Думаютъ, я звание какое приму на себя. Да я не принимаю никакого. Я отъ всего отрекся: нѣтъ у меня ни имени, ни мѣста, ни отечества, — ничего нѣтъ. Я самъ себѣ. „Зовутъ какъ?“ — Человѣкомъ. „А годовъ сколько?“ — Я, говорю, не считаю, да и счесть нельзя, потому что я всегда былъ, всегда и буду. — „Какого, говорятъ, ты отца, матери?“ — Нѣтъ, говорю, у меня ни отца, ни матери, окромѣ Бога и земли. Богъ — отецъ, земля — мать . . . . .

. . . . . Ну, говорятъ, съ тобой разговаривать. — Я говорю: я и не прошу тебя со мной разговаривать. Такъ и мучаютъ.“

Изъ приведенной выдержки очевидно, что многія выражения изъ письма Власова почти дословно включены въ „Воскресеніе“.

Всѣмъ извѣстно, какъ много и тщательно перерабатывалъ Толстой свои произведенія, онъ ихъ по нѣскольку разъ передѣлывалъ, выправлялъ, дѣлалъ вставки, безжалостно выбрасывалъ превосходнѣйшія страницы, если онѣ, по его мнѣнію, не соответствовали общему плану, откладывалъ даже совсѣмъ въ сторону почти оконченное произведеніе, чтобы вернуться къ нему иногда черезъ нѣсколько лѣтъ. Толстой говорилъ: „Надо, чтобы писатель выучился задерживать въ себѣ свои мысли съ тѣмъ, чтобы онѣ перерабатывались, чтобы изъ тысячи мыслей избиралась одна, и потомъ эта одна мысль изъ 1000 мѣстъ, въ которыя она можетъ быть помѣщена, находила бы наконецъ одно свойственное ей мѣсто“.

И вотъ, представляя себѣ это отношеніе Толстого къ художественному творчеству, да не только къ художественному, а и вообще къ литературной работѣ, не можетъ не показаться нѣсколько страннымъ, что въ „Воскресеніе“ могъ попасть тотъ матеріалъ, который только что появился у Толстого. Въдѣ огромная работа уже заканчивалась, всѣ облюбованные образы и мысли ставились на свои мѣста... И вдругъ въ это самое время получается письмо отъ совершенно незнакомаго человѣка, и, какъ результатъ этого письма, въ душѣ автора возникаетъ новый, совершенно не связанный съ „Воскресеніемъ“, образъ и властно входитъ въ почти законченное произведеніе.

Почему онъ туда попалъ? Почему допустилъ туда Толстой этого человѣка?

Дѣло въ томъ, что еще задолго до письма Власова образъ человѣка не отъ міра сего, человѣка самого по себѣ, жилъ въ душѣ Толстого. Жизнь Толстого въ Ясной Полянѣ за послѣднія десятилѣтія называли иногда сплошнымъ страданіемъ. Это, разумѣется, невѣрно. Скорѣе ее можно назвать перемежающейся лихорадкой страданія. Большое количество работы, общественные интересы, интересы искусства, посѣщенія, — все это отвлекало вниманіе, помогло не думать объ основномъ противорѣчій повседневной жизни. Но примириться съ этимъ противорѣчіемъ и признать крестьянскую бѣдность и помѣщицье довольство нормальными явленіями Толстой не могъ, и мука этого сознанія какъ лихорадка терзала Толстого, то затихая, то возобновляясь съ удвоенной силой. Толстому давно въ самыхъ заманчивыхъ краскахъ рисовалась возможность ухода, возможность рѣшительнаго разрыва съ неправеднымъ міромъ, ухода въ новый міръ, въ массу простого рабочаго люда, и, рисуя попытку сближенія Нехлюдова съ этимъ міромъ, онъ естественно могъ нарисовать, на ряду съ внѣшнимъ, частичнымъ уходомъ Нехлюдова изъ міра, уходъ настоящій, рѣшительный, тотъ уходъ, который такъ манилъ воображеніе великаго писателя.

Поэтому не удивительно, что Толстой сразу ухватился за письмо Власова. Оно было ему необходимо. Оно точно нарочно было

приготовлено для него. Образъ непріемлющаго міръ странника носился въ воображеніи. Не хватало послѣдняго заключительнаго штриха, отголоска живой жизни. Этимъ отголоскомъ и явилось письмо Власова.

Образъ непріемлющаго міра, ищуща о истинной вѣры странника со страницъ „Воскресенія“ перешелъ и въ „Божеское и чело-вѣческое“, — тѣснаа связь этихъ двухъ произведеній видна изъ черновика, приведеннаго въ началѣ этой статьи. Та же идея рисуется и въ „Отцѣ Сергіѣ“, и въ „Запискахъ Федора Кузьмича“.

Въ одно изъ моихъ посѣщеній Ясной Поляны, проходя съ Толстымъ по коридору нижняго этажа, я услышалъ незнакомый мнѣ голосъ чело-вѣка, не то читавшаго что-то, не то говорившаго такимъ размѣромъ, какъ будто онъ читаетъ. Мы остановились въ дверяхъ небольшой комнатки, гдѣ убирали посуду; въ уборкѣ лакею помогалъ небольшого роста чело-вѣкъ, судя по одеждѣ — крестьянинъ, съ небольшою желтоватою бородкой и такими же, быть можетъ, нѣсколько темнѣе, длинными волосами.

Когда мы вошли, разговоръ прервался.

— Вотъ позвольте васъ познакомиться съ моимъ пріятелемъ, — сказалъ мнѣ Толстой, указывая на вытиравшаго тарелку чело-вѣка и, какъ бы продолжая прежній разговоръ, съ ласковой усмѣшкой сказалъ ему:

— Такъ какъ же? Табашная держава?

Чело-вѣкъ быстро повернулся въ нашу сторону и, окинувъ меня острымъ взглядомъ маленькихъ, но бойкихъ глазъ, не безъ нѣкотораго задора сейчасъ же откликнулся:

— А какъ же! Извѣстно, табашная. Табашная и кабашная держава. Потому какая въ чемъ основа, таковое и названіе. А у нашей какая основа? Табакъ и кабакъ! Почему такая основа? Потому что больше всего денегъ собираютъ съ продажи водки да съ табаку. Вотъ и выходитъ, значить, двѣ основы: табакъ и кабакъ. И держава, значить, табашная-кабашная. А у Ивана Златовуста прямо сказано...

Чело-вѣкъ не ограничился Іоанномъ Златоустомъ, но ссылаясь и на другіе авторитеты. Въ особенности же любилъ Апокалипсисъ, загадочность, котораго давала большой просторъ его воображенію.

Когда мы поднялись въ залу, Толстой сказалъ мнѣ, что „Табашная держава“ — старообрядецъ, явившійся въ Ясную Поляну, чтобы переговорить о вопросахъ вѣры. Не желая пользоваться гостеприимствомъ даромъ, онъ просилъ, чтобы ему дали поработать что-нибудь, подсобить людямъ. Странникъ этотъ, неугомонный Михаилъ Максимычъ, и чело-вѣкъ „самъ себѣ“ Андрей Власовъ сообща дали Толстому матеріалъ и для „Воскресенія“, и для „Божескаго и чело-вѣческаго“. Оба они являются выразителями той народной мысли, которая ищетъ своихъ особыхъ путей для осуществленія своихъ религіозныхъ запросовъ. Оба они почувствовали въ Толстомъ родственную по духу натуру, и это привлекло ихъ къ нему.

А. Хирьяковъ.

СКРЯБИНЪ.

Русская музыкальная культура очень молода. Можно пересчитать по пальцамъ художниковъ, съ творчества которыхъ совсѣмъ уже слетѣлъ дилетантскій душокъ... Вѣдь еще такъ недавно, возведенный въ принципъ, дилетантизмъ имѣлъ въ своихъ рядахъ такихъ незаурядно талантливыхъ музыкантовъ, какъ Бородинъ, Балакиревъ, Мусоргскій. И только послѣднія десятилѣтя выдвигаютъ на арену музыкальной жизни истинныхъ *maestro*, чьи перлы являются передъ нами въ достойной, мастерской оправѣ. Первый большой мастеръ въ исторіи русской музыки — Римскій-Корсаковъ; его разрывъ съ „могучею кучкой“ нужно считать исходнымъ этапомъ нашего культурнаго пути, на которомъ въ столь краткій срокъ мы достигли такихъ вершинъ, какъ творчество Танѣева и Скрябина. Сопоставленіе этихъ именъ, сближенныхъ нынѣ еще и роковыми датами ихъ почти одновременной смерти, было бы весьма плодотворно для выясненія цѣлаго ряда глубоко принципиальныхъ положеній (къ сожалѣнію, болѣе освѣщающихъ творчество С. И. Танѣева, чѣмъ — Скрябина), могущихъ послужить матеріаломъ для цѣннаго изслѣдованія. Они — представители разныхъ поколѣній, и у Танѣева мы можемъ прослѣдить не мало устремленій общихъ съ его сверстниками, столь тяготѣвшими къ национализму въ своемъ музыкальномъ творествѣ, чего у Скрябина нѣтъ абсолютно.

Менѣе, чѣмъ кто-либо другой, Скрябинъ — русскій художникъ. Его творчество ни однимъ корнемъ не вращается въ національную почву, генеалогию этого творчества не удастся прослѣдить въ ростѣ русской музыкальной культуры — ни въ смыслѣ преемственности средствъ, ни въ конечныхъ устремленіяхъ художника, опредѣляющихъ содержание его искусства. Онъ одинокъ, этотъ гигантъ современной музыкальной мысли, равно одинокъ и въ средѣ своихъ соотечественниковъ, и внѣ этой среды. И пока онъ не предстанетъ передъ нами въ планѣ исторической перспективы, пока его творчество не будетъ точно координировано исторически, всѣ попытки подвести итогъ его творческой жизни — безплодны. Кажется, никто изъ русскихъ композиторовъ не удостоился столь обширной литературы о себѣ, какъ Скрябинъ, — и что же? Что знаемъ мы въ данный моментъ о Скрябинѣ? Установлены ли хотя бы основныя черты его творческой фizioноміи? Сомнѣваюсь, чтобы хотя одна

изъ указуемыхъ сейчасъ критикой обладала достаточною приближенностью, дабы съ нею могъ считаться будущій историкъ. Въ полной гармоніи съ этимъ — и исполнительскій кризисъ, свидѣтелями коего мы нынѣ являемся: Скрябинъ-панистъ, котораго, какъ такового, критика при жизни „не такъ высоко“ ставила, унесъ съ собою въ могилу тайну автоинтерпретаціи вдохновеній композитора. Первоклассные *maestro* фортепiano терпятъ здѣсь неизмѣнное фіаско, и, несомнѣнно, болѣе глубокое и рѣшительное, чѣмъ это отмѣчаютъ представители нашей критической мысли: идеи, стимулировавша творчество покойнаго, такого порядка, такъ органически слиты съ его чисто-музыкальнымъ гениемъ, такъ неотдѣлимы отъ его музыки, что мы можемъ утверждать положительно: нашему поколѣнію уже не услышать произведеній Скрябина не искаженными въ самой своей сущности, и это едва ли не самая трагическая сторона его безвременной кончины...

Въ чемъ же дѣло? Въ томъ, что „интерпретація“ Скрябина и критическая и исполнительская далеко выходятъ за музыкальные предѣлы — во-первыхъ, а во-вторыхъ — и въ этихъ предѣлахъ требуетъ сочетанія столь же разнородныхъ „одаренностей“, каковыя были присущи творческой личности покойнаго, личности совершенно исключительной для музыканта.

Въ самомъ дѣлѣ: Скрябинъ — гармоническій новаторъ столь далеко ушедшій въ своей личной эволюціи звукосозерцанія, что опытнѣйшіе и наиболѣе близко стоящіе къ нему теоретики-аналитики безсильно опускаютъ руки передъ непосильной проблемой — хотя бы элементарной классификаціи тѣхъ безграничныхъ богатствъ, которыя вложены художникомъ въ гармоническую архитектуру его творчества. Скрябинъ-наовторъ эволюционировалъ въ технику своей столь молниеносно, что „догнать“ его не было никакой возможности для всякаго, кто не былъ столь же одаренъ „критически“, какъ онъ творчески. Подъ конецъ отстали даже его апологеты, отстали настолько, что отзывы ихъ о послѣднихъ *opus* Скрябина болѣе чѣмъ сдержанны, почти отрицательны, — во всякомъ случаѣ, вполне недоумѣнны. Легко представить себѣ, насколько болѣе трудной задачей является преодоленіе хотя бы одной этой грани для интерпретатора-исполнителя: таковой долженъ претворить въ себѣ „новый“ языкъ настолько, чтобы именно новизны-то его и не чувствовать... А можно ли повѣрить въ „эволюцію“, столь быструю, отъ Бетховена, Шопена, Листа, этихъ „трехъ китовъ“, на коихъ стоимъ до сего дня піанизмъ, къ Скрябину послѣдняго періода, если даже теоретику ощутимо недостаетъ „неизданныхъ“ этаповъ для цѣльной картины творческаго пути художника?— И это несмотря на то, что теоретику обезпеченъ сознательный аналитическій подходъ къ созвучіямъ Скрябина, въ то время какъ рядовому исполнителю, равно слушателю, остается лишь движеніе по „роковой“ координатѣ: отъ новизны впечатлѣнія — къ

постепенно вѣдряющейся привычкѣ къ данной звучности... „Сколь шатка такая критическая опора — нужно ли доказывать? А вѣдь гармоническое новаторство у Скрябина не самодовлѣетъ, отнюдь не на первомъ мѣстѣ, а является лишь скромною гранью его „специфически-музыкальной личности“...

*
*
*

Искусство — Природа, Природа — Искусство: великія теза и антитеза, божественный хаосъ и человѣческая гармония, двуединое воплощение силы творящаго Духа. Въ слянии съ Божественнымъ человѣческое обрѣтаетъ проникновенность въ тайны мирового хаоса — Человѣкобогъ рождаетъ Искусство. Величавая музыка стихій чаруетъ духъ человѣка своею недосыгаемою мощью. Солнце, играя воздушнымъ смычкомъ на струнахъ воды и тверди, творитъ великую симфонию, гдѣ нѣжный шелестъ листы и грозный грохотъ прибора чудесно смѣняють и дополняютъ другъ друга, какъ струнное *pianissimo con sordini* и трубное *organo pieno*. Монументальностью стилия подкупаетъ насъ музыка стихій, но истинная Музыка, искусство человѣческое — это великая побѣда творческаго духа надъ хаосомъ мировой плоти. Человѣкъ вырвалъ у хаоса скрытые законы, разложилъ его на элементы и могучимъ синтезомъ возсоздалъ первозданный аккордъ въ его дѣвственной чистотѣ. Онъ научился управлять звукомъ, нашелъ въ душѣ своей отвѣтныя ему струны и языкомъ его души стала укрощенная стихія. Еще одна побѣда впереди: приблизить мятущійся творческій духъ къ стихійному діапазону и тѣмъ искупить плотскую немощь человѣческаго созиданія. Вѣдь даже издалика не примемъ мы морской приборъ за журчаніе ручейка, лѣсной пожаръ за мирный костеръ рыболова... И стихійная мощь и монументальность не въ сотняхъ литавръ и трубъ придетъ къ намъ, но лишь тогда, когда въ самой душѣ загорятся лѣсные пожары, когда волнение духа достигнетъ величія морского прибора!

Таковъ именно Скрябинъ: подчинивъ себѣ матеріальную стихію звука, какъ никто до него, онъ одухотворилъ ее небывалымъ доселѣ творческимъ заданіемъ, — небывалымъ, ибо если философскія и религиозно-мистическія устремленія можно отмѣтить и у иныхъ художниковъ прошлаго, то ни у кого изъ нихъ они не достигали глубины чистаго лиризма. Лирическій паѳосъ, составляющій истинную сущность творчества Скрябина, паѳосъ, проникающій каждый звукъ его созданий, — воплощенъ средствами чистой музыки, этой воистину „пѣсни ни о чемъ“, чудесная сказка безъ словъ...

Есть сказки — и сказки: сказкой мать тѣшитъ малаго ребенка, сказкой геній покоряетъ человѣчество. Вѣрить дитя, — вѣрить человѣчество. Но недаромъ дитя населяетъ „хоками“ темные углы дѣт-

ской, — кишать нежитью по ночамъ дремуче лѣса: не терпѣть сказка дневного свѣта...

Эпически подошелъ къ своей „Мистерии“ Вагнеръ, мобилизовалъ всѣ искусства для ея воплощения. И вотъ — написанной, осуществленной — мы ей не вѣримъ: передъ нами сценическое представление на мифологическій сюжетъ — не больше... Когда умеръ Скрябинъ, то даже наиболѣе скептически настроенные по отношенію къ его грандіозной мечтѣ не удержались отъ недоумѣннаго вопроса: а какъ же теперь Мистерія? Ибо увѣровали въ глубинѣ душѣ раньше, чѣмъ „вложили персты“. Удивила ихъ эта внезапная, непонятная и въ то же время столь трагически простая смерть... А почему? Не потому ли, что, не требуя отъ насъ, какъ Вагнеръ, перевоплощения въ чуждый бытъ и эпоху, не стремясь къ иллюзорному „чуду“, Скрябинъ всѣмъ своимъ творчествомъ убѣждалъ насъ, что близится моментъ, когда сотрется послѣдняя грань, отдѣляющая публику отъ эстрады, когда бывше слушатели „концерта“ станутъ активными участниками „Дѣйства“ — лирически воплощеннаго Экстаза. Дѣйствительно, предѣлы лирическаго расширены у Скрябина до небывалаго, — сразу бросается въ глаза огромное количество новыхъ динамическихъ терминовъ и эмоциональныхъ указаній, до Скрябина никѣмъ не употреблявшихся: онъ измѣнилъ даже традиционному итальянскому языку, избравъ для своего творчества болѣе гибкій и выразительный французскій. Обиліе нюансовъ настроеній въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе показательно, что, въ сущности, сфера „содержанія“ его музыки уже, одностороннѣ (я говорю о зрѣломъ періодѣ творчества), чѣмъ у любого классика, ибо онъ не выходитъ изъ рамокъ пантеистической религии Востока, поглотившей цѣликомъ все его художественное творчество. Тѣмъ не менѣе, будучи отраженіемъ грандіозныхъ религиозно-творческихъ процессовъ въ душѣ художника, музыка Скрябина до конца осталась чистою музыкой, и намъ нѣтъ никакой необходимости погружаться въ изучение теософскихъ догматовъ, чтобы воспринять въ полной мѣрѣ и пережить самимъ тотъ грандіозный пожаръ, что горѣлъ въ душѣ Скрябина въ моментъ ея созиданія.

„Мистическій Эросъ“, проникающій творчество Вагнера, очевидно, но и слишкомъ грубъ, материаленъ, чтобы безъ оговорокъ принять его, какъ мистическій. Мистическій Эросъ Скрябина былъ бы даже недоказуемъ, если бы не текстъ „Поэмы Экстаза“, если бы не нѣкоторыя указанія на него въ подзаголовкахъ и динамическихъ терминахъ фортепанныхъ произведеній, и однако... такого могучаго воздѣйствія на человѣческую психику, какъ Скрябину, не удалось достичь ни одному автору: захватъ слушателя столь цѣленъ и всеобъемлющъ, что не удастся даже расчленивъ его на отдѣльные моменты, найти въ немъ тѣ или иные элементы воздѣйствія. Таково истинное „высокое искусство“. Претвореніе „содержанія“ въ „форму“ такъ полно, музыкально-творческой „аппа-

раті“ художника столь совершенъ что для критическаго анализа нѣтъ никакой возможности углубляться въ „міросозерцаніе“ автора, и весь матеріалъ приходится черпать лишь изъ самихъ произведеній, изъ „формы“ ихъ, воплотившей собою это міросозерцаніе.

Скрябинъ - философъ, Скрябинъ - мистикъ, Скрябинъ - эротикъ поглощены Скрябинымъ - поэтомъ, рассказывающимъ намъ волшебныя сказки о тѣхъ видѣніяхъ и грезахъ, что посѣщали его въ часы творческаго экстаза.

Что же говорить намъ форма творчества Скрябина? Какие выводы можемъ мы сдѣлать изъ нея, какъ таковой? Чтобы не быть введенными въ заблужденіе, намъ нужно отрѣшиться отъ того ранняго періода, въ которомъ личность художника, еще не сформировавшаяся, не окрѣпшая, была подавляема въ той или иной мѣрѣ чуждыми влияніями. Какъ пианистъ, Скрябинъ эволюционировалъ отъ Шопена и Листа, — это законно и неизбѣжно для всякаго композитора - пианиста, ибо одно преодолѣніе фортепианнаго стиля обоихъ мастеровъ накладываетъ на технику игры и письма крѣпкія пути, порвать которыя — удѣлъ уже зрѣлаго творчества. Съ большимъ правомъ можно утверждать, что технически Скрябинъ до конца не освободился отъ ихъ вліянія: онъ лишь послѣдовательно, гармонично со своею личностью развилъ технику обоихъ композиторовъ, углубилъ ихъ техническѣ приемы, но основа, скелетъ остался тотъ же. Есть критики, склонные утверждать, что съ тѣмъ и другимъ у Скрябина нѣкое „родство душъ“: съ Шопеномъ его де роднитъ аристократическая изысканность, изящество творческой природы, съ Листомъ — склонность къ звуковому оргазму, мистическій уклонъ etc... Но вѣдь тогда придется приписать ему и нѣчто отъ Вагнера (нѣкоторые и передъ этимъ не останавливаются), что является со всяческихъ точекъ зрѣнія неосновательнымъ. „Мистерія“ Вагнера насквозь пропитана соками народнаго эпоса, Вагнеръ — националистъ, доходящій даже въ предѣлахъ художественно-религіознаго творчества почти до шовинизма; Скрябинъ — адептъ всечеловѣческой религии, его мистицизмъ — цвѣтокъ, расцвѣтшій на вершинѣ чело-вѣческаго древа, далекій отъ земли, питающей его корни; и если взоры обоихъ съ любовью устремлялись на Востокъ, то какая огромная разница! Вагнеръ и въ праарійскихъ мифахъ искалъ утвержденія духовной и кровной гегемоніи германцевъ надъ всѣми народами, производя царствующую германскую династію едва ли не отъ самого Тристана; Скрябинъ же взялъ у арійскаго Востока лишь его пантеистическую философію, его экстатическое міропрятіе... Ужели же способъ примѣненъ въ оркестрѣ мѣднаго tutti является моментомъ болѣе рѣшительнымъ въ оцѣнкѣ творчества, чѣмъ глубокое различіе міросозерцаній?

Такъ или иначе, но за нѣкимъ предѣломъ мы можемъ считать Скрябина вполне свободнымъ отъ вагнеризма или листианства и раз-

смаывать выработанныя имъ творческія нормы, какъ индивидуально-самодовлѣющія.

И прежде всего останавливаетъ внимание подавляющая, исключительная роль одного инструмента, фортепано, въ столь многогранномъ творчествѣ, какъ Скрябинское: изъ 74-хъ opus'овъ, изданныхъ при жизни композитора, 67 фортепанныхъ. Среди остальныхъ семи — фортепанный же концертъ... фортепанный же сольная партія „Прометей“. Почему, откуда такая техническая односторонность? На то много серьезныхъ причинъ: во-первыхъ, столь крупный гармоническій новаторъ, какъ Скрябинъ, въ наше время долженъ неизбѣжно стать передъ дилеммой: либо въ корни разрушить основу современной гармонической ткани — равномерную темперацію, — и, такимъ образомъ, выйти на желанный просторъ, — увы! — отказавшись надолго отъ реального творчества; либо, сохранивъ творческія возможности въ полной мѣрѣ, избрать путь технического компромисса и лишь довести до возможнаго максимума всѣ техническія возможности, даваемая старой системой.

Здѣсь мы входимъ въ узко-музыкальную область.

Многие ли знаютъ, напримѣръ, о томъ, что музыка въ настоящій моментъ находится наканунѣ грандіознаго переворота, грозящаго измѣнить направление двухвѣковой творческой работы нѣсколькихъ поколѣній музыкантовъ? Многимъ ли извѣстно, что виною тому І. С. Бахъ, утвердившій гениальностью своего творчества музыкальную систему въ высокой мѣрѣ произвольную, не только не коренящуюся въ требованіяхъ музыкальнаго слуха, но рѣзко ихъ нарушающую? Было такъ: пока музыкальное искусство пребывало въ лонѣ западной церкви и исчерпывалось музыкальной интерпретаціей ритуальныхъ пѣснопѣній, исполняемыхъ хоромъ *a capella*, — были налицо всѣ данныя для того, чтобы эволюція формъ музыки совершалась вполнѣ закономерно. Человѣческій голосъ — неподкупный инструментъ: пѣвецъ можетъ спѣть лишь то, что онъ мыслить, что органически вытекаетъ изъ требованій музыкальной логики звуковъ. Логика эта математически строга, и первые вѣка развитія многоголосной музыки являютъ собою поразительно-точную эволюцію „приятія“ консонансовъ въ послѣдовательности ряда натуральныхъ чиселъ. Послѣ пѣнія въ унисонъ (1:1) и октаву (1:2) появились попытки (такъ наз. „organum“) пѣть въ параллельныхъ квинтахъ (2:3) и квартахъ (3:4), позже появились въ аккордахъ терціи, сперва большая (4:5), потомъ и малая (5:6), наконецъ въ расцвѣтѣ итальянской полифоніи мы сталкиваемся съ септимой аккорда (4:5:6:7), играющей пока роль проходящаго диссонанса, но уже систематически примѣняемой.

Параллельно духовно-вокальной музыкѣ развивалась и приобрѣтала художественное значеніе музыка инструментальная. Ко времени появленія на музыкальномъ горизонтѣ Себастьяна Баха былъ выработанъ типъ клавишнаго инструмента съ фиксированными звукоотноше-

ніями, оказавшійся весьма удобнымъ для развитія виртуозной техники; однако эволюція звукосозерцанія далеко опередила музыкально-строительную технику инструментовъ, и не было никакой возможности вмѣстить въ созданные типы клавиатуръ всѣ звуки, необходимые для творческихъ цѣлей. Музыка попала въ такой тупикъ, что самые остроумные теоретики не умѣли указать выхода изъ него. Несомнѣнно, что, появивсь Бахъ полустолѣтіемъ позже, былъ бы принятъ единственно логичный выходъ — отказъ отъ инструментовъ съ фиксированной звучностью, и тогда эволюція пошла бы прежнимъ закономѣрнымъ путемъ. Случилось иначе: гениальный художникъ пришелъ въ самый разгаръ анархии и санкционировалъ своимъ творчествомъ грубо-компромиссную схему, придуманную съ чисто-утилитарною цѣлью — дать минимально-сложную клавиатуру, дабы не затруднить гг. виртуозовъ, пожертвовавъ п.и этомъ самымъ драгоценнымъ — чистотою музыкальной интонаціи: точныя звукоотношенія были замѣнены грубо-приблизительными. Черныхъ клавишъ, которыхъ, по-настоящему, должно быть по нѣскольку между каждою послѣдовательною парю бѣлыхъ, — стало всего пять въ октавѣ, зато онѣ стали „универсальными“. Не будучи на самомъ дѣлѣ ни до-диезомъ, ни ре-бемолемъ, ни си-дубльдиезомъ, единственная клавиша, находящаяся на ихъ мѣстѣ, стала по произволу автора и исполнителя изображать то, и другое, и третье, а слухъ, не имѣя для точной ориентировки никакой опоры (все оказалось „равномѣрно-разстроенымъ“), былъ систематически обманываемъ. Обманъ сталъ принципиальнымъ, получилъ особый „музыкально-научный“ терминъ — энгармонизмъ; иные авторы сдѣлали себѣ на этомъ „творческомъ приемѣ“ карьеру (отъ нихъ же первый — Вагнеръ), поражая одураченный слухъ „смѣлостью“ послѣдованій и „энгармоническихъ модуляцій“. Въ наши дни систематическое злоупотребленіе этимъ приемомъ роковымъ образомъ привело къ полному разрушенію лада, какъ такового: мажорныя и минорныя „гаммы“, кое-какъ все же умѣщавшіяся на 12 клавишахъ въ различныхъ комбинаціяхъ изъ нихъ по семи, были окончательно оставлены, у „ключа“ исчезли постоянные диезы и бемоли, характеризующіе тотъ или иной ладъ, наводнивъ собою междутактовое пространство. Въ результатѣ музыка пришла къ „хроматической“ гаммѣ, какъ основному базису, къ клавиатурѣ *in со-гоге*, какъ единому комплексу тоновъ безъ внутренней координаціи, а такъ какъ клавишъ въ октавѣ всего 12, то всѣ скольконибудь приемлемыя ихъ созвучанія были быстро исчерпаны: Баховскаго „Wohl“-темперованнаго строя едва хватило на два столѣтія. Переворотъ назрѣлъ, и возвратъ къ истинной логикѣ звуковъ, открывающей новыя возможности, произойдетъ не иначе, какъ путемъ полного разрыва съ техникой темперованныхъ инструментовъ, и, повторяю, нужно либо ждать осуществленія этой инструментальной реформы, либо примириться со старой системой.

Избравъ ради высшихъ творческихъ цѣлей второй путь, новаторъ

типа Скрябина роковымъ образомъ долженъ остановиться на фортепiano, какъ инструментъ наиболѣе приспособленномъ для творческаго „эксперимента“ (что Скрябинъ упорно искалъ свси гармонии — внѣ сомнѣнія) и въ наивысшей мѣрѣ выносливомъ въ осложненни гармонической фактуры, благодаря закрѣпленнымъ, постояннымъ тоноотношеніямъ. Легко представить себѣ, что получилось бы, если бы фортепiанная композиция Скрябина * были написаны для струннаго квартета или хора: онѣ были бы неисполнимы, ибо не связанные „клавишами“ инструменты до сей поры не подчинились нивелирующему принципу темпераци, а музыка Скрябина только въ темпераци и мыслима.

Во-вторыхъ, присущій музыкѣ Скрябина динамизмъ, открыленность его ритмики, оргiйность его мистическихъ „танцевъ“ находятъ въ четкой техникѣ инструмента, способнаго къ наивысшей виртуозности, благодарнѣйшій материалъ; лишенная привычнаго для музыкантовъ исполнителей мажоро-минорнаго устоя (лишь въ предѣлахъ котораго „техника“ ихъ болѣе или менѣе развита), произведенія Скрябина безмѣрно затруднили бы виртуозовъ оркестра, если бы на нихъ былъ перенесенъ центръ тяжести звукового оргiазма.

Въ-третьихъ, гармоническое мышление Скрябина, по существу своему внѣ-ладовое, омнитональное, не могло и создаться иначе, какъ на фортепiano. Всѣ экскурси критики въ „ультрахроматическія“ сферы, якобы завоеванныя Скрябинымъ, въ высокой мѣрѣ беспочвенны. Разрывъ съ современной темперационной системой тоновъ, когда онъ наконецъ будетъ свершенъ нѣкимъ грядущимъ гениемъ, ознаменуеетъ собою величайшую революцію въ музыкальномъ искусствѣ: это будетъ не только возвратъ къ чистотѣ ладоваго и гармоническаго строя, но и возвратъ къ утраченной за послѣдніе два вѣка логикѣ звуковъ. Сверженіе ига темпераци раскроетъ передъ творцами будущаго заповѣдныя доселѣ пути: со стыдомъ должны мы признаться, что даже наша народная пѣсня (не говоря уже о пѣснѣ восточныхъ народовъ) располагаетъ болѣе богатыми мелодическими возможностями, построена на болѣе развитомъ звукорядѣ, чѣмъ „высоко-культурная“ музыка. Наша система нотописанія, вполне пригодная для творческихъ цѣлей гениальнѣйшихъ композиторовъ, оказывается недостаточной, какъ только мы хотимъ „записать“ простую народную пѣсню: мы должны исказить ея мелодическую физиономію, силкомъ вогнать ея оригинальную мелодику въ узкій шаблонъ фортепiанной клавиатуры — воистину Прокрустово ложе для перловъ народнаго творчества. Тончайшіе нюансы мелодической интонаци, свойственные народной пѣснѣ, не имѣютъ въ нашей грубой диезо-бемольной нотаци знаковъ для своего зафиксированія.

Несомнѣнно, однако, что если народъ имѣетъ возможность сохранить изъ поколѣнія въ поколѣніе физиономію своего музыкальнаго творчества, не прибѣгая ни къ какимъ записямъ, одною *лишь*

* Напримѣръ, Prélude op. 74, № 4.

изустною передачей, — значить, употребляемые имъ мелодические ходы глубоко органичны, — значить, они имѣютъ какую-то (акустика знаетъ — какую) опору въ самомъ слуховомъ аппаратѣ человѣка... И современная наука ручается намъ за то, что подавляющее одно-голосіе народной пѣсни не роковымъ образомъ вытекаетъ изъ свойствъ народной мелодики, но зависитъ лишь отъ ея эмоциональной примитивности. Гармонію, отвѣчающую характеру народной пѣсни, создать вполне возможно, при непремѣнномъ, однако, услови отказѣ отъ мелодической приблизительности, возведенной въ принципъ въ равномерно-темперационной системѣ. Народная пѣсня, слѣдовательно, отъ вѣка „ультрахроматична“, болѣе богата мелодическими интонаціями, чѣмъ наша предѣльная хроматическая гамма, и намъ лишь остается послѣдовать за нею, вооружившись должною эрудиціей для развитія изъ нея богатыхъ полифоническихъ формъ. Я уже указалъ выше, какъ далекъ былъ Скрябинъ отъ народнаго творчества; столь же далекъ онъ и отъ тѣхъ возможностей, которыя оно открываетъ въ только что указанномъ смыслѣ искусству будущаго.

Глубокій анализъ его гармоническаго стиля безжалостно разрушаетъ легенду объ „ультрахроматическомъ Скрябинѣ“: его произведенія безконечно болѣе логичны и консонантны въ темперированномъ строѣ, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ: внѣ темпераци — нѣтъ Скрябина. А такъ какъ ни одинъ инструментъ не въ силахъ конкурировать съ фортепиано въ точности „разстройки“ всѣхъ гармоническихъ интерваловъ, то Скрябину ничего иного и не оставалось, какъ до конца пребывать въ вѣрности этому идеально разстроенному музыкальному аппарату...

Все это, конечно, нисколько не умаляетъ художественной цѣнности произведеній художника: пока царство темпераци не пало подъ натискомъ революціонно-ультрахроматическихъ силъ, Скрябинъ останется недостижимой вершиной, и если его историческая роль не столь же грандіозна, это касается чувствительно лишь критики, приписавшей ему незаслуженные лавры революціонера, — классическій императивъ существующей системы тоновъ у Скрябина остался до конца нерушимымъ. Онъ — типичный завершитель эпохи.

Если взглянуть теперь на форму музыки Скрябина съ точки зрѣнія узко-музыкальной, имѣя въ виду лишь ея звуковую архитектуру, — выводы изъ нея окажутся глубоко интересными для оцѣнки творческой личности художника. Форма эта, непрестанно тяготея къ законченной абстрактности, столь характерной для адептовъ „чистой музыки“, носить тѣмъ не менѣе явные слѣды импровизационности. Получается впечатлѣніе внутренней борьбы двухъ началъ въ душѣ композитора: любясь красотой звукопостроеній (это, кстати сказать, и есть та „поза“, о которой такъ много говорить и пишутъ, видя въ ней, — ошибочно, конечно, — склонность къ „самолюбованію“ автора!), Скрябинъ не могъ, однако, поставить

самодовлѣющую ихъ красоту во главу угла: „расплавленная архитектура“ — не Скрябинское задание. Его широкая философская концепція, его устремленность къ религіи не позволяли ему такъ оскотить духовно свою музыку, такъ сузить ея задачи. А лишь только мы подходимъ къ звуку, какъ къ материалу для выявленія своего духовнаго я, лишь только мы хотимъ видѣть въ музыкѣ „языкъ души“, — мы уже у грани формальнаго анархизма. Ребиковъ правъ по своему, утверждая, что „чувства человѣческія не имѣютъ ни формы, ни тональности, ни кадансовъ“ . . . Однако такое *stredo*, проведенное послѣдовательно въ музыкѣ, привело бы къ агонии звуковъ, ни въ какомъ родствѣ съ искусствомъ не состоящей. Если чувства и мысли живыхъ людей не укладываются въ геометрическую схему квадрата или эллипса, это еще не значить, что форма этихъ фигуръ совершенно лишена художественно-эстетическаго содержанія, что онѣ эмоционально невыразительны. Истинное искусство живо именно этою вѣчною борьбою четкаго геометризма формы съ неуловимостью контуровъ человѣческихъ идей и эмоцій, и „муки творчества“ — какъ разъ въ „уловленіи“ послѣднихъ, но, конечно, только гешю удается въ полной мѣрѣ этотъ труднѣйшій изъ синтезовъ. И нѣтъ лучшей поруки за гениальность Скрябина, какъ классическая строгость его формъ, вмѣщающихъ въ себѣ почти невмѣстимое. Если вчитаться въ поэтическую автоинтерпретацію „Поэмы Экстаза“, оставляя въ сторонѣ незначительную литературную цѣнность этого стихотворенія — литературный даръ не былъ удѣломъ Скрябина, — нельзя не подивиться грандіозности самаго замысла, гдѣ человѣческое самоутвержденіе личности становится космическимъ процессомъ, равновеликимъ акту мірозданія. И космическимъ процессамъ, конечно, свойственны закономѣрность и гармоничность, но все же отлить такое задание въ ясную, прозрачную музыкальную форму, не порвавъ даже съ классическимъ „сонатнымъ“ принципомъ — сдѣлать это могъ лишь гений. И „Поэма Экстаза“ — не исключеніе, быстрый духовный ростъ личности Скрябина съ нея лишь начинается: идейное и эмоциональное содержаніе позднѣйшихъ произведеній углубляется у Скрябина съ каждымъ *opus'омъ*. Весь послѣ-прометеевскій фортепанный періодъ его творчества — дождь драгоценныхъ осколковъ изъ-подъ молота титана, высѣкавшего форму для своей грядущей Мистеріи, и до самаго конца эти осколки сохранили кристаллическую ясность и законченность. Свою любовь къ причудливымъ узорамъ рѣзко изломанныхъ линій художникъ сумѣлъ сдѣлать могучею союзницей своего религиозно-мистическаго творчества. Глубоко, въ самыхъ малыхъ „ячейкахъ“ формы, гдѣ она наиболѣе близко соприкасается съ эмоциональнымъ содержаніемъ, скрылъ Скрябинъ причудливыя арабески своихъ настроеній; обще же контуры просты, быть можетъ, даже нѣсколько наивны, какъ наивна та эзотерическая доктрина, исповѣдникомъ которой былъ композиторъ. И

именно въ сложности этихъ минимальныхъ ячеекъ причина „импровизационной“ внѣшности его произведеній. Слухъ не сразу ориентируется въ столь фантастичномъ тематизмѣ, и периодичность ритмическихъ возвращеній далеко не всегда очевидна. Есть, конечно, и другія причины этой кажущейся импровизационности: слишкомъ непривычна гармоническая фактура музыки Скрябина, и музыкальные „знаки препинанія“, эти ритмико-гармонические элементы формы, сплошь и рядомъ недоступны пониманію слушателя, привыкшаго къ „sol-do-do-sol“ классическихъ кадансовъ, — онъ ихъ не улавливаетъ; наконецъ самое исполненіе (я говорю, конечно, объ авторскомъ) всегда, съ первыхъ шаговъ композитора-пианиста (1893—1894 годы), было такъ ритмически неустойчиво, такъ подчинялось всегда настроенію автоинтерпретатора, что мы съ большимъ правомъ можемъ назвать Скрябина „импровизаторомъ“ въ ритмическихъ и динамическихъ нюансахъ. И въ записи своихъ произведеній онъ предпочитаетъ терминологию настроеній обычной музыкально-динамической номенклатурѣ, оставляя, такимъ образомъ, широкій просторъ индивидуальности истолкователя, — лирический пафосъ и здѣсь является элементомъ рѣшающимъ.

Есть еще одна сторона творчества Скрябина, которая осталась загадкой изъ-за его безвременной смерти: проблема синтеза искусствъ была для него проблемой очень серьезной; порукою за то — упорное игнорированіе художникомъ дешевыхъ ея разрѣшеній, являющихся въ сущности своей не синтезомъ, но грубымъ параллелизмомъ, не „химическимъ соединеніемъ“, но механическимъ ихъ конгломератомъ, — я говорю о „вокальной“ музыкѣ и всевозможныхъ видахъ приспособленія музыкальнаго искусства къ сценическому „дѣйству“. Скрябинъ за всю жизнь не написалъ ни одного „романса“, ни оперы, ни „музыкальной драмы“, ни одного произведенія, въ которомъ человѣческая рѣчь была бы связана съ рѣчью музыкальной. Лишь въ его ранней симфоніи, очевидно, подъ влияніемъ „девятой“ Бетховена, участвуетъ хоръ, поющій гимнъ Искусству, какъ Религи; въ „Прометѣѣ“ хоръ уже лишень словъ... Такое отношеніе къ вокальной музыкѣ, граничащее съ полнымъ ея отрицаніемъ, свидѣтельствуетъ о высшемъ уваженіи художника къ стихіи музыкальнаго звука: ибо если справедливо, что „гдѣ кончаются слова — начинается музыка“, то не менѣе справедливо обратное положеніе: гдѣ начинаются слова — музыка кончается. Независимо отъ красоты и значительности „словъ“, музыка, прибѣгающая къ ихъ помощи, тѣмъ самымъ расписывается въ собственномъ безсиліи. То же и съ другими искусствами: критика совершенно справедливо отмѣтила, что въ „Прометѣѣ“ есть одна лишняя строка партитуры, именно „свѣтовая“: самое фантастическое искусственное освѣщеніе не сможетъ прибавить ни юты къ той лучезарности, которую проникнуть каждый звукъ этой гениальной „Поэмы Огня“... И снова мы видимъ: возвратившись въ послѣднихъ

opus'axъ (70, 72, 73) къ стихии огня, Скрябинъ уже не требуетъ параллелизма звуковъ съ эффектами освѣщенія: „lumineux vibrant, de plus en plus radieux“, „Flammes sombres“, „Vers la flamme“ — все это несомнѣнная аналогія съ отказомъ отъ словъ у хора въ „Прометей“. Каждый разъ, сдѣлавъ попытку ввести „помощника“, Скрябинъ отказывается отъ него въ послѣдовательномъ развитіи своемъ и возвращается къ чистой музыкѣ, очевидно, вполне овладѣвъ уже средствами чисто музыкальнаго воплощенія всѣхъ нюансовъ „Feu“ — отъ „sombres“ до „radieux“ включительно...

Некрологи извѣстили насъ, что послѣ смерти Скрябина остался „законченный текстъ“ предварительнаго Дѣйства „Мистерія“; онъ пока еще не опубликованъ, и мы не можемъ судить, было ли это — либретто или аналогичное „Поэмѣ Экстаза“ самостоятельное литературное произведение; но даже независимо отъ этого мы знали отъ близкихъ къ нему лицъ, что авторомъ „Мистерія“ предначертанъ синтезъ всѣхъ искусствъ до игры ѳиміамовъ включительно... Апологеты Скрябина весьма склонны утверждать, что лишь смерть помѣшала ему выполнить свою задачу, ибо онъ „имѣлъ всѣ шансы воплотить въ жизнь и реальность свою мечту о синтезѣ искусствъ“... Такъ ли? Не отказался ли бы самъ Скрябинъ съ тою же неуклонною послѣдовательностью и отъ ѳиміамовъ, и отъ всѣхъ прочихъ атрибутовъ матеріальнаго воздѣйствія на психику, какъ только осозналъ бы въ себѣ „магическую“ способность одними звуками творить пространственныя формы и ѳиміамы, какъ это блестяще удалось ему со словомъ и огнемъ? И не стала ли бы „осуществленная“ Мистерія просто симфоническимъ произведеніемъ, приобщающимъ слушателя къ творческому „дѣйству“ тишь всемогуществомъ проникновеннаго лиризма? Или, быть можетъ, Скрябинъ будущаго порвалъ бы и съ симфонизмомъ и сталъ бы настоящимъ импровизаторомъ, овладѣвшимъ всѣми средствами своего искусства настолько, чтобы выпало промежуточное звено между задуманнымъ и осуществленнымъ произведеніемъ — періодъ „сочиненія“, „композици“ его?

Не такова ли была до конца неосознанная мечта композитора о „единомъ, неповторяющемся Актѣ, живущемъ лишь краткій мигъ творческаго Экстаза“?

Арсеній Авраамовъ.

СУДЬБА КАРТИНЫ.

(ЗАМѢТКИ О „МИРѢ ИСКУССТВА“.)

Выставка „этюдовъ, эскизовъ и рисунковъ“, устроенная комитетомъ „Мира Искусства“ и первоначально открывшаяся подъ ни чѣмъ не оправданнымъ и, очевидно, ошибочнымъ названіемъ „Выставки картинъ“ (ибо весь ея смыслъ въ томъ, что она — выставка „не картинъ“), знаменуетъ новое и по своему весьма симптоматичное начинаніе этого общества: распределение совершеннаго за годъ совмѣстнаго усилія по двумъ параллельнымъ русламъ. Задача этой первой „осенней“ выставки, за которой черезъ нѣсколько мѣсяцевъ имѣеть, повидимому, послѣдовать вторая, „весенняя“, представляется — согласно вѣроятному плану устроителей, въ общихъ чертахъ уже отмѣченному печатью, — какъ бы предварительной.

Выставка не имѣеть цѣли познакомить насъ съ добытыми художниками окончательными результатами, съ тою работою синтеза, изъ которой возникаетъ „картина“. Напротивъ, она должна ввести насъ въ интимную лабораторію живописнаго творчества во всѣхъ его послѣдовательныхъ стадіяхъ, начиная отъ первичной схемы построения картины — наброска углемъ, перомъ или карандашомъ и ея красочнаго первообраза — эскиза. Намъ рисуется и иное заданіе для этого новаго типа выставокъ: разгрузка основной, собственно отчетной выставки отъ того изобилія прикладныхъ а особенно театральныхъ работъ, которыми могло казаться затемненнымъ и искаженнымъ истинное предназначеніе выставки картинъ, т. е. довлѣющихъ себѣ и формально въ себѣ замкнутыхъ живописныхъ достижений. Подобныя побочныя или даже паразитныя явленія и должны были — независимо отъ своей безотносительной цѣнности — быть отведены въ это новое русло.

Чрезвычайно важный вопросъ о методѣ организаціи выставокъ отнюдь не долженъ, — я въ томъ увѣренъ, — быть воспринятъ читателями общаго журнала, какъ тема узко профессиональная и техническая. Вѣдь выставка — единственный путь сближенія художника, отъединеннѣйшаго изъ тружениковъ, съ обществомъ, его періодическая встрѣча съ соотечественниками и современниками; выставка имѣеть для „обобществленія“ искусства, для

реализаціи художественнаго воздѣйствія на массы, наконецъ для оплодотворенія творчества черезъ прикосновеніе къ этимъ массамъ значеніе не меньшее, чѣмъ книга для культуры слова. Исключительное значеніе этихъ выступленій умножается еще и тѣмъ, что подобное общеніе художника со зрителемъ можетъ быть лишь кратковременнымъ, что оно затруднено у насъ почти непреодолимо внѣшними условіями и ограничено, въ сущности, лишь двумя культурными центрами — Петроградомъ и Москвою. Цѣлесообразное устройство выставокъ является, на ряду съ „собираніемъ искусства“ въ музеяхъ, однимъ изъ основополагающихъ вопросовъ всякой серьезной „художественной политики“. Поэтому-то новый боевой планъ, принятый „Міромъ Искусства“ — и усиленный, если вѣрить газетнымъ сообщеніямъ, вызвать подражаніе у „Передвижниковъ“, — заставилъ насъ насторожиться; совершенно самоочевидная неудача этой попытки не лишаетъ ея, однако, поучительности.

Въ самомъ дѣлѣ, изъ какого побужденія, изъ какой внутренней потребности возникло это начинаніе? Отъ какого избытка былъ удѣленъ матеріалъ для этой выставки? Имѣлъ ли „Міръ Искусства“, „что сказать“, ее создавая? Врядъ ли! Предпріятіе это не болѣе какъ ставка на новизну замысла, на сомнительные шансы эксперимента. Мнѣ не хотѣлось бы повторно возвращаться къ вопросу о — ставшемъ хроническимъ — кризисѣ „Міра Искусства“, тѣмъ болѣе, что тема эта успѣла сдѣлаться общимъ мѣстомъ большинства сужденій. Что дѣлать, если ироническая судьба не надѣлила группу дѣятелей, безъ сомнѣнія, призванныхъ къ культурному водителству и улучшенію эстетическаго уровня русскаго общества, — неисповѣдимымъ и стихійнымъ даромъ творчества? Чѣмъ помочь и кого обвинять, если эта первая версія „Русскаго Возрожденія“ поманила насъ несбывшейся большой надеждой, но свелась лишь къ счастливому обновленію вкуса, къ расширенію нашей эстетической восприимчивости? Если новое художественное движеніе породило всего лишь декораторовъ, иллюстраторовъ и критиковъ? А вѣдь эта вторичность, эта отраженность творчества, обходящаго прямую задачу искусства, и является главнымъ аргументомъ критики, оспаривающей данное направленіе.

Между тѣмъ „Міръ Искусства“, подобно гвардейцамъ въ Наполеоновской легендѣ, умираетъ, но не сдается. Въ подобномъ упорствѣ есть и смыслъ, и великодушіе. Общество словно блюдетъ нѣкоторое историческое обязательство. Вѣдь „Міръ Искусства“ еще не дождался законнаго преемника, способнаго либо воспринять его прямое наслѣдіе и утвердить его дѣло, либо отстранить его во имя спасительной, страстно чаемой нами новизны.

Стоитъ сегодня распасться культурной ячейкѣ „Міра Искусства“, и, быть можетъ, весь организмъ нашего молодого иску-

ства утратить свою относительную плотность, разрыхлится и растворится въ несказанномъ хаосѣ, — въ косности или судорогѣ. Отсюда — миссія дѣятелей „Мира Искусства“, этого поколѣнія призванныхъ, но не избранныхъ. Отъ этого сознанія — или смутнаго чувства — собственной своей недостаточности, неполноты своего вклада и исходило, какъ намъ кажется, названное общество за всѣ послѣдніе годы. Оно ненасытно вбирало въ себя и такъ или иначе приспособляло сторонніе элементы, привлекая ихъ изъ мастерскихъ Академіи Художествъ, равно какъ изъ независимой среды самыхъ эксцентричныхъ искателей новизны. Нынѣ этимъ элементамъ принадлежитъ — объ этомъ свидѣтельствуетъ отчетная выставка — численный перевѣсъ надъ членами общества. Въ свою очередь, изъ числа послѣднихъ развѣ что третья часть принимаетъ участіе въ этомъ публичномъ соревнованіи. Самая характеристика облика каждой изъ ближайшихъ къ намъ по времени выставокъ складывается изъ сочетанія этихъ пришлыхъ художественныхъ силъ. Однако подобная широта критеріевъ, несомѣстная не только со строгостью эстетической доктрины, но и со всякою „органичностью“ усилія вообще, не могла привести „Миръ Искусства“ къ чуду внутренняго обновленія. Тогда-то, — догадываемся мы, — и созрѣло рѣшеніе выдѣлить побочную выставку, о которой мнѣ и предстоитъ высказаться.

* * *

Самое названіе выставки даетъ намъ ключъ къ ея „идеологии“. Оно противопоставляетъ понятія этюда, эскиза и рисунка понятію картины. Казалось бы, что можетъ быть проще, чѣмъ принципъ этого различенія! А между тѣмъ его весьма нелегко уловить. Дѣленіе на двѣ выставки, въ сущности, приемъ уже испытанный, — объ этомъ говоритъ хотя бы примѣръ Берлинской Сепессии; однако тамъ произведенія группировались по признакамъ чисто техническимъ. Одна изъ выставокъ была всецѣло посвящена живописи, другая — графикѣ, т. е. рисунку и гравюрѣ. Дѣленіе же, принятое „Миромъ Искусства“, коренится въ психологии творческаго процесса. Отсюда возникаетъ его чрезвычайная смутность.

Начать съ того, что въ современной художественной практикѣ понятія картины и этюда смежны до полнаго сліянія другъ съ другомъ, — особенно въ искусствѣ пейзажа. Нѣкогда, для пейзажа классическаго, для Пуссэна или Лоррэна (я всего лучше сумѣю пояснить свою мысль на примѣрѣ французскаго искусства, гдѣ эволюція живописныхъ цѣнностей запечатлѣлась всего полнѣе и отчетливѣе) этюдъ подлинно былъ лишь студіей натуры, сырымъ, неодушевленнымъ матеріаломъ, который отливался въ условныя формы въ горнилѣ неуклонной „воли къ стилю“. Концепція картины населяла этотъ матеріалъ героической жизнью.

Позднѣе барбизонцы, какъ, на примѣръ, Теодоръ Руссо, сводили свои непосредственныя записи живыхъ аспектовъ природы къ нарочитому композиціонному равновѣсію картины, къ полновѣсному выраженію лирическаго характера пейзажа — въ отрѣшенности и нейтральномъ свѣтѣ мастерской, обращенной на сѣверъ. Импрессионизмъ, столь властно завладѣвшій искусствоощущеніемъ нашихъ дней и донынѣ не вполне преодоленный, все это измѣнилъ. Онъ отобразилъ природу въ ея мимолетныхъ подобіяхъ, въ ея прямой и мгновенной дѣйствительности. Онъ лишилъ предметы существенныхъ признаковъ цвѣта, пластической формы, плотности и всякаго самодовлѣющаго бытія, подчинивъ это бытіе законамъ и прихотямъ свѣта, единственной реальности. Мозгъ художника сталъ какъ бы пассивнымъ аппаратомъ оптическаго воспріятія, пластинкой, чувствительной къ свѣту. Импрессионизмъ пожелалъ забыть, что этотъ жизнедавецъ-свѣтъ родился изъ тьмы; онъ изгналъ черный цвѣтъ и его градаціи — былую основу колорита. Онъ объявилъ контуръ фикціей и истолковалъ очертаніе, какъ нечеткій предѣлъ двухъ красочныхъ массъ. Такъ были исключены или утрачены всѣ почти свойства, образующія „картинность“ (Bildmässigkeit, какъ выражаются нѣмцы), всѣ средства „организации плоскости“: линейный ритмъ, привносящій единство композиціонное, гамма тоновъ, создающая гармонию красочную, свѣтотѣнь, углубляющая картину до трехмѣрности, степень интенсивности цвѣта („валѣры“), расчленяющая ее на планы. Опытъ показалъ, что все это не противорѣчитъ насыщенной и праздничной жизни поверхности. Но импрессионизмъ идетъ дальше. Онъ игнорируетъ замыселъ, выдумку, свободную дѣйственность воображенія художника; онъ выключаетъ духъ, сказали бы его противники. Такъ или иначе, импрессионизмъ и наслѣдовавшія ему направленія отвергли первенство мотива и право сюжета, — иными словами, упразднили выборъ и сочетаніе предметовъ изображенія, а, съ другой стороны, идеологическій или психологическій стержень творчества. Міръ обратился для художника лишь въ безразличный объектъ субъективнаго зрительнаго переживанія. Такъ съ аскетическимъ презрѣніемъ къ обольщенію предметовъ, къ соблазну связанныхъ съ ними ассоціацій, Сезаннъ повторяетъ много десятковъ разъ знаменитую „мертвую природу“ изъ нѣсколькихъ яблокъ, салфетки и крынки, сгруппированныхъ на голой доскѣ стола. Такъ отпадаютъ одна за другой особенности, опредѣляющія „картину, какъ таковую“, картину въ ея традиціонномъ смыслѣ. Отнынѣ она совпадаетъ съ этюдомъ: то отрѣзокъ природы, увидѣнный, — по знаменитой формулѣ литературнаго натурализма, — „сквозь темпераментъ художника“. Винцентъ Ванъ Гогъ пишетъ самыя насыщенные, пронизанныя молніями мятущагося духа картины въ полѣ, на вѣтрѣ, въ нѣсколько часовъ,

выдавливая въ лихорадочномъ нетерпѣнн тубы красокъ прямо на холстъ, разминая ихъ коченѣющими пальцами.

Говорю здѣсь объ этомъ не для того, чтобы оспаривать доктрину импрессионизма; онъ утвердилъ свободу искусства отъ всякихъ стороннихъ внушеній, отъ всякихъ преемственныхъ принужденій; онъ провозгласилъ автономію и „специфичность“ живописнаго воспріятія міра. Но предѣлъ импрессионизма обозначается тамъ, гдѣ кончается міръ явленій.

Въ наше время реакціи противъ аналитическаго, „бездушнаго“ искусства, искусства зрительной воспримчивости, время поисковъ новаго формальнаго и идеологическаго углубленія живописи, возродилось представленіе о картинѣ въ прежнемъ смыслѣ слова: въ смыслѣ волевого и сознательнаго творческаго усилія, объединенія дробной и неодушевленной случайной дѣйствительности въ цѣлостномъ образѣ, подчиненія ея космической, организующей волѣ художника. Сезаннъ, завершившій и преодолевшій импрессионизмъ первый изъ великихъ мастеровъ нашего времени, возвратилъ живописному изображенію плотность и конструктивность. Яблоки его и кринки обрѣтаютъ мощную, почти монументальную внушительность. Красочныя плоскости его пейзажей слагаются въ нерасторжимое строительное единство. Труды его послѣдователей, Дерэна или Фріеза, Вламенка или Маркэ, воспринимаютъ отъ него эту строительную схему; пейзажи ихъ родственны грузнымъ и суровымъ формамъ романскаго зодчества. Наконецъ завершители движенія, кубисты, сводятъ зрѣлище внѣшняго міра къ его геометрическимъ измѣреніямъ, къ сочетанію „объемовъ“; вмѣстѣ съ тѣмъ красочность предметовъ потухаетъ въ этомъ безвоздушномъ пространствѣ отвлеченныхъ схемъ. Отраженное же движеніе футуризма представляется послѣднимъ рефлексомъ, предсмертною судорогою аналитическаго и динамическаго духа импрессионизма.

Эволюція картинности, изложенная мною съ возможнымъ упрощеніемъ, протекаетъ у насъ безъ той законѣрной послѣдовательности дѣйствія и противодѣйствія, что наблюдается на Западѣ. Лишенное еще органической цѣльности, не коренясь глубоко въ культурной традиціи, искусство наше движется впередъ толчками, безъ руля и безъ вѣтриль, колеблемое внезапными порывами вѣтра, доносящимися изъ остальной Европы, или мистическимъ дуновеніемъ нашей оживающей древности. Однако и мы пережили импрессионистское повѣтріе, сказавшееся у нашихъ „московскихъ нарижанъ“. Противодѣйствіе же этому устремленію опредѣлило тяготѣніе къ декоративности, принявшее у насъ исключительные размѣры (во Франціи декоративный уклонъ ознаменованъ творчествомъ Гогена и его круга). Я говорю объ этомъ вполне законномъ явленіи, какъ объ уклонѣ въ связи съ интересующей насъ „проблемою кар-

тины". Всякое декоративное твореніе, будь то фреска или виньетка, лишено основного признака картины: самоцѣльности. Фреска расчленяетъ и украшаетъ плоскость стѣны, иногда углубляетъ символически смыслъ архитектурнаго замысла; виньетка расчленяетъ и украшаетъ страницу книги, а вмѣстѣ съ тѣмъ истолковываетъ ея содержаніе. Картина же — прежде всего вещь „въ себѣ“; рама, изолирующая ее отъ плоскости стѣны, на которой она виситъ, и отдѣляющая ее отъ окружающей дѣйствительности, есть необходимое условіе эстетическаго бытія картины. Точно такъ же, какъ этюдъ, но по другимъ причинамъ, не можетъ, слѣдовательно, считаться картиной и декоративное панно.

Нельзя отрицать, что устремленіе къ картинѣ намѣчается и у насъ, но всего болѣе въ формѣ пожеланія или прогноза. Есть у насъ и доктринеры, мнящіе обрѣсти путь къ возрожденію картины въ условномъ канонѣ академіи, въ предустановленныхъ анатомическихъ нормахъ, въ преобладаніи пластической формы надъ живописной, въ симметріи композиціи; но и они пошли немногимъ далѣе литературныхъ манифестовъ о своемъ призваніи. Наконецъ, чрезвычайно любопытно обозначилось тяготѣніе къ картинной полнотѣ, къ сочетанію сюжета и строенія въ весьма двусмысленномъ и оспоримомъ родѣ живописи — эскизѣ театральной декораціи; эскизы „Бѣсовъ“ Добужинскаго, intérieur „Мнимаго Больнаго“ и макеты для „Трактирщицы“ А. Бенуа, циклъ „Смерти Пазухина“ Кустодіева приближаются, минуя свою чисто служебную задачу пособия театра, къ самостоятельному значенію „жанровыхъ“ картинокъ.

* * *

Въ силу подобной шаткости и относительности принятой „Міромъ Искусства“ для новѣйшей своей выставки классификаціи, послѣдняя могла привести лишь къ хаотической разногласицѣ. Относя къ этой выставкѣ все, что не есть „картина“, общество, въ сущности, отождествляетъ ее съ выставкой „основной“, ибо и тамъ вѣдь отсутствуютъ картины въ томъ специфическомъ смыслѣ, который мы попытались формулировать: одно или два замѣчательныхъ исключенія лишь подтверждаютъ правило. Неясность заданія и непригодность относительныхъ и условныхъ понятій привели къ тому, что каждый почти экспонентъ истолковалъ это заданіе по своему, въ смыслѣ чисто техническомъ или же въ эстетическомъ. Свелось это расхожденіе къ тому, что каждый пытался дѣлать „не свое дѣло“. Одни показали свои работы цвѣтными карандашами и устранили этюды масляными красками, художники „театральные“ по преимуществу воздержались отъ демонстраціи эскизовъ декораціи, а портретисты выставили театральные эскизы; иные иллюстраторы пожелали испытать себя въ акварельномъ пейзажѣ, другіе остались вѣрны своимъ орна-

ментальнымъ задачамъ. Многие дали вещи, совершенно аналогичныя тѣмъ, что они посылаютъ на основную выставку, но меньшія по размѣрамъ и болѣе слабыя по выполнению. Точно такъ же были допущены на выставку этюдовъ и художники „похуже“, чьи достоинства показались бы недостаточно достовѣрными для главной выставки. Нѣкоторые изъ выставившихъ тщились раскрыть передъ нами самый органическій процессъ своего творчества, собравъ скудныя подготовительныя работы къ уже извѣстнымъ вещамъ. Остальные выставили циклы этюдовъ, нарочито согласованныхъ съ заданіемъ. Наконецъ новая программа сдѣлала возможнымъ появленіе на выставкѣ силуэтовъ, рѣзанныхъ изъ бумаги (куръезныхъ, впрочемъ, и мѣткихъ) или матерчатыхъ куколъ въ „стильных“ костюмахъ и позахъ. Все же возведеніе руководѣлія на степень искусства менѣе оскорбляетъ чувство художественнаго достоинства, чѣмъ низведеніе искусства на степень плачевно-дилетантскаго, случайнаго руководѣлія, — а и тому на выставкѣ имѣются дотолѣ невиданные примѣры. Можно, безъ всякаго сомнѣнія, набрести при осмотрѣ и на нѣкоторые оазисы, явленія своеобразныя и интересныя, но они не могутъ оправдать непродуманности, непринужденности и суетности всего начинанія. Не этимъ ли слѣдуетъ объяснить характеризующее эту выставку воздержаніе цѣлаго ряда постоянныхъ работниковъ „Мира Искусства“ отъ участія въ ней?

На мой взглядъ, исходъ этого начинанія былъ до нѣкоторой степени предопредѣленъ. Оно пыталось разрѣшить дилемму нашего художественнаго „бездорожія“ — путемъ исключительно внѣшнимъ и, такъ сказать, административнымъ. Логика учить насъ, однако, что изъ формальнаго преобразованія понятія ни въ коемъ случаѣ не получается понятія новаго. Въ Крыловской баснѣ дѣло не идетъ на ладъ, какъ бы ни разсѣлись участники квартета. Подобный опытъ мы переживаемъ и на примѣрѣ „Выставки этюдовъ, эскизовъ и рисунковъ“. Какія бы ни придумывать группировки и ни прикидывать новыя названія, внутреннее существо дѣла остается неизмѣннымъ. Недостаточность же наличныхъ силъ и отсутствіе большихъ цѣлей еще болѣе обнаруживаются подъ пристальнымъ взглядомъ.

Андрей Левинсонъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПРОГРЕССИВНЫЙ БЛОКЪ И БЮРОКРАТІЯ.

В продолжении истекшаго года наша внутренняя жизнь ускореннымъ темпомъ свершила циклъ развития, уже неоднократно свершенный ею за послѣднія десятилѣтія, и въ настоящій моментъ уперлась въ тотъ тупикъ, которымъ неизмѣнно заканчивались эти циклы.

Русское „общество“, распыленное, разбитое и подавленное почти десятилѣтней реакціей, съ объявленіемъ войны почувствовало себя воспрянувшимъ и помолодѣвшимъ. Трагичность военной катастрофы, обрушившейся на Европу, конечно, отмѣчалась словесно, но не испытывалась внутренно. Патриотическій подъемъ создавалъ не только повышенное, но и какое-то легкое, почти беззаботное настроеніе, переживался, несмотря на осеннюю пору года, какъ-то по-весеннему радостно, — извѣстно, впрочемъ, что общественная весна, обыкновенно, наступаетъ у насъ осенью. Но, конечно, радость патриотическаго одушевленія при всей своей легкости не чужда была и отѣнка торжественности: не только общественная, но и частная жизнь въ самыхъ обыденныхъ своихъ проявленіяхъ приобрѣла вдругъ характеръ чего-то знаменательнаго, осіяннаго ореоломъ „историчности“. „Историческое“ засѣданіе Думы, „историческая“ рѣчь Ивана Петровича, „историческій“ жестъ Петра Ивановича... общественному дѣятелю шагу нельзя было ступить, не попавъ въ исторію. И даже обыватель, совершая свою обычную прогулку по улицамъ только что обновленнаго переименованіемъ Петрограда, выступалъ особенно внушительно, словно его калоши попираютъ не стертые плиты тротуара, а священныя скрижали исторіи, словно съ крышъ сосѣднихъ домовъ на него глядятъ не мокрая вороны, а, по меньшей мѣрѣ, наполеоновскіе „сорокъ вѣковъ“.

Лозунгомъ этихъ историческихъ дней было единеніе и забвеніе: единеніе на почвѣ тѣхъ великихъ задачъ, которыя поставила передъ родиной война, — забвеніе тѣхъ внутреннихъ распрей, которыя создавали пропасть между „мы“ и „они“, между прогрессивнымъ обществомъ и реакціонной бюрократіей. Дѣятели реакціи, какъ остроумно замѣтила вполслѣдствіи одна газета, получили отъ общества полную амнистію: „въ эту трудную историческую минуту мы

поддерживаемъ правительство не ставя ему никакихъ условій“, торжественно провозгласила отвѣтственная оппозиція нашего парламента. Лишь немногіе безотвѣтственные люди пытались указать на опасности, которыми чревата такая „безусловность“ объединенія. Выполненіе извѣстныхъ политическихъ условій, — говорили они, — есть необходимая предпосылка достиженія тѣхъ цѣлей, ради которыхъ проповѣдуется само объединеніе. Но эти предостерегающе голоса прозвучали, какъ гласъ вопіющаго въ пустынь. Либеральная оппозиція, еще такъ недавно поносившая бюрократію, доказывавшая ея неспособность справляться съ обычными нуждами мирнаго времени, теперь не допускала ни малѣйшихъ сомнѣній въ томъ, что эта же самая бюрократія окажется на высотѣ грандіозныхъ задачъ, выдвинутыхъ войной. И любопытно, что либералы были въ этомъ отношеніи даже болѣе оптимистичны, чѣмъ бюрократическія сферы; въ то время какъ официально задачи войны опредѣлялись сравнительно сдержанно, въ то время какъ Марковъ II предостерегалъ отъ недооцѣнки силъ противника, либеральные патриоты положительно захлебывались отъ восторга передъ тѣми необъятными перспективами, которыя предвкушались ими и на Ближнемъ Востокѣ, и въ области спрямленія нашей западной границы до Данцига, и вообще, вездѣ, куда только ни заносили ихъ бурные порывы империалистической фантазіи. Такъ сильна была вѣра въ мощь патриотическаго чувства, что даже отчетливое сознаніе нашихъ многочисленныхъ дефектовъ не внушало серьезныхъ опасеній; всѣ отвѣтственные руководители общественнаго мнѣнія рѣшили, и всѣ газеты на разные лады повторяли, что мы побѣдимъ не совершенствомъ нашей технической подготовки, и вообще не тлѣнными изобрѣтеніями кичливаго разума, а нетлѣнною силою нашего духа, твердаго въ бѣдствіяхъ, великаго своимъ непоколебимымъ смиреніемъ.

Съ наступленіемъ весны въ природѣ начала подходить къ концу весна въ общественныхъ настроеніяхъ. Патриотическій восторгъ все замѣтнѣе и замѣтнѣе осложнялся патриотической тревогой. Эта послѣдняя получила свое первое яркое выраженіе на петроградскомъ съѣздѣ промышленниковъ, въ „исторической“ рѣчи г. Рябушинскаго, которая, однако, до сихъ поръ не занесена въ лѣтописи исторіи по обстоятельствамъ, отъ лѣтописцевъ не зависящимъ, и сохраняется лишь въ изустномъ преданіи, вслѣдствіе чего не можетъ быть здѣсь процитирована.

Съ этого момента наша внутренняя жизнь начинаетъ развиваться лихорадочнымъ темпомъ. Сознаніе, что существующая организациія снабженія арміи боевыми припасами дѣйствовала до сихъ поръ крайне неудовлетворительно, побуждаетъ промышленниковъ и инженеровъ выступить съ лозунгомъ: „мобилизація промышленности“. Разрабатывается планъ созданія военно-промышленныхъ комитетовъ, которые должны сплотить всѣ силы страны, способныя непосредственно содѣйствовать оборонѣ, и заставить ихъ планомѣрно обслуживать

нужды фронта. Разъ бюрократическая система снабженія доказала свою несостоятельность, „народъ долженъ самъ стать своимъ интендантомъ“. Само правительство приходитъ, повидимому, къ сознанию нѣкоторыхъ недостатковъ наличнаго бюрократическаго механизма и дѣлаетъ рядъ шаговъ навстрѣчу объятаму патриотической тревогой обществу. Благожелательно встрѣчаются общественныя начинанія по организаци обороны. Устраняются нѣкоторые министры. Одинъ изъ нихъ, г. Сухомлиновъ, возбудилъ негодование общественныхъ круговъ тѣмъ, что „обманулъ Государственную Думу“; другой г. Маклаковъ, сталъ неудобенъ вслѣдствіе привычки нервировать депутатовъ слишкомъ игривыми проявленіями своего анти-конституціоннаго темперамента; въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, которое Провидѣніе незадолго передъ тѣмъ освободило отъ руководителя, отличавшагося также чрезмѣрной темпераментностью, была, какъ встарь, провозглашена эра благожелательности и сердечнаго попеченія. Но всѣ эти и многія другія, не менѣе значительныя, уступки общественному мнѣнію не произвели должнаго впечатлѣнія.

Собралась Государственная Дума, но и она, занятая междупартийными переговорами, долгое время держалась нерѣшительно и, подобно правительству, отставала отъ общественнаго настроенія. Инициативу взяла на себя Москва. Здѣсь, въ сердцѣ Россіи, сначала на частномъ совѣщаніи, а потомъ въ собраніи городской думы впервые прозвучалъ новый лозунгъ: „министерство общественнаго довѣрія“. Давленіе Москвы ускорило перегруппировку парламентскихъ партій; прогрессисты, кадеты, октябристы, часть националистовъ и правыхъ составили „прогрессивный блокъ“, который принялъ платформу московскихъ резолюцій и въ добавленіе къ принципу безусловной поддержки провозгласилъ, что образованіе министерства изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ общества, есть то минимальное условіе, при которомъ можетъ быть продуктивна политика всеобщаго единенія. Такъ какъ на сторонѣ министерства, не пользующагося довѣріемъ общества, кромѣ собственныхъ его членовъ, оставалась, повидимому, лишь очень немногочисленная группа крайнихъ правыхъ, то уступка этому основному требованію блока казалась неизбежною. Газеты писали о пошатнувшемся здоровьѣ престарѣлаго предсѣдателя совѣта министровъ, и изъ среды общественныхъ дѣятелей намѣчались и горячо обсуждались кандидатуры на постъ премьера. Ходъ событій, однако, скоро обнаружилъ беспочвенность мечтаній подобнаго рода. Дума была распущена. Поддержка требованій прогрессивнаго блока двумя всероссійскими съѣздами, собравшимися въ Москвѣ какъ разъ къ моменту роспуска Думы, присоединеніе къ московскимъ резолюціямъ многихъ городскихъ думъ и земскихъ собраній — не измѣнили положенія дѣлъ. Здоровье г. Горемыкина замѣтно поправилось, и офиціозная печать писала о немъ уже не какъ о слабomъ старикѣ, а какъ объ

опытномъ кормчемъ, который не разъ спасалъ государственный корабль во время бури.

Ситуация окончательно опредѣлилась съ назначеніемъ на постъ министра внутреннихъ дѣлъ А. Н. Хвостова. Новый министръ мечтательной идеѣ единства и довѣрія противопоставилъ твердую концепцію принудительнаго „параллелизма“; онъ привѣтствовалъ печать и общественныя организаціи, поскольку онѣ работаютъ параллельно съ правительствомъ, — а все, что сверхъ сего, призналъ пустыми академическими разговорами, не заслуживающими вниманія серьезныхъ дѣловыхъ людей. Еще раньше, въ качествѣ члена Государственной Думы, А. Н. Хвостовъ сурово обличалъ спекуляцію, взвинчивающую цѣны на продукты массоваго потребления. Сдѣлавшись министромъ, онъ еще разъ подчеркнул, что „въ Россіи нѣтъ внутренняго врага, кромѣ тѣхъ, кто спекулируетъ на предметахъ первой необходимости“. Такимъ образомъ, организація продовольствія тыла выдвинулась впередъ, какъ боевая задача внутренней политики, — именно на этой реальной и конкретной почвѣ рѣшено дать генеральное сражение прогрессивному блоку съ его академическими требованиями министерской и другихъ реформъ. Такой выборъ поля сраженія диктовался самимъ ходомъ событій. Съ окончаніемъ лѣтней кампаніи текущаго года положеніе дѣлъ на фронтѣ утратило свою остроту. Наоборотъ, дезорганизація тыла достигла ужасающихъ размѣровъ. Неслыханная дороговизна, разстройство транспорта и, какъ слѣдствіе этого, недостатокъ топлива въ столицахъ, почти полное отсутствіе въ нихъ сахара, муки, а въ послѣдствіи и мяса — вотъ что выдвинулось теперь на первый планъ. Вотъ тотъ „внутренній врагъ“, котораго надлежало прежде всего побѣдить, чтобы упрочить свое положеніе. Естественно, что именно сюда направилось главное вниманіе бюрократіи. Правда, практически въ этомъ направленіи сдѣлано пока не особенно много: осмотрѣны нѣкоторые узлы нашей желѣзнодорожной сѣти, получили отставку одинъ начальникъ дороги и одинъ начальникъ станціи, торжественно открыта одна потребительская лавка, успѣвшая, какъ говорятъ, въ первый же день своего существованія распредѣлить среди благодарнаго населенія нѣсколько сотъ пакетиковъ съ сахаромъ. Вотъ, кажется, и все.

Едва ли, впрочемъ, сами руководители нашей внутренней политики придають единичнымъ мѣропріятіямъ подобнаго рода болѣе, чѣмъ чисто демонстративное и, такъ сказать, символическое значеніе. При желаніи число такихъ символическихъ актовъ легко было бы значительно увеличить; не составляло бы большого труда придать дѣятельности по экономическому благоустройству тыла внѣшнекипучій характеръ. И если попытокъ въ этомъ направленіи фактически не наблюдается, — значитъ, онѣ признаны излишними, — значитъ, позиція „бюрократіи“ и безъ того считается совершенно неприступной для „прогрессивнаго блока“.

Чѣмъ же питается такая, на первый взглядъ, необоснованная увѣренность? На какую силу опирается современный курсъ? Сила эта — объединенное дворянство, которое въ лицѣ председателя совѣта, г. Струкова, рѣшительно выступило противъ прогрессивнаго блока еще въ самый разгаръ его думской работы. Въ письмѣ отъ 23 августа г. Струковъ обращается къ председателю совѣта министровъ съ такимъ увѣщаніемъ: „По глубокому убѣжденію совѣта, произносимыя и передаваемыя прессою во всѣ концы страны, лѣвыя рѣчи, нѣкоторыя заключения столичныхъ совѣщаній и злоупотребленія печатнымъ словомъ являются предвѣстниками новыхъ смуть, съ цѣлью измѣненія государственнаго строя Россіи. Только неизблѣмость основъ существующаго порядка, въ соединеніи съ твердою и единою правительственною властью въ центрѣ и на мѣстахъ, оградить страну отъ шатанія мыслей и внутренней смуты“. Относительно происхожденія этого письма ходили самые разнообразныя слухи. Утверждали, что оно написано г. Струковымъ чуть ли не по собственной инициативѣ и встрѣчаетъ рѣзкое осужденіе въ средѣ самихъ дворянъ. Толки эти до извѣстной степени подтверждались протестами противъ письма, исходившими отъ отдѣльныхъ дворянъ и дворянскихъ обществъ, при чемъ общество полтавское и костромское даже вышли изъ состава объединеннаго дворянства. Въ настоящее время опубликованы выдержки изъ журнала засѣданій совѣта объединеннаго дворянства, проливающія полный свѣтъ на исторію возникновенія письма. Какъ оказывается, еще 27 июня членъ совѣта г. Мосоловъ предлагалъ „довести до свѣдѣнія правительства, что существуетъ преобладающая въ Россіи группа лицъ, не склонныхъ раздѣлять пожеланія, исходящія отъ лѣвыхъ партій, и что эта благонамѣренная группа можетъ всегда поддержать правительство въ случаѣ предъявленія какихъ-либо требованій, клонящихся къ измѣненію существующаго строя“. Но такъ какъ въ то время такихъ требованій еще не предъявлялось, совѣтъ постановилъ воздержаться „до времени отъ какихъ-либо выступленій“, но вмѣстѣ съ тѣмъ „съ особеннымъ вниманіемъ слѣдить за происходящими событіями и домогательствами политическихъ партій, и когда того потребуютъ обстоятельства, принять соотвѣтствующія мѣропріятія“. Моментъ этотъ наступилъ 22 августа. Въ засѣданіи совѣта, происходившемъ въ этотъ день, нынѣшній министръ земледѣлія А. П. Наумовъ горько скорбѣлъ о шатаніяхъ власти и настойчиво обращалъ вниманіе собравшихся на „то огромное и роковое значеніе, которое сможетъ имѣть введеніе въ устои нашего государственнаго строя начала отвѣтственности министерства, какъ основы парламентаризма“. Собраніе поручило г. Струкову обратиться отъ имени совѣта къ председателю совѣта министровъ, результатомъ чего и явилось извѣстное письмо.

Что касается дворянской оппозиціи поведенію совѣта, то она оказалась и немногочисленною, и неглубокою. Лучшимъ показате-

лемъ дѣйствительнаго настроенія широкихъ круговъ дворянства были выборы дворянскихъ представителей въ Государственный Совѣтъ, на которыхъ, какъ извѣстно, побѣдили противники программы прогрессивнаго блока.

Иного и нельзя было, конечно, ожидать. Дворянство есть тотъ „правлящій классъ“, къ которому, согласно компетентному разъясненію „Колокола“, по природѣ своей принадлежать всѣ русскіе сановники. Привилегія на занятіе высшихъ государственныхъ должностей для нашей земельной аристократіи гораздо драгоцѣннѣе, чѣмъ для любой изъ аристократій цивилизованнаго мира. Возьмемъ хотя бы прусское юнкерство, реакционность котораго такъ любить разоблачать наша либеральная пресса военнаго времени. Юнкерство также располагаетъ фактической монополіей на цѣлый рядъ государственныхъ должностей и цѣпко держится за свои политическія прерогативы. Но для него политическія привилегіи — лишь естественное выраженіе экономическаго господства въ сельскохозяйственной отрасли національнаго производства. Достаточно взглянуть на то положеніе, которое юнкеры занимаютъ въ прекрасно организованномъ союзѣ нѣмецкихъ аграріевъ, чтобы убѣдиться, что это дѣйствительно вожди, признанные руководители класса сельскихъ хозяевъ. И если бы демократизація политическаго строя вырвала привилегіи изъ рукъ юнкеровъ, они все же сохранили бы свою господствующую роль въ качествѣ высшихъ представителей капиталистическаго земледѣлія. Русскіе поземельные дворяне — не вожди, а жертвы капиталистическаго сельскаго хозяйства. Купеческое и даже крѣпкое крестьянское землевладѣніе растетъ въ значительной степени за счетъ разоряющихся дворянскихъ помѣстій. Правда, Россія, какъ страна, экспортирующая хлѣбъ, не можетъ поддержать свое дворянство при помощи аграрнаго протекционизма, въ такихъ широкихъ размѣрахъ практикуемаго въ Германіи. Но все, что государство въ силахъ сдѣлать въ этомъ направленіи, оно сдѣлало. Поддержка „оскудѣвающаго центра“, т.-е., въ сущности, оскудѣвающаго дворянскаго землевладѣнія, издавна составляла лейтмотивъ нашей внутренней политики. И неслыханно льготный земельный кредитъ, и тарифная система, облагающая фактической пошлиной ввозимый въ Европейскую Россію дешевый хлѣбъ не-дворянской Сибири, и цѣлый рядъ другихъ мѣропріятій, — все направлено къ огражденію интересовъ первенствующаго сословія. Если, тѣмъ не менѣе, сословіе это продолжаетъ экономически падать, то оно, очевидно, должно видѣть въ своихъ политическихъ привилегіяхъ единственный якорь спасенія. Лишиться этого якоря значитъ для него превратить медленный процессъ своего упадка въ настоящую катастрофу.

Вотъ почему намъ представляется глубоко безплодной та полемика, которая ведется между либеральной и черносотенной печатью по вопросу о конституціонномъ смыслѣ термина „министерство общественнаго довѣрія“. Либералы изъ кожи лѣзутъ, чтобы доказать,

что эта формула не имѣетъ ничего общаго съ принципомъ парламентской отвѣтственности министерства, а, слѣдовательно, не противорѣчить основамъ существующаго строя. Но дѣло здѣсь не въ принципахъ, не въ теоретическомъ освѣщеніи, а въ самомъ фактѣ. „Правящій классъ“ еще могъ бы согласиться — какъ онъ не разъ уже соглашался — принять въ свою среду отдѣльныхъ „общественныхъ дѣятелей“, сохранивъ за собой высшій контроль. Но выпустить изъ своихъ рукъ руль государственнаго корабля, отдать всѣ министерскіе портфели представителямъ чужого класса, позволить этимъ господамъ назначить своихъ людей на всѣ сколько-нибудь отвѣтственныя должности, — на такой головокружительный экспериментъ можно отважиться лишь подъ давлениемъ крайней необходимости, лишь при полной безвыходности положенія.

Такой безвыходности пока еще нѣтъ, и прогрессивный блокъ, если бы даже онъ захотѣлъ, едва ли былъ бы въ состояніи ее создать, опираясь на однѣ только собственныя силы. По составу своему прогрессивный блокъ есть организация цензовой буржуазии, и при томъ по преимуществу городской, торгово-промышленной. Это классъ быстро прогрессирующій, имѣющій передъ собой широкая перспективы экономическаго развитія. Тѣмъ не менѣе онъ рѣдко возвышается до широкой классовой политики, отстаивающей интересы нашей промышленности въ цѣломъ. Извѣстно, напримѣръ, какъ губительно вляло на ходъ нашего промышленнаго развитія ограниченіе въ правахъ инородцевъ, въ особенности — евреевъ; несмотря на это октябристы, составлявшие ядро торгово-промышленнаго представительства въ Государственной Думѣ, долгое время явно поддерживали антисемитскую и вообще противоинородческую политику. Только въ моментъ кризиса крупная буржуазія болѣе или менѣе единодушно выставила требованіе равноправія национальностей и почувствовала неотложную необходимость разрѣшить цѣлый рядъ общихъ политическихъ вопросовъ, на которые она въ обычное время въ полномъ согласіи съ нынѣшнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, смотритъ, какъ на „академическіе“.

При нормальномъ теченіи событій обще и классовые интересы нашей буржуазии ступеньваются передъ интересами отдѣльныхъ комбинацій, группъ и фирмъ. За отсутствіемъ писанныхъ прерогативъ развивается погоня за неписанными привилегіями, министерскія переднія представляются гораздо болѣе важной ареной дѣятельности, чѣмъ трибуна Государственной Думы; перспектива исключительно выгоднаго заказа заставляетъ смотрѣть сквозь розовыя очки на мѣропріятія, явно вредныя для отечественной промышленности. Эти навыки мирнаго времени не могли, конечно, исчезнуть съ наступленіемъ войны, — наоборотъ, на почвѣ тѣхъ колоссальныхъ требованій, которыя предъявляетъ государство къ мобилизованной промышленности, они укрѣпились и развились въ неслыханныхъ дотолѣ размѣрахъ. Пробудившаяся подъ влияніемъ

грозныхъ событій душа промышленника рвется въ высь, жаждетъ послужить отечеству, спасти его хотя бы цѣною рѣшительной битвы съ бюрократией, а грѣшное тѣло тянется попрежнему на дно, къ закулиснымъ соглашениямъ съ бюрократией. И ни для кого не тайна, что техника этихъ соглашеній достигла за послѣдние мѣсяцы необычайной развѣтвленности и сложности. Развились самыя фантастическя формы посредничества: десятки тысячъ уплачиваются не только за положительное содѣйствіе полученію заказовъ, но и за простое умолчаніе о тѣхъ или иныхъ фактахъ и комбинаціяхъ.

Эта двойственность промышленной буржуазіи чрезвычайно ослабляетъ ея политическую позицію . . . . .

Въ то время, какъ въ Англии или въ Германіи промышленная мобилизація дѣйствительно централизуетъ и существенно улучшаетъ всю систему національнаго производства, создаетъ изъ него стройный хозяйственный организмъ, наши военно-промышленные комитеты, повидимому, играютъ, главнымъ образомъ, роль справочныхъ и посредническихъ бюро, къ которымъ заинтересованныя фирмы и вѣдомства обращаются лишь по мѣрѣ надобности, — въ огромномъ же большинствѣ случаевъ связь между заказчиками и исполнителями носить попрежнему непосредственный, интимный характеръ. Такимъ образомъ, если бы конфликтъ между прогрессивнымъ блокомъ и бюрократіей поставилъ послѣднюю передъ дилеммой: уступить или распустить военно-промышленные комитеты, — второй исходъ не былъ бы сопряженъ съ какими-либо непреодолимыми трудностями.

Къ еще болѣе неутѣшительнымъ результатамъ пришли бы мы, если бы попытались сравнить итоги работы заграничныхъ муниципалитетовъ и нашихъ городскихъ думъ по обслуживанію хозяйственныхъ нуждъ тыла. Правда, малоуспѣшность нашихъ городскихъ самоуправленій въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ тѣхъ препонъ, какія ставятъ передъ ними законодательство. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что муниципалитеты крупнѣйшихъ и важнѣйшихъ нашихъ центровъ не сдѣлали и сотой доли того, что они могли бы и должны бы были сдѣлать, для такъ называемой, „организациі тыла“. Нѣтъ необходимости иллюстрировать это примѣрами, — они и такъ у всѣхъ на устахъ. Во всякомъ случаѣ, этой сферой своей дѣятельности торгово-промышленный классъ отнюдь не снискалъ въ широкихъ массахъ городского населенія . . . симпатій . . . . .

Намъ кажется, поэтому, что „бюрократія“ имѣетъ серьезныя основанія считать свою позицію неприступной до тѣхъ поръ, пока противъ нея выступаютъ только организованные кадры прогрессивнаго блока. Вѣдь уже не разъ переживала она конфликтъ на той же

самой почвѣ, съ тѣмъ же самымъ противникомъ, и всегда выходила изъ него побѣдительницей. Такъ, еще при Витте велась цензовыми либералами борьба за „министерство общественныхъ дѣятелей“ и закончилась торжествомъ Дурново. Позднѣе, аналогичное положеніе создалось въ третьей Думѣ, когда лидеръ тогдашняго октябристскаго большинства, г. Гучковъ, бросилъ Столыпину свой вызовъ: „мы ждемъ!“ — какъ извѣстно, онъ дождался лишь полнаго развала собственной партии. Къ этой же мертвой точкѣ пошла наша внутренняя жизнь и въ настоящій моментъ.

Оглядываясь на уроки прошлаго, дѣятели нашей „отвѣтственной“ оппозиціи должны испытывать въ настоящее время то чувство, которое нѣкогда овладѣло Пьеромъ Безухимъ: „О чемъ бы онъ ни начиналъ думать, онъ возвращался къ однимъ и тѣмъ же вопросамъ, которыхъ онъ не могъ разрѣшить и не могъ перестать задавать себѣ. Какъ будто въ головѣ его свернулся тотъ главный винтъ, на которомъ держалась вся его жизнь. Винтъ не входилъ дальше, не выходилъ вонъ, а вертѣлся, ничего не захватывая, все на томъ же нарѣзѣ, и нельзя было перестать вертѣть его“.

.....

Несторъ.

КООПЕРАЦІЯ И ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ КРИЗИСЪ.

Дороговизна жизни — это одна сторона явления, выросшаго на почвѣ хозяйственной дезорганизаціи. Другая сторона его — недостатокъ предметовъ потребленія, и тѣхъ, главнымъ образомъ, которые въ мирное время вывозились изъ страны. Такимъ образомъ, въ ходѣ войны дороговизна предметовъ потребленія, такъ сказать, углубилась, развившись въ общій продовольственный кризисъ.

Дороговизна — явленіе старое. Война ея не создала, а только усугубила.

Производительныя силы страны, денежная, налоговая, желѣзно-дорожная политика — не дали возможности приспособиться къ измѣнившемуся спросу; съ другой стороны, весь внутренній строй общественныхъ отношеній, дезорганизованность и распыленность, коррупція, взяточничество и пр. усугубили положеніе вещей, создавъ грозный, чреватый самыми разнообразными конфликтами, продовольственный кризисъ. Вотъ главныя пружины кризиса, вокругъ котораго загорѣлась теперь серьезная общественно-политическая борьба.

На этой почвѣ, особенно въ атмосферѣ войны, должна была вырасти и выросла спекуляція. Патріоты торговли и промышленности не измѣнили подѣ влияніемъ войны своей социальной природы. Банки, торгово-промышленныя организаціи и др. устремились къ крупнымъ барышамъ, рѣшивъ наживаться на народной бѣдѣ. Но роль спекуляціи, въ ряду общихъ причинъ современнаго продовольственнаго кризиса, конечно, очень ограничена. Широкой массѣ не доступно пониманіе продовольственнаго кризиса, спекулянтамъ на народномъ невѣдѣніи — оно не выгодно и очень выгодно многочисленнымъ политическимъ дѣльцамъ, мечтающимъ поживиться на неумѣнѣ народа различать причину отъ слѣдствія. Тѣмъ рѣшительнѣе слѣдуетъ подчеркивать дѣйствительное мѣсто спекуляціи въ нынѣшнемъ продовольственномъ кризисѣ.

Въ виду того, что этотъ послѣдній коренится въ основныхъ условіяхъ нашего экономическаго . . . . . уклада, острота продовольственнаго кризиса будетъ, вѣроятно, да-

вать о себѣ знать и послѣ войны. Вѣдь производительныя силы не вырастаютъ въ одинъ день, въ особенности въ обстановкѣ, гдѣ десятковъ лѣтъ не хватало на ихъ развитіе. Роль торговой, финансовой и денежной политики послѣ войны скажется, быть можетъ, болѣе значительно, чѣмъ во время войны.

Продовольственный кризисъ, такимъ образомъ, грозитъ затянуться. Для возможнаго ослабленія его остроты не только во время войны, но и по окончаніи ея необходимо общественное воздѣйствіе на . . . . . обстановку, его питающую. Отсюда вытекаетъ важнѣйшій лозунгъ дня — . . . . .

. . . . . Въ той мѣрѣ, въ какой эта мобилизація удастся, ... въ той мѣрѣ продовольственный кризисъ станетъ на путь своего дѣйствительнаго разрѣшенія.

Наступили времена, когда глупые становятся умными и слѣпые зрячими. Мысли, слова, лозунги, десятки лѣтъ повторявшіеся и не усваивавшіеся, неожиданно легко воспринимаются. Важнѣйшая мысль, какую обязана усвоить современность, это связь экономики съ политикой. Въ большомъ масштабѣ, въ яркой, выпуклой формѣ — эту мысль даетъ возможность усвоить нашъ продовольственный кризисъ. Законный плодъ социальнo-политическихъ условій, онъ предъявляетъ спросъ на социальнo-политическія средства. . . . .

Такимъ образомъ, не только экономически, но и политически современный продовольственный кризисъ ставится во всемъ его объемъ. Основное и превалирующее должно быть поставлено въ центрѣ вниманія. Пусть политическіе спекулянты спекулируютъ на спекуляціи, какъ на началѣ всѣхъ началъ. . . . . Но пусть насъ это не заставитъ изъ-за деревьевъ потерять изъ виду лѣсъ. . . . .

* * *

Что же можетъ сдѣлать при такихъ условіяхъ кооперація*, ставшая неожиданно высокой персоной и выдаваемая чуть ли не за универсальное средство разрѣшенія нашего продовольственнаго кризиса? Каково мѣсто ея въ системѣ силъ, способныхъ облегчить остроту послѣдняго?

До всйны на кооперацію смотрѣли болѣе или менѣе здраво. Ей удѣлялось серьезное мѣсто въ борьбѣ съ торговымъ капиталомъ.

* Въ дальнѣйшемъ, говоря о коопераціи, я имѣю въ виду только потребительскую кооперацію, единственный видъ ея, который въ той или иной мѣрѣ борется съ дороговизной жизни.

Ей приписывали тенденцію „погѣснить“ капиталъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ хозяйства, вытѣснить торговый капиталъ, и промышленный въ той мѣрѣ, въ какой онъ будетъ работать на определенно-организованный спросъ. Чѣмъ больше развивается кооперация, тѣмъ яснѣе становится, что въ ея теоріи слѣдуетъ отнести къ заблужденіямъ и что къ истинѣ. Капиталистической системы ей не замѣнить и не измѣнить, главныя движущія силы современности остаются въ силѣ и при кооперации, новыхъ законовъ экономической дѣйствительности ей пока не удалось создать; въ общемъ, капитализмъ остается капитализмомъ и кооперация кооперацией. Пока ей принадлежитъ скромное мѣсто палліатива въ борьбѣ съ торговымъ капиталомъ и особенно отвратительной стороной капиталистической дѣйствительности — спекуляціей.

Въ мирное время эта роль ей удавалась, и тѣмъ болѣе, чѣмъ въ болѣе капиталистически развитыхъ странахъ она дѣйствовала — въ Германіи и Англии въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ Россіи и Франціи. Мировая война подтвердила это. Несмотря на все свое развитіе, ни въ Германіи, ни въ Англии кооперации не удалось дѣйственно вмѣшаться въ разворачивающіяся тамъ общественно-экономическія событія. И если въ Англии дороговизна даетъ себя меньше чувствовать, если въ Германіи недостатокъ предметовъ потребления не развился въ голодъ, то высокоразвитой кооперации Англии и Германіи, какъ экономическому фактору, принадлежитъ въ этомъ дѣлѣ очень незначительная роль. Въ Германіи, напримѣръ, кооперация сдѣлала большое дѣло, и въ значительной мѣрѣ ея усиліямъ слѣдуетъ приписать тотъ изумительный выходъ изъ тяжелаго продовольственнаго тупика, въ какой во время войны попала Германія. Но эта заслуга приобрѣтена кооперацией, не какъ экономической силой, а въ качествѣ хорошо организованной общественности, стоящей на стражѣ интересовъ широкихъ слоевъ потребителей.

Какое же мѣсто могла занять кооперация въ разрѣшеніи нашего продовольственнаго кризиса? Уже изъ сказаннаго о сущности этого послѣдняго слѣдуетъ, что обычная роль кооперации, какъ экономическаго фактора, могла оказаться въ отношеніи къ нашему продовольственному кризису еще меньше, еще незначительнѣе, особенно, если принять во вниманіе дезорганизованность и распыленность нашей кооперации, лишенной права объединяться, не находящейся вообще подъ защитой закона. При такихъ условіяхъ не требуется быть пророкомъ, чтобы предсказать, что вести успѣшную экономическую борьбу съ дороговизной, сопротивляться давленію спекуляціи, а тѣмъ болѣе создать нормальное теченіе хозяйственной жизни, ослабивъ „военную“ остроту продовольственнаго кризиса, нашей кооперации, какъ экономической силѣ, не удастся.

Ужъ если говорить о возможной борьбѣ съ злоупотребленіями, съ „излишествами“, съ спекуляціей, то въ этомъ отношеніи зна-

чительно болѣе серьезную роль могли сыграть муниципалитеты. Широкая постановка муниципальных закупокъ, хорошо развитая сѣть муниципальных лавокъ, здоровая торговая политика, направленная на пониженіе нездоровыхъ цѣнъ, хотя бы путемъ продажи по цѣнамъ ниже рыночныхъ (что недоступно кооперации), установленіе монополіи на нѣкоторые продукты, постановка въ широкомъ масштабѣ муниципального производства и др., — все это, при наличности аппарата, средствъ, людей, государственной помощи и участія въ этихъ операціяхъ подлиннаго народа, могло бы оказаться серьезнымъ палліативомъ въ борьбѣ съ продовольственнымъ кризисомъ. Но для этого требуется нѣсколько условій. Во-первыхъ, муниципалитеты должны быть демократическими организаціями; во-вторыхъ, обладать полнотою муниципальной власти; въ-третьихъ, имѣть въ своемъ распоряженіи достаточно много средствъ. Наши муниципалитеты не удовлетворяютъ ни одному изъ этихъ условій. И тѣмъ не менѣе даже они, эти ценовые и слабыя организаціи, имѣютъ возможность вести болѣе усиленную экономическую борьбу съ дороговизной, чѣмъ наша кооперация.

* * *

Къ сожалѣнію, наша кооперация . . . . .

. . . . . Съ первыхъ дней войны . . . поставила передъ собой, какъ очередную задачу, борьбу съ рѣзко обострившейся дороговизной.

„Борьба съ дороговизной и спекуляціей, — писалъ въ началѣ войны „Союзъ Потребителей“, — вотъ основной боевой кличъ потребительской кооперации“. Борьба съ дороговизной, какъ очередная задача, поставлена была кооперацией, конечно, правильно. Безусловно на всѣхъ перекресткахъ слѣдовало кричать, вопить о надвинувшейся бѣдѣ.

Вопросъ въ томъ только, какъ поставить эту задачу, какое содержаніе вложить въ этотъ очередной лозунгъ. Уже самая формулировка лозунга: „борьба съ дороговизной и спекуляціей“ говоритъ за то, что задача сужена кооперацией. То, что кооперация поставила передъ собою въ военное время борьбу со спекуляціей, какъ очередную задачу, показываетъ, что она совершенно не поняла, не охватила всей широты и глубины вопроса о дороговизнѣ жизни. Въмѣсто экономической . . . . . сложности вопроса, о которой я говорилъ выше, получилось шаблонно-кооперативное упрощеніе и сведеніе его до вопроса о преступной роли торговаго капитала и спекуляціи. Задача борьбы съ дороговизной подмѣняется задачей борьбы съ наиболее поверхностнымъ явленіемъ ея — спекуляціей.

Въ другое время это было бы правильно. Но въ войну, обострившую продовольственный кризисъ до неслыханныхъ размѣровъ, когда спекуляція, какъ цѣнообразующій факторъ, отодвинута на задній планъ, когда, во всякомъ случаѣ, при общихъ неизмѣненныхъ условіяхъ она непреодолима, ставить очередной задачей борьбу со спекуляціей — значитъ по меньшей мѣрѣ неудачно подмѣнять причину слѣдствіемъ и тѣмъ ослаблять борьбу и съ первой, и со второй.

Я уже не говорю о захудалыхъ провинціальныхъ кооперативахъ, чрезвычайно упрощавшихъ вопросъ, но и идейные, и практическіе центры русской коопераціи въ начальный періодъ войны систематически занимались такимъ упрощеніемъ своихъ задачъ.

Чрезвычайно показательно въ этомъ отношеніи воззваніе Отдѣла потребительныхъ обществъ при Петроградскомъ Отдѣленіи о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ (старѣйшее общество содѣйствія коопераціи). „Неужели и теперь, — говорится въ немъ, — получивъ столько наглядныхъ уроковъ отъ лавочниковъ, потребитель пожелаетъ попрежнему быть жертвою торговыхъ посредниковъ, отравляясь фальсифицированными продуктами, которые приходится оплачивать дорогой цѣной и своимъ здоровьемъ?..“ Эти „наглядные уроки отъ лавочниковъ“ въ высшей степени любопытны и характерны для „кооперативнаго“ трактованія исторіи...

Но далѣе — какими путями собираются разрѣшить поставленную передъ собой задачу? Можно подойти къ рѣшенію продовольственной проблемы съ чисто кооперативной точки зрѣнія, т. е. можно сказать такъ: развивая, углубляя свою экономическую работу, укрѣпляя свою организацію, расширяя ее, кооперація тѣмъ самымъ оказываетъ давленіе на торговый капиталъ и спекуляцію и вводитъ хозяйственную жизнь въ нормальное русло. Въ этомъ случаѣ, очевидно, отпадаютъ всѣ указанная выше сложности вопроса, и въ центрѣ кооперативной борьбы съ продовольственнымъ кризисомъ будетъ находиться кооперативная организація, кооперативная политика, кооперативная идея.

Можно подойти къ вопросу и съ другой стороны: а именно, признавая всю сложность продовольственнаго кризиса, признавая, что уменьшеніе его тяжести находится въ значительной степени внѣ кооперативныхъ возможностей, что для дѣйственной борьбы съ продовольственнымъ кризисомъ нужны иныя средства, кооперація беретъ на себя инициативу общественно-экономической борьбы съ продовольственнымъ кризисомъ. формулировку задачъ этой борьбы, организаціи ея и т. д.

Въ первомъ случаѣ кооперація, очевидно, не только суживаетъ вопросъ, но и ограничиваетъ силы, способныя воздѣйствовать на благоприятное его разрѣшеніе, замыкаясь въ рамки коопераціи. Во второмъ случаѣ кооперація сразу переноситъ вопросъ въ болѣе

широкую плоскость и сразу же ищетъ болѣе широкой общественной базы. Наша кооперация, и это приходится признать, пошла первымъ, вѣднѣе правильнымъ, путемъ.

.....

Въ первые дни войны цѣлый рядъ кооперативовъ обсуждалъ положеніе вещей и приходилъ къ заключенію, что „въ настоящее время плодотворная борьба съ дороговизной жизни возможна лишь при условіи объединенія городского населенія въ потребительскіе кооперативы“ (Кіевъ, Петроградъ и др.). Взваливши на себя задачу борьбы съ дороговизной и низведя ее до борьбы со спекуляціей, при помощи кооперативной организаціи, — кооперация неминуемо должна была попасть въ ложное положеніе.

Состоявшееся въ Москвѣ, въ началѣ сентября 1914 года, совѣщаніе представителей московскихъ потребительныхъ обществъ специально обсуждало вопросъ о дороговизнѣ продуктовъ. Было постановлено: 1) отпускать товары изъ лавокъ общества по нормальнымъ рыночнымъ цѣнамъ, 2) поручить коллективу обществъ войти въ сношенія съ городомъ для разработки вопроса о борьбѣ съ дороговизной. Это самочинная попытка борьбы съ дороговизной — ворваться въ гущу спекуляціи и игры на повышеніе и, не мѣняя цѣнъ, сохраняя ихъ на до-военномъ уровнѣ, парализовать дороговизну...

Кооперативы вначалѣ пошли по этому пути. Кое-гдѣ были достигнуты успѣхи. Въ огромнѣйшемъ же большинствѣ случаевъ кооперация, какъ и слѣдовало ожидать, разбилась о стѣну растущей дороговизны. Запасы кооперативовъ были не велики, союзовъ почти нѣтъ, своего производства также не оказалось — результатъ борьбы кооперации съ дороговизной былъ заранее ясенъ. Она еще пыталась не сдавать своей позиціи, прибѣгая къ сокращенію отпуска товаровъ отдѣльнымъ покупателямъ, къ отпуску исключительно членамъ общества. Но... въ концѣ концовъ вынуждалась „поступать, какъ вѣѣ“. Больше того. Кооперация оказалась не въ состояніи конкурировать съ частными торговцами. Можно указать рядъ случаевъ, когда кооперативы обращались къ власти съ просьбой изъять ихъ изъ-подъ дѣйствія обязательной таксы.

Среди кооперативовъ Москвы и Московской губерніи была произведена анкета о вліяніи войны на кооперацию. Вотъ итоги ея въ части, касающейся дороговизны жизни. Съ 20 іюля 1914 года по 20 февраля 1915 года продажныя цѣны на предметы первой необходимости повысились слѣдующимъ образомъ: на хлѣбъ — 24,5%, на сахаръ — 11,5%, на ядрицу — 50,8%, на пшено — 28%, на соль — 34,2%, на спички — 66%.

По даннымъ Московскаго Союза Потребителей среднія оптовые цѣны, по которымъ товары отпускались потребительнымъ обществамъ со склада Московскаго Союза, поднялись съ юля 1914 года по февраль 1915 года на 36,7 %!

Такимъ образомъ, задача, поставленная передъ собой кооперацией, — борьба съ дороговизной и спекуляцией, — поставленная такъ, какъ уже отмѣчалось, оказалась не рѣшенной; получилось еще нѣчто худшее: кооперация пошла по пути повышения цѣнъ и завертѣлась въ круговоротъ, вызванномъ дороговизной жизни. Очевидно, упрощеніе задачи не всегда ведетъ къ рѣшенію ея. Слабую, разбитую, бессильную (не взирая на колоссальный ростъ кооперативныхъ учреждений!) стояла кооперация передъ сложной проблемой нашего продовольственнаго кризиса и, вмѣсто прежней бодрости и увѣренности, еле внятно признавалась въ своемъ бессилии.

Чрезвычайно интересно въ этомъ отношеніи засѣданіе бюро Московскаго Союза Потребителей 23—25 апрѣля 1915 года, на которомъ обсуждался вопросъ о борьбѣ съ дороговизной. Предсѣдатель Союза г. Коробовъ сообщаетъ, что въ цѣляхъ борьбы съ дороговизной Союзомъ предпринимаются всякія мѣры. Предпринять же рѣшительный шагъ Союзъ не могъ. Другой руководитель Союза, В. Н. Зельгеймъ говоритъ, что Союзъ въ предѣлахъ возможнаго дѣлаетъ и будетъ дѣлать все, но результаты получаются минимальные. Передъ фактомъ такого бессилія просыпается здоровое чувство самосохраненія. Членъ бюро Б. С. Одеръ высказываетъ соображеніе, что вопросъ дороговизны нельзя рѣшить путемъ закупокъ. Если бы кооперативное движеніе могло громко заявить свое конкретное предложеніе, то изъ этого что-нибудь получилось бы. Закупки же предметовъ продовольствія только приближаютъ къ цѣли. Кооперация беретъ на себя большую отвѣтственность, не желая прошибить стѣну изъ боязни расшибить лобъ.

Въ началѣ войны, почувствовавъ свое бессиліе, кооперация обращается къ помощи муниципалитетовъ. Кооперативы предлагаютъ свои услуги въ качествѣ распредѣлителей товаровъ, закупаемыхъ городомъ, закупщиковъ предметовъ потребленія, организаторовъ муниципальных продовольственныхъ предпріятій и т. д.

Чѣмъ острѣе становится продовольственный кризисъ, тѣмъ замѣтнѣе вырисовывается, что сила одной кооперации для рѣшенія продовольственной проблемы недостаточно, что для этого послѣдняго необходимо объединеніе различныхъ общественныхъ силъ, координація ихъ.

Кооперация сама приходитъ къ заключенію, что продовольственный кризисъ она не въ состояніи разрѣшить собственными силами, что для этого нужны иныя силы (не только кооперация) — общественно-политическія.

Подъ влияніемъ этихъ итоговъ кооперація начинаетъ все глубже и серьезнѣе смотрѣть на положеніе вещей. Происходитъ пересмотръ прежнихъ положеній. Лозунгъ, объявленія котораго требовалъ на собраніи бюро Московскаго Союза Б. С. Одеръ, повидимому, все больше намѣчается. Влиятельные литературные органы русской потребительской коопераціи все больше и удачнѣе раздѣляются со своими старыми взглядами. Продовольственный кризисъ усваивается коопераціей съ каждымъ разомъ глубже. Кооперація, какъ средство разрѣшенія кризиса, занимаетъ съ каждымъ разомъ все болѣе скромное мѣсто.

Состоявшееся приблизительно въ это время въ Москвѣ большое совѣщаніе дѣятелей коопераціи сформулировало свои взгляды въ нѣсколько практическихъ предложеній. Главнѣйшія изъ нихъ сводятся къ слѣдующему: 1) согласованіе дѣятельности органовъ правительства, земскихъ, городскихъ учрежденій и кооперативовъ. Лучшею мѣрою было бы образованіе Центральнаго Всероссийскаго, областныхъ и мѣстныхъ комитетовъ въ составѣ представителей подлежащихъ вѣдомствъ, земскихъ, городскихъ, потребительныхъ организацій, въ кругъ вѣдѣнія которыхъ должны входить всѣ мѣропріятія по обеспеченію нормальныхъ цѣнъ на продукты, обслѣдованіе запасовъ продуктовъ первой необходимости, какъ въ городахъ, такъ и въ важнѣйшихъ торговыхъ пунктахъ, на мѣстахъ производства, съ предоставленіемъ этимъ органамъ права ходатайствовать предъ правительствомъ, въ случаѣ крайней необходимости, о реквизиціи; 2) обслѣдованіе запасовъ; 3) признаніе таксировки нецѣлесообразною при отсутствіи одновременно активныхъ мѣропріятій со стороны кооперативовъ, земскихъ и городскихъ учрежденій по регулированію цѣнъ; 4) ходатайство о томъ, чтобы запрещеніе вывоза продуктовъ изъ определенныхъ районовъ не распространялось на продукты, закупаемые общественными организаціями, въ цѣляхъ борьбы съ дороговизной.

Въ заключеніе совѣщаніе рекомендовало кооперативамъ „довести отъ себя до свѣдѣнія подлежащихъ правительственныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій о принятыхъ совѣщаніемъ пожеланіяхъ, принимая посильныя мѣры къ ихъ осуществленію въ предѣлахъ района своихъ дѣйствій“.

Это, конечно, уже крупный шагъ впередъ, по сравненію съ прежнимъ убожествомъ кооперативной борьбы съ дороговизной. Продовольственный кризисъ всталъ уже передъ коопераціей, какъ позже выразился въ своемъ воззваніи Центральный Кооперативный комитетъ, настолько сложно, что „трудно выдѣлать по нему тѣ или иные отдѣльныя мѣропріятія“. Центръ тяжести кооперативной борьбы съ продовольственнымъ кризисомъ переносится все замѣтнѣе въ соціально-политическую плоскость.

.....
.....
.....
.....

Но, въ то же время, сколько недоговоренности, половинчатости, трусости мысли и дѣла въ этихъ постановленіяхъ!

Кто сказалъ „а“, тотъ долженъ будетъ сказать и „б“. Опытнымъ путемъ осудивъ свой прежній подходъ къ продовольственному вопросу, кооперація рано или поздно должна была прійти на новыя позиціи.

Пока что, кооперація ошупью намѣчала эти новые пути, при чемъ (изъ пѣсни слова не выкинешь!) большею частью повторяла зады буржуазной мудрости. Особенно замѣтно сказалось это на лѣтнихъ сѣздахъ 1915 года. Рядъ сѣздовъ почти цѣлкомъ присоединился къ постановленіямъ городского и земскаго союзовъ, присоединился почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, отъ требованія министерства общественнаго довѣрія до „забвенія“ прежнихъ споровъ.

.....
.....
.....
.....
.....

Б. Богдановъ.

КЪ СОВРЕМЕННОМУ МУНИЦИПАЛЬНОМУ КРИЗИСУ.

Несмотря на грандіозность происходящихъ событій, съ внѣшней, съ формальной стороны жизнь нашихъ самоуправленій за время войны измѣнилась мало. Въ городахъ и земствахъ все обстояло какъ будто такъ же „безъ перемѣнъ“, какъ оставалось все безъ перемѣнъ и въ жизни общегосударственной. Но эта „безперемѣнность“ обманчива; за нею въ глубинѣ и въ подпочвѣ зрѣютъ новыя обстоятельства и новыя возможности, рождающіяся подъ влияніемъ событій мірового значенія. „Тылъ“ обезпечиваетъ „фронтъ“, но фронтъ, поглотивъ главное вниманіе тыла, всколыхнулъ его, перетряхнулъ. И это влияніе войны на внутреннюю жизнь нашихъ муниципалитетовъ оказалось огромно.

Ниже мы остановимся на одной части нашего мѣстнаго самоуправления, на дѣятельности городскихъ думъ. Но и положеніе земствъ будетъ немногимъ отличаться отъ положенія городовъ.

До 19 мая 1914 года мѣстная жизнь шла вяло и трафаретно. Связанныя по рукамъ и ногамъ устарѣлымъ закономъ 1892 года, городскія думы еле справлялись съ работой въ той ограниченной области, которая имъ предоставлялась. Бюрократія безъ труда подталкивала аморфное тѣло нашихъ буржуазныхъ муниципалитетовъ въ томъ направленіи, въ какомъ ей было желательно. Только немногіе передовые, сознающіе свою силу и значеніе элементы молодой буржуазіи пробовали повернуть направленіе родныхъ городовъ въ другую сторону и влить въ дряхлое тѣло нашихъ муниципалитетовъ новую энергію. Но когда налетѣлъ военный ураганъ, темпъ жизни сразу измѣнился.

Государство, централизованное и всесильное ранѣе, оказалось передъ лицомъ огромной опасности и потребовало помощи. Городамъ надо было откликнуться и подать помощь. Пришлось въ первую голову взять на себя работу, непосредственно связанную съ фронтомъ. Затѣмъ съ каждымъ мѣсяцемъ дыханіе войны проникало все дальше и дальше, въ глубь Россіи, и вскорѣ все многообразіе мѣстной жизни можно было разсматривать только черезъ призму войны. Даже тѣ вопросы, которые всегда являлись повседневными задачами обычной, мирной жизни и по существу нисколько не были связаны съ войной, даже они приобрѣли совершенно особый военный колоритъ и особую, подчасъ катастрофическую остроту.

.....

.....

Лишенная прочнаго финансоваго базиса, городскія думы, прежде всего, остались безъ средствъ. Денегъ не оказалось. Государство, въ мирные дни централизовавшее въ своихъ рукахъ доходы страны и оставлявшее муниципалитетамъ ничтожные 8—10% доходовъ, поступающихъ въ государственную кассу, въ критическую минуту оказалось лишеннымъ твердой поддержки мѣстныхъ самоуправленийъ, съ своей стороны, жаждавшихъ финансоваго помощи отъ государственнаго казначейства. Вспомнимъ, что однимъ изъ первыхъ словъ городскихъ представителей на первомъ сѣздѣ въ августѣ 1914 года было заявленіе, . . . у городовъ денегъ нѣтъ и что они надѣются на субсидированіе государства.

Но отсутствіе средствъ — это лишь часть бѣды. Работѣ городовъ мѣшала общая конструкція ихъ, крайне урѣзанная и находящаяся подъ неусыпнымъ надзоромъ и опекой центральной и мѣстной администраціи. Хотя, въ общемъ, бюрократическій прессъ былъ одно время отчасти ослабленъ, но основное разномысліе во взглядахъ на сущность мѣстнаго самоуправления, присущее общественнымъ кругамъ и бюрократии, оставалось. Въ такихъ важнѣйшихъ вопросахъ, какъ борьба съ дороговизной и недостатокъ продуктовъ, урегулированіе движенія бѣженцевъ, органы мѣстнаго самоуправления оказались отстраненными на второй планъ. При нашемъ многоначалии и безвластии органовъ мѣстнаго самоуправления, отъ послѣднихъ нечего было и ждать разрѣшенія продовольственнаго и переселенческаго кризисовъ.

Помимо этихъ двухъ причинъ, едва ли не главнѣйшей, вызывавшей неизбѣжную вялость въ работѣ городскихъ управленій, является третья, заключающаяся въ классовомъ составѣ мѣстныхъ самоуправленій. Корыстные и пристрастные поползновенія части крупно-буржуазныхъ элементовъ нерѣдко встрѣчали скрытую, а иногда и явную поддержку среди городскихъ гласныхъ. Отсюда произошло своеобразное явленіе, въ родѣ того, что рядъ мѣропріятій для борьбы съ дороговизной продуктовъ и квартиръ былъ осуществленъ городами только по инициативѣ и настойчивости военныхъ, а подчасъ и гражданскихъ властей. Мѣстныя власти силою да рядомъ были принуждены прибѣгать къ содѣйствію широкихъ слоевъ населенія и учреждать особые обывательскіе комитеты и совѣщанія, куда приглашались представители рабочихъ, кооперативныхъ и другихъ общественныхъ, нецензовыхъ организаціи. Можно вмѣстѣ съ тѣмъ указать на примѣры, когда сами городскія думы, чувствуя свое безсиліе, прибѣгали къ призыву въ свои комиссіи и комитеты лицъ, не имѣющихъ избирательныхъ правъ. Однако подобныхъ прецедентовъ не много. Число ихъ было къ тому же сокращено усердіемъ администраціи, не допускающей обыкновенно проникновенія въ органы городского самоуправления представителей широкихъ слоевъ населенія. Безсиліе городскихъ думъ въ борьбѣ съ продовольственнымъ, квартирнымъ и иными кризисами бывало подчасъ такъ очевидно, что вызывало чрезвычайно характерныя для настоящаго времени попытки со стороны самого населенія проникнуть въ муниципальную

цитадель. Горожане собирались на собранія, гдѣ подвергали дѣятельность городскихъ думъ всесторонней критикѣ и выносили резолюціи, требующія реформы Городового Положенія и расширенія избирательныхъ правъ для допущенія къ управленію городомъ всѣхъ классовъ населенія; а иногда, — такъ поступили, напримѣръ, рабочіе вологодскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, — горожане обращались въ думу съ требованіемъ немедленнаго допущенія представителей населенія въ нѣкоторыя городскія коммисіи; эти требованія не всегда были безрезультатны — такъ, Вологодская дума пригласила въ свой продовольственный комитетъ представителей отъ рабочихъ.

Подводя итоги сказанному, мы можемъ констатировать, что, въ общемъ, положеніе муниципальной Россіи претерпѣло дальнѣйшую эволюцію въ томъ же направленіи, въ которомъ оно двигалось и до войны. Безправное и лишенное средствъ, обладающее весьма ограниченными силами, находящееся въ рукахъ небольшой кучки наиболѣе крупной буржуазіи, городское самоуправленіе все болѣе и болѣе оказывалось изолированнымъ отъ демократическихъ массъ. Населеніе, раздраженное безалаберностью и неустойчивостію тыла, склонно срывать свое негодованіе на органахъ мѣстнаго самоуправления, идя, такимъ образомъ, по линіи наименьшаго сопротивленія. Бюрократія также, повидимому, склонна свои неудачи переложить на плечи городовъ, рассчитывая въ послѣднихъ найти отдушину и дать желательное направленіе общественной критикѣ.

Въ этомъ отношеніи крайне поучительна исторія съ петроградскими городскими выборами. Министръ Щербатовъ, не желая дискредитировать прогрессивную въ своемъ большинствѣ Петроградскую городскую думу, провелъ вопросъ объ обмѣнѣ предстоящихъ городскихъ выборовъ; онъ и часть городскихъ гласныхъ опасались, чтобы на почвѣ стихійнаго народнаго недовольства авторитетъ городского самоуправления не получилъ ущерба, и чтобы къ муниципальной власти вновь не получило доступа стародумское большинство. Но министры смѣнились, и новый министръ внутреннихъ дѣлъ полагаетъ, какъ сообщали газеты, что выборы необходимы, ибо городское управленіе нужно освѣжить и дать ему оцѣнку.

Весь этотъ хаосъ, происходящій въ органахъ самоуправления, все ихъ бессиліе, всѣ нападки какъ бюрократіи, такъ и народныхъ массъ — убѣждаютъ насъ еще и еще разъ въ томъ, что нынѣшней системѣ самоуправления не подѣ силу справиться съ требованіями жизни. Доказательствомъ этой старой истины является хотя бы тотъ фактъ, что въ томъ дѣлѣ, въ которомъ работа городскихъ управленій оказалась наиболѣе успѣшной, — въ дѣлѣ помощи раненымъ воинамъ, — города шли иными путями, — черезъ союзъ городовъ, свободный отъ многихъ путъ,

установленныхъ Городовымъ Положеніемъ. И если бы либераль-
ные буржуазные круги глубже поняли истинное значеніе тыла и
оказались способными поступиться частью своихъ преимуществъ
и привилегій въ интересахъ страны, они, быть можетъ, упо-
требили бы усиліе къ тому, чтобы начала, столь успѣшно при-
мѣненные въ городскомъ союзѣ, провести и въ дѣятельности
самихъ городскихъ думъ. И кто знаетъ, не оказался ли бы свое-
временно прозвучавшій голосъ буржуазіи и ея настойчивыя дѣй-
ствія тѣмъ оружіемъ, помощью котораго муниципальный Кареевъ
могъ быть, если и не разрушенъ, то, во всякомъ, случаѣ по-
колебленъ.

.....
..... А силы и средства
нашей муниципальной системы остались прежнія; прежнимъ
осталось и отношеніе бюрократіи къ самоуправленію. ....

М. Петровъ.

БЮДЖЕТЪ 1916 ГОДА И НАШИ ФИНАНСЫ.

Проекъ росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1916 годъ внесенъ въ законодательныя учрежденія, какъ и въ прошломъ году, съ опозданіемъ. Объясняется это тѣмъ, что война путаетъ всѣ расчеты, и вѣдомствамъ пришлось не разъ перекраивать свои смѣтныя предположенія. Самъ министръ финансовъ говоритъ въ первой части объяснительной записки къ росписи, что и условія разработки этого проекта должны быть признаны болѣе затруднительными, чѣмъ тѣ, при которыхъ проектировался бюджетъ на текущій годъ. Невозможность предусмотрѣть срокъ окончанія войны, требующей все большаго напряженія силъ и средствъ, и учесть заранѣе съ какой-либо точностью ея угнетающее дѣйствіе на экономическое и финансовое положеніе государства дѣлаетъ многія смѣтныя предположенія, въ особенности въ области доходныхъ погашеній, въ значительной степени условными. Въ частности непродолжительность дѣйствія мѣропріятій, принятыхъ для увеличенія существующаго обложенія и установившихъ новые налоги для замѣны доходовъ отъ казенной винной монополіи, не даетъ возможности съ опредѣленностью судить о томъ, въ какой степени оправдаются ожидавшіеся при установленіи означенныхъ мѣропріятій результаты“.

Эта цитата характерна не только для содержанія, но и для всего тона объяснительной записки къ росписи на 1916 годъ. Въ ней нѣтъ уже ни того традиціоннаго финансоваго оптимизма, которымъ были проникнуты записки двухъ предшественниковъ г. Барка, ни безбрежныхъ перспективъ С. Ю. Витте, ни нигилизма и релятивизма В. Н. Коковцова. Тонъ ея сухой и монотонный, содержаніе ультра-дѣловое, ...

. . . . . Не видно въ новой запискѣ и стремленія подкрасить и нарумянить роспись, ...

. . . . . При этомъ совершенно ясно, что вся роспись на 1916 годъ составлена подъ знакомъ военныхъ нуждъ. Поэтому будетъ вполнѣ уместно предпослать рассмотрѣнію бюджету и росписи предварительный учетъ военныхъ издержекъ и способовъ ихъ покрытія въ 1914 и 1915 гг.

„Военные расходы, — свидетельствует министр финансов П. Л. Баркъ, — составившіе съ начала войны до 1 октября 1915 г. свыше 7700 милліоновъ рублей, достигнуть въ дальнѣйшемъ огромныхъ размѣровъ, но опредѣлить ихъ въ настоящее время съ точностью нельзя по неизвѣстности срока окончанія военныхъ дѣйствій“. Отсюда видно, что за 1 годъ и 2¹/₂ мѣсяца войны она потребовала 7,7 милліардовъ рублей. Это составляетъ, какъ и ожидалось, около 6 милліардовъ въ годъ т. е. немногимъ менѣе удвоеннаго нашего обычнаго бюджета. Если предположить, что темпъ военныхъ расходовъ будетъ прежній, и война продолжится 1 г. и 3 мѣсяца (до 1 янв. 1917 г.), то она потребуетъ еще 7,7 милліардовъ рублей, а военные расходы достигнуть колоссальной цифры въ 15,4 милліарда рублей или, говоря другими словами, съѣдятъ столько же, сколько нужно для пяти обыкновенныхъ бюджетовъ. Но и это сравненіе оперируетъ съ слишкомъ крупными цифрами, мало доступными уму средняго человѣка. Поэтому продолжимъ нѣсколько сравненіе военныхъ расходовъ съ болѣе мелкими подраздѣленіями нашего бюджета. Расходъ на культурныя и производительныя потребности составилъ въ бюджетѣ 1914 года 555 милліоновъ рублей, а на просвѣщеніе, науки и искусства, въ частности, 251,7 м. р. На войну же уже истрачено 7,7 милліардовъ рублей, или же, другими словами, больше, чѣмъ тратилось обычно на всѣ культурныя и производительныя потребности, почти въ 14 разъ и въ 30 разъ больше, обычнаго расхода на просвѣщеніе.

Скромность нашего культурно-производительнаго бюджета — фактъ общепризнанный. Она мотивировалась всегда отсутствіемъ достаточныхъ средствъ для того, чтобы быстро увеличивать культурно-производительные расходы, несмотря на ту пріятную въ бюджетномъ отношеніи особенность ихъ, что они скоро возвращаются въ казну въ видѣ повышеннаго поступленія доходовъ. Откуда же, спрашивается теперь, взялись у насъ средства въ 14—30 разъ большія на производство такихъ расходовъ, которые, по ближайшему же свидѣтельству министра финансовъ, и какъ мы увидимъ это еще ниже, дѣйствуютъ на финансовое и экономическое положеніе страны „угнетающе“? Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, констатируемъ тотъ фактъ, что средства для войны такъ или иначе находятся.

Возвращаемся къ вопросу: гдѣ и какъ были добыты средства на войну? Въ виду невозможности, а отчасти и нежеланія

получить их посредством налоговъ *, эти средства были получены частью въ Россіи, частью за границей путемъ всякаго рода кредитныхъ операцій. Эти операціи достаточно раздѣлить, для анализа ихъ на два вида: добровольные займы, куда можно отнести всѣ внѣшніе и внутренніе займы, включая и, такъ называемыя серіи государственнаго казначейства (процентныя деньги), и принудительные займы, куда слѣдуетъ отнести учетъ Государственнымъ Банкомъ краткосрочныхъ векселей Государственнаго казначейства, или, что то же, выпуски бумажныхъ денегъ послѣ приостановленія размѣна на золото въ интересахъ казны и финансированія войны. Что касается усиленной работы печатнаго станка для бумажныхъ денегъ, то къ этому вопросу существовало до послѣдняго времени самое легкомысленное отношеніе. Всѣ точно забыли о томъ вредѣ, который несутъ съ собою бумажныя деньги. Наконецъ, сознаніе этого вреда проникло въ нѣкоторой степени и въ министерство финансовъ. По крайней мѣрѣ министръ финансовъ П. Л. Баркъ, пригласившій къ себѣ 6 ноября редакторовъ газетъ для бесѣды по поводу послѣдняго внутренняго 5¹/₂%-наго займа, подчеркнул въ заключеніе бесѣды, что „заемъ предназначается для извлеченія изъ частнаго обращенія кредитныхъ билетовъ и уменьшенія количества обращающихся въ странѣ бумажныхъ денегъ, а въ этомъ — по мнѣнію министра — лучшее средство борьбы съ дороговизной, такъ какъ дороговизна въ большей части вызвана обиліемъ бумажныхъ денегъ и нарушеніемъ валютнаго равновѣсія“ **. Это авторитетное свидѣтельство о вредѣ бумажныхъ денегъ не мѣшаетъ хорошо запомнить тѣмъ обывателямъ, которые главную причину дороговизны видятъ не въ бумажныхъ деньгахъ и разстройствѣ транспорта, а въ спекуляціи торговцевъ и лавочниковъ. Поддержанію этого вреднаго заблужденія, ставящаго производное явленіе — спекуляцію — на мѣсто главныхъ — обезцѣненія денегъ и разстройства транспорта, способствуетъ и пропаганда многихъ нашихъ кооператоровъ, видящихъ въ торговцѣ главнаго врага человѣческаго, а въ коопераціи „спасеніе“ чуть ли не отъ всѣхъ золъ ***.

Обратимся къ количественному анализу разныхъ видовъ кредитныхъ операцій. Въ 1914 году было выручено отъ реализаціи: 5%-наго внутренняго займа 1914 года 441,7 милліоновъ руб. (вмѣсто 500 мил. руб. нарицательныхъ), отъ 4%-ныхъ билетовъ

* Мы подразумѣваемъ здѣсь и медлительность въ переходѣ къ совершеннымъ формамъ обложенія и въ частности отказъ отъ немедленнаго введенія военнаго подоходно-поимущественнаго налога.

** Цитировано по № 307 „Рѣчи“ отъ 7 ноября 1915 г.

*** Ср., напримѣръ, статью г-жи Л. Армандъ въ № 1 „Народной Газеты“ въ Москвѣ. То, что крестьяне, организованные въ кооперативы, сами поднимаютъ цѣны, забыто г-жей Армандъ.

Государственного казначейства (серій) — 266,8 мил. руб. (вмѣсто 300 мил. руб. ожидавшихся) и отъ учета краткосрочныхъ обязательствъ казны Государственнымъ Банкомъ 886,7 мил. руб. Всѣ эти операціи увеличили намъ государственный долгъ въ этомъ году на 1595,35 мил. руб. Были и другія операціи, какъ, напримеръ, учетъ, въ Англии краткосрочныхъ обязательствъ на 12 миліоновъ фунтовъ стерлинговъ (около 113 мил. руб. по курсу 9 руб. 46 коп.). Погашено уже долговъ было на 61,3 мил. руб. Въ результатъ перваго полугодія войны нашъ государственный долгъ увеличился съ 8,8 миллиарда руб. на 1 января 1914 года до 10 миллиардовъ рублей къ 1 января 1915 года. О состояніи его на 1 января 1916 года пока нельзя сказать ничего определеннаго. Въ текущемъ году выпущено: 4%-ныхъ серій, на основаніи Высочайшихъ указовъ: 27 марта — на 300 мил. руб. и 14 августа — на 250 мил. руб. нарицательныхъ — 5%-ный 6 февраля и на 1000 мил. руб. нарицательныхъ — 5¹/₂-ный 24 апрѣля. Отмѣтимъ кстати, что уплата процентовъ по этимъ займамъ, дающимъ въ итогъ 2050 мил. руб. составить въ 1916 году 102,2 мил. руб. Кроме того, въ текущемъ полугодіи учтено Гос. банкомъ такихъ шестимѣсячныхъ обязательствъ казны, по которымъ придется заплатить въ будущемъ году 37,5 мил. руб. процентовъ на сумму въ 1,5 миллиарда рублей.

Выше приведены нарицательныя суммы кредитныхъ операцій. Дѣйствительная же выручка отъ нихъ съ 1-го января по 1 октября 1915 года составила:

	Милліоны руб.	Милліоны руб.
Отъ краткосрочныхъ обязательствъ казны . . .		2403,3
а) учтенныхъ Г. Банкомъ	2020,0	
б) приобретенныхъ частными банками и другими лицами	383,3	
отъ 4%-ныхъ билетовъ Г. к. (серій)		583,3
а) выпуска 1914 г.	33,3	
б) выпуска 1915 г.	550,3	
отъ внутреннихъ займовъ		1464,4
а) 5%-го 1914 г.	24,8	
б) 5%-го 1915 г.	462,2	
в) 5 ¹ / ₂ %-го 1915 г.	977,4	
отъ кредитныхъ операцій за границей		1181,4
Всего	5,632,4	мил. руб.

Изъ этой суммы въ 5632,4 мил. руб. слѣдуетъ вычесть 2020,0 мил. руб. принудительныхъ займовъ. Тогда на долю добровольныхъ остается 3612,4 мил. руб. Если къ той же суммѣ 5632,4 мил. руб. выручки отъ всѣхъ кредитныхъ операцій 1915 года прибавить 1595,35 мил. руб. таковой же выручки въ 1914 году, то можно сказать, что къ 1 октября текущаго года государственный долгъ увеличился за это время на 7227,75 мил. руб.

Въ частности, въ этой суммѣ принудительные займы въ формѣ учета краткосрочныхъ обязательствъ Гос. банкомъ составляютъ 2906,7 мил. руб.*, а добровольные — 4321,05 мил. руб. Съ ноября мѣсяца началась подписка на новый 5½%-ый внутренний заемъ 1915 года на нарицательную сумму въ 1000 мил. руб. При успѣхѣ его государственный долгъ нашъ увеличится еще на 1000 мил. руб. и достигнетъ къ 1 января 1915 года (при условіи взноса 70%) — 17282,0 мил. руб. (10488,5 + 5632,4 + 461,1 + 700). Въ то же время онъ можетъ сократиться на ту сумму, которая будетъ ассигнована на выкупъ учтенныхъ въ Гос. банкѣ обязательствъ. Насколько это будетъ возможно, легко увидѣть изъ слѣдующаго сопоставленія. Къ концу 1915 года военные расходы, по свидѣтельству министра финансовъ, должны составить около 9659,9 мил. руб., а выручка отъ всѣхъ кредитныхъ операций къ этому времени должна составить: 7227,75 (къ 1 окт.) + 461,1 (краткоср. об. учт. Гос. банкомъ къ 8 ноября) + 700 мил. руб. (въ случаѣ успѣха отъ новаго займа) — итого 8388,85 мил. руб., если не будетъ дальнѣйшаго учета въ Гос. банкѣ краткосрочныхъ обязательствъ. Изъ этого сопоставленія видно, что выручка этого года отъ новаго займа цѣликомъ уйдетъ на покрытие военныхъ расходовъ, и обращеніе къ новымъ выпускамъ бумажныхъ денегъ неизбежно. Что же касается обращенія на ту же цѣль тѣхъ 300 мил. руб. отъ этого же займа, которые поступятъ въ 1916 году (15 января), то это будетъ возможно лишь въ томъ случаѣ, если не тратить эти 300 мил. руб. на военные расходы. Это же возможно, въ свою очередь, если попрежнему учитывать обязательства казны въ Гос. банкѣ, что признано нежелательнымъ, или же если вести войну на дальнѣйшіе выпуски серій, что невозможно. Словомъ, мы приходимъ къ такому выводу: какъ ни желательно сокращеніе принудительныхъ займовъ, т. е. финансированія войны выпусками бумажныхъ денегъ, оно будетъ возможно лишь въ томъ случаѣ, если добровольные займы всякаго рода будутъ давать выручку, по крайней мѣрѣ, равную ежемесячнымъ военнымъ расходамъ. Изъятіе же изъ оборота уже выпущенныхъ бумажныхъ денегъ будетъ возможно лишь въ томъ случаѣ, если дальнѣйшая ежемесячная выручка отъ добровольныхъ займовъ будетъ болѣе или менѣе значительно превосходить ежемесячные военные расходы. До сихъ поръ она такъ велика не была, почему и накопилось свыше 3 миллиардовъ долга казны Гос. банку по краткосрочнымъ обязательствамъ.

Теперь каково вліяніе войны на платежи по государственнымъ займамъ? Эти платежи въ 1914 году составили сумму въ

* По балансу Гос. банка на 8 ноября они возросли уже до 3367,8 мил. руб. или еще на 461,1 мил. руб.

338 мил. руб., поднявшуюся въ 1915 году до 404 мил. руб., а въ 1916 году потребуютъ, по самому скромному подсчету министра финансовъ, 542,8 мил. руб. Всѣ же расходы по системѣ государственнаго кредита (прибавляя уплату капитала, выкупъ безсрочныхъ займовъ, платежи по погашеннымъ займамъ, банковскіе и хозяйственные расходы по займамъ) равнялись въ 1914 году 365,8 мил. руб. и ожидаются въ 1915 году въ размѣрѣ — 439,7 мил. руб., а въ 1916 году 580 мил. руб. Въ теоріи эти платежи относятся уже къ обыкновеннымъ расходамъ, которые должны покрываться выручкой отъ налоговъ или отъ коммерческихъ предприятий казны. Последнее имѣетъ мѣсто въ случаѣ такъ называемыхъ производительныхъ займовъ, идущихъ на финансированіе такихъ предприятий. Такъ какъ война не коммерческое предприятие, то уплата процентовъ по военнымъ займамъ можетъ производиться лишь за счетъ новыхъ налоговъ. Насколько это возможно у насъ во время войны, мы увидимъ ниже. Постановка же этого вопроса приводитъ насъ къ анализу вліянія войны на нашъ бюджетъ обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ. Здѣсь къ вліянію войны присоединяется въ меньшей степени запрещеніе продажи питей.

* * *

Остановимся сначала на вліяніи обоихъ указанныхъ факторовъ на нашъ расходный бюджетъ. Въ слѣдующей табличкѣ мы даемъ сопоставленіе расходовъ на 1914* и на 1916 годъ.

	Въ 1914 году		Въ 1916 году		Въ 1916 г. болѣе (+) или менше (-) чѣмъ въ 1914 г. на:	
	мил. руб.	% къ итогу.	мил. руб.	% къ итогу.	мил. руб.	%
Расходы общаго управленія	401,8	12,2	414,7	13,1	+ 12,5	+ 3,1
Содержаніе духовенства и церковные расходы	24,7	0,7	24,6	0,8	— 0,1	— 0,4
Платежи по займамъ	402,1	12,2	580,3	18,3	+ 178,2	+ 44,3
Другія обязательства казны	47,4	1,4	53,3	1,7	+ 5,9	+ 12,4
Ненси служащимъ и аренды	118,0	3,6	137,7	4,3	+ 15,7	+ 13,3
Оборона государства	794,6	24,0	696,5	22,0	— 98,1	— 12,3
I. Итого расходовъ обще - государственныхъ и по обязательствамъ	1788,6	54,1	1907,2	60,2	+ 118,6	+ 6,6
Просвѣщеніе, науки, искусства	251,7	7,6	247,5	7,8	— 4,2	— 1,7
Врачебная часть	38,3	1,2	38,0	1,2	— 0,3	— 0,8
Землеустройство, переселеніе и сельское хозяйство	106,1	3,2	88,1	2,8	— 18,0	— 17,0

* По несокращенной росписи, утвержденнаго 22 юня 1914 года.

	Въ 1914 году		Въ 1916 году		Въ 1916 г. болѣе (+) или ме-	
	мл. руб.	%	мл. руб.	%	нѣе (-) чѣмъ въ 1914 г. на	мл. руб. %
	къ итогу.		къ итогу.		къ итогу.	
Содѣйствіе казны раз-						
витію торговли и про-						
мышленности	9,4	0,3	5,5	0,2	— 3,9	— 41,5
Пути сообщения, кромѣ						
жел. дор.	63,4	1,9	45,4	1,4	— 18,0	— 28,4
Почта и телеграфъ . . .	86,2	2,6	98,1	3,1	+ 21,9	+ 27,7
И. Итого на культур-						
ныя и производи-						
тельные потребно-						
сти	555,0	16,8	523,6	16,5	— 31,4	— 5,7
III. Казенныя опера-						
ции	950,9	28,8	729,4	23,0	— 221,5	— 23,3
IV. Непредвидѣнные ра-						
сходы	10,0	0,3	10,0	0,3	0,0	0,0
Всего обыкновенныхъ						
расходовъ	3304,5	100,0	3169,1	100,0	— 135,4	— 4,1

Общій итогъ бюджета измѣнился (какъ и въ 1915 году) немного, ставъ менѣе на 135 мил. руб. (4,1%). Это произошло вслѣдствіе увеличенія расходовъ по однимъ предметамъ назначенія на 234,2 мил. руб. и уменьшенія по другимъ — на 369,6 мил. руб.

Изслѣдуемъ теперь, въ какой мѣрѣ на эти измѣненія повлияла война и въ какой — сокращеніе продажи питей.

Наиболѣе крупное сокращеніе расходовъ видно по казеннымъ операціямъ. Оно объясняется главнымъ образомъ уменьшеніемъ 205 мил. руб. противъ первоначальныхъ предположеній или на 167,7 мил. руб. дѣйствительно расходовъ по казенной продажѣ питей, которая потребуеъ въ 1916 году только 40,5 мил. руб. вмѣсто 208 мил. руб., затраченныхъ на нее въ 1914 году. Эти расходы могли быть, отмѣтимъ кстати, еще меньше, если бы министръ финансовъ не внесъ въ интересахъ нашихъ аграріевъ, какъ и въ прошломъ году, 9,3 мил. руб. на выдачи въ видахъ содѣйствія винокуренной промышленности*. Указаннымъ уменьшеніемъ, почти и исчерпывается влияніе сокращеніе продажи питей на нашъ расходный бюджетъ. Что же касается ожидаемаго въ 1916 году по сравненію съ 1914 годомъ уменьшенія расхода по казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ на 11,3 мил. руб., то онъ объясняется уже влияніемъ войны. Захватъ нѣмцами Варшавско-Вѣнской и Привислинскихъ желѣзныхъ дорогъ заставилъ министра финансовъ выкинуть изъ росписи 41,6 мил. руб. расхода по эксплуатаціи этихъ дорогъ, да по остальнымъ дорогамъ, частью занятымъ непріателемъ, на 18,2 мил. руб., а всего на 59,8 мил. руб.**.

* За эту нѣмецкую выдумку (Libesgaben — „дары любви“), наши аграріи держатся не меньше прусскихъ.

** Другія дороги потребовали, подъ влияніемъ войны и въ частности дороговизны, увеличенія эксплуатационныхъ издержекъ на 28 мил. руб.

Такой приемъ, повидимому, совершенно правиленъ. Совѣтъ министровъ, обсудивъ этотъ вопросъ, пришелъ къ заключенію, что „доходныя поступленія по мѣстностямъ, занятымъ непріателемъ, а равно непосредственно угрожаемымъ вторженіемъ послѣдняго, не могутъ вообще вноситься въ смѣты, такъ какъ и послѣ вытѣсненія непріятельскихъ войскъ изъ этихъ мѣстностей, постигшее ихъ разореніе лишитъ государственное казначейство возможности получать съ населенія въ полныхъ размѣрахъ налоги и другіе сборы. На этомъ основаніи, между прочимъ, — говорить далѣе П. Л. Баркъ, — изъ смѣты Управления желѣзныхъ дорогъ исключены доходы и расходы, связанные съ эксплуатацией въ упомянутыхъ мѣстностяхъ желѣзнодорожныхъ путей“ (стр. 9 объясн. зап.).

Недавно возникшая въ Петроградѣ „Финансовая Газета“ одобряетъ приемъ невключенія въ смѣты доходовъ отъ мѣстностей, занятыхъ непріателемъ. „Однако, — замѣчаетъ газета, было политически неправильно слѣдовать такому приему и въ расходной части. Наоборотъ, примѣръ Франціи, внесшей въ свой бюджетъ кредиты на сѣверные департаменты по нормамъ мирнаго времени и показавшей непреклонную рѣшимость и убѣжденіе въ томъ, что оккупация есть одна изъ случайностей войны, — является достойнымъ подражаніемъ и не можетъ не быть рекомендованнымъ и нашимъ палатамъ; параграфы должны быть сохранены и расходы показаны“*.

Оставляя въ сторонѣ всю романтику этой аргументаціи, мы полагаемъ, что совѣтъ министровъ и министръ финансовъ стоятъ въ этомъ вопросѣ на болѣе реальной почвѣ. Въ частности, сверхъ того, „Финансовая Газета“ забыла что Польшѣ обѣщана автономія. А это и въ финансовой области значитъ, что та или иная часть прежнихъ доходовъ отъ нея и прежнихъ расходовъ по ней безслѣдно исчезла изъ нашего бюджета навсегда. Поэтому и въ этомъ отношеніи аналогія съ Франціей не убѣдительна.

Наиболѣе крупное увеличеніе расходовъ мы имѣемъ и по абсолютной суммѣ, а въ $\frac{0}{100}$ -номъ отношеніи на платежи по займамъ, о которыхъ мы уже говорили выше. Здѣсь можно только добавить, что одинъ послѣдній $5\frac{1}{2}\frac{0}{100}$ -ный заемъ на 1 миллиардъ рублей увеличить эти платежи еще на 55 мил. руб. Кромѣ того, потребуются и другія кредитныя операціи, такъ что этотъ расходъ и приростъ дойдутъ соответственно до 680,3 и 278,2 мил. руб. во всякомъ случаѣ. Возросли подѣ влияніемъ войны и расходы на пенсіи.

* См. № 66 „Финансовой Газеты“ за 1915 г.

Въ самомъ дѣлѣ, въ эту графу входятъ, напримѣръ, новые кредиты на полицію въ размѣрѣ 3,7 мил. руб., хотя пьянство и преступность настолько уменьшились, что кредиты по тюремной части уменьшены на 20 тысячъ.

Бюджетъ этихъ расходовъ, и самъ по себѣ незначительный — 16,8% общаго итога всѣхъ обыкновенныхъ расходовъ, — сократился до 16,5%. Сокращеніе было бы и больше, если бы не увеличеніе расхода на почту и телеграфъ, все еще мало доступныхъ массамъ сельскаго населенія.

Наоборотъ, расходы общегосударственные и по обязательствамъ увеличиваются съ 54,1% до 60,2% всего итога. Это увеличеніе было бы еще больше, если бы расходы на оборону государства показывались у насъ, какъ и въ другихъ странахъ, въ единомъ бюджетѣ. А то получаютъ такіа несообразности: за время войны военные расходы будто бы уменьшаются на 98 мил. руб. На самомъ дѣлѣ это только своеобразная бухгалтерія предметнаго свода расходовъ. Если обратиться къ смѣтамъ военнаго и морскаго министерствъ за три послѣднихъ года, то эта бухгалтерія ясно выступить наружу:

Расходы.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
военнаго } министерствъ	410,4 мил. руб.	572,7 м. р.	565,1 м. р.
морскаго }	212,3 " "	197,9 " "	180,3 " "
Итого	622,7 мил. руб.	770,6 м. р.	745,4 м. р.

Какъ видите, цифры совсѣмъ другія: для 1914 г. цифры дѣйствительнаго, а не первоначально предполагавшагося расхода въ 794,6 мил. руб. Для 1915 и 1916 годовъ опять смѣтныя предположенія, но для 1916 года цифра въ 745,4 мил. руб. выше той, которою мы пользовались въ таблицѣ всѣхъ расходовъ по предметамъ назначенія. Всѣ эти различія въ цифрахъ объясняются, во-первыхъ, отнесеніемъ части расходовъ на счетъ военнаго фонда; во-вторыхъ, разницей между первоначальными смѣтными предположеніями министра финансовъ, исправленіями законодательныхъ учреждений и наконецъ дѣйствительнымъ исполненіемъ росписей; въ третьихъ, различіями классификацій: по предметамъ, по ведомствамъ. Въ заключеніе по вопросу о сокращеніи расходовъ замѣтимъ, что сокращались преимущественно расходы строительныя, на ремонтъ и хозяйственныя операціи.

* * *

Перейдемъ теперь къ доходному бюджету. Прежде всего, посмотримъ, каковъ общій характеръ измѣненій доходаго

бюджета, для чего сравнимъ опять доходы, исчисленные по росписи на 1914 годъ, съ ожидаемыми въ 1916 году. Цифры второго столбца для 1914 года приводятся для того, чтобы показать, какъ война, въ связи съ прекращеніемъ продажи питей, повліяла на дѣйствительное поступленіе доходовъ въ 1914 году.

	1914 г.		1914 г.		1916 г.	
	Мил. руб.	Въ %	Мил. руб.	Мил. руб.	Мил. руб.	Въ %
I. Казенное имущество и капиталы	1119,9	31,9	964,5	951,2	32,3	
Въ томъ числѣ каз. жел. дороги	858,6	24,0	733,4	685,5	23,5	
Въ томъ числѣ лѣсной доходъ	103,1	2,9	78,0	75,9	2,6	
II. Правительств. регалии . .	1070,2	30,4	646,9	234,5	8,0	
Въ томъ числѣ винная монополия	936,1	26,2	503,9	49,9	1,7	
Въ томъ числѣ почт. доходъ.	82,6	2,3	80,6	94,7	3,	
Въ томъ числѣ телеграф. и телефонный	43,9	1,2	46,9	70,6	2,4	
III. Косвенные налоги	731,4	20,1	661,5	802,7	27,6	
Въ томъ числѣ таможенный.	370,5	10,4	303,9	314,4	10,8	
IV. Прямые налоги	276,0	7,5	280,6	359,7	12,3	
Въ томъ числѣ промысловый.	156,8	4,4	166,3	192,6	6,6	
Въ томъ числѣ поземельный.	25,2	0,7	20,6	43,1	1,5	
V. Пошлины	237,9	6,6	209,1	432,6	14,8	
Въ томъ числѣ пассажирова *	32,9	0,9	31,4	236,0	8,1	
Въ томъ числѣ гербовый сборъ	119,2	3,3	96,7	115,0	4,0	
VI. Остальные доходы	136,8	3,8	125,6	128,8	4,5	
Всего	3572,2	100,0	2898,1	2914,1	100	

Наиболѣе сильный эффектъ произведенъ, конечно сокращеніемъ продажи питей: теперь эта операция, если запретительныя мѣры сохранятся и послѣ войны, можетъ нѣсколько развиваться лишь за счетъ продажи казною спирта для техническихъ надобностей внутри страны и для всякихъ — за границу. — Наиболѣе крупное вліяніе новыхъ налоговъ, вызванныхъ войной, замѣтно въ увеличеніи выручки по сбору съ пассажировъ и грузовъ, неправильно отнесенному къ пошлинамъ, тогда какъ эти сборы типичны косвенные налоги. Не останавливаясь пока на болѣе слабыхъ вліяніяхъ войны на разные виды дохода, отмѣтимъ лишь, что казенные имущества и капиталы сохранили свое первое мѣсто (32,8%) въ бюджетѣ; правительственныя регалии заняли вмѣсто второго (30,4%) пятое (8,0%); косвенные налоги перешли какъ будто только на второе (27,6%), пошлины какъ будто перешли на третье (14,8%), а прямые налоги остались на четвертомъ

* И грузовъ: до военныхъ сборъ въ 15%, временные налоги на перевозку пассажировъ и грузовъ и въ частности на перевозимый хлопок (26 + 57 + 120 + 33 м. р.).

(12,3%). На самомъ дѣлѣ, это не такъ, потому что, кромѣ упомянутыхъ уже сборовъ съ пассажировъ и грузовъ, къ налогамъ вообще и косвеннымъ, въ частности, слѣдуетъ относить и части доходовъ отъ продажи спирта, почтово-телеграфныхъ услугъ и т. п. предпріятій, поскольку доходъ отъ нихъ превышаетъ среднюю коммерческую прибыль отъ торговли въ данной странѣ. Но если, даже не заходить такъ далеко, то все же къ косвеннымъ налогамъ надо отнести хотя бы упомянутые сборы. Тогда общая сумма косвенныхъ налоговъ для 1916 года составитъ: $802,7 - 236,0 = 1038,7$ мил. руб. или 35,6% общаго итога росписи, т. е. косвенные налоги займутъ въ бюджетѣ первое мѣсто, казенныя имущества — второе, прямые налоги — третье, регалия — четвертое, а пошлины — пятое. И что бы ни случилось далѣе въ смыслѣ возврата или не возврата къ непробудному пьянству прежняго времени, косвенные налоги не потеряютъ своего перваго мѣста до полной демократизаціи нашего строя. Однако, имъ трудно будетъ играть въ будущемъ ту абсолютную и относительную роль, которую они играли при безпрепятственной продажѣ питей и главнымъ образомъ, водки.

Если взять только одни доходы налогового характера въ нашемъ бюджетѣ по проектамъ росписей, причисливъ къ косвеннымъ налогамъ и чистый доходъ отъ винной монополии, то относительное значеніе разныхъ видовъ доходовъ налогового характера за три послѣднихъ года выразится такими процентными числами:

	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Косвенные налоги	76,8%	62,1%	60,0%
Прямые налоги	12,3	20,3	22,5
Пошлины	10,9	17,6	17,5

Отсюда хорошо видно, что роль прямыхъ налоговъ и пошлинъ имѣетъ тенденцію увеличиваться за счетъ уменьшенія роли косвеннаго обложенія.

Насколько эта тенденція укрѣпится или ослабнетъ въ ближше годы, будетъ зависеть отъ самыхъ глубокихъ основъ нашей финансовой политики.

Разсмотримъ теперь, какъ подъ вліяніемъ войны и запретительной алкогольной политики измѣнилось соотношеніе въ бюджетахъ трехъ послѣднихъ лѣтъ доходовъ налогового и хозяйственнаго характера.

	Въ 1914 г.		Въ 1915 г.		Въ 1916 г.	
	Мил. руб.	%	Мил. руб.	%	Мил. руб.	%
Доходы налогового характера	1245,4	34,9	1547,7	50,7	1595,0	54,7
Казен. имущ. и капиталы	2196,7	61,5	1402,6	44,8	1190,3	40,8
Остальные доходы	130,1	3,6	141,9	4,7	128,3	4,5
	3572,2	100	3132,2	100	2914,1	100

Отсюда видно, что доходы налогового характера заняли въ нашемъ бюджетѣ первое мѣсто уже въ прошломъ году. Въ проектѣ росписи на 1916 годъ имъ отводится еще большая роль. Доходы же хозяйственнаго характера падаютъ и абсолютно и относительно. Переходъ на первое мѣсто доходовъ налогового характера сблизилъ нашъ бюджетъ съ бюджетами другихъ культурныхъ странъ. Послѣ окончанія войны начнется, конечно, опять абсолютный ростъ хозяйственныхъ доходовъ.

До сихъ поръ мы анализировали общіе результаты измѣненія бюджета и картину его за время войны. Теперь обратимъ вниманіе на нѣкоторыя интересныя частности, не видныя прямо изъ предшествующихъ таблицъ. Такъ, въ проектѣ росписи 1916 года увеличились весьма нѣкоторые оборотные доходы чисто бухгалтерскаго характера. Напримѣръ, отъ оплаты казной таможенныхъ налоговъ по привозимымъ для казны же товарамъ увеличивается таможенный доходъ на 100 мил. руб. Расплата казны съ каждами желѣзными дорогами за воинскія перегонки увеличиваетъ доходъ казенныхъ дорогъ на 150 мил. руб. Итого 250 мил. руб. фиктивного дохода за счетъ военнаго фонда, нитаемаго займами.

Далѣе можно спросить: какъ повліяло на дорожный бюджетъ занятіе германцами и австрійцами части территоріи страны, какия потери понесъ отъ этого бюджета? Министръ Финансовъ находитъ, что недоборъ доходовъ по губерніямъ Привислинскимъ, Холмской, Виленской, Ковенской, Гродненской и Курляндской „составить, по сравненію съ мирнымъ временемъ, 141,2 мил. руб., а по сравненію съ 1915 годомъ 69,0 мил. руб.“ Эта цифра относится ко всѣмъ доходамъ, кромѣ доходовъ отъ винной монополіи, таможенныхъ пошлинъ и желѣзнодорожныхъ сборовъ. Недоборъ послѣднихъ опредѣляется валовой суммой въ 144,3 мил. руб. Если вычесть изъ нея сокращеніе эксплуатаціонныхъ расходовъ занятыхъ нѣмцами казенныхъ желѣзныхъ дорогъ на 59,8 мил. руб., то чистый убытокъ по этой статьѣ опредѣлится въ 95 мил. руб. Всего же бюджетъ на 1916 годъ теряетъ по этой причинѣ, по сравненію съ мирнымъ временемъ, около 236 мил. руб.

Наконецъ, какъ ни интересенъ вопросъ о томъ, сколько даютъ бюджету новые налоги и повышеніе старыхъ, отвѣтить на него сейчасъ нѣтъ возможности, такъ какъ величина возможныхъ новыхъ поступленій пока еще не выяснилась. Извѣстно лишь, да и то по приблизительнымъ вычисленіямъ, что въ первомъ полугодіи 1915 года доходы отъ увеличенія обложенія возросли на сумму отъ 165 до 170 мил. руб. Если даже принять во вниманіе, что большая часть выручки отъ налоговъ поступаетъ во второй половинѣ каждаго года, то все же можно сказать съ увѣренностью одно: миллиардъ, который остался якобы въ карманахъ населенія отъ невозможности его пропить и на который возла-

гали столько надеждъ при огульномъ и механическомъ повыше-
нн всѣхъ налоговъ въ текущемъ и прошломъ годахъ, не вернется
въ казну ни въ текущемъ, ни въ будущемъ году. Думается по-
этому, что часть его пошла на покрытие личныхъ расходовъ
каждаго, вызванныхъ войною прямо и косвенно (чрезъ дорого-
визну жизни), а другая — на увеличеніе вкладовъ въ кредитныхъ
учрежденіяхъ. Эта часть поступаетъ въ казну въ формѣ уже не
налоговъ, а выручки отъ займовъ.

Что касается такихъ доходовъ, которые появляются въ
1916 году впервые, то ихъ три: отъ военного налога на лицъ,
освобождаемыхъ отъ воинской повинности, — 7,8 мил. руб. и отъ
единовременнаго сбора съ телефоновъ за 1915 и 1916 годы —
около 4,5 мил. руб., кромѣ того отъ новаго акциза съ виноград-
ныхъ винъ, установленнаго 14 іюля 1915 года, ожидается 6 мил.
руб. Итого — сумма совсѣмъ небольшая — 18,3 мил. руб., ко-
торая тоже немного поможетъ дѣлу уловленія утеряннаго мил-
ларда.

Такой неуспѣхъ въ дѣлѣ поимки этого миллиарда объясняется
отчасти и тѣмъ, что было забыто слѣдующее: война даетъ новое
перераспределеніе цѣнностей и доходовъ между общественными
классами и группами; между тѣмъ, никакихъ специальныхъ мѣръ,
чтобы уловить иначе распределившіеся доходы и цѣнности, до
сихъ поръ, какъ мы увидимъ ниже, принято не было.

* * *

Изслѣдуемъ теперь вліяніе войны на балансы нашихъ рос-
писей, что представляетъ самостоятельный интересъ, такъ какъ
проливаетъ свѣтъ на финансовое положеніе страны. Здѣсь намъ
предстоитъ сдѣлать сопоставленіе нашихъ государственныхъ до-
ходовъ и расходовъ, хотя бы за три послѣднихъ года.

Доходы:	1914 г. милл. руб.	Расходы:	1914 г. милл. руб.
Свободная наличность къ 1 января	514,2	Обыкновенные	2927,1
Обыкновенные	2922,1	Чрезвычайные	276,4
Чрезвычайные	38,6	На войну	1656,9
Итого	3474,9	Итого	4860,4

Въ результатѣ 1914 годъ кончился дефицитомъ въ 1395,5 мил.
руб., который былъ покрытъ займами на сумму 1595,3 мил. руб.
На 1915 годъ свободной наличности новаго происхожденія за
счетъ займовъ осталось 209,8 мил. руб.

Для 1915 года нельзя пока дать такой же точной картины,
такъ какъ пока по исполненію росписи 1915 года, имѣются лишь
предварительныя данныя.

Согласно съ этими данными дѣло обстоитъ такъ:
1915 года.

Д о х о д ы:		Р а с х о д ы:	
	млн. руб.		млн. руб.
Свободная наличность		Сверхсметные	287,5
къ 1 января	209,8	Обыкновенныя	3068,1
Обыкновенныя	2782,0	Чрезвычайныя	134,4
Чрезвычайныя	9,5	На войну	8000,0
Итого	3001,3	Итого	11490,0

Такимъ образомъ, дефицитъ 1915 года долженъ составить около 8488,7 млн. руб. Отъ кредитныхъ же операций выручено уже, какъ мы знаемъ, 6093,5 млн. руб. и отъ ноябрьскаго займа можно ожидать въ 1915 году — 700 млн. руб. Все это даетъ лишь 6793,5 млн. руб. Слѣдовательно, 695,2 млн. руб. придется добыть какимъ-либо инымъ путемъ, о чемъ мы говорили выше. Такъ какъ финансовыя результаты 1915 года пока не опредѣлились, то и говорить о размѣрѣ свободной наличности на 1 января 1916 года пока не приходится.

Остается разсмотрѣть балансъ росписи 1916 года:

Д о х о д ы:		Р а с х о д ы:	
	млн. руб.		млн. руб.
Обыкновенныя	2914,1	Обыкновенныя	3174,1
Чрезвычайныя	9,0	Чрезвычайныя	76,8
Итого	2923,1	Итого	3250,9

Отсюда видно, что дефицитъ по невоенной части бюджета можетъ составить въ 1916 году 327,8 млн. руб. * Если не будетъ установлено новыхъ налоговъ, то и этотъ дефицитъ обыкновеннаго бюджета придется покрыть, какъ и дефицитъ текущаго года, кредитными операциями. Въ виду этого печальнаго факта, министромъ финансовъ предлагаются контуры нѣкаго плана финансовыхъ реформъ, каковой мы разсмотримъ ниже. Здѣсь же прибавимъ въ заключеніе, что, если война на самомъ дѣлѣ продолжится весь 1916 годъ, то только что упомянутый дефицитъ увеличится еще на 6—7 миллиардовъ рублей, что опять потребуетъ обращенія къ кредиту.

* * *

Что же, спрашивается теперь, предлагаетъ министръ финансовъ, — съ овозданіемъ на годъ съ лишнимъ, — для того, чтобы устранить дефициты изъ обыкновенныхъ бюджетовъ?

Этотъ дефицитъ на 1916 годъ будетъ, конечно, больше

* Въ 1914 году было въ этой части + 271,4 млн. руб., въ 1915 году ожидается минусъ въ 488,7 млн. руб.

327,8 мил. руб., такъ какъ, по свидѣтельству самого министра, въ роспись вошли 250 мил. руб. фиктивного дохода за счетъ военнаго фонда, и, какъ мы установили выше, дѣйствительный расходъ на уплату процентовъ по новымъ кредитнымъ операциямъ будетъ на 100 мил. руб. выше во всякомъ случаѣ. Все это заставляетъ оцѣнивать дефицитъ суммой около 700 (677,8) мил. рублей.

Главную основу грядущаго преобразования нашихъ финансовъ П. Л. Баркъ видитъ въ прогрессивно-подоходномъ налогѣ. Естественнымъ дополненіемъ къ этой основѣ можетъ послужить „преобразование наслѣдственныхъ пошлинъ и вообще пошлинъ съ безвозмезднаго перехода имущества на началахъ прогрессивности ставокъ въ зависимости не только отъ степени родства, но и отъ размѣра наслѣдственной массы“*.

Все это очень хорошо и убѣдительно. Но вѣдь, это, равно какъ и многія другія преобразования, предлагаемыя имъ, идетъ противъ интересовъ думскаго, а тѣмъ паче совѣтскаго большинства. Такая программа защищалась у насъ давно уже демократіей и до сихъ поръ отвергалась и старымъ режимомъ, и новыми хозяевами финансовъ въ Гос. Думѣ и Гос. Совѣтѣ. У насъ, вѣдь, „Слава Богу, нѣтъ парламента“, который, какъ въ Англіи, довелъ ставки прогрессивно-подоходнаго налога до $34\frac{1}{6}\%$ для лицъ съ доходомъ около 1000 000 рублей. Въ проектѣ же этого налога у насъ г. Баркъ предложилъ, и Гос. Дума приняла максимальную ставку въ $6\frac{1}{2}\%$ уже при доходѣ въ 10 разъ меньшемъ (100 000 руб.). Эта разница въ ставкахъ хорошо иллюстрируетъ ту мысль, что и самые совершенные налоги могутъ весьма падать наиболѣе налогоспособные классы и давать весьма небольшую выручку. И въ то время, какъ Англія уже получаетъ миллиардъ рублей отъ подоходнаго налога у насъ все еще спорятъ, дастъ ли онъ хоть 100 мил. руб. . . . перерывъ сессіи Гос. Думы и Гос. Совѣта, какъ разъ послѣ принятія перваго проекта упомянутаго налога, лишилъ Гос. Совѣтъ возможности принять его и тѣмъ самымъ далъ министру финансовъ возможность внести поступленія отъ этого налога хотя бы въ размѣрѣ около 100 мил. руб. Все это плохія ауспиціи и для скорой реализаціи и для солиднаго характера финансовой реформы.

„Изъ другихъ дѣйствующихъ у насъ реальныхъ налоговъ, — продолжаетъ г. Баркъ, — имѣется въ виду преобразовать промысловый налогъ въ цѣляхъ созданія большаго соответствія между ставками этого налога и нормальной доходностью облагаемыхъ предпріятій, построить поземельный налогъ (по завершеніи оцѣночныхъ работъ) на началахъ замѣны раскладочнаго способа взиманія окладнымъ, привести существующее поземельное

* Стр. 51 объяснительной записки.

обложение въ Туркестанѣ, которое далеко не отвѣчаетъ высокой доходности земель, занятыхъ культурой хлопка, въ уровень съ ихъ дѣйствительною налоговою платежеспособностью. (А почему позабыты высокодоходныя земли подъ сахарной свекловицей, табакомъ, виноградомъ, лѣсами и т. д.? А. Н.) Далѣе имѣется въ виду „восполнить существующее обложение недвижимостей въ городахъ обложениемъ строеній въ уѣздныхъ поселеніяхъ. И наконецъ, придать силу постояннаго временному обложению денежныхъ капиталовъ, ссужаемыхъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ, равно какъ и военному налогу на лицъ, освобождаемыхъ отъ воинской повинности“.

Всѣ эти преобразования, за исключеніемъ послѣдняго обѣщаютъ увеличить обложение буржуазіи крупной, средней и мелкой (промышленниковъ, торговцевъ, сельскихъ хозяевъ, домовладѣльцевъ, ростовщиковъ и т. д.). Намѣреніе прекрасное, но весь вопросъ опять заключается въ размѣрѣ предстоящаго повышенія обложения ихъ, а также въ томъ, кто будетъ избавленъ отъ этого повышенія (сахарозаводчики, табаководы, виноградари). Въ зависимости отъ этого будетъ, вѣдь, и тотъ или другой размѣръ выручки отъ преобразованія этой группы. Весьма жаль также, что министръ финансовъ не предлагаетъ обложения въ 50% прибылей военныхъ поставщиковъ, что уже сдѣлала Англія и къ чему уже приступила Германія.

Военный налогъ, только что упомянутый, можно смѣло выкинуть, зато можно привѣтствовать проектъ подлиннаго военного единовременнаго налога. Къ сожалѣнію, главнаго не говорится и тутъ: а именно, будетъ ли это налогъ на доходы, или на имущества, т. е. на цѣнность, между прочимъ, лежащихъ иногда и умышленно впустѣ земель? Такой налогъ крайне необходимъ, такъ какъ для казны онъ выгоднѣе, чѣмъ дорого оплачиваемые займы. При этомъ онъ долженъ быть сконструированъ такъ, чтобы отъ него легко могъ остаться для мирныхъ временъ поимущественный налогъ. Это облегчить передачу земствамъ и городамъ поземельнаго и подомоваго налоговъ.

Далѣе, кромѣ сохраненія и послѣ войны сдѣланнаго повышенія пошлинъ, обѣщается и пересмотръ нашего крайне запутаннаго гербоваго устава въ цѣляхъ созданія большей уравнительности гербовыхъ сборовъ, а также предполагается ввести временный въ пользу казны (лучше отдать его выручку земствамъ и городамъ) налогъ на билеты для входа на публичныя зрѣлища и увеселенія.

Таковы возвышенныя преобразования въ области прямыхъ налоговъ, гдѣ министръ финансовъ призналъ необходимымъ „прежде всего искать источники для усиленія доходныхъ поступленій“. Однако не подумайте, что министръ финансовъ расходится съ нами въ скептическомъ отношеніи возможной отъ нихъ

выручки при существующих условиях. „При очевидной * недостаточности намѣченныхъ мѣръ въ области прямого обложения и пошлинь для доставленія казнѣ необходимыхъ ей средствъ, министръ финансовъ считаетъ неизбѣжнымъ использование въ допустимыхъ предѣлахъ и косвеннаго обложения.

Это уже касается широкихъ народныхъ массъ, и на нихъ-то нынѣшнія законодательныя учрежденія, не желавшія съ 1907 года ввести подоходный налогъ и реформировать наследственный, конечно, и постараются взвалить всю тяжесть новаго обложения. Тутъ министромъ финансовъ намѣчены уже новые акцизы, а именно на электрическую энергию и ткани**, а также на картофельную патоку и порохъ. Самымъ ненавистнымъ для населенія, которое и безъ того плохо одѣвается, будетъ здѣсь налогъ на ткани, т. е. на бѣлье и одежду.

Далѣе предстоитъ повышение акцизовъ на высшіе сорта табака и фруктовъ-виноградный спиртъ.

„На ряду съ этимъ, — продолжаетъ довольно оригинально министръ, — для огражденія интересовъ потребителей (?) финансовымъ вѣдомствомъ разрабатываются способы примѣненія къ нѣкоторымъ особенно распространеннымъ подакцизнымъ предметамъ предѣльныхъ продажныхъ цѣнъ, какъ это установлено для табака и табачныхъ издѣлій, а также вопросъ о созданіи вазенныхъ запасовъ этихъ продуктовъ для регулированія снабженія ими потребительныхъ рынковъ“.

Тѣ, кто дѣйствительно защищаютъ интересы потребителей, давно уже поставили себѣ цѣлью добиваться полной отмены косвеннаго обложения, а пока борются противъ всякаго повышения косвенныхъ налоговъ.

Что же касается нормировки цѣнъ, то таковая . . . . . не общаетъ потребителямъ ничего. Достаточно вспомнить исторію сахарной нормировки или хотя бы послѣднее повышение цѣнъ на сахаръ, заставившее „Русскія Вѣдомости“ констатировать новую побѣду сахарозаводчиковъ надъ потребителемъ. Или вспомнимъ, наконецъ, новѣйшую исторію нормировки цѣнъ путемъ такъ во время войны, результаты которой такъ хорошо извѣстны всякому!..

Не скрывая отъ себя „большихъ трудностей“ въ новомъ дѣлѣ установленія фискальныхъ монополій, министръ финансовъ проектируетъ ввести прежде всего таковыя по торговлѣ чаемъ и спичками, а затѣмъ и для нѣкоторыхъ другихъ имъ не называемыхъ продуктовъ.

Эта часть программы финансовыхъ реформъ разрабатывалась

* По видимому, передъ министромъ финансовъ лежали въ это время свѣдѣнные данныя, которыя почему-то не произведены въ росписи.

** Отъ налога на ткань ожидается 150 милл. руб.

и пропагандировалась до сихъ поръ главнымъ образомъ проф. П. Мигулинымъ. Если она осуществится, то потребители не выиграютъ ничего. „Большія трудности“ въ формѣ сопротивленія торгово-промышленнаго міра этимъ проектомъ монополіи, конечно, послѣдуютъ. Потому, пока что, министръ финансовъ проектируетъ дальнѣйшее повышение фискальныхъ таможенныхъ налоговъ, — прежде всего пошлины на чай. Насколько дорогой чай соотвѣтствуетъ интересамъ потребителей — ясно и безъ разъясненій.

Наконецъ временный налогъ на грузы, неоправдавшіи возлагавшихся на него надеждъ, министръ финансовъ предполагаетъ отмѣнить, „съ временнымъ, однако, сохраненіемъ повышеннаго сбора съ пассажировъ и ихъ багажа“. Въмѣсто же этого налога проектируется введеніе „въ дѣйствіе вновь пересмотрѣнныхъ железнодорожныхъ тарифовъ“ на грузы.

Таковъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, планъ финансовыхъ реформъ, предполагаемыхъ г. Баркомъ, ...

А. Никитскій.

ЕВРЕИ ВЪ ВЫСШЕЙ ШКОЛѢ.

Въ началѣ лѣта нынѣшняго года въ числѣ первыхъ политическихъ вопросовъ всталъ вопросъ еврейскій. Въ Петроградѣ съ началомъ общественнаго оживленія стали обсуждаться новыя мѣры къ облегченію положенія евреевъ въ Россіи вообще. „Уступать“ начали сперва по министерству народнаго просвѣщенія — и это совершенно понятно: именно по вѣдомству просвѣщенія были приняты за послѣдніе годы (особливо при Л. А. Кассо) самыя суровыя и . . . . . мѣры противъ еврейства, — достаточно вспомнить введеніе жеребьевки при поступленіи въ учебныя заведенія или совершенное прекращеніе на нѣсколько лѣтъ приѣма евреевъ въ тѣ учебныя заведенія, гдѣ процентная норма была по какимъ-либо причинамъ превзойдена. Въ концѣ іюня газеты обошло извѣстіе, что чины министерства народнаго просвѣщенія выработали новыя условія приѣма евреевъ въ университеты (только въ университеты, а не въ другія высшія учебныя заведенія и не въ среднюю школу). И норма, и жеребьевка остаются въ силѣ, но въ первую очередь въ число опредѣленныхъ нормою еврейскихъ вакансій принимаются еврей-участники войны (уволенные по болѣзни или раненію отъ дальнѣйшей службы), затѣмъ сыновья убитыхъ, раненыхъ или получившихъ какія-нибудь отличія на войнѣ. Послѣ же замѣщенія свободныхъ вакансій этими лицами на остальные вакансіи принимаются евреи, подавшіе прошенія о приѣмѣ, по жребію. Министръ гр. П. Н. Игнатьевъ не сразу утвердилъ эти условія: видимо, его смутило то, что подъ видомъ уступокъ подсунули ему чиновники его вѣдомства, и онъ передалъ проектъ на обсужденіе засѣдавшему въ то время совѣщанію ректоровъ российскихъ университетовъ. Но ректоры не опротестовали этой „реформы“, и 9 іюля былъ опубликованъ циркуляръ попечителямъ учебныхъ округовъ, лишь немного измѣняющій проектъ министерскихъ чиновниковъ. Къ числу лицъ, попадающихъ на еврейскія вакансіи, были лишь прибавлены родственники убитыхъ или отличившихся, если они состояли на иждивеніи участниковъ войны; послѣ нихъ могутъ быть приняты дѣти и родственники участниковъ войны, не получившихъ особыхъ военныхъ отличій (см. газеты 9 іюля, а также „Еврейскую Недѣлю“, № 9).

Даже въ тяжелыя времена Плева правительство допустило дѣтей евреевъ-участниковъ японской войны сверхъ нормы въ высшя учебныя заведенія, а теперь власти въ видѣ особой льготы разрѣшаютъ имъ поступать въ „норму“ и закрываютъ этимъ дорогу въ высшую школу для всѣхъ остальныхъ евреевъ. Кромѣ того, теперь положеніе еврейской учащейся молодежи стало гораздо труднѣе, чѣмъ въ годы японской войны: изъ русскихъ университетовъ почти не функционировалъ Варшавскій, который принималъ 10% евреевъ (остальные университеты принимаютъ лишь 3% и только еще Кіевскій 5% и малолюдный Одесскій 10%), а огромная масса еврейской молодежи, учившаяся до нынѣшняго года въ заграничныхъ университетахъ, сейчасъ рѣшительно не знала, гдѣ продолжать свое образованіе.

Совѣтъ Министровъ, въ засѣданіи 24 іюля, „единогласно одобрилъ положеніе министра народнаго просвѣщенія о приѣмѣ въ 1915 году въ высшя учебныя заведенія, сверхъ установленной нормы, евреевъ, которые сами участвовали въ настоящую войну въ дѣйствіяхъ противъ непріятеля и затѣмъ, вслѣдствіе раненія или же по состоянію здоровья, были освобождены отъ военной службы, а равно дѣтей евреевъ, призванныхъ въ армію или поступившихъ въ нее добровольно, или же работающихъ по военно-санитарной части и получившихъ при этомъ отличіе, а также убитыхъ и раненыхъ“.

Уже 4 августа вышелъ историческій циркуляръ министра Щербатова, разрѣшающій евреямъ селиться въ городахъ внѣ черты осѣдлости и юридически закрѣпившій то, что фактически (послѣ занятія германскими войсками половины полосы еврейской осѣдлости) уже сдѣлала сама жизнь — прорывъ пресловутой „черты“. А 10 августа Совѣтъ Министровъ вынесъ постановленіе по приѣму евреевъ въ учебныя заведенія, которое . . .

все же представляетъ собою еще большую уступку, чѣмъ всѣ мѣры по учебному вопросу до сихъ поръ: оно разрѣшало „приѣмъ во всѣ учебныя заведенія Имперіи, въ какомъ бы вѣдомствѣ они ни состояли, дѣтей лицъ, несущихъ службу въ рядахъ дѣйствующей арміи изъ-за пораненій или болѣзней, безъ различія національностей и вѣроисповѣданій внѣ конкурса и не считаясь съ иными существующими ограниченіями, хотя бы сверхъ установленныхъ вакансій или комплекта“ („Евр. нед.“, № 14).

Хотя уничтоженіе еврейской процентной нормы въ этомъ постановленіи касается только лицъ, связанныхъ съ войной, и принципиальное рѣшеніе еврейскаго вопроса этимъ отнюдь не подвигается впередъ, все же имъ уничтожилась явная несправедливость предшествовавшихъ „уступокъ“, и потому постановление было привѣтствовано общей и еврейской печатью. Особенно важно было въ немъ совершенно опредѣленное заявленіе, что приемъ сверхъ нормы разрѣшается во всѣ учебныя заведенія (высшія, среднія и низшія), въ какомъ бы вѣдомствѣ они ни состояли, и при томъ приемъ, не считающійся съ иными существующими ограниченіями, хотя бы сверхъ установленныхъ вакансій и комплекта. Во исполненіе его министр народнаго просвѣщенія разослалъ 14 августа по всѣмъ учебнымъ округамъ циркуляръ, повторяющій постановленіе Совѣта Министровъ („Рѣчь“ отъ 15 августа „Еврейская Недѣля“ № 14), и заодно распорядился продолжить срокъ приема прошеній въ университеты до 25 августа („Рѣчь“, 20 августа). И другіе министры, въ вѣдѣніи которыхъ состоятъ учебныя заведенія, передали это постановленіе по своимъ вѣдомствамъ (министерство торговли и министерство земледѣлія, см. „Еврейскую Недѣлю“, № 15).

На другой же день послѣ изданія постановленія Совѣта Министровъ и министерскихъ циркуляровъ подвѣдомственные центральной власти высшіе чины начали систематическую обструкцію этой скромной льготы. Товарищъ военнаго министра генералъ Бѣляевъ, — къ которому обратился сотрудникъ „Рѣчи“ съ вопросомъ о возможности допущенія евреевъ въ школы прапорщиковъ и другія военныя учебныя заведенія*, — отвѣтилъ безусловно отрицательно. Дальнѣйшіе шаги не заставили себя долго ждать. Какъ сообщили газеты (см. „Рѣчь“ и „День“ отъ 5 сентября) въ виду того, что на практикѣ постановленіе Совѣта Министровъ вызвало рядъ недоразумѣній, и многія учебныя заведенія отказываются принять евреевъ указанной категоріи, военный министр, а также и главноуправляющій учрежденіями Императрицы Маріи вошли въ Совѣтъ Министровъ съ представленіями о необходимости пересмотра упомянутаго журнала и о внесеніи извѣстныхъ коррективовъ въ него. Военный министр писалъ, что въ словахъ Совѣта Министровъ: „во всѣ учебныя заведенія Имперіи“, подъ „всѣ“ подразумѣвались, очевидно, только учебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія, ибо разъ лица іудейскаго исповѣданія по закону

* „Рѣчь“, 20 августа 1915 г.

стему. Но достаточно показательнымъ является тотъ фактъ, что всю вторую половину августа въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, въ дни приѣма у министра, наблюдалось настоящее нашествіе молодыхъ людей изъ евреевъ, приходившихъ съ прошениями и жалобами по поводу отказовъ и затрудненій въ приемѣ въ учебныя заведенія. Установилась очередь, при чемъ стоявшіе въ очереди заполнили не только всѣ коридоры, но стояли даже на Чернышевской площади. Подано было, на примѣръ, за день приѣма, 27 августа свыше 800 прошеній („Рѣчь“, 28 августа)... И такъ было во всѣ дни приѣма у министра.

Обратимся теперь къ вопросу, самому большому и тяжелому въ нашемъ очеркѣ. Какъ же отнеслись къ вопросу о допущеніи евреевъ къ источникамъ образованія не министры и не назначенное ими начальство, а тѣ учебныя власти, которыя не могутъ не быть признаны, хотя бы только относительно, представителями общественныхъ круговъ, и которыя, во всякомъ случаѣ, обязаны болѣе чутко прислушиваться къ требованіямъ чело-вѣчности, гражданской справедливости . . . . .

. . . . . Я говорю о начальникахъ высшихъ учебныхъ заведеній, выборныхъ ректорахъ и директорахъ, о самихъ совѣтахъ профессоровъ. Не указывалъ ли профессоръ долгъ научно-общественной и гражданской чести, что надо было использовать этотъ „мѣстный прорывъ“ . . . . .

Къ сожалѣнію, ректоры по этому стратегическому плану не пошли, хотя имъ представлялся для него прекрасный случай. Мы видѣли, что еще весною самую первую полууступку (приемъ евреевъ-участниковъ войны въ норму) министръ передалъ на обсужденіе въ засѣдавшій тогда съѣздъ ректоровъ университетовъ. Но ректоры остановились только на технической сторонѣ осуществленія этой министерской мѣры. Такимъ образомъ, они, несомнѣнно, намѣренно уклонились отъ обсужденія министерскаго проекта по существу и этимъ дали моральную санкцію опубликованному вслѣдъ за симъ . . . . . циркуляру 9 іюля. Конечно, съѣздъ ректоровъ не есть полномочное представительство профессуры, но далеко не всѣ ректоры являются представителями реакціонныхъ группъ профессуры, которымъ не дорога ни научная, ни гражданская честь высшей школы Россіи, — и, однакожъ, даже отъ прогрессивныхъ ректоровъ не послѣдовало „особаго мнѣнія“ по поводу этой молчаливо проведенной демонстраціи ректорскаго съѣзда.

Къ счастью, какъ мы видѣли, жизнь оказалась сильнѣе: она вскорѣ отмѣнила циркуляръ 9 іюля и властно привела къ уступкѣ болѣе широкой, къ постановленію Совѣта Министровъ, Высочайше утвержденному 10 августа. Въ высшей степени важно бросить взглядъ на то, какъ осуществляли это постановленіе на дѣлѣ тѣ

самыя общественно-учебныя власти, какъ ректоры и директоры высшихъ школъ, и стоящія за ними профессорскія коллегіи. Если они въ свое время не имѣли гражданскаго мужества быть инициаторами смягченія еврейской нормы, то можно было надѣяться, что, по крайней мѣрѣ, они не будутъ чинить препятствій его осуществленію. Къ сожалѣнію, дѣло оказалось далеко не такъ.

Безукоризненно провелъ льготный приемъ евреевъ ректоръ Петроградскаго университета, профессоръ Э. Д. Гриммъ. Постановленіе Совѣта Министровъ было выполнено безъ какихъ-либо препятствій, и нѣсколько сотъ еврейскихъ юношей, участниковъ войны, дѣтей участниковъ, родственниковъ, состоявшихъ на издѣвленіи участниковъ войны, и, наконецъ, сыновей лицъ, служащихъ по министерству народнаго просвѣщенія, были приняты въ Петроградскій университетъ. Но университеты другихъ городовъ показали иное настроеніе *. Въ Москвѣ ректоръ профессоръ Любавскій сперва долго ссылался на неполученіе официальныхъ извѣстій о льготахъ для участниковъ войны; затѣмъ нѣсколько разъ запрашивалъ министерство о разъясненіяхъ отдѣльныхъ пунктовъ министерскаго циркуляра. Потребовалось энергичное вмѣшательство самого министра, и лишь послѣ письма гр. Игнатьева, посланнаго въ Москву, дѣло приема евреевъ было налажено. Въ такомъ же родѣ была, повидимому, политика и ректора Кіевскаго университета, профессора Цитовича, затягивавшаго приемъ всякими запросами о толкованіи циркуляра, безспорно яснаго; а, кромѣ того, онъ принималъ дѣтей и родственниковъ евреевъ-участниковъ войны въ норму и, наполнивъ норму исключительно ими, отказалъ въ зачисленіи всѣмъ остальнымъ евреямъ, даже медалистамъ! ** Объ общей политикѣ Юрьевскаго университета намъ пока не извѣстно, хотя отдѣльные характерные случаи препятствій были („Рѣчь“ отъ 14 августа; Хроника). Далѣе, такъ же затягивалъ приемъ студентовъ-евреевъ и ректоръ университета въ Одессѣ. Онъ слишкомъ поздно сталъ примѣнять циркуляръ министра и потому обратился къ самому министру съ запросомъ: что дѣлать, когда университетъ переполненъ, а остались еще около 200 такихъ евреевъ, которые имѣютъ право на приемъ сверхъ нормы? („Рѣчь“ 8 сентября). И вѣдь, сверхъ комплекта, добавимъ мы! Кромѣ этого, ректоръ, повидимому, оттягивалъ разсмотрѣніе ряда безспорныхъ прошеній евреевъ до срока призыва ратниковъ II раз-

* Мы не освѣдомлены еще пока о Казанскомъ, Томскомъ и Саратовскомъ университетахъ.

** „Рѣчь“, 27 августа. — До какихъ курьезовъ доходило дѣло въ Кіевскомъ университетѣ, видно изъ обошедшей газеты („Рѣчь“ отъ 27 августа и 16 сентября) жалобы 30 студентовъ-евреевъ, принятыхъ еще въ прошломъ году по жеребьевкѣ, но насильно опредѣленныхъ не на тѣ факультеты, куда они просились, и даже теперь добившихся своего стараго желанія лишь по специальному распоряженію министра.

ряда („Рѣчь“ 13 сентября). Наконецъ пунктъ постановленія Совѣта Министровъ о томъ, что право на приемъ сверхъ нормы имѣютъ также и дѣти служащихъ по министерству народнаго просвѣщенія, ректоръ истолковалъ такъ, что сами служащие, т. е. учителя, не имѣютъ права на поступленіе въ университетъ, и опять пришлось занимать министра жалобой на это благородное буквальное толкованіе („Рѣчь“, 13 сентября).

Если такъ относились къ приему евреевъ въ гражданскія учебныя заведенія, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что военно-медицинская академія въ Петроградѣ тоже не обнаружила никакого желанія подчиниться распоряженію Совѣта Министровъ, объявленному приказомъ по военному вѣдомству самимъ военнымъ министромъ. На другой же день послѣ опубликованія этого приказа ученый секретарь военно-медицинской академіи профессоръ М. Ильинъ заявилъ сотруднику газеты („Рѣчь“, — 20 августа), что, по его мнѣнію, приема евреевъ въ академію въ нынѣшнемъ году не будетъ, какъ и въ предыдущіе годы, такъ какъ по недавно введенному положенію о военно-медицинской академіи не могутъ быть принимаемы не только евреи, но даже и лица, рожденные въ еврействѣ; кромѣ того, установленный въ академіи комплектъ уже заполненъ.

Такимъ образомъ, слѣдуетъ, къ сожалѣнію, сказать, что учебныя власти казенныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, являющіяся представителями не правительства, а общества, оказались далеко не на высотѣ требованій гражданской чести въ больномъ морально-политическомъ вопросѣ и въ серьезнѣйшій политическій моментъ. Они не проявили инициативы и даже, когда жизнь сама его поставила, изъ ихъ среды не раздастся ни одного голоса съ заявленіемъ, что это не еврейскій, а обще-русскій вопросъ, принципиальный вопросъ гражданской свободы Россіи.

Я затронулъ уже выше по одному случаю частныя высшія учебныя заведенія и для заключенія очерка необходимо остановиться еще на ихъ отношеніи къ еврейскому вопросу въ настоящемъ году. Дѣло въ томъ, что ихъ директора и правленія, гораздо менѣе зависимы отъ центральныхъ властей и лучше отражающіе настроеніе избравшей ихъ профессуры, должны были бы, конечно, принять болѣе яркую и энергичную позицію. Ихъ отношеніе является дѣйствительно отношеніемъ русскихъ общественныхъ круговъ. Выдержали ли они этотъ экзаменъ? Къ сожалѣнію, нѣтъ. Во-первыхъ, ни изъ одного частнаго учебнаго заведенія не поднялся голосъ, говорящій о томъ, что именно теперь насталъ моментъ поставить вопросъ о правѣ евреевъ на образованіе болѣе широко. Только одинъ Психо-Неврологическій институтъ въ Петроградѣ съ большимъ достоинствомъ, если и безъ принципиальныхъ декла-

рацій, то на дѣлѣ рѣшилъ за себя еврейскій учебный вопросъ и, пользуясь тѣмъ, что вопросъ о предоставленіи институту всѣхъ правъ (а, слѣдовательно, и „правъ“ еврейской нормы) еще лежитъ на разрѣшеніи въ министерствѣ, принималъ безпрепятственно всѣхъ евреевъ, желавшихъ въ немъ учиться. Нѣкоторую скромную инициативу проявили Московскій Коммерческій институтъ и Харьковскіе курсы. Остальныя частныя высшія учебныя заведенія ограничили исполненіемъ министерскаго постановленія, нѣкоторыя совершенно лояльно и безъ треній (напримѣръ Высшіе женскіе курсы въ Петроградѣ), нѣкоторыя же не безъ препятствій. Къ сожалѣнію, даже пользующійся прогрессивнымъ именемъ петроградскій Медицинскій Институтъ не былъ вполнѣ лояленъ къ мѣрѣ министерства народнаго просвѣщенія и вначалѣ не зачислялъ льготнымъ порядкомъ въ число медичекъ тѣхъ евреекъ, которыя имѣли на то право, состоя на службѣ въ Красномъ Крестѣ, союзахъ земствъ и городовъ и въ другихъ общественныхъ организаціяхъ по эвакуаціи и лѣченію раненыхъ и больныхъ воиновъ („Рѣчь“, 27 августа), и понадобилось вмѣшательство министра для устранения этого препятствія.

Совершенно безпримѣрно поступило въ еврейскомъ вопросѣ одно частное высшее учебное заведеніе, а именно Петроградскій Институтъ Высшихъ коммерческихъ знаній въ преподавательскомъ составѣ котораго встрѣчаются наиболѣе прогрессивныя имена петроградской профессуры, и даже рядъ именъ еврейскихъ. Совѣтъ профессоровъ института еще весною, изъ-за хлопотъ о полученіи полныхъ правъ высшихъ заведеній, по своей инициативѣ постановилъ впредь до выравниванія нормы (еще не введенной!) больше евреевъ не принимать... И вотъ даже теперь, несмотря на постановленіе Совѣта Министровъ отъ 10 августа, пользуясь тѣмъ, что онъ — частное учебное заведеніе, институтъ не отказался отъ своего поистинѣ недостойнаго рѣшенія и не принималъ даже евреевъ-участниковъ войны.

Мой очеркъ конченъ. Онъ показываетъ, ...
 . . . . . даже и „верхи“ русскаго „общества“
 не умѣютъ на этихъ уступкахъ настаивать. Моральная
 вина за еврейскій вопросъ лежитъ въ Россіи . . . . .
 . . . . . общественные дѣятели . . . . .
 . . . . . какъ это ни грустно признать, устраи-
 ваютъ даже . . . . . правительственной уступкѣ тайную или
 явную обструкцію. Жизнь все-таки возьметъ свое. Но остается
 глубоко грустнымъ то, что въ медленномъ ходѣ жизни русское
 „общество“ принимаетъ такое блѣдное и жалкое участіе.

II. Шаскольскій.

НУЖНЫ ЛИ УБѢЖДЕНІЯ?

(ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ)*.

Мудрый и правдивый русскій человѣкъ, Василій Васильевичъ Розановъ, пишетъ въ „Опавшихъ Листьяхъ“:

„На „образъ мыслей“ я нисколько не хотѣлъ бы вліять; „на убѣждения“ даже „и не подумаю“. Тутъ мое глубокое „все равно“. Я самъ „убѣждения“ мѣнялъ, какъ перчатки, и гораздо больше интересовался калошами (крѣпки ли), чѣмъ убѣждениями (своими и чужими)“.

За эти простыя русскія мысли, за эту безхитростную исповѣдь русской души почтенный Василій Васильевичъ и подвергся гоненію въ нашей литературѣ.

Настаиваю, — именно за это, а вовсе не за то, что стали ругать революционеров. Ибо кто же ихъ не ругалъ, кто же ихъ не лягалъ за послѣдніе годы? Развѣ только лѣнивый. И прилежнѣе другихъ была „Русская Мысль“, — та самая, которая съ трескомъ захлопнула дверь передъ носомъ Василя Васильевича.

И по дѣломъ: онъ осмѣлился высказать то, что они чувствовали, назвалъ по имени то, что они скрывали. Бойтся русскій человѣкъ обнаженія души своей.

Изъ Достоевскаго мы сдѣлали философа, сочинителя и „обоснователя“ нашихъ національныхъ убѣждений, какого-то „нѣмца“ русской идеи, почти Смердякова.

* *Прим. Редакции:* Письмо это получено редакціей со слѣдующей припиской: Хотя я совсѣмъ не литераторъ и, уже по своему возрасту, отставной отъ жизни человѣкъ, тѣмъ не менѣе не могъ не взяться на склонѣ дней за перо, не могъ не излить своего горестнаго раздумья въ этомъ „письмѣ въ редакцію“. Быть можетъ, думалось мнѣ, голосъ человѣка, одной ногой стоящаго въ могилѣ, будетъ услышанъ. Быть можетъ, мои безхитростныя увѣщанія скорѣе тронуть сердца заблудшихъ, чѣмъ замысловатая полемика заправскихъ газетчиковъ и журналистовъ. Но куда я ни обращался, ни одна редакція не соглашалась напечатать моего письма. Посмѣиваются и покачиваютъ головами. Прочитавъ въ газетахъ о предстоящемъ выходѣ новаго журнала „Лѣтопись“, я рѣшилъ прибѣгнуть къ вамъ. А вѣдь, вы, какъ люди еще не столь закоренѣвшіе въ литературѣ, не откажете старику, не лишите его послѣдняго утѣшенія. Вѣдь, не откажете?“

Редакція, съ своей стороны, считаетъ долгомъ присовокупить, что состраданіе къ почтенному автору явилось однимъ изъ главнѣйшихъ мотивовъ помѣщения „письма“, содержание котораго далеко не во всемъ совпадаетъ съ воззрѣніями редакціи.

Ибо что такое Смердяковъ, какъ не рыцарь разумныхъ убъ-
жденій, поклонникъ ума и умственности? Правда, о Смердяковѣ
мало сказать, что онъ почитаетъ умъ; слѣдуетъ еще прибавить:
почитаетъ по-лакейски. Однако, и это не всегда такъ.

Какъ всѣ признаютъ, высшую степень лакейства Смердяковъ
проявилъ въ своемъ отношеніи къ отечеству. — „Умная нація, —
разсуждаетъ, онъ — покорила бы очень даже глупую-сь“, — изъ-за
чего же тутъ волноваться? — Разсуждение отвратительное! разсуждение
гнусное! разсуждение недопустимое! Въ чемъ же, однако, вина
Смердякова: въ томъ ли, что онъ холопски исказилъ разумъ, или
въ томъ, что примѣнилъ его въ неподлежащемъ мѣстѣ?

Разъ признана большая посылка „торжество разумнаго —
всегда благо“, разъ дана малая посылка „нація А разумнѣе нации В“,
то какъ отвергнуться отъ смердяковского вывода? Логически отвер-
гнуться едва ли возможно. Итакъ, кто же лакей: Смердяковъ или
логика?

Лакейство Смердякова не въ томъ только, что онъ принижаетъ
разумъ и логику, а и въ томъ также, что всегда полагается на нихъ,
всегда разсуждаетъ, — разсуждаетъ даже тамъ, гдѣ разсуждение есть
преступление, гдѣ надо отдаться голосу чувства, нутра, вѣры.

И какъ не вспомнить опять проникновенныхъ словъ Василя Ва-
сильевича изъ тѣхъ же „Опавшихъ Листьевъ“ (стр. 83):

— „Счастливую и великую родину любить не велика вещь.

Мы ее должны любить именно, когда она слаба, унижена, на-
конецъ, глупа, наконецъ, даже порочна. Именно, именно,
когда наша „мать“ пьяна, и вся запуталась въ грѣхѣ, — мы
должны не отходить отъ нея“.

Вотъ это — подлинное, наше, нутряное! Вотъ это — „единое
на потребу“! Любовь нелицемѣрная, любовь преданнаго сына, лю-
бовь неразсуждающаго вѣрнаго до гроба раба!

Развѣ Фирсъ — старый, милый Фирсъ „Вишневаго Сада“ — развѣ
онъ любилъ своего барина по разсудку? За какія нибудь достоин-
ства? Служилъ ему ради выгоды? Нѣтъ. Чѣмъ слабѣе и безпо-
мощнѣе баринъ, чѣмъ ближе онъ къ разоренію, тѣмъ трогательнѣе
преданность Фирса, тѣмъ нерушимѣе готовность крѣпостнаго раба
душу свою положить за господина.

Не такъ служить лукавый вольный наемникъ. Онъ размыш-
ляетъ и высчитываетъ: гдѣ больше жалованья? У кого лучше ха-
рактеръ? Нанявшись къ одному господину, онъ уже засматривается
на другого, и втайнѣ ненавидитъ всѣхъ. Ибо его задушевная мечта —
самому стать баринкомъ.

Итакъ, только крѣпостная, не разсуждающая, Фирсова любовь
къ отечеству надежна, только она никогда не измѣнитъ.

Кто любить отечество „по убѣжденію“, кто оправдываетъ и
доказываетъ свой патриотизмъ, поддерживаегъ его въ другихъ,
взывая къ ихъ уму и расчету, — тотъ уже подпалъ подъ власть

Смердякова, и, если сейчасъ еще не измѣнникъ, то въ любой моментъ можетъ стать измѣнникомъ, и въ каждый моментъ — великій соблазнъ для соотечественниковъ.

Значить: или Фирсъ, или Смердяковъ? Tertium же, какъ говорится, non datur! Увы, datur: бываетъ и третье, — но избави насъ Богъ отъ него, особенно въ военное время.

Когда знаменитому астроному Тихо Браге пригрозили высылкой изъ отечества, онъ надменно заявилъ: „мое отечество вездѣ, гдѣ видны звѣзды“. Тутъ уже не расчетъ, не голосъ разсудка, а какое-то новое, невѣдомое намъ и ужасное нутро, — не Смердяковская умственность, а сатанинская гордыня. Та же гордыня, — но уже не спокойная, а буйственная, — составляла нутро нашего Бакунина; онъ могъ бы сказать про себя: мое отечество вездѣ, гдѣ пахнетъ бунтомъ.

Ангелы гордого Сатаны не опасны, пока они одиноко блуждаютъ среди народа, чтущаго отечественныя святыни. — Но вотъ, нѣсколькимъ изъ нихъ удалось было привить миллионамъ рабочаго люда свою гордыню, удалось внушить вѣру, что рабоче не имѣютъ отечества: „пролетарии всѣхъ странъ соединяйтесь!“ — несся погребальный звонъ по Европѣ.

Къ счастью, великая война разрушила этотъ кошмаръ. „Пролетарии всѣхъ странъ“ явили себя добрыми патриотами, безъ лести преданными каждый своей родинѣ, любящими свои отечества самоотверженной, безотчетной, истинно-фирсовой любовью. — И, что всего отраднѣе, Фирсъ проснулся не только въ душѣ рабочихъ, но и въ душѣ ихъ руководителей. У революционеровъ, которые столько лѣтъ клялись именемъ Маркса, мыслили діалектически и требовали всемірнаго социализма, оказались вдругъ простыя русскія мысли, вѣрныя русскія сердца, добрыя русскія души.

Вотъ — родоначальникъ русскаго марксизма, Г. В. Плехановъ! Онъ призываетъ нашихъ рабочихъ поддерживать правительство въ Думѣ, терпѣливо сносить обиды и притѣсненія фабрикантовъ, забыть о себѣ и помышлять только о побѣдѣ надъ нѣмцами. Вотъ неистовый социаль-демократъ и депутатъ второй Думы, Алексинскій! Такъ горяча, такъ беззаветна его преданность Россіи, что онъ не въ силахъ даже представить себѣ, чтобы честный человекъ могъ питать другія чувства... даже среди австрійскихъ подданныхъ, даже среди членовъ нѣмецкой социаль-демократической партіи не допускаетъ онъ иныхъ недоброжелателей нашего отечества, кромѣ лицъ, состоящихъ на жалованіи австро-германскаго генеральнаго штаба. Вотъ — ветеранъ русской революціи, Бурцевъ, не усомнившійся броситься въ объятія своей матери-родины, едва она очутилась въ опасности! И хотя справедливая мать, прежде всякихъ объятій, строго проучила этого сѣдовласаго шалуна за прежніе грѣшки, — чувства его не остыли. Онъ и понынѣ горитъ тѣмъ же восторгомъ,

на крыльяхъ котораго годъ тому назадъ несся по Швеции къ русской границѣ.

Милые, вѣрные, родные Фирсы! — Какъ было бы хорошо, какъ было бы отраднo и легко жить патриоту, если бы языкъ ихъ во всемъ соотвѣтствовалъ чувствамъ. Но, увы, этого нѣтъ. Не оставили они своего революшоннаго языкоблудія; даже святую любовь къ родинѣ стараются „обосновать“ лжеучениями международного социализма.

Не малую смуту поселяетъ это въ умахъ. И болѣе другихъ повиненъ въ ней милѣйшій изъ Фирсовъ, Георгій Валентиновичъ Плехановъ. — На первой же страницѣ своей брошюры „О войнѣ“ напоминаетъ онъ: „Я социаль-демократъ школы Маркса-Энгельса“. Марксъ и Энгельсъ разрѣшали служить отечеству, если оно ведетъ войну оборонительную. Поэтому и Плехановъ встаетъ на защиту нашей родины, поскольку она обороняется. На страницѣ 56 читаемъ: „я сочувствую своей родинѣ, когда она подвергается нападению, я не сочувствую ей, когда она нападаетъ“. Ей Богу! Такъ и напечатано, да еще курсивомъ: „я не сочувствую ей, когда она нападаетъ“.

Какъ же это такъ? Изъ помѣтки подъ эпиграфомъ видно, что авторъ писалъ вторую часть своей брошюры ранней весной. Въ это время часть нашей армій отражала натискъ нѣмцевъ въ Польшѣ, часть, присоединивъ къ нашимъ владѣниямъ Галицію, напала на австрійцевъ въ Карпатахъ. Что же, сочувствовалъ намъ тогда Георгій Валентиновичъ, или не сочувствовалъ? — По духу брошюры ясно, что сочувствовалъ вполнѣ, желалъ побѣды русскому оружію, воодушевлялъ рабочихъ къ борьбѣ за эту побѣду. По буквѣ брошюры выходитъ, что и сочувствовалъ, и не сочувствовалъ, — сочувствовалъ „постольку“, не сочувствовалъ „поскольку“.

Повторяю еще разъ: какъ же это такъ? и возможно ли такое чувство? Конечно, я не философъ: привыкъ думать по просту, по-русски, а не по правиламъ нѣмецкой диалектики, — и, быть можетъ, поэтому не способенъ понять всей тонкости чувства и мысли Георгія Валентиновича. Пусть такъ.

Но, голубчикъ, Георгій Валентиновичъ! Для кого же написана ваша брошюра, расходящаяся уже вторымъ изданіемъ? Неужели только для людей, посвятившихъ себя диалектикѣ? Вѣдь не „мыслить“ только о войнѣ, не „сочувствовать“ ей издали приходится тѣмъ сотнямъ рабочихъ, которые васъ читаютъ! Имъ надо дѣйствовать: своими руками, своей грудью отстаивать отечество. Какъ же дѣйствовать-то диалектически? — вотъ этого вы и не объяснили.

Представьте себѣ, что вашъ ученикъ-рабочій призванъ въ армию и сражается гдѣ-нибудь на юго-западномъ фронтѣ. Онъ знаетъ, что „поскольку мы обороняемся“, наше дѣло правое, — и дерется геройски, показываетъ своимъ товарищамъ образецъ воинской доб-

лести. Но вотъ, военное счастье опять улыбулось нашей арміи, она тѣснить врага, она снова занимаетъ Галицію. Всѣ радуются, всѣ торжествуютъ побѣду. Но чѣмъ сильнѣе ликование простыхъ русскихъ воиновъ, тѣмъ болѣе смущается душа ихъ товарища-плехановца...

Правда, Галиція уже тысячу лѣтъ тому назадъ принадлежала намъ. Слѣдовательно, присоединяя ее къ своимъ владѣніямъ, мы еще не ведемъ наступательной войны, а только охраняемъ, „обороняемъ“ отъ чужеземцевъ исконное достояніе Владимира Святого. Правда, „Новое Время“ разъяснило, что и за Карпатами лежатъ не чужія намъ страны, а наша же „Угорская Русь“. Такъ что, для человѣка, свѣдущаго въ наукахъ, не составляетъ большого труда подвести подъ Маркса-Энгельса и наши Червонныя, и наши Угорскія, и многія другія земли.

Но, вѣдь, это для васъ все столь легко и просто, почтенный Георгій Валентиновичъ, — для кабинетскаго ученаго, у котораго всегда подъ рукой и „Новое Время“, и разныя другія научныя пособия. — Откуда же узнать все это простому рабочему? Да и его ли дѣло заниматься географіей и народовѣдѣніемъ, когда нужно итти въ атаку. Какъ партійный вождь, вы сами человѣкъ не совсѣмъ штатскій и хорошо понимаете, что такое дисциплина, особливо воинская. Какъ же не подумали вы о томъ, что ваши неосторожныя слова о нападеніи и оборонѣ могутъ заронить въ душу воина ужасное сомнѣніе въ правотѣ его святого дѣла, могутъ героя превратить въ раба лѣниваго и лукаваго и даже, чего оборони Богъ, въ измѣнника и предателя.

Но оставимъ окопы. До нихъ далеко, до нихъ, надо надѣяться не дойдетъ ваша брошюра. Загляните къ намъ въ глубокой тыль, гдѣ ваши послѣдователи заняты мирной, но не менѣе важной работой. Вотъ они обтачиваютъ шрапнельные стаканы. Какъ же тутъ-то имъ примѣнить ваше учение? Взять что ли расписку съ интендантскаго вѣдомства, что снаряды ихъ изготовленія будутъ посылаться только на польскій или латышскій фронтъ, а отнюдь не на галиційскій?

Вѣдь это же смѣху достойно. Вотъ что значить на мѣсто Минина и Пожарскаго поставить Маркса и Энгельса!

Не ужасный и грозный Марксъ, а лукавый лакей Смердяковъ нашепталъ Георгію Валентиновичу эту хромую, эту, словно на костыляхъ ковыляющую, защиту отечества. — И, вѣдь, ясно, что не свои слова онъ здѣсь говорить. Подлинный, не мудрствующій лукаво, крѣпкій патриотизмъ чувствуется всюду между строкъ, прорывается мѣстами и на самыя строки:

„За кого же принимаютъ они меня! Я еще не опредѣлился на службу къ акуламъ германскаго имперіализма; я еще не вступилъ въ „Союзъ освобожденія Украины“. (Стр. 71.)

Вотъ, онъ вопль русской души! Вотъ онъ, неподдѣльный крикъ патриотическаго сердца! — Но нѣтъ сердцу простора, — такъ опутано оно Смердяковскими оговорочками, такъ оплетено Смердяковскими оглядочками... якобы, на Маркса.

И повторяется снова грустная библейская исторія. Какъ нѣкогда подслѣповатый Исаакъ, недоумѣвають патриоты земли русской: кто же это передъ нами? Душа и сердце Фирсовы, а голосъ Смердякова. Любимый ли это нашъ Исавъ, или лукавый Иаковъ, искусно прикрывшійся овечьей шкурой?

Скорбное и тяжкое раздумье!

Одинъ изъ недоумѣвающихъ.

КЪ ИСТОРИИ ВЕЛИКАГО СЕРДЦА.

Философъ - мистикъ Юнгъ - Штилингъ писалъ про Гете:
„Сердце Гете знали немногіе, но оно было такъ же велико,
какъ и его умъ, который знали всѣ.“

Это опредѣленіе еще съ большимъ правомъ можетъ быть
примѣнено къ Л. Н. Толстому. Выдержки изъ его дневниковъ,
печатаемыя здѣсь, могутъ служить этому самымъ яркимъ доказа-
тельствомъ.

Сестра Льва Николаевича, монахиня Марія Николаевна, раз-
сказывала мнѣ, что въ дѣтствѣ Л. Н. былъ удивительно нѣж-
нымъ и жизнерадостнымъ. Когда онъ, бывало, вбѣгалъ въ ком-
нату, все лицо его свѣтилось, какъ будто онъ готовъ былъ сооб-
щить какую-то удивительную и огромную радость. Въ то же
время онъ былъ чрезвычайно впечатлителенъ, и впечатлитель-
ность эта очень часто выражалась слезами, за что онъ и полу-
чилъ отъ братьевъ прозвище: „Лева-рева“.

Долгіе годы жизни, военная служба, пытливая работа ума,
все подвергавшаго безпощадной критикѣ, казалось, должны были
безъ остатка уничтожить въ мужественномъ сердцѣ мирового пи-
сателя любую дѣтскую нѣжность и страстную жажду любви и
ласки, какъ утѣшенія. И, дѣйствительно, въ глазахъ читателей
Левъ Толстой представлялся большею частью суровымъ проро-
комъ-обличителемъ, или человѣкомъ, поднявшимся выше земныхъ
страстей и съ высоты своего величія прощающимъ грѣшнымъ
людямъ ихъ заблужденія.

Когда мнѣ въ первый разъ пришлось быть у Толстого, я
нѣсколько боялся, что увижу въ немъ эту снисходительность да
еще вдобавокъ съ оттѣнкомъ елейности. Къ моей великой ра-
дости, елейности не оказалось и слѣда, но все-таки увидѣлъ я
тогда только внѣшняго Толстого. Увидѣлъ энергичнаго, живого
человѣка, съ непрекращающейся работой мысли, увидѣлъ боль-
шой своеобразный умъ и въ то же время нѣкоторую суровость.
Такимъ дѣловымъ человѣкомъ и оставался онъ долго въ моемъ
представленіи.

На самомъ же дѣлѣ за этой строгой внѣшностью скрывалась
голодная и жаждущая любви и ласки душа. Дѣтская нѣжность
гдѣ-то сохранилась въ душевныхъ тайникахъ и, не удовлетво-

ренная, напоминала иногда о себѣ и томила многогранную душу Толстого.

Въ записной книжечкѣ Льва Николаевича 1906 года находимъ слѣдующія строки, помѣченныя 10-мъ марта:

„Цѣлый день тупое, тоскливое состояніе. Къ вечеру состояніе это перешло въ умиленіе — желаніе ласки-любви. Хотѣлось, какъ съ дѣтьми, прильнуть къ любящему, жалѣющему существу и умиленно плакать и быть утѣшаемымъ.

„Но кто такое существо, къ которому бы я могъ прильнуть такъ? Перебираю всѣхъ любимыхъ мною людей, — ни одинъ не годится. Къ кому же прильнуть? . . . Сдѣлаться маленькимъ и — къ матери, какъ я представляю ее себѣ. Да, да, маменька, которую я никогда не называлъ, еще не умѣя говорить. Да, она высшее мое представленіе о чистой любви, но не холодной, божеской, а земной, теплой, материнской. Къ этой тянулась моя лучшая, уставшая душа. Ты, маменька, ты приласкай меня.

„Все это безумно, но все это правда.“

Записныя книжечки у Толстого являлись какъ бы преддверіями дневника. Мысль, пришедшая въ голову во время прогулки, въ дорогѣ или даже дома, записывалась сперва въ книжечку, а потомъ, если продолжала оставаться цѣнной для автора, переписывалась и, часто перерабатываясь, появлялась въ дневникѣ. Поэтому въ дневникахъ и встрѣчаются такъ часто выраженія: „Записано слѣдующее. . . Хотѣлъ записать изъ книжечки. . . Не выписываю изъ книжечки, но запишу то, что особенно живо пришло на умъ“ и т. д.

Къ дневникамъ у Толстого было особенное отношеніе. Это была, съ одной стороны, не работа, которую онъ считалъ себя обязаннымъ исполнить, какъ это было при писаніи статей религиозно-философскаго характера, въ которыхъ онъ стремился передать людямъ результаты своихъ исканій истины. Съ другой стороны, это не походило и на художественное творчество. Относительно работы беллетристическаго характера въ одномъ изъ своихъ писемъ ко мнѣ Толстой писалъ: „Напрашивается художественная работа, но ею надо заниматься мнѣ только тогда, когда она такъ же неустраима, какъ кашель“.

Дневникъ былъ на особомъ положеніи. — его можно было и писать, и не писать. Онъ былъ какъ бы подведеніемъ итоговъ душевной жизни за извѣстный періодъ или промежутокъ времени. Подведеніе итоговъ, конечно, можно откладывать на тотъ или иной срокъ.

Но дневникъ былъ очень дорогъ Толстому. Въ сознаниі его постепенно укоренилась сама собою мысль, что и дневникъ есть нѣчто обязательное, и мы встрѣчаемъ иногда въ немъ такія выраженія: „Ровно мѣсяць не писалъ. . . Страшно подумать, сколько прошло времени: полтора мѣсяца. . . Батюшки, сколько дней пропустилъ“.

Неприятно бывало Толстому, когда окружающе его читали

его дневникъ, узнавая такимъ образомъ, какая работа совершалась въ душевныхъ тайникахъ. Онъ отмѣчаетъ коротко: „Испортили мнѣ и дневникъ, пишу въ виду возможности чтенія живыми.“ Но человекъ ко многому приспособляется. Толстой все-таки не прекратилъ дневника и даже не измѣнилъ его характера. Только самое интимное не проходило изъ записной книжечки въ дневникъ. Толстой былъ болѣе чѣмъ скромнаго мнѣнія о своихъ писанiяхъ. Онъ говорилъ, что лишь въ рѣдкихъ случаяхъ являлся какъ бы проводникомъ высшей силы, проводникомъ несовершеннымъ, искажающимъ по своей слабости ея величiя. Но онъ не могъ не сознавать, что, какъ бы онъ ни былъ плохъ въ своихъ глазахъ, все-таки его душевный опытъ, его умственная работа за послѣднiя тридцать лѣтъ въ освѣщенiи его религиознаго жизнепониманiя можетъ быть полезной людямъ. А такъ какъ все это отражалось изо дня въ день въ дневникахъ, то онъ и не могъ не придавать имъ самаго серьезнаго значенiя. Поэтому онъ очень дорожилъ дневниками и завѣщалъ своему другу В. Г. Черткову издать изъ нихъ то, что можетъ быть полезно людямъ.

Въ этихъ дневникахъ съ особенной яркостью вырисовывается та душевная драма, которая десятки лѣтъ мучила Толстого и, въ концѣ концовъ, привела его къ уходу изъ Ясной Поляны.

Чужимъ и одинокимъ чувствовалъ себя очень часто Толстой среди того класса общества, къ которому онъ принадлежалъ, и въ то же время его тянуло къ простому народу, который онъ любилъ всѣми силами своей жаждущей правды души. За годъ до своей смерти, онъ писалъ мнѣ:

„Отъ того ли, что то, что я испытываю, обще моему старческому возрасту, или отъ того, что интересы мои ничего не имѣютъ общаго съ тѣми, которые движутъ людьми, совершающими тѣ дѣла, отъ которыхъ и вы, между прочимъ, должны лишиться внѣшней свободы, или отъ того, что ужъ очень бессмысленна жизнь людей, дѣлающихъ эти дѣла, я все чаще и чаще испытываю желанiе уйти изъ этого неловкаго положенiя не только непониманiя, но сознанiя совершенной невозможности понять мотивъ дѣятельности разумныхъ существъ и быть понятому ими.

Если бы я былъ молодъ, это было бы побужденiемъ къ художественному изображенiю, которое одно возможно при такихъ условiяхъ. Теперь же хочется только уйти.“

Это желанiе уйти, это „святое недовольство“, это тяготѣнiе къ рабочему народу красной нитью проходитъ черезъ дневники Толстого. Появленiе въ печати этихъ дневниковъ является однимъ изъ послѣднихъ необходимыхъ штриховъ для выясненiя истиннаго образа великаго писателя и человека.

А. Хирьяковъ.

ДНЕВНИКЪ Л. Н. ТОЛСТОГО.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ А. М. ХИРЬЯКОВА *.

Продолжаю ¹ 28 октября 1895. Ясная Поляна. —

Думалъ одно: то, что жизнь та, которую мы видимъ вокругъ себя, есть движеніе вещества по опредѣленнымъ, извѣстнымъ законамъ; въ себѣ же мы чувствуемъ присутствіе совершенно другого, не имѣющаго ничего общаго съ тѣми, закона, требующаго отъ насъ выполненія своихъ требованій. Можно сказать, что мы видимъ, познаемъ всѣ другіе законы только потому, что въ насъ есть этотъ законъ. Если бы мы не сознавали этого закона, мы не познавали бы и тѣхъ.

Законъ этотъ отличается отъ всѣхъ остальныхъ, главное, тѣмъ, что тѣ законы внѣ насъ и принуждаютъ насъ къ своему повиновенію; этотъ же законъ въ насъ самихъ, — больше чѣмъ въ насъ: онъ есть сами мы, и потому онъ не принуждаетъ насъ, когда мы слѣдуемъ ему, а, напротивъ, освобождаетъ насъ, потому что, слѣдуя ему, мы становимся сами собою. И потому насъ влечетъ къ тому, чтобы исполнить этотъ законъ, и мы неизбѣжно рано или поздно исполнимъ его. Въ этомъ и состоитъ свобода воли. Свобода эта состоитъ въ томъ, чтобы признать то, что есть, — именно то, что этотъ внутренній законъ есть мы сами.

Внутренній законъ есть то, что мы называемъ разумъ, совѣсть, любовь, добро, Богъ. Слова эти имѣютъ различныя значенія, но всѣ, съ разныхъ сторонъ, опредѣляютъ одно и то же. Въ этомъ признаніи собою этого внутренняго закона, сына Божія, и состоитъ сущность христіанскаго ученія.

На міръ можно смотрѣть такъ: существуетъ міръ, управляемый опредѣленными, извѣстными законами, и среди этого міра есть существа, подчиненныя этимъ законамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ носящія въ себѣ другой, несогласный съ прежними законами міра, высшій законъ, и законъ этотъ неизбѣжно долженъ восторже-

* Полностью дневникъ печатается В. Г. Чертковымъ въ отдѣльномъ изданіи съ обширными примѣчаніями, изъ которыхъ нѣкоторыя взяты и въ поясненіе печатаемыхъ здѣсь отрывковъ.

ствовать въ этихъ существахъ и побѣдить законъ низшии. И въ этой борьбѣ и постепенной побѣдѣ высшаго закона надъ низшимъ, въ этомъ только жизнь и людей, и всего міра.

29 октября 95. Ясная Поляна. Е. б. ж. ²

5 ноября 95. Я. П.

Какъ будто приближаюсь къ ясному и простому выраженію того, чѣмъ живу. Какъ хорошо, что я не кончилъ катехизиса ³! Похоже, что напишу иначе и лучше, если хочетъ Отецъ. Понимаю, почему нельзя этого сказать скоро. Если бы сказалося это сразу, то чѣмъ бы жить въ области мысли? Дальше этой задачи уже мнѣ не пойти.

7 декабря 95. Москва.

Думалъ за это время много — по значенію.

1) Я часто желалъ пострадать, желалъ гоненія. Это значить, что я былъ лѣнивъ и не хотѣлъ работать, а чтобы другіе за меня работали, мучая меня, а мнѣ только терпѣть.

2) Ужасно то извращеніе разума, которому для своихъ личныхъ цѣлей подвергаютъ (1)* дѣтей во время ихъ воспитанія. Царство сознательнаго матерьялизма объясняется только этимъ. Ребенку внушаются такія бессмыслицы, что потомъ матерьялистическое, ограниченное, ложное пониманіе, не доведенное до своихъ, обличающихъ невѣрность пониманія, выводовъ, представляется огромнымъ приобрѣтеніемъ разума.

3) Записано: *Насиліе освобождаетъ, и что-то было очень ясное и важное, и теперь совсѣмъ не помню что.*

Вспомнилъ. 23 декабря. Насиліе соблазнительно потому, что оно освобождаетъ отъ усилія вниманія, отъ работы разума. Надо потрудиться развязать узелъ; оборвать — короче.

4) Обычное извращеніе разума, совершаемое насильственно навязанной вѣрой, таково, что человѣкъ довольствуется либо идолопоклонствомъ, либо матерьялизмомъ, что въ сущности одно и то же. Вѣра въ реальность нашего представленія есть вѣра въ идола, и послѣдствія тѣ же: надо приносить ему жертвы.

5) Я могу себѣ представить до такой степени перенесенное на жизнь духа сознание, что страданія тѣла встрѣчаются радостно.

6) Красивая женщина улыбается, и мы думаемъ, что потому, что она улыбается, правда и хорошо, то что она говоритъ, когда она улыбается. А часто улыбка приправляетъ совсѣмъ гнилое.

* Гнутыми скобками ( ) съ цифрами въ срединѣ обозначено количество словъ пропущенныхъ редакторами дневниковъ по цензурнымъ соображеніямъ.

7) Воспитаніе. Стѣдуетъ заняться воспитаніемъ, чтобы увидать всѣ свои прорѣхи. А увидавъ, начинаешь исправлять ихъ. А исправлять самого себя и есть наилучшее средство воспитанія своихъ и чужихъ дѣтей и большихъ людей.

Сейчасъ читалъ письмо Шкарвана⁴ о томъ, что медицинская помощь не представляется ему добромъ, что продолженіе многихъ пустыхъ жизней на многія сотни лѣтъ гораздо меньше важно, чѣмъ самое слабое дугіе; какъ онъ пишетъ, (дуновеніе) на искру божеской любви въ сердцѣ другого. Вотъ въ этомъ дугіи и лежитъ все искусство воспитанія. А чтобы раздуть въ другихъ, надо раздуть въ себѣ.

8) Любить значитъ желать того, чего желаетъ любимый предметъ. Желаютъ предметы любви противоположнаго, и потому любить можно то, что желаетъ одного и того же. Желаетъ же одного и того же — Богъ.

9) Человѣкъ, начиная жить, любить только себя и отдѣляетъ себя отъ другихъ существъ тѣмъ, что онъ любить не переставая то, что составляетъ только его существо. Но какъ только онъ сознаетъ себя отдѣльнымъ существомъ, онъ сознаетъ и свою любовь и не довольствуется любовью къ себѣ и начинаетъ любить другія существа. И чѣмъ больше онъ живетъ сознательной жизнью, тѣмъ большее и большее количество существъ онъ начинаетъ любить, хотя и не такой прочной и неперестающей любовью, которой онъ любитъ себя, но все-таки такъ, что онъ желаетъ блага всему тому, что онъ любитъ, и радуется этому благу и страдаетъ отъ зла, которое испытываютъ любимыя имъ существа, и соединяетъ воедино все то, что онъ любитъ.

Такъ какъ жизнь есть любовь, то почему не предположить, что мое я, то, что я считаю собою и люблю исключительной любовью, не было такое же соединеніе любимыхъ мною предметовъ въ прежней жизни, какъ и то соединеніе этихъ предметовъ, которое я дѣлаю теперь? То совершилось уже, а это совершается.

Жизнь есть увеличеніе любви, расширеніе своихъ предѣловъ, и это расширеніе совершается въ разныхъ жизняхъ. Въ теперешней жизни это расширеніе представляется мнѣ въ видѣ любви. Это расширеніе нужно для моей внутренней жизни, и оно же нужно для жизни этого міра. Но жизнь моя можетъ проявляться не въ одной этой формѣ. Она проявляется въ безчисленномъ количествѣ формъ. Мнѣ видна только эта.

А между тѣмъ, движеніе жизни, понятное мнѣ въ этомъ мірѣ увеличеніемъ любви во мнѣ и единеніемъ существъ любовью, въ то же время производитъ и другія, одно или многія, невидимыя мною дѣйствія. Какъ, напримѣръ, я составляю 8 кубиковъ въ картину на одной сторонѣ ихъ, и не вижу другихъ сторонъ составнаго куба, но на другихъ сторонахъ составляются такія же правильныя, невидимыя мнѣ картины.

Все это было очень ясно, когда пришло мнѣ въ голову, теперь же все забылось, и вышла чепуха.

10) Много думалъ о Богѣ, о сущности своей жизни и, казалось, только сомнѣвался и въ томъ и въ другомъ и повѣрялъ свои доводы; и потомъ, недавно, разъ просто захотѣлось опереться на вѣру въ Бога и въ неистребимость своей души, и, къ удивленію моему, почувствовалъ такую твердую, спокойную увѣренность, которую никогда прежде не чувствовалъ. Такъ что всѣ сомнѣнія и провѣрки, очевидно, не только не ослабили, но въ огромной степени утвердили вѣру.

11) Разумъ данъ не на то, чтобы познать, что надо любить: этого онъ не покажетъ, а только на то, чтобы указать, чего не надо любить.

12) Какъ во всякомъ мастерствѣ главное искусство не въ томъ, чтобы правильно работать заново извѣстные предметы, а въ томъ, чтобы поправлять всегда неизбѣжныя ошибки неправильной, испорченной работы, такъ и въ дѣлѣ жизни главная мудрость не въ томъ, что дѣлать сначала и какъ правильно вести жизнь, а въ томъ, чтобы поправлять ошибки, осовобождаться отъ заблуждений и соблазновъ.

13) Счастье есть удовлетворение требованій существа человѣка, живущаго отъ рожденія и до смерти только въ этомъ мірѣ; благо же есть удовлетвореніе требованій вѣчной сущности, живущей въ человѣкѣ.

14) Сущность ученія Христа въ томъ, чтобы человѣкъ узналъ, кто онъ; чтобы онъ, какъ птица, не пользующаяся своими крыльями, бѣгающая по землѣ, понялъ, что онъ — не смертное животное, зависящее отъ условій міра, а какъ птица, понявшая, что у нея есть крылья, и повѣрившая въ нихъ, понялъ бы, что онъ, самъ онъ, никогда не рождался и не умиралъ, а всегда есть, и проходить въ этомъ мірѣ только одну изъ безчисленныхъ формъ жизни для исполненія воли Того, Кто послалъ его въ эту жизнь.

Нынче 23 декабря 95. Москва.

Думалъ за это время:

1) Особенно ясно думалъ уже много разъ высказанное: то, что все зло міра только отъ того, что люди считаютъ себя, свою личность достойной цѣлью сознательной жизни, — себя или совокупность личностей, все равно.

Пока человѣкъ живетъ для себя безсознательно, онъ не дѣлаетъ зла. Если и есть борьба, то борьба безсознательная, которая сейчасъ же кончается, какъ кончается борьба съ средой: человѣкъ приспособливается къ ней или погибаетъ, — и борьба эта не жестока и не есть зло. Борьба начинаетъ быть жестока только тогда, когда человѣкъ на нее направляетъ свое сознание,

приготавливаетъ ее, усиливаетъ, удесятерляетъ, усотеряетъ ея энергію.

2) Все дѣло въ томъ, чтобы всегда помнить, кто ты. Нѣтъ такого труднаго положенія, изъ котораго сейчасъ бы не представился выходъ, если только вспомнишь, что ты — не временное матеріальное проявленіе, а вѣчная, вездѣсущая сущность. «Я воскресеніе и жизнь. Вѣрующій въ меня не умретъ во вѣкъ, а если и умретъ — оживетъ. Вѣришь ли ты сему?»

Я шелъ по улицѣ. Нищій жалкій просить. Я забылъ, кто я, и прошелъ мимо. И потомъ вдругъ вспомнилъ, и такъ же естественно, какъ голодный станетъ ѣсть, усталый сядетъ, я вернулся и подалъ. То же въ поползновеніяхъ ссоры, обиды, тщеславія.

3) Нельзя перестать по своей волѣ бодрствовать, т. е. заснуть. Точно такъ же нельзя по своей волѣ перестать жить. Жизнь главнѣе воли, желанія. (Неясно).

4) Наслажденія плоти бери съ благодарностью, всѣ, какія попадаютъ тебѣ на пути, если только они не грѣшны, — короче, не противны твоему сознанию, не заставляютъ его страдать. Усилія же воли, свободу свою употребляй только на служеніе Богу.

23 января 1896. Москва.

Записано за это время:

1). Истинное художественное произведеніе — заразительное — производится только тогда, когда художникъ ищетъ, стремится. Въ поэзіи эта страсть къ изображенію того, что есть, происходитъ отъ того, что художникъ надѣется, ясно увидавъ, закрѣпивъ то, что есть, понять смыслъ того, что есть.

2). У всякаго искусства есть два отступленія отъ пути: прошлость и искусственность. Между обѣими — только узкій путь. И узкій путь этого опредѣляется порывомъ. Есть порывъ и направленіе, то минуешь обѣ опасности. Изъ двухъ страшнѣй: искусственность.

3) Нельзя заставить умъ разбирать и уяснять то, чего не хочетъ сердце.

4) Дурно, когда умъ хочетъ дать эгоистическимъ стремленіямъ значеніе добродѣтели.

26 января 96. Москва.

Всегда ново и значительно — смерть. Подумаль: на театрѣ изображаютъ смерть, — производитъ ли она $\frac{1}{1\,000\,000}$ того впечатлѣнія, которое производитъ близость настоящей смерти?

Сегодня 13 февраля. Москва. 96.

Думаль за это время (многое забылъ и не записалъ):

1) Ахъ, кабы ни на минуту не забывать смерть, въ которую всякую минуту можешь соскользнуть. Коли бы помнить, что мы не стоимъ на ровной плоскости (если думать, что стоимъ, то тогда

только представляется, что ушедшій оборвался, и самъ боишься оборваться), а катимся, не переставая, сталкиваясь, обгоняя и будучи обгоняемы, туда, за завѣсу, которая скрываетъ отъ насъ уходящихъ и скроетъ насъ отъ остающихся. Если помнить это всегда, то какъ легко и радостно жить и вмѣстѣ катиться туда, по той же покатости, во власти того же Бога, у котораго были, во власти котораго мы теперь и будемъ послѣ и всегда. Очень живо чувствовалъ это.

2) Нѣтъ болѣе убѣдительнаго доказательства существованія Бога, какъ свойство души, по которому мы можемъ переноситься въ другія существа. Изъ этого свойства вытекаетъ и любовь и разумъ. А и то, и другое не въ насъ, а внѣ насъ, и мы только совпадаемъ съ ними. (Неясно.)

3) Возможность убить себя есть просторъ, данный людямъ. Богъ не хотѣлъ рабовъ въ этой жизни, а свободныхъ работниковъ. Если остаешься въ этой жизни, то, значитъ, условия для тебя выгодны. А выгодны — работой. Если же уйдешь отъ условий здѣсь, убьешься, то тамъ опять предложатъ тебѣ такія же. Такъ что уйти некуда.

Хорошо бы написать исторію того, что переживаетъ въ этой жизни тотъ, кто убилъ себя въ предшествующей: какъ онъ, натываясь на тѣ же требованія, которыя ему предлагались въ той, приходитъ къ сознанию, что надо исполнить. И въ этой жизни понятливѣе другихъ, помня данный урокъ.

Нынче 22 февраля 96. Никольское, у Олсуфьевыхъ ⁵.

Уже больше недѣли чувствую упадокъ духа. Нѣтъ жизни, ничего не могу работать. Отецъ моей и всякой жизни! Если дѣло мое кончено здѣсь, какъ я начинаю думать, и испытываемое мною прекращение духовной жизни означаетъ совершающіися переходъ въ ту, иную жизнь, — что я уже начинаю жить тамъ, а здѣсь понемногу убирается этотъ остатокъ, — то укажи мнѣ это явственно, чтобы я не искалъ, не тужился; а то мнѣ кажется, что у меня много задуманныхъ хорошихъ плановъ, а мнѣ нѣтъ возможности не только исполнить все, — это я знаю, что не нужно думать, — но хоть дѣлать что-нибудь доброе, угодное Тебѣ, пока я живу здѣсь. Или дай мнѣ силы работать съ сознаниемъ служенія Тебѣ. Впрочемъ, да будетъ Твоя воля. Если бы только я всегда чувствовалъ, что жизнь только въ исполненіи Твоей воли, я бы не сомнѣвался. А то сомнѣніе оттого, что я закусываю удила и не чувствую поводьевъ.

Нынче 27 февраля 96. Никольское.

Думаль:

1) Записано о томъ, что есть два искусства. Теперь обдумываю и не нахожу яснаго выраженія своей мысли. Тогда думаль

я то, что есть искусство, какъ вѣрно опредѣляютъ его, происшедшее отъ игры, отъ потребности всякаго существа играть. Игра теленка — прыжки, игра человѣка — симфонія, картина, поэма, романъ.

Это — одно искусство, искусство играть и придумывать новыя игры, исполнять старое и сочинять. Это — дѣло хорошее, полезное и цѣнное, потому что увеличиваетъ радости человѣка. Но понятно, что заниматься игрою можно только тогда, когда сытъ. Такъ и общество можетъ заниматься искусствомъ только тогда, когда всѣ члены его сыты. И пока всѣ члены не сыты, не можетъ быть настоящаго искусства, а будетъ искусство пресыщенныхъ—уродливое, [и] * искусство голодныхъ—грубое, жалкое; какъ оно и есть. И потому въ этомъ первомъ родѣ искусства — игры — цѣнно только то искусство, которое доступно всѣмъ, увеличиваетъ радости всѣхъ.

Если оно таково, то оно не дурное дѣло, въ особенности если оно не требуетъ увеличенія труда утнетенныхъ, какъ это происходитъ теперь.

(Можно бы и нужно бы лучше выразить).

Но есть еще другое искусство, которое *вызываетъ въ людяхъ лучшія и высшія чувства*. Сейчасъ написалъ это, — то, что я говорилъ не разъ, — и думаю, что это неправда. Искусство только одно и состоитъ въ томъ, чтобы увеличивать радости безгрѣшныя, общія, доступныя всѣмъ, — благо человѣка. Хорошее зданіе, веселая картина, пѣсня, сказка даетъ небольшое благо; возбужденіе религіознаго чувства — любви къ добру, производимое драмой, картиной, пѣніемъ, даетъ большое благо.

2-е), что я думалъ объ искусствѣ, это то, что ни въ чемъ такъ не вредитъ консерватизмъ, какъ въ искусствѣ. Искусство есть одно изъ проявленій духовной жизни человѣка, и потому, какъ если животное живо, оно дышитъ, выдѣляетъ продукты дыханія, такъ если человѣчество живо, оно проявляетъ дѣятельность искусства. И потому въ каждый данный моментъ оно должно быть современно, — искусство нашего времени. Только надо знать, гдѣ оно (не въ декадентахъ музыки, поэзіи, романа); но искать его надо не въ прошедшемъ, а въ настоящемъ. Люди, желающіе себя показать знатоками искусства и для этого восхваляющіе прошедшее искусство классическое и бранящіе современное, этимъ только показываютъ, что они не чутки къ искусству.

3) Рачинскій говорить: «Замѣтьте, что въ одно время съ распространившимся употребленіемъ наркотиковъ, съ 17-го вѣка, начались и поразительные успѣхи наукъ, въ особенности естественныхъ». — Не отъ этого ли, я говорю ему, и произошло ложное направленіе науки, изученіе того, что ненужно человѣку, а

* Въ простыя прямыя скобки включены редакционные вставки.

есть предметъ празднаго любопытства, или нужно, но не есть единое на потребу? Не отъ этого ли заброшено такъ именно съ этого времени единое на потребу, т.-е. рѣшеніе вопросовъ нравственныхъ и приложение ихъ къ жизни?

4) Знаніе историческое того, какъ возникаютъ различные мнѣя и вѣрованія въ народахъ, въ различныхъ мѣстахъ и въ различное время, казалось бы, должно уничтожить вѣру въ то, что тѣ мнѣя и тѣ вѣрованія, которые намъ привиты съ дѣтства, составляютъ абсолютную истину; а между тѣмъ, такъ называемые образованные люди въ это вѣрятъ. Какъ, значитъ, поверхностно образование такъ называемыхъ образованныхъ!

Нынче 6 марта 96. Никольское.

Очень важное. Лежалъ, засыпая; вдругъ точно что-то обрвалось въ сердцѣ. Подумалъ: такъ приходитъ смерть отъ разрыва сердца, и остался спокоенъ, — ни огорченія, ни радости, но блаженно спокоенъ: здѣсь ли, тамъ ли, я знаю, что мнѣ хорошо, то, что должно, какъ ребенокъ на рукахъ матери, подкинувшей его, не перестаетъ радостно улыбаться, зная, что онъ въ ея любящихъ рукахъ.

И подумалъ: отчего это такъ теперь, а прежде не было? Оттого, что я прежде не жилъ жизнью всей, а жилъ только жизнью здѣшной. Чтобы вѣрить въ безсмертіе, надо жить безсмертной жизнью здѣсь. Можно идти ногами и не видѣть передъ собой пропасть, которую нельзя перейти, и можно подняться на крыльяхъ...

(Не выходитъ, и не хочется думать).

3 мая 96. Я. П.

Нынче работалъ изложеніе вѣры.

1) «Приди и вселися въ ны и очисти ны отъ всякія скверны...» Напротивъ: очисти самъ свою душу отъ скверны, и Онъ придетъ и вселится въ тебя. Онъ только и ждетъ этого, — какъ вода утекаетъ въ тебя по мѣрѣ освобожденія мѣста. «Вселися въ ны». Какъ мучительно одиноко безъ Тебя, испытывалъ это эти дни, — и какъ спокойно, твердо, радостно, никого и ничего не нужно съ Тобой. Не оставляй меня!

Нельзя молиться. Его языкъ другой, чѣмъ тотъ, на которомъ я говорю, но Онъ пойметъ и переведетъ на свой, когда я говорю: помоги мнѣ, приди ко мнѣ, не оставляй меня.

Тутъ же и впалъ въ противорѣчіе. Говорю: надо очиститься, тогда Онъ войдетъ; а я, не очистившись еще, зову Его.

4 мая. Е. б. жить еще здѣсь. Я. П.

5 мая.

Та же общая отчаянность. И мнѣ грустно. Причина одна: выставлено высшее нравственное требованіе. Во имя его отверг-

нута все, что ниже его. А ему не послѣдовано. Я 15 лѣтъ тому назадъ предлагалъ отдать большую часть имѣнія, жить въ четырехъ комнатахъ.

Нынче ѣхалъ мимо Гиля ⁶, думалъ: съ малымъ капиталомъ невыгодно никакое предпріятіе. Чѣмъ больше капиталъ, тѣмъ выгоднѣе: меньше расходовъ. Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы, по Марксу, капитализмъ привелъ къ социализму. Пожалуй, онъ и приведетъ, но только къ насильственному. Рабочие будутъ вынуждены работать вмѣстѣ, и работать будутъ меньше, и плата будетъ больше, но будетъ то же рабство. Надо, чтобы люди свободно работали сообща, выучились работать другъ для друга, а капитализмъ не научаетъ ихъ этому, напротивъ, научаетъ ихъ зависти, жадности, эгоизму. И потому изъ насильственного сообщенія черезъ капитализмъ можетъ улучшиться матеріальное положеніе рабочихъ, но никакъ не можетъ установиться ихъ довольство. Довольство можетъ установиться только черезъ свободное сообщеніе рабочихъ. А для этого нужно учиться общаться, нравственно совершенствоваться, охотно служить другимъ, не обижаясь на то, что не встрѣчаешь возмездія. А учиться этому можно никакъ не при капиталистическомъ соревновательномъ устройствѣ, а при совершенно другомъ.

17 мая 96. Я. П.

2) Читалъ о Грановскомъ. У насъ въ литературѣ принято говорить, что въ царствованіе Николая были такія условія, что великія мысли не могли проявляться. (Грановскій плачется на это и другіе). Да мыслей-то не было настоящихъ. Это все самообманъ. Если бы всѣ Грановскіе, Бѣлинскіе и прочіе имѣли что сказать, они сказали бы, несмотря ни на какія препятствія. Доказательство — Герценъ. Онъ уѣхалъ за границу и, несмотря на свой огромный талантъ, что же онъ сказалъ новаго, нужнаго? Всѣ эти Грановскіе, Бѣлинскіе, Чернышевскіе, Добролюбовы, произведенные въ великіе люди, должны благодарить правительство и цензуру, безъ которыхъ они бы были самыми незамѣтными фельетонистами.

Можетъ быть, въ нихъ, въ Бѣлинскомъ, Грановскомъ и другихъ неизвѣстныхъ, и было что-нибудь настоящее, но они все въ себѣ задушили тѣмъ, что воображали, что имъ надо служить обществу въ формахъ общественной жизни, а не служить Богу исповѣданіемъ истины и проповѣданіемъ ея безъ всякой заботы о формахъ общественной жизни. Было бы содержаніе, а формы сами собой сложатся.

Люди, поступающіе такъ, т.-е. свое стремленіе къ истинѣ приурочивающіе къ существующимъ формамъ общества, подобны существу, которому даны были бы крылья для того, чтобы летать, не зная препятствій, и которое бы употребляло эти крылья для того, чтобы помогать себѣ ходить. Такое существо не до-

стигло бы своей цѣли, — всякое препятствіе остановило бы его, — и крылья бы испортило. А потомъ это существо жаловалось бы на то, что его задержали, и съ грустью говорило бы (какъ Грановскій), что оно далеко бы пошло, если бы его не задержали препятствія.

Свойства истинной духовной дѣятельности таковы, что ее нельзя задержать. Если она задерживается, то это значитъ только то, что она не настоящая.

5) Человѣку кажется, что его животное, это — самое его существо, а духовная жизнь есть произведение этого животного, — такъ же, какъ человѣку, плывущему на лодкѣ, кажется, что онъ стоитъ, а бѣжить берегъ со всей землей.

6) Есть доброта, которая хочетъ пользоваться выгодами доброты, а не нести невыгоды ея. Это доброта животная.

7) Христіанская истина, говорятъ, не можетъ быть доказана, надобно вѣрить. Точно какъ будто легче убѣдиться въ истинности бессмысленнаго, чѣмъ разумаго. Зачѣмъ лишать христіанство убѣдительности? Зачѣмъ?

8) Природа, говорятъ, эконома своими силами: при наименьшемъ усилии достигаетъ наибольшихъ результатовъ. Такъ же и Богъ. Для того, чтобы установить въ мірѣ Царство Божіе, — единенія, служенія другъ другу, — и уничтожить вражду, Богу не нужно дѣлать это самому. Онъ вложилъ въ человѣка свой разумъ, освобождающій въ человѣкѣ любовь, и все, чего Онъ хочетъ, будетъ сдѣлано человѣкомъ. Богъ дѣлаетъ свое дѣло черезъ насъ. А времени для Бога нѣтъ, или есть безконечное. Вложивъ въ человѣка разумную любовь, Онъ уже все сдѣлалъ.

Для чего Онъ сдѣлалъ это такъ, черезъ человѣка, а не самъ? Вопросъ глупый и такой, который никогда не пришелъ бы въ голову, если бы мы всѣ не были испорчены нелѣпымъ суевѣріемъ (3).

9) Одно изъ мучительнѣйшихъ духовныхъ страданій есть непониманіе тебя людьми, когда чувствуешь себя безнадежно одинокимъ съ своими мыслями. Утѣшеніе въ томъ, что знаешь, что то самое, чего не понимаютъ въ тебѣ люди, понимаетъ Богъ.

16) Почему люди такъ страстно держатся семейнаго начала: произведенія и воспитанія дѣтей? Потому что для человѣка, не перенесшаго свое сознание изъ отдѣльнаго существа въ Бога, это — единственное, кажущееся удовлетворительнымъ, объясненіе смысла жизни.

17) Смысль жизни открывается человѣку, когда онъ признаетъ собою свою божественную сущность, заключенную въ тѣлесную оболочку. Смысль этотъ въ томъ, что существо это, стремясь къ своему освобожденію, расширенію области любви, совершаетъ этимъ расширеніемъ дѣло Божіе, состоящее въ установленіи Царства Божья на землѣ.

18) Насиліе не можетъ ни ослабить, ни усилить духовное движеніе. Воздѣйствовать на духовную дѣятельность силой — все равно, что ловить лучи солнца: чѣмъ бы ни закрыли ихъ, они будутъ сверху.

22) Въ послѣднее время я сталъ чувствовать такую твердость и силу — не свою, а того дѣла Божья, которому хочу служить, что мнѣ странно раздраженіе, укору, насмѣшки надъ людьми, враждебными дѣлу Божьему: они жалки, трогательны.

23) Мірѣ, живущій безсознательно, и человѣкъ въ періодъ своего дѣтства дѣлали безсознательно дѣло Божье. Пробудившись къ сознанию, онъ дѣлаетъ его сознательно. При столкновении двухъ способовъ служенія, человѣкъ долженъ знать, что безсознательное переходитъ и перейдетъ въ сознательное, а не наоборотъ, и что поэтому надо отдаваться будущему, а не прошедшему. (Глупо).

28 мая 1896. Ясн. Пол. 12 час., полдень.

Уже нѣсколько дней бьюсь съ своей работой⁷ — и не подвигаюсь. Сплю. Хотѣлъ кое-какъ начерно довести до конца, но никакъ не могу. Дурное расположеніе духа, усиливаемое пустотой, бѣдной, самодовольной, холодной пустотой окружающей жизни.

За это время думалъ:

1) Удивительно, какъ много людей видятъ какой-то неразрѣшимый вопросъ въ злѣ. Я никогда не видѣлъ вопроса. Для меня теперь совершенно ясно, что то, что мы называемъ зломъ, есть то благо, дѣйствія котораго мы еще не видимъ.

2) Стихотворенія Малларме и др. Мы, не понимая ихъ, смѣло говоримъ, что это — вздоръ, что это — поэзія, забредшая въ тупой уголъ. Почему же, слушая музыку непонятную и столь же бессмысленную, мы смѣло не говоримъ того же, а съ робостью говоримъ: да, можетъ быть это надо понять, подготовиться и т. п. Это — вздоръ. Всякое произведеніе искусства только тогда произведеніе искусства, когда оно понятно, — не говорю: всѣмъ, но людямъ, стоящимъ на извѣстномъ уровнѣ образованія, томъ самомъ, на которомъ стоитъ человѣкъ, читающій стихотворенія и судящій о нихъ.

Это разсужденіе привело меня къ совершенно опредѣленному выводу о томъ, что музыка раньше другихъ искусствъ (декадентства въ поэзіи и символизма и пр. въ живописи) сбилась съ дороги и забрела въ тупикъ. И свернувшій ее съ дороги былъ гениальный музыкантъ Бетховенъ. Главное — авторитеты и лишенные эстетическаго чувства люди, судящіе объ искусствѣ.

Гете? Шекспиръ? Все, что подъ ихъ именемъ, все должно быть хорошо, и on se bat les flaps, чтобы найти въ глупомъ, неудачномъ прекрасное, и извращаютъ совсѣмъ вкусъ. А всѣ эти

больше таланты: Гете, Шекспиръ, Бетховень, Микель-Анджело, — рядомъ съ прекрасными вещами производили не то что посредственныя, а отвратительныя. Средне художники производятъ среднее по достоинству и никогда не очень скверное. Но признанные гении производятъ или точно великія произведенія, или совсѣмъ дрянъ: Шекспиръ, Гете, Бетховень, Бахъ и др.

3) Представить себѣ самое сложное, запутанное дѣло, въ которомъ требуется мое участие. Со всѣхъ сторонъ кажется, что стоять неразрѣшимыя диллемы: и такъ нехорошо, и такъ дурно. И стоитъ только перенести вопросъ изъ области внѣшней въ область внутреннюю, въ свою жизнь: понять, что это — только поприще для моего внутренняго совершенствованія, что это — экзамень, — мѣрка моего нравственнаго развитія, опытъ, насколько я могу и хочу дѣлать дѣло Божье, увеличенія любви, — и все разрѣшается такъ легко, просто, радостно.

4) Ошибка (грѣхъ), это — употребленіе разума, даннаго мнѣ на то, чтобы познать свою сущность въ любви ко всему существующему, — на то, чтобы добывать благо своему отдѣльному существу. Пока человѣкъ жилъ безъ разумаго сознанія, онъ исполнялъ волю Бога, добывая благо себѣ и борясь за него, и не было грѣха; но какъ только пробудился разумъ, такъ — грѣхъ.

5) Шорникъ Михайло говоритъ мнѣ, что онъ не вѣритъ въ будущую жизнь, что онъ думаетъ, что когда человѣкъ помретъ, то духъ выйдетъ изъ него и уйдетъ. А я говорю ему: «Вотъ ты съ этимъ духомъ-то уйди, вотъ ты и не умрешь».

8 юня 1896. Я. П.

Третьяго дня былъ жандармъ, шпюнъ, который признался, что онъ подосланъ ко мнѣ. Было и пріятно и гадко ⁸.

19 юнь 96. Я. П.

Разъ вышелъ за Заказъ ⁹ вечеромъ, и заплакалъ отъ радости благодарной за жизнь. Очень живо представляются картины изъ жизни самарской: степь, борьба кочевого патріархальнаго съ земледѣльческимъ культурнымъ. Очень тянетъ ¹⁰. *Коневская* не во мнѣ родилась; отъ этого такъ туго.

Думаль:

Очень важное объ искусствѣ: что такое красота? Красота — то, что мы любимъ. *Не по хорошу миль, а по милу хорошь*. Вотъ въ томъ и вопросъ: почему миль? почему мы любимъ? А говорить, что мы любимъ потому, что красиво, это все равно, что говорить, что мы дышимъ потому, что воздухъ пріятень. Мы находимъ воздухъ пріятнымъ потому, что намъ нужно дышать; и такъ же находимъ красоту потому, что намъ нужно любить. И кто не умѣетъ видѣть красоту духовную, видитъ хоть тѣлесную и любить.

26 июля 1896. Я. П. Утро.

Всю ночь не спалъ. Сердце болитъ не переставая. Продолжаю страдать и не могу покорить себя Богу. Не овладѣлъ гордостью и возмущеніемъ, и не переставая болѣю сердцемъ. Одно утѣшаетъ: я не одинъ, но съ Богомъ, и потому какъ ни больно, чувствую, что что-то совершается. Помоги, Отецъ.

Вчера вышелъ въ Бабурино ¹¹ и невольно (скорѣе избѣгалъ, чѣмъ искалъ) встрѣтилъ 80-лѣтняго Акима пашущимъ, Яремичеву бабу, у которой во дворѣ нѣтъ шубы и одинъ кафтанъ, потомъ Марью, у которой мужъ замерзъ и некому рожь свозить, и морить ребенка, и Трофимъ и Халявка, и мужъ и жена умирали и дѣти ихъ. А мы Бетховена разбираемъ. И молился, чтобы Онъ избавилъ меня отъ этой жизни. И опять молюсь, кричу отъ боли. Запутался, завязъ, самъ не могу, но ненавижу себя и свою жизнь.

30 июля 1896. Ясн. Пол.

Много еще страдалъ и боролся и не побѣдилъ ни того, ни другого. Но лучше. Испортили мнѣ и дневникъ, пишу въ виду возможности чтенія живыми ¹².

Сегодня 19 июля 96.

Дома за это время переживалъ много тяжелаго. Господи, Отецъ, избавь меня отъ моего гнуснаго тѣла. Очисти меня и не дай погибнуть и заглохнуть Твоему духу во мнѣ. Молился два раза просительно: разъ, чтобы Онъ далъ мнѣ быть орудіемъ Его, и второй — чтобы спасъ меня отъ меня животнаго.

Буду выписывать, что записано:

1) Вчера иду по передвоенному черноземному пару. Пока глазъ окинетъ, ничего, кромѣ черной земли, — ни одной зеленой травки; и вотъ на краю пыльной, сѣрой дороги кустъ татарника (репья). Три отростка: одинъ сломанъ, и бѣлый, загрязненный цвѣтокъ виситъ; другой сломанъ и забрызганъ грязью черной, стебель надломленъ и загрязненъ; третій отростокъ торчитъ вбокъ, тоже черный отъ пыли, но все еще живъ и въ серединкѣ краснѣется. Напомнилъ Хаджи-Мурата. Хочется написать. Отстаиваетъ жизнь до послѣдняго, и одинъ среди всего поля, хоть какъ-нибудь, да отстоялъ ее.

3) Любовь къ врагамъ. Трудна она, рѣдко удается... какъ и все вполне прекрасное. Но зато какое счастье, когда достигаешь ея! Есть чудная сладость въ этой любви, даже въ предвкушении ея. И сладость эта какъ разъ въ обратномъ отношеніи привлекательности предмета любви. Да, духовное сладострастіе любви къ врагамъ.

4) Другой человекъ заставляетъ меня страдать. Какъ только я думаю о себѣ, о своемъ страданіи, страданіе все растеть и рас-

стеть, и находить ужасъ передъ мыслью о томъ, до чего оно можетъ дойти. Стоитъ подумать о томъ челоуѣкѣ, отъ котораго страдаешь, подумать объ его страданіи, — и мгновенно исцѣляешься. Иногда это легко, когда уже любишь мучителя; но, хотя и трудно, всегда можно.

5) Вчера, гуляя, думалъ о томъ, что такое тѣ предѣлы, которые отдѣляютъ насъ, одни существа отъ другихъ? И подумалъ: не суть ли пространство и время условія этихъ дѣлений, или, скорѣе, послѣдствія этихъ дѣлений? Если бы я не былъ отдѣленъ, для меня бы не было ни пространства, ни времени, какъ его нѣтъ для Бога. Но какъ только я не все, то я могу понимать себя и другія существа только черезъ пространство и время.

(Чувствую, что тутъ что-то есть, но не могу еще ясно выразить).

6) Споръ о томъ, хорошо ли влюбленье. Для меня рѣшеніе ясно: если челоуѣкъ живетъ уже челоуѣческой, духовной жизнью, то влюбленье, любовь, бракъ будетъ для него паденіе, онъ долженъ будетъ отдавать часть своихъ силъ женѣ, семьѣ, или хоть только предмету влюбленья. Если же онъ на степени животной: ѣсть, пить, работаетъ, служитъ, пишетъ, играетъ, — то влюбленье будетъ для него подъемъ, какъ для животныхъ, для насѣкомыхъ во время р...

8) Вчера переглядѣлъ романы, повѣсти и стихи Фета. Вспомнилъ нашу въ Ясной Полянѣ неумолкаемую, въ 4 фортепано, музыку, и такъ ясно стало, что все это: и романы, и стихи, и музыка, — не искусство, какъ нѣчто важное и нужное людямъ вообще, а баловство грабителей, паразитовъ, ничего не имѣющее общаго съ жизнью: романы, повѣсти о томъ, какъ пакостно влюбляются, стихи о томъ же или о томъ, какъ томятся отъ скуки. О томъ же и музыка. А жизнь, вся жизнь кипитъ своими вопросами о пицѣ, размѣщеніи, трудѣ, о вѣрѣ, объ отношеніяхъ людей... Стыдно, гадко. Помоги мнѣ, Отецъ, разъясненіемъ этой лжи послужить Тебѣ.

9) Иду отъ Чертковыхъ 5-го іюля. Вечеръ, и красота, счастье, благо на всемъ. А въ мірѣ людей? Жадность, злоба, зависть, жестокость, похоть, развратъ. Когда будетъ въ людяхъ то же, что въ природѣ? Тамъ борьба, но честная, простая, красивая. А тутъ — подлая. Я знаю ее и ненавижу, потому что самъ челоуѣкъ.

(Не вышло).

14) Часто удивляются на то, что люди неблагодарны. Надо удивляться, какъ они могутъ быть благодарны за сдѣланное имъ добро. Какъ бы мало ни дѣлали люди добро, они знаютъ несомнѣнно, что дѣланье добра есть величайшее счастье. Какъ же людямъ благодарить другихъ за то, что эти другіе напились, когда въ этомъ великое наслажденіе?

17) Эстетическое наслаждение есть наслаждение низшаго порядка. И потому высшее эстетическое наслаждение оставляет неудовлетворенность. Даже чѣмъ выше эстетическое наслаждение, тѣмъ большую оно оставляет неудовлетворенность. Все хочется чего-то еще и еще. И безъ конца. Полное удовлетворение даетъ только нравственное благо. Тутъ полное удовлетворение, дальше ничего не хочется и не нужно.

20) Не можетъ жить человѣкъ плотской жизнью, если не будетъ считать себя правымъ, и не можетъ жить духовной жизнью, если не будетъ считать себя грѣшнымъ.

Иду спать. $\frac{1}{2}$ 1-го ночи 30-го юля.

31 юля 96. Я. П. Е. б. ж.

31 юля 1896. Я. П.

Живъ. Сейчасъ вечеръ, 5-й часъ. Лежу и не могу заснуть. Сердце болитъ. Измученъ. Слышу въ окно — играютъ въ теннисъ, смѣются. С. уѣхала къ Шеншинымъ¹³. Всѣмъ хорошо, а мнѣ тоска, и не могу совладать съ собой. Похоже на то чувство, когда St. Thomas¹⁴ заперъ меня, и я слышалъ изъ своей темницы, какъ всѣ веселы и смѣются. Но не хочу. Надо терпѣть унижение и быть добрымъ. Могу.

Продолжаю выписывать:

1) Невѣрие въ разумъ — источникъ всего зла. Невѣрие это достигается преподаваніемъ обмана вѣры съ дѣтства. Повѣрь въ одно чудо — и погублено довѣріе разуму.

3) Не счастье даетъ христіанство, а безопасность: опускаетъ на дно, съ котораго некуда падать.

4) Ъхалъ верхомъ изъ Тулы и думалъ о томъ, что я — часть Его, извѣстнымъ образомъ отдѣленная отъ другихъ такихъ частей, а Онъ — все, Отецъ, — и почувствовалъ любовь, прямо любовь къ Нему. Теперь, особенно теперь не могу не только возстановить, но вспомнить это чувство. А было такъ радостно, что я сказалъ себѣ: вотъ думалъ, что я не узнаю уже новаго, а вотъ узналъ удивительное, блаженное, новое чувство, именно чувство.

1 августа 96. Ясн. Пол. Е. б. ж., — что сомнительно. Очень сердце болитъ.

Страшно подумать, сколько прошло времени: полтора мѣсяца. Нынче 14 сентября 96. Я. П.

Да: за это время было письмо отъ Индуса Тода и прелестная книга индійской мудрости Joga's Philosophy.

За это время думалъ:

1) Есть много людей, особенно Европейцевъ, и особенно женщинъ, которые не только говорятъ, но и пишутъ умныя какъ будто вещи, такъ же, какъ нѣмые говорятъ: собственно, ему не

свойственно думать, такъ же какъ нѣмому — говорить, но и того и другого, и глупаго и нѣмого, научили.

2) Для того, чтобы любить отдѣльнаго человѣка, надо быть ослѣпленнымъ. Безъ ослѣпления можно любить только Бога, а людей жалѣть, что и значитъ любить по-Божьи.

4) Сначала поражаешься, почему людямъ глупымъ свойственны такая увѣренныя, убѣдительныя интонации. Но такъ и должно быть. Иначе ихъ бы никто не слушалъ.

11) Варварство мѣшаетъ единенію людей, но то же дѣлаетъ и слишкомъ большая утонченность безъ религіозной основы. Тамъ разъединяетъ физическое, а тутъ — духовное.

12) Человѣкъ, это — орудіе Бога. Сначала я думалъ, что это — орудіе, которымъ призванъ работать самъ человѣкъ; теперь же я понялъ, что это — орудіе, которымъ работаетъ не человѣкъ, а Богъ. Дѣло человѣка только въ томъ, чтобы себя держать въ порядкѣ. Какъ топоръ, который бы долженъ былъ держать себя всегда чистымъ и наточеннымъ.

13) Отчего негодяи стоятъ за деспотизмъ? Оттого, что при идеальномъ правленіи, воздающемъ по заслугамъ, имъ плохо. При деспотизмѣ же все можетъ случиться.

Нынче 10 октября 96. Я. П.

Почти мѣсяцъ не писалъ, а казалось, что только вчера. За это время, хоть въ очень дурномъ видѣ, но окончилъ изложеніе вѣры. За это время были Японцы съ письмомъ отъ Конисси¹⁵. Они, Японцы, къ христіанству несомнѣнно ближе, чѣмъ наши церковныя христіане. Очень я ихъ полюбилъ.

Нынче 20 октября 96. Я. П. Утромъ.

Хочется записать три вещи:

1) Въ художественномъ произведеніи главное — душа автора. Отъ этого изъ среднихъ произведеній женскія лучше, интереснѣе. Женщина нѣтъ-нѣтъ да и прорвется, выскажетъ самое тайное души; оно-то и нужно; видишь, что она истинно любитъ, хотя и притворяется, что любитъ другое. Когда авторъ пишетъ, мы, читатели, прикладываемъ ухо къ его груди и слушаемъ и говоримъ: «Дышите. Если есть хрипы, они окажутся». И женщины не умѣютъ скрывать. А мужчины выучатся литературнымъ приемамъ, и его уже не увидишь изъ-за его манеры, только и знаешь, что онъ глупъ. А что у него за душой — не увидишь.

(Нехорошо: зло.)

2-ое хотѣлъ записать то, что вчера, потушивъ свѣчу, сталъ щупать спички и не нашелъ, и нашла жутость. «А умирать собираешься! Что жъ, умирать тоже будешь со спичками?» сказала я себѣ, и тотчасъ же увидалъ настоящую свою жизнь въ темнотѣ, и успокоился.

Что такое этотъ страхъ темноты? Кромѣ страха невозможности справиться въ случаѣ какого-нибудь случая, это — страхъ отсутствія иллюзи главнаго изъ чувствъ — зрѣнія, это — страхъ передъ созерцаніемъ своей истинной жизни. У меня уже нѣтъ теперь этого страха, — напротивъ: то, что было страхомъ, стало успокоеніемъ, осталась только привычка страха; но у большинства людей страхъ именно передъ тѣмъ, что одно можетъ дать успокоеніе.

4) Утонченность и сила искусства почти всегда диаметрально противоположны.

5) Правда ли, что произведенія искусства добываются усидчивымъ трудомъ? То, что мы называемъ произведеніемъ искусства — да. Но настоящее ли это искусство?

6) Японцы запѣли, мы не могли удержаться отъ смѣха. Если бы мы запѣли у японцевъ, они бы смѣялись. Тѣмъ болѣе, если бы имъ играли Бетховена. Индискіе и греческіе храмы всѣмъ понятны. Всѣмъ понятны и статуи греческія. Понятна и живопись наша лучшая. Такъ что архитектура, скульптура, живопись, дойдя до своего совершенства, дошли и до космополитизма, общедоступности. До того же дошло, въ нѣкоторыхъ своихъ проявленіяхъ, искусство слова: въ поученіяхъ Будды, Христа, въ поэзій Сакіа-Муни, Якова, Іосифа¹⁶. Въ драматическомъ искусствѣ: Софокль, Аристофанъ — не дошли. Доходятъ въ новыхъ. Но въ музыкѣ совсѣмъ отстали.

Идеаль всякаго искусства, къ которому оно должно стремиться, это — общедоступность; а оно, особенно теперь музыка, лѣзетъ въ утонченность.

7) Главное же то, что хотѣлось бы сказать объ искусствѣ, это — то, что его нѣтъ въ томъ смыслѣ какого-то великаго проявленія человѣческаго духа, въ которомъ его понимаютъ теперь. Есть забава, состоящая въ красотѣ построекъ, въ изваяніи фигуръ, въ изображеніи предметовъ, въ пляскѣ, въ пѣснѣ, въ игрѣ на разныхъ инструментахъ, въ стихахъ, въ басняхъ, сказкахъ; но все это — только забава, а не важное дѣло, которому можно сознательно посвящать свои силы.

Такъ всегда и понималъ и понимаетъ это рабочій, неиспорченный народъ. И всякій человѣкъ, не удалившійся отъ труда и жизни, не можетъ смотрѣть на это иначе. Надо бы, надо бы высказать это. Сколько зла отъ этой важности, приписываемой паразитами общества своимъ забавамъ!

Нынче, должно быть, 23 октябрь 96. Я. П.

Всѣ эти дни разладился въ работѣ. Написалъ вчера письмо иркутскому начальнику дисциплинарнаго батальона объ Ольховикѣ¹⁷.

Сейчасъ вечеръ, сажусь писать, потому что чувствую особенную важность и серьезность остающихся мнѣ часовъ жизни. И не знаю, что мнѣ должно дѣлать, но чувствую назрѣвшее во мнѣ и просящееся наружу выражение воли Бога.

Перечель «Хаджи-Мурата» — не то. За «Воскресенье» и взятыя не могу. Драма занимаетъ*.

6 ноября 1896. Я. П.

Думаль:

1) Естественныя науки, когда хотятъ опредѣлить самую сущность вещей, впадаютъ въ грубый материализмъ, т. е. невѣжество. Таковы, кромѣ турбилюновъ Декарта, и атомы, и эфиръ, и происхождение видовъ. Все, что могу сказать, это то, что представляется мнѣ такъ, — точно такъ же, какъ представляется мнѣ сводъ небесный круглымъ, но я знаю, что онъ не круглый, а представляется мнѣ такимъ только потому, что мое зрѣние во всѣ стороны хватаетъ на одинъ и тотъ же радусъ.

2) Высшее совершенство искусства — это его космополитизмъ. А у насъ теперь, напротивъ, оно все больше и больше обособляется, хоть не по народамъ, то по сословіямъ.

3) Утонченность искусства и сила его всегда обратно пропорциональны.

17 ноября 1896. Я. П.

Въ газетахъ борьба изъ-за рѣшительнаго опредѣленія искусства, какъ забавы. Какъ подходитъ къ моей работѣ. Все не выяснилось вполнѣ значеніе искусства. Ясно, и могу написать и доказать, но не кратко и просто. До этого не могу довести.

Забава хорошо, если забава не развратная, честная, и изъ-за забавы не страдаютъ люди. Сейчасъ думаю: эстетика есть выраженіе этики, т. е. по-русски: искусство выражаетъ тѣ чувства, которыя испытываетъ художникъ. Если чувства хорошія, высокія, то искусство будетъ хорошее, высокое, и наоборотъ. Если художникъ нравственный человѣкъ, то и искусство его будетъ нравственное, и наоборотъ. (Ничего не вышло.)

Думаль нынче ночью:

1) Мы радуемся на успѣхи наши техническіе — паръ . . . , фонографы. И такъ довольны этими успѣхами, что если намъ скажутъ, что успѣхи эти достигаются только при погибели человѣческихъ жизней, то, пожимая плечами, говоримъ: «надо постараться, чтобы этого не было: 8-мичасовой день, страхование рабочихъ и т. п.; но изъ-за того, что нѣсколько людей гибнутъ, нельзя отказываться отъ тѣхъ успѣховъ, которыхъ мы достигли», т. е. fiat¹⁸ зеркала, фонографы и т. п., pereat¹⁹ нѣсколько людей.

* Драма: «И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ».

Стоитъ только допустить этотъ принципъ — и нѣтъ предѣла жестокости, и очень легко добывать всякія техническія усовершенствованія. У меня былъ знакомый въ Казани, который въ свою Вятскую деревню, за 130 верстъ, ѣздилъ вотъ какъ: онъ покупалъ на конной паре лошадей за 20 рублей (лошади были очень дешевы), запрягалъ ихъ и гналъ 130 верстъ до мѣста. Иногда они добѣгали до мѣста, и у него оставались лошади и стоимость проѣзда. Иногда не добѣгали части пути, и онъ нанималъ. Но все-таки ему обходилось дешевле, чѣмъ нанимать ямскихъ. Еще Свифтъ предлагалъ ѣсть дѣтей. И это было [бы] очень выгодно. Въ Нью-Йоркѣ компании желѣзныхъ дорогъ по городу давятъ каждый годъ нѣсколько человѣкъ прохожихъ и не передѣлываютъ переѣзды такъ, чтобы не было возможности несчастій, потому что передѣлка эта стоитъ дороже, чѣмъ уплата семьямъ ежегодно раздавленныхъ. То же происходитъ и въ техническихъ усовершенствованіяхъ нашего вѣка. Они дѣлаются жизнями человѣческими. А надо цѣнить каждую жизнь человѣческую — не цѣнить, а ставить ее выше всякой цѣны, и дѣлать усовершенствованія такъ, чтобы жизни не гибли и не портились, и прекращать всякое усовершенствованіе, если оно вредитъ жизни человѣческой.

18 ноября. Е. б. ж., то Москва. 96.

22 ноября 96. Москва.

4-й день въ Москвѣ. Недоволенъ собой. Нѣтъ работы. Запутался въ статьѣ объ искусствѣ и не подвинулся впередъ.

Нынче 2 декабря 96. Москва.

Пять дней прошло, и очень мучительныхъ. Все то же.

Мое чувство: я узналъ на себѣ страшную, гниющую рану. Мнѣ обѣщали залѣчить ее и завязали. Рана такъ отвратительна мнѣ, такъ тяжело мнѣ думать, что она есть, что я постарался забыть про нее, убѣдить себя, что ея не было. Но прошло нѣкоторое время — рану развязали, и она, хотя и заживаетъ, все-таки есть. И это мучительно мнѣ было больно, и я сталъ упрекать — и несправедливо — врача. Вотъ мое положеніе. Главное — представленный ко мнѣ бѣсъ. Ахъ, эта роскошь, это богатство, это отсутствіе заботы о жизни матеріальной! Какъ переудобренная почва. Если только на ней не выращиваютъ, выпалывая, вычищая все кругомъ, хорошія растенія, — она зарастетъ страшной гадостью и станетъ ужасна. А трудно, — старъ и почти не могу. Вчера ходилъ, думалъ, страдалъ и молился, и, кажется, не напрасно.

Нынче 19 или 20 декабря 1896. Москва.

5) Читаю исторію музыки: изъ 16-ти главъ объ искусственной музыкѣ есть одна коротенькая глава о народной музыкѣ. И о ней почти ничего не знаютъ. Такъ что исторія музыки не есть

исторія того, какъ зарождалась и распространялась, развивалась настоящая музыка: музыка мелодій, — а исторія искусственной музыки, т. е. того, какъ уродовалась настоящая, мелодичная музыка.

6) Искусственная господская музыка, музыка паразитовъ, чувствуя свое безсиліе, свою бессодержательность, прибѣгаетъ, чтобы замѣнить настоящій интересъ искусственнымъ, то къ контрапункту, фугѣ, то къ оперѣ, то къ иллюстраціи.

7) Церковная музыка потому и была хороша, что она была доступна массамъ. Несомнѣнно хорошо только то, что всѣмъ доступно. И потому навѣрное, чѣмъ болѣе доступно, тѣмъ лучше.

8) Различные характеры, выражаемые искусствомъ, только потому трогаютъ насъ, что въ каждомъ изъ насъ есть возможность всѣхъ возможныхъ характеровъ. (Забыль.)

9) Исторія музыки, какъ и всѣ исторіи, написана по тому плану, чтобы показать, какъ она понемногу достигала того положенія, въ которомъ находится то, чего пишется исторія теперь. Теперешнее же состояніе музыки или того, чего пишется исторія, предполагается высшимъ. А что, какъ оно не только низшее, но совсѣмъ уродливое, случайное уклоненіе въ уродливость?

10) Вѣра въ авторитеты дѣлаетъ то, что ошибки авторитетовъ берутся за образцы.

11) Говорятъ, музыка усиливаетъ впечатлѣніе словъ — въ ари, пѣснѣ. Неправда. Музыка перегоняетъ Богъ знаетъ насколько впечатлѣніе словъ. Арія Баха: какія слова могутъ съ ней тягаться во время ея воспроизведенія? Другое дѣло — слова сами по себѣ. На какую музыку ни положи нагорную проповѣдь, музыка останется далеко позади, когда вникнуть въ слова. «Crucifix» Фора: музыка жалка подлѣ словъ. Совсѣмъ два разныя чувства и несомвѣстимыя. Въ пѣснѣ они сходятся только потому, что слова даютъ тонъ.

(Неточно. Объ этомъ въ другомъ мѣстѣ.)

14) Поэзія народная всегда отражала и не только отражала — предсказывала, готовила народныя движенія: крестовые походы, реформацію. Что можетъ предсказать, подготовить поэзія нашего паразитнаго кружка? — Любовь, развратъ; развратъ, любовь.

15) Народная поэзія, музыка, вообще искусство — изсякло потому, что все даровитое переманивалось подкупамъ въ скомороховъ богатыхъ и знатныхъ: камерная музыка, оперы, оды и . . .

16) Во всѣхъ искусствахъ — борьба христіанскаго съ языческимъ. Христіанское начинаетъ побѣждать, и набѣгаетъ новая волна 15-го вѣка — возрожденія, и только теперь, въ концѣ 19-го, опять поднимается христіанство, и язычество, въ видѣ декадентства, дойдя до послѣдней степени безсмыслія, уничтожается.

17) Кромѣ того, что даровитѣйшіе люди изъ народа подкупами переманивались въ лагерь паразитовъ, причиной уничтоженія

народной поэзіи и музыки были: сначала закрѣпощеніе народа, а потомъ, самое главное — книгопечатаніе.

Теперь 2-й часть. Та же слабость. Но духомъ бодръ, когда помню о значеніи всей жизни, а не этой одной, которую я прожилъ Львомъ Николаевичемъ. Помоги мнѣ, Господь, дѣлать всегда, вездѣ Твою волю, быть съ Тобою. Но не моя, но Твоя да будетъ воля.

21 декабря. М. 96. Е. б. ж.

Пишу еще 20 декабря 1896. Москва.

Все такъ же тяжело. Помоги, Отецъ. Облегчи. Усились во мнѣ, покори, изгони, уничтожь поганую плоть и все то, что черезъ нее чувствую.

22 декабря. Москва. 96. Е. б. ж., что начинаетъ быть очень сомнительно: не переставая болить сердце. Нѣтъ отдыха ни на чемъ почти. Гадко, что хочется плакать надъ собой, надъ напрасно губимымъ остаткомъ жизни. А можетъ быть, такъ надо. Даже навѣрное такъ надо.

25 декабря 96. Москва.

9 часовъ вечера. Мнѣ душевно лучше. Но нѣтъ работы умственной, художественной, и я тоскую. Сейчасъ испытываю это особенное святочное размягченіе, умиленіе, поэтическую потребность. Руки холодныя, хочется плакать и любить.

5 января 1897. Москва.

Началь перечитывать «Воскресеніе» и, дойдя до его рѣшенія жениться, съ отвращеніемъ бросилъ. Все невѣрно, выдуманно, слабо. Трудно поправлять испорченное. Для того, чтобы поправить, нужно: 1) попеременно описывать его и ея чувства и жизнь, и 2) положительно и серьезно ея, и отрицательно и съ усмѣшкой его. Едва ли кончу. Очень все испорчено.

3) Читалъ письмо Никашидзе о съѣздѣ духоборовъ, гдѣ они рѣшали общественные вопросы. Это образецъ возможности управления безъ насилія. Нужно одно условіе, — нѣтъ, два условія: уваженіе младшихъ или вообще слабыхъ духовно къ рѣшеньямъ избираемыхъ старшихъ, болѣе сильныхъ духовно, — старичковъ, какъ духоборы называютъ; и второе условіе, чтобы эти старички были разумны и любовны. На съѣздѣ этомъ говорили о соединеніи (общности) имущества, и старички совѣтовали, но постоянно повторяли: «Только, чтобы не было насилія, чтобы добровольно».

Въ народѣ и у духоборовъ это уваженіе и признаніе необходимости исполнять рѣшенія стариковъ есть. И все безъ формы: и выборъ стариковъ, и способы соглашенія.

4) Какъ ни толки кристаллъ, какъ ни распускай, ни жми, онъ сложится при первой возможности опять въ тѣ же формы. Такъ и складъ общества будетъ всегда тотъ же, какимъ измѣненіямъ ни подвергай его. Измѣнится форма кристалла только тогда, когда въ немъ произойдетъ химическое измѣненіе, внутреннее; то же и съ обществомъ.

18 января. Москва. 97.

Уныло, гадко. Все отталкиваетъ меня въ той жизни, которой живутъ вокругъ меня. То освобождаюсь отъ тоски и страданья, то опять впадаю. Ни на чемъ такъ не видно, какъ я далекъ отъ того, чѣмъ хочу быть. Если бы жизнь моя была точно вся въ служеніи Богу, — ничто бы не могло нарушить ея.

4 февраля 97. Никольское у Олсуфьевыхъ.

Выпишу, что думалъ за это время.

1) Въ концѣ концовъ, всегда властвуютъ тѣ, надъ которыми производится насиліе, т. е. тѣ, которые исполняютъ законъ непротівленія. Такъ, женщины ищутъ правъ, а онѣ властвуютъ именно потому, что онѣ подчинены — и были и еще суть — силѣ. Учрежденія во власти мужчинъ, а общественное мнѣніе во власти женщинъ. И общественное мнѣніе въ миллионъ разъ сильнѣе всякихъ законовъ и войскъ. Доказательство того, что общественное мнѣніе въ рукахъ женщинъ, — то, что не только устройство жилищъ, пища опредѣляются женщинами, — расходуютъ богатство, слѣдовательно, руководятъ работами людей женщины, успѣхъ произведеній искусства, книгъ, даже назначеніе правителей опредѣляется общественнымъ мнѣніемъ; а общественное мнѣніе опредѣляется женщинами. Хорошо кто-то сказалъ, что мужчинамъ надо искать эмансипаціи отъ женщинъ, а не наоборотъ.

2) Записано: «вредъ искусства, въ особенности музыки», и хотѣлъ написать, что забылъ, но куда писалъ, вспомнилъ. Вредъ искусства тотъ главный, что оно занимаетъ время, скрываетъ отъ людей ихъ праздность. Знаю, что оно вредно и для производящихъ, и для воспринимающихъ, когда оно поощряетъ праздность, но я не вижу яснаго опредѣленія того, когда оно позволительно, полезно, хорошо. Хотѣлось бы сказать, что только тогда, когда это есть отдыхъ отъ труда, какъ сонъ, но не знаю еще, такъ ли.

Былъ живъ, но не записалъ 2 дня. Нынче 10 февраля 97.

Ничего, ничего, молчаніе. Былъ у Стасова и Толстой. Дурного не дѣлалъ, но и хорошаго тоже. Скорѣе хорошее. Помоги Богъ не сглазить, а лучше. Ничего не думаю.

17 февраля. Никольское. 97.

1) Въ средніе вѣка, въ XI вѣкѣ поэзія была общая — народа и господъ, les courtois et les vilains²⁰; потомъ раздѣлилась, и les

vilains стали поддѣлываться подъ господскую, а господа — подъ народную. Надо, чтобы пришло опять соединеніе.

18 февраля 1897. Никольское.

45 лѣтъ тому назадъ былъ въ сраженіи ²¹.

25 февраля 1897. Никольское.

Вчера, гуляя, молился и испыталъ удивительное чувство, вѣроятно подобное тому, которое возбуждаютъ въ себѣ мистики духовнымъ дѣланіемъ: почувствовалъ себя — одного духовнаго, свободнаго, связаннаго иллюзіей тѣла.

29 февраля 1897. Никольское.

1) Я обтиралъ пыль въ комнатѣ и, обойдя кругомъ, подошелъ къ дивану и не могъ вспомнить, обтиралъ ли я его или нѣтъ. Такъ какъ движенія эти привычны и бессознательны, я не могъ и чувствовалъ, что это невозможно уже вспомнить. Такъ что если я обтиралъ и забылъ это, т. е. дѣйствовалъ бессознательно, то это все равно, какъ не было. Если бы кто сознательный видѣлъ, то можно бы возстановить. Если же никто не видалъ или видѣлъ, но бессознательно; если цѣлая сложная жизнь многихъ людей проходить бессознательно, то эта жизнь какъ бы не была. Такъ что жизнь — жизнь только тогда, когда она освѣщена сознаниемъ.

Что же такое сознание? Что такое поступки, освѣщенные сознаниемъ? Поступки, освѣщенные сознаниемъ, это такіе поступки, которые мы совершаемъ свободно, т. е., совершая ихъ, знаемъ, что мы могли бы поступать иначе. Такъ что сознание есть свобода. Безъ сознанія нѣтъ свободы, и безъ свободы не можетъ быть сознанія. (Если мы подвергаемся насилію и не имѣемъ никакого выбора о томъ, какъ мы перенесемъ это насиліе, мы не будемъ чувствовать насилія.)

Память есть не что иное, какъ сознаніе прошедшаго, прошедшей свободы. Если бы я не могъ стирать и не стирать пыль, я бы не сознавалъ того, что я стираю пыль; если бы я не сознавалъ того, что я стираю пыль, я не могъ бы имѣть выбора: стирать или не стирать. Если бы у меня не было сознанія и свободы, я бы и не помнилъ прошедшаго, не связывалъ бы его въ одно. Такъ что самая основа жизни есть свобода и сознаніе — свободо-сознаніе.

(Казалось яснѣе, когда я думалъ.)

Нынче 4 апрѣля 97. Москва.

Почти мѣсяцъ не писалъ (20 дней) и дурно прожилъ это время тѣмъ, что мало работалъ. Все писалъ объ искусствѣ, запутался послѣдніе дни. И теперь два дня не писалъ.

Спокойствіе не потерялъ, но душа волнуется, но я владѣю ею. О, Боже! Если бы только помнить о своемъ посланничествѣ, о томъ, что черезъ тебя должно проявляться (свѣтить) божество!

Но то трудно, что если это помнить только, то не будешь жить; а надо жить, энергически жить и помнить. Помоги, Отецъ.

Молился много послѣднее время о томъ, чтобы лучше была жизнь. А то стыдно и тяжело отъ сознанія незаконности своей жизни.

Вчера думалъ о Хаджи-Муратѣ, — о томъ, что въ немъ, главное, надо выразить обманъ вѣры. Какъ онъ былъ бы хорошъ, если бы не этотъ обманъ. Тоже чаще и чаще думаю о воззваніи.

Шекспира стали цѣнить, когда потеряли нравственный критерій.

9 апрѣля 97. Москва.

Былъ боленъ. Спокойно думалъ, что умру. Нынче хорошо писалъ объ искусствѣ.

17 июля 1897. Я. П.

Ѣздилъ на велосипедѣ въ Ясенки. Очень люблю это движеніе. А совѣстно.

Письмо отъ Черткова: онъ очень боленъ. Я очень дорожу имъ. Да и какъ же не дорожить.

9 августа 1897. Я. П.

1) Прислуга дѣлаетъ жизнь ложной и развратной. Какъ только прислуга, такъ увеличиваешь потребности, усложняешь жизнь и дѣлаешь ее тяжестью: изъ радости, когда дѣлаешь самъ, дѣлается досада, а главное, отрекаешься отъ главнаго дѣла жизни: исполненія братства людей.

2) Эстетическое и этическое — два плеча одного рычага: насколько удлиняется и облегчается одна сторона, настолько укорачивается и тяжелѣетъ другая сторона. Какъ только челювкъ теряетъ нравственный смыслъ, такъ онъ дѣлается особенно чувствителенъ къ эстетическому.

4) Обычное явленіе, что старики любятъ путешествовать, уѣзжать далеко и перемѣнять мѣсто. Не предвидѣнье ли это и готовность къ послѣднему путешествію?

15 августа 97. Я. П.

Былъ Ломброзо — ограниченный, наивный старичокъ.

Нынче 14 октября 97. Я. П.

1) Нѣтъ бѣльшаго подспорья для эгоистической, спокойной жизни, какъ занятіе искусствомъ для искусства. Деспотъ, злодѣй непременно долженъ любить искусство. (Записано что-то въ этомъ родѣ, теперь не помню.)

5) Когда люди восхищаются Шекспиромъ, Бетховеномъ, они восхищаются своими мыслями, мечтами, вызываемыми Шекспи-

ромъ, Бетховеномъ, какъ влюбленные любятъ не предметъ, а то, что онъ вызываетъ въ нихъ. Въ такомъ восхищеніи нѣтъ настоящей реальности искусства, но зато есть полная безпредѣльность.

6) Только тогда можно понять и почувствовать Бога, когда ясно понялъ нереальность всего матерьяльнаго.

7) Недавно, лѣтомъ, въ первый разъ ясно почувствовалъ Бога, то, что Онъ есть, и я въ Немъ; что только и есть, что я въ Немъ, въ Немъ, и какъ ограниченное въ неограниченномъ, въ Немъ, и какъ ограниченное существо, въ которомъ Онъ.

(Ужасно скверно, неясно. А почувствовалъ ясно и особенно живо въ первый разъ въ жизни.)

Вообще, не знаю, отчего, нѣтъ у меня того религіознаго чувства, которое было, когда прежде писалъ дневникъ ни для кого. То, что его читали и могутъ читать, губить это чувство. А чувство было драгоцѣнное и помогало мнѣ въ жизни. Начну сначала съ нынѣшняго, 14-го числа писать опять попрежнему, — такъ чтобы никто не читалъ при моей жизни. Если будутъ мысли, стоящія того, могу ихъ выписывать и посылать Черткову.

10) Всѣ бѣдствія, порождаемая половыми отношеніями, влюбленностями, происходятъ только отъ того, что мы смѣшиваемъ плотскую похоть съ духовной жизнью, съ — страшно сказать — любовью; употребляемъ нашъ разумъ не на то, чтобы осудить и опредѣлить эту страсть, а на то, чтобы разукрасить ее павлиньими перьями духовности. Вотъ гдѣ *les extrêmes se touchent*. Приписывать всѣ влеченія между полами половой похоти кажется очень матерьяльнымъ, а напротивъ, это — самое духовное отношеніе: выдѣлить изъ области духовной все, что не принадлежитъ ей, чтобы мочь высоко цѣнить ее.

14) Сердишься на женщину, что она не понимаетъ, — или понимаетъ, но не дѣлаетъ того, что ей говоритъ разумъ. Она не можетъ этого дѣлать. Какъ магнитъ дѣйствуетъ на желѣзо и не дѣйствуетъ на дерево, такъ и выводы разума для нея не обязательны — не двигательны. Для нея обязательно чувство и выводы разума только тогда, когда они передаются авторитетами, т. е. чувствомъ желанія не отставать отъ другихъ. Такъ что она не повѣритъ и не послѣдуетъ очевидному требованію разума, если оно не подтверждено авторитетомъ, а повѣритъ и послѣдуетъ величайшей нелѣпости, если только это всѣ дѣлаютъ. Она не можетъ иначе. А мы сердимся. Много и мужчинъ есть такихъ — женоподобныхъ.

15) Служить надо другимъ, а не себѣ, уже только потому, что въ служеніи другимъ есть предѣлъ, и потому тутъ можно поступать разумно: построить домъ неимущему, купить корову, одѣжду; а въ служеніи себѣ нѣтъ предѣла: чѣмъ больше служить, тѣмъ хуже.

18) Ъхаль мимо закутъ. Вспомнилъ ночи, которыя я проводилъ тамъ²², и молодость и красоту Дуняши (я никогда не былъ въ связи съ ней), сильное женское тѣло ея. Гдѣ оно? Ужъ давно однѣ кости. Что такое эти кости? Какое ихъ отношеніе къ Дуняшѣ? Было время, когда эти кости составляли часть того отдѣльнаго существа, которое была Дуняша. Потомъ это существо перемѣнило центръ, и то, что было Дуняша, стало частью другого, огромнаго, по величинѣ своей недоступнаго мнѣ, существа, которое я называю землею. Мы не знаемъ жизни земли и потому считаемъ ее мертвой, такъ же, какъ живущее одинъ часъ насекомое считаетъ мертвымъ свое тѣло, потому что не видитъ его движенія.

Нынче 21 октября 1897. Я. П.

Сейчасъ, оставшись одинъ послѣ занятій, спрашивалъ себя что мнѣ дѣлать, и, не имѣя никакого личнаго желанія (кромѣ тѣлесныхъ потребностей, поднимающихся только, когда ѣсть, спать хочется), такъ ясно почувствовалъ радость сознанія воли Бога, что мнѣ ничего не нужно и не хочется, какъ дѣлать то, что Онъ хочетъ. Чувство это возникло вслѣдствіе вопроса, который я самъ себѣ задалъ, оставшись одинъ въ тишинѣ: кто я? зачѣмъ я? И такъ ясно отвѣтилось само собой: кто и что бы я ни былъ, я кѣмъ-то посланъ что-то дѣлать. Ну, и давай это дѣлать. И такъ радостно и хорошо почувствовалъ свое сляніе съ волей Бога.

Это — второе мое живое чувство Бога. То я почувствовалъ прямо любовь къ Богу. Теперь не могу вспомнить, какъ это было; помню только, что было это радостное чувство.

О, какое счастье — уединеніе! Нынче такъ хорошо: чувствуешь Бога.

Нынче 10 ноябрь 97. Я. П.

2) Самое обыкновенное сужденіе о христіанствѣ, особенно у новыхъ ницшанскихъ разсудителей, что христіанство, это — отреченіе отъ своего достоинства, слабость, покорность. Какъ разъ напротивъ: истинное христіанство прежде всего требуетъ высшее сознаніе своего достоинства, страшную силу и непоколебимость. Какъ разъ напротивъ: поклонники силы должны подличать передъ силой.

3) Шелъ по деревнѣ, заглядывалъ въ окна. Вездѣ бѣдность и невѣжество. И думалъ о рабствѣ прежнемъ. Прежде видна была причина, видна была цѣпь, которая привязывала; а теперь не цѣпь, а въ Европѣ — волоски, но ихъ такъ же много, какъ и тѣхъ, которыми связали Гулливера. У насъ еще видны веревки, ну — бечевки; а тамъ волоски, но держать такъ, что великану-народу двинуться нельзя.

Одно спасеніе: не ложиться, не засыпать. Обманъ такъ силенъ и такъ ловокъ, что часто видишь, какъ тѣ самые, которыхъ высасываютъ и губятъ, съ страстью защищаютъ этихъ высасывателей и набрасываются на тѣхъ, кто противъ нихъ.

14 ноября 97. Я. П.

1) Читаль о дѣйствіи англичанъ въ Африкѣ. Все это ужасно. Но пришло въ голову: можетъ быть, это неизбежно нужно для того, чтобы къ этимъ народамъ проникло просвѣщеніе. Сначала задумался и подумалъ, что это такъ надо. Какой вздоръ! Почему же людямъ, живущимъ христіанской жизнью, не пойти просто, какъ Миклуха-Маклай, жить къ нимъ, а нужно торговать, сплавать, убивать? Говорятъ: «Если бы люди жили по-христіански, имъ бы дѣлать нечего было». Вотъ дѣло, и дѣло огромное: пока Евангеліе проповѣдуется всей твари.

2) Наука, потерявъ религіозную основу, стала изучать пустяки, — главное, перестала изучать важное. Съ тѣхъ поръ и составила теорія опытной науки, Беконъ.

3) Думаль въ pendant къ Хаджи-Мурату написать другого русскаго разбойника, Григорія Николаева. Чтобы онъ видѣлъ всю незаконность жизни богатыхъ, жилъ бы яблочнымъ сторожемъ въ богатой усадьбѣ съ lawn-tennis'омъ²³.

Нынче 17 ноября 97. Я. П.

Второй день думаю съ особенной ясностью вотъ о чемъ:

1) Моя жизнь, мое сознание моей личности все слабѣетъ и слабѣетъ, будетъ еще слабѣе и кончится маразмомъ и совершеннымъ прекращеніемъ сознанія личности. Въ это же время, совершенно одновременно и равномерно съ уничтоженіемъ личности, начинается жить и все сильнѣе и сильнѣе живетъ то, что сдѣлала моя жизнь, послѣдствія моей мысли, чувства; живетъ въ другихъ людяхъ, даже въ животныхъ, въ мертвой матеріи. Такъ и хочется сказать, что это и будетъ жить послѣ меня.

Но все это лишено сознанія, и потому я не могу сказать, что это, живетъ. Но кто же сказалъ, что это лишено сознанія? Почему я не могу предположить, что это все объединится новымъ сознаниемъ, которое я справедливо могу назвать *моимъ* сознаниемъ, потому что оно все составитъ изъ моего? Почему не можетъ это другое, новое существо жить вмѣстѣ съ тѣми существами, которыя теперь живутъ? Почему не предположить, что мы всѣ — частицы сознанія другихъ, высшихъ существъ, такихъ, какими мы будемъ?

2) Еще думаль нынче же совсѣмъ неожиданно о прелести, — именно прелести, — зарождающейся любви, когда на фонѣ веселыхъ, пріятныхъ, милыхъ отношеніи начинается вдругъ блестящая звѣздочка. Это — въ родѣ того, какъ пахнувшій вдругъ за-

пахъ липы или начинающая падать тѣнь отъ мѣсяца. Еще нѣтъ полного цвѣта, нѣтъ ясной тѣни и свѣта, но есть радость и страхъ новаго, обаятельнаго. Хорошо это, но только тогда, когда въ первый и послѣдніи разъ.

3) Еще думалъ о той иллюзии, которой всѣ подвержены, особенно люди, дѣятельность которыхъ отражается на другихъ, — иллюзии, состоящей въ томъ, что, привыкнувъ видѣть дѣйствіе своихъ поступковъ на другихъ, этимъ воздѣйствіемъ на другихъ повѣряешь вѣрность своихъ поступковъ.

4) Еще думалъ: для гипнотизаціи нужна вѣра въ важность того, чтѣ внушается (гипнотизація всѣхъ художественныхъ обмановъ). Для вѣры же нужно невѣжество и воспитаніе довѣрія.

21 ноября 1897. Я. П.

Думалъ и записалъ:

Думалъ о смерти, — о томъ, какъ странно, что не хочется умирать, хотя ничто не держитъ, — и вспомнилъ объ узникахъ, которые такъ обживутся въ своихъ тюрьмахъ, что имъ не хочется и даже боятся покидать ихъ для свободы. Такъ и мы обжились въ своей тюрьмѣ этой жизни и боимся свободы.

24 ноября. Я. П. 97.

1) Странная судьба: съ отрочества начинаются тревоги, страсти, и думается: женишься — и пройдетъ. У меня и прошло, и былъ длинный періодъ, лѣтъ 18, спокойствія. Потомъ стремленіе измѣнить жизнь и отпоръ обратный. Борьба, страданія и наконецъ какъ будто гавань и отдыхъ. Не тутъ-то было. Самое тяжелое начинается и продолжается и, должно быть, проводить въ смерть.

2) Легко бы было кротко, терпѣливо, съ состраданіемъ относиться къ заблуждающимся людямъ, если бы эти люди не разсуждали, и не разсуждали похоже на правду. Надо какъ-нибудь отвѣтить на эти разсужденія, и тутъ-то не выдержишь.

3) Всякій изъ насъ въ такомъ положеніи, что хочешь — не хочешь надо дѣлать, работать. Каждый всегда на топчакѣ. Вопросъ только въ томъ, на какой стать топчакъ.

Нынче 28 ноября 97. Я. П.

Думалъ:

1) Часто, бывало, говоришь съ человѣкомъ, и вдругъ у него дѣлается ласковое, радостное лицо, и онъ начинаетъ говорить съ вами такъ, что, кажется, онъ сообщить вамъ нѣчто самое радостное для васъ; оказывается — онъ говоритъ о себѣ.

Когда человѣкъ говоритъ объ очень близкомъ ему, онъ забываетъ, что другой — не онъ. Если люди не говорятъ объ отвле-

ченномъ или духовномъ, они непремѣнно каждый говорить о себѣ. И это ужасно скучно.

2) Мечешься, бьешься. — все оттого, что хочешь плыть по своему направленію. А рядомъ не переставая и отъ всякаго близко течеть божественный, безконечный потокъ любви все въ одномъ и томъ же вѣчномъ направленіи. Когда измучаешься хорошенько въ попыткахъ сдѣлать что-то для себя, спасти, обезпечить себя, — оставь всѣ свои направленія, бросься въ этотъ потокъ — и онъ понесетъ тебя, и ты почувствуешь, что нѣтъ преградъ, что ты спокоенъ навѣки и свободенъ и блаженъ.

3) Только бы себя не любить, себя, своего Л. Н., — и будешь любить и Бога и людей. Ты зажженъ и не можешь не горѣть: а горя, будешь зажигать другихъ и сливаться съ другимъ огнемъ. Себя любить — значить: жалѣть свою свѣчу и тушить огонь.

4) Если человѣкъ говорить очевидную неправду или брань на тебя, то вѣдь онъ это дѣлаетъ не отъ радости: и то, и другое очень тяжело. Если онъ это дѣлаетъ, то, очевидно, ему нельзя иначе, и онъ дѣлаетъ это, страдая. А ты, вмѣсто того, чтобы жалѣть, сердисься на него. Напротивъ, надо постараться помочь ему.

5) Трагизмъ человѣка умиленнаго, желающаго только добра, когда онъ въ этомъ состояніи, за это свое состояніе, которое онъ не можетъ не считать хорошимъ, встрѣчаетъ шипящую злобу и ненависть людей.

29 ноября 97. Е. б. ж. Я. П.

Нынче 2 декабря. Я. П. 97.

Разговаривалъ съ Душаномъ²⁴. Онъ сказалъ, что такъ какъ онъ невольно сталъ моимъ представителемъ въ Венгрии, то какъ ему поступать? Я радъ былъ случаю сказать ему и уяснить себѣ, что говорить о толстовствѣ, искать моего руководства, спрашивать моего рѣшенія вопросовъ — большая и грубая ошибка. Никакого толстовства и моего ученія не было и нѣтъ, есть одно вѣчное, всеобщее, всемірное ученіе истины, для меня, для насъ особенно ясно выраженное въ Евангеліяхъ. Ученіе это призываетъ человѣка къ признанію своей сыновности Богу и потому своей свободы или рабства (какъ хотите назовите): свободы отъ вліянія міра и рабства Богу, волѣ Его. И какъ только человѣкъ понялъ это ученіе, онъ свободно вступаетъ въ непосредственное общеніе съ Богомъ и спрашивать ему уже нечего и не у кого.

Это похоже на плаваніе человѣка по рѣкѣ съ огромнымъ разливомъ. Пока человѣкъ не въ срединномъ потокѣ, а въ разливѣ, ему нужно самому плыть, грести, и тутъ онъ можетъ руководиться направленіемъ плаванія другихъ людей. Тутъ и я могъ руководить людей, самъ приплывая къ потоку. Но какъ только

мы вступили въ потокъ, такъ нѣтъ и не можетъ быть руководителя. Всѣ мы несомы силою течения, всѣ въ одномъ направленіи, и тѣ, кто были назади, могутъ быть впереди. Если человѣкъ спрашивается, куда ему плыть, то это доказываетъ только то, что онъ еще не вступилъ въ потокъ, и то, что тотъ, у кого онъ спрашиваетъ, плохой руководитель, если онъ не умѣлъ довести его до того потока, т. е. до того состоянія, въ которомъ уже нельзя — потому что безсмысленно — спрашивать. Какъ спрашивать, куда плыть, когда потокъ съ неотразимой силой влечетъ меня по радостному для меня направленію?

Люди, которые подчиняются одному руководителю, вѣрятъ ему и слушаютъ его, несомнѣнно бродятъ впотъмахъ вмѣстѣ съ своимъ руководителемъ.

Кажется, кончилъ Искусство.

3 декабря. Я. П. 97. Е. б. ж.

Моя работа надъ Искусствомъ многое уяснила мнѣ. Если Богъ велитъ мнѣ писать художественныя вещи, онѣ будутъ совсѣмъ другія. И писать ихъ будетъ и легче, и труднѣе. Посмотримъ.

21 декабря. Москва.

Вчера получилъ анонимное письмо съ угрозой убійства, если къ 1898 году не исправлюсь; дается срокъ только до 1898 года. И жутко и хорошо.

Бѣгаю на конькахъ. Признакъ недѣятельнаго состоянія духа, что ничего не записано.

Сейчасъ прочелъ рассказъ Чехова «На подводѣ». Превосходно по изобразительности, но риторика, какъ только онъ хочетъ придать смыслъ рассказу. Удивительно прояснилось у меня въ головѣ благодаря книгѣ объ искусствѣ.

Нынче 29 декабря 97. Москва. Утро.

Думалъ о Хаджи-Муратѣ. Вчера же цѣлый день складывалась драма-комедія: *Трупъ*. Все еще нездоровится.

Получены угрожающія убійствомъ письма. Жалко, что есть ненавидящіе меня люди, но мало интересуется и совсѣмъ не беспокоитъ.

Прошло два дня. 1-ое января 1898. Москва.

Очень грустно, уныло, нездорово встрѣчаю новый годъ. Не могу работать, и все болитъ животъ.

Получилъ письмо отъ Федосѣева изъ Верхоленска о духоворахъ, очень трогательное²⁵.

Еще письмо отъ редактора «The Adult» о свободной любви. Если бы было время, хотѣлось бы написать объ этомъ предметѣ.

Должно быть, и напишу. Главное, показать, что все дѣло въ выгораживани для себя возможности ббльшаго наслажденія безъ думы о послѣдствіяхъ. Кромѣ того, они проповѣдуютъ то, что уже есть и очень дурно. И почему отсутствие внѣшней restraint поправить все дѣло?

Я, разумѣется, противъ всякой регламентаціи и за полную свободу, но только идеаль есть цѣломудріе, а не наслажденіе.

Нынче 13 января 98. Москва.

Огромной важности, и надо будетъ хорошенько изложить. Организация, всякая организация, освобождающая отъ какихъ-либо человѣческихъ, личныхъ, нравственныхъ обязанностей. Все зло міра отъ этого. Засѣкаютъ, развращаютъ, одуряютъ людей — и никто не виноватъ. Въ разсказѣ о возстановленіи ада это — главное, новое средство ²⁶.

3 февраля 1898. Москва.

1) Въ минуты унынія хочется просить помощи у Бога. И можно просить. Но только такой помощи, которая бы помогла мнѣ и не помѣшала бы никому другому. И такая помощь есть только одна: любовь. Всякая другая, матерьяльная помощь не только можетъ, но должна стать въ разрѣзъ съ матерьяльнымъ благомъ другого. Только одна любовь — увеличение въ себѣ любви — удовлетворяетъ всему, что можно желать, и не становится въ разрѣзъ съ благомъ другихъ. «Приди и вселися въ ны».

2) Женщины употребляютъ слова не для выраженія своихъ мыслей, а для достижения своихъ цѣлей. Такой же смыслъ онѣ ищутъ и въ словахъ другихъ. И отъ этого онѣ такъ навыворотъ часто понимаютъ людей. И это очень неприятно.

3) Смыслъ жизни только одинъ: самосовершенствованіе — улучшать свою душу. «Будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный».

5) Неорганическое есть только то, жизнь чего мы не можемъ понять. Для блохъ неорганическое есть мой ноготь. Точно такъ же и зло есть непонятое добро.

8) Одно изъ самыхъ обычныхъ заблужденій состоитъ въ томъ, чтобы считать людей добрыми, злыми, глупыми, умными. Человѣкъ течетъ, и въ немъ есть всѣ возможности: былъ глупъ, сталъ уменъ; былъ золь, сталъ добръ, и наоборотъ. Въ этомъ величіе человѣка. И отъ этого нельзя судить человѣка, какой [онъ]. Ты осудилъ, а онъ уже другой. Нельзя и сказать — не люблю: ты сказалъ, а онъ другой.

12) На колѣняхъ перевернулся разрѣзной ножъ отъ тяжести и мнѣ показалось, что это — живое, и я вздрогнулъ. Отчего? Оттого, что ко всему живому есть обязательства, и я испугался, что, не исполняя ихъ, я раздавилъ, прижалъ живое существо.

Нынче 19 февраля 1898. Москва.

Начну загадывать въ пасьянсъ, услышу раздражающіе разговоры, противорѣчіе, недоволенъ своимъ писаніемъ, осужденіемъ людей, жалѣю что-нибудь, — и вдругъ вспомню, что это мнѣ такъ кажется потому, что я согнулся и копаюсь подъ поломъ, а стоитъ только выпрямиться во весь ростъ, и все неприятное, раздражительное не только исчезло, но помогаетъ радости торжества надъ своей человѣческой слабостью.

Не испыталъ еще этого при физическихъ сильныхъ страданіяхъ. Выдержитъ ли? Должно выдержать. Помоги, Господи.

А то очень радостно.

Радостно то, что положительно открылось въ старости новое состояніе большого, неразрушаемаго блага. И это — не воображеніе, а ясно сознаваемая, какъ тепло, холодъ, перемѣна состоянія души, переходъ отъ путаницы, страданія къ ясности и спокойствію, и переходъ, отъ меня зависящій. Вотъ именно выросли крылья. Какъ только тяжело, больно идти ногами, распускаешь крылья. Почему же не всегда на крыльяхъ? А видно, слабъ еще. Не приучился еще; а можетъ быть, необходимъ отдыхъ.

Интересно узнать, есть ли это состояніе — свойство старости, могутъ ли молодые испытывать его? Я думаю, что могутъ. Къ этому надо приучить себя. Это-то есть молитва.

«Надо что-то скрывать, чего-то бояться, что-то мучаетъ, что-то недостаетъ», — и вдругъ: нечего скрывать, нечего бояться, нечему мучиться, нечего желать. Главное то, что переносишься отъ суда людскаго на судъ Божій.

Охъ, кабы это удержалось до смерти! Но и за то, что испыталъ, благодарю Тебя, Отецъ.

19 марта 98. Москва.

2) Хотятъ завладѣть Китаемъ — русскіе, Японія, Англія, нѣмцы, ссоры, дипломатическая борьба, будетъ и военная. И все это — только совершающееся заквашиваніе желтой расы въ одну христіанскую квашню, разнесеніе и усвоеніе идеи, какъ Крестовые походы, войны Наполеона.

4) Чѣмъ больше живешь, тѣмъ меньше становится время жизни. Для безконечно продолжительной жизни — жизни всѣмъ бы не было.

Нынче 21 марта 98. Москва.

6) Соціалисты никогда не уничтожатъ бѣдность и несправедливость, неравенство способностей. Сильнѣйшіе, умнѣйшіе всегда будутъ пользоваться слабѣйшими, глупѣйшими. Справедливости и равенства благъ нельзя достигнуть ничѣмъ меньшимъ христіанства, т. е. отреченіемъ отъ себя и признаніемъ смысла своей жизни въ служеніи другимъ.

8) Умные социалисты признають, что для достиженія ихъ цѣли главное дѣло въ томъ, чтобы поднять умственно и физически рабочихъ. Сдѣлать это можно только религіознымъ воспитаніемъ, а этого они не признають, и потому вся ихъ работа тщетна.

Всѣ согласны, что мы живемъ не такъ, какъ должны бы и могли бы. Лѣкарство однихъ: фатализмъ религіозный и еще хуже — научный, эволюціонный. Другіе утѣшаются тѣмъ, что постепенно все само собой лучше и лучше установится: постепенцы. Третьи утверждаютъ, что все устроится, когда дойдетъ до послѣдней крайности (соціалисты), — правительство и богатые классы завладѣютъ вполнѣ всѣми, т. е. рабочими, и тогда власть какъ-то перескочитъ не только къ рабочимъ, но къ не ошибающимся, безкорыстнымъ, самоотверженнымъ рабочимъ, которые поведутъ уже все дѣло безъ ошибки, безъ грѣха. Четвертые говорятъ, что исправить все дѣло можно только истребленіемъ злодѣевъ, дурныхъ. Но гдѣ кончаются дурные и начинаются хоть не добрые, но безвредные — нѣтъ указанія. То не истребятъ всѣхъ дурныхъ, то, какъ въ большую революцію, захватятъ въ дурные ужъ и хорошихъ. Только начать строго судить — никто правъ не останется. Какъ же быть? А есть только одно средство: религіозное измѣненіе душъ людей. И вотъ этому-то измѣненію мѣшаютъ всѣ воображаемая лѣкарства.

11) Тѣло мое есть не что иное, какъ та часть всего существующаго, которой я могу управлять.

12) Весь міръ есть то, что я ощущаю. Но что такое я? Это — то, что дѣйствуетъ.

13) Какъ бы хорошо написать художественное произведеніе, въ которомъ бы ясно высказать текучесть человѣка: то, что онъ, онъ одинъ и тотъ же, то злодѣй, то ангель, то мудрецъ, то идиотъ, то силачъ, то безсильнѣйшее существо.

22) Говорилъ съ П. о женскомъ вопросѣ. Вопросы женскаго нѣтъ. Есть вопросъ свободы, равенства для всѣхъ человѣческихъ существъ. Женскій же вопросъ есть задоръ.

12 апрѣль 1898. Москва.

Съ вчерашняго дня состояніе душевное очень тяжелое. Не сдаюсь, не высказываюсь никому, кромѣ Бога. Я думаю, что это очень важно. Важно молчать и перетерпѣть. То страданія перейдутъ къ другимъ и заставятъ ихъ страдать, а то перегорятъ въ себѣ. Это дороже всего.

Много помогаетъ мысль о томъ, что въ этомъ моя задача, мой случай возвыситься, приблизиться немного къ совершенству. Приди и вселися въ меня, чтобы затихли мои скверны. Пробудись во мнѣ.

Все хочется плакать.

1) Нашелъ записаннымъ: «Всякая побѣда надъ врагомъ есть увеличеніе своей силы». Помнить это особенно нужно мнѣ теперь. Идетъ борьба между духовнымъ и животнымъ я, и все, что я приобрѣту для перваго, на все это я ослаблю второго. Съ одной чашки вѣсовъ перекалдываю на другую. Разъ еще подпалъ искушенію, это — накатываніе дороги ко злу; устоялъ, это — начало накатыванія новой дороги — къ добру.

Нынче 29 апрѣля. Утро. Гриневка. 1898.

Читалъ Боккачю — начало господскаго, безнравственнаго искусства.

4 мая 1898. Гриневка. (Вечеръ.)

Думалъ:

1) Какъ слѣдить атлетъ за увеличеніемъ мускуловъ, такъ слѣди ты за увеличеніемъ любви или хоть, по крайней мѣрѣ, за уменьшеніемъ злобы и лжи, — и будетъ полная, радостная жизнь.

2) Вчера былъ споръ о старомъ вопросѣ: что лучше — участвовать въ злѣ, стараясь уменьшать его, или отстраняться отъ него? Вѣчное возраженіе: — «Будетъ анархія». — Да, но теперь хуже анархіи: несправедливость. — «Такъ что же, начинать все съ начала: опять сильный обидитъ слабого...» — Да, все съ начала, но съ той разницей, что теперь мы продолжаемъ жестокости и несправедливости, установленные во времена языческаго, варварскаго, а теперь мы живемъ въ свѣтѣ христіанства, и жестокости и несправедливости не будутъ уже такъ жестоки и несправедливы... (Не то, а было хорошо.)

Нынче 11 мая 98. Гриневка.

Съ помощью моихъ гимнастическихъ опытовъ убѣдился въ первый разъ, что я старъ и слабъ, и физическія упражненія надо совсѣмъ оставить. Это пріятно даже.

2) Вчера думалъ о томъ, что формъ мышленія — категорій — не семь, не четыре: причинности, матеріи, пространства, времени, а только одна: движеніе, включающее въ себя все. Движеніе есть перемѣна мѣста, стало быть — пространство; перемѣна же мѣста можетъ быть скорѣе и медленнѣе — время; движеніе предшествующее — причина, послѣдующее — слѣдствіе; то, что перемѣщается — матерія. Все — движеніе. Человѣкъ самъ непрестанно движется, и потому все ему объясняется только движеніемъ.

Нынче, кажется, 12 юня. Ясная Поляна. 1898.

6) Смерть есть переходъ отъ одного сознанія къ другому, отъ одного представленія міра къ другому. Какъ бы изъ одной сцены съ декораціями переносишься въ другую. Въ моментъ перехода видно, что то, что мы считали дѣйствительностью, есть только представленіе, такъ какъ мы переходимъ отъ одного представле-

нія къ другому. Во время этого перехода видна или хоть чувствуется самая настоящая реальность. Этимъ важна и дорога минута смерти.

12) Какъ странно и тяжело на меня дѣйствуетъ видъ **[[2]]*** владѣющихъ землею и заставляющихъ работать народъ. Какъ угрызеніе совѣсти. И это не разсужденіе, а чувство очень сильное. Виновать я былъ, не отдавъ землю мужикамъ? Не знаю.

Нынче 28 июня 98. Я. П. Вечеръ.

2) Мнѣ бываетъ особенно неприятно, когда люди, мало жившие и думавшіе, мнѣ не вѣрятъ и, не понимая меня, спорятъ въ вопросахъ нравственныхъ. Это оттого же, отчего ветеринару было бы досадно, если бы съ нимъ спорили люди, не свѣдущіе въ его искусствѣ. Разница только въ томъ, что ветеринарное, поварское, самоварное, какое хотите искусство или знаніе признается искусствомъ или знаніемъ, въ которомъ компетентны только изучавшіе эту область; въ дѣлѣ же нравственности всѣ считаютъ себя компетентными, потому что каждому нужно оправдывать свою жизнь, а жизнь оправдывается только теоріями нравственности. И каждый составляетъ себѣ ихъ.

3) Я часто думалъ о влюбленіи, о хорошемъ, идеальномъ, исключаящемъ всякую чувственность влюбленіи, и не могъ найти ему мѣста и значенія. А мѣсто это и значеніе очень ясное и опредѣленное: оно въ томъ, чтобы облегчать борьбу похоти съ цѣломудріемъ. Влюбленіе должно у юношей, не могущихъ выдержать полного цѣломудрія, предшествовать браку и избавить юношей въ самые критическіе годы, отъ 16 до 20 и больше лѣтъ, отъ мучительной борьбы. Тутъ и мѣсто влюбленія. Когда же оно врывается въ жизнь людей послѣ брака, оно неумѣстно и отвратительно.

4) Меня часто спрашиваютъ совѣта въ вопросахъ владѣнія землей. Я, по старой привычкѣ, отвѣчаю; тогда какъ на такіе вопросы такъ же неприлично отвѣчать, какъ было бы неприлично отвѣчать на вопросы о томъ, какъ воспользоваться владѣніемъ, или трудами, или оброкомъ крѣпостного раба.

6 июль. Я. П. 98.

Совсѣмъ здоровъ. Очень дурно живу. Не могу примириться съ волей Бога.

Нынче думалъ:

Жизнь Христа особенно важна, какъ образецъ той невозможности человѣка видѣть плоды своихъ трудовъ. И тѣмъ меньше, чѣмъ важнѣе дѣло. Моисей могъ войти съ своимъ народомъ въ обрѣтованную землю, но Христосъ никакъ не могъ бы видѣть плодовъ

* Двойными прямыми скобками съ цифрами въ ср дѣлѣ обозначено количество словъ, выпущенныхъ редакторами Дневника вслѣдствіе интимнаго ихъ содержанія.

своего учения, если бы онъ жилъ и до сихъ поръ. Вотъ этому надо учиться. А то мы хотимъ [дѣлать] дѣло Божье, а награду получать людскую.

17 июля. Я. П. 98. Утро.

Особеннаго ничего не было за эти 11 дней. Рѣшилъ отдать свои повѣсти: «Воскресенье» и «Отца Сергія» въ печать для духовоборовъ.

Внутренняя борьба. Мало вѣрю въ Бога. Не радуюсь экзамену, а тягочусь имъ, признавая впередъ, что не выдержу. Всю ночь нынче не спалъ. Рано всталъ и много молился. Взялся за *Воскресенье* и сначала шло хорошо, но съ тѣхъ поръ, какъ встретился, два дня ничего не могу дѣлать. Ходилъ гулять очень хорошо. Написалъ письмо Ернфельду²⁷ и приготовилъ добавление. А силъ нѣтъ противостоять привычному соблазну. Приди и вселися въ ны. Возбуди воскресенье во мнѣ.

1) Помыслы ведутъ къ мечтаніямъ, мечтанія — къ страстямъ, страсти — къ бѣсамъ. (Изъ Добротолубія.)

2) Эстетическое наслажденіе, получаемое отъ природы, доступно всѣмъ. Всѣ различно воспринимаютъ его, но на всѣхъ оно дѣйствуетъ. Такъ же должно дѣйствовать и искусство.

3) Какъ трудно дѣйствительно жить только для Бога. Думаешь, что живешь для Бога, а какъ только встряхнетъ жизнь, откажется та жизненная подпорка, на которой держался, чувствуешь, что нѣтъ державы въ Богѣ, и падаешь.

4) Къ «Отцу Сергію»: одинъ хорошъ, съ людьми падаетъ.

3 августа 1898. Пирогово.

Опять все по-старому, опять такъ же гадка моя жизнь. Пережилъ очень много; экзамена не выдержалъ. Но не отчаиваюсь и хочу переэкзаменовки. Особенно дурно держалъ экзамены потому, что имѣлъ намѣреніе перейти въ другое заведеніе. Вотъ эти мысли надо бросить, тогда будешь лучше учиться.

3) Совершенно ясно, что выгоднѣе все дѣлать сообща, но разсужденія для этого недостаточно. Если бы разсужденія было достаточно, то это давно бы уже было. То, что это видно по капиталистамъ, не можетъ убѣдить людей жить сообща. Кромѣ разсужденія о томъ, что это выгодно, надобно, чтобы сердце было готово такъ жить (чтобы міровоззрѣніе было такое, которое совпадало бы съ указаніями разума), а этого нѣтъ и не будетъ, пока не перемѣнятся желанія сердца, т. е. міровоззрѣніе людей.

4) Если бы даже случилось то, что предсказываетъ Марксъ, то случилось бы только то, что деспотизмъ переходилъ бы. То властвовали капиталисты, а то будутъ властвовать распорядителя рабочихъ.

5) Ошибка марксистовъ (и не однихъ ихъ, а всей матерьялистической школы) въ томъ, что они не видятъ того, что жизнью человѣчества движетъ ростъ сознанія, движеніе религіи, — все болѣе и болѣе ясное, общее, удовлетворяющее всѣмъ вопросамъ пониманіе жизни, а не экономическая причина.

6) Главная недодуманность, ошибка теории Маркса — въ предположеніи о томъ, что капиталы перейдутъ изъ рукъ частныхъ лицъ въ руки правительства, а отъ правительства, представляющаго народъ, въ руки рабочихъ.

7) Ничто такъ не размягчаетъ сердца, какъ сознаніе своей вины, и ничто такъ не окаменяетъ его, какъ сознаніе своей правоты.

11) Большое заблужденіе думать, что разумъ человѣка совершененъ и можетъ открыть ему все. Ограниченность разума виднѣе, очевиднѣе всего изъ того, что человѣкъ не можетъ разрѣшить (и ясно видитъ, что не можетъ) задачи безконечности: за всякимъ временемъ есть еще время, за всякимъ пространствомъ есть еще пространство, за всякимъ числомъ еще число, такъ что все временное, пространственное — непознаваемо.

13) Я молюсь Богу о томъ, чтобы Онъ избавилъ меня отъ того страданія, которое *меня* мучаетъ. А страданіе это послано мнѣ Богомъ для того, чтобы избавить меня отъ зла. Хозяинъ стегаетъ кнутомъ скотину, чтобы выгнать ее изъ горящаго двора и спасти ее, а скотина молится о томъ, чтобы ее не стегали.

14) Есть обычныя, иногда умышленныя, иногда не умышленныя недоразумѣнія о моихъ взглядахъ, которыя, признаюсь, раздражаютъ меня.

а) Я говорю, что Богъ — не Богъ, а что Богъ есть то, что одно есть, — не постижимое благо, начало всего: противъ меня говорятъ, что я отрицаю Бога;

б) Я говорю, что не надо насиліемъ противиться насилію: противъ меня говорятъ, что я говорю, что не надо бороться со зломъ;

в) Я говорю, что надо стремиться къ цѣломудрію, и на этомъ пути будетъ въ первой степени дѣвственность, во второй — чистый бракъ, въ третьей — не чистый, т. е. не единственный бракъ: противъ меня говорятъ, что я отрицаю бракъ и проповѣдую прекращеніе рода человѣческаго;

г) Я говорю, что искусство есть дѣятельность заражающая, и чѣмъ болѣе заразительно искусство, тѣмъ оно лучше. Но что эта дѣятельность хороша или дурна независимо отъ того, насколько она удовлетворяетъ требованіямъ искусства, т. е. заразительности, еще и по тому, насколько она удовлетворяетъ требованіямъ религіознаго сознанія, т. е. нравственности, совѣсти: противъ меня говорятъ, что я проповѣдую тенденціозное искусство, и т. п.

15) Женщина, — такъ и говорятъ легенды, — орудіе дьявола. Она вообще глупа, но дьяволъ даетъ ей на подержаніе свой умъ, когда она на него работаетъ. Смотришь, сдѣлала чудеса ума, дальновидности, постоянства, чтобы сдѣлать гадости; а какъ только нужна не гадость, не можетъ понять самой простой вещи, не соображаетъ дальше настоящей минуты, и нѣтъ ни выдержки, ни терпѣнія. (Кромѣ дѣторожденія и дѣтоухаживанья.)

16) Все это относится къ женщинѣ не христіанкѣ, не цѣломудренной женщинѣ, каковы всѣ женщины нашего христіанскаго міра. Охъ, какъ хотѣлось бы показать женщинѣ все значеніе цѣломудренной женщины. Цѣломудренная женщина (недаромъ легенда Маріи) спасетъ міръ.

17) Люди всѣ заняты тремя дѣлами: 1) кормиться, т. е. поддерживать свое существованіе, 2) плодиться, — поддерживать существованіе рода, и 3) исполнять то, для чего они посланы въ міръ: устанавливать Царство Божіе, для чего одно средство — совершенствоваться. Люди заняты почти всѣ первыми двумя дѣлами, забывая послѣднее, которое въ сущности есть одно настоящее дѣло.

18) Упадокъ нравственнаго сознанія человѣчества въ томъ, что большая часть людей поставлена въ такое положеніе, что весь интересъ ихъ жизни только въ томъ, чтобы кормиться и плодиться. Это все равно, какъ если бы хозяинъ содержалъ скотину, заботясь только о томъ, чтобы она была накормлена или, скорѣе, не умерла съ голоду и плодилась бы, а никогда не получалъ бы никакого дохода: ни шерсти, ни молока, ни работы — отъ этой скотины. Хозяинъ, пославшій насъ въ міръ, требуетъ отъ насъ, кромѣ существованія и продолженія его, еще и нужной ему работы.

19) Къ *Воскресенью*. Нельзя было думать и помнить о своемъ грѣхѣ и быть самодовольнымъ. А ему надо было быть самодовольнымъ, чтобы жить, и потому онъ не думалъ, забыть.

20) Нельзя требовать отъ женщины, чтобы она оцѣнила чувство своей исключительной любви на основаніи нравственнаго чувства. Она не можетъ этого сдѣлать, потому что у нея нѣтъ истиннаго, т. е. стоящаго выше всего, нравственнаго чувства.

2 ноября 1898. Я. П.

Страшно посмотрѣть, сколько времени не писалъ: больше двухъ мѣсяцевъ. И не только не было ничего дурного, а скорѣе, все хорошее. Юбилей былъ не такъ противенъ и тяжелъ, какъ ожидалъ²⁸. Продажа повѣсти и полученіе 12-ти тысячъ, которая отдала духоборамъ, устроилась хорошо. Дѣла очень много, но я весь поглощенъ *Воскресеньемъ*, берегу воду и пускаю только на *Воскресенье*. Кажется, будетъ недурно. Люди хвалятъ, но я не вѣрю.

Все, что записалъ — все очень важное — то запишу послѣ, но сейчасъ хочется записать то, что сейчасъ, вечеромъ, гуляя по дорожкѣ, я ясно не только думалъ, но чувствовалъ:

1) Подъ ногами морозная, твердая земля, кругомъ огромныя деревья, надъ головой пасмурное небо, тѣло свое чувствую, чувствую боль головы, занять мыслями о *Воскресеньи*; а между тѣмъ я знаю, чувствую всѣмъ существомъ, что и крѣпкая, морозная земля, и деревья, и небо, и мое тѣло, и мои мысли, — что все это — только произведение моихъ пяти чувствъ, мое представле- ние, миръ, построенный мной, потому что таково мое отдѣленіе отъ міра, какое есть. И что стоитъ мнѣ умереть, — и все это не исчезнетъ, но видоизмѣнится, какъ бывають превращенія въ теа- трахъ изъ кустовъ, камней сдѣлаются дворцы, башни и т. п. Смерть есть не что иное, какъ такое превращеніе, зависящее отъ другой отдѣльности отъ міра, другой личности: то я себя, свое тѣло съ своими чувствами, считаю собою, а то совсѣмъ иначе вы- дѣлится въ меня. И тогда весь миръ станетъ другимъ. Вѣдь миръ такой, а не иной, только потому, что я считаю собой то, а не дру- гое. А дѣленіи міра можетъ быть безчисленное количество.

(Не совсѣмъ ясно для другихъ, но для меня — очень.)

3 ноября 1898. Е. б. ж.

14 ноября 1898. Я. П.

12) Смерть есть перемѣна сознанія, перемѣна того, что я могу сознать собою. И потому страхъ смерти есть ужасное суевѣріе. Смерть есть радостное событіе, стоящее на концѣ каждой жизни. Странанія затѣмъ и посланы людямъ, чтобы удерживать ихъ отъ смерти. А то всѣ бы, понимающіе жизнь и смерть, стремились бы къ смерти. Теперь же къ смерти нельзя прійти иначе, какъ черезъ странанія.

15) Нравственный прогрессъ человѣчества происходитъ только отъ того, что есть старики. Старики добрѣютъ, умнѣютъ и пе- редаютъ то, что они выжили, слѣдующимъ поколѣніямъ. Не будь этого, человѣчество бы не двигалось; а какое простое средство!

16) Если человѣкъ смотритъ на жизнь матерьяльно, то ста- рики не лучшаютъ, а хужѣютъ, и прогресса нѣтъ.

17) Техническій прогрессъ всѣ привѣтствуютъ, всѣ подго- няютъ; нравственный же, религіозный прогрессъ задерживають жрецы. Оттого главныя бѣдствія жизни.

Сейчасъ 26 ноябрь 98. Утро. Я. П.

Не спалъ и думалъ:

1) Зло есть матерьяль любви. Безъ зла нѣтъ и не можетъ быть проявленія любви. Богъ есть любовь, т. е. Богъ проявляется намъ въ побѣдѣ надъ зломъ, т. е. въ любви. Вопросъ о происхо- жденіи зла такъ же нелѣпъ, какъ вопросъ о происхожденіи міра.

Не «откуда зло?» надо знать, а — какъ его поборать? какъ прилагать любовь?

Нынче 21 февраля 1899. Москва.

Студенческая стачка. Они все меня втягиваютъ²⁹. Я совѣтую имъ держаться пассивно, но писать письма имъ не имѣю охоты.

26 июня 1899. Ясная Поляна.

21) Кажется страннымъ и безнравственнымъ, что писатель, художникъ, видя старанія людей, не столько сострадаетъ, сколько наблюдаетъ, чтобы воспроизвести эти страданія. А это не безнравственно. Страданія одного лица есть ничтожное дѣло въ сравненіи съ тѣмъ духовнымъ — если оно благое — воздѣйствіемъ, которое произведетъ художественное произведеніе.

22) Мнѣ тяжело, я прошу Бога помочь мнѣ. Да вѣдь мое дѣло служить Богу, а не Ему служить мнѣ.

30) Будущаго нѣтъ. Оно дѣлается нами.

31) Безконечность времени и пространства не есть признакъ величія ума человѣческаго, а напротивъ, признакъ его неполноты, неизбѣжной ложности.

32) Мы думаемъ о будущемъ, устраиваемъ его; а ничто будущее не важно, потому что важно дѣлать творческое дѣло любви, которое можно дѣлать во всѣхъ возможныхъ условіяхъ; а потому совершенно безразлично, какое будетъ будущее.

41) Разумной убѣжденности никогда не бываетъ полной. Полная убѣжденность бываетъ только неразумная, въ особенности у женщинъ.

42) Отвѣчай добромъ на зло — и ты уничтожишь въ зломъ человѣкѣ все удовольствіе, которое онъ получаетъ отъ зла.

43) Богъ есть любовь. Мы знаемъ Бога только въ любви, соединяющей все. Въ себѣ узнаешь Бога въ стремленіи къ этому соединенію.

44) Безпрестанно думаешь о томъ, что мнѣ будетъ хорошо отъ добра. А добро есть, или его нѣтъ, — а не *будетъ*.

45) Все дѣло въ мысляхъ. Мысль — начало всего. И мыслями можно управлять. И потому главное дѣло совершенствованія: работать надъ мыслями.

Нынче 28 сентября 1899. Я. П.

1) Женщины, требующія для себя труда мужского и такой же свободы, большей частью безсознательно требуютъ для себя свободы разврата и спускаются, вслѣдствіе этого, гораздо ниже семьи, думая стать выше ея.

3) Я сорвалъ цвѣтокъ и бросилъ. Ихъ такъ много, что не жалко. Мы не цѣнимъ этой неподражаемой красоты живыхъ существъ и губимъ ихъ, не жалѣемъ не только растений, но живот-

ныхъ, людей. Ихъ такъ много. Культура, цивилизація, есть не что иное, какъ загубленіе этихъ красотъ и замѣненіе ихъ... чѣмъ же? Трактиромъ, театромъ...

5) Дороже всего на свѣтѣ добрыя отношенія между людьми; а устанавливаются эти отношенія не вслѣдствіе разговоровъ, — напротивъ, отъ разговоровъ портятся. Говорить какъ можно меньше и въ особенности съ тѣми людьми, съ которыми хочешь быть въ хорошихъ отношеніяхъ.

8) Братство — естественно, свойственно людямъ. Небратство, раздѣленіе старательно воспитываютъ.

16) То я — простой человѣкъ, Л. Н., животное, а то я — посланникъ Бога. Все тотъ же человѣкъ, но то — публика, а то — самъ судья въ цѣпи при исполненіи своихъ высшихъ обязанностей. Почаще надѣвать цѣпь.

Я послѣднее время отвыкъ, ослабъ. Сейчасъ только вспоминаю.

17) Человѣкъ есть внѣвременное и внѣпространственное существо, которое сознаетъ себя въ условіяхъ пространства и времени.

20) Желаютъ, волнуются, страдаютъ только изъ-за пустяковъ, или изъ-за дурного. Хорошее совершается безъ волненія. Отъ того и слово «сердце» значить — злость».

Сегодня 2 октября 1899. Я. П.

Все нездоровъ, — не страдаю, но чувствую постоянную угрозу. Нравственно лучше, — больше помню Бога въ себѣ и смерть. Кажется, выбился изъ труднаго мѣста *Воскресенья*.

2) Анархія не значить отсутствіе учреждений, а только отсутствіе такихъ учреждений, которымъ людей заставляютъ подчиняться насильно, а такія учреждения, которымъ люди подчиняются свободно, по разуму. Казалось, иначе не могло и не должно бы быть устроено общество существъ, одаренныхъ разумомъ.

4) Совѣсть есть память общества, усвояемая отдѣльными лицами.

5) Въ старости чувствуешь то же, что въ путешествіи: сначала мысли въ томъ мѣстѣ, изъ котораго ѣдешь, потомъ въ самомъ путешествіи, потомъ въ томъ мѣстѣ, куда ѣдешь.

Я испытываю это все чаще и чаще, думая о смерти.

Нынче 13 октября 99. Я. П.

Все не вполне здоровъ. Такъ и надо. Но это не мѣшаетъ жить, думать и двигаться къ назначенному предѣлу.

Еще важная, радостная мысль, хотя и старая, но которая мнѣ пришла, какъ новая, и радуетъ меня очень, а именно:

1) Главная причина семейныхъ несчастій — та, что люди воспитаны въ мысли, что бракъ даетъ счастье. Къ браку прима-

ниваетъ половое влеченье, принимающее видъ общанія, надежды на счастье, которое поддерживаетъ общественное мнѣніе и литература; но бракъ есть не только счастье, но всегда страданіе, которымъ челоуѣкъ платится за удовлетворенное половое желаніе. Страданіе въ видѣ неволи, рабства, пресыщенія, отвращенія, всякаго рода духовныхъ и физическихъ пороковъ супруга, которые надо нести: злоба, глупость, лживость, тщеславіе, пьянство, лѣнь, скупость, корыстолюбіе и развратъ, — всѣ пороки, которые нести особенно трудно не въ себѣ, а въ другомъ, и страдать отъ нихъ, какъ отъ своихъ; и такіе же пороки физическіе: безобразіе, нечистоплотность, вонь, раны, сумасшествіе и прочіе, которые еще труднѣе переносить не въ себѣ. Все это или хоть что-нибудь изъ этого всегда будетъ, и нести приходится всякому тяжелое. То же, что должно выкупать: забота, удовлетвореніе, помощь, — все это принимается, какъ должно; всѣ же недостатки — какъ не должное, и отъ нихъ страдаютъ тѣмъ больше, чѣмъ больше ожидалось счастья отъ брака.

NB. Жаль, что не до конца проведена мысль.

Нынче 18 декабря 1899. Москва.

Испытываю чувство успокоенія, удовлетворенія, когда заболѣваю, когда совершается разрушеніе предѣловъ моей личности. Когда только выздоравливаю, испытываю обратное: безпокойство, неудовлетворенность. Не есть ли это явные признаки того, что разрушеніе предѣловъ личности въ этомъ мірѣ есть вступленіе жизни въ новые предѣлы?

РЕДАКЦИОННЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ТѢКСТУ.

¹ Словомъ „Продолжаю“ Л. Н. чемъ начата новая тетрадь дневника: этой тетради предшествовала другая, которая, какъ сказано въ предисловіи, имѣется у редакціи настоящаго изданія дневника только въ отдѣльных отрывкахъ.

² „Е. б. ж.“ означегь: „Если буду живъ“. Этими словами Л. Н. часто заканчивалъ въ Дневникѣ то, что записывалъ за день, выставляя впередъ число слѣдующаго дня.

³ „Катехизисомъ“ Л. Н. называлъ тогда начатое имъ около того времени систематическое изложеніе своего жизнепониманія въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ.

⁴ А. А. Шкарванъ прислалъ Л. Н. чу свое письмо, озаглавленное: „Почему пельзя служить военнымъ врачомъ“. Впослѣдствіи это письмо въ передѣланномъ видѣ вошло въ его книгу: „Мой отказъ отъ военной службы. Записки военнаго врача“ (Изд. „Свободнаго Слова“, 1898, Англія, глава IV.)

⁵ Никольское, подмосковное имѣіе графовъ Олсуфьевыхъ, близъ станціи Подсолнечной, Николаевской ж. д.

⁶ Цементный заводъ Гиля въ 7 верстахъ отъ Ясной Поляны.

⁷ „Изложеніе вѣры“ (впослѣдствіи названное „Христіанское учене“).

⁸ Въ письмѣ къ гр. Л. Л. Толстому отъ 7 іюня 1896 г. Л. Н. такъ разсказывалъ про этотъ случай: „Вчера у меня было удивительное событіе.

Раза три ко мнѣ приходилъ штатскій молодой человекъ изъ Тулы, прося дать ему книги. Я давалъ ему мои статьи нѣкоторыя и говорилъ съ нимъ. Онъ по убѣждениямъ нигилистъ и атеистъ. Я отъ всей души говорилъ ему, что думаю. Вчера онъ пришелъ и подалъ мнѣ записку. „Прочтите, — говорить, — потомъ выскажите, что вы думаете обо мнѣ“. Въ запискѣ было сказано, что онъ — жандармскій унтеръ-офицеръ, шпионъ, подсланный ко мнѣ, чтобы узнать, что у меня дѣлается, и что ему стало невыносимо совѣстно, и онъ вотъ открывается мнѣ. Очень мнѣ было и жалко, и гадко, и приятно.“

⁹ „Заказъ“ — часть яснополянскаго лѣса, неподалеку отъ дома. Тамъ впоследствии былъ погребень Л. Н.

¹⁰ Т.-е тянеть изобразить эти картины въ художественной формѣ.

¹¹ Деревня въ четырехъ верстахъ отъ Ясной Поляны.

¹² Л. Н-ча тяготило то, что нѣкоторыя лица, которымъ онъ не желалъ показывать свой дневникъ, все же читали его. Последнiе годы своей жизни онъ вынужденъ былъ прятать свой текущiй дневникъ гдѣ-нибудь въ своихъ ксманатахъ, а законченныя тетради — отдавать на сторону на хранение.

¹³ С. — гр. С. А. Толстая. Шеншины — тульскiе помѣщики, жившие въ своемъ имѣнии Судаковѣ, въ 5 верстахъ отъ Ясной Поляны.

¹⁴ Prosper St. Thomas, гувернеръ Л. Н-ча и его братьевъ. Случай, упоминаемый въ Дневникѣ, произвелъ на Л. Н-ча огромное впечатлѣние. „Едва ли этотъ случай не былъ причиною того ужаса и отвращения передъ всякаго рода насилемъ, которые испытываю всю жизнь“, писалъ впоследствии Л. Н. въ своихъ воспоминанiяхъ. (См. П. Бирюковъ: „Биографiя Л. Н. Толстого“, М., 1911, изд. „Посредника“, т. I, 99—100.) Въ повѣсти Л. Н-ча „Отрочество“ St. Thomas изображенъ подъ именемъ St. Jérôme. Случай, упоминаемый здѣсь, описанъ въ гл. 14, 15 и 16 этой повѣсти.

¹⁵ Даниилъ Павловичъ Конисси, японецъ, перешедшiй въ православие, обучался въ Киевской Духовной академiи, затѣмъ прiѣхалъ въ Москву и здѣсь познакомился со Л. Н-чемъ.

¹⁶ Подъ „позней Якова и Иосифа“ Л. Н., очевидно, разумѣлъ библейскiе рассказы о жизни Якова, младшаго сына патриарха Исаака, и любимаго сына Якова, — Иосифа.

¹⁷ Крестьянинъ Харьковской губ., Сумскаго уѣзда, Петръ Васильевичъ Ольховикъ, отказавшiйся отъ военной службы 15 октября 1895 г. на призывѣ въ г. Бѣлопольѣ, Харьк. губ.

¹⁸ Да будетъ.

¹⁹ Да погибнетъ.

²⁰ Дворяне и чернь.

²¹ Л. Н-чъ ошибся на одинъ годъ: сраженiе противъ кавказскихъ горцевъ, въ которомъ онъ участвовалъ въ качествѣ „уноснаго фейерверкера“, происходило 18 февраля 1853 г.

²² Здѣсь Л. Н. вспоминаетъ холостые годы своей жизни.

²³ Такой типъ былъ впоследствии изображенъ Л. Н. въ рассказѣ „Фальшивый кулснъ“ подъ именемъ дворника Василя (см. Посмертныя художеств. произв. Л. Н. Толстого изд. А. Л. Толстой, т. I).

²⁴ Душанъ Петровичъ Маковецкiй, одинъ изъ ближайшихъ друзей Л. Н., жившiй послѣднiе 6 лѣтъ безошлочно при немъ въ качествѣ домашняго врача.

²⁵ Николай Евграфовичъ Федосѣевъ — политическiй ссыльный, ѣхавшiй этапомъ вмѣстѣ съ сосланными въ Сибирь духоборами. Въ письмѣ своемъ Федосѣевъ сообщилъ Л. Н-чу переданныя ему самими духоборами свѣдѣнiя о тѣхъ страданiяхъ, какiя пришлось перенести тѣмъ изъ нихъ, которые были заключены въ екатериноградскiй дисциплинарный батальонъ, а также

данныя о положеніи духоборовъ въ Сибири. Письмо это было напечатано въ „Листкахъ Свободнаго Слова“ 1898, № 1.

²⁶ Задуманное и написанное Л. Н-чемъ лишь въ 1902 г. художественное произведеніе: легенда о разрушеніи ада Христомъ и о возстановленіи его дьяволомъ, передѣлавшимъ учене Христа такъ, что оно оправдывало дурную жизнь людей.

²⁷ Арвидъ Александровичъ Ернфельдъ (Arvid Jarnfelt), извѣстный финскій писатель, единомышленникъ Л. Н.

Письмо Л. Н-ча къ Ернфельду, упоминаемое въ Дневникѣ, было слѣдующее.

„Хотя мы и никогда не видались, мы знаемъ и любимъ другъ друга и потому я смѣло обращаюсь къ вамъ съ просьбой оказать мнѣ большую помощь. Дѣло, которое я имѣю къ вамъ, должно остаться никому неизвѣстнымъ, кромѣ васъ, и потому никому не говорите и про это письмо, а отвѣтите мнѣ (Моск.-Кур. дор., ст. Козловка), гдѣ вы теперь и готовы ли помочь мнѣ? Пишу такъ кратко, потому что мало надѣюсь, чтобы при недостаточномъ адресѣ письмо дошло до васъ. Левъ Толстой“.

Въ поясненіе этого письма А. А. Ернфельдъ сообщилъ редакци слѣдующее:

„На вопросъ Л. Н-ча я отвѣтилъ немедленно. Я былъ увѣренъ въ томъ, что онъ хочетъ оставить Ясную и устраиваетъ бѣгство. Но когда мы потомъ, въ 1899 году, увидѣлись въ М сквѣ, Л. Н. сейчасъ же сказалъ: „Да, да, вы поняли меня, но соблазнъ миновалъ на этотъ разъ“. — И потомъ, оглянувшись, съ глубочайшимъ вздохомъ скорби сказалъ: — „Вы извините мнѣ, А. А., что я такъ живу, но, должно-быть, такъ надо“. И больше мы объ этомъ дѣлѣ ничего не говорили“.

Также въ письмѣ къ Ернфельду отъ 16 декабря 1898 года, т.-е. еще до этого свиданія съ нимъ, Л. Н-чъ писалъ: „Если увижусь съ вами когда, чего желаю очень, то расскажу вамъ, какой я ждалъ отъ васъ помощи. Теперь соблазнъ, который заставлялъ меня искать этой помощи, миновалъ“.

Въ письмѣ же къ В. Г. Черткову отъ 21 июля того же года, т.-е. черезъ три дня послѣ вышеприведенной записи въ Дневникѣ, Л. Н-чъ писалъ:

„Никому не читать. Я плохъ. Я учу другихъ, а самъ не умѣю жить. Ужъ который годъ задаю себѣ вопросъ, слѣдуетъ ли продолжать жить, какъ я живу, или уйти, — и не могу рѣшить. Знаю, что все рѣшается тѣмъ, чтобы отречься отъ себя, и когда достигаю этого, тогда все ясно. Но это — рѣдкія минуты“.

²⁸ Семидесятилѣтіе Л. Н-ча, исполнившееся 28 августа 1898 г.

²⁹ Въ серединѣ февраля 1899 г. студенты Петербургскаго университета, въ видѣ протеста рѣшили прекратить занятія. Къ нимъ вскорѣ присоединились студенты другихъ высшихъ учебныхъ заведеній Петербурга, а затѣмъ Москвы, Кіева, Харькова, Юрьева, Одессы, Томска, Казани, Риги и Новой Александрии. Такимъ образомъ, прекратили занятія нѣсколько десятковъ тысячъ студентовъ и курсистокъ. См. сборникъ „Студенческое движеніе 1899 г.“ изд. „Своб. Сл.“ (1900, Англия), впоследствии перепечатанный и въ Россіи.

У Л. Н-ча были представители московскаго и петербургскаго студенчества съ цѣлью привлечь его вниманіе и симпатіи къ студенческому движенію. См. объ этомъ воспоминанія П. Е. Щеголева: „Л. Н. Толстой и студенты въ 1896 г.“ въ газетѣ „День“, 1912, № 36.

БИБЛИОГРАФІЯ.

УТРАТЫ И ТРУДЫ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

В эти дни судьба уберегла французскую литературу от невосполнимых утрат. Правда, еще в одномъ изъ первыхъ столкновений палъ великодушный и глубокомысленный Шарль Пеги, идеологъ культуры, выступавшій цѣлое поколѣние большихъ писателей, но эта испуительная жертва, принесенная литературой войнѣ, словно умиротворила на время гнѣвную стихію. Въ скорбныхъ бюллетеняхъ штаба не промелькнуло болѣе ни одного изъ славныхъ именъ сегодняшней Франціи. Но кто въ силахъ измѣрить потери, понесенныя Франціей завтрашняго дня, кто сочтетъ невидимыя раны и безвѣстныя надежды, которымъ не дано уже осуществиться никогда? Повелительный зовъ войны не коснулся старости или зрѣлой мужественности признанныхъ мастеровъ слова; вѣдь слава подобна вечернему солнцу: она озаряетъ лишь закатъ писательской жизни. Но та безыменная рать молодой литературы, чередъ которой еще не настала, почти безъ исключения призвана къ оружию. Списки ея утратъ растутъ непрерывно. Не стало Эрнеста Пикари, внука Эрнеста Ренана, католическаго война, Поля Аккера, принадлежащаго къ старѣйшему поколѣнію, посредственнаго писателя, но искренняго печальника „отторженныхъ провинцій“, Андра Лафона, идиллическаго лирика, первые сборники котораго были уже замѣчены избранной критикой, — одного изъ братьевъ де Кассаньякъ, пылкаго Донъ-Кихота монархической реставраціи; всѣ эти потери возможно взвѣсить и хоть приблизительно измѣрить понесенный ущербъ. Но что извѣстно намъ объ этихъ, все равно что анонимныхъ для русскаго читателя, да и во Франціи мало къмъ замѣченныхъ писателяхъ: романистахъ и драматургахъ Дю Руръ, Дакръ, Де Фовиллѣ, А. Иванъ, Деруръ, Форестье, Лео Бирамъ, о критикъ Ривассо или военномъ историкъ Корнэ, о Пьеръ Живисти и Максъ Думикъ, наслѣдникахъ громкихъ именъ, о либреттистѣ „Русскихъ Балетовъ“ Робертъ д'Юмьеръ или историкъ музыки Экоршвиллѣ и о столькихъ другихъ, павшихъ на полѣ брани? Между тѣмъ я перечислилъ лишь нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, кто успѣлъ отмѣтить хоть первую вѣхою свой творческій путь, связать свое еще негромкое имя хоть съ одною единственною книгой. Но мы никогда не узнаемъ даже именъ тѣхъ, кому не привелось еще сказать своего слова, когда ихъ уста запечатѣла смерть. Кто скажетъ, что унесли они съ собою? Памяти этихъ невѣдомыхъ избранниковъ, высокаго призваніе которыхъ навѣки останется тайной, — колосевъ, побитыхъ желѣзнымъ градомъ еще ваканувъ жатвы, — и подогааетъ лѣтописцу посвятить первыя же строки воспоминанія и скорби.

Между тѣмъ, вдали отъ ужаса и пагуба битвы, въ обыденной обстановкѣ тыла смерть продолжаетъ дѣлать положенное ей дѣло. Такъ въ мудрой тишинѣ своей кельи „литературнаго бенедиктинца“ заключить, 57 лѣтъ отъ роду, свои дни Реми де-Гурмонъ, поэтъ, романистъ, фило-

софъ, естествоиспытатель, языковѣдъ, историкъ и критикъ литературы, переводчикъ, публицистъ, редакторъ „Ободрѣнія идеи“ и дѣйствительный руководитель двухнедельника „Mens et de France“. Историческій смыслъ этой смерти въ томъ, что она завершаетъ только что пройденный кругъ той спирали, которую образуетъ линия развитія литературныхъ формъ: она знаменуетъ, на нашъ взглядъ, развязку замѣчательнаго движенія, извѣстнаго подъ названіемъ французскаго символизма. Для полусознательныхъ и разнорѣчивыхъ устремленій названной группы отважная и точная мысль Гурмона служила въ теченіе четверти вѣка интеллектуальнымъ центромъ, объединяющимъ, направляющимъ и сдерживающимъ. Чѣмъ объяснить столь чрезвычайное воздѣйствіе?

По широкому захвату своихъ интересовъ, по числу областей знанія и творчества, куда сумѣло проникнуть его неизлечимое любопытство, Реми де Гурмонъ можетъ быть отчасти приравненъ къ величайшему „дилеганту“ Франціи — Вольтеру. Но не одна лишь „амплитуда“ его энциклопедическихъ знаній приближаетъ Гурмона къ столь прославленному мастеру: онъ раздѣляетъ съ создателемъ „Кандида“ также и даръ ироніи, раскрѣпощающей мысль, а главное — добродѣтель сомнѣнія, скептицизмъ ума, безошибочно чуткаго ко всякой условной лжи. Поэтому-то Реми де Гурмонъ все меньше былъ фанатическимъ идеологомъ литературной партіи. Онъ всегда оставался противникомъ всякой эстетической догмы, всякой тирании преемственныхъ и притлающихъ на непогрѣшимость художественныхъ правилъ. Его боевымъ лозунгомъ была автономія творческой личности; его единственнымъ критеріемъ оцѣнки — подлинность выявленія этой личности въ произведеніи искусства; иными словами — самобытность и новизна.

Такимъ образомъ, скептицизмъ его заподозрѣваетъ всякую предъустановленную теорію, а научная совѣсть биолога побуждаетъ чтить и лелѣть всякое проявленіе жизни. Онъ не желаетъ ничего принимать на вѣру, отказывается выкраивать себѣ одежду по плечу изъ рухляди традиционныхъ мировоззрѣній. Онъ равно преслѣдуетъ своимъ огточенымъ сарказмомъ: въ литературѣ — использование готовыми сочетаніями словъ и образовъ, а въ отвлеченномъ мышленіи — привычныя сдѣленія идей. На всѣхъ путяхъ, открытыхъ для его пылкости, онъ ведетъ борьбу съ упорной стихіей косности. Его призваніе — разрушать то, что непрочаю, дабы расчистить площадь для возведенія новыхъ цѣнностей.

Но самъ Гурмонъ не былъ причастенъ благодати творчества. Даже въ произведеніяхъ Гурмона-романиста преобладаетъ свойство виртуознаго и ироническаго анализа „комедіи пола“ („Греза женщины“, „Дѣвическ е сеудце“); его орудіе — не рѣзецъ ваятеля, а лезвіе ланцета, проникающаго въ самыя непримѣтныя скважины души. Поэтому-то его драгоцѣннѣйшее наследіе заключено въ рядѣ сборниковъ критическихъ очерковъ („Литературныя прогулки“, „Философскія прогулки“, „Книги масокъ“); рядомъ съ этими антологіями, почерпнутыми изъ журнальныхъ статей и рецензій Гурмона, слѣдуетъ поставить его сужденія „О проблемѣ стиля“, изслѣдованіе о „Половомъ инстинктѣ“, ранній, но капитальный трудъ о „Мистической латыни“ (средневѣковой религиозной лирикѣ), утопію „Ночь въ Люксембургскомъ саду“ а главное — циклы діалоговъ на темы литературы и жизни. Я уже упомянулъ о романахъ Гурмона; „Святая рая“, циклъ стиховореній, написанныхъ „свободнымъ стихомъ“ и проникнутыхъ „готическою мистикой“ и пасторальная поэма „Симона“ характеризуютъ его, какъ поэта, и дополняютъ его сложный и значительный обликъ. Но смысла его литературной жизни слѣдуетъ, быть можетъ, искать не столько въ перечисленныхъ произведеніяхъ, сколько въ его непосредственномъ воздѣйствіи на свер-

ствиковъ и современниковъ, въ его просвѣтительной и освободительной мисси.

Мы заключимъ эту памятку утратъ однимъ лишь упоминаемъ объ историкѣ Мезьерѣ, разсмотрѣніе чьихъ трудовъ выходитъ за предѣлы настоящей замѣтки, и объ академикѣ Поль Эрвье. Скромная заслуга послѣдняго писателя заключается въ попыткѣ углубить велико-свѣтскій романъ и салонную драму психологическимъ анализомъ и постановкой этическихъ проблемъ. Въ добросовѣстномъ, но неглубокомъ подходѣ къ этой задачѣ онъ руководствовался, повидимому, примѣромъ скандинавскаго театра и, пожалуй, русскаго романа.—Воздавъ долгъ памяти умершихъ, мы въ правѣ перейти къ дѣламъ и словамъ живущихъ.

* * *

Можно утверждать безъ преувеличенія, что вся дѣятельность французской литературы протекаетъ нынѣ въ „планѣ“ войны. Это по преимуществу отрывочная и патетическая литература воззваній, памфлетовъ и надгробныхъ словъ, зарождающихся какъ бы нечаянно, подъ повелительнымъ напоромъ события. Ея настоящая арена есть газета или даже „летучка“. Ея методъ и задача — обращеніе къ массамъ, непосредственное воздѣйствіе на подвижную психику толпы; ея главный приемъ — упрощеніе и подчеркиваніе. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда писатели воплощаютъ свое переживаніе момента въ формахъ художественныхъ и завершенныхъ, вымыселъ ихъ представляется лишь прозрачнымъ иносказаніемъ. Художникъ стремится придать своему повѣствованію сокровенный, но убѣждающій смыслъ притчи.

Къ произведеніямъ, слѣдующимъ по этому пути косвенной пропаганды, слѣдуетъ отнести романъ Поля Бурже „Смыслъ смерти“; романъ этотъ есть прежде всего апология католичества, скрытая подъ маской художественной объективности и безстрастныхъ показаній экспериментальной психологіи. Такъ, въ своей пьесѣ „Баррикада“ Бурже, въ свое время, съ видимостью безпристрастія противопоставилъ притязаніямъ труда священное право собственности, призывая имущихъ къ самозащитѣ; такъ, въ новомъ своемъ романѣ онъ пытается обосновать, съ точки зрѣнія позитивиста и скептика, дѣлсообразность вѣры. Романъ могъ бы называться „Двѣ смерти“; онъ построенъ на разительной антитезѣ. Знаменитый хирургъ д'Ортегъ, одинъ изъ князей науки, вѣрующій только въ опытъ, умираетъ, сраженный неизлѣчимой болѣзью, въ отчаяніи, униженіи и одиночествѣ. Смерть есть для него лишь великое ничто, послѣднее уничтоженіе; мысль о ней для него непереносима и приводитъ его къ нравственному опустошенію. Рядомъ съ нимъ — простодушный воинъ, раненый офицеръ Ле-Галликъ принимаетъ страданіе и смерть радостно и торжественно, ибо они освѣщаются для него религиознымъ смысломъ, готовностью къ искупленію. Изъ подобнаго сопоставленія герой романа, врачъ Марсаль, дѣлаетъ слѣдующій утилитарный выводъ: кто бы изъ нихъ ни былъ правъ, Ортегъ или Ле-Галликъ, гипотеза второго „примѣнима“ передъ лицомъ смерти, гипотеза перваго — нѣтъ. Таковъ путь, которымъ Бурже, самъ обращенный лишь недавно и непрочно, пытается привести своихъ читателей—раціональными доводами—къ подножью креста.

Если романъ Бурже представляется, при всей неприкрытой своей тенденціозности, самымъ сосредоточеннымъ и значительнымъ художественнымъ усиленіемъ, созрѣвшимъ въ атмосферѣ войны, его попытка воплотить въ образахъ психологическій сдвигъ, душевное перерожденіе своихъ соотечественниковъ подъ уроаю нашествія и національнаго уничтоженія не осталась единственной. Романъ Марсель Тинейръ

„Бдѣние передъ боемъ“ является какъ бы анекдотической хроникой первыхъ дней войны; писательницѣ не удалось выпростать намѣченныхъ ею образовъ изъ стремительнаго потока дѣйствительности, надѣлать ихъ самостоятельной жизнью; намѣренія ея не воплощены съ достаточной четкостью. Абель Эрманъ, ироническій бытописатель новыхъ хозяевъ жизни, крупныхъ буржуа, соразмѣряетъ въ злободневной книгѣ („Семейство Валаде во время войны“) жалкій миръ интересовъ своихъ излюбленныхъ героевъ и жертвъ съ грандіозными масштабами всенароднаго героизма и самопожертвованія. Характернымъ эпизодамъ, героическимъ, сентиментальнымъ или просто картиннымъ, почерпнутымъ изъ жизни тыла и фронта посвящены „Разказы военнаго времени“ Рене Базена, автора „Семейства Оберля“ (известнаго романа, доказывающаго органическое тяготѣние „аннексированнаго“ Эльзаса къ своей французской „приемной“ родинѣ), циклъ разказовъ Леона Фраппе, („Contes de la guerre“) обычнаго изобразителя быта народной школы, книги де-Нюна и нѣсколькихъ другихъ. Особое мѣсто слѣдуетъ отвести замѣчательной книгѣ бретонскаго поэта, романиста и историка литературы Шарля Ле-Гоффика. Если писатели, подобные названному Базену, строятъ свои очерки по слишкомъ известному у насъ типу „военныхъ разказовъ“, хотя и съ болѣе гибкимъ, чѣмъ у русскихъ собратьевъ, техническимъ умѣньемъ, книга Гоффика „Диксюдюде“ внушаетъ уваженіе своей чрезвычайной, строгой простотою. „Диксюдюде“ воспроизводитъ одинъ лишь мѣсяць изъ боевой жизни морской пѣхотной бригады; авторъ стремится изъ сопоставленія показаній очевидцевъ, сообщеній штаба и опредѣленій капитула Почетнаго Легиона, изъ записей походныхъ дневниковъ и отрывковъ писемъ къ близкимъ извлечь объективное изображеніе одного изъ эпизодовъ эпической борьбы. Онъ воздерживается отъ риторическихъ прикрасъ и отъ идеологическихъ надстроекъ. Онъ накопляетъ лишь достовѣрные материалы для будущаго созателя народнаго эпоса. Отозвался на событія дня также и Поль Аданъ, еще задолго до войны воплощавшій въ своихъ многосложныхъ, внушительныхъ и напряженныхъ романахъ идеи воинствующаго империализма; ему принадлежитъ напечатанный въ „Revue des deux mondes“ очеркъ „Дрожащій воздухъ“, рисующій потрясающую „апокалиптическую“ обстановку современной артиллерійской борьбы.

Надлежитъ упомянуть также и объ импровизированныхъ писателяхъ, выдвинувшихся преимущественно изъ военной среды; я отмѣчу среди множества подобныхъ непосредственныхъ отголосковъ, книгу артиллериста Марселя Дюпона „Въ походѣ“. Она, какъ нельзя лучше, рисуетъ складъ ума французскаго офицера-гражданина и тайну нравственной спайки армии: братство между начальниками и подчиненными, такъ ярко выразившееся также въ „Исторіи морской пѣхоты“ Гоффика.

Отыскали для себя примѣненіе въ трагически преобразившихся условіяхъ жизни также и юмористы; объ этомъ свидѣтельствуетъ хотя бы единолично составляемый Тристаномъ Бернарѣ шуточный журнальчикъ („Le roi civil“, предназначенный „иммобилизованнымъ“ писателемъ для „героевъ тыла“ и патриотовъ на словахъ. Журнальчикъ этотъ занимателенъ, какъ курьезная, проведенная до подробностей пародія на заправскую „газету военнаго времени“.

Подводя итоги художественнымъ отраженіямъ войны въ изящной литературѣ Франціи, нельзя обойти молчаніемъ и вклада поэтовъ. Последние, если и не вовсе безмолствуютъ, то все же предпочитаютъ молчать, вопреки брошенному у насъ недавно известному лозунгу. Достойныя вниманія сборникъ свѣтскаго поэта съ нѣкоторымъ уклономъ къ творческимъ приемамъ символистовъ — Робера де-Монтескю, вы-

шедший подъ нѣсколько аффектированнымъ и почти неперевожимымъ названіемъ „Les offrandes blessées“ („Раненныя приношенія“) и пресѣдующій цѣль „запечатлѣть память о великихъ мертвецахъ, облагороженныхъ лицахъ и трепетныхъ голосахъ“. Цикль виртуозныхъ и риторическихъ сонетовъ Эдмона Ростана завершаетъ бѣгло начертанную мною картину.

* * *

Я уже упомянулъ о томъ, что большинство французскихъ художниковъ слова предпочло претворенію дѣйствительности въ отраженные образы вымысла — боевое служе не публициста. Даже ученые, подобные Фредерику Массону или Эрнесту Лависсу, и философы, какъ, напримѣръ, Анри Бергсонъ или Эмиль Бутру, ощутили — безъ сомнѣнія, впервые за всю свою жизнь — потребность высказаться на столбцахъ газеты. Академикъ-гуманистъ Жозефъ Рейнакъ ведетъ изо дня въ день свои „Комментаріи Полибія“ — хронику войны. Обзоръватель получаетъ возможность ознакомиться съ этими выступлениями, ибо наиболѣе показательныя изъ нихъ переизданы въ формѣ книгъ. Характеризуетъ эти книги очевидное единство тона: все онѣ призываютъ къ борьбѣ съ воинствующимъ германизмомъ. Но въ этомъ единствѣ обозначаются стелени и отбѣнки. Для идеологовъ націонализма и милитаризма настали „болѣе дни“; воплощается многолѣтняя мечта о реваншѣ; наступилъ моментъ, когда ихъ узкая партийная доктрина совпала въ нѣкоторыхъ своихъ положеніяхъ со стихийнымъ порывомъ цѣлаго народа. „Священное единеніе“ обращается для нихъ въ часъ торжества завѣтнѣйшихъ вождѣлнй. Таковы Морисъ Баррессъ, замѣчательный стилистъ и парадоксальный мыслитель, смѣнившій пресловутаго Деруледа на посту предѣдателя монархической и ктерикальной „лиги патриотовъ“, поэтъ академикъ Жанъ Ришпенъ „травящій звѣря“ въ рядъ фльетоновъ (см. его „Proses de guerre“), другой академикъ, салонный рассказчикъ и убѣжденный милитаристъ Анри Лавданъ и многие другіе. Они безусловно и восторженно приѣмлютъ войну, пощряютъ всемерно законную ненависть къ чуждой и враждебной расѣ. Требования ихъ не ограничиваются избавленіемъ родины отъ врага и возвратомъ отторженныхъ провинцій; они ставятъ себѣ цѣлью отбросить германцевъ за Рейнъ и положить конецъ нѣмецкому государственному единству. Лейтмотивомъ ихъ наиболѣе яркихъ страницъ является старый катовскій лозунгъ: *delenda est*, — должна быть уничтожена! И многие изъ нихъ грезятъ наяву о возрожденіи, въ день народной побѣды, старой и истинной на ихъ взглядъ Франціи, — Франціи креста, шпаги и королевскихъ лилій. Таковы тѣ „обертоны“, которые слышатся намъ въ торжественныхъ фанфарахъ, призывающихъ къ единенію. Въ этомъ воинственномъ хорѣ сравнительно малочисленны голоса тѣхъ, кто, признавая желѣзную необходимость борьбы за национальную независимость, не поддается все же соблазну оправданія „войны, какъ таковой“.

Писателемъ, давшимъ наиболѣе совершенное выраженіе точкѣ зрѣнія на войну, принятой парламентскими руководителями, — точкѣ зрѣнія, представляемой въ проф. ссюальной публицистикѣ Эрве и Реводелемъ, — явился Анатоль Франсъ въ сборникѣ „На славномъ пути“. Книга эта, извѣстная русскому читателю по множеству извлеченій и ссылокъ, выросла не столько изъ ненависти къ врагу, сколько изъ любви къ своему народу и вѣрѣ въ него. Въ замѣчательной парабразѣ одного изъ эпизодовъ Геродотовой исторіи („Ксерксъ и Демаратъ“; остальные письма и статьи, вошедшія въ сборникъ лишены подобной художественной убѣдительности) онъ предвѣщаетъ торжество свободной республиканской Франціи надъ механической громадой Германской имперіи.

Позицію проповѣдника культурнаго братства народовъ избралъ Романъ Ролланъ, но скоро изнемогъ въ одинокой борьбѣ на два фронта: послѣ ряда статей въ нейтральной Женевской газетѣ, собранныхъ въ книгу „Au dessus de la mêlée“ („Надъ схваткою“) и вызвавшихъ во Франціи бурю негодованія, авторъ „Ианъ-Кристофа“ отказался отъ благородной, но безнадежной роли посредника, чтобы возвратиться къ частной жизни и уединенному творчеству.

Въ заключение надлежитъ упомянуть и о дѣлѣ пропаганды, совершаемомъ эльзасскими выходцами и бѣженцами, Эмилемъ Эзеленъ или аббатомъ Ветерле, недавнимъ депутатомъ рейхстага, давшимъ въ своихъ „Бесѣдахъ о войнѣ“ (Propos de guerre) рядъ саркастическихъ очерковъ германской культуры и общественности.

Андрей Левинсонъ.

ДѢТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ 1915 ГОДУ.

Приступая къ краткому обзору литературы для дѣтей за истекшій годъ, мы считаемъ необходимымъ указать тѣ отрывныя точки зрѣнія изъ которыхъ мы будемъ исходить при оцѣнкѣ книгъ. Прежде всего мы должны вполне опредѣленно заявить, что считаемъ необходимой особою, специально дѣтскую литературу; само собой разумѣется, мы не отказываемся и отъ соответствующихъ развитію дѣтей произведеній общей литературы. Достоинствами беллетристическихъ произведеній мы считаемъ ихъ художественность, реализмъ, правдивость изображенія дѣйствительности, отсутствіе прописной морали и тенденциозности, соответствіе съ запросами самихъ дѣтей. Отъ научно-популярныхъ книгъ, кромѣ того, мы требуемъ научности изложенія, т. е. мы хотимъ отъ книги свѣдѣній проверенныхъ, научно точныхъ.

Условия переживаемаго времени не могли не отразиться на дѣтской литературѣ, какъ отразились они на всей жизни страны. Вліяніе этихъ чрезъвычайныхъ обстоятельствъ выразилось въ томъ, что количество выпущенныхъ дѣтскихъ книгъ, въ общемъ, сократилось. Въ концѣ прошлаго года даже временно прекратили свое существованіе нѣкоторые дѣтскіе журналы, но съ начала 1915 года они снова стали выходить въ свѣтъ. Зато появились дѣтскія и популярныя книги, вызванныя къ жизни интересами момента: появилась дѣтская военная беллетристика, появились популяризаціи на темы, близкія войнѣ.

Беллетристика.

Дѣтская беллетристика за прошлый годъ* не дала много новаго. Несмотря на это нельзя сказать, чтобы она не принесла ничего ценнаго. Какъ на весьма интересный и утѣшительный фактъ, укажемъ на то обстоятельство, что въ этомъ году на дѣтскомъ книжномъ рынкѣ появился цѣлый рядъ дѣтскихъ книгъ, написанныхъ извѣстными писателями-беллетристами.

Отметимъ появленіе книгъ для дѣтей А. С. Серафимовича, И. Шмелева, И. Бунина, А. Куприна, А. Вережниковъ, П. Сурожскаго, С. Елпатьевскаго. Въ высшей степени ненормальнымъ слѣдовало бы считать то положеніе, при которомъ для дѣтей писали какіе то специалисты по части дѣтскихъ разсказовъ. Отъ дѣтскихъ книгъ и разсказовъ мы требуемъ прежде всего художественности, — и кто же, какъ не признанные беллетристы должны пойти навстрѣчу дѣтямъ! Пойти, не сюсюкая, не

* Съ осени 1914 до осени 1915 года.

пришепетывая, не коверкая своего языка, но выбирая сюжеты, близкие пониманію дѣтей, и говоря простымъ, сдержаннымъ и цѣломудреннымъ языкомъ. Вкусы литературные воспитываются еще въ дѣтствѣ. Въ высшей степени удачно было сказано однимъ изъ дѣтскихъ писателей, что „отъ Чарской въ дѣтствѣ одинъ лишь путь — къ Вербицкой въ юности“. Хотѣлось бы, чтобы и люди, слѣдящіе за чтеніемъ дѣтей, не руководствовались только предложеніемъ въ магазинахъ, а предъявляли бы опредѣленный спросъ на дѣйствительно художественную литературу.

Разсказы А. Серафимовича (А. Серафимовичъ. Морской Волкъ и др. разсказы. „Народно-школьная библиотека“ Книгоиздательства писателей въ Москвѣ, ц. 60 к.) весьма пригодны для средняго возраста. Они художественны, написаны простымъ и яснымъ языкомъ, безъ всякой подбѣлки подъ дѣтскій языкъ; фабула, по большей части, интересна. Огмѣтимъ появленіе отдѣльныхъ разсказовъ г. Серафимовича въ изданіи „Юной Россіи“.

Книгу И. Бунина (И. Бунинъ. Избранные разсказы. Въ томъ же изд-ствѣ, ц. 80 к.) слѣдуетъ усиленно рекомендовать для юношества. Взрослому читателю разсказы, вошедшіе въ эту книгу, извѣстны по собранію сочиненій, но тамъ они теряются, не замѣны среди другихъ болѣе значительныхъ произведеній: здѣсь же, собранные вмѣстѣ, они даютъ удивительно тонкаго и чистаго рисунка картину нашей природы и наш ѣ деревни. Изящество и образность языка, тонкое чувство природы придаетъ этимъ разсказамъ большую цѣну, какъ матеріала для воспитанія художественнаго вкуса дѣтей старшаго возраста. Однако слѣдуетъ пожалѣть о томъ, что писатель не имѣлъ въ виду непосредственной цѣли дать разсказы для дѣтей, — тогда они имѣли бы еще большую цѣнность.

Въ томъ же издательствѣ вышли и разсказы С. Елпатьевскаго: „Ректоръ и разсказы о прошломъ“ (ц. 50 к.). Достоинства ихъ общеизвѣстны.

Хорошимъ дѣтскимъ писателемъ является И. Шмелевъ. Онъ не только талантливый художникъ, но и художникъ дѣтства, котрое ему понятно и близко. Его разсказы для средняго возраста горячо рекомендуемъ читателю. Последнія произведенія г. Шмелева для дѣтей вышли въ изд. „Юной Россіи“. („Мой Марсъ“, ц. 15 к.; „Солдатъ Кузьма“, ц. 12 к.; „Письмо безъ марки и штемпеля“, ц. 15 к.; „Полочка“, ц. 20 к.)

Разсказы А. Вережникова „Всѣмъ солнышко сѣтитъ“ (Изд. библ. „Тропинки“, изд. Т-ва Сытина, ц. 75 к.) проникнуты истиннымъ гуманнымъ чувствомъ, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ переходящимъ въ сантиментальность. Подходящи для средняго возраста. Тому же автору принадлежитъ хорошее описание золотыхъ приисковъ Амурскаго края („Золотое дно“. Изд. Луковникова, ц. 25 к.).

Для средняго возраста можно рекомендовать также книжку П. Сурожскаго: „Зеленый шумъ“ (изд. „Жизнь и Знаніе“, ц. 85 к.). Разсказы просты, задушевы. Въ нихъ нѣтъ особенной художественной выразительности, но все они написаны языкомъ понятнымъ для дѣтей, и во всѣхъ видно пониманіе авторомъ дѣтской психологи.

С. Кондурушкинъ выпустилъ хорошую книгу разсказовъ для старшаго возраста „Звонарь“ (Библиотека „Тропинки“, издательство Сытина, ц. 75 к.).

Вторымъ изданіемъ вышли въ „Московскомъ Издательствѣ“ разсказы А. Куприна, (ц. 2 р. 25 к.) для средняго и старшаго возраста.

Менѣе посчастливилось младшему возрасту. Изъ присяжныхъ блетристовъ, если не считать С. Городецкаго, никто не написалъ для него

ничего. Это вполне понятно, но в то же время и обидно. Именно для этого возраста нужна своя, специальная, художественно и просто написанная литература. Правда, вышли книжечки Мамина-Сибиряка, но онъ не является приобретениемъ послѣдняго года.

Въ течение года вышло нѣсколько книгъ по исторической и зоологической беллетристикѣ. Среди книгъ перваго рода наиболѣе крупнымъ явлениемъ нужно считать книгу Н. Манасеиной „Царьвны“ (Книгоизд-ство „Тропинка“, ц. 3 р. 50 к.): это историческая повѣсть, удивительно выпукло рисующая жизнь русскую и нравы конца XVI столѣтїя; вѣщность книги великолѣпна; очень хороши рисунки и фотографии въ текстѣ. — Менѣе удачна книга Алтаева „Король и инфантъ“, историческая повѣсть изъ времени Филиппа II, (изд. Сытина, ц. 90 к.) ступены мрачныя краски, вѣщность изданїя (рисунки) плоха, однако при изученїи истории можетъ служить пособіемъ для дѣтей старшаго возраста. Перу того же автора принадлежатъ биографїи Жуковскаго, Лермонтова и Надсона („Поэты юности. В. А. Жуковский. М. Ю. Лермонтовъ. С. Я. Надсонъ“, ц. 1 р. 75 к.; „Пѣвецъ страданья и свободы“, — жизнь М. Ю. Лермонтова, — ц. 1 р.; „Юноша-поэтъ“, — жизнь и творчество С. Я. Надсона, — ц. 50 к. Изд. „Жизнь и Знаніе“). Биографїи написаны въ полубеллетристической формѣ, въ видѣ дополненїя къ нимъ приводятся или частично, или полностью лучшія стихотворенїя названныхъ поэтовъ. Больше всего „беллетристики“ въ биографїи Лермонтова. Если даже не касаться вопроса о допустимости и возможности беллетристическаго изображенїя этого и до сихъ поръ не вполне въ его личной жизни разгаданнаго поэта, то слѣдуетъ, однако, требовать возможно большей точности фактовъ, приводимыхъ биографомъ-беллетристомъ. Основные факты точны, но есть такія досадныя описки (или опечатки?), какъ „Кайе“ (воспитатель Лермонтова) вмѣсто Капэ. Порою авторъ слишкомъ свободно толкуетъ сомнительные вопросы въ биографїи поэта. Книжки могутъ заинтересовать дѣтей старшаго возраста и приблизить къ нимъ нашихъ поэтовъ. Изложенїе живое, языкъ хорошій. Рисунки удовлетворительны, кромѣ рисунковъ на обложкахъ г. Пѣтухова

Зоологическая беллетристика была въ истекшемъ году представлена переводами изъ Сетонъ-Томпсона, Робертса, оригинальными произведенїями гг. Рагозы, Покровскаго и Шведера и нѣкоторыхъ другихъ. Всѣ названые авторы довольно хорошо извѣстны русскому читателю. Кромѣ одного (Шведера), всѣ они могутъ быть рекомендованы (см. ниже).

Вышло нѣсколько книгъ географическаго содержанїя. Изъ нихъ обращаемъ вниманїе на Миккельсена („По слѣдамъ жертвъ ледяной пустыни“, Изд. Девриена, ц. 4 р. 50 к.), на пересказъ Миккельсена, сдѣланный Пименовой („Полярный Робинзонъ“, „Библ. Юн. Чит.“, ц. 40 к.) и второе изданїе книги Григорьева „Вокругъ южнаго полюса“ (изд. „Задруга“, ц. 1 р. 20 к.). Указанныя книги рекомендуемъ для старшаго возраста.

Ниже мы приводимъ краткїи списокъ книгъ беллетристическаго характера, которыя заслуживаютъ вниманїя руководителей дѣтскимъ чтенїемъ:

Изданїя Горбунова-Посадова.

Робертсъ. Ребята дикихъ. Ц. 80 к. (Ср. возр.)

Н. Рагоза. Лѣсная мышь. Ц. 15 к. (Ср. возр.)

Ю. Дарлимпль. Маленькій „Я то же“. (Младш. возр.) — Поѣхали! Ц. 15 к. (Мл. возр.) — Друзья-прїатели. Ц. 15 к. (Хороши для дошк. возр.)

И. Горбуновъ-Посадовъ. Герои-рудокопы. (Средн. и старш. возр.)

- В. Дунканъ. Саликъ Мери. (Ср. возр., отчасти и старш.)
Издательство „Медвѣжокъ“:
Разказы и пѣсни дяди Миши. Разказы, сказки и пѣсенки
для дѣтей младшаго возраста съ ногами. Ц. 45 к.
Ефимъ Честняковъ. Чудесное яблоко. Три сказки для
мал. дѣтей. Ц. 35 к. Просты, бодры и веселы (Младш. возр.)
Юингъ. Цыганенокъ. Ц. 25 к. Хорошій разказъ. (Ст. возр.)
Видѣнность изданій большею частью очень издѣсна, подборъ изда-
ваемыхъ книгъ — хорошъ.
- Дѣтская библиотека подъ ред. Тумима. Серія первая.
Авдрейкины сотенки. Цѣна шести книжекъ 80 к. Рекомендуются
для младш. возраста. Живыя веселыя книжки съ загадками, ребусами,
китайскими тѣнями, шутками, образцами для срисовыванія.
- Дм. Львовичъ. По киргизской степи. Путевые очерки.
Изд. Девриена. Ц. 2 р. 25 к. (Старш. возр.)
М. Ю. Лермонтовъ. Казачья колыбельная пѣсня. Изд.
Т-ва Сытина и К^о. Ц. 50 к.
Его же. Лирическія картины. Изд. Т-ва Сытина и К^о. Ц. 50 к.
Двѣ названныя книжки представляютъ собою музыкальныя и ху-
дожественныя иллюстраціи къ Лермонтовскому тексту. (Старш. возр.)
М. Моравская. Стихи для дѣтей. Апельсиныя корки.
Ц. 1 р. Своеобразно построенныя дѣтскія стихотворенія. (Младш. возр.)
О. Бѣляевская. Золотой поясокъ. Библиотека „Тропинки“.
Изд. Т-ва Сытина и К^о. Ц. 50 к. Недурныя картины природы въ сти-
хахъ. (Ст. и ср. возр.)
Ив. Наживинъ. Стуканъ, ц. 5 к. (Ср. возр.)
Его же. Слава человѣческая, ц. 5 к. (Ср. возр.)
Ив. Бѣлоусовъ. И. З. Суриковъ и его стихи. Изд. Т-ва
Сытина и К^о. Ц. 20 к. Просто, тепло написанный биографическій очеркъ
и нѣсколько стихотвореній поэта. (Ст. возр.)
Н. Рагоза. Походженія Чернушки. Разказъ изъ жизни
бѣлки. Ц. 21 к. Авторъ — одинъ изъ тѣхъ писателей для дѣтей, ко-
торый сумѣлъ избѣжать слащавости и очеловѣчиванія животныхъ, какъ
это дѣлаютъ въ своихъ произведеніяхъ гг. Федоровъ-Давыдовъ, Швед-
деръ и П. Соловья.
- Робертъ Домикъ подъ водой. Ц. 35 к. Изд. Читальни
„Нар. Школы“. Весьма удачный новый переводъ разказа. (Средн.
возр.)
- С. Покровский. Черная царица и ея народъ. — Бо-
лото и его обитатели — Сарычъ. — Неуловимый. Изд.
„Юной Россіи“. Ц. отъ 10 до 25 к. Рядъ хорошихъ очерковъ изъ жизни
природы. (Ср. возр.)
- В. Мурзаевъ. Творческая сказка. Сказки складки для
маленькихъ дѣтей. Изд. журн. „Малютка“. Ц. 30 к. Цѣль книги — дать
материалъ для дѣтскаго чтенія, соединеннаго съ рисованіемъ. Очень
полезное пособіе для занятій съ дѣтьми дошкольнаго возраста.
- Лименова. Горы и ихъ побѣдители. Библиотека „Тро-
пинки“, изд. Т-ва Сытина и К^о. Ц. 85 к. Интересно и живо составлен-
ная исторія восхожденій на горныя вершины. (Ср. и ст. возр.)
- Э. Розень. Какъ я нашелъ свою дорогу въ жизни.
Изд. „Юнаго Читателя“. Ц. 40 к. (Ст. возр.)
- С. Венцель. Вмѣстѣ скучно, а врозь тѣсно. Разказы
для дѣтей. Ц. 30 к. Изд. Ступина. (Младш. возр.)
- А. Заринъ. Нашъ журналъ. Ц. 35 к. (Ср. возр.)
- Н. Казминъ-Вьюговъ. Рожокъ пастуха. Библиотека „Тро-
пинки“ ц. 1 р. (Мл. и ср. возр.).

Считаемъ нужнымъ указать на рядъ книгъ не подходящихъ для дѣтей:

Е. Шведеръ. Мишка Топтыгинъ и его семейство. Изд. Вольфа. Очень плохая, нехудожественная передѣлка сказки о трехъ медвѣдяхъ.

Его же. Поводырь. Изд. Клюкина. Ц. 50 к.

Его же. Черемуха цвѣтетъ. Изд. „Юной России“. Ц. 20 к.

И двѣ послѣднія книжки написаны такъ же неудачно, какъ и первая.*

Е. Ардовъ. Волшебное стеклышко. Изд. Стасюлевича. Ц. 1 р. 50 к. Весьма неудачная книга въ духѣ рассказовъ г. Шведера
М. Пороховщикова. Когда Шурикъ былъ маленькій. Изд. Девриена.

Ея же. Варенькина доля.

Фальшивыя и по тону и по содержанию книги.

М. И. Демковъ. Уголокъ дѣтской жизни. Плодовитый авторъ компилляцій по педагогикѣ, естествознанію, сельскому хозяйству и пр. издалъ свои дѣтскіе рассказы. Они на рѣдкость бездарны, нехудожественны. Особенно противно стремленіе автора къ морализованію.

Мы не коснулись беллетристическихъ произведеній, посвященныхъ войнѣ. Ихъ сравнительно немного. Конечно, здѣсь все тотъ же г. Шведеръ, та же Клавдія Лукашевичъ. Кромѣ нихъ мы встрѣчаемъ имена гг. Ульянова, Баранова, Малиновской, Шкляра и нѣкоторыхъ другихъ. По всей вѣроятности, въ будущемъ количество беллетристики этого характера увеличится, — поэтому остановимся на этомъ вопросѣ нѣсколько подробнѣе.

Какъ только началась война, передъ всѣми воспитателями и педагогами всталъ вопросъ объ отношеніи дѣтей къ войнѣ. Можно сказать съ увѣренностью, что бѣльшая часть мыслящихъ руководителей дѣтей пришла къ тѣмъ выводамъ, которые выражены въ извѣстной резолюціи Петроградскаго Педагогическаго общества. Мы позволимъ себѣ привести нѣкоторыя мѣста этой резолюціи: „Признавая понятія о культурѣ, о международной солидарности въ защитѣ слабыхъ народностей, о необходимости самоотверженной борьбы за право человѣка и гражданина“ „весьма важными и положительными факторами воспитанія“, собраніе нашло необходимымъ „пользоваться фактами историческаго момента для гуманитарнаго воздѣйствія на молодежь“. „Вліяніе ужасовъ войны, сопутствующихъ ей всегда и вездѣ, расшатывающихъ психику не только дѣтей, но и взрослыхъ, и вызывающее огрубѣніе чувства и сознанія, должно быть, насколько возможно, ослаблено“. „Нужно бороться противъ лубочныхъ представленій о войнѣ, противъ издѣвательства и униженія противниковъ“. **

Казалось бы, задачи дѣтской литературы по отношенію къ войнѣ были вполне выяснены. Однако нашлись дѣтскіе писатели, которые совершенно забыли объ „использованіи историческаго момента для гуманитарнаго воздѣйствія“ и необходимости „ослабить вліяніе ужасовъ войны“. Такъ, г-жа Лукашевичъ, безызвѣстная сочинительница многихъ дѣтскихъ рассказовъ и хрестоматій, выпускаетъ рядъ книгъ, посвященныхъ войнѣ и ея ужасамъ. Съ какой цѣлью были составлены эти книги? Что онѣ должны были дать дѣтямъ? И чего хочетъ г-жа Лукашевичъ отъ дѣтей? На обложкахъ книгъ указано, что цѣль ихъ благотворительная. Пусть такъ. Но освобождаетъ ли это книги отъ обязанности быть хорошими? Мало — набрать рядъ военныхъ рассказовъ, стиховъ и газет-

* Обращаемъ вниманіе читателей на обзоръ книгъ Шведера, сдѣланный В. Рихтеромъ въ № 10 журнала „Что и какъ читать дѣтямъ“.

** Цитировано по журналу „Что и какъ читать дѣтямъ“. Январь, 1915 г.

ныхъ выдержекъ, чтобы составить хорошую книгу. Надо подумать, для чего это дѣлается. Дѣлается это, повидимому, для того, чтобы вовлечь и дѣтей въ работу по войнѣ. По крайней мѣрѣ, г-жа Лукашевичъ прямо пишетъ: „Дѣти, опять у насъ война. Опять нужна ваша помощь: принимайтесь за дѣло и несите свой трудъ, свою помощь всюду, гдѣ возможно, и вы исполните свой долгъ передъ родиной“. Вотъ образецъ пустой и непонятной, а потому вредной „патриотической“ риторики. Что должны дѣлать дѣти, конкретно, опредѣленно? Объ этомъ не говорится ни слова. Въ другомъ мѣстѣ одной изъ книгъ г-жи Лукашевичъ нѣкій П. М. совѣтуетъ ходить и просить: „Выпросите пожертвование у соседа, у знакомаго. Не стыдитесь просить. Сама церковь теперь ходитъ съ протянутой рукой и проситъ на раненыхъ“. Ничего другого не сумѣла предложить г-жа Лукашевичъ. Не объ ослабленіи влияния войны говоритъ авторъ, а предлагаетъ „вмѣсто обычныхъ дѣтскихъ праздниковъ устраивать патриотическія литературныя утра“, на которыхъ слѣдуетъ заучивать наизусть или по книгѣ статьи, въ которыхъ есть слѣдующія высоко-гуманныя мѣста: „Уничтожить противника—вотъ въ чемъ задача всякой войны, привести неприятеля въ состояніе ужаса — вотъ въ чемъ цѣль всякаго боя. Можно ли тутъ говорить о чемъ-нибудь другомъ кромѣ жестокости и безпощадности?“

Мы не хотимъ сказать, что все, находящееся въ книгахъ г-жи Лукашевичъ, вредно. Наоборотъ, многое въ нихъ совершенно безвредно, — и въ газетахъ дѣти встрѣчаютъ то же самое. Но въ томъ-то и дѣло, что дѣти достаточно захвачены войной и очень больно чувствуютъ ее, чтобы еще нужно было подогрѣвать это чувство.

Мы не находимъ нужнымъ останавливаться на разборѣ беллетристики остальныхъ упомянутыхъ авторовъ, такъ какъ ни у кого изъ нихъ мы не нашли стремленія „использовать событія съ гуманитарной цѣлью“. Беллетристика же, живописующая ужасы войны, въ настоящій моментъ для нашихъ дѣтей не нужно, — довольно съ нихъ газетъ и фактовъ дѣйствительности.

Научно-популярныя книги.

Въ этой области послѣдній годъ не далъ чего-либо выдающагося. Книги г. Ягодовскаго, Павловича, Покровскаго,* книги дѣйствительно прекрасныя, вышли еще въ срединѣ прошлаго года. Отмѣтимъ, второе издание книги г. Ягодовскаго „Лѣтнія работы по естествознанію“ (Изд. Тен. Учил., ц. 1 р.), затѣмъ книги, Золотницкаго: „Въ мірѣ прѣсныхъ водъ“ (Изд. Горбунова-Посадова, ц. 30 к.) и „Живая природа въ школѣ“. Толковая брошюра о собираніи растений дана С. Порѣцкимъ (Собираніе растений и составленіе гербарія. Изд. Горбунова-Посадова, ц. 20 к.). Е. Игнатъевъ далъ интересную астрономію для дѣтей: „Въ царствѣ звѣздъ и свѣтилъ“ (ц. 1 р. 50 к.). Всѣ названныя книги пригодны для старшаго и средняго возраста.

Книги географическаго характера были уже указаны выше.

Изъ историческихъ книгъ заслуживаетъ полнаго вниманія читатель книга проф. Ростовцева „Изъ прошлаго Греціи и Рима“ (Библиотека „Тропинки“, изд. Т-ва Сытина, ц. 60 к.), вышедшая, впрочемъ, также въ прошломъ году.

Война вызвала интересъ къ исторіи и географіи воюющихъ странъ.

* Ягодовскій. Въ странѣ полуночнаго солнца. Изд. „Жизнь и Знаніе“. Ц. 2 р. 50 к.

С. Павловичъ. Простѣйшія работы по изготовленію коллекцій въ школѣ и дома. Изд. „Жизнь и Знаніе“. Ц. 1 р. 30 к.

С. Покровскій. Среди природы. Изд. Горбунова-Посадова. Ц. 1 р.

Появились цѣлыя серии маленькихъ популярныхъ брошюръ. Нѣкоторыя, правда, очень немнога, могутъ служить и для чтенія дѣтей старшаго возраста.

Таковы брошюры:

Масловъ. Экономическія причины войны. Изд. Сытина. 65 стр., ц. 25 к. (Старш. возр.)

Гольденбергъ. Бельгія. Изд. „Жизнь и Знане“, ц. 10 к. (старш. возр.)

Веселовскій. Трагедія турецкой Арменіи. Изд. „Звѣзда“ 47 стр., ц. 25 к. (старш. возр.)

Огановскій. Отчего загорѣлась великая европейская война? 31 стр. № 1 серии „Война и трудъ“ въ изд. Тов. „Задруга“, ц. 8 к. (Стар. воз.)

Сивковъ. Великая европейская война сто лѣтъ тому назадъ и теперь. 31 стр. № 2 серии „Война и трудъ“, изд. „Задруга“, ц. 8 к. (Старш. воз.)

Заслуживаютъ вниманія изданія исторической комиссіи О. Р. Т. Э. подъ общимъ заголовкомъ „Война и Культура“. Далеко не всѣ онѣ равноцѣнны по качеству, однако, рядъ книгъ можетъ быть использованъ руководителями дѣтскимъ чтенемъ.

Таковы:

А. М. Гурвичъ. Политическій строй Германіи. 29 стр. Ц. 10 к. (Старш. воз.)

Его же. Политическій строй Англіи и Франціи. 30 стр. Ц. 10 к. (Старш. воз.)

Н. Ѳ. Легковъ. Голландія. 37 стр. и карта. Ц. 12 к. (Старш. возр.)

С. Червяковъ. Евреи въ Россіи. 34 стр. Ц. 10 к. (Старш. возр.)

А. В. Чайновъ. Война и крестьянское хозяйство. 16 стр. Ц. 8 к. (Старш. возр.)

Н. Я. Казиміровъ. Земство и Всероссійскій союзъ. 39 стр. Ц. 12 к. (Старш. возр.)

А. М. Ладыженскій. Красный Крестъ. 36 стр. Ц. 10 к. (Старш. возр.)

Издательства Некрасова, Сытина также выпустили не мало научно-популярныхъ книгъ. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ изданія удовлетворительны. Авторы слишкомъ часто вмѣсто объективнаго тона популяризатора принимаютъ тонъ негодующій и полемическій и слишкомъ часто выходятъ за предѣлы поставленныхъ темъ. Такова брошюра изд. Сытина: „Какъ началась война?“ или „Современные варвары“ въ изд. Некрасова.

Въ заключеніе укажемъ на два дѣтскихъ критико-библиографическихъ журнала, ведущихъ обзоры вновь выходящихъ книгъ: „Что и какъ читать дѣтямъ“ (подписная цѣна 2 р. въ годъ; Петроградъ, Геслеровскій пер., 29) и „Новости дѣтской литературы“ (подп. цѣна 2 р. 50 к., Москва, В. Кисловскій пер., 1). Оба эти журнала ведутся очень толково и даютъ много матеріала.

Въ качествѣ пособій при изученіи дѣтской литературы изъ числа вышедшихъ за два послѣднихъ года назовемъ слѣдующія книги:

В. Родниковъ. Дѣтская литература. Съ указаніемъ важнѣйшихъ книгъ для дѣтскаго чтенія. Изд. второе Самоненко. 1915 г. Ц. 1 р. 20 к.

Евгеній Елачичъ. Сборникъ статей по вопросамъ дѣтскаго чтенія. Изданіе автора. 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.

Систематическій указатель для дѣтей и юношества. Ч. I. Сказки. Изд. Подвижного музея. 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Миссъ Сара Брайнътъ. Какъ и что разсказывать дѣтямъ. 1915 г. Ц. 1 р.

Э. Н. и Дж. Э. Партриджъ. Какъ и что разсказывать дѣтямъ въ школѣ и дома. Изд. Т-ва „Миръ“. 1914 г. Ц. 1 р. 20 к.

Н. В. Чеховъ. Введеніе въ изученіе дѣтской литературы. Изд. Сытина. 1915 г. Ц. 30 к.

А. П.

В. В. Маяковскій. *Облако въ шляпкахъ.* Стр. 64. Цѣна 1 р.

...„Пусти, Марія!

Я не могу на улицахъ!..“ (Стр. 51).

...„Открой.

Больно...

Видишь, натканы въ глаза изъ дамскихъ шляпъ булавки!..“ (стр. 55).

...„Скоро крикомъ издерется ротъ...“ (Стр. 19).

...„Скажите сестрамъ Людѣ и Олѣ (стр. 19).

что ему уже некуда дѣться...“

И еще. И еще. Крикъ отчаянія, ужасъ „каторжанина города“, у котораго „пожаръ сердца“, — который „прекрасно боленъ“, котораго задавили желтыя стѣны каменныхъ громадъ, и которому страшно, до сумасшествия страшно въ этомъ страшномъ городѣ въ этотъ изступленный годъ...

И отъ боли, отъ невыносимой муки — ненависть, отточенная, „нахальная и ѣдкая“.

Стихи — „какое-то варево изъ соловьевъ и любви“, поэтъ — „сѣренькій, какъ перепелъ“.

„Какъ смѣете Вы чирикать?“ Люди — „лопались, проѣвшисъ насквозь, и сочилось сквозь трещины сало“... „Уличные тыщи — студенты, проститутки, подрядчики“...

И съ отчаянья „невѣроятно себя нарядивъ“, „чтобъ нравился и жегся“ — онъ идетъ по землѣ, крича „въ зубы эшафота“ — „пейте какао Ванъ Гутена!“

Даже бунтъ, даже мятежъ — съ отчаянья. Оттого что больно, оттого, что „не могу — на улицахъ!“ — кошунственный крикъ небу:

— „Эй, Вы!

Небо!

Снимите шляпу!

Я иду...“

Дикая, нелѣпая, жестокая книга! И когда въ футуризмъ окончательно ликвидируется скандалъ, — тогда уйдутъ тѣ недостатки и неприятности, которыхъ много въ трагическихъ стихахъ г. Маяковского.

Вѣдь настоящій, подлинный трагизмъ его стиховъ отъ ненужнымъ и неумнымъ иногда пустяковъ превращается въ трагикомизмъ.

Хочется вѣрить, что настанетъ день, когда г. Маяковский свое нужное скажетъ безъ гримасы и буффонады.

Натанъ Венгровъ.

Ив. Шмелевъ. *Карусель.* Разсказы.

Т. VI. Книгоиздательство Писателей въ Москвѣ.

„Невозвратно прошло, чему суждено пройти въ этотъ день, — большое и мелкое“. Всюду оно проходитъ, оставляя липкій слѣдъ свой, и не всегда замѣчаетъ его присмотрѣвшійся глазъ и оглушенное ухо, а г. Шмелевъ замѣчаетъ. Правда, онъ никогда не говоритъ о томъ слѣдѣ, который остается послѣ „гомозливой бѣготни“, о „суетливой пестротѣ дневного человѣческаго кочевья“. Онъ говоритъ о самой бѣготнѣ, онъ рисуетъ тщательно и детально, иногда слишкомъ детально, именно „хлопотню“ именно день, но тѣмъ сильнѣе читатель чувствуетъ, какъ авторъ ждетъ, что изъ тихой весенней ночи выйдетъ невѣдомое, радостное. Это невѣдомое встаетъ предъ г. Шмелевымъ, какъ должное и желанное. Передъ нами новый томъ его разсказовъ. Они не равны по исполненію, но въ нихъ авторъ такъ проникается „дневнымъ человѣческимъ кочевьемъ“, такъ каждый разъ по особому рисуетъ это кочевье, что передъ вами встаютъ живыя фигуры, и о нихъ думаешь.

как о живых, и видишь за дневной суетой каждого большую тихую ночь, когда яснее дневной слѣдь.

Самыми характерными рассказами въ сборникѣ являются „Карусели“, „По природѣ“ и „Гости“. Три уголка жизни, каждый со своимъ своеобразіемъ, мелочами и невидимымъ „липкимъ слѣдомъ“.

Вотъ чашкинский лавочникъ Иванъ Акимычъ съ его дневными заботами, и весь день его хлопотливой жизни выдѣляется контрастомъ на золотѣ вечера. Тишь. Карусель завтра завертится, а пока чего-то ждешь. „Или еще не все, чего стоитъ ждать, затопталось въ дѣлѣ, не все еще растерялось въ гомозливой хлопотѣ“. Всѣми своими рассказами г. Шмелевъ отвѣчаетъ: „не все“. И хлопотня приобретаетъ какое-то значеніе, какъ будто черезъ нее что-то открывается, и только слѣпые не видятъ, — да и то слышать невидимое солнце.

„Солнышко вонъ. Солнышко-то не видишь. — Не-э... сказалъ слѣпой. — Слышу... Во-онъ...“

„И показалъ къ солнцу надъ лѣсомъ“. („Слѣпые“.)

Погруженіе г. Шмелева въ детали описаніи (способность такая ненужная у другихъ писателей!) у него имѣетъ особое значеніе. Въ мелочахъ для г. Шмелева скрытъ большой смыслъ: мелкая деталь возстановляетъ крупную черту, и растетъ передъ нами человекъ въ своемъ своеобразіи, въ отдѣльности и въ своемъ сходствѣ съ другими. Такими мелкими чертами нарисованы протопопъ, податной инспекторъ въ рассказѣ „Поѣздка“, да и все остальные персонажи рассказовъ.

Тѣмъ и дорогъ г. Шмелевъ, что онъ чутокъ къ внѣшнему, что онъ заставляетъ заглядывать внутрь и, даже больше онъ отождествилъ внѣшнее съ внутреннимъ и поставилъ передъ нами большую проблему, которая еще не затронута въ литературѣ, но о которой уже говорить. Это проблема о новой внѣшней культурѣ, о значительности тѣхъ

мелкихъ чертъ, изъ которыхъ складываются человекъ, его міръ, его желанія, его стремленія. Къ сожалѣнію, нѣтъ возможности остановиться сейчасъ на этомъ вопросѣ.

И то хорошо, что г. Шмелевъ заставляетъ задуматься надъ нимъ подъ шумъ печальной суеты жизни.

Л. Щеглова.

Л. Добронравовъ. *Горькій цвѣтъ*. Рассказы.

Рѣзко-обличительныя тенденціи, составляющія пафосъ большинства рассказовъ Л. Добронравова, всегда законны и умѣстны, но далеко не всегда интересны. Слишкомъ ужъ проторена эта дорожка; слишкомъ много слѣдовъ оставлено на ней, такъ много, что спутываются слѣды вновь вступившаго на нее со старыми, — и не отличить ихъ. Очень сильнымъ нужно быть, чтобы, идя по этой дорожкѣ, оставить свои слѣды. Л. Добронравовъ не настолько силенъ. Болѣе того, онъ совсѣмъ не силенъ. Чувство гнѣва чуждо ему, чувство, дѣлающее старое новымъ. Впрочемъ, кому знакомъ нынѣ святой гнѣвъ? Теперь въдь все это прощя: сильныя страсти не въ модѣ.

Потому такъ прѣсны даже лучше рассказы г. Добронравова: „Диспутъ“ и „Профессоръ богословія“. Они хорошо задуманы и недурно выполнены. Есть въ нихъ и наблюдательность, и горькій юморъ, и умѣнье обрисовать типъ. Но этого мало. Этого достаточно, быть можетъ, для того, чтобы писатель хорошо написалъ, но слишкомъ мало для того, чтобы читатель хорошо, по-настоящему прочелъ. Путь обличительной литературы — самый трудный путь. Тутъ нужна талантливая, горящая и зажигающая душа. Въ противномъ случаѣ — это правдиво, мѣтко, даже нужно, но скучно!

Но когда г. Добронравовъ отходитъ отъ столь знакомой ему среды духовенства, онъ теряетъ свои достоинства и становится обычнаго типа рассказчикомъ, нѣсколько выдѣляющимся, правда, чистотой

и изяществомъ языка и честнымъ отношеніемъ къ темъ. Совершенно никчемны и безсильны попытки г. Доброправова откликнуться на колоссальную и волнующую тему — жизнь въ войнѣ. Непріятною, фальшивою почти, слащавостью вѣетъ отъ военныхъ разсказовъ г. Доброправова. Война вызываетъ у него умиленіе предъ человѣческой хорошестью. Не слишкомъ ли это прекраснодушно?

Но за всѣмъ тѣмъ рассказы г. Доброправова изъ среды духовенства — нужно прочесть. Слишкомъ много мѣста въ нашей жизни занимаетъ теперь лицемѣрное христіанство. Нынѣ это — мечъ въ рукахъ гг. Эрновъ, Булгаковыхъ и прочихъ, борющихся съ „гнилымъ, атеистическимъ Западомъ“. Полезно поэтому познакомиться съ тѣмъ, какъ этотъ мечъ выковывается, и кто его куетъ. Рассказы г. Доброправова вполне даютъ это знакомство.

Мих. Левидовъ.

Г. Гребенщиковъ. *Въ просторахъ Сибири.* Повѣсти и рассказы.

Въ полуэтнографическихъ разсказахъ г. Гребенщикова не найти захватывающей фабулы, острыхъ психологическихъ моментовъ, ярко выраженныхъ проблемъ. Но онъ умѣетъ видѣть, слышать и о видѣнномъ и слышанномъ интересно, подчасъ красиво и образно разсказать. Запасъ наблюдений его весьма великъ. То онъ разсказываетъ о жизни киргизовъ, вырождающихся отъ пьянства, выгоняемыхъ голодомъ и людьми изъ своихъ необъятныхъ степей; то даетъ яркій типъ плотника Тихоныча, который послѣ больного запоя становится передъ иконой и даетъ клятву не пить до такого-то срока, и клятву свою строго держитъ, пока не приходитъ срокъ, а тогда снова пьетъ по цѣлымъ недѣлямъ и, протрезвѣвъ, назначаетъ новый срокъ трезвости; то рисуется стильную картину жизни заброшеннаго, людьми и Богомъ позабытаго сибирскаго рудника, жители котораго, сидя безъ хлѣба, безъ дровъ и огня, все ожи-

даютъ откуда-то „манифеста“ о возобновленіи горныхъ работъ; то въ сжатомъ, сильномъ и жуткомъ разсказѣ описываетъ онъ совершенно особый бытъ „лѣсныхъ королей“, лѣсную любовь лѣсничаго къ молодой женѣ стараго, будто изъ желѣза выкованнаго кержака и лѣсную трагическую смерть лѣсничаго...

И несмотря на разнообразіе разсказовъ г. Гребенщикова, во всѣхъ нихъ слышится одинъ основной мотивъ: природа прекрасна, сурова и величава, человѣкъ несчастенъ, жалокъ, не умѣетъ жить. Сумѣетъ ли? Робкими намеками г. Гребенщикова обнаруживаетъ свою вѣру, что сумѣетъ...

А природу сибирскую, дико-прекрасную, г. Гребенщикова понимаетъ, чувствуетъ и умѣетъ воссоздавать на страницахъ своихъ разсказовъ. Талантъ его, напоенный дыханіемъ сибирскихъ лѣсовъ и грустью широкихъ сибирскихъ степей, — не глубока, не блестяща, но крѣпка и устойчива.

Мих. Левидовъ.

Андрей Соболевъ. *Пыль.* Романъ. Изд. „Сѣверные Дни“. Москва.

Романъ г. Соболя — одинъ изъ тѣхъ, что вызваны были къ жизни тягостными переживаниями послѣ-революционной эпохи. Онъ приуроченъ къ опредѣленному моменту, интересенъ, какъ показатель душевныхъ настроеній нѣкоторыхъ дѣятелей, оторванныхъ отъ дѣятельности. Въ этой приуроченности — сила такихъ произведеній, но и ихъ слабость. Сила — потому, что, явившись во-время, они привлекаютъ вниманіе, волную самой жизнью взволнованныя души; слабость — потому, что они теряютъ всякую интересность, лишь только времена, ихъ вызвавши, уходятъ въ прошлое. Своевременность появления создала успѣхъ „Коню Блѣдному“ г. Ропшина, нѣкоторымъ вещамъ г. Винниченки и инымъ, менѣе значительнымъ, произведеніямъ. Подобная удача ожидала бы, пожалуй, романъ Андрея Соболя.

появился онъ года на два, на три пораньше.

Русские эмигранты, разгромленная революция, парижскія кафе, женщины, самоанализъ, тоска, скептицизмъ, кислыя слова, вопросы: „что Конь конкретнымъ силамъ революци и что онъ ему?“, утверждения: „огромный могильный холмъ, и на немъ мы, да еще вразбродъ“ — и такъ далѣе, и такъ далѣе... Все это очень грустно, все это очень вѣрно, но, Богъ мой, какъ все это надоѣло, потеряло остроту, ибо давнымъ-давно изжито и пережито! Съ этой стороны (эмигрантскихъ настроеній) романъ г. Соболя не даетъ ничего новаго и, пожалуй, могъ бы пройти незамѣченнымъ, если бы не имѣлъ нѣкоторыхъ чертъ, отличающихъ его отъ прочихъ. Герои г. Соболя не просто русские революционеры это революционеры-евреи. Въ постановкѣ на первый планъ ихъ крови, еврейскаго ихъ происхожденія — вся оригинальность Андрея Соболя.

Дѣло извѣстное. Революционеръ Бергманъ говорить: „... девять лѣтъ твердилъ: Россія, русский народъ. Вѣдь девять лѣтъ отдалъ на это. Молодость всю, весь пылъ, а потомъ вдругъ въ одну ночь увидать, что все это миеъ“. Но почему все это оказалось миеомъ? Потому, что революция проиграна; потому, что онъ одинокъ; еще потому (это самое главное въ переживаніяхъ персонажей г. Соболя), что въ немъ проснулось національное чувство; потому, что даже въ революционной средѣ оказались Петры Николаевичи и Бузулуковы, проводяще грань между русскимъ и евреемъ; потому, наконецъ, что, почувствовавъ въ себѣ еврея, онъ оскорбился, ибо Россія оказалась пропитанной нелюбовью къ еврею. Въ концѣ концовъ: „нѣтъ живого бога, а только пустота“ и дальше: „надо крестъ поставить надъ нами, надъ нашимъ народомъ, надъ всѣмъ тѣмъ, что такъ или иначе связано съ нами. Нѣтъ и не можетъ быть правды у тѣхъ, чей народъ — пылъ

летающая, чей народъ всегда и всюду иностранецъ“.

Выводы очень грустные, но они нисколько не убѣдительны, т. е. романъ г. Соболя даже въ малой степени на эти выводы не наводитъ. Они висятъ въ воздухѣ, подобно многому множеству утверждений очень горькихъ и обидныхъ, которыя высказывались людьми въ минуты тяжкихъ душевныхъ состояній, когда приходилось говорить подъ диктовку подавленного (и оскорбленного) сердца. За такими утверждениями есть, разумѣется, большая психологическая цѣнность. Оживленные перомъ романиста, облеченныя плотью и кровью, они затрепетали бы подлинной жизнью, потрясая и волнуя простой своей очевидностью, однимъ фактомъ художественнаго своего воплощенія, независимо отъ того, правильны они или нѣтъ, есть ли за ними сила логики, или они логически безцѣнны.

„Пыль“ такого воплощенія не даетъ. Если авторъ намѣревался въ живыхъ образахъ представить нашему взору трагедию еврейства (революционеры — случайность), сдѣлать это ему не удалось. Въ романѣ мы слышимъ разныя слова на эту тему, но не ощущаемъ самой трагедии просто потому, что тамъ ея не существуетъ. Трагедія еврейскаго народа — быть можетъ, самая потрясающая (и позорная) страница въ исторіи нашей современности. Достойная остраго вниманія, она оказалась въ произведеніи г. Соболя лишь случайно пристегнутой къ основной темѣ, которую онъ хотѣлъ, повидимому, сдѣлать второстепенной. Трагедія, которую пережили его герои, заключается вовсе не въ ихъ еврействѣ. Кровь ихъ здѣсь не при чемъ; она только покрыла ихъ размышленія налетомъ оскорбленного національнаго чувства. Бѣда ихъ была тою же самой бѣдой, что постигла ихъ русскихъ, польскихъ, украинскихъ и иныхъ товарищей.

В. О. Ключевскій въ своемъ „Курсѣ“ замѣтилъ какъ-то про од-

ного крупнаго человѣка нашего прошло: „Это былъ — сказалъ онъ,—словно парусъ, который только въ бурю бываетъ самимъ собой, а въ затишье треплется бесполезной тряпкой“. Великолѣпныя слова! Лучшими, пожалуй, и не опредѣлишь, въ чемъ была бѣда нашей послѣреволюционной интеллигенции. Паруса безъ вѣтра. Если бы парусъ могъ говорить, онъ, вѣроятно, наскзалъ бы намъ много горькихъ словъ о своей невеселой долѣ. Такому парусу нельзя не посочувствовать, пожелавъ ему при этомъ нѣкотораго мужества. Но было бы жестокимъ заблужденіемъ повѣрить вмѣстѣ съ нимъ, будто безвѣтріе продолжится вѣчно, будто оно обрекло насъ болтать всякіи пессимистическій вздоръ о томъ, что мы умерли, а вмѣстѣ съ нами погибло и будущее человѣчества. Иной парусъ не вынесетъ долгаго штиля и придетъ въ ветхость, — онъ заслуживаетъ всяческаго сожалѣнія: сдѣланъ былъ изъ плохого материала. Но при чемъ тутъ тѣ трагедіи, покаянія и разочарованія, о которыхъ твердили наши беллетристы?

Пишетъ г. Соболевъ легко и плавно. Въ его легкости, однако, не чувствуется самостоятельность. Большое влияние на него (слишкомъ большое) оказала „Конь Влѣдній“. Нѣкоторыя фразы кажутся даже выхваченными изъ г. Ропшина; Александръ Яковлевичъ обрисованъ какъ бы наподобіе Жоржа. Но у г. Соболева все это потеряло Ропшинскую сжатость и экспрессивность. Хочется даже сказать: Андрей Соболевъ — притупленный и переименованный г. Ропшинъ, при этомъ разбавленный водой. Извиненіемъ автору можетъ служить то, что „Пыль“ — первое крупное его произведение. Въ будущемъ, весьма возможно, онъ избавится отъ подражательности. Но несмотря на несамостоятельность, несмотря даже на общую неудачу замысла, „Пыль“ обнаруживаетъ даровитость автора и позволяетъ ждать отъ него хорошихъ произведений.

Вяч. Полонскій.

Нагродская. *Злые духи.* Изд. М. И. Семенова. Цѣна 1 р. 50 к.

Г-жѣ Вербицкой грозитъ серьезная опасность: ея слава, кажется, начинаетъ переходить къ г-жѣ Нагродской. Это серьезная конкурентка ея на литературныхъ заворкахъ, гдѣ имъ обѣимъ мѣсто. По части пошлости г-жа Нагродская не уступитъ г-жѣ Вербицкой, а, можетъ быть, и превзойдетъ... Последнее произведение г-жи Нагродской „Злые духи“ написано по тому же рецепту бульварныхъ романовъ, по которому она готовила и первые. Конечно, герой романа — неотразимый красавецъ, съ змѣиной улыбкой, съ необыкновенными глазами. И, конечно, онъ съ ума сводитъ всѣхъ женщинъ, одна даже говоритъ ему:

„— Вы, какъ злой духъ, мучаете людей“.

Тянется, тянется на сотняхъ страницъ скука, пошлость, убожество духовное... И все это покупаютъ, читаютъ, и гдѣ-нибудь, въ Чухломѣ, это считаютъ литературой... Ахъ, настанетъ ли скоро та пора, когда мужикъ не Милорда глупаго, не пошлѣю Нагродскую, — „Вѣлинскаго и Гоголя съ базара понесетъ!“

С. Ас—овъ.

„Жатва“. Книга 6—7.

Последній сборникъ „Жатвы“ насыщенъ современностью, многоликой, смутной, противорѣчивой... Надуманно и крикливо рассказываетъ С. Городецкій, авторъ центральной повѣсти сборника — „Адамъ“, о „средней русской дѣвушкѣ“, о тѣхъ трехъ, кто добивается ея, и кого авторъ такъ безжалостно обличаетъ, и о четвертомъ, герой своемъ, „понимающемъ въ жизни что-то, чего никто не понимаетъ“, Цѣль повѣсти — дать на нѣсколькихъ страницахъ квинтъ-эссенцію современныхъ, умонастроеній и, заклеймивъ огненнымъ словомъ современность и дѣтей ея, провозгласить синтезирующій лозунгъ, лозунгъ будущаго... Ужъ одно задание это, такъ ясно проглядывающее, болѣе того, — такъ откровенно

и усердно навязываемое читателю, говорить не въ пользу г. Городецкого, какъ художника-беллетриста. Тамъ, гдѣ сперва сочиняются символъ, идея, а ужъ потомъ подгоняются къ нимъ живые якобы люди, чтобъ символъ этотъ сверкнулъ „внезапно“ передъ читателемъ, какъ естественный, — тамъ подлинное искусство беллетриста и не ночевало. Столь же сомнительна идейная цѣнность повѣсти г. Городецкого. „Дай собаку дурное имя и убей ее“. Этому удобному совѣту слѣдуетъ г. Городецки. Къ тремъ основнымъ типамъ должно, по его мнѣнью, свести современную (до войны) молодежь. „Гоби — обидчикъ. Викторъ — мертвый, бумажный, а Михаилъ — слѣпой“, такъ характеризуетъ эти типы авторъ. Въ лицѣ Гоби г. Городецкий борется съ ненавистной его христіанско-акменестской душѣ северной материализма и атеизма. Но достаточно ли для побѣды надъ материализмомъ нарисовать фигуру заядлага ординарнаго прохвоста и заставить его произносить материалистическія рѣчи? Точно такъ же для сведения счетовъ съ символическимъ мпроощениемъ врядъ ли достаточно и умѣстно — высмѣять глуповатаго студента, нищущаго северные „символическіе“ стихи подъ Блока, какъ то дѣлаетъ второй по г. Городецкому „представитель“ современной молодежи. — „Они еще не пришли, твои женихи... Но они придутъ, достойные“ говоритъ г. Городецки, обращаясь къ „средней русской дѣвушкѣ“... Какимъ путемъ придутъ? И что принесутъ съ собой? Косвенно, полунамекомъ отвѣчаетъ на это г. Городецкий, не побрезговавъ пророчествомъ заднимъ числомъ: „Эхъ бы, война хорошая! Встряхнула бы Россию. Гниль вѣдь только на поверхности. Вглуби прозрачные ключи, подземные, подводные“... Вотъ, оказывается, въ чемъ новый лозунгъ, разрѣшающій всѣ проблемы! Что жъ, нынче онъ въ модѣ. Недаромъ г. Городецкий на страницахъ „Лукоморья“ прославляетъ

въ прозѣ и стихахъ „очищающій пламень войны“!

У г. Городецкого много сторонниковъ въ современности, правда, не столь искреннихъ, сколь одурманенныхъ. Но мало-по-малу дурманъ разсѣивается, появляются робко на горизонтѣ и тѣ, кто насчетъ „очищающаго пламени“ держатся особаго мнѣнія. Одинъ изъ таковыхъ даже фигурируетъ рядомъ съ г. Городецкимъ на страницахъ „Жатвы“ въ рассказѣ Б. Пильняка „О Севкѣ“. „И ты почувствовалъ, Севка, что этого бессмысленнаго, обезумѣвшаго крика жестокаго ужаса и боли не простишь ты войнѣ. Твое маленькое сердце, не знавшее лжи, поняло, что не смѣетъ быть война, ибо этого крика, этихъ воспаленныхъ глазъ не должно быть“. Основной тонъ мягкаго, грустнаго, лирическаго юмора, въ которомъ выдержанъ рассказъ г. Пильняка, напоминаетъ слегка Б. Зайцева въ его первыхъ вещахъ и весьма удачно сочетается съ напряженнымъ, захватывающимъ читателя полумимпрессионистскимъ стилемъ. Настроения лирическаго юмора съ почти неизбѣжной необходимостью приводятъ къ пессимизму. Пессимистическимъ аккордомъ звучитъ заключительная фраза рассказа г. Пильняка: „Но въ жизни есть только рабы“.

Но рабъ ли тотъ, кто, подобно Александру Зорину, герою одноименной повѣсти В. Ляпунова, помѣщеннаго на страницахъ „Жатвы“, заявляетъ: „Непобѣжденнаго насилія не можетъ быть на землѣ. Это законъ. Огненная утроба земли разрываетъ свою оболочку... чловѣкъ — цѣпи. Насиліе вызываетъ насиліе, и тѣмъ страшнѣе, чѣмъ непреодолимѣе было препятствіе. Можетъ ли быть иначе?“ В. Ляпуновъ, умершій въ молодомъ возрастѣ, былъ однимъ изъ видныхъ представителей новой, пробуждающейся деревни, и его полуавтобиографическій рассказъ о народномъ жизнотворческой народной интеллигенціи, съ рѣзко выраженными

реальными настроеніями, особенно цѣненъ.

Вышеприведенныя слова, которыми придется, быть можетъ, еще не разъ зазвучать,—свидѣтельству ютъ о томъ, что не весь русский народъ — тотъ „путешественникъ“, о которомъ съ такимъ фальшивымъ, наиграннымъ восхищеніемъ повѣствуетъ г. Чулковъ въ своихъ трагикомическихъ сценахъ „Поеди мокъ“. Сцены эти должны служить символизировать собою столкнове ние двухъ культуръ—нѣмецкой, пред ставленной въ образъ „Инженера“, и русской, о которой говорить „Пу тешественникъ“. Конечно, у инже нера плоская, механическая, мате риалистическая душа; конечно, у него гипертрофія мускулатуры; ко нечно, онъ наглъ, безсовѣстенъ и жестокъ и т. д., и т. д. — вѣдь „не сложная сущность германизма“ нынѣ установлена, изслѣдована и зафиксирована глубочайшими из слѣдованіями гг. Эрна, Булгакова и Розанова, и художникамъ въ родѣ гг. Городецкаго и Чулкова нѣтъ ничего легче, какъ изобразить германскую душу... По обы чному рецепту стряпается ими и русская душа: благородный романтикъ, мечтатель, полумистикъ-полускептикъ — таковъ Чулковскій „Путешественникъ“. Не стоитъ труда опровергать эту идеологию „двѣта хаки“. Не стоитъ защищать и русский народъ отъ любви гг. Чул ковыхъ и Городецкихъ: не такъ ужъ опасны они, не такъ ужъ долго продлится надъ русской душой за снѣе смиренія, — вѣдь встрѣчаемъ мы въ сборникѣ „Жатва“, рядомъ съ гг. Чулковымъ и Городецкимъ, и чуждый пагуба „очищающаго пламени“ рассказъ В. Пильняка, и далеко не „смирненную“ повѣсть В. Ляпунова.

Остальныя вещи сборника совер шенно незначительны.

Мих. Левидовъ.

Петроградскіе вечера. Книга 4-ая.

Изд. М. И. Семенова. Цѣна 1 р. 50 к.

Четвертая книга?.. Значить,

первыя три имѣли нѣкоторый успѣхъ, если продолжается ихъ вы ходъ. Четыре книги,—это по ны нѣшнимъ временамъ почтенно. Однако, чему приписать успѣхъ этихъ книгъ, лишенныхъ ориги нальности, таланта, свѣжести, — словомъ, всего того, что даетъ книгѣ право на успѣхъ?.. Оста навливаться на нихъ не стоитъ, ибо никакого литературнаго значе ния онѣ не имѣютъ... Стряпня г-жи Нагродской и ея коллегъ на доѣла. Неизмѣнно всѣ эти „онъ“, „она“, „сердцеѣды-гвардейцы, знаме нитыя артистки, общественные дѣ ятели(?)... — объ этомъ раньше и лучше написали французскіе лите ратурныхъ дѣлъ мастера... Есть въ сборникѣ и стихи, но о нихъ лучше умолчать. **С. Ас—овъ.**

В. Евгеньевъ. Николай Алексѣевич Некрасовъ. Сборникъ статей и ма териаловъ. Москва. Цѣна 2 рубля.

В. Евгеньевъ давно зарекомендо валь себя, какъ добросовѣстный и пытливый изслѣдователь жизни Некрасова, поэта, чья личность долго служила предметомъ ожесточенныхъ споровъ. Изслѣдованій о Некра совѣ, достойныхъ его имени, не было въ русской литературѣ. Этотъ пробѣлъ восполнить взялся В. Ев геньевъ. Статьи, вошедшія въ сбор никъ, печатались ранѣе въ журна лахъ отдѣльно, и оттого между ними нѣтъ органической связи. Сборникъ этотъ — не монографія, это матеріалы для будущаго биографа Некрасова, цѣнныя свѣдѣнія, изы сканія, безъ которыхъ ни одинъ пишущій о поэтѣ „гнѣва и печали“ не обойдется. Это также не кри тическая оцѣнка поэзии Некрасова, хотя именно теперь, въ дни бы стрыхъ возвышеній „владельцевъ думъ“ и столь же быстрыхъ паде ній ихъ, слѣдовало бы отдать ве ликій долгъ русскаго общества Некрасову... Впрочемъ, не будемъ несправедливы: примемъ пока съ благодарностью то, что намъ даетъ В. Евгеньевъ.

Очень подробно рассказываетъ авторъ изслѣдованій всѣ мытарства

и борьбу съ цензурой Некрасова, его отношенія къ современному обществу; выясняя, насколько были несправедливы упреки въ лицемѣри, направленные противъ поэта, насколько заблуждались тѣ, кто обвинялъ его въ скупости и кулачествѣ (напримѣръ, Тургеневъ), В. Евгеньевъ разрушаетъ весь этотъ вздоръ. Онъ тщательно разбираетъ отношенія Некрасова къ литераторамъ своего времени и ихъ къ нему. Большой интересъ представляетъ въ первой части сборника свѣдѣнія о предкахъ Некрасова, также о юности его въ Ярославлѣ... Какъ первый шагъ къ будущей исчерпывающей биографіи Некрасова, книга В. Евгеньева должна быть привѣтствуема, и не только за ту рѣдкую любовь, съ которой она написана, но и за тѣ цѣнные результаты, что она даетъ.

С. Астровъ.

Роланъ-Роланъ. *Жизнь Толстого.* Переводъ съ французскаго І. Гольденберга. Изданіе М. И. Семенова, Петроградъ. 1915. 248 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

Если разсматривать книгу Ролана, какъ биографію „великаго писателя земли Русской“, какъ исторію обстоятельствъ, при которыхъ протекала его долготѣтная жизнь, то цѣнность книги не велика.

Никакими новыми, еще не опубликованными рукописями Толстого Роланъ не располагаетъ, фактическую основу для своего изложения беретъ изъ книгъ, всѣмъ извѣстныхъ и всѣмъ доступныхъ. Множественнымъ числомъ здѣсь едва ли даже правильно и выразиться, ибо почти единственнымъ источникомъ биографическихъ данныхъ о Толстомъ для Ролана служить трудъ Вирюкова. Нѣсколько разъ французскій писатель ссылается еще на Тенерома, источникъ сомнительнаго характера. Несравненно интереснѣе ссылки на бесѣды Толстого съ Полемъ Буайе, опубликованныя во французской периодической печати и у насъ мало извѣстныя.

Но главный интересъ книги Ролана о Толстомъ все-таки не въ фактическихъ данныхъ, а въ оцѣнкахъ, какія даетъ этотъ писатель отдельнымъ произведеніямъ Толстого и всему его творчеству вообще.

На протяжении сравнительно небольшой книжки Роланъ охватываетъ всю дѣятельность Толстого, какъ писателя, и успѣваетъ дать хотя и краткія, но часто интересные характеристики многимъ его произведеніямъ. Характеристики эти находятся въ зависимости отъ пониманія Роланомъ жизни и личности Толстого, пониманія, по нашему мнѣнію, правильнаго.

Дѣло въ томъ, что существуетъ дуалистическое пониманіе какъ жизни, такъ и личности Толстого. Многие думаютъ, что есть два Толстыхъ: одинъ до кризиса 1879 года, другой послѣ этого. И еще: одинъ — художникъ и язычникъ, другой — моралистъ и христианинъ. На этомъ противопоставленіи построена книга Мережковскаго о Толстомъ (и Достоевскомъ). И это противопоставленіе сдѣлалось весьма популярнымъ. Но Роланъ въ своей книгѣ не принимаетъ его. Онъ, правда, думаетъ, что о единствѣ мысли Толстого говорить не приходится. Но это само собою понятно и безспорно, какъ безспорно то, что у каждаго самостоятельно мыслящаго человѣка мысль не остается навсегда единой, всегда одной и той же, самой себѣ равной, застывшей, окаменѣвшей.

Нѣтъ единства въ разумѣ и даже въ сердцѣ Толстого, но оно существуетъ „въ бурной борьбѣ страстей въ немъ“, въ „трагедіи его творчества и его жизни“. Въ натурѣ Толстого, въ природѣ его души противорѣчія нѣтъ. Если въ Толстомъ была борьба страстей съ нравственнымъ началомъ души, то это и есть исходный пунктъ его спасенія; если Толстой пришелъ къ религіи, то это не отъ безсилія, не подъ внѣшними какими-нибудь влияніями, а вполне самостоятельно и отъ избытка силъ. „Его отрече-

шесть личной жизни—крикъ страсти, распаленной жадной жизни вѣчной“.

О единствѣ личности Толстого Роланъ говорить въ общемъ мало, но это единство отражается на всей его книгѣ. А если Толстой единъ въ своей жизни и въ своемъ творчествѣ, то его можно только всего принять или всего отвергнуть. И Роланъ принимаетъ всего Толстого, принимаетъ его любовно, пожалуй, даже восторженно. И это пріятіе полное, пріятіе всего Толстого, отъ начала и до конца обширной литературной дѣятельности.

Мало того, — Роланъ готовъ отдать преимущество произведениямъ Толстого, написаннымъ за послѣдніа тридцать лѣтъ его жизни: „его творчество глубоко видоизмѣнилось, благодаря рисунку болѣе чистому, сильному, отчетливому, болѣе яркимъ ракурсамъ характеровъ, болѣе густымъ драматическимъ положеніямъ, сжатымъ словно хищное животное, приготовившееся слѣзть прыжкомъ“.

Столь же благосклонно относится авторъ къ Толстому какъ къ мыслителю, въ особенности за его книгу объ искусствѣ: „Нигдѣ не выразилось такъ ярко благороднѣйшее исповѣданіе вѣры художника, который творитъ своей кровью, восторженнаа хвала самопожертвованію и страданію, составляющимъ „удѣлъ мыслителя“, презрѣніе къ олимпийскому искусству въ духѣ Гете“.

И наконецъ выступленія Толстого по общественнымъ и религиозно-философскимъ вопросамъ Роланъ оцѣниваетъ такъ: „Пророкъ-утопистъ; онъ видитъ отсюда, съ земли, жизнь вѣчную; и то, что это видѣніе явилось намъ, что намъ дано было видѣть среди насъ послѣдняго изъ пророковъ; то, что величайшій изъ нашихъ художниковъ освѣненъ такимъ ореоломъ,— это, думается мнѣ, явленіе болѣе оригинальное и важное, чѣмъ новая религія или новая философія. Стльпы тѣ, которые не видятъ чуда этой великой души, — воплощенія

братской любви въ вѣкъ кровавой ненависти народовъ“.

Къ числу наиболѣе интересныхъ страницъ книги надо отнести тѣ, которыя даютъ намъ свѣдѣнія о глубокомъ влияніи Толстого на широкіе круги французскаго общества.

П. Березинъ.

М. Н. Покровский. *Очеркъ истории русской культуры.* Часть I. Изд. т-ва „Миръ“. Москва, 1915. V+283 стр. Цѣна 2 руб.

М. Н. Покровский принадлежитъ къ числу немногихъ нашихъ ученыхъ, послѣдовательно примѣняющихъ въ своихъ изслѣдованіяхъ методъ „историческаго материализма“. Въ первой главѣ „Очерка истории русской культуры“ авторъ отмѣчаетъ, что ожесточенная борьба противъ этого „марксистскаго“ метода, кипѣвшая еще 20—25 лѣтъ тому назадъ, въ настоящее время уже отбушевала. Материалистическое объясненіе истории, сведеніе всѣхъ ея процессовъ къ хозяйственной жизни, практикуется все шире и шире, къ нему все чаще и чаще прибѣгаютъ даже такіе изслѣдователи, которые отнюдь не считаютъ себя сторонниками экономического материализма. До конца непримиримыми противниками этой точки зрѣнія остаются, въ сущности, лишь тѣ теоретики, которые отрицаютъ вообще возможность научнаго пониманія истории, которые, какъ, на примѣръ, Риккертъ и Виндельбандъ, находятъ, что въ истории нѣтъ мѣста необходимости и закономерности, ибо она изучаетъ лишь единичное, не повторяемое въ явленіяхъ человѣческой жизни. Но разъ мы станемъ на точку зрѣнія исторической необходимости, можно спорить только объ одномъ: является ли экономическое объясненіе наилучшимъ съ этой научной точки зрѣнія? „Само собой разумѣется, — замѣчаетъ авторъ, — отвѣтъ на это могутъ дать только спеціальныя изслѣдованія“. Такимъ образомъ, по мнѣнію М. Н. Покровскаго, историческій материализмъ никакого особаго оправданія,

кромѣ оправданія примѣнимости къ исторіи научныхъ методовъ вообще, не требуетъ. Въ предѣлахъ же научныхъ методовъ онъ является лишь „рабочей гипотезой“, которая до сихъ поръ всегда оказывалась на практикѣ наиболѣе надежной, наиболѣе плодотворной.

Съ такимъ ограниченіемъ вопроса можно, конечно, и не соглашаться. Какъ извѣстно, многие послѣдователи историческаго материализма, не довольствуясь указаніемъ на его плодотворность въ качествѣ рабочей гипотезы, пытались дать философское обоснованіе этой гипотезѣ, подвести подъ нее теоретико-познавательный фундаментъ. Несомнѣнно, однако, одно: какъ бы ни были удачны попытки такого философскаго обоснованія, доставить историческому материализму торжество на практикѣ могутъ не онѣ, а лишь плодотворное примѣненіе этого метода въ конкретныхъ историческихъ изслѣдованіяхъ. Вѣдь одно изъ очень популярныхъ обвиненій противъ марксистской теории состоитъ именно въ томъ, что теория эта даетъ предвзятые трафареты и шаблоны, которые сковываютъ свободу научнаго изслѣдованія. Для того, чтобы парировать это обвиненіе, надо показать на дѣлѣ, что историческій материализмъ — не шаблонъ, а гибкій, живой методъ, подсказываемый свободному изслѣдованію самой логикой фактовъ, и что тѣ якобы не предвзятые точки зрѣнія, которыя этому методу противопоставляются, зачастую оказываются какъ разъ традиционными трафаретами, мертвящими историческую науку.

М. Н. Покровский, мастерски владеющій оружіемъ историко-материалистическаго анализа, разрушаетъ цѣлый рядъ трафаретовъ, безпощадно уродовавшихъ русскую исторію до самаго послѣдняго времени. Исторія Россіи въ томъ видѣ, какъ ее представляло себѣ большинство нашихъ ученыхъ XIX вѣка, какъ она и до сихъ поръ еще преподается въ школахъ, не только глупо, но и отлична отъ европейской исто-

ри, но и совершенно не сравнима съ этой послѣдней. Въ Европѣ все болѣе или менѣе ясно и просто: мы видимъ, какъ развитіе хозяйственныхъ формъ выдвигаетъ сплоченныя единствомъ интересовъ общественныя группы, какъ эти группы — сословія или классы — создаютъ соответствующій имъ нуждамъ политической строй, сначала феодальный, потомъ абсолютистско-монархическій и, наконецъ, конституционный. У насъ все таинственно и загадочно: сословія и классы имѣются, но не играютъ активной политической роли; всѣ эти людишки и животинки со своимъ скарбомъ, со своими жалкими интересами стелются по землѣ, а высоко надъ ними, направляя ходъ ихъ исторіи, витаетъ ..... государственность. Уже наши отдаленные предки, едва доросшие до племенного быта, какъ оказывается, жаждали государственнаго порядка, съ каковою цѣлью отдали себя подъ власть норманскихъ князей съ ихъ дружинами. Норманы, специальность которыхъ въ тѣ времена заключалась отнюдь не въ созиданіи государствъ, а въ лихихъ разбойничьихъ набѣгахъ, попавъ на нашу мистическую почву, проникаются новыми идеалами и въ лицѣ Владиміра Святого, Ярослав и, въ особенности, Владиміра Мономаха даютъ образцы высокой государственной мудрости и заботливости. Нашествіе дикихъ татарскихъ полчищъ на нѣкоторое время пресѣкаетъ столь блестяще начатое развитіе, но вскорѣ Москва даетъ идею государства еще болѣе ослѣпительное воплощеніе. Московское государство распоряжается всѣми общественными группами русскаго народа, какъ пластичнымъ матеріаломъ своей автономной политики; оно не знаетъ феодализма; въ смутную эпоху закрѣпощаетъ себѣ всѣ сословія, чтобы затѣмъ, достигнувъ величія и могущества, превратившись въ первоклассную державу, начать ихъ снова мало-по-малу раскрѣпощать.

За послѣднее время появилось

не мало работъ, пробившихъ глубокия бреши въ этомъ наивномъ построении; было доказано существование феодализма въ Московской Руси, была выяснена активно-политическая роль отдѣльныхъ общественныхъ классовъ въ отдѣльныя историческія эпохи. Но традиція въ цѣломъ все еще продолжала держаться. Систематическое преодоленіе ея является по преимуществу заслугой М. Н. Покровскаго. Въ своей пятитомной „Русской Истори“ онъ показалъ, что предразсудокъ сверхъ-хозяйственнаго и сверхъ-классоваго происхожденія отечественной политики, на ряду со многими другими предразсудками, не имѣетъ реальныхъ опорныхъ пунктовъ ни въ одномъ изъ периодовъ нашей исторіи.

Прекраснымъ дополненіемъ къ этой большой работѣ является разсматриваемый „Очеркъ“. Читатель его убѣдится, что норманскіе, или „варяжскіе“, князья менѣе всего заботились о насажденіи государственности среди приднѣпровскихъ славянъ, но видѣли въ этихъ послѣднихъ лишь источникъ прибыльной добычи, и, прежде всего, рабовъ, которыхъ особенно выгодно было сбывать на византійскомъ и другихъ восточныхъ рынкахъ того времени. „Дикія татарскія орды“ оказываются, наоборотъ, не только опустошителями, но и несомнѣнными основоположниками нѣкоторыхъ формъ нашей культуры. Но особенный интересъ представляетъ выясненіе той роли, которую игралъ нашъ городской торговый капиталъ, сначала въ борьбѣ съ феодализмомъ, затѣмъ въ дальнѣйшемъ усовершенствованіи московскаго единодержавія, въ Петровскихъ реформахъ и вообще въ строителствѣ нашей бюрократической системы.

Вышедшая въ свѣтъ первая часть „Очерка“ заключаетъ въ себѣ обзоръ хозяйственнаго и государственно-правоваго развитія Россіи; религія, идеологія и искусство составляютъ содержаніе второй части. Сжатость изложенія не всегда даетъ

возможность автору представить исчерпывающее фактическое оправданіе своихъ оригинальныхъ взглядовъ; поэтому нѣкоторыя его положенія носятъ характеръ гипотезъ, лишь слегка иллюстрированныхъ фактами. Этотъ неизбежный недостатокъ всякихъ обобщающихъ обзоровъ въ значительной мѣрѣ восполняется тщательно подобранными указаниями литературы.

Что касается формы изложенія, то, какъ и другія работы М. Н. Покровскаго, „Очеркъ“ написанъ живымъ, яснымъ языкомъ, дѣлающимъ книгу вполне доступной для читателя, лишеннаго специальной подготовки.

В. Б.

А. Нѣмовъ. *Идея славянскаго возрожденія.* Москва, 1915. 60 стр. Цѣна 40 к.

„Идея славянскаго возрожденія“ съ такой помпой возвыщенная годъ тому назадъ кружкомъ московскихъ славянофиловъ, отцвѣла, не успѣвши расцвѣсть. Жизнь сыграла съ проповѣдниками этой идеи одну изъ самыхъ злыхъ своихъ шутокъ. Пока писались, печатались и рассылались по книжнымъ магазинамъ брошюры на тему; „время за насъ“, „сама исторія славянофильствуетъ“ и т. п., — коварная исторія самымъ рѣшительнымъ образомъ перестала славянофильствовать. И когда читатель получилъ возможность познакомиться съ произведеніями славянофильской музы, ея самодовольный ликующій тонъ звучалъ уже, какъ непроизвольное, но тѣмъ болѣе жуткое, глумленіе надъ дѣйствительнымъ ходомъ событій, производилъ впечатлѣніе неумѣстнаго ерничества, какой-то разухабистой арлекинады посреди трагедіи.

Великая война, какъ и всякій великій общественный кризисъ, прежде всего обнажаетъ дѣйствительность, вскрываетъ тѣ реальныя отношенія, которыя до сихъ поръ маскировались различными иллюзіями. Въ числѣ такихъ сокрушенныхъ войною иллюзій, нѣтъ, кажется, погибшей болѣе безвоз-

вратно, чѣмъ панславизмъ. Не удивительно, что побѣдоносная славянофильская литература не нашла своего читателя-друга: она раздражала, сердила, оскорбляла людей родственнаго славянофиламъ настроенія чуть ли еще не больше, чѣмъ сторонниковъ западной традици. Подъ вліяніемъ столь неблагоприятной атмосферы, выступления какъ самихъ корифеевъ московскаго старовѣрчества, такъ и ихъ довольно многочисленныхъ вначалѣ послѣдователей быстро пошли на убыль и въ настоящее время почти совершенно прекратились.

Брошюра А. Нѣмова, устарѣвшая, подобно многимъ другимъ, еще до своего выхода въ свѣтъ, не заслуживала бы особаго упоминанія, если бы она была простымъ перепѣвомъ московскихъ мелодій. Но у А. Нѣмова подъ покровомъ ходячихъ славянофильскихъ лозунговъ чувствуется иное міроотношеніе, — гораздо болѣе глубокое и требовательное, чѣмъ ура-правовѣріе обычнаго московскаго типа.

Подобно ортодоксальнымъ славянофиламъ, А. Нѣмовъ находитъ, что современная европейская культура находится въ состояніи глубокаго кризиса и даже распада, что новый культурный подъемъ можетъ быть созданъ обращеніемъ къ традиціямъ Востока, къ ученію о Логосѣ, и что мы, русскіе, болѣе, чѣмъ какой-либо другой народъ, призваны стать проводниками этого возрожденія. Но въ то время, какъ для ортодоксовъ европейскій кризисъ начинается съ крушенія средневѣковаго уклада мысли и жизни, такъ что вся культура новой Европы представляется сплошнымъ распадомъ, для Нѣмова европейскій Ренессансъ, и, въ особенности, воскрешенный германскимъ Возрожденіемъ эллинскій геній, сохраняютъ всю свою притягательную силу. Грѣхъ современной Европы — не въ томъ, что она вообще осмѣлилась провозгласить абсолютную свободу человѣческаго разума, а въ томъ, что эта гордая культура самодовлѣющей человѣчности въ

настоящее время исчерпала себя, уже не зажигаетъ сердца энтузіазмомъ, не создаетъ широкихъ идеаловъ, и, несмотря на блестящіе частные успѣхи, безсильно гибнетъ въ лабиринтѣ противорѣчій.

Подобный же расцвѣтъ отдѣльныхъ знаній при общемъ распадѣ культуры античный міръ уже пережилъ въ Александрійскій періодъ поздняго эллинизма: „Вмѣстѣ съ растущимъ сознаніемъ границъ личнаго начала возникалъ и критическій вопросъ о тщетѣ всякаго человѣческаго знанія, о безсиліи разума, неспособнаго дать послѣднія основанія для здѣшней и будущей жизни“. Избавленіемъ явилось тогда ученіе о воплощеніи Логоса, примиреніе Божественнаго и человѣческаго начала въ единомъ понятіи богочеловѣчества. Подъ знаменемъ этого ученія и должна возродиться современная Европа, при чемъ, однако, возрожденіе это рисуется автору не какъ пассивное „женственное“ пріятіе откровеній и обѣтованій грядущей полноты бытія, а какъ новое торжество человѣческаго „разума и самосознанія“, „интеллектуализма“ и „рационализма“. Г. Нѣмовъ — отнюдь не поклонникъ „смутной области предчувствій, сновъ и страстныхъ экстазовъ“. „Не въ тѣ минуты сознаемъ мы себя особенно активными, — пишетъ онъ, — когда наше сознаніе разсѣивается, и мы вступаемъ въ сумерки мысли, а въ тѣ минуты, когда наше сознаніе напрягается, когда ясность его достигаетъ высшихъ предѣловъ, когда въ немъ отчетливость почти математическая, когда мысль быстра и мѣтка, какъ стрѣла, не могущая минутъ цѣли“. Какимъ же образомъ мысль, отчетливая почти математически, сможетъ осуществлять мистическое ученіе о Логосѣ? Не при помощи ли его усиленной разработки въ понятіяхъ человѣческаго разума? Но вѣдь этимъ уже давно занимается европейская и наша теологія. Быть можетъ, она еще не сказала своего послѣдняго слова, но, во всякомъ случаѣ, этотъ

древній, вѣками наѣженный и заѣженный путь, очевидно, нельзя разсматривать, какъ какой-то новый, возрождающій культуру, принципъ. Но если выходъ изъ противорѣчій, созданныхъ „сознаніемъ границъ личнаго начала“, не можетъ открыть намъ ни философское размышленіе о Логосѣ, ни стихійный порывъ къ нему въ „снахъ“ и „страстныхъ экстазахъ“, то остается, новидимому, лишь одинъ путь: внутреннее, „имманентное“ преодоленіе личнаго начала силами человѣческаго гения, фактический ростъ самого поля человѣческаго сознанія и соответственное углубленіе его ориентирующаго центра. Такой духовный переворотъ, если бы онъ совершился, еще далеко не сдѣлалъ бы насъ богами, однако онъ былъ бы грандіознѣйшимъ изъ синтезовъ, до которыхъ когда-либо возвышалось человѣчество, и радикально устранилъ бы источники современнаго культурнаго кризиса. И, само собой разумѣется, мы русскіе, дальше, чѣмъ кто-нибудь, отъ этого дѣйствительнаго ренессанса. Какъ справедливо отмѣчаетъ А. Нѣмовъ, начиная съ Петра и вплоть до настоящаго времени, мы цѣпили преимущественно „полезные результаты“ европейскаго творчества, забывая, что усвоеніе ихъ „невозможно безъ постояннаго горѣнія общей культуры, безъ борьбы и труда надъ началами, которыя сами по себѣ кажутся бесполезными, но въ своихъ послѣдствіяхъ оказываются благодѣтельными и спасительными“.

А. Нѣмовъ принадлежитъ къ числу многихъ, заблудившихся въ лабиринтъ современнаго кризиса; онъ — одинъ изъ тѣхъ, о которыхъ сказано: „не знаете, какого вы духа“. Желая доставить торжество разуму, возродить къ новой жизни „мужественное аполлоновское начало“, онъ не находитъ ничего лучшаго, какъ обратиться къ колдовству, къ заклинанію тѣхъ силъ, которыя по существу своему враждебны живой мысли, всему ясному, отчетливому и человѣчески-творческому.

В. Базаровъ.

III. Депере. *Превращенія животнаго мира*. Переводъ Ю. Жемчужникова, подъ редакціей и съ предисловіемъ А. Борисяка. Петроградъ. 1915. Цѣна 1 р. 75 к.

Накопленіе огромнаго описательнаго матеріала въ палеонтологин дѣлаетъ въ настоящее время особенно цѣннымъ появленіе книги, пытающейся дать идейный пересмотръ этого матеріала. Такой книгой и является переведенная на русскій языкъ работа французскаго палеонтолога Ш. Депере, выдержавшая два изданія во Франціи и переведенная уже на англійскій и нѣмецкій языки. Авторъ даетъ въ ней (первая часть) сжатый и оригинальный обзоръ „исторіи развитія палеонтологическихъ ученій“ (новая характеристика возрѣвнн Кювье). Будучи неоламаркистомъ, Ш. Депере не раздѣляетъ ученія Дарвина объ естественномъ отборѣ и придерживается мало доказанной еще теории „взрывовъ“ голландскаго ученаго де-Фриза, но обстоятельство это нисколько не умаляетъ значенія талантливой картины развитія органическаго мира, нарисованной авторомъ.

Во второй части Ш. Депере излагаетъ „законы палеонтологин“, разсматривая: 1) измѣнчивость видовъ въ пространствѣ и времени, 2) причины ихъ вымиранія, 3) механизмъ появленія новыхъ формъ и 4) роль миграцій. Послѣднимъ Депере отводитъ весьма большое значеніе, оправдывающееся, однако, всѣми нашими современными познаніями въ области палеонтологин.

Послѣдняя глава книги занята вопросомъ о появленіи жизни на земномъ шарѣ, вопросомъ, къ которому авторъ подходитъ крайне осторожно, указывая, что расширеніе нашихъ палеонтологическихъ изслѣдованій все болѣе и болѣе отдаляетъ отъ насъ надежду на его разрѣшеніе.

Переводъ книги сдѣланъ довольно хорошо; книга полезна, какъ для студентовъ, такъ и для лицъ, самостоятельно работающихъ въ области біологин (зоологовъ и па-

леонтологовъ), а также и для самообразования.

А. Рябининъ.

Артуръ Шустеръ. *Прогрессъ физики.*
Пер. В. Чулановскаго и С. Покровскаго подъ ред. И. И. Боргмана. Книгоиздательство „Естественный испытатель“ Петроградъ. 1915. Цѣна 1 р. 50 к.

На глазахъ нашего поколѣнія происходитъ грандіозный переворотъ въ области физико-математическихъ знаній. Исторія науки не знаетъ другого періода, столь богатаго самыми неожиданными идеями, сколь нашъ.

Эти идеи такъ многочисленны и разнообразны, что было бы пустой попыткой даже простое перечисленіе ихъ въ небольшой замѣткѣ. Идея о сверхъ-конечныхъ числахъ и, такъ называемая, логистика въ математикѣ, электромагнитныя волны и лучи Рентгена въ физикѣ, радій, посягнувшій на верховный мировой законъ, уму непостижимыя превращенія элементовъ въ химіи и многое, многое другое уже намъ кажется устарѣлымъ, когда рядомъ съ этимъ ставишь приобрѣтенія перваго десятилѣтія двадцатаго вѣка.

Одинъ знаменитый физикъ, коснувшись послѣднихъ открытій въ области естествознанія, характеризовалъ ихъ приблизительно слѣдующей фразой. Онъ говорилъ, что революція, которую произвелъ Коперникъ въ умахъ людей своимъ ученіемъ, — дѣтскія лепетъ, ничто по сравненію съ тѣмъ могучимъ натискомъ идей, который въ началѣ двадцатаго столѣтія неожиданно хлынулъ и опрокинулъ, казалось, прочный фундаментъ, заложенный еще двѣсти лѣтъ тому назадъ самимъ Исаакомъ Ньютономъ.

Такимъ образомъ, начало двадцатаго столѣтія ознаменовалось еще болѣе неожиданными открытіями, нежели конецъ прошлаго. Но чтобы понять новое, чтобы не потеряться въ этомъ стремительномъ потокѣ новаго и новаго, нужно вернуться къ его истокамъ, которые берутъ свое начало въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія.

Лѣтопись. Декабрь 1915.

Въ „Прогрессѣ физики“ читатель найдетъ лучшее изложеніе „успѣховъ научной мысли за этотъ промежутокъ времени“. Задача автора „заключается не въ историческомъ отчетѣ о рядѣ открытій, сдѣлавшихъ памятнымъ протекшее время, но въ изслѣдованіи измѣненій, происшедшихъ въ нашихъ воззрѣніяхъ въ его теченіи“. Артуръ Шустеръ самъ является выдающимся физикомъ, его имя знакомо всякому, имѣющему какое-либо отношеніе къ этой наукѣ, и, конечно, его авторитетъ удваиваетъ интересъ къ книгѣ, тѣмъ болѣе, что его собственныя изслѣдованія нерѣдко переплетаются съ общимъ развитіемъ науки.

Эта книга представляетъ изложеніе лекцій, прочитанныхъ авторомъ по приглашенію Калькутгскаго университета. И хотя эти лекціи передъ печатью подверглись обработкѣ и измѣненію, но лекционный стиль, живость изложенія отъ этого нисколько не пострадала. Въ первой лекціи авторъ бросаетъ взглядъ назадъ, на состояніе физики до 1875 года, знакомитъ съ общей методологіей и традиціями, царившими въ физикѣ той эпохи. Вторая лекція представляетъ замѣчательно интересное изложеніе развитія нашихъ взглядовъ на электричество: здѣсь читатель узнаетъ, какое широкое значеніе имѣетъ для всей физики ученіе о прохожденіи электричества черезъ газы. Въ третьей лекціи авторъ касается ученія о рентгеновыхъ лучахъ (что представляетъ продолженіе второй лекціи); затѣмъ онъ обращается къ открытію радія и связаннымъ съ нимъ вопросамъ о разрушеніи атомовъ и превращеніи химическихъ элементовъ; наконецъ въ заключеніе разсматриваются опытъ Майкельсона, приведшій къ извѣстной теоріи относительности, и слѣдствія электронной теоріи. Четвертая, послѣдняя, лекція посвящена разнообразнымъ вопросамъ изъ физики. Здѣсь особаго вниманія заслуживаютъ послѣднія страницы, посвященныя „той универсальной силѣ

природы, которая въ настоящее время находится въ связи со всѣми другими силами—силѣ тяготѣнія“.

Издана книга, какъ всѣ изданія „Естествоиспытателя“, удовлетворительно. Но цѣна, что опять свойственно этому издательству, нѣсколько высока.

Vartho.

Проф. Н. Н. Шапошниковъ. *Протекционизмъ и свобода торговли.* Изд. Министерства финансовъ. Петроградъ 1915. 90 стр. Цѣна 1 рубль.

Н. Н. Шапошниковъ — одинъ изъ очень немногихъ нашихъ экономистовъ, работающих въ области абстрактной политической экономии. Названная его книга, несмотря на крайнюю „актуальность“ избранной имъ темы въ настоящій моментъ, также является продуктомъ чистой теории. Книга не содержитъ въ себѣ никакихъ фактовъ, никакого эмпирическаго изслѣдованія; въ ней нѣтъ даже никакихъ фактическихъ иллюстрацій и никакихъ аргументовъ, исходящихъ отъ реальной дѣйствительности. Автора интересуетъ „проблема въ ея общетеоретической постановкѣ; вопроса же о томъ, насколько цѣлесообразна та или иная система международной торговой политики въ данныхъ конкретныхъ рамкахъ мѣста и времени“, — авторъ совершенно не затрагиваетъ. Конечно, изслѣдование этой проблемы подъ такимъ отвлеченнымъ угломъ зрѣнія представляетъ не одинъ академическій интересъ. Авторъ правъ въ томъ, что „такой анализъ можетъ помочь оцѣнить по достоинству всѣ тѣ аргументы общаго теоретическаго характера, которые выдвигаются при всякомъ обсужденіи какого-нибудь практическаго мѣропріятія въ области таможенной политики и которыми не пренебрегаютъ и „люди практики“, часто имѣющие весьма отдаленное представление о научной теории международной торговли“. Однако, правъ авторъ и въ томъ, что его абстрактными разсужденіями нельзя рѣшить конкретныхъ вопросовъ торговой политики.

Но что же даетъ намъ г. Шапошниковъ въ области теории международного торговаго обмѣна? Большая часть книжки занята изложениемъ существующихъ фритредерскихъ и протекционистскихъ теорій, болѣе или менѣе извѣстныхъ интеллигентному читателю. Признавая, что съ точки зрѣнія потребителя всегда выгодна свобода торговли, авторъ совершенно не раздѣляетъ того положенія классической школы, что протекционизмъ всегда вреденъ съ точки зрѣнія производства. Мнѣніе, что свобода внѣшней торговли есть залогъ наилучшаго использования производительныхъ силъ страны, что она обеспечиваетъ максимумъ производства, — покоится на несостоятельной предпосылкѣ, будто бы всѣ производительныя средства страны всегда въ полной мѣрѣ используются, и весь наличный капиталъ (и трудъ) цѣликомъ занятъ въ национальномъ производствѣ. Въ этомъ случаѣ дешевый ввозъ, освобождая менѣе производительный капиталъ внутри страны, даетъ ему болѣе выгодное употребленіе и создаетъ излишекъ продукта. Но на самомъ дѣлѣ производительныя средства страны никогда не бываютъ использованы въ производствѣ въ полной мѣрѣ. И именно таможенная охрана, способствующая созданію болѣе выгодной рыночной конъюнктуры, можетъ дать толчокъ къ ихъ болѣе полному использованию и созданію новаго продукта. Таковъ центръ теоретической схемы автора.

Какъ видимъ ничего существеннаго „теоретическій анализъ“ не прибавилъ къ ходячимъ представленіямъ о значеніи протекционизма и свободы торговли. Въ той же мѣрѣ неоригинальны и другія, болѣе частныя заключенія автора. И если „люди практики“ дѣйствительно могли бы многому научиться изъ изслѣдованія предмета новымъ для нихъ методомъ, то данное примѣненіе этого метода едва ли существенно расширить ихъ кругозоръ. „Вреда или пользы протекционизма, — говоритъ авторъ, — въ его

конкретномъ проявленіи въ жизни нельзя доказать общими соображеніями; для этого необходимъ детальный эмпирический анализъ каждаго таможеннаго мѣропріятія въ отдѣльности". Особенно необходимъ такой анализъ для выводовъ о нашей таможенной политикѣ, представляющей собою эксцессъ протекціонизма. И тутъ ужъ, во всякомъ случаѣ, теоретическія построения рѣшительно ничему не помогутъ.

Наибольшій теоретическій интересъ въ работѣ г. Шапошникова представляетъ разборъ оригинальной схемы Р. Шюллера, иллюстрирующей выгоды невыгоды свободного ввоза отдѣльныхъ товаровъ, въ зависимости отъ внутреннихъ условій производства этихъ товаровъ. По существу эта схема, наиболѣе убѣдительная для сторонниковъ „австрійской школы“, покоится на болѣе чѣмъ сомнительныхъ основаніяхъ.

Тяготѣя къ таможенной охранѣ промышленности, авторъ относится отрицательно къ аграрному протекционизму; въ частности, подобно г. Гольдштейну, онъ считаетъ необходимымъ парализовать дешевый заграничный ввозъ „премированныхъ“ товаровъ усиленіемъ таможеннаго обложения.

Н. С.

Общество имени А. И. Чупрова для разработки общественныхъ наукъ. *Труды комисси по изученію современной дороговизны.* Москва 1915. Вып. I. 527 стр. Цѣна 3 руб. — Вып. II. 294 стр. Цѣна 2 руб. — Вып. III. 310 стр. Цѣна 2 руб.

Въ первомъ же своемъ засѣданіи послѣ начала войны дѣятельное Чупровское общество постановило изслѣдовать влияние войны на народное хозяйство. Въ сентябрѣ 1914 года имъ была организована комиссія для изученія финансовыхъ мѣропріятія въ связи съ войной; въ октябрѣ того же года образовалась комиссія о положеніи труда въ Москвѣ. Въ мартѣ 1915 года обществомъ были начаты труды по изученію дороговизны — въ огром-

номъ масштабѣ и по чрезвычайно широкой программѣ.

Правда, фактическія проявленія дороговизны и причины, ее обусловливающія, представляютъ собою тему почти неисчерпаемую, и, располагая ограниченнымъ количествомъ времени, комиссія отказалась отъ непосильной задачи — изслѣдовать вопросъ во всемъ его объемѣ. Но то, что сдѣлано экономистами Чупровскаго общества въ 5—6 мѣсяцевъ для изученія коренной экономической проблемы современности, представляетъ собой не только единственное явленіе, не имѣющее себѣ подобныхъ среди частныхъ, общественныхъ и казенныхъ литературныхъ трудовъ, но и дѣйствительно монументальное изслѣдованіе дороговизны, которое будетъ служить исходнымъ пунктомъ и для теоретическихъ работъ, и для дальнѣйшихъ монографій, и для компиляцій, и для практическихъ мѣропріятія.

Программа изслѣдованія расчленяется на три группы вопросовъ. Первая группа объединяетъ собой вопросы, связанные съ проявленіемъ дороговизны. Общее изслѣдованіе движенія цѣнъ на предметы массоваго потребленія, а также специальное изученіе сельскохозяйственнаго рынка (производство, вывозъ, потребленіе) — дополнены рядомъ монографій о положеніи на рынкѣ многихъ отдѣльныхъ продуктовъ. Во вторую группу вопросовъ включены темы, посвященные выясненію причинъ и слѣдствій дороговизны (денежное обращеніе, кредитъ и банки съ ихъ кредитными и коммерческими операціями, транспортъ, мѣропріятія администраціи, финансовая политика и новые налоги, отмѣна продажи питей, закупка для армии, положеніе рабочаго рынка). Третья группа затронутыхъ изслѣдованіемъ вопросовъ касается практическихъ мѣръ борьбы съ дороговизной, примѣняемыхъ правительственными органами, муниципальными организаціями и кооперативами.

Конечно, мы здѣсь не можемъ по существу разбирать огромное изслѣдованіе и отдѣльные его элементы (отдѣльныя статьи). Что же касается его общаго плана и общаго характера его выполнения, то по этому поводу можно было бы замѣтить слѣдующее. При всей цѣнности отдѣльных очерковъ, составляющихъ три большихъ тома, самый подборъ ихъ нельзя не признать нѣсколько случайнымъ. Объясняется это, вѣроятно, тѣмъ, что участники изслѣдованія, помимо личныхъ склонностей и специальностей, естественно, шли по линіи наименьшаго сопротивленія и брались за выполнение тѣхъ отдѣловъ, по которымъ можно было найти наибольшее количество матеріала. Въ результатѣ получилась довольно значительная несоразмѣрность частей изслѣдованія. Такъ третья группа вопросовъ, сравнительно съ первой, обслужена крайне скудно. Въ самой программѣ вопросовъ, приведенной выше, среди причинъ, влияющихъ на дороговизну и под-

лежащихъ выясненію, мы не встречаемъ такого важнаго фактора, какъ спекуляція торговцевъ. Наконецъ, еще болѣе важному фактору дороговизны, состоящую железнодорожнаго транспорта въ періодъ войны, посвящена только небольшая статья А. М. Арцимовича, занимающая меньше полтора листовъ. Въ то же время, напримѣръ, монографія В. П. Милютина о сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, имѣющая по своему содержанию довольно отдаленное отношеніе къ дороговизнѣ, занимаетъ около 2¹/₂ листовъ, а статья Д. Н. Иванцова объ урожаѣ 1914 года занимаетъ цѣлыхъ 5 печатныхъ листовъ.

По характеру исполненія работы сборника не однородны: однѣ изъ нихъ имѣютъ строго дѣловой видъ, другія построены на широкомъ теоретическомъ базисѣ. Особенно богаты теоретическимъ содержаниемъ работы П. П. Маслова, В. Г. Громана, Ѳ. А. Липкина и Э. С. Каценеленбаума.

Н. С.

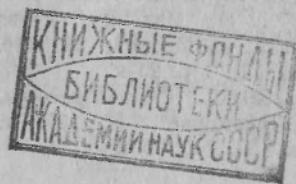
КНИГИ, ПОСТУПИВШИЯ ВЪ РЕДАКЦИЮ.

- Алтаевъ, А. А. *Пѣвецъ страданья и свободы.* Жизнь М. Ю. Лермонтова. Кн-во „Жизнь и Знание“. П. 1915. Стр. 325. Ц. 1 р.
- Алтаевъ, А. Л. *Поэты юности* В. А. Жуковский. М. Ю. Лермонтовъ. С. Я. Надсонъ. Кн-во „Жизнь и Знание“. П. 1915. Стр. 445. Ц. 1 р. 75 к.
- Алтаевъ, Ал. *Юноша-поэтъ.* Жизнь и творчество С. Я. Надсона. Кн-во „Жизнь и Знание“. П. 1915. Стр. 93. Ц. 50 к.
- Афанасьевъ, Б. В. *Маленькіе рассказы.* Кн-во „Славянская лира“. М. 1915. Стр. 85. Ц. 30 к.
- Ашевскій, С. *Русскіе писатели и война.* Изд. „Задруга“. М. 1915. Стр. 127. Ц. 50 к.
- Бѣкъ, Р. М., д-ръ. *Космическое сознание.* Кн-во „Новый Человѣкъ“. П. 1915. Стр. 373. Ц. 2 р. 50 к.
- Буншалъ, Я. М. *Проблема чайной монополіи и мировой чайный рынокъ.* П. 1915. Стр. 133.
- Вагнеръ, Германъ. *Рассказы о разныхъ замѣчательныхъ растенияхъ.* Пер. съ нѣм. В. Величковой. Кн-во „Жизнь и Знание“. П. 1915. Стр. 174. Ц. 65 к.
- Винниченко, В. *Божки.* Ч. I. Т. 7 и ч. II. Т. 8. Изд. „Московского Книгоиздательства“. М. 1915. Стр. 243 × 243. Цѣна каждой части по 1 р. 25 к.
- Вознесенскій, С. *Русская литература о славянствѣ.* (Опытъ библиографическаго указателя.) Изд. Карбасникова. П. 1915 г. стр. 229. Ц. 1 р.
- Война и Бостромская деревня. (По даннымъ анкеты статистическаго отдѣленія.) Изд. оц.-стат. отд. Костр. губ. Зем. Управы, Кострома. 1915 г. Стр. 142.
- Войтинскій, Вл. и Горнштейнъ, А. *Евреи въ Иркутскѣ.* Изд. Хоз. Правл. Ирк. Евр. Молит. Дома и Ирк. Отд. Общ. Распр. проsv. между евреями въ Россіи. Иркутскъ. 1915 г. Стр. 393. Ц. 2 р. 50 к.
- Гаазе, Е. *Земная кора.* Введение въ изученіе геологии. Пер. Б. П. Дитмара, съ пред. С. Г. Григорьева. Кн-во „Космосъ“. М. 1906. Стр. 210. Ц. 2 р. 50 к.
- Галати, Еватерина. *Тайная жизнь.* Стихотворенія. Скл. изд.: въ кн. маг. Т-ва Н. О. Вольфъ. П. 1906. Стр. 85. Ц. 1 р.
- Гаршинъ, Всеволодъ. *Сигналъ.* Рассказъ. Кн-во „Жизнь и Знание“. П. 1905. Стр. 21. Ц. 6 к.
- Гаршинъ, Всеволодъ. *Сказаніе о гордомъ Аггелъ.* Кн-во „Жизнь и Знание“. П. 1915. Стр. 22. Ц. 6 к.
- Гаршинъ, Всеволодъ. *То, чего не было.* Рассказъ. Кн-во „Жизнь и Знание“. П. 1915. Стр. 14. Ц. 5 к.
- Гемпель, Р. *Подъ огненнымъ дождемъ.* Пер. съ нѣм. А. Острогорской. Изд. 3-е. Изд. „Библиотеки юнаго читателя“. П. 1915. Стр. 111. Ц. 35 к.
- Герцовскій, Ив. *Каскадъ любви.* Первый сборникъ стихов. Изд. автора. Ростовъ на Дону 1915. Стр. 32. Ц. 35 к.
- Горькин, М. *О писателяхъ самоучкахъ.* Кн-во „Жизнь и Знание“. П. 1915. Стр. 63. Ц. 25 к.
- Гребенщиковъ, Георгій. *Въ просторахъ Сибири.* Т. II. Изда-

- тельское Т-во Писателей. П. 1915 г. стр. 293. Ц. 1 р. 25 к.
- Дживелеговъ, А. Б.** *Нѣмецкая культура и война.* Изд. т-ва Кушнерева и Ко. М. 1915. Стр. 63. Ц. 18 к.
- Дѣвѣ-Хомяковскій, І.** *Бездорожье и На межѣ. Разказы.* Изд. „Дружба“. М. 1913 г. Стр. 32. Ц. 7 к.
- Дѣвѣ-Хомяковскій, І.** *О созданіи крестьянскихъ университетовъ въ Россіи.* Изд. Суриксъ. Лит.-Муз. Кружка. М. 1915 г. стр. 29.
- Еврейновъ.** *Театръ для себя.* Часть I. Изд. Н. И. Бутковской. П. 1915 г. стр. 208. Ц. 1 р. 75 к.
- Елеонская, Е.** *Соединенные Штаты* Изд. Т-ва Кушнеревъ и Ко. М. 1915. Стр. 35. Ц. 10 к.
- Елеонская, Е.** *Турція.* Изд. Т-ва Кушнеревъ и Ко. М. 1915 г. Стр. 40. Ц. 12 к.
- Елпатьевскій, С.** *Гекторъ и разказы о прошломъ.* Кн-во Писателей въ Москвѣ. М. 1916. Стр. 87. Ц. 50 к.
- Елпатьевскій, С.** *Разказы о прошломъ.* Т. 3-й. Изд. 2-е. Кн-во Писателей въ Москвѣ. М. 1916. Стр. 269. Ц. 1 р. 25 к.
- Имшенецкій, А.** *Горныя вершины.* Драматическая фантазія. Изд. автора. П. 1915 г. Стр. 86. Ц. 1 р.
- Бнкасъ, Э. и Рейзенбукуъ, М.** *Французскій иллюстрированный словарь.* Вып. I. Для младшихъ и среднихъ классовъ среднеуч. заведеній. Скл. изд. въ кн. маг. Т-ва М. О. Вольфъ. Юрьевъ. 1915. Стр. 86. Ц. 40 к.
- Бондратьевъ, Н. Д.** *Развитіе хозяйства (кинешемскаго земства, Костромской губерніи.* (Соп. - Экон. и финанс. очерк.). Съ пред. проф. П. П. Мигулина, подъ ред. прив.-доц. А. І. Буковецкаго. Изд. Кинешемскаго уѣзд. земства, Кинешма. 1915. Стр. 403. Ц. 1 р. 50 к.
- Бунъ, Н. А.** *Магометъ и магометанство.* Изд. Т-ва Кушнеревъ и Ко. М. 1915 г. Стр. 48. Ц. 15 к.
- Лазаревъ, Вл.** *Безъ дорогъ.* Разказъ. Изд. „Дружба“. М. 1913 г. Стр. 19. Ц. 3 к.
- Лѣвбергъ, Марія.** *Лукавый странникъ.* Стихи. Изд. автора П. 1915. Стр. 43. Ц. 60 к.
- Лермонтовъ, М. Ю.** *Вѣтка Палестины и др. стихотворенія.* Кн-во „Жизнь и Знаніе“. П. 1915. Стр. 48. Ц. 6 к.
- Лермонтовъ, М. Ю.** *Миѣри.* Кн-во „Жизнь и Знаніе“. П. 1915. Стр. 32. Ц. 4 к.
- Лермонтовъ, М. Ю.** *Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова.* Кн-во „Жизнь и Знаніе“. П. 1915. Стр. 22. Ц. 3 к.
- Лермонтовъ, М. Ю.** *Узникъ и др. стихотворенія.* Кн-во „Жизнь и Знаніе“. П. 1915. Стр. 32. Ц. 4 к.
- Литинскій, І. А.** д-ръ мед. *Аэро-Солярии.* (Воздушно-солнечныя галлерей). Изд. автора. Ялта. 1916. Стр. 20. Ц. 30 к.
- Лукохинъ, Д. А.** *Графъ С. Ю. Витте, какъ министр финансов.* Изд. автора. П. 1915. Стр. 40. Ц. 50 к.
- Марголинъ, С. О.** *Матеріалы и изслѣдованія о еврейской ремесленной промышленности.* Т. II. Портняжное производство. Изд. О-ва ремесленного и земледѣльческаго труда среди евреевъ въ Россіи. П. 1915 г. Стр. 152. Ц. 75 к.
- Могилянскій, Мих.** *О культурномъ творчествѣ (Украинская проблема).* Скл. изд.: Петроградъ, Петр. Сторона, Большой пр., № 1. П. 1916. Стр. 23. Ц. 20 к.
- „Молодые побѣги“.** *Пѣски — стихи.* Изд. „Дружба“. М. 1913 г. стр. 16. Ц. 3 к.
- Наркирберъ, С.** *Египетъ.* Изд. Т-ва Кушнеревъ и К^о. М. 1915. Стр. 48. Ц. 15 к.
- Никандровъ, Н.** *Береговой вѣтеръ.* Разказы. Кн-во Писателей въ Москвѣ. М. 1915. Стр. 231. Ц. 1 р. 25 к.
- Новъ.** *Стихи.* Сб. I. Скл. изд.: Петроградъ, Калашниковскій, 4, кв. 33. П. 1915 г. Стр. 59. Ц. 75 к.
- Орловъ, А. С.** *Кооперация въ Россіи наканунѣ и во время войны.* Изд. Т-ва Кушнеревъ и К^о. М. 1915 г. Стр. 71. Ц. 20 к.
- „Очарованный Странникъ“.** *Альманахъ зимни.* Т-во Эго-футуристовъ. П. 1915. Стр. 16. Ц. 35 к.
- Павловничъ, С. А.** *Простѣйшая ра-*

- боты по изготовлению коллекций въ школахъ и дома. Краткое практическое руководство для начинающихъ натуралистовъ и пособие для руковод. занятіями по естеств. и ручному труду. Кн-во „Жизнь и Знание“. П. 1915. стр. 360. Ц. 1 р. 30 к.
- Первовъ, П. Д.** *Очерки по методикѣ преподаванія латинскаго языка сравнительно съ русскимъ.* М. 1913. Стр. 583. Ц. 3 р. 50 к.
- Нименова, Э.** *Природа и люди Африки.* Изд. 4-е. Изд. „Библиотеки юнаго читателя“. П. 1915. Стр. 160. Ц. 50 к.
- Нименова, Э.** *Японія „страна тысячи острововъ“.* Изд. 4-е. Изд. „Библиотеки юнаго читателя“. П. 1915. Стр. 112. Ц. 50 к.
- Покровский, Н.** *У родныхъ пенатовъ и жизненная проза.* Рассказы. Изд. „Дружба“. М. 1913 г. Стр. 32. Ц. 7 к.
- Поповъ, А. А.** *Популярныя таблицы по истории философіи,* составленныя по В. Виндельбанду, кн. С. Н. Трубецкому и др. источникамъ. Ч. I. Древняя и средне-вѣковая философія. (Табл. I и II.) Ч. II. Новая философія до Канта и отъ Канта до Ницше. Табл. III и IV. П. 1916 г. Цѣна кажд. части 75 к.
- Родныя пѣсни.** *Сборникъ стихотвореній Н. А. Некрасова.* И. С. Никитина. Ю. В. Шадовской. И. З. Сурикова. С. Я. Надсона. Д. С. Дрожжина и др. Составилъ Вл. Бонъ-Бруевичъ. Изд. 3-е. Кн-во „Жизнь и Знание“. П. 1915. Стр. 80. Ц. 20 к.
- Рославлевъ, Александръ.** *Сквозь цветныя стекла.* Изд. Лукоморье. П. 1915. Стр. 249. П. 1 р. 50 к.
- Сентъ-Ивъ д'Альвейдръ, А.** *Миссиіи Индіи въ Европѣ.* Кн-во „Новый Человѣкъ“. П. 1915. Стр. 157. Ц. 1 р.
- Серафимовичъ, А.** *По рѣкѣ.* Рассказы. Т. IV. Изд. 2-е. Кн-во Писателей въ Москвѣ. М. 1915. Стр. 191. Ц. 1 р. 25 к.
- Слезкинъ, Юрій.** *Святая радость.* Изд. „Лукоморье“. П. 1915 г. Стр. 255. Ц. 1 р. 75 к.
- Содомовъ, А. П.** *Болгарія.* Изд. Т-ва Кушнеревъ и К^о. М. 1915. Стр. 43. Ц. 15 к.
- Содомовъ, А. И.** *Сербія.* Изд. Т-ва Кушнеревъ и К^о. М. 1915. Стр. 52. Ц. 18 к.
- Содомовъ, А. И.** *Славяне, ихъ прошлое и настоящее.* Изд. Т-ва Кушнеревъ и К^о. М. 1915. Стр. 58. Ц. 18 к.
- Содомовъ, А. И.** *Черногорія.* Изд. Т-ва Кушнеревъ и К^о. М. 1915. Стр. 27. Ц. 10 к.
- Содомовъ, А. И.** *Чехія.* Изд. Т-ва Кушнеревъ и К^о. М. 1915. Стр. 37. Ц. 15 к.
- Спасскій, Сергѣй.** *Колдунъ.* Поэма. Изд. „Дружба“. М. 1916. Стр. 16. Ц. 10 к.
- Сумъ, Н. Э.** *Почему дѣйствительно нельзя пить денатурированный спиртъ, политуру и обсколонъ?* Кн-во „Жизнь и Знание“. П. 1915. Стр. 37. Ц. 8 к.
- Сургучевъ, И.** *Осеннія скрипки и рассказы.* Т. III. Кн-во Писателей въ Москвѣ. М. 1915. Стр. 25. Ц. 1 р. 25 к.
- Тимковскій, Н.** *Сергѣй Шумовъ.* Рассказы. Изд. 3-е. Кн-во Писателей въ Москвѣ. М. 1915. Стр. 293. Ц. 1 р. 50 к.
- Толстой, гр., А. Н.** *Приключенія Растегина.* Т. VII. Кн-во Писателей въ Москвѣ. М. 1915. Стр. 190. Ц. 1 р. 25 к.
- Труды комиссіи по изученію современной дороговизны.** Вып. I. — Стр. 527. Ц. 3 р. Вып. II. — Стр. 295. Ц. 2 р. Вып. III. — Стр. 310. Ц. 2 р. Изд. Об-во имени А. И. Чупрова для разраб. общ. наукъ при Имп. Моск. Унив. М. 1915.
- Тулубъ, Павель.** *Изъ судебной практики рѣшенія по гражданскимъ дѣламъ.* Вып. I. Кн-во И. И. Самоненко. Кіевъ. 1916. Стр. 134. Ц. 1 р. 50 к.
- Филатовичъ, Борисъ.** *Галиція.* Мѣсто возможнаго столкновенія съ Австріей. Изд. Спб. Военнаго издательства. П. 1913. стр. 32.
- Филатовичъ, Борисъ.** *Рассказы.* Книга 2-я. Изд. автора. Нижній-Новгородъ. 1912. Стр. 202. Ц. 65 к.

- Филатовичъ, Борисъ.** *Родное.* Рассказы офицера. Книга 1-я. Изд. автора. Нижний-Новгородъ. 1910. Стр. 128. Ц. 45 к.
- Хинтонъ, С. Х.** *Четвертое измерение и новая эра мысли.* Кн-во „Новый Человѣкъ“. П. 1915. Стр. 256+8. Ц. 1 р. 75 к.
- Чулковъ, Георгій.** *Вчера и сегодня.* Очерки. Изд. „Сѣверные дни“. М. 1916. Стр. 166. Ц. 1 р. 25 к.
- Чулковъ, Георгій.** *Люди въ туманъ.* Книга рассказовъ. Изд. „Сѣверные дни“. П. 1916. Стр. 177. Ц. 1 р. 25 к.
- Шевцовъ, Петръ.** *Бельгийцы.* Трагедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Изд. Келлеева. П. 1915. Стр. 75. Ц. 1 р.
- Шмелевъ, Ив.** *Карусель.* Рассказы. Т. VI. Кн-во Писателей въ Москвѣ. М. 1916. Стр. 226. Ц. 1 р. 25 к.
- Шмелевъ, Ив.** *Распадъ.* Т. I. Изд. 2-е. Кн-во Писателей въ Москвѣ. М. 1915. Стр. 223. Ц. 1 р. 25 к.
- Эрвинъ Розенъ (Карлэ).** *Изъ востоминаннн добровольца.* (Изъ эпохи войны 1898 г. между Америкой и Испаніей). Пер. съ нѣм. А. Острогорской. Изд. „Библиотеки юнаго читателя“. П. 1915. Стр. 136. Ц. 45 к.

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО.

Открыта под-
писка на 1916
годъ. (40-й г.
издания.)

Два еженедѣльные иллюстрированные журнала для дѣтей и юношества, основ. С. М. Макаровой и издаваемые Т-вомъ М. О. Вольфъ. Подписной годъ съ 1-го ноября 1915 г. — Первые №№ высылаются немедленно. 1 г. годов. подписч. журн. „З. Сл.“ для дѣтей младшаго возраста (отъ 5 до 9 лѣтъ) получаютъ 52 №№ и 48 премій, больш. стѣнн. картина „Нашъ другъ“, исполненная въ краскахъ худ. П. Чесноковымъ. 12 таблицъ „Живыя тѣни“ (звѣри, птицы и пр. въ силуэтахъ). 12 вып. „Маленькій всемирный историкъ“, въ рассказахъ и картинкахъ, составилъ С. Ф. Литвинцевъ. 3 вып. „Альбомъ дѣтскихъ работъ“, для мальчиковъ и дѣвочекъ. 12 листовъ для вырѣзыванія и склеиванія. 12 вып. „Родная старина въ картинкахъ“, П. Гурьева и П. Чеснокова, съ краткимъ текстомъ. 6 вып. „Моя первая книга рассказовъ о далекъ странахъ“. 3 тетради „Я учусь рисовать“. Начатки рисования для маленькиихъ дѣтей. Мурзилкина игра, 66 приключеній Мурзилки и его товарищей, лѣсныхъ человѣчковъ. 12 таблицъ „Здоровый и больной ребенокъ“, въ краскахъ, съ объяснительнымъ текстомъ д-ра Александровскаго (для родителей и воспитателей) и мног. друг. 1 г. годов. подписч. журн. „З. Сл.“ для дѣтей старшаго возраста (отъ 9 до 14 лѣтъ получаютъ) 52 №№ и 48 премій, 24 вып. „Собр. сочиненій Владимира Даля“. Издание для юношества. Выб. и ред. Н. Лернера, съ илл. Е. Лебедевой (2 тома). 12 №№ „Иллюстрированная хроника войны“ въ обраб. для юношества, которая составитъ 12 №№ приложения „Задушевное Эхо“. 12 таблицъ „Царство небесныхъ свѣтилъ“ съ объяснит. текстомъ. 16 вып. „Исторія кусочка хлѣба“. Соч. Жана Маса. Въ новой обраб. съ илл. 4 книжки „Библиотека спорта“, игры и занятія для юношества. 6 листовъ „Игры и работы“, модели для вырѣз., склеив., выпилив. и т. д. 12 таблицъ „Альбомъ автограф. знам. русск. людей“. Съ объяснительнымъ текстомъ. 3 вып. „Маленькій англійскій самоучитель“ по новѣйш. нагл. спос. 12 вып. „Библиотека повѣстей и рассказовъ“ для дѣтей старш. возр. Спутникъ школы. Календарь и записная книжка для учащихся за 1916—1917 учебн. годъ, съ прил., въ перепл. и мног. друг. Кромѣ того, при кажд. изд. высылаются: „Дѣтскія моды“ и „Задушевное воспитание“. Подписная цѣна каждого изд. „Задушевнаго Слова“ со всѣми объявленными преміями и приложениями, съ достав. и пересыл., — на годъ восемь рублей. Доп. разср. на 4 срок.: 1) при подп., 2) къ 1 янв., 3) къ 1 марта и 4) къ 1 мая — по 2 руб. Съ требованіями, съ обозначеніемъ издания (возраста), обращаться въ конторы „Задушеви. Слова“, при книжн. маг. Т-ва М. О. Вольфъ — Петроградъ: 1) Гостин. Дв., 18 и 2) Невскій, 13.

„Голосъ Минувшаго“.

Ежемесячный
журн. исторіи
и исторіи ли-
тературы
подъ редакц.

С. П. Мельгунова и В. И. Семевского. Открыта подписка на 1916 годъ (4-й годъ издания) и продолжается подписка на 1915 г. Журналъ, какъ и въ предшествующіе годы, будетъ имѣть въ виду интересы широкихъ круговъ интеллигентныхъ читателей, обращая вниманіе на темы, способствующія историческому пониманію текущей жизни. Журналъ иллюстрируется портретами. Подписчики на 1916 годъ имѣютъ право приобрести въ конторѣ журнала на льготныхъ условияхъ историческія книги изданія „Задруга“ (между прочимъ, издание „Масонство въ его прошломъ и настоящемъ“ за 18 руб. вм. 21 руб.). Условія подписки: на годъ 12 руб., на 1/2 года 6 руб. Для народныхъ учителей и учащихся допускается разсрочка. Подписка принимается: Въ конторѣ журнала Москва, М. Никитская, д. 29, кв. 6. — Кн-во „Задруга“, въ Петроградѣ: кн. складъ „Земля“ — Невскій, 55, К-ра журн. „Русскія Записки“ — Баскова, 9, Кн-во „Огни“ — Фонтанка, 60, кв. 2 и кн. складъ „Провинція“ — Стремянная, 6, а также во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ.

Двухнедѣльный журналъ **НОВАГО ТИПА**. 5 р. въ годъ за 24 №№. Открыта подписка на 1915—16 годъ (7-й г. изд.). Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками въ 5 печат. л. большого формата. За годъ выйдеть 24 №№ (около 2000 страницъ). „Бюллетени“ идутъ навстрѣчу потребностямъ той массы интел. читателей, которая лишена возможности знакомиться съ текущей печатью. Главная задача журн. — всесторонне отражать картину идейной, духовной жизни современности. „Бюллетени“ — это коллективная литер. памятка наиболѣе выдающихся явленій и фактовъ, вопросовъ и задачъ современности. За истекшій годъ въ „Бюлл.“ напеч. 238 ст. по самымъ разнообр. вопр. Кромѣ того даны: 1) сводъ отзывовъ о 360 книгахъ, 2) перечень около 2400 нов. кн., 3) содерж. болѣе 80 журн. за годъ и 4) библиографія по ряду отдѣльныхъ вопросовъ. Библиографія въ „Бюлл.“ ведется такъ полно, какъ ни въ одномъ изъ существ. журн. Въ такомъ видѣ она необходима для самаго широкаго круга читателей. Проспектъ журн. высылается бесплатно. Подписная цѣна: на годъ 5 р., 6 м. — 2 р. 50 к., 3 м. — 1 р. 25 к. За границу на годъ 6 р. Для сельск. учит. при непосредственномъ обращеніи въ контору на годъ 4 р. 50 к. Подписка приним. во всѣхъ книжн. магаз. и въ почт. учреж. Имѣются полные комплекты „Бюлл.“. Цѣна компл. за 1911/12 и 1912/13 гг. по 3 р. безъ перепл. и по 4 р. въ перепл.; за 1913/14 и 1914/15 гг. — 4 р. безъ перепл. и 5 р. въ перепл. Пересылка по вѣсу и разстоянію. Подписной годъ начинается съ 1-го сент. Можно подпис. съ 1-го числа кажд. мѣс. Контора и ред.: Москва, Хлѣбный пер., д. 1. Тел. 5-02-06. Издатели: В. Крандиевскій и В. Носенковъ. Редакторъ В. Крандиевскій.

„ПОВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Ежедневная, прогрессивная, политическая, общественн. и литературная газета. Открыта подписка на 1916 г. (XI годъ изданія). Въ газетѣ принимаютъ участіе: К. Балинъ, А. Высоцкій, Н. Ермолова, Н. Коробовъ, А. Луначарскій, Ин. Ракитникова, В. Сухомлинъ и мѣстные общественные дѣятели. Газета выходитъ въ г. Костромѣ ежедневно, кромѣ понедѣльниковъ и дней послѣ-праздничныхъ. Подписная цѣна съ пересылкой, на годъ 9 руб., 6 мѣс. — 4 р. 50 к., на 3 мѣс. — 2 р. 60 к. и на 1 мѣс. — 80 к. За перемѣну адреса 20 коп. Адресъ конторы и редакціи: г. Кострома, „Поволжскій Вѣстникъ“ Редакторъ — С. В. Лбовскій. Издатели — Бр. С. и В. Лбовскіе.

АРГУСЪ.

Первый и единственный въ Россіи общедоступный художественный ежемѣсячникъ. 4-й годъ изданія. Открыта подписка на 1916 годъ. Цѣна за годъ съ 7 преміями 7 руб.

Все, интересующее широкиѣ читательскіе круги, „въ Аргусѣ“. Лучшие писатели. Лучшие художники. Лучшие фотографы-корреспонденты. Въ 1916 году „Аргусъ“ предлагаетъ годовымъ подписчикамъ: семь богатыхъ премій, исполненныхъ въ мастерск. поставщ. Двора Е. И. В. Голике и Вильборгъ. Пять картинъ въ краскахъ, исполненныхъ лучшими русскими художниками: 1) И. Билибинимъ, 2) Н. Ре-ми, 3) проф. Н. С. Самокишемъ, 4) Степаномъ Колесниковомъ и 5) О Шарлеманомъ. Двѣ роскошныхъ гелиографюры: 6) Подвигъ казака — Н. И. Кравченко. 7) Оскверненная святыня — мещотинто. Первая премія разослана будетъ годовымъ подписчикамъ съ январьскимъ номеромъ „Аргуса“. Подписная цѣна на „Аргусъ“ съ семью преміями: 7 р. въ годъ, съ перес. 4 р. на полг., съ перес. Разсрочка: 4 р. при подп., 3 р. въ июль. Подписка на журналъ „Аргусъ“ съ преміями принимается во всѣхъ почтово-телеграфныхъ конторахъ Россійской Имперіи, книжныхъ магазинахъ и въ Главной Конторѣ журнала „Аргусъ“. Петроградъ, Сергѣевская, д. 17-б. Редакторъ Вас. Регининъ. Издатель Акц. О-во „Бюхромъ“.

ОМСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

ВІІ годъ изданія. Открыта подписка на 1916 годъ. Большая прогрессивная общественно-литературная и политико-экономическая газета. Газета издается въ Омскѣ и выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ. Подписная плата съ доставкой въ Омскѣ и пересылкой во всѣ мѣста Россіи и Сибири: на годъ — 9 р., на 6 мѣс. — 4 р. 75 к., на 3 мѣс. — 2 р. 50, к и на 1 мѣс. — 85 к. Для народныхъ учителей и фельдшеровъ подписная плата 6 р.

„ЖИЗНЬ ДЛѢ ВСѢХЪ“

Литературный, художественный, научный и политический журналъ. Выходящий седьмой

годъ подъ редакціей В. А. Поссе. Открыта подписка на 1916 годъ. „Жизнь для всѣхъ“ придаетъ огромное значеніе коопераціи; и она сама должна сдѣлаться изданіемъ кооперативнымъ. Редакція вводитъ, кромѣ „Товарищеской бесѣды“, отдѣлы: „Въ учительскомъ мѣрѣ“, „Въ рабочемъ мѣрѣ“, „Въ деревнѣ“, „Среди духовенства“, „Нужды государственныхъ служащихъ“. — Иллюстрировать нашъ журналъ попрежнему будетъ поэтъ-художникъ И. Н. Нефедовъ. — Кромѣ того, мы будемъ помѣщать на отдѣльныхъ листахъ портреты и снимки съ картинъ. — Съ января въ „Жизни для всѣхъ“ будутъ печататься очерки и рассказы М. Горькаго (Ледоходъ, Кладбище, Калининъ и др. изъ серіи „По Руси“). Въ видѣ приложеній подписчики въ 1916 году получаютъ: — I. В. I. Дмитріева. Повѣсти и рассказы въ 2-хъ томахъ (съ автобиографіей и портретомъ автора). По желанію подписчиковъ въ эти тома войдутъ и тѣ рассказы, которые уже были помѣщены въ „Жизни для всѣхъ“. — II. Э. Золя. Трудъ. Соціальныи романъ. — III. В. А. Поссе. 4 книги: 1. Любовь въ произведеніяхъ Л. Н. Толстого. 2. Тайны челоѳческой души въ творчествѣ Ф. М. Достоевскаго. 3. Русская жизнь въ произведеніяхъ А. П. Чехова. 4. Протестующая тоска въ творчествѣ М. Горькаго. — IV. А. А. Бунинъ. Исторія первобытнаго челоѳка (Введеніе въ исторію культуры). Много рисунковъ. — V. Религія. Буддизмъ. Религія евреевъ. Магометанство. Христіанство: 1. Православіе. 2. Католицизмъ. 3. Лютеранство и протестантизмъ. 4. Христіанскія секты. — VI. Русская природа въ изображеніи русскихъ поэтовъ, беллетристовъ и художниковъ. Много иллюстрацій. — VII. Міровая война. — VIII. Юридическая самопомощь. — IX. Календарь „Жизни для всѣхъ“ на 1916 годъ. Одинъ изъ отдѣловъ будетъ посвященъ специально законамъ и распоряженіямъ, касающимся всѣхъ видовъ коопераціи, съ подробнымъ указаніемъ, какъ открывать потребительныя общества, кредитныя товарищества и т. д. Подписчики 2-го изданія получаютъ всѣ вышеуказанныя приложенія (Дмитріева, Золя, Поссе, Бунинъ, Природа, Религія, Міровая война, Юридическая самопомощь, Календарь „Жизни для всѣхъ“). Подписчики 1-го изданія получаютъ „Юридическую самопомощь и Календарь „Жизнь для всѣхъ“. Подписная цѣна II изданія (со всѣми приложеніями) на годъ съ дост. и перес. 8 р., безъ дост. и перес. 7 р., за границу 12 р. Подписная цѣна I изданія (съ двумя прилож.) на годъ съ дост. и перес. 1 р., безъ дост. и перес. 3 р. 50 к., за границу 5 р. Вмѣсто разсрочки допускается подписка по полугодіямъ и четвертямъ безъ повышенія цѣны (т. е. 4 руб. на полгода для II изд., 2 руб. на полгода для I изданія). Адресъ конторы: Петроградъ, Улица Жуковскаго, 22.

„РЫБИНСКАЯ ГАЗЕТА“

Газета литературная, общественно-политическая и биржевая. Открыта подписка на 1916 — шестой годъ изданія. Задача газеты — возможно полнѣе освѣщать общественные и экономическіе интересы Поволжскаго края. Газета даетъ много оригинальнаго литературнаго матеріала. Подписная цѣна: на годъ — 5 р., на 1/2 года — 3 р., на 3 м. — 1 р. 60 к. и на 1 м. — 60 к. съ доставкой и пересылкой (можно марками). Адресъ конторы и редакціи: г. Рыбинскъ, Крестовая ул., 75, телеф. 433. Редакторъ-издатель Н. И. Любинъ.

1) „ЮНАЯ РОССІЯ“.

Открыта подписка на 1916 годъ на журналы:

(„Дѣтское Чтеніе“), ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для семьи и школы. Сорокъ восьмой годъ изданія. Журналъ допущенъ къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній, въ городскія, по положенію 1872 г., училища и въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки. Бесплатныя приложения къ журналу „Юная Россія“ на 1916 г.: Л. Н. Толстой. 1. Севастополь въ декабрѣ. 2. Севастополь въ маѣ. 3. Набѣгъ. 4. Рубка лѣса. 5. Кавказскій плѣнникъ. Съ рисунками художника К. Н. Фридберга. Подписная цѣна въ годъ 4 р. 50 коп. безъ перес., 5 р. съ перес., за границу 7 р.

2) „Педагогическій Листокъ“.

Журналъ для воспитателей и народныхъ учителей. Сорокъ восьмой годъ изданія. Журналъ выходитъ 8 разъ въ годъ, книжками до 5 листовъ. Подписная цѣна на „П. Л.“ 1 р. 75 к. безъ перес., 2 р. съ перес., за границу 3 р. Подписная цѣна на оба журнала 6 р. на годъ съ пересылкой, безъ пересылки 5 р. Адресъ редакціи: Москва, Б. Молчановка, д. № 18. Книгопродавцамъ уступка 5%.

„НАРОДНЫЙ УЧИТЕЛЬ“.

Еженедѣльный профессиональный и общественно-педагогическій журналъ. Открыта подписка на 1916 г. 40 №№ въ годъ. Москва, XI годъ изданія. Въ составъ сотрудниковъ вошли слѣдующія лица: И. Абрамовъ, И. Андреевъ, Я. Боринъ, Л. Будринъ, Н. Бочкаревъ, А. Быстровъ, И. Бѣлоконскій, В. Вахтеровъ, Э. Вахтерова, Г. Вологдинъ, В. Ворниковъ, В. Докинъ, Ф. Дьяковъ, Е. Елацичъ, Ф. Жаровъ, Е. Звягинцевъ, И. Зеленовъ, В. Зеленко, Е. Знаменская, С. Золотаревъ, В. Зельгеймъ, А. Ивашкинъ, Е. Иорданская, П. Казанцевъ, В. Кирьяковъ, Н. Колесниковъ, В. Костроминъ, Н. Капрановъ, И. Крапчатовъ, Т. Королевъ, С. Кудряцевъ, И. Ларинъ, С. Ларионовъ, С. Лебедевъ, К. Лебединцевъ, А. Локтинъ, П. Ломоносовъ, В. Лоскутовъ, Н. Лубенецъ, Т. Лубенецъ, Д. Любченко, К. Лѣиловъ, Н. Малиновскій, Н. Мальцева, К. Мачавариани, А. Милюковъ, В. Мрочекъ, В. Мурзавъ, Б. Надеждинъ, Ф. Косовъ, М. Обуховъ (Шоринъ), Н. Осѣвъ, И. Потемкинъ, Вл. Панченко, В. Прозоровъ, В. Пшеницынъ, вр. М. Рашковичъ, вр. Г. Ростовцевъ, Н. Румянцевъ, М. Русалевъ, А. Русановъ, Ф. Рябцевъ, П. Соломатинъ, Н. Скворцовъ, И. Скотниковъ, О. Смирновъ, И. Суходѣвъ, С. Сѣрополко, В. Тезяновъ, М. Тихомировъ, С. Хатунскій, К. Чеховъ, П. Черкасовъ, И. Фадеевъ. Живая связь съ народнымъ учительствомъ и земскими дѣятелями. Свыше 300 собственныхъ корреспондентовъ. Разнообразныя иллюстраціи. Постоянныя отдѣлы журнала: I. Вопросы народнаго образованія въ Государственной Думѣ. II. Въ учительскихъ обществахъ. III. Хроника народнаго образованія. IV. Изъ жизни заграничной школы. V. Народное образованіе въ земствахъ и городахъ. VI. Внѣшкольное образованіе. VII. Педагогическое обозрѣніе. VIII. Сообщенія съ мѣстъ. IX. Новости педагогической, учебной, дѣтской и народной литературы. X. Справочныя свѣдѣнія по народному образованію. XI. Въ помощь самообразованію. XII. Среди книгъ (библіографія). XIII. Школьная практика. XIV. Письма въ редакцію. XV. Почтовый ящикъ. Подписная цѣна 3 руб. на годъ. Допускается разсрочка: при подпискѣ — 2 р. и къ 1-му апр. — 1 руб. Подписавшіеся до января получаютъ №№ за декабрь бесплатно. Съ приложеніемъ 10 вып. „Библиотеки Народнаго Учителя“. Цѣна 5 руб. Всѣ 10 выпусковъ „Библиотеки Народн. Уч.“ внесшимъ полную годовую плату 5 руб. высылаются при № 1 журнала. Подписавшіеся же съ приложеніемъ „Библиотеки“ въ разсрочку получаютъ при № 1 журн. пять выпусковъ (при подпискѣ — 3 руб.) и къ 1 апр. еще пять выпусковъ (при доплатѣ 2 руб.). Адресъ редакціи: Москва, Тверск. заст., Царскій. 4. Редакторъ О. Н. Смирновъ. Издательница Л. П. Смирнова.

ВѢСТНИКЪ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

Открыта подписка на 1916 г. (VI г. издания). 12 №№ 4 рубля. Ежемѣсячный информационный, справочный и библиографическій журналъ. Издается при ближайшемъ участіи В. И. Чарнолускаго. Обще вопросы образования и воспитанія — Семейн. воспитаніе. — Дошк. воспитаніе. — Начальная и высшая нач. общеобразоват. школы. — Низш. професс. школа. — Образование ненорм. дѣтей. — Образование учащаго персонала. — Внѣшк. образование. — Самообразование. — Дѣтск. чтение. — Журналъ журналовъ по вопросамъ образования, воспитанія и самообразования. Размѣръ и программа журнала значительно увеличиваются. Условія подписки: — I. На „Вѣстникъ Нар. Образованія“ — 4 р.; отд. № — 50 к.: любит. издание съ печатью на одной сторонѣ — 6 р. — II. На особыя приложенія: — 1) Ежегодникъ нар. образованія. Годъ III (4 вып.) — 3 р.; — 2) Настольная книга по нар. образованию. Изд. 2. Годовой подписн. взносъ на очередн. выпуски — 3 р.; — 3) Спутникъ нар. учителя и дѣятеля нар. образованія. Изд. 2. — 75 к.; — „Вѣстникъ Нар. Образ.“ со всѣми приложеніями — 10 р. 75 к. — Полн. комплектъ „Вѣстника“ за 1911—1915 гг. (51 №№) — 7 р. — Отдѣльно отъ „Вѣстника“ подписка на особ. приложенія не принимается. — Разсрочка допускается только при подпискѣ черезъ контору журнала: при подпискѣ половина, остальные къ 1 апр. и 1 июля, поровну. — Желѣющие получить квитанцію, оплачиваютъ герб. сборъ (5 к.) и почт. пересылку. — Кн. магазины удерживаютъ 50%. Сокращенныя изданія „Вѣстника Народн. Образованія“: 1. Народная школа. Настольный ежемѣсячн. справочникъ для нар. школы и нар. учителя. 2. Внѣшкольное образование. Настольный ежемѣсячн. справочникъ для учреждений внѣшк. образованія. 3. Законы, циркуляры и сенатскія разъясненія по нар. образованію. Ежемѣсячн. справочн. журналъ. Подписная цѣна каждого журнала — 1 р.; съ прилож.: „Спутника нар. учителя и дѣятеля нар. образованія“ — 1 р. 75 к.; — „Настольн. книги по нар. образованію“ — 4 р. Подробные проспекты бесплатно. Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Невскій, д. 92, кв. 17. Редакторъ-Издатель Е. Ф. Проскуракова.

Коммерческая Школа и Жизнь.

(Четвертый годъ изданія.) Органъ, посвященный вопросамъ коммерческаго образованія и общественно-экономической жизни. Основная задача журнала — поднимать и освѣщать вопросы, касающіеся коммерческаго образованія въ Россіи. Журналъ ставитъ цѣлью ознакомлять, какъ съ общимъ состояніемъ русскаго народнаго хозяйства, такъ и съ отдѣльными его отраслями. Соотвѣтственно этому, „Коммерческая Школа и Жизнь“ является повременнымъ изданіемъ, стремящимся отмѣчать практическія требованія современной общественно-экономической, главнымъ образомъ, торгово-промышленной жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ способствуетъ выясненію значенія счетоводства для хозяйственнаго быта и распространенію бухгалтерскихъ знаній въ широкихъ кругахъ общества. Подписная цѣна: въ годъ (за четыре номера, въ течение учебнаго года, съ сентября по июнь, отъ 10—14 печ. лист. каждый) — 3 р., съ доставкой и пересылкой 3 р. 50 к. Цѣна отдѣльных номеровъ — 1 р. Льготная подписка для членовъ Общества Бухгалтеровъ Экономистовъ — 3 р. съ доставкой и пересылкой. Цѣна объявленій: III и IV стр. обложки: Цѣлая страница — 40 руб., $\frac{1}{2}$ стр. — 25 руб., $\frac{1}{4}$ стр. — 15 руб., $\frac{1}{8}$ стр. 10 руб. Въ самомъ журналѣ послѣ текста: Цѣлая страница — 25 руб., $\frac{1}{2}$ стр. — 15 руб., $\frac{1}{4}$ стр. — 8 руб., $\frac{1}{8}$ стр. — 5 руб. Построчно, за мѣсто, занимаемое строкою непарели въ 1 столбецъ, послѣ текста — 25 к. Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Невскій, 102. Тел. 29-24. Подписка на 1915—16 учебн. г. принимается въ Конторѣ ежедневно отъ 10 час. утра до 6 час. веч. Полный комплектъ (№№ 1—3) журнала за 1912—13 учебн. годъ продается за 2 р. 75 к., за 1913—14 г. и 1914—15 г. (№№ 1—4) по 3 руб. за каждый годъ.

Иногородные высылаютъ подписныя деньги почтов. переводами на имя редакціи. Редакторы: проф. М. В. Бернацкій и М. В. Побѣдинскій.

„РОДНОЙ ЯЗЫКЪ ВЪ ШКОЛѢ“.

Принимается подписка на 1915—16 г. на ежемѣсячный педагогическій журналъ для учителей начальной и средней школы. (2-й годъ издания. Подъ редакцией А. М. Лебедева.) Журналъ выходитъ ежемѣсячно (кромя юня и юля) книжками въ 4—5 листовъ большого формата въ два столбца. За годъ дается болѣе 500 стр. текста. „Родной языкъ въ школѣ“ за 1914—15 г. разошелся безъ остатка по подпискѣ. Задача журнала: Сберегая время и силы педагоговъ, журналъ „Родной языкъ въ школѣ“ ставитъ своей задачей знакомить широкіе круги учительства начальной и средней школы, какъ свѣтской, такъ и духовной, со всѣми новыми методами преподаванія родного языка и литературы, поскольку они находятъ отраженіе въ педагогическихъ журналахъ, отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ и руководствахъ и общей печати. Подписной годъ считается съ 1 августа по 1 августа. Условия подписки: Цѣна на годъ (съ доставкой и пересылкой) 3 р., на $\frac{1}{2}$ г. 2 р.; для народн. учит. земскихъ и церковн. школъ на годъ 2 р. 50 к., на $\frac{1}{2}$ г. — 1 р. 50 к. Такса за объявленія: Въ 1 стр.—30 р., въ $\frac{1}{2}$ стр.—15 р., въ $\frac{1}{4}$ стр.—10 р. Гл. подписчики, желающие получить квитанцію о взносѣ подписныхъ денегъ, благоволятъ добавлять къ подписной цѣнѣ 20 к. на пересылку квитанціи въ заказномъ письмѣ. Вышли №№ 1, 2, 3 за 1915—16 г. Учен. Ком. М. Нар. Пр., Учен. Ком. при Св. Синодѣ, Главн. Упр. военно-уч. зав. „Родной языкъ въ школѣ“ допущенъ въ фундам. библиотеки учит. институтовъ, семинарій, высш. нач. уч., кадетск. корпусовъ и др. уч. заведеній. Подписка принимается въ редакціи: — Ярославль. Мужская гимназія.

ДѢЛОВАЯ РОССІЯ. Органъ защиты отечественной промышленности и торговли, народнаго труда и хозяйства. Выходитъ съ 1914 года еженедѣльно. Особое вниманіе удѣляетъ мобилизаціи промышленности. Постоянные отдѣлы: 1) Обзоры торгово-промышленной и финансовой жизни. 2) Лѣчебные мѣста и источники Россіи. 3) Страховой. 4) Акционерный. 5) Биржа. 6) Справочный. Въ №№ еженедѣльника помѣщаются иллюстраціи, снимки чертежи, портреты и проч. При редакціи учреждено „Страховое Бюро“. Открыта подписка на 1916 годъ. (2-й годъ издания). Подписная цѣна: На годъ съ дост. и перес. — 9 руб. На полгода дост. и перес. 5 руб. За границу вдвое. Такса объявленій: За строчку непарелая: впереди текста — 1 р., позади текста 50 к. Повторныя объявленія по соглашенію. Редакція и Контора: Петроградъ, Вас. Остр., 15 линия, 70. Телефонъ № 660-57. Отдѣленіе Конторы: въ Москвѣ, Гельсингфорсѣ, Орлѣ, Кіевѣ, Оренбургѣ. Издательское Т-во „Дѣловая Россія“. Редакторъ П. В. Васильевъ.

„ИЗВѢСТІЯ МОСКОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ“.

Въ 1916 году будетъ продолжаться (40-й годъ) изданіе журнала. Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками отъ 10 до 15 печ. листовъ и раздѣляется на три отдѣла, по 12 номеровъ въ каждомъ: 1) Отдѣлъ Общій, посвященн. разработкѣ вопросовъ городской жизни въ Россіи и за границей, 2) Ежемѣсячный Статистическій Бюллетень по городу Москвѣ съ бесплатнымъ приложеніемъ „Врачебно Санитарная хроника“ и 3) отдѣлъ „Народное Образованіе“, въ которомъ помѣщаются статьи по вопросамъ народнаго образованія и обзоры дѣятельности въ этой области г. Москвы и другилъ русскихъ, а также и иностранныхъ городовъ. Цѣна журнала съ пересылкой во всѣ города Россіи: Отдѣлъ I: За 12 мѣс.—4 руб. 40 коп., 6 мѣс.—2 р. 20 к., 3 мѣс.—1 р. 20 к., 1 мѣс.—40 к. Отдѣлъ II: За 12 мѣсяцевъ 4 р. 40 к., 6 мѣс.—2 р. 20 к., 3 мѣс.—1 р. 20 к., 1 мѣс.—40 к. Отдѣлъ III: 12 мѣс. 3 руб., 6 мѣс.—1 руб. 50 коп. Подписка принимается: Москва, Городская Управа, Воскресенская площадь, зданіе Думы. Телеф. 262-91.

